

Российское
Н. П. Ерошкин
самодержавие

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Крепостническое самодержавие
и его политические
институты

Законодательный механизм России
периода буржуазных реформ
60–70-х гг. XIX в.

Самодержавие накануне краха

Н.П. Ерошкин

РОССИЙСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ

*К 75-летию
Историко-архивного
института*

*Москва
2006*

ББК 63.3(2)
УДК 930.85
Е 78

Ответственный редактор
В.А. Муравьев

Художник
М.К. Гуров

9 785728 109372

ISBN 5-7281-0937-3

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2006

Николай Петрович Ерошкин
и его труды по истории
российского самодержавия

Николай Петрович Ерошкин¹ родился 9 сентября 1920 г. в Москве, в старомосковской рабочей семье. Отец, Петр Евплович, металлист, квалифицированный рабочий-котельщик, трудился на московских машиностроительных предприятиях, кормил семью, участвовал в стачках 1905 года. Уже в советское время он стал техником, затем инженером и занимался котельными установками. Мать, Евдокия Тимофеевна, всю жизнь вела домашнее хозяйство. Окончив 8 классов средней школы, Н.П. Ерошкин начал самостоятельно зарабатывать на жизнь и занялся самообразованием. На два года позднее, чем сверстники, в 1939 г. он экстерном сдал экзамены за десятилетку и, получив аттестат, в этом же году поступил на исторический факультет Московского областного педагогического института (с 1957 г. – МОПИ им. Н.К. Крупской, ныне Московский государственный областной университет). В 1942 г., получив диплом с отличием, он был направлен учителем истории средней школы известного подмосковного совхоза «Коммунарка», центральная усадьба которого расположена километрах в 12-ти от Калужской заставы, тогдашней окраины Москвы. Ни в армию, ни в ополчение его не взяли: сильная близорукость и болезнь сердца. Сам Николай Петрович спустя много лет как-то с юмором вспоминал о том, что из-за некоторого «самоучного» знания польского языка его в 1942 г. пытались вербовать в формирующуюся в СССР армию генерала Андерса.

В октябре 1943 г. Н.П. Ерошкин поступил в аспирантуру Московского государственного историко-архивного института по кафедре истории СССР, но практически из-за недостатка преподавательских кадров ему пришлось не столько работать над диссертацией, сколько вести семинары, читать лекции по истории СССР вечерникам и заочникам. Осенью 1946 г., по формальном окончании аспирантуры, Н.П. Ерошкин был зачислен в институт штатным преподавателем.

В это время в Историко-архивном институте складывалась совершенно особая аудитория. Возвращались студенты и студентки, уходившие воевать, стали поступать фронтовики, юноши и девушки – вчерашние школьники, отстоявшие войну у станка. В 50–70-е годы многие из них стали специалистами Главного архивного управления при Совете Министров СССР и центральных государственных архивов страны, учеными, журналистами и литераторами, преподавателями Историко-архивного института и других вузов. Но это потом. А во второй половине 40-х годов это была аудитория, равная по возрасту многим своим молодым преподавателям, но, в отличие от них, выдавшая всякие виды; стосковавшаяся по мирной жизни и знаниям, но еще не умеющая жить этой жизнью; лихая и дерзкая, но познавшая высшие формы дисциплинированности; уверенная в себе, но пока еще наивно невежественная. С ними чуть попроще было преподавателям, прошедшим войну в шинелях (М.А. Пережогин, И.Ф. Угаров, Н.В. Устюгов, М.Н. Черноморский и другие), хотя и здесь больше зависело не столько от пройденной войны, сколько от таланта, такта, «меры экстравертности» преподавателя. Таким же, как Н.П. Ерошкин, нужно было формировать свою научно-педагогическую репутацию с самого сначала: учиться «держат удар», быть близким ученику – и держать дистанцию, продумывать каждое слово, каждую черту собственного облика, каждый поступок – и, не дай Бог, если бы что-нибудь оказалось искусственным, надуманным, чужим: не простили бы (бывало, кое-кому и не простили, не простили и потом). И все это в послевоенной идеологической ситуации...

У Николая Петровича все получалось как будто легко и естественно. Природа одарила его, еще очень молодого, естественной, чуть старомодной интеллигентностью. Постоянный труд в библиотеках и архивах дал широкие познания. Глубокий басовитый голос, за которым всегда слышалась легкая усмешка, неизменная в те годы трубка, легкий налет барства во внешнем облике и неторопливое внимание к собеседнику, неспешные суждения во всех случаях, когда к нему обращались. Он мог, умел казаться грубоватым – но в его лексиконе, за редкими случаями, не было ни единого грубого слова. Он мог потрясти аудиторию резкостью, «пограничностью» шуток, остроты, исторического анекдота – но они были «к месту» и не были ни плоскими, ни хамскими. Предельно собранный и необычайно интересный на лекции (студенты других курсов приходили послушать его), предельно жесткий и меткий на экзамене (слагались легенды), он, казалось, легко и просто расслаблялся в кругу приятелей, коллег, учеников. Не было заготовленных «на случай» лиц и жестов – был естественен.

Не рвался в лидеры – но нередко в тех или иных обстоятельствах оказывался неформальным лидером или входил в лидирующую группу, настаивавшую на своем, как правило «профессорском», а не административно-силовом решении назревшей проблемы. Умело ориентировался в служебных и партийных интригах, особенно в наиболее опасное послевоенное десятилетие – но не был ни среди «приближенных», ни среди ретиво осуждающих, не попадал и в число сурово судимых (хотя по обыкновению тех лет и ему временами перепадало и в партбюро, и на партийных собраниях). Почти никогда – даже в крайне неприятных для него ситуациях – не доходило до заметных признаков растерянности: самообладание было редкое (лишь однажды автору этих строк, его студенту, его коллеге, а в последнее десятилетие его жизни вошедшему и в круг его друзей, довелось увидеть Николая Петровича растерянным – и то не в неприятной, а в смешной ситуации). Умел внушать почтение к себе и в необходимых случаях крепко «давить» на собеседника или аудиторию, но «из берегов» выходил крайне редко – зато столь же крепко. Что здесь было врожденным, а что продуманным, воспитанным временем, необычной аудиторией и собою самим, а затем вошедшим в привычку, в облик – границу провести невозможно. Облик мало менялся со временем – разве что в пожилом возрасте стал одновременно и немного капризнее, и ощутил себя старейшиной в кругу общения (уходили коллеги – учителя, сверстники, друзья) со многими достоинствами и с естественными недостатками этого положения, и – стал мягче.

В 1946 г., в послевоенном институте, молодого преподавателя ожидало и особое место, и особые мытарства, связанные с этим местом.

Еще до войны в учебные планы института была заложена одна из действительно необходимых историку-архивисту дисциплин – история государственных учреждений. Каждому архивисту известно, что основными фондообразователями Государственного архивного фонда страны являются учреждения. В архивохранилищах подавляющую массу документов составляли (и составляют до сих пор) бумаги, возникшие в результате деятельности многочисленных государственных учреждений – высших (от Боярской думы до Верховного Совета СССР), центральных (приказов, коллегий, министерств, комитетов и др.), многочисленных местных (от губных и земских изб до сельсоветов) и иных – чрезвычайных, временных и т. д. Историку-архивисту невозможно работать без знания принципов, на основании которых возникали те или иные системы учреждений, без знания самих учреждений, их эволюции, функций и границ их деятельности,

взаимных отношений, внутренней структуры учреждений. Однако ни соответствующей научной дисциплины, ни лекционных курсов, ни методов обучения до образования Историко-архивного института не существовало. Юридические факультеты дореволюционных университетов накопили огромный опыт в исследовании и преподавании истории права. Но в рамках этой научной дисциплины учреждения рассматривались либо в философско-правовом аспекте, либо выступали в качестве субъектов и объектов права; вопросы их организационного устройства в лучшем случае едва затрагивались. Более того, сама история права пострадала с упразднением в 1918 г. юридических факультетов университетов и стала восстанавливаться с середины 1930-х годов уже как история государства и права.

До войны и во время войны с системным преподаванием истории государственных учреждений в Историко-архивном институте дело долго не могло наладиться. Александр Николаевич Сперанский, работавший в Историко-архивном институте с 1934 г., стал включать в курс дипломатики, читавшийся им по кафедре истории народов СССР, сведения по истории государственных учреждений России. На этой же кафедре готовились исследователи истории государственных учреждений – А.В. Чернов, занимавшийся вооруженными силами Российского государства XVI–XVII вв., Д.С. Бабурин, защитивший диссертацию по истории Мануфактур-коллегии, В.З. Джинчарадзе, занявшийся учреждениями XIX в. (двое последних вместе с А.Н. Сперанским и вместе с начинавшейся дисциплиной вошли в 1939 г. в состав новообразованной кафедры вспомогательных исторических дисциплин). Война и ранняя смерть проф. А.Н. Сперанского в январе 1943 г. оставили курс «бесхозным», затем он был передан на кафедру истории и организации архивного дела. Читались лишь части курса, которые усваивались «с голоса», с помощью переходящих из рук в руки студенческих конспектов.

Вот почему молодому преподавателю (с 1949 г. старшему преподавателю) поручили этот курс, а первой же его опубликованной работой в 1946 г. стала программа курса, переизданная в 1951 г. в соавторстве с Б.Г. Слицианом².

Курс нужно было создавать заново. Первые задачи состояли в том, чтобы выделить собственно исторический объект, сформулировать предмет и задачи изучения, определить отношения новой дисциплины с государствоведением и историей права, найти ее место в системе исторических наук, определить ее связи с архивоведением, наметить принципы и методы изучения. Предстояло создать «словник» – перечень подлежащих изучению учреждений, провести их первичную классификацию по времени и

по системам, по «вертикали» и «горизонтали», определиться с периодизацией и, следовательно, структурой курса, сформировать его первичную эвристическую основу – списки подлежащих изучению источников и литературы. Далее предстояло самое трудное. В предшествующей историографии более всего были изучены приказы XVI–XVII вв.; коллегии и министерства дореволюционной России значительно меньше. Что же касается местных учреждений дореволюционной России и всех учреждений советского времени, то их история – за редкими исключениями, как, например, провинциальные учреждения 1719–1727 гг.³ – представляла собою почти сплошное «белое пятно». Время существования учреждений, причины и цели создания, реорганизации, ликвидации, их правовое положение, функции, компетенция, место в государственном аппарате страны, организационно-штатная структура учреждений и ее изменения, руководители, кадры чиновников, источники и объемы финансирования, расхождения между намерениями и волей законодателя, создававшего учреждения, и реальным положением вещей – это и многое другое могло быть установлено только в результате работы в архивах. Один человек мог начать эту работу (как начинал А.Н. Сперанский), сделать ее часть, но поднять ее всю в одиночку было невозможно. Для формирования «стандартного» курса нужно было создавать группу преподавателей-исследователей и вовлекать в этот процесс студентов-дипломников.

Мытарства же состояли в том, что этот курс стоял особняком и был на положении дальнего родственника-приживалы для кафедры истории и организации архивного дела, занятой главным образом историей теоретических принципов и подходов архивоведения, историей и составом архивов и коллекционных собраний в стране и за рубежом. Ситуация еще более усугубилась, когда дисциплину – вместе со сформированной Н.П. Ерошкиным из своих учеников основой ее научно-педагогических кадров – на рубеже 60–70-х годов передали в состав новообразованной кафедры государственных учреждений и управленческого труда. Здесь преобладали «вышедшие в тираж» практики-управленцы, отставные инженеры из военно-промышленного комплекса – разработчики систем управления и паведения, проповедники научной организации труда и апостолы существующей системы управления народным хозяйством. Для них эта дисциплина была совершенно чуждой; положение не спасало и то, что в 1972–1973 гг. Н.П. Ерошкин исполнял обязанности заведующего этой кафедрой. Тем не менее и дисциплина заново создавалась, и вместе с нею окончательно сформировался круг интересов научной и научно-педагогической деятельности Н.П. Ерошкина.

Самым значительным событием поры научно-педагогической молодости для Николая Петровича стала встреча с профессором Московского университета, выдающимся историком, инициатором и организатором целого ряда научных начинаний и изданий Петром Андреевичем Зайончковским (тогда, в конце 40 – начале 50-х годов, доцентом Историко-архивного института). Под его руководством Н.П. Ерошкин выполнил и в 1952 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Военно-окружная реформа 1862–1864 гг.». Выбор темы был удачен. Прежде всего, она вписывалась в работу Н.П. Ерошкина над общим курсом истории государственных учреждений: история военного и полицейского аппарата, естественно, занимали в нем одно из центральных мест. Военная реформа 60 – первой половины 70-х годов в целом и военно-окружная реформа как ее часть, проведенные под руководством Д.А. Милютина, были завязаны на весь комплекс либеральных реформ и наряду с судебной реформой принадлежали к числу наиболее удачных из них. Надо отметить и то, что П.А. Зайончковский в своих трудах неизменно высоко оценивал деятельность Д.А. Милютина, что в эти годы было непросто. Наконец, после войны, после Победы это была довольно спокойная тема, не предполагавшая перетряхивания ученого мира, «погрязшего», с точки зрения власти и ее идеологического аппарата, в «космополитизме» и «буржуазном объективизме».

С защитой кандидатской диссертации в 32 года пришла пора научной зрелости. Курс истории государственных учреждений, читавшийся Н.П. Ерошкиным, быстро стал и явлением, и легендой Историко-архивного института. Лектором он был блестящим. «Долгие годы лекции Николая Петровича, – пишут его ученики, профессора А.Е. Иванов и А.Д. Степанский, – славились не только богатейшим содержанием, но и блестящей формой... Это была своего рода устная живопись. Ее изобразительный ряд составлялся историческими фактами, цветовой палитрой был безупречный литературный язык и модулирующий голос оратора, то буднично ровный, то рокошуще обличительный, то иронично снисходительный, то саркастический»⁴. А.В. Крушельницкий, ученик Н.П. Ерошкина, а ныне доцент кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций, вспоминает: «Это было настолько захватывающе ярко и интересно, что даже обескураживало, сидели чуть ли не с раскрытыми ртами (во всяком случае тишина в аудитории стояла редкостная – лишь густой голос Николая Петровича), а заканчивалась лекция – и в конспекте почти ничего не записано! Невольно было писать: следили за ярким повествованием. Лектор увлекался, а за ним и все студенты, именно все. Не то было в

семинаре. Там Николай Петрович молчал и лишь направлял докладчиков краткими замечаниями. Тем с большим трепетом ждали его завершающих слов. Подводил итоги он всегда кратко и был скуп на похвалы. Высшая оценка: “С задачей автор справился”. Но как же редко это звучало!»⁵

Наряду с общим лекционным курсом Н.П. Ерошкин читал специальные курсы «Основные особенности государственных учреждений дореволюционной России», позднее – «Государственный строй России в 1917 году», привлекавший студентов и аспирантов малоизвестными и неизвестными ранее фактами о последних месяцах династии Романовых. Из года в год он вел специальные семинары «Государственный аппарат России в начале XX века», «Государственные и общественные организации России в 1917 году».

Первые плоды работы над курсом истории государственных учреждений выразились в издании двух выпусков конспектов лекций⁶. Появились первые крупные статьи по истории государственного аппарата – в многотомной «Истории Москвы», в «Трудах» Историко-архивного института, в научной периодической печати⁷. Наряду с методами исследования истории государственного аппарата была поставлена методика подготовки курсовых и дипломных работ по этой дисциплине. Нужно заметить, что еще с довоенных лет в Историко-архивном институте складывалась традиция написания дипломных работ по архивным материалам: в послевоенные годы ее развивали архивоведческие кафедры, кафедра истории СССР досоветского периода, кафедра вспомогательных исторических дисциплин – и Николай Петрович Ерошкин. Его студенты-дипломники отправлялись в центральные и местные архивы, добывая по крупицам материал для своих исследований и для курса. Сам Н.П. Ерошкин с этой поры и до конца жизни почти ежегодно месяц из каждого летнего отпуска (а иногда и дважды в год, используя зимние студенческие каникулы) проводил в Ленинграде, где в Центральном государственном историческом архиве СССР (ныне Российский государственный исторический архив) хранились материалы наиболее привлекавшего его «министерского» периода (1802–1917 гг.). В московских архивах можно было работать среди учебного года. Появились первые аспиранты. Теперь о курсе можно было заявить не скромными институтскими выпусками, а «полноформатной» книгой. Учебником делать ее было рано – появились «Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России»⁸, положительно оцененные научной печатью двух заинтересованных в них стран, Советского Союза и Польской Народной Республики.

Отсюда уже была прямая дорога к учебнику. Через пять лет в соавторстве с А.В. Черновым, заведовавшим кафедрой истории и организации архивного дела и написавшим текст о «приказном» периоде, и Ю.В. Куликовым, занимавшимся историей делопроизводства, Н.П. Ерошкин – главный организатор дела – выпустил под титулом вуза учебное пособие с несколько измененным названием⁹ (вместо «дореволюционной России» значилось «до Великой Октябрьской социалистической революции»). Из 26 авторских листов Н.П. Ерошкин написал 17. Впрочем, попытка создать симбиоз учебного пособия и справочника оказалась неудачной. Книга вышла перегруженной трудно усваиваемым материалом¹⁰ и применения почти не получила. Нужно было искать другие пути.

Учебник был выпущен спустя три года, в 1968 г., уже издательством «Высшая школа»¹¹. Н.П. Ерошкин как автор выступил один и вернулся к первоначальным текстам, как основе, и к первоначальному названию книги – как в изданиях своих лекций и в «Очерках». Эту книгу, в значительной мере дополненную и переработанную, он всегда считал вторым изданием по отношению к «Очеркам». Учебник разошелся молниеносно – даже более, чем студентами (своего вуза и других исторических факультетов), он был востребован архивистами, историками, учителями. Третье издание вышло в 1983 г.¹² и через год было удостоено серебряной медали Выставки достижений народного хозяйства СССР. Четвертое, подготовленное учениками Николая Петровича – Анатолием Евгеньевичем Ивановым и Александром Давидовичем Степанским – было посмертным¹³.

В процессе работы над курсом и учебником у Николая Петровича вырисовывалась тема и проблема докторской диссертации. В том, что она будет посвящена высшему государственному аппарату России в XIX столетии, ни малейших сомнений не возникало. Но слишком различны две части столетия – дореформенная и пореформенная. В исследовании самодержавия пореформенной поры было уже много сделано учителем Николая Петровича – Петром Андреевичем Зайончковским. В тот год, когда Н.П. Ерошкин защищал диссертацию о военно-окружной реформе, П.А. Зайончковский выпустил обобщающее исследование о военной реформе в целом¹⁴. Затем последовали его статьи и книги о крестьянской реформе¹⁵, о кризисе самодержавия на рубеже 70–80-х годов¹⁶, готовилась книга о российском самодержавии времени контрреформ, которая и вышла в 1970 г.¹⁷ Первая же половина XIX столетия в интерпретации отечественной историографии 60–70-х годов состояла, главным образом, из революционного и крестьянского движения (декабристам, кружкам и

обществам рубежа 20–30-х годов, В.Г. Белинскому, А.И. Герцену и Н.П. Огареву, крестьянским волнениям и бунтам были посвящены горы литературы), русской культуры и науки, Отечественной войны 1812 года, деятельности русской дипломатии. Особо стояли фундаментальные труды Н.М. Дружинина о государственных крестьянах и реформе управления ими и И.Д. Ковальченко о крепостном крестьянстве России первой половины XIX в. Внутриполитическая же история страны этого времени была изучена недостаточно: преобладали событийная история и классово-политические оценки личности Александра I, Николая I и их сановников. Потому выбор темы докторской диссертации Н.П. Ерошкина остановился на истории управления Россией в первой половине столетия. Надо сказать и то, что к подобной проблеме был готов и сам историк: в знании истории государственности России первой половины XIX в. ему не было равных. Докторская диссертация «Основные тенденции развития высшей государственности феодально-крепостнической России первой половины XIX века» была защищена в 1973 г. П.А. Зайончковский был одним из ее оппонентов.

Докторская степень открывала путь к созданию самостоятельной кафедры. 29 октября 1975 г. Н.П. Ерошкин возглавил кафедру истории государственных учреждений и общественных организаций СССР, сформированную им из его учеников – Т.Г. Архиповой, Т.П. Коржихиной, Т.М. Смирновой, А.Д. Степанского; чуть позднее, защитив кандидатскую диссертацию, пришел С.П. Стрекопытов. У каждого из них, не без воздействия Н.П. Ерошкина, наряду с личными научными интересами, был сформирован круг «кафедральной ответственности»: А.Д. Степанский – история государственных учреждений и общественных организаций России конца XIX – начала XX в.; Т.П. Коржихина – история советской государственности и история общественных организаций СССР; Т.М. Смирнова – история советских учреждений 1917 – середины 1930-х годов; Т.Г. Архипова – история государственных учреждений СССР и РСФСР от времени Великой Отечественной войны до современности; С.П. Стрекопытов – история управления советской промышленностью, история научных и научно-технических организаций СССР. Вместе они составили на редкость единый и хорошо слаженный научно-педагогический организм – одну из наиболее сильных кафедр Историко-архивного института. В апреле 1976 г. Н.П. Ерошкину было присвоено ученое звание профессора по кафедре истории государственных учреждений и общественных организаций СССР.

Во второй половине 70–80-х годов Н.П. Ерошкина постоянно приглашали для научных докладов и выступлений Государ-

ственный Эрмитаж, Государственный исторический музей, Союз советских писателей, центральные государственные архивы СССР. Он достойно представлял Историко-архивный институт, которым дорожил всю жизнь, не соглашаясь на заманчивые предложения о перемене места работы.

Значительно расширился и круг обязанностей Н.П. Ерошкина в институте и в Министерстве высшего и среднего специального образования РСФСР. В 1976–1979 гг. он занимал должность проректора Историко-архивного института по научной работе. Эта работа, больше бумажная, бюрократическая, в условиях скудного бюджетного финансирования и фактического отсутствия прав и самостоятельности в распоряжениях, считалась почетной, но не приносила удовлетворения. Важнее было другое – в качестве проректора Н.П. Ерошкин возглавил Специализированный совет по защите докторских диссертаций по историографии и источниковедению, архивоведению, документоведению, документалистике (с 1975 г.), а в Минвузе – Головной совет по архивоведению, документоведению и научно-технической информации (с 1979 г.). В первом случае влияние Н.П. Ерошкина выразилось прежде всего в том, что Специализированный совет, ранее собиравшийся раз в 2–3 месяца и крайне редко рассматривавший диссертации «со стороны», стал работать интенсивнее, собираясь практически ежемесячно. Проректор по научной работе оживил деятельность аспирантуры вуза, стал энергично привлекать соискателей ученых степеней из центральных и московских государственных архивов, крупных делопроизводственных служб. При этом качество работ, защищенных в Совете, не вызывало нареканий Высшей Аттестационной комиссии, несмотря на случаи очень острых, полемических защит; бывали даже отказы в присвоении ученой степени. В Головном совете Н.П. Ерошкин помогал становлению в других вузах страны специальностей, возникших в Историко-архивном институте («историко-архивоведение», «документоведение и организация государственного делопроизводства», «научно-техническая информация»), привлекал преподавателей Историко-архивного института для обмена опытом и экспертизы разрабатываемых в этих вузах учебных планов, программ, пособий.

Через кафедру истории государственных учреждений и общественных организаций СССР проходили сотни дипломников всех форм обучения. Окрепла аспирантура. Под руководством Н.П. Ерошкина было защищено свыше 40 кандидатских диссертаций. Семеро из его учеников – Т.Г. Архинова, Ю.С. Воробьева, А.Е. Иванов, Т.П. Коржихина, А.Д. Степанский, С.П. Стрекопытов, М.Ф. Юрий – стали докторами исторических наук.

Во второй половине 60–70-х годов Н.П. Ерошкин был завален заказами и много писал для изданий Главного архивного управления при Совете министров СССР, для энциклопедических изданий. Работа эта была особенна тем, что в предшествующих справочниках и энциклопедиях, дореволюционных и советских, не было аналогов, не было, за редкими исключениями, тех понятий и терминов, о которых надо было писать. Рутинная – в других условиях – работа в данном случае неизбежно превращалась в тот труд, когда сухой справке должно предшествовать концептуальное видение объекта. Среди таких публикаций Н.П. Ерошкина – вводная статья «Высшие органы государственной власти и управления РСФСР» к одноименному справочнику¹⁸, свыше 200 статей в Советской исторической энциклопедии и 3-м издании Большой советской энциклопедии, затем в Советском энциклопедическом словаре и энциклопедии «Москва», посвященных реформам, учреждениям, общественным организациям, официальным изданиям, высшим чиновникам дореволюционной России и др. С середины 70-х годов после учебника – главного дела преподавателя – наступила пора монографий, дискуссий, проблемных статей, поиска тем «для души».

Две публикуемые в этом издании монографии Н.П. Ерошкина – истории их создания мы специально коснемся далее – вышли в обратном хронологическом порядке. Сначала была издана написанная специально по заказу издательства «Просвещение» книга о российском самодержавии конца XIX – начала XX в.¹⁹ Затем была переработана в монографию докторская диссертация, вышедшая в свет под другим, новым названием²⁰. Дискуссионные выступления Н.П. Ерошкина были связаны с обсуждением в журнале «История СССР» вопроса о классовой сущности российского абсолютизма²¹ и с привлечшей внимание советской историографии в конце 70-х годов проблемой сущности государственного строя России после революции 1905–1907 гг.²² Одной из тем «для души» у Н.П. Ерошкина, незаурядного и страстного лектора, стала история ораторского искусства. Посвятив две статьи искусству речи выдающегося юриста России А.Ф. Кони²³ и одного из самых неординарных российских историков А.П. Щапова²⁴, он выпустил небольшую книгу, посвященную почти совершенно забытому к этому времени, возникшему по инициативе А.Ф. Кони и просуществовавшему несколько лет в Петрограде необычному общественному учреждению – Институту живого слова²⁵. Другая тема «для души» возникла из заказной работы. Министерству высшего и среднего специального образования СССР на рубеже 70–80-х годов передали для представительских функций Алмазово – подмосковную усадьбу известных ураль-

ских заводоладельцев Демидовых с условием ее восстановления и реставрации. Министерство обратилось в Историко-архивный институт, в его Научно-исследовательский сектор, с заказом на выявление документов по истории усадьбы и ее историческое описание. Возглавив эту работу по договору с сектором и выполняя для министерства формальные договорные обязательства, Н.П. Ерошкин написал небольшую (5 авт. листов) научно-популярную книгу «Алмазово. История забытой усадьбы» (передана в 1987 г. в издательство, но осталась неопубликованной).

Три научные проблемы особенно привлекали Н.П. Ерошкина в годы жизни, оказавшиеся последними, – и все они были связаны с развитием курса истории государственных учреждений России.

Первая, фундаментальная – это история местного управления, местных учреждений, проблема слабо разработанная в исторической и государственведческой литературе, но уже подспудно актуальная в 1980-е годы. Н.П. Ерошкин как ученый университетского образа мысли и действия начал с чтения и публикации специального курса о местных учреждениях дореформенной России²⁶; впоследствии он предполагал прочесть и написать значительно более сложную историю местных учреждений пореформенного периода, а затем – однозначного решения еще не было – либо «нагрузить» новое издание учебника (в любом случае он думал о его коррекции), либо подготовить новую книгу.

Вторая проблема – история Временного правительства и той институциональной системы, которая существовала в России с марта по конец октября 1917 г. Здесь он еще «прицеливался», не решаясь сразу вынести в студенческую аудиторию свои размышления (представлять студентам эмпирический материал без его хотя бы первичного концептуального осмысления было не в его манере). Предоставлялся удобный случай – 70-летие Октябрьской революции. В статье в сборнике к 90-летию акад. И.И. Минца Н.П. Ерошкин оценил Временное правительство – в духе времени, собственного менталитета (историк-марксист), но, кроме того, и понимания невозможности чудес в истории, особенно в истории государственного аппарата – как модифицированное продолжение старого режима²⁷. Свидетельством большого внимания к реальной истории государственности в 1917 г. стали его статья «Временное правительство», 16 небольших статей об отдельных государственных учреждениях времени марта–октября 1917 г., о сословиях и три схемы-разворота – «Советы, общественные учреждения и организации накануне Великой Октябрьской социалистической революции», «Высшие и центральные учреждения Временного правительства», «Важнейшие местные

учреждения Временного правительства» – помещенные в юбилейной энциклопедии²⁸. Тогда же Н.П. Ерошкин выступил как составитель ряда схем и комментатор атласа по истории Октябрьской революции²⁹.

Третья проблема – «русский Амбургер». Н.П. Ерошкин высоко ценил справочный (по преимуществу) труд немецкого историка Э. Амбургера о властных структурах России в XVIII – начале XX в.³⁰ Отмечая в деловых беседах естественные для зарубежного исследователя недостатки (некоторые пропуски, недостаточность сведений о функциях и структуре государственных учреждений России, недостаточное знание высшего чиновничьего звена и др.), он размышлял о создании сводного и значительно более полного и точного отечественного справочника по истории государственных учреждений. В результате трудоемких, но плодотворных переговоров с Главархивом СССР, с руководством и научными сотрудниками Центрального государственного исторического архива (ныне: Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург) ему удалось привлечь значительные научные силы к подготовке справочника «Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801–1917 гг.». Для этого издания Н.П. Ерошкин написал обширную (6 авт. листов) вводную статью «Государственность России XIX – начала XX вв.», разработал типовые формуляры статей описания, много работал сам над текстами, подготовил к печати два первых тома. Но справочник выходил уже без него³¹; первый том был посвящен памяти профессора Н.П. Ерошкина.

«Приличная профессура умирает стоя», – однажды заметил Николай Петрович в дружеском застолье с профессором Владимиром Евгеньевичем Иллерицким и автором этих строк. Владимир Евгеньевич осенью 1982 г., прочитав лекцию и проведя на кафедре консультации, один спустился в метро – ехать домой – и только и успел, что схватиться за сердце. Николай Петрович 30 января 1988 г. возвращался из Ленинграда – счастливый, с горой материала для уже третьего тома «Высших и центральных государственных учреждений России». В вагоне было очень тепло, утро же стояло морозное, за 20. Позвонил домой, сел в такси бодрый настолько, что совершенно забыл о таблетках. Разницу температур почти в 50 градусов больное сердце не вынесло.

В настоящее издание вошли три работы Н.П. Ерошкина, в совокупности наиболее полно и цельно раскрывающие его взгляд на российское самодержавие XIX – начала XX в. Это книга «Крепостническое самодержавие и его политические институты»³², статья «Законодательный механизм России периода буржуазных

реформ 60–70-х годов XIX в.»³³ и книга «Самодержавие накануне краха»³⁴.

Обращение к этим трудам Н.И. Ерошкина носит не только историографический, мемориальный характер. Действительно, они достойно представляют одно из научных направлений, складывавшихся в Историко-архивном институте, со всеми особенностями этого направления: новой, уникальной тогда научной дисциплиной (история государственных учреждений), междисциплинарным синтезом (история, архивоведение, государствоведение, история права и др.), массированным введением в научный оборот новых архивных документов, глубоким анализом исторических источников, приводившим, как правило, к отходу от репродуцируемых политико-идеологических штампов. В этом смысле можно говорить о научно-педагогической школе Историко-архивного института и ее классическом наследии: в пору безусловного доминирования идеологии над наукой, трансляционного типа образования над развивающим его типом, мифа над фактом в институте были силы, сохранявшие и развивавшие традиции, принципы и методы науки³⁵. В историографическом отношении – это и благодарная память Николаю Петровичу Ерошкину, чьи труды сыграли большую роль в подъеме Историко-архивного института от утилитарного архивного «техникума», каким он был задуман при его основании в начале 1930-х годов, к известному и уважаемому уже более шести десятилетий научно-педагогическому центру.

Но проблема эта не только историографическая, хотя переиздание трудов Н.П. Ерошкина еще раз напоминает о том, как в условиях идеологизации и неизбежной при этом вульгаризации исторического прошлого наука отстаивала свое достоинство. Верность историческому факту, профессионализм и историзм ученого даже помимо его субъективных желаний противостояли цитатно-догматическим подходам к прошлому, а глубокие и обоснованные оценки самодержавия сама история нашей страны актуализировала в позднейшей истории и в оценках самодержавного «наследия» – тоталитаризма и авторитаризма. Труды Н.П. Ерошкина и прямо, и опосредованно – через Метод, через созданные им в 60–70-е годы научные модели – участвовали в формировании современной исторической науки. Естественно, время коснулось и их: мы встретим на их страницах и неизбежную дань цитатническим рефлексам советской исторической науки, и продуманное употребление обязательных идеологических шаблонов, и естественный анахронизм подходов того времени, которое не знало иного Бога, чем государство и государственность (и даже этому Н.П. Ерошкин противоречил, назвав свою

кафедру Кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций и проявляя огромный, но нереализованный интерес к органам местного управления и самоуправления). В отношении же концептуальное время коснулось трудов Н.П. Ерошкина в меньшей степени. Вот почему они входят в это издание в неизменном виде: участвуя в жизни современной науки, они сохраняют облик своего времени.

Первая из публикуемых здесь книг Н.П. Ерошкина – «Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века)» – представляет собою авторскую переработку его докторской диссертации «Основные тенденции развития высшей государственности феодально-крепостнической России первой половины XIX века». Для этого с учетом реалий, появившихся за восемь лет, отделявших защиту диссертации от выхода книги (1973 и 1981 гг.), было переработано введение, скорректированы – в соответствии с некоторым изменением названия работы – ее проблема и задачи, сокращен текст (главным образом, за счет обязательных элементов научной квалификационной работы). В тексте книги были учтены вышедшие за эти восемь лет новые книги и статьи Б.Б. Дубенцова, П.А. Зайончковского, С.Б. Окуня, М.М. Сафонова, В.Г. Чернухи, Л.Е. Шепелева; к ряду из них Н.П. Ерошкин отнесся полемически, что в свою очередь повлекло за собою коррекцию доказательств.

Книга эта вовсе не была историей государственных учреждений России первой половины XIX в. Напротив – Н.П. Ерошкин полагал, что их многообразие и конкретная история могут быть предметом специального, но другого монографического исследования. Проблема же этой книги – особенности и тенденции развития абсолютизма, сопутствующей ему бюрократии, кадров чиновников и методов их деятельности; основных тенденций и взаимосвязи развития высших государственных учреждений с установившейся в начале века министерской системой управления. Исследование этих вопросов вело к выяснению общего состояния крепостнической государственности к середине XIX в. и к признанию неизбежности буржуазных преобразований некоторых наиболее износившихся деталей государственной машины³⁶.

В наши дни, после событий 1985–1991 и последующих годов, эта проблема звучит совершенно иначе, чем звучала в 1981 г.: время и испытания невероятно актуализировали ее. Тогда же в нее не вкладывалось ни малейших историко-политических ассоциаций. Ведь, как полагалось думать, речь шла о позавчерашнем веке России, отделенном от времени социалистической государственности эпохой пореформенного самодержавия, делавшего

шаги к буржуазной монархии, но так и не ставшего ею (вот уж, поистине, «за что недоплатишь, того не доносишь»). Можно было и в научной тональности позлословить до определенных пределов насчет чиновничье-бюрократического наследия, некоторых вредных для социализма «родимых пятен» позавчерашнего века России, но подвергать сомнению принцип формационного восходящего развития просто не приходило в голову даже «диссидентам» советской историографии 70–80-х годов. Книга Н.П. Ерошкина была лишена какого бы то ни было налета политизированности, так свойственного современной российской историографии новой и новейшей отечественной истории. Книга была строго научной и представляла собою и метод, и концептуальный облик науки своего времени. Иное дело, она не была ни конъюнктурной, ни ангажированной – это была книга профессионального историка, историка по призванию, не грешившего сознательно против исторического факта.

Как же оценивались особенности и тенденции развития абсолютизма первой половины XIX в. в отечественной и зарубежной историографии до появления этой книги, что нового внес в исследование самодержавия Н.П. Ерошкин, как складывается научная судьба этой проблемы за 25 лет, прошедших после выхода его книги?

На первый из этих вопросов ответил сам Н.П. Ерошкин во введении к книге; нам остается лишь кратко напомнить об этом ответе, заодно переведа его на язык другого историографического времени.

Кажущееся обилие русской дореволюционной литературы о царствованиях Александра I и Николая I еще не означало особого богатства и глубины мнений. Историки права – в середине и второй половине XIX в. это были, как правило, умеренные западники, затем их сменили либеральные историки кадетской ориентации – неустанно разрабатывали одну идею: идею эволюции самодержавия в сторону правового государства. Историки общества и общественной мысли по крупицам накапливали материал: до 100-летия министерств в России, отмечавшегося в 1902 г., документы властей были труднодоступны. Приходилось в большей мере полагаться на законодательство, публицистику, мемуары и письма. Суждения университетских профессоров также тяготели к оценке реформаторского потенциала власти. Так, они усматривали в Александре I склонность к реформаторской деятельности, осуждая его лишь за «разрыв с обществом» (А.А. Кизеветтер), а в протекторативной системе Николая I – одну из «самых последовательных попыток осуществления идей просвещенного абсолютизма» (А.А. Корнилов). Было, казалось, понятно, куда долж-

на двигаться власть, но что такое власть, каковы ее основы (исключая, конечно, «Основные законы Российской империи» 1832 г.) – было неясно. «Разведя» личность самодержца и самодержавие как систему – это было огромное и серьезное достижение либеральной историографии уже в 40–50-е годы XIX в., – историки во второй половине столетия не двинулись далее этого тезиса и далее возвращались к представлению о том, что состояние и изменения государственного строя России зависели от деятельности самодержцев и близких им сановников. Не потому ли в дореволюционной историографии наиболее преуспевало «биографическое» направление, создавшее ряд крупных, нередко апологетических трудов не только о двух императорах, Александре I и Николае I, но и о видных деятелях высшей российской бюрократии – М.М. Сперанском, П.А. Строганове, Е.Ф. Канкрине, П.Д. Киселеве, Н.С. Мордвинове? В то же время и дореволюционная историография бюрократии как таковой, и историография государственного управления, подчеркивал Н.П. Ерошкин, была необыкновенно скудна. Она была представлена ведомственными юбилейными изданиями, написанными главным образом чиновниками, и немногими неофициальными трудами по истории министерств и министерского управления. За редкими исключениями это также были труды апологетического характера, трактовавшие деятельность государственных органов и учреждений в зависимости от личных качеств возглавлявших их сановников. Но были и немногие книги о государственном аппарате России первой половины XIX в., заслужившие своими научными достоинствами уважение российской общественности – исследование М.К. Лемке «Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.» (СПб., 1908), в которой впервые были использованы документы III отделения Собственной его императорского величества канцелярии.

20–70-е годы XX в. были временем постоянного противостояния советской и зарубежной (в том числе эмигрантской) историографии. Последняя в значительно большей мере ощущала и давление предшествующей историографической традиции, и недостаток материала. Эрудитские исторические труды, посвященные системе государственного управления России первой половины XIX в., были в зарубежной историографии редки. Исключения составляли уже упомянутый справочник немецкого ученого Э. Амбургера «История организации государственных учреждений России от Петра Великого до 1917 г.» и некоторые труды западноевропейских и североамериканских историков, получивших в 60–80-е годы возможность работать в архивах СССР. Идеологические, ментальные, теоретические мотивы зарубежной

историографии обуславливали ее обращение, с одной стороны, к исторической биографике, надо сказать, более опытной, сильной, а главное – более публикуемой, чем практически исчезнувшая в 20–60-е годы историческая биографика в советской исторической науке. С другой стороны, эти же мотивы влекли зарубежных историков к спекулятивной проблематике: к рассуждениям относительно сакральной роли власти в русской цивилизации, к поиску роли самодержавия в балансе социальных сил в стране, к определению его позиции и роли в модернизации страны (применение к России «теории модернизации»), к оценкам «неправильной» русской бюрократии, к поиску роли отдельных социальных структур и государственных институтов (дворянство, армия, ведомство внутренних дел, III отделение, церковь) в судьбах российского общества и государства. Небесполезные в теоретическом и методологическом плане, в постановке ряда проблем (за что и решительно отвергались советской марксистской исторической наукой), эти работы были слабы и быстро преходящи в своем содержании (потому довольно легко поддавались критике советской марксистской исторической науки). Цельного представления о российском самодержавии и его особенностях зарубежная и эмигрантская наука не выработали.

В советской же исторической науке проблемы истории государственности России XIX столетия (и особенно его первой половины) занимали скромное место. До середины 1930-х годов эти проблемы никак не интересовали первое поколение историков-марксистов; ими занимались лишь немногие ученые «старой школы». А.Е. Пресняков в научно-популярной работе «Апогей самодержавия. Николай I» (1925) лишь намечил контуры внутренней политики этого времени (крайняя централизация, казенный национализм, бессилие власти к середине века)³⁷; к истории Собственной е. и. в. канцелярии и особенно III отделения – популярной тогда теме репрессий царизма – обращались Ю.В. Готье, С.М. Троицкий и др.

В середине 1930-х годов первый, «ленинско-покровский» вариант марксистского видения исторического прошлого, в котором находилось место только угнетенным классам, их борьбе и революционному движению (обществознание), сменился другим, «сталинско-академическим» видением (директивно управляемой, но все-таки историей). Работа над учебниками истории, сменявшимися учебники обществоведения, потребовала вместо принятой ранее упрощенной и социологизированной характеристики самодержавия как угнетательского режима вводить основные научные понятия о государственности и государственном аппарате. Однако и теперь к проблемам истории государственности

обращались лишь в разделах о внутренней политике и реформах. Эти обращения в учебниках истории и истории права, в много- томных исторических трудах нередко содержали неточности, ошибки в классификации государственных учреждений, характеристике их функций и компетенции. Но дело было не столько в неточностях, сколько в том, что наименее разработанными были проблемы эволюции государственного строя России и ее государственного аппарата в связи с эволюцией общества, его экономического, социального, правового строя.

Представления об этом – в рамках марксистской парадигмы – формировались уже в послевоенное время. Значительную роль в этом процессе сыграли дискуссии на страницах исторических журналов о периодизации феодальной и капиталистической формаций (1949–1951), о природе абсолютизма в России (1968–1972), выход 9-томного труда «Очерки истории СССР». В «Очерках» по истории России конца XVIII – первой половины XIX в. С.Б. Окуня и А.В. Предтеченского³⁸ внутриполитические процессы уже рассматривались не только «от» социально-экономического строя страны, но и «от» состояния ее государственности. Правительственный аппарат самодержавия в XIX столетии в целом, кадры и положение бюрократии, чины, звания, титулы стали предметом занятий П.А. Зайончковского³⁹, Л.Е. Шепелева⁴⁰ и самого Н.П. Ерошкина. Началось и исследование отдельных политических институтов XIX в. и их деятельности. К моменту выхода книги Н.П. Ерошкина уже появились работы И.А. Емельяновой о высших органах государственной власти и управления России в дореформенный период, А.И. Парусова и М.М. Сафонова об административных реформах первой четверти XIX в., Т.Г. Архиповой о высших комитетах России второй четверти XIX в. Становилось обычным делом в трудах по истории хозяйства и финансов России, армии и флота, внутренней и внешней политики, истории сословий обращаться и к истории министерств, управлений, комитетов, ведавших теми или иными отраслями. Однако, как показала разноголосица дискуссии о природе абсолютизма, начатой остроумными и едкими замечаниями А.Я. Авреха об отсутствии в России «стержня» европейского абсолютизма – равновесия между слабеющим дворянством и поднимающейся буржуазией (по К. Марксу), – в проблеме природы и эволюции российской государственности оказалось во много раз больше вопросов, чем твердых, научно обоснованных ответов.

Книгу Н.П. Ерошкина от предшествовавших и близких по проблематике трудов отличала фундаментальность. Дело в том, что большинство этих трудов (исключая работы П.А. Зайончковского, Л.Е. Шепелева, Т.Г. Архиповой) было построено на узкой

базе опубликованных источников (в основном, законодательных), малопригодных для глубокого исследования административных структур и их деятельности. Н.П. Ерошкин ввел в оборот огромный массив опубликованных и, главным образом, неопубликованных распорядительных документов (циркуляры, распоряжения и приказы отдельных государственных органов), «всепопданнейшие отчеты» и «всепопданнейшие доклады», записки и проекты высших сановников Н.С. Мордвинова, Г.Р. Державина, С.Р. Воронцова, П.Е. Завадовского, В.П. Кочубея, Д.А. Гурьева и других, журналы заседаний Негласного комитета, Непременного совета, Государственного совета, Комитета министров, секретных комитетов второй четверти XIX в. Были тщательно изучены опубликованные бюджетно-статистические материалы, общественно-литературная и ведомственная периодика, публицистика (вплоть до эпиграмм на правительственные учреждения и их деятелей), мемуары чиновников разных рангов, записки иностранных дипломатов и путешественников. В исследование были вовлечены документы почти всех центральных государственных архивов и рукописных отделов библиотек Москвы и Ленинграда. По насыщенности документальной базы эта книга Н.П. Ерошкина, пожалуй, до сих пор остается непревзойденной среди исследований российской государственности XIX – начала XX в.

Вероятно, специалист в области так называемой гражданской истории в 1970-е годы мог бы иначе построить подобную книгу. Историк же государственных учреждений с его опытом мог сделать это одним путем: определить сущность дореформенного самодержавия и вектор его эволюции; исследовать кадры «исполнительного аппарата» самодержавия, главную его опору – бюрократию; изучить действие его законодательного, административного, судебного механизмов, механизма духовной власти; найти и исследовать вершину централизации дореформенной России и ее связи с этими механизмами; рассмотреть становление министерского начала в дореформенном центральном управлении и становление ведомств. Структура работы сама становилась итогом исследования проблемы.

В дискуссии об особенностях российского абсолютизма Н.П. Ерошкин (наряду, быть может, с И.А. Федосовым) занял одну из самых четких позиций. Не углубляясь, подобно большинству ее участников, в терминологические, теоретические, цитатные изыскания – что было не в его вкусе – он, во-первых, абсолютизмом считал позднюю форму правления в феодальном государстве. Во-вторых, считал он, «абсолютная монархия в России возникает и складывается в отличие от ряда западноевропейских государств не в условиях упадка и разложения феодализма, а в

условиях его подъема и укрепления. Именно это определяло одноклассовую – феодальную базу российского абсолютизма, устраняло из его характеристики классическую для абсолютизма ряда западноевропейских стран формулу «равновесия»⁴¹. Но отсюда следовало и третье – признав формально, что понятие «абсолютизм» полностью слилось с понятием «самодержавие» (что было спорить с В.И. Лениным?), Н.П. Ерошкин и в названии книги (в отличие от названия докторской диссертации, где этот термин не фигурирует), и в самом тексте книги предпочитал пользоваться иным, более сложным и применимым лишь к России термином – «крепостническое самодержавие» (реже – «крепостническая монархия»).

Исходя в целом из утвердившегося в советской исторической науке положения В.И. Ленина о приспособлении самодержавной монархии к новым условиям (становление капиталистического уклада) и о возникновении предпосылок к ее эволюции в сторону буржуазной монархии, Н.П. Ерошкин никак не склонен был переоценивать эти явления: «в первую половину XIX в. они ощущались еще неглубоко: основы абсолютизма были устойчивыми»⁴². Он подверг осторожной, но твердой и аргументированной критике или скорректировал многие утверждения и представления своих предшественников и современников-историков. Среди них устойчивое как в дореволюционной, так и в советской историографии противопоставление первой и второй половины правления Александра I как либерального (1801–1812) и реакционного (1815–1825) периодов внутренней политики; последовали квалификация такого деления как условного и доказательства того, что и в первой «половине» самодержавие было способно одновременно и параллельно (!) вести и умеренные бюрократические либеральные преобразования и создавать военные поселения и политический сыск; и во второй «половине» наряду с реакционными мерами «даровать» конституцию Польше и сочинять «Уставную грамоту» для России. Мнению о том, что реформы начала XIX в. были последними преобразованиями государственного аппарата самодержавно-крепостнической России и что последующий период (1815–1861) не внес ничего принципиально нового в область государственного строительства (И.А. Федосов), Н.П. Ерошкин противопоставил целый спектр противоположных свидетельств (завершение в 1826–1836 гг. реформы политического сыска, создание Министерства императорского двора, инкорпорацию огромного законодательного материала в «Полное собрание законов» и «Свод законов Российской империи», совершенствование бюрократии, особенно активно проводимое в середине 20–30-х годов XIX в. и др.). Недостаточно убе-

дительно представлялось ему и утверждение об усилении черт «деспотизма», «азиатчины» во внутренней и внешней политике самодержавия, начиная с рубежа XVIII–XIX вв. (С.М. Троицкий). Как раз наоборот, считал и доказывал Н.П. Ерошкин, по мере продвижения самодержавия к монархии буржуазной шел процесс ее высвобождения от элементов деспотизма; самодержавная монархия была вынуждена ссылаться на законность своих действий и уже не чувствовала себя прочно без подобного юридического основания. Последнее утверждение, надо сказать, было еще не очень привычно для советской исторической науки 70-х годов, не так давно знавшей лишь штамп «невиданно дикого и деспотического царизма».

Крепостническое самодержавие первой половины XIX в. в интерпретации Н.П. Ерошкина не было ни «диким и деспотическим», ни беспомощно консервативным. Его характерными чертами были гибкость, способность к лавированию и реформам расширявшегося государственного аппарата, к юридическому обоснованию своего политического бытия. В недрах дворянской бюрократии постоянно зарождались проекты государственных преобразований с элементами буржуазного права и буржуазной государственности. Последовательно отсекая эти элементы, самодержавие брало из проектов и из европейских образцов те начала и формы политических институтов, которые способствовали консервации крепостнического строя. Это накладывало своеобразный отпечаток на государственное устройство страны: в высших государственных органах появилась, хотя и нечетко выраженная, дифференциация деятельности (Государственный совет – высший законодательный орган, Комитет министров – орган высшей администрации и пр.), коллегиальная система центрального управления была заменена более оперативной, министерской. Самодержавное государство сумело значительно укрепить карательный аппарат и создать (впервые) официальную имперскую идеологию – теорию официальной народности. В этой связи Н.П. Ерошкин, не ограничиваясь цитированием общепринятых формул о последующем общем кризисе крепостничества, о самодержавии, сделавшем в ходе буржуазных реформ «робкий шаг в сторону буржуазной монархии», все же подчеркивал в заключение, что оно сохранило многие дореформенные, крепостнические политические институты⁴³.

Бюрократия и государственные учреждения – главные для Н.П. Ерошкина элементы абсолютной монархии. Если С.М. Троицкий в своей книге о дворянской бюрократии XVIII в.⁴⁴, заслуженно получившей высокую оценку в науке 70-х годов, подошел к проблеме прежде всего с точки зрения происхождения бюро-

кратии, ее социального состава и социальных интересов, то в подходе Н.П. Ерошкина преобладали уже внутривидовые ее характеристики. Он тщательным образом разобрался в законодательной базе чиновничьей службы («Табель о рангах») и всех ее изменениях в первой половине XIX в., включая деятельность различных комитетов и комиссий, перед которыми ставились вопросы о расписании должностей всех ведомств и даже вопросы об упразднении или преобразовании чинов. Столь же тщательно, с привлечением статистических данных – собственных и приведенных другими исследователями – он впервые рассмотрел внутреннюю структуру бюрократии от ее высшего слоя (чины II–V классов) до стоявшей ниже «Табели о рангах» наиболее многолюдной группы нетабельного чиновничества, являвшейся одновременно и основным резервом для пополнения табельного (социальный состав бюрократии, изменения в порядке пожалования социальных привилегий – личного и потомственного дворянства и почетного гражданства, имущественное положение, уровень квалификации, содержание, пределы компетенции и характер деятельности различных чинов, порядок и сроки прохождения службы и награждения). Этот анализ привел к твердым выводам – хотя бюрократия в первой половине XIX в. в значительной мере пополнялась за счет выходцев из непривилегированных сословий, личный состав ее оставался однородным: по классовому составу и направлению деятельности это была исключительно дворянская бюрократия. Вместе с ростом дифференциации и специализации в организации деятельности государственных учреждений, более четкой их компетенцией в области законодательства, высшего надзора, суда, администрации, политического сыска, вместе с ведомственной специализацией центрального управления происходило усиление кадров бюрократии, значительно возрастал их образовательный уровень и квалификация. Но крепостнический характер дворянской бюрократии проявлялся даже в уровне ее специализации на разных ступенях иерархии: наиболее высоким он становился «наверху» и значительно отставал «внизу». В первой половине XIX в. постоянно шел процесс централизации управления; кризис феодально-крепостнического строя во второй его четверти привел к превращению централизации управления в бюрократический централизм – последнюю форму организации и деятельности крепостнической монархии⁴⁵.

Законодательный механизм крепостнического государства в первой половине XIX в. состоял из самого императора и высших законосовещательных органов при нем – «Совета непрямого», Негласного комитета, Государственного совета. Дея-

тельность двух первых уже была затронута в научном плане (М.М. Сафонов и др.); деятельность же Государственного совета особенно интересовала Н.П. Ерошкина из-за порожденной еще дореволюционной литературой неясности его отношения к императорской власти в законодательстве: формулу, внесенную еще М.М. Сперанским – «Вняв мнению Государственного совета...», – ряд дореволюционных историков трактовал как ограничение воли монарха. Н.П. Ерошкин, во-первых, показал, что Николай I лично вычеркнул эту смущавшую самодержавие формулировку из текста проекта «Учреждения Государственного совета» 1842 г.; во-вторых, выявил, что декларированная обязательная законосовещательная функция Государственного совета нередко нарушалась – законы обсуждались в Комитете министров, в отделениях Собственной е.и.в. канцелярии, в Сибирском и Кавказском комитетах, в Военном Совете и Адмиралтействе и, минуя Государственный совет, поступали на утверждение царя. Такая же практика сложилась и по «всеподданнейшим докладам» министров и главноуправляющих отдельными ведомствами. Самый же факт функционирования Государственного совета с 1810 до 1906 г. (когда он превратился в верхнюю палату российского «парламента») свидетельствовал о том, что российское самодержавие уже в первой половине XIX в. не могло обходиться без обсуждения хотя бы части проектов законов и других важных общегосударственных дел в особом органе с верхами дворянской бюрократии⁴⁶. Это в значительной мере отличало его от самодержавия XVIII в.

Одним из принципиальных вопросов и правительственной практики самодержавия и ее истории было объединение деятельности министерств. Исследуя высшую администрацию и правительственный кабинет самодержавия – Комитет министров и существовавший параллельно ему с 1857 г. Совет министров, – Н.П. Ерошкин пришел к заключению о том, что и здесь европейский образец объединения министерств («Совет министров») претерпел характерную для крепостнического самодержавия трансформацию. Комитет министров такое объединение не осуществлял изначально. С усложнением задач государства в период реформ, подъема общественного и революционного движения в стране новоучрежденному Совету министров удалось на определенном этапе осуществлять бюрократическое единство. Спад общественного движения и политическая реакция 1880-х годов привел к утрате острой надобности в нем, что и стало причиной прекращения созыва Совета министров (декабрь 1882 г.).

Высший суд в стране и надзор за законностью осуществлял Сенат. Анализируя его организацию, определенную рефор-

мой 1802–1805 гг., и его деятельность, Н.П. Ерошкин показал, что зависимое положение Сената, его большой и малоподвижный аппарат делали эфемерным надзор за законностью и справедливостью управления. Сенат превратился в богадельню для престарелых и малоспособных высших чиновников и генералов. Сенат оказался не в состоянии возглавить высший суд в стране: крупнейшие политические процессы (декабристы, петрашевцы) были поручены не ему, а чрезвычайным органам.

В истории изучения ведомства Русской православной церкви первой половины XIX в. книге Н.П. Ерошкина предшествовала лишь обширная статья С.С. Дмитриева⁴⁷; но в ней преследовались иные цели. Так, требовалось определить не только место Синода в системе государственных учреждений, но и его внутреннее устройство. Решая эти задачи и распутывая сложную историю возникновения и существования Министерства духовных дел и народного просвещения (1817–1824), в состав которого временно входил Синод, рассматривая проекты переустройства духовного ведомства, Н.П. Ерошкин раскрыл его состав и функции, реальное место в системе государственного аппарата и увязал историю Синода с поисками государственной идеологии. Крах попытки создания при Александре I новой государственной доктрины на космополитической религиозной основе Священного союза вызвал ликвидацию Министерства духовных дел и народного просвещения и восстановление самостоятельности Синода. Но централизаторские тенденции привели в 30–40-е годы к фактической трансформации его в сторону ведомства Русской православной церкви: сохраняя официальное положение высшего правительственного учреждения, Синод фактически превратился в министерство по делам православия⁴⁸.

Вершиной централизации дореформенной России, как установил Н.П. Ерошкин, стала Собственная е. и. в. канцелярия. Именно установил, ибо, как указывалось выше, историки обращались (и то фрагментарно) к истории одного лишь ее отделения – третьего.

Н.П. Ерошкин преимущественно по архивным документам проследил причины и процессы возникновения всех ее шести отделений, формирование их компетенции и структуры, место в государственном аппарате. Из небольшой личной канцелярии самодержавного монарха Собственная е.и.в. канцелярия превратилась в наиболее близко стоящий к нему правительственный орган, наделенный самыми высокими полномочиями и увенчавший вершину государственной пирамиды крепостнической империи.

На протяжении всего лишь второй четверти XIX в. эти шесть отделений превратились в фактически самостоятельные

высшие государственные учреждения, между которыми существовала глубокая внутренняя связь. Заведование кадрами высшей бюрократии; кодификация законов, призванная юридически закрепить основы государственного и общественного строя самодержавной России; политический сыск и поддержание спокойствия в империи; поддержание через царскую благотворительность царистских настроений в условиях нарастания классовой борьбы крепостного крестьянства; подновление «государственного феодализма» путем подготовки и проведения реформы государственной деревни; реформа управления одной из самых сложных и беспокойных национальных окраин России на Кавказе – все это сходило в руках одного органа, оказавшегося поставленным de facto впереди всех государственных учреждений дореформенной России. Другим порождением бюрократического централизма явились рассмотренные Н.П. Ерошкиным секретные комитеты второй четверти XIX в., составленные из узкого круга представителей высшей бюрократии. В этом «правительственном подполье»⁴⁹, в тайне даже от собственных высших учреждений и ведомств разрабатывались проекты законов, направленных на совершенствование государственной машины и сословного строя, осуществлялся надзор за некоторыми окраинами империи, разрабатывались меры для преодоления децентрализаторских тенденций местного управления окраинами. Еще одно свойство секретных комитетов, раскрытое Н.П. Ерошкиным, состояло в том, что по замыслу учредителей они должны были преодолеть основной недостаток крайней бюрократической централизации – медлительность и неоперативность законодательства и высшего управления⁵⁰.

Наконец на основании опыта изучения истории министерств XIX – начала XX в., накопленного в курсе истории государственных учреждений России, Н.П. Ерошкин изложил в этой книге общие соображения, касающиеся становления министерского начала в дореформенном центральном управлении. И в этих его соображениях, удивляющих стройностью и системностью, доминировали, как и в предшествующих главах, три генеральных положения – о приспособлении крепостнического самодержавия к изменяющимся реалиям экономического и социального развития, к усложнению задач управления и необходимости «обороны» от антикрепостнических выступлений; о сложной, вызванной многими (и не только социально-экономическими) факторами смене «волн» децентрализации и централизации управления; о трансформации европейского опыта государственного устройства и управления на российской крепостнической почве и плодах этой трансформации. Министерское управление и со-

вершенствование внутриминистерской организации, формирование ведомств и ведомственного принципа отношений центральных и местных учреждений значительно отличали государственность России XIX века от века предшествующего. Эти меры укрепили самодержавие, отсрочили кризис в российском обществе, но не могли его предотвратить.

В итоге российское самодержавие первой половины XIX в. представляло в книге Н.П. Ерошкина вовсе не таким неуклюжим, односторонне реакционным монстром, каким оно нередко виделось на страницах учебников и монографий 30–70-х годов, изображалось в художественной литературе, на театральной сцене, в кино, не говоря уже о публицистике и идеологии. Увязав историю самодержавия с историей российской бюрократии и с эволюцией государственных учреждений России, он увидел его активным и мощным. «Это проявлялось в различных формах его деятельности, – писал Н.П. Ерошкин в заключении к книге, – частых сменах курсов внутренней политики, юридическом обосновании крепостнического строя и всех его порождений, реорганизации отдельных звеньев государственного механизма, обновлении государственной доктрины самодержавия («теория официальной народности»), усовершенствовании бюрократии, усилении карательного аппарата»⁵¹. С другой стороны, он подчеркивал полную несостоятельность и неприемлемость одной из идей модной тогда в англоязычной историографии (и быстро исчезнувшей) «теории модернизации», согласно которой российская бюрократия являлась тормозом в модернизации страны, осуществлявшейся основным «лидером» – самодержавием.

Активности самодержавия хватило на четыре десятилетия. В середине 40-х годов выявилась полная безрезультатность попыток укрепить государственность России без отмены крепостного права. «Но для того, чтобы осознать эту безрезультатность, потребовалось более десяти лет государственного застоя, кровавые уроки Крымской войны, финансовая разруха, грозный вал крестьянских “бунтов”, брожение в среде революционной, дворянско-разночинной интеллигенции, полный паралич отдельных отраслей управления (военного, цензуры, администрации и пр.), а также суда, неудовлетворенность самих верхов, которые уже не могли управлять по-старому»⁵². Напомним: Н.П. Ерошкин не вкладывал в эти строки ни малейших историко-политических ассоциаций со своей современностью. Он оставался историком. С каким же драматическим накалом эти строки звучат после нашего собственного исторического опыта 70–80-х годов XX века!

«Самодержавие накануне краха»⁵³ вышло шестью годами ранее «Крепостнического самодержавия», но делались оба труда практически одновременно – в первой половине 1970-х годов, когда завершалась работа над докторской диссертацией.

История этой «книги для учителей» тесно связана с сотрудничеством Н.П. Ерошкина с журналом «Преподавание истории в школе» и на редкость последовательна и логична. Впервые имя Николая Петровича появляется на страницах этого журнала в 1960 г.: по заказу редакции он представил большую статью о государственном аппарате допетровской России⁵⁴. Спустя несколько лет последовала подобная же статья об органах политического сыска в России в XIX – начале XX в.⁵⁵ К весьма торжественно отмечавшемуся в стране 50-летию Октябрьской революции журнал именно в февральском номере поместил его статью на исключительно редкостную для тех лет тему, за которую не рисковал браться ни один «толстый» исторический журнал – «Последние Романовы и их судьбы»⁵⁶. Затем последовали рецензии Николая Петровича на ряд книг, так или иначе связанных с вызревaniem ситуации 1917 года (наиболее значимой из них была рецензия на книгу своего учителя П.А. Зайончковского о русском самодержавии в конце XIX столетия)⁵⁷, а также большие серии статей для Советской исторической энциклопедии и третьего издания Большой советской энциклопедии. Последние имели свой, особый смысл. Такие статьи, как «Генерал-губернатор», «Денежная реформа 1895–1897 гг.», «Департамент полиции», «Жандармерия», «Министерства», «Охранные отделения», «Самодержавие», «Сенат», «Синод», «Совет министров», «Совет объединенного дворянства», «Социал-демократическая фракция в Государственных думах», «Союз Михаила Архангела», «Союз русского народа», «Ссылка политическая», «Торговля в дореволюционной России», «Финансы в дореволюционной России», «Чиновничество», и многие другие были вовсе не «побочным продуктом» основной работы ученого над историей государственных учреждений России, а частью самой работы, тем более что многие из них впервые попадали в энциклопедические словники. В результате накапливался огромный эмпирический, «предметный» материал, легший в основание «Самодержавия накануне краха». Не меньшее значение имела одновременная, почти параллельная, работа над докторской диссертацией (будущим «Крепостническим самодержавием») и «Самодержавием накануне краха». Сравнительная история двух последовательных кризисов российской государственности позволяла и глубже понять каждый из них, и

выявить общее, и ясно отделить их друг от друга, увидеть в каждом свои специфические черты.

Что знали о том, каким было самодержавие накануне падения? Как и в революционной Франции конца XVIII в., в революционной России рубежа 1910–1920-х годов на первых порах многое свелось к преступлениям и ошибкам «старого режима», к личностям венценосцев и царедворцев. Вскоре после Февральской революции в России и за границей появилось много публицистических статей, брошюр и даже книг, мемуаров, публикаций писем, авторы которых, нередко бывшие царские чиновники, характеризовали последнего российского царя Николая II как человека недалекого, безвольного, подверженного различным влияниям (как здесь не вспомнить о том, что к утру 2 марта 1917 г. в Пскове после подписания царем отречения будто бы испарилась – за исключением двух генералов и части обслуживающего персонала – вся свита царского поезда). В 1917 г. были спешно изданы наиболее «показательные» документы царя и документы о нем⁵⁸. Дело продолжила молодая советская историография. Были выпущены пять томов «Переписки Николая и Александры Романовых», по одному тому переписки Николая II с германским императором Вильгельмом II и с русскими великими князьями⁵⁹, фрагменты последних царских дневников⁶⁰. Двумя изданиями вышел сборник документов, связанных с отречением Николая II⁶¹. Преступления «старого режима» должны были раскрыть сборники документов⁶² и многотомное издание стенографических отчетов допросов и показаний, данных бывшими сановниками в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства⁶³. За рубежом и в Советской России издавались мемуары сановников С.Ю. Витте, С.И. Шидловского, думских деятелей и деятелей Временного правительства В.Д. Набокова, М.В. Родзянко, Д.Н. Шипова, В.В. Шульгина, генералов А.А. Поливанова, В.А. Сухомлинова, А.А. Маниковского, А.И. Деникина и других, организатора убийства Распутина Ф.Ф. Юсупова, иностранных дипломатов М. Палеолога и Дж. Бьюкенена. Событийная и психологическая сторона событий, «закулисье» в эти годы более всего привлекали читателя, и историки – люди своего времени – писали именно об этом. В ходу были быстро составленные очерки В.П. Семенникова⁶⁴, П.Е. Щеголева⁶⁵, И.М. Василевского⁶⁶, А. Шеманского и С. Гейченко⁶⁷, П.М. Быкова⁶⁸, Д. Заславского⁶⁹ и других о личности Николая II, о его внутренней и внешней политике, о событиях и силах, приведших его к отречению, о последних месяцах и днях жизни царской семьи, о наиболее одиозных лицах из окружения последнего императора. Разумеется, эти авторы не ставили своей задачей анализ

системного кризиса самодержавия, да и в большинстве своем (исключая профессиональных историков В.П. Семенникова и П.Е. Щеголева) не могли даже приблизиться к ней. Но к концу 20-х годов поток этой литературы иссяк. Празднование 10-летия Октябрьской революции (1927), Академическое дело (1929), в котором среди обвинений фигурировало хранение царских документов, сталинский идеологический переворот середины 30-х годов и поворот к иной модели «марксистского» видения исторического прошлого страны, выход первого тома «Истории гражданской войны в СССР» (1936), наконец, издание «Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» – каждое из этих событий и явлений по-своему положили конец исканиям в сфере и событийно-психологической, и социально-классовой, системной. На два с лишним десятилетия утвердилась догматическая, выраженная в «Кратком курсе» точка зрения на самодержавие как на первого злейшего врага рабочего класса (и в интерпретации революции 1905–1907 гг., и Февральской революции рабочий класс вступает в единоборство с самодержавием); следующим злейшим врагом представлена буржуазия и ее идеологи и приспешники – либералы и мелкобуржуазные социалисты. В подобном контексте системный анализ самодержавия не имел смысла. Начавшийся было поиск 20-х годов на рубеже 50–60-х был уже забыт.

Заслуга Н.П. Ерошкина, несомненно, состоит в том, что он вслед за своим учителем П.А. Зайончковским, доведшим теорию самодержавия второй половины XIX в. до царствования Николая II⁷⁰, восстановил проблему сущности и политики самодержавия и восстановил ее не как повествовательную и нравственно-психологическую, но как проблему научную, системную.

Научно-популярная по жанру («книга для учителей») и публицистической стилистике, книга Н.П. Ерошкина строго научна и в построении, и в обстоятельном научно-справочном аппарате, и в пределах суждений. В последнем отношении – тем, что не выходит в область предположений, пожеланий, подмены исторического и политического нравственно-психологическим и этическим.

Политический портрет последнего самодержца («Хозяин земли Русской») и его ближайшего окружения, государственный механизм – самодержавие, бюрократия, карательный аппарат и церковь («Паутина»), последнее средство удержания власти и социальных порядков («Россия под надзором»), неспособность и невозможность реформирования российского общества без ликвидации самодержавной власти («В российском парламенте»), развитие катастрофы («Крах») – это логика книги Н.П. Ерошки-

на. В отличие от «Крепостнического самодержавия» в этой книге очень немного новых материалов, архивных открытий, хотя читатель найдет в ней и впервые тогда опубликованные отрывки из дневников Николая II времени Первой мировой войны, и циркуляры Департамента полиции, и шифровки П.А. Столыпина. Не обошлось и без влияния сложившихся штампов советской общественно-политической и художественной литературы в некоторых личностных характеристиках: ничто «враждебное», по канонам советской художественной и общественно-политической литературы, не могло быть наделено положительными свойствами. Справедливости ради надо сказать, что негативные политические и личностные характеристики, данные Н.П. Ерошкиным последнему царю и его окружению (за редкими исключениями), опирались на документальные свидетельства и мемуары и письма лиц из этого же окружения.

Но книга была не о лицах – о государственной системе, опиравшейся на определенный социальный режим и защищавшей свои опоры. И если в первом случае («Крепостническое самодержавие...») у самодержавия еще были ресурсы для преодоления кризиса крепостничества, во втором («Самодержавие накануне краха») ресурсы были исчерпаны. Деграция императорской фамилии, неспособность власти к прозорливым политическим и социальным решениям, ее слепая приверженность к порядкам и институтам прошлого в ситуации изменяющегося мира и изменяющейся России, устарелость государственной машины, самоизоляция бюрократии от страны и ее проблем, уродливое развитие карательного аппарата, насаждение провокации, разные формы «исключительного положения» в различных местностях империи, запоздалое, бессильное и, наконец, отставленное реформаторство (аграрная реформа... после революции с основным аграрным вопросом, допущение существования профсоюзов... после легального возникновения политических партий, смягчение цензуры... после ее ликвидации явочным порядком в 1905 г.), беспомощность изувеченных и самоизувеченных российского либерализма и его «палладиума», Государственной думы – все это означало дорогу в тупик. Война стала концом тупика, крахом. В книге нет ни строки об этом – но для образованного читателя над ее строками встает вопрос: как же самодержавие отомстило будущему, казалось бы отменившему его.

Три десятилетия, прошедшие со времени выхода «Крепостного самодержавия...» и «Самодержавия накануне краха», что-то добавили к концепции, сформированной Н.П. Ерошкиным, что-то изменили в ее деталях, но не изменили (несмотря на активные попытки) ее сколько-нибудь радикально. В значительно большей

мере стали публиковаться документы (дневники, письма, фотографии, мемуары) самодержцев и их окружения. Вышел целый ряд трудов и об отдельных самодержцах, и о династии Романовых в XIX – начале XX в. в целом⁷¹. В исследованиях, посвященных государственности и учреждениям России первой половины XIX в., значительно больше внимания стали уделять реальным функциям и деятельности учреждений, видеть их «встроенными» в российский миропорядок (так, в докторской диссертации одного из последователей Н.П. Ерошкина Андрея Гавриловича Чукарева, посвященной деятельности III отделения и защищенной в 1998 г., рассмотрены уже не только ее наиболее одиозные аспекты, но и весь круг задуманных и реальных связей этого учреждения с российским обществом и даже его определенные заслуги в борьбе с чиновничьим произволом, переходившим терпимые самодержавием границы)⁷². Особенно обогатилась литература, посвященная самодержавию конца XIX – начала XX в.: раскрыты многие страницы истории «думской монархии», взаимоотношений самодержавия и бюрократии с либералами и консерваторами, дворянством, буржуазией и духовенством; исследуется образ самодержца в массовом сознании российского общества и отдельных его страт. В исследованиях истории российского самодержавия возникли нравственно-психологические аспекты (особенно очевидные в работах А.Н. Боханова⁷³), более того, выявилась тенденция к некоему странному «отбеливанию» и «стерилизации» облика последнего самодержца⁷⁴. Следует, вероятно, заметить, что главным документом здесь выступает действительно совершенное в 1918 г. Советской властью несмыслимое преступление – бессудный и незаконный расстрел царской семьи. Но меняет ли это сколько-нибудь представление о системном кризисе самодержавия, о тупике, в который оно зашло в 1917 г. как система управления страной? Не получается ли так, что российскому обществу, российскому читателю вновь пытаются преподнести теорию в перевернутых, как это было в 20–80-е годы, тонах? Не являются ли книги Н.П. Ерошкина (даже с их идеологическими атавизмами – данью эпохе) средством от нового черно-белого перевертывания исторического видения?

Тексты монографии «Крепостническое самодержавие и его политические институты» и статьи «Законодательный механизм России периода буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в.» воспроизводятся в настоящем издании без изменений. В текст книги «Самодержавие накануне краха» внесена правка Н.П. Ерошкина на авторском экземпляре книги (отдельные опечатки; поправки в тексте о титуловании чинов V–XIV классов; дописанный им на последней странице книги текст о титуловании лиц духовного

звания). Научно-справочный аппарат (сноски) приведен в соответствии с современными стандартами; при этом наименования государственных архивов и рукописных отделов библиотек приведены, как в прижизненных изданиях, на 1975–1981 гг. (в скобках указаны современные наименования). Отсутствовавшие в прижизненных изданиях трудов Н.П. Ерошкина именной и тематический указатели составлены А.Н. Ерошкиной.

* * *

Автор выражает глубокую благодарность родным и ученикам Н.П. Ерошкина, своим друзьям и коллегам, чье содействие в работе над этой статьей было неоценимым – вдове и дочери Николая Петровича Ольге Демьяновне и Алле Николаевне Ерошкиным, а также Татьяне Григорьевне Архиповой, Роману Борисовичу Казакову, Анатолию Евгеньевичу Иванову, Александру Владимировичу Крушельницкому, Ларисе Николаевне Простоволосовой, Александру Давидовичу Степанскому. Искренняя благодарность и тем, кто помогал в работе над указателями к книге – Лидии Леонидовне Ивченко, Наталье Сергеевне Макаровой, Екатерине Игоревне Рогачевой.

В.А. Муравьев

- 1 Биографические сведения о Н.П. Ерошкине и о его научно-педагогической деятельности в Московском государственном историко-архивном институте см.: *Архипова Т.Г.* Вместо предисловия // Государственные институты России: прошлое и настоящее. Материалы межвузовской научной конференции памяти д-ра ист. наук проф. Н.П. Ерошкина 19–20 декабря 1995 г. М., 1996; *Стрекопытов С.П.* История государственных учреждений в подготовке архивных кадров // Вестник архивиста. 1996. № 4(34); *Он же.* История российской государственности и ее политических институтов в МГИИИ – ИАИ РГГУ: взгляд в прошлое, современное состояние, перспективы // Труды Историко-архивного института. М., 1996. Т. 33; *Он же.* Николай Петрович Ерошкин (1920–1988): вопросы биографии // Государственный аппарат России в годы революции и Гражданской войны. Материалы Всероссийской конференции 22 декабря 1997 г. М., 1998; *Иванов А.Е., Степаиский А.Д.* От редакторов // Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 4-е изд. М., 1997; Кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций: краткий очерк организации и деятельности, 1952–2002 гг. / Стрекопытов С.П., Сенин А.Г. М., 2002.
- 2 История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1946. 2-е изд. М., 1951.
- 3 *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг. М., 1902.
- 4 *Иванов А.Е., Степаиский А.Д.* Указ. соч. С. 6.
- 5 Архив В.А. Муравьева.
- 6 *Ерошкин Н.П.* Государственные учреждения России в дореформенный период: Учеб. пособие. М., 1957; *Он же.* Государственные учреждения России 1861–1917 гг.: Учеб. пособие. М., 1958.
- 7 *Ерошкин Н.П.* Административно-полицейский аппарат Москвы // История Москвы. М., 1955. Т. V (гл. 22); *Он же.* Военный аппарат царской России в период Крымской войны (1853–1856) // Труды Моск. Гос. историко-архивного института. М., 1957. Т. 9. С. 138–177; *Он же.* Государственные учреждения России до образования абсолютной монархии // Преподавание истории в школе. 1960. № 3. С. 27–41.
- 8 *Ерошкин Н.П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. 395 с.
- 9 История государственных учреждений до Великой Октябрьской социалистической революции; Учеб. пособие. М., 1965.

- 10 *Стрекопытов С.П.* Николай Петрович Ерошкин (1920–1988): вопросы биографии. С. 7.
- 11 *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. 368 с.
- 12 *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. 352 с.
- 13 *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997.
- 14 *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870-х гг. в России. М., 1952.
- 15 *Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года. М., 1958; *Он же.* Отмена крепостного права в России. М., 1968. 3-е изд.; и др.
- 16 *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964.
- 17 *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.
- 18 Высшие органы государственной власти и управления РСФСР: Справочник. М., 1971. С. 10–26.
- 19 *Ерошкин Н.П.* Самодержавие накануне краха: Книга для учителя. М., 1975.
- 20 *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX века. М., 1981).
- 21 *Ерошкин Н.П.* Самодержавие первой половины XIX века и его политические институты (к вопросу о классовой сущности абсолютизма) // История СССР. 1975. № 1. С. 37–59.
- 22 *Ерошкин Н.П.* К вопросу о государственном строе России после революции 1905–1907 гг. в современной советской историографии // Историография и источники истории государственных учреждений и общественных организаций СССР. М., 1983. С. 1–17; *Он же.* Совет министров – правительственный кабинет самодержавной России 1905–1917 гг. // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. М., 1983.
- 23 *Ерошкин Н.П.* Искусство речи А.Ф. Кони // Этюды о лекторах. М., 1974. С. 81–99.
- 24 *Ерошкин Н.П.* Могучим словом вдохновенья... (А.П. Шапов) // Живое слово науки. М., 1983. С. 31–45.
- 25 *Ерошкин Н.П.* Институт живого слова. История создания и деятельности. М., 1983.
- 26 *Ерошкин Н.П.* Местные государственные учреждения дореформенной России (1800–1860 гг.): Учеб. пособие к спецкурсу. М., 1985.
- 27 *Ерошкин Н.П.* Власть, свергнутая Октябрем (Временное правительство как преемник самодержавия) // Исторический опыт Ве-

- ликого Октября: Сб. статей к 90-летию акад. И.И. Минца. М., 1986. С. 99–114.
- 28 Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. М., 1987. С. 24–25, 72–73, 85, 89–90, 98–100, 120, 133, 134, 154, 178, 179, 187, 235, 239, 281, 475, 549.
- 29 Великий Октябрь: Атлас / Отв. ред. И.Я. Сукеник. М., 1987.
- 30 *Amburger E.* Geschichte der Behordenorganisation Rußland von Peter dem Großen bis 1917. Leiden, 1966.
- 31 Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801–1917. Т. 1: Высшие государственные учреждения / Отв. ред. Н.П. Ерошкин, отв. сост. Д.И. Раскин. СПб., 1998; Т. 2: Центральные государственные учреждения / Отв. ред. и отв. сост. Д.И. Раскин. СПб., 2001; Т. 3: Центральные государственные учреждения / Отв. ред. и отв. сост. Д.И. Раскин. СПб., 2002; Т.4: Центральные государственные учреждения: Министерство иностранных дел, Военное министерство, Морское министерство / Отв. ред. и отв. сост. Д.И. Раскин. СПб., 2004.
- 32 *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX века). М.: Мысль, 1981. 252 с.
- 33 *Ерошкин Н.П.* Законодательный механизм России периода буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в. // Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность: Сб. статей. М.: МГИАИ, 1985. С. 89–105.
- 34 *Ерошкин Н.П.* Самодержавие накануне краха: Книга для учителей. М.: Просвещение. 1975. 160 с.
- 35 См.: *Муравьев В.А., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф., Казаков Р.Б.* Эпистемология гуманитарного знания и профессионализации историка: Идеи и перспективы // Нучно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 204. С. 128–129.
- 36 См. с. 36 наст. изд.
- 37 См. с. 56.
- 38 *Окунь С.Б.* Очерки истории СССР конца XVIII – первой четверти XIX в. Л., 1956; *Он же.* Очерки истории СССР. Вторая четверть XIX в. Л., 1957; *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первую четверть XIX в. М.; Л., 1957.
- 39 *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
- 40 *Шепелев Л.Е.* Отмененные историей. Л., 1977.
- 41 См. с. 64.
- 42 См. с. 72.
- 43 См. с. 94.

- 44 *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (Формирование бюрократии). М., 1974.
- 45 См. с. 119.
- 46 См. с. 126.
- 47 *Дмитриев С.С.* Православная церковь и государство в предреформенной России // История СССР. 1966. № 4. С. 20–54.
- 48 См. с. 162.
- 49 Это остроумное и исключительно точное определение сущности секретных комитетов Николая I Н.П. Ерошкин разыскал в почти забытой к этому времени брошюре историка права Б.И. Сыромятникова (1874–1947) – *Сыромятников Б.И.* Краткий обзор и указатель литературы по истории государственной власти в России. М., 1913. С. 23.
- 50 См. с. 220.
- 51 См. с. 241.
- 52 Там же.
- 53 *Ерошкин Н.П.* Самодержавие накануне краха: Книга для учителей. М.: Просвещение, 1975. 160 с.
- 54 *Ерошкин Н.П.* Государственные учреждения России до образования абсолютной монархии // Преподавание истории в школе. 1960. № 3. С. 27–41.
- 55 *Ерошкин Н.П.* Россия под надзором // Там же. 1966. № 1. С. 87–99.
- 56 *Ерошкин Н.П.* Последние Романовы и их судьбы // Там же. 1967. № 2. С. 81–89.
- 57 *Ерошкин Н.П.* [Рец.] *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны // Там же. 1968. № 6. С. 99–102; *Он же.* [Рец.] Краткая история советского рабочего класса / Под ред. Ю.С. Борисова, Л.С. Гапоненко и др. // Там же. 1970. № 1. С. 97–100; *Он же.* Внутренняя политика России [Рец. на книгу П.А. Зайончковского «Русское самодержавие в конце XIX столетия»] // История СССР. 1971. № 1. С. 175–177; *Он же.* [Рец.] М. Брагин. В грозную пору // Преподавание истории в школе. 1972. № 2. С. 98–101; *Он же.* Капитальный труд по истории Великого Октября [Рец. на 2-е изд. книги И.И. Минца «История Великого Октября». В 3 т.] // Там же. 1974. № 4. С. 18–27; *Он же.* [Рец.] Иллюстрированная история СССР: В 2 т. // Там же. 1975. № 2. С. 110–112.
- 58 Николай II. Материалы для характеристики личности царя и царствования. М., 1917.
- 59 Переписка Николая и Александры Романовых. Берлин; М.; Л., 1922–1927. Т. 1–5; Переписка Вильгельма II с Николаем II. М., 1923; Николай II и великие князья. Л.; М., 1925.
- 60 Дневник Николая Романова (16.II.1916 – 30.VI.1918) // Красный архив, 1927. Т. 1–3; 1928. Т. 2.

- 61 Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. Пг., 1923: 2-е изд. Л., 1927.
- 62 За кулисами царизма. Л., 1925; *Монархия перед крушением. 1914–1917 гг.: Бумаги Николая II и другие документы* / Сост. В.П. Семенников. М.; Л., 1927; и др.
- 63 *Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.* Л., 1924 – Тт. 1-
- 64 *Семенников В.П.* Политика Романовых накануне революции. М.; Л., 1926.
- 65 *Щеголев П.Е.* Последний рейс Николая Второго. М.; Л., 1928.
- 66 *Василевский И.М.* Николай II. Пг.; М., 1923.
- 67 *Шеманский А., Гейченко С.* Последние Романовы в Петергофе. М.; Л., 1931.
- 68 *Быков П.М.* Последние дни Романовых. Свердловск, 1926.
- 69 *Заславский Д.* Последний временщик Протопопов. Л., 1927.
- 70 *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.
- 71 См., например: *Российские самодержцы, 1801–1917* / Авт. Боханов А.Н., Захарова Л.Г., Мироненко С.В. и др.; введ. А.П. Коренина, 2-е изд. (1-е изд. – 1993) М., 1994; и др.
- 72 *Чукарев А.Г.* Карательный аппарат самодержавной России во второй четверти XIX в. Ч. 1: Органы высшего государственного управления (Структура. Кадры. Борьба с антикрепостническим движением). 1825–1855 гг. Ярославль, 1996.
- 73 См., например: *Боханов А.Н.* Романовы: Сердечные тайны. М., 200; *Он же.* Распутин: Анатомия мифа. М., 2000; *Он же.* Император Александр III. 3-е изд. М., 2004 (1-е изд., М., 2001); *Он же.* Император Николай II. 3-е изд. М., 2004 (1-е изд., М., 1998); *Он же.* Судьба императрицы. М., 2004; и др.
- 74 См., например: *Политическая история России в партиях и лицах.* М., 1993; *Российские самодержцы, 1801–1917.* 2-е изд. М., 1994 (1-е изд., М., 1993); *Лобачева Г.В.* Самодержец и Россия: образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX – начало XX веков). Саратов, 1999; *Россия в начале XX века* / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. М., 2002; *Туманова А.С.* Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы. Тамбов, 2002; *Тян В.В.* Россия на изломе веков: самодержавный режим на весах системных кризисов (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2002; *Мальшева О.Г.* Думская монархия: рождение, становление, крах. М., 2003; и др.

Крепостническое самодержавие
и его политические институты

Изучение политических институтов дореволюционной России имеет большое научное значение, помогает глубоко осмыслить особенности развития отечественной экономики, классов и классовой борьбы, революционного и общественного движения, внутренней и внешней политики дореволюционной России. Экономика и социальные отношения находились в тесной связи с политической надстройкой страны: самодержавием, бюрократией, государственными учреждениями. Политика классов и классовых государств всегда опиралась на экономическую силу, но, возникнув на определенной экономической базе, политическая надстройка оказывала активное обратное влияние на развитие экономического строя, содействовала этому развитию или, наоборот, задерживала его¹.

Государствоведческие аспекты помогают значительно расширить изучение исторических процессов, происходивших в социально-экономической жизни дореволюционной России, познать тот лагерь, который угнетал народные массы. Являясь продуктом определенного социально-экономического развития России, самодержавие и сопутствующие ему политические институты оказывали в свою очередь значительное влияние на это развитие. Недопустима однобокость исследований, когда вместо конкретной и развернутой государственности страны фигурируют фактически обобщающие и отвлеченные понятия «царское правительство», «царские чиновники», «царская полиция» и т. п.

Изучение таких политических институтов, как государственные органы и учреждения, имеет, кроме того, и большое научно-прикладное значение: облегчает исследователям поиски материалов в государственных архивах СССР, где все документы систематизированы по фондам-комплексам, отложившимся чаще всего в результате деятельности отдельных государственных ор-

ганов и учреждений. Работникам государственных исторических архивов эти знания необходимы для различных видов архивной работы.

Коммунистическая партия Советского Союза всегда придавала и придает большое значение развитию исторической науки, в которой видит важнейшее орудие научного познания общественных закономерностей и средство идеологического воспитания трудящихся. Отмечая возрастающую роль общественных наук, партия подчеркивает, что «первостепенное внимание в научных исследованиях следует уделять марксистско-ленинской методологии, принципам классово-партийного, конкретно-исторического подхода к общественным явлениям»². Большое значение придается партией активно-наступательному характеру наших общественных наук, в том числе обстоятельной критике современной буржуазной историографии³.

При определении основных направлений научно-исследовательской работы Института истории Академии наук СССР в числе актуальных проблем современной исторической науки ЦК КПСС назвал и политические институты дореволюционной России⁴.

В марте 1973 г. состоялось совещание руководителей ряда научных учреждений, министерств и ведомств, а также видных ученых-историков по вопросу о ходе выполнения постановления ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» и задачах советских историков в свете решений XXIV съезда КПСС и доклада Л.И. Брежнева «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик». В числе достижений советской исторической науки было отмечено внимание советских исследователей к более ранним этапам развития народов нашей страны и ее переходным этапам, к характеру феодального государства, развитию русского абсолютизма и его особенностям⁵.

Политика России, как внешняя, так и внутренняя, определялась крепостнической государственностью – самодержавием, верхами бюрократии, правительственным аппаратом. Министерства и особенно местные государственные и сословные органы и учреждения представляли собой лишь *исполнительный* аппарат самодержавия⁶. Их многообразии и конкретная история могут быть предметом специального монографического исследования.

Задачей исследования истории крепостнического самодержавия и его политических институтов в первой половине XIX в. является характеристика основных особенностей и тенденций

развития абсолютизма, сопутствующей ему бюрократии, кадров чиновников и методов их деятельности; основных тенденций и взаимосвязи развития высших государственных учреждений с установившейся в начале века министерской системой управления. Исследование всех этих вопросов приводит к выяснению общего состояния крепостнической государственности к середине XIX в. и неизбежности буржуазных преобразований некоторых наиболее износившихся деталей государственной машины.

Тенденции развития самодержавия, бюрократии и высших государственных учреждений показаны на сравнительно узком хронологическом отрезке ее истории – в первую половину XIX в. В опубликованных ранее работах автора показаны предшествующие и последующие этапы (периоды) развития государственности России, позволившие установить место и значение данного этапа в истории государственности.

Подлинно научной основой учения о государстве эксплуататорского общества, его функциях и аппарате является марксистско-ленинская методология. Многие работы В.И. Ленина содержат конкретные положения о российском абсолютизме, этапах его развития, специфике его изменений, характеристики бюрократии и отдельных звеньев государственного аппарата России. В работе «Попытное направление в русской социал-демократии» (1899) В.И. Ленин дает определение российского самодержавия: «Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия) есть такая форма правления, при которой верховна власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издает законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги *без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением*»⁷. Его указания в статьях «Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам», «Наши упразднители (о г. Потресове и В. Базарове)», «По поводу юбилея» и других работах помогают установить основные этапы периодизации истории монархии в России, а также ее государственности. В.И. Ленин особо выделял «монархию первой половины XIX в.», которая была «не то, что монархия 1861–1904 годов»⁸. Этот период истории России он называл «крепостнической эпохой», называл самодержавие этого времени «*исключительно крепостническим*»⁹. Отмеченные в ряде ленинских работ особенности самодержавия первой половины XIX в. легли в основу концепции данного исследования.

Дореволюционная историография российской государственности весьма значительна. Крупнейшие историки государственного права А.Д. Градовский и Н.М. Коркунов освещали госу-

дарственные учреждения России XIX в. с традиционных идеалистических позиций государственной школы историографии. Большое влияние на эту школу оказали теоретические воззрения немецкого историка права гегельянца Лоренца Штейна. Признавая классы и даже классовую борьбу, Л. Штейн считал государство коллективным индивидуумом, возвысившимся до самосознания и предназначенным способствовать материальному и духовному развитию отдельных индивидуумов, имея в виду не выгоды какого-либо класса, а «пользу всех». Выступая как «естественный защитник притесненных», Л. Штейн был апологетом конституционной монархии, «правового государства», идеализировал юнкерскую прусскую монархию. Наиболее полное изложение этого учения на русском языке дано А.Л. Блоком¹⁰.

Наследовавшие воззрения Градовского и Коркунова кадетские историки права (Н.И. Лазаревский, В.М. Гессен, С.А. Корф, Б.Э. Нольде и др.) свели все вопросы государственности России XIX – начала XX в. к истории мирного эволюционного развития самодержавного государства в сторону «правового» государства.

Дореволюционная историография почти не затрагивала формы правления России, и историки ограничивались чаще всего пересказом первых статей «Основных законов Российской империи» 1832 г.

Более преуспело «биографическое» направление историографии самодержавия первой половины XIX в. В период резкого падения престижа самодержавия и усиления массовой борьбы против него на рубеже XIX – начала XX в. появился ряд работ официальных монархических историков Н.К. Шильдера и вел. кн. Николая Михайловича – авторов пространных биографий Александра I и Николая I, идеализировавших этих монархов крепостнической России и объяснявших все важнейшие события, в том числе и изменения ее государственного строя, через призму деятельности этих самодержцев и близких им сановников¹¹. Большая документальная база этих работ должна была создать впечатление не только о фундаментальности их исследований, но и якобы объективности, что всегда привлекало и доньше привлекает зарубежных историков, воспринявших не только фактический материал этих исследований, но в значительной степени историческую концепцию этих авторов.

Недалеко ушли от монархистов-историков в оценке монархии Александра I и историки либерального лагеря А.Н. Пыпин, автор работы «Общественное движение в России при Александре I» (СПб., 1870), и некоторые другие, занимавшиеся подобными исследованиями. Характеристике внутренней политики первой половины XIX в. посвятил ряд работ историк

либерально-буржуазного направления кадет А.А. Кизеветтер, которого В.И. Ленин обвинял «в подлом оплевывании революционных традиций русской революции»¹². В самодержавии Николая I Кизеветтер усматривал даже склонность к реформистской деятельности, осуждая этого монарха лишь за «разрыв с обществом»¹³. Оценивая самодержавие Николая I, другой кадетский историк, А.А. Корнилов, даже заявил, что «правительственная система императора Николая была одной из самых последовательных попыток осуществления идей просвещенного абсолютизма»¹⁴. Биограф Николая I М. Полиевктов называл его «последним русским самодержцем», восхищался «железной фигурой тюремщика русской свободы»¹⁵.

Несмотря на различие взглядов и оценок отдельных периодов первой половины XIX в., многих этих авторов объединяет общая мысль о том, что единственными инициаторами и вдохновителями всего внутриаполитического развития или тормозом его всегда были носители верховной власти.

Дореволюционная историография русской бюрократии первой половины XIX в. необыкновенно скудна. Господствующие верхи не были заинтересованы в публичном освещении таинств управления даже в историческом плане. Историография дореформенной бюрократии ограничена несколькими посредственными журнальными статьями. Пытавшийся выяснить место бюрократии в государстве казанский историк государственного права В.В. Ивановский считал, что в определенные периоды истории она имела даже «культурно-историческую миссию», которая заключалась «в осуществлении идеи порядка, примиренного со свободой»¹⁶.

Дореволюционная историко-правовая либеральная литература, за небольшим исключением, проводит мысль о почти извечном противостоянии государства и бюрократии, бюрократии и «общества». Эта оценка места и значения бюрократии дореволюционной России была также воспринята современной буржуазной историографией России XIX – начала XX в.

Гораздо больше внимания дореволюционная историография уделила биографиям виднейших деятелей высшей бюрократии дореформенной России: это исследования М.А. Корфа о М.М. Сперанском, вел. кн. Николая Михайловича – о гр. П.А. Строганове, И.Н. Божерянова – о гр. Е.Ф. Канкрине, А.П. Заболотского-Десятовского – о гр. П.Д. Киселеве, В. Иконникова – о гр. П.С. Мордвинове и им подобные. Чаще всего это апологетическая литература, безмерно и некритично восхвалявшая государственных деятелей крепостнической России, ближайших сотрудников Александра I и Николая I. Глубокий критический

анализ объемной работы А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» (ч. 1–2. СПб., 1861) дал Н.Г. Чернышевский в одной из книг «Современника» за 1861 г.¹⁷ Вслед за Корфом он называл Сперанского «мечтателем», вкладывая в это определение совершенно иной смысл: по Корфу, это результат непонимания уровня образованности общества, по Чернышевскому – непонимание «интересов и мыслей» правящих сфер, характера «обстановки», а также переоценка либерализма Александра I.

Своеобразной разновидностью исследовательской литературы по истории государственности России были юбилейные ведомственные издания, написанные иногда чиновниками, а иногда и привлеченными для этой работы историками. По своему научному уровню они далеко не равнозначны. Написанные историками первые три тома «Исторического обзора деятельности Комитета министров. 1802–1902» (СПб., 1902) и обширная пятитомная «История Правительствующего Сената за двести лет» (СПб., 1911), а также юбилейные издания истории I и II отделений Собственной его императорского величества канцелярии выгодно отличаются от большинства юбилейных изданий министерств (кроме Министерства народного просвещения) обилием фактического материала, извлеченного нередко из архивов. Но даже лучшие юбилейные исследования имеют недостатки, характерные для всей дореволюционной историографии: деятельность государственных органов и учреждений дается в них с идеалистических позиций, трактуется в зависимости от личных качеств возглавлявших их сановников, личного внимания к этим органам самодержцев. О крепостном строе в подобных трудах упоминается лишь вскользь и попутно. Так, в весьма посредственной очерке «Министерство внутренних дел. 1802–1902» (СПб., 1901) даже недостатки в деятельности этого министерства в первую половину XIX в. объяснялись «бедностью и малой культурой русского народа»¹⁸.

Самодержавие и верхи бюрократии препятствовали написанию исследований по истории отдельных государственных органов теми авторами, которые не имели связей с правящими кругами или ведомствами. Известному либеральному историку революционного движения России XIX в. М.К. Лемке лишь частично удалось воспользоваться материалами фонда III отделения при написании своей монографии «Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.» (СПб., 1908). Довольно значительную исследовательскую литературу о Синоде создали дореволюционные церковные историки Т.В. Барсов, И.А. Чистович, Ф.В. Благовидов и другие, преподносившие историю Синода первой половины XIX в. в духе апологетики русской православ-

ной церкви, положительного влияния ее на «нравы» народных масс, затушевывавшие карательную деятельность Синода в отношении сектантов, иноверцев и др.

Весьма скупо представлена в дореволюционной историографии и неофициальная история министерств. Общая история зарождения и развития министерского начала дана в статьях историка права А.Н. Филиппова «Исторический очерк образования министерств в России»¹⁹ и формально-юридическом исследовании профессора Демидовского лицея С.П. Покровского «Министерская власть в России» (Ярославль, 1906). Оба автора, разумеется, не вскрывают социально-экономических причин образования и становления министерского начала в России. Исследование петербургского профессора Н.В. Варадинова «История министерства внутренних дел» (ч. I–IV. СПб., 1858–1862) имеет чисто справочное значение, и ее материал расположен погодно.

Государственность России в последние два десятилетия XVIII и первой половине XIX в. стала объектом пристального изучения современной буржуазной, особенно американской и западногерманской, историографии, и это не случайное явление. Воспользовавшись слабой изученностью в советской историографии политических институтов России этого периода, буржуазные историки пытаются навязать свою точку зрения на этот предмет. При всем разнообразии взглядов зарубежных буржуазных историков на государственность России в первую половину XIX в. в их исследованиях можно усмотреть и некоторые общие черты. Все они, разумеется без исключения, полностью отрицают значение экономического развития и классовой борьбы в эволюции абсолютизма и связанной с ним государственной системы. При некотором расхождении в оценке сущности российского самодержавия буржуазные историки проводят мысль о его надклассовости, о русском абсолютизме – самодержавии как арбитре в балансе «социальных сил». А поэтому основными вопросами эволюции российского абсолютизма, по их мнению, являются взаимоотношения самодержавия с дворянством, дворянским «обществом» и особенно с бюрократией. В целом весьма высоко оценивая русское самодержавие XIX и даже начала XX в., они усматривают в нем главную движущую силу «модернизации» страны²⁰. Эти рассуждения, как отмечалось уже в советской печати, являются отголоском старой государственной школы русской историографии²¹.

Значительное место в современной буржуазной историографии политического строя России первой половины XIX в. занимает ее биографическая ветвь: очерки жизни и царствова-

ния самих конкретных носителей самодержавной, абсолютной власти – императоров Александра I и Николая I. Все события и преобразования дореформенной России объясняются в таких работах исключительно субъективными побуждениями императоров и близких к ним высших сановников. Общий научный уровень этой зарубежной литературы невысок и ограничивается в отношении Александра I часто всевозможными изысканиями вокруг легенды о его «таинственной смерти*» и «старце Федоре Кузьмиче**» и т. п.

Николай I в зарубежной буржуазной исследовательской литературе выступает нередко в роли противника сближения самодержавия с «обществом», тормозом «модернизации» России²³.

Прогрессивным якобы в целом тенденциям российского абсолютизма зарубежная историография противопоставляет косную и консервативную русскую бюрократию, исследованию которой в первой половине XIX в. посвящена большая работа Г. Торке²⁴. Все недостатки русской бюрократии он склонен объяснять тем, что в России бюрократия была якобы «неправильной», не соответствовавшей ее «идеальному типу». Этот термин введен в обиход немецким буржуазным философом-неокантианцем, социологом, историком и противником марксизма М. Вебером в работе «Хозяйство и общество». «Идеальный тип» веберовского чиновника включал признаки ординарного буржуазного дельца²⁵.

По истории государственного аппарата этого времени известный интерес представляет большая работа – справочник Э. Амбургера «История организации государственных учреждений России от Петра Великого до 1917 г.»²⁶.

* Характерны названия некоторых биографических работ об Александре I: *Rain P. Un tzar idéologue Alexandre I-er. Paris, 1913; Variatinski V. La mystère d'Alexandre I-er. Paris, 1925; Grunwald C. de. Alexandre I-e, le mystique. Paris, 1955 (Рэн П. Царь-идеолог Александр I. Париж, 1913; Барятинский В. Тайна Александра I. Париж, 1925; Грюнвальд К. де. Александр I – мистик. Париж, 1955)*. Иногда подобные изыскания приводили к весьма странным догадкам, например, о переходе Александра I к концу его жизни в католичество²².

** Известным отголоском легенды о «старце Федоре Кузьмиче» в советской исторической науке является статья Л.Д. Любимова «Тайна старца Федора Кузьмича (Вопросы истории. 1966. № 4. С. 209–214). Л.Д. Любимов еще до войны опубликовал обширную историографическую работу «Тайна императора Александра I» (Париж, 1938).

Повышенный интерес к правлению Николая I, к деятельности III отделения Собственной е. и. в. канцелярии во вторую четверть XIX в. проявили американец С. Монас и англичанин Р. Сквайр²⁷. Они уделили значительное внимание организационным вопросам политического сыска в России, а Р. Сквайр на основе архивных материалов Венского государственного архива осветил и зарубежную деятельность III отделения. Придерживаясь надуманной концепции о конфликте самодержавия Николая I с «обществом», оба автора почти полностью игнорировали роль III отделения в борьбе с крестьянским движением. По их мнению, в стране отсутствовало сколько-нибудь значительное революционное и даже общественное движение; в результате само политическое бытие этого органа у Монаса и Сквайра повисает в воздухе.

Биографическая ветвь зарубежной историографии первой половины XIX в. представлена двумя неравнозначными исследованиями: М. Раева – о М.М. Сперанском и М. Дженкинса – о его политическом антипode А.А. Аракчееве. Работа М. Раева представляет собой большую и весьма содержательную биографию М.М. Сперанского, общетеоретические положения которой заимствованы во многом из дореволюционных работ М. Корфа, Н. Шильдера и А. Пыпина. Гораздо меньше уделяется внимания в работе Раева деятельности Сперанского в области кодификации. Исследование М. Дженкинса об Аракчееве в основном носит описательный характер, второстепенное часто оттесняет главное (в частности, очень слабо показана роль Аракчеева в насаждении военных поселений и их управлении)²⁸.

Наиболее ярким примером необъективного подхода к истории отдельных политических институтов России первой половины XIX в. является работа западногерманского историка Л. Люиг «К истории русского Министерства внутренних дел при Николае I»²⁹. Выставляя на первый план второстепенные сферы деятельности этого министерства – продовольственную, медицинскую и благотворительную, автор при этом высоко оценивает его как орган, который проявлял «заботу государства о благополучии верноподданных»³⁰, а в действиях Николая I она усматривает даже «либеральные стремления», приводя в пример его словесную политику, что якобы «содействовало благосостоянию и развитию общественной жизни». Единственный упрек дворянству России высказывается за пассивность, за нежелание идти навстречу либеральным «порывам» правительства Николая I, проводимым, в частности, через Министерство внутренних дел³¹. Таким образом, традиционная проблема буржуазной историографии «государство» и «общество» в работе этого автора приобретает со-

вершенно особый аспект: тормозом «модернизации» выступает дворянское общество. Работа Л. Люиг – конкретный пример ненаучного подхода к изучению истории государственности России. Книга пестрит ссылками на «авторитетных специалистов» – М.О. Гершензона, С. Франка, П. Струве и т. п.; исходя из их воззрений, Л. Люиг резко отзывается о советских исследованиях истории государственности России³².

Конечно, работа Л. Люиг лишь частный пример грубой фальсификации истории государственности России. Наряду с подобными «трудами» в зарубежной историографии есть и такие, в которых буржуазные историки в освещении отдельных проблем истории России до XX в. создают внешний фон беспристрастности и объективности. Так, Г. Торке, М. Раев, а также Д.Ш. Куртис («Русская армия при Николае I. 1825–1855 гг.»), И. Смолич («История русской церкви 1700–1917 г.»), Н. Рязановский («Николай I и официальный национализм»)³³ и некоторые другие зарубежные исследователи (при полной неприемлемости общеисторической концепции) приводят обширный фактический материал, который может быть полезен в наших исследованиях.

В советской историографии проблемы истории государственности России в первую половину XIX в. до недавнего времени занимали сравнительно скромное место. Дискуссия по проблемам абсолютизма, проводимая в 1968–1972 гг., осветила многие вопросы его генезиса, социальной природы и эволюции, но весьма мало затронула специфику отдельных периодов развития российского абсолютизма, что является, на наш взгляд, причиной многих разногласий историков по проблематике абсолютизма, в том числе и вызвавшего оживленные споры вопроса о соотношении феодального и буржуазного в сущности и политике абсолютизма. Лишь один из участников дискуссии, И.А. Федосов, довольно подробно охарактеризовал абсолютизм первой половины XIX в., попытался установить грани между периодами его прогрессивного развития и упадка, обратил внимание на отдельные особенности его развития в дореформенный период³⁴.

Попыткой конкретизации особенностей самодержавия первой половины XIX в. явилась наша статья «Самодержавие первой половины XIX века и его политические институты (к вопросу о классовой сущности абсолютизма)»³⁵. Советская историография российской бюрократии первой половины XIX в. невелика. Некоторые аспекты ее развития (условия службы чиновников, денежное содержание, бюджет, численность, состав отдельных групп) показал в своем исследовании за весь XIX в. П.А. Зайончковский³⁶. Значительный материал по истории чинов, званий и

титолов XVIII–XX вв. приведен в книге Л.Е. Шепелева «Отменные истории» (Л., 1977, гл. I). Общие тенденции развития дореволюционной бюрократии намечены нами³⁷.

Отдельные вопросы государственности за первую половину XIX в. нашли отражение в ряде общеисторических работ. Сравнительно много внимания внутренней политике царизма и его отдельным политическим институтам уделил в своих интересных учебных пособиях С.Б. Окунь³⁸. Другой ленинградский историк, А.В. Предтеченский, в большом исследовании «Очерки общественно-политической истории России в первую четверть XIX в.» (М.; Л., 1957), используя обширный круг опубликованных архивных материалов, впервые в советской исторической науке подверг глубокому анализу реформаторскую деятельность и политику самодержавия за четверть века, справедливо считая основной причиной ее сложную внутреннюю и международную конъюнктуру. В монографии содержится значительный материал по истории ряда высших и центральных государственных учреждений, однако в ней не затронуты вопросы развития бюрократии, содержатся некоторые спорные положения (например, о развитии министерской системы).

Фактически той же тематике и тем же проблемам посвящена докторская диссертация горьковского историка А.И. Парусова «Административные реформы в России I четверти XIX века в связи с экономической и социально-политической обстановкой» (Л., 1967). Автор, опираясь на большой фактический материал опубликованных и архивных источников, пытается в отличие от А.В. Предтеченского глубже связать основную тему своего исследования с состоянием правительственного аппарата конца XVIII в., развитием экономики и классовой борьбы, что определило особенности структуры и содержания исследования. Но в целом оно лишь частично отвечает поставленным задачам, перегружено фактическим материалом, подчас не завершается необходимыми обобщениями. Иногда главы и разделы глав не имеют логической связи. Так, интересный и очень слабо изученный советской исторической наукой материал о крестьянском движении конца XVIII в. фактически слабо связан с «либеральным курсом» первых лет правления Александра I. Административные реформы первой четверти XIX в. даны А.И. Парусовым, так же как и А.В. Предтеченским, фактически вне связи с эволюцией самодержавия, с бюрократическим строем, с тенденциями развития всего аппарата.

Определенный интерес для раскрытия специфики российского абсолютизма представляет лишь частично опубликованная кандидатская диссертация М.М. Сафонова «Самодержавие и

борьба вокруг государственных реформ в первые годы XIX в.» (Л., 1975), содержащая источниковедческий анализ ряда конституционных проектов начала века.

Гораздо слабее в советской исторической науке изучены процессы развития самодержавия и политических институтов второй четверти XIX в. А.Е. Пресняков в научно-популярной работе «Апогей самодержавия. Николай I» (Л., 1925) лишь намечил некоторые контуры внутренней политики этого времени (крайняя централизация, казенный национализм, бессилие власти к середине века), не связав этих процессов с общим кризисом всей системы. Такая работа была проведена С.Б. Окунем³⁹. Однако и в этих двух различных по назначению работах дана характеристика лишь некоторых политических институтов России второй четверти XIX в.

Из обобщающих за полвека исследований можно назвать небольшую работу И.А. Емельяновой «Высшие органы государственной власти и управления России в дореформенный период» (Казань, 1962), в которой дается исторический обзор некоторых элементов высшей государственности (императорская власть, высшие государственные учреждения). Эта работа написана по опубликованным материалам. Автор совершенно не затрагивает проектов реформ высшей государственности, более того, вопреки фактам отрицается их реальное существование. Хаотична и надуманна классификация высших учреждений: в число высших органов попало Министерство императорского двора, а существовавшая более сотни лет Собственная е. и. в. канцелярия попала в разряд «чрезвычайных органов государственного управления». В работе встречаются неточности и в оценке отдельных учреждений. Смысл существования Государственного совета объясняется только тем, что в нем якобы олицетворялась «фикция участия дворянства в законодательном процессе»⁴⁰. После такого пояснения невольно возникает вопрос: интересы какого же все-таки класса представляло крепостническое государство и все его органы? Ответ один – только одного класса – помещиков-дворян.

В общих курсах отечественной истории государственность России представлена весьма отрывочно, главным образом в разделах «внутренняя политика» и «реформы». В двух главах четвертого тома «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» (М., 1967) о государственном аппарате России (особенно первой четверти XIX в.) даны весьма скудные, а иногда и неточные сведения. Многочисленные ошибки и неточности в учебнике «История государства и права СССР» С.В. Юшкова и учебнике под тем же названием под ред. К.А. Софроненко вызвали справедливую критику научной общественности⁴¹. Составители

учебника «История государства и права СССР» (ч. I, под ред. Г.С. Калинина и А.Ф. Гончарова. М., 1972) учли многие недостатки предшествующих изданий, но и он не лишен определенных недочетов. Так, не дана характеристика особенностей абсолютизма по периодам; периоды второй половины XVIII и первой половины XIX в. рассматриваются совместно (гл. XIII), что противоречит отмеченной выше характеристике первой половины XIX в. как совершенно самостоятельного периода в развитии государственности. Специальные учебные курсы истории «Экономическая история СССР» (М., 1963), «История дипломатии» (2-е изд., т. I. М., 1959) и другие вообще обходят государственность России.

Относительно полнее исследованы советскими историками высшие государственные учреждения и ведомства дореформенной России. Б.М. Кочаков в статье «Государственный совет и его архивные материалы» рассматривает, в частности, и его дореформенную деятельность; роль Государственного совета, а также Комитета министров в законодательстве России затрагивается этим автором в статье «Русский законодательный документ»⁴². Советская историография Сената первой половины XIX в. представлена частью статьи Э.С. Паиной «Сенаторские ревизии и их архивные материалы»⁴³. В статье С.С. Дмитриева «Православная церковь и государство в предреформенной России» содержится характеристика Синода первой половины XIX в.⁴⁴ Истории появления в конце XVIII в. Собственной е. и. в. канцелярии посвящена статья Ю.В. Готье⁴⁵. Деятельность III отделения рассмотрел в своей научно-популярной работе историк 30-х годов М. Троцкий «Третье отделение при Николае I» (М., 1930). Отдельные материалы деятельности III отделения использовали М.Н. Гернет во втором томе «Истории царской тюрьмы» (неск. изд.), А.С. Нифонтов в монографии «Россия в 1848 году» (М., 1949) и др.

История V отделения Собственной е. и. в. канцелярии и некоторых крестьянских комитетов дана в фундаментальной монографии Н.М. Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева» (т. I. М., 1946; т. 2, 1958). Секретный крестьянский комитет 1856 г. и Главный комитет по крестьянскому делу в советской исторической литературе исследованы П.А. Зайончковским⁴⁶. Суммарная история высших комитетов (секретных и несекретных) дана в диссертационном исследовании Т.Г. Архиповой «Высшие комитеты России второй четверти XIX в. К истории кризиса феодально-крепостнической государственности» (М., 1970).

В советской историографии полностью отсутствуют обобщающие исследования по истории образования и становления министерств. Значительный материал по истории деятельности

отдельных экономических ведомств введен в общеисторические работы (по Министерству финансов – Н.С. Киняпиной, частично П.А. Хромовым, А.П. Погребинским и С.Я. Боровым⁴⁷; по управлению государственными крестьянами и имуществами – Н.М. Дружининым; по Главному управлению путей сообщения и публичных зданий – В.С. Виргинским⁴⁸; Государственному контролю – А.И. Коняевым)⁴⁹. Наиболее лаконичными частями серьезной монографии Л.Г. Бескровного «Русская армия и флот в XX веке» (М., 1973), к сожалению, являются разделы, посвященные Военному и Морскому министерствам.

Попыткой исследования государственности России с древнейших времен и до 1917 г. являются наши работы⁵⁰.

Подводя общие итоги историографии самодержавия и его политических институтов в первую половину XIX в., следует отметить наличие многих неизученных проблем как общего характера (специфика абсолютизма и бюрократии этого времени, социально-экономические и политические причины возникновения министерств), так и частных, связанных с историей большинства высших органов государственной власти и ведомств дореформенной России.

В современной советской исторической литературе отсутствуют обобщающие исследования крепостнического самодержавия и его политических институтов, показанных не только в их взаимодействии, но и в динамике их развития. Ход развития крепостнической России привел ее в конечном итоге к глубокому кризису, вынудил самодержавие «сверху» освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии⁵¹.

Основной базой написания данного исследования послужили разнообразные опубликованные и архивные источники. При изучении политических институтов первой половины XIX в. особое место принадлежит, естественно, источникам официального происхождения, т. е. исходящим от самого государства (законы Российской империи, циркуляры, распоряжения и приказы ведомств, отчеты и доклады высших и центральных учреждений, записки и проекты отдельных «установлений» (комитетов и комиссий), их черновые материалы и журналы заседаний, официально издаваемые списки чиновников, адрес-календари (месяцесловы) и памятные книжки, бюджетные и статистические материалы, ведомственная периодическая печать); использованы также дореволюционные и советские публикации и обзоры деятельности отдельных учреждений этого времени. Неофициальные источники темы представлены мемуарами и перепиской разных лиц, главным образом представителей бю-

рократии всех рангов, а также публицистикой различной политической окраски.

Опубликованные в различных изданиях сборников законодательные акты России первой половины XIX в. (первое и второе издания «Полного собрания законов»; «Свод законов Российской империи», изд. 1832, 1842, 1857 гг.; «Свод военных постановлений», изд. 1838 и 1859 гг.) дают возможность исследователю истории государственности представить организационное устройство высших и центральных правительственных органов, нормы, регулирующие государственную службу чиновников, и, наконец, прерогативы самого самодержавного монарха.

Известным дополнением к законам явились циркуляры, распоряжения и приказы отдельных государственных органов, акты управления, утверждаемые главою соответствующего ведомства. Широкое распространение циркулярно-распорядительных актов с начала XIX в. свидетельствовало о возросшем динамизме ведомств, усилении бюрократизма их деятельности. Циркуляры самого важного и обширного ведомства России – Министерства внутренних дел дополняли и конкретизировали и без того пространную компетенцию этого ведомства по охране крепостного строя⁵².

Весьма специфичным и сложным для анализа видом источников являются ежегодные и сводные (за несколько лет) отчеты высших и центральных государственных учреждений, подаваемые на имя императора («всеподданнейшие отчеты»). Эта форма обобщения деятельности государственных учреждений, а также контроля за ними появилась с начала XIX в. (для министерств письменные отчеты были установлены XII пунктом манифеста 8 сентября 1802 г.). Всеподданнейшие отчеты III отделения ежегодно обобщали богатейшую информацию о политических событиях, массовом крестьянском движении, происшествиях. В работе широко использованы также сводные отчеты (особенно юбилейные, представленные почти всеми ведомствами в начале 1852 г. в связи с 25-летием царствования Николая I)*.

* Часть их опубликована в Сборнике Русского исторического общества (далее – РИО) (т. 98, с. 299–448); некоторые остались неопубликованными и использованы по архивным материалам, например по Министерству внутренних дел (ЦГАОР. Ф. 722. Оп. 1. Д. 599. Л. 1–105об.); Министерству уделов (Там же. Д. 579. Л. 1–49), Генеральному штабу (ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 3. Д. 321. Л. 1–335) и т. д.

Нередко в процессе деятельности начальники отдельных правительственных органов подавали на имя царя так называемые всеподданнейшие доклады, в которых выступали сами инициаторами преобразований и изменений. Умело составленный молодым чиновником только что созданного Министерства внутренних дел М.М. Сперанским такой «доклад» для министра В.П. Кочубея о недостатках коллегиальной формы управления был даже утвержден Александром I в форме закона 18 июля 1803 г., что фактически означало переход к введению в министерствах России единоначалия.

В условиях кризиса феодально-крепостнического строя недовольные состоянием государственного аппарата отдельные представители высшей бюрократии стали проявлять инициативу, оформляя свои пожелания и соображения в виде записок-проектов преобразований как всей государственной машины, так и ее отдельных звеньев. Кроме многочисленных проектов М.М. Сперанского в данном исследовании использованы записки-проекты адмирала Н.С. Мордвинова, Г.Р. Державина, С.Р. Воронцова, П.Е. Заводовского, В.П. Кочубея, Д.А. Гурьева, а также М.А. Балугьянского, Б.Б. Кампенгаузена и других. Во вторую четверть XIX в. этот поток проектов государственных преобразований ослаб, превратился в слабый ручеек и окончательно иссяк к началу 40-х годов.

Бюрократическая практика с канцелярской тайной и секретностью полностью исключала возможность публикации каких-либо делопроизводственных материалов деятельности правительственных учреждений в первую половину XIX в. Историки извлекли и опубликовали журналы и материалы отдельных высших правительственных учреждений крепостнической России первой половины XIX в.: Негласного комитета, Непременного совета, частично Государственного совета и Комитета министров (за первую четверть века), Комитета 6 декабря 1826 г. и др.

К журналам и другим официальным материалам правительственных учреждений примыкают публикации документов деятельности отдельных правительственных учреждений, также использованные в исследовании⁵³. О деятельности карательного аппарата крепостнического самодержавия первой половины XIX в. дают весьма интересный материал советские публикации документов по истории крестьянского и рабочего движения, судебно-следственные материалы по делам декабристов и петрашевцев.

Немаловажный интерес для истории дореформенной государственности представляют различные справочные издания по кадрам правительственного аппарата в их следующих основных

разновидностях: месяцесловы и адрес-календари, памятные книжки, общие и ведомственные списки чиновников.

К группе вспомогательно-справочных источников примыкают и бюджетно-статистические материалы. Особое место среди них занимают публикации цифровых данных бюджета России за первую половину XIX в. в приложениях к юбилейному изданию «Министерство финансов 1802–1902» (ч. 1. СПб., 1902). Эти материалы позволили проследить общие тенденции изменений российского бюджета за первую половину века.

С учреждением в России ведомств зародилась ведомственная периодика (журналы, газеты). В работе использованы некоторые из этих изданий – «Журнал Министерства внутренних дел», «Журнал Министерства юстиции», «Журнал Министерства народного просвещения», «Военный сборник» и др.

Кризис феодально-крепостнического строя вызывал критику состояния его государственной машины. Кроме официальной критики, исходящей от отдельных представителей высшей бюрократии, существовала и иная, более острая, критика всей крепостнической государственности, независимая от бюрократии и далекая от царских и министерских кабинетов. Это проекты и предложения служившего в Комиссии для составления законов А.Н. Радищева, эпиграммы А.С. Пушкина, показания на следствии декабристов и петрашевцев, знаменитое письмо В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю 15 июля 1847 г., статьи Н.Г. Чернышевского в «Современнике», зарубежная бесцензурная публицистика А.И. Герцена.

Частично использованы критические замечания государственных порядков крепостнической России иностранцев-путешественников и дипломатических работников: Ж. Де Местра, М. Ансело, И.В. Пай, В.С. Пельшинского, А. Сюзанне, Г. Доре и маркиза де Кюстина.

Реформаторские настроения самодержавия в первые годы XIX в. вызывали в определенной части дворянства и чиновников критику справа. Резко выступил против проектов М.М. Сперанского с позиции охраны неприкосновенности самодержавия и государственных порядков XVIII в. Н.М. Карамзин.

Привлекается также мемуарная литература – воспоминания и дневники, главным образом представителей дореформенной бюрократии, представителей ее верхов (А. Чарторижский, М.А. Корф, А.Х. Бенкендорф, Л.В. Дубельт, В.Р. Марченко, А.С. Шишков, А.И. Дельвиг, Г.Р. Державин, И.И. Дмитриев и др.), средней прослойки (Ф.Ф. Вигель, Я. де Санглен, А.В. Никитенко, С.П. Жихарев, Н.М. Колмаков и др.). Авторы этих мемуаров – чиновники разных рангов бюрократической лестницы и

различных учреждений – с разной степенью осведомленности освещают события государственной жизни дореформенной России, сложившиеся порядки, характеризуют деятелей высших и центральных органов государственной власти, учреждений управления. Преломленные, разумеется, через призму субъективных оценок, симпатий и антипатий, эти источники тем не менее дают ценный познавательный материал. Как правило, глубокая осведомленность сановников позволяет исследователю государственности России извлечь из их мемуаров факты и события, выявить мнения и настроения, находящиеся всегда за кулисами официальной деятельности правительственных мероприятий, закамуфлированные нередко густой паутиной словесной лжи «всеподданнейших» докладов, отчетов, казуистических формул, законодательных актов и прочих официальных документов.

Совершенно отличны от «чиновничьих» мемуаров воспоминания представителей революционного лагеря – декабристов Н.А., А.А., М.А. Бестужевых, М.С. Лунина, Г.С. Батенькова, А.Е. Розена и других, петрашевца Д.Д. Ахшарумова, дневники и воспоминания «Былое и думы» А.И. Герцена. Для этих мемуаристов характерны благородные отличительные мотивы, острая критика крепостничества и всех его порождений, в том числе и государственности первой половины XIX в., в особенности более знакомых им карательных звеньев государственной машины: администрации, полиции, политического сыска, суда, тюрем. Мемуары революционеров крепостнической России позволяют представить более ярко и реально разложение чиновничества, всепроникающую паутину николаевской жандармерии и III отделения, бесправие народа и произвол крепостнического суда, жуткий режим губернских острогов и сибирских каторжных тюрем.

В процессе исследования проблематики круг использованных опубликованных источников был дополнен значительным количеством материалов, извлеченных из фондов государственных архивов Москвы и Ленинграда, Центрального государственного исторического архива СССР (ЦГИА), Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (ЦГАОР), Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА), Центрального государственного архива Военно-Морского Флота СССР (ЦГАВМФ) и трех рукописных отделов государственных библиотек – Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина (ГБЛ), Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (П.Д.).

В основной массе это архивные фонды высших правительственных, частично центральных государственных органов, а также некоторых государственных деятелей России XIX в. (М.М. Сперанского, А.А. Аракчеева, М.А. Корфа, П.Д. Киселева, А.В. Головина, Д.А. и Н.А. Милютиных, К.Г. Репинского, А.С. Меншикова и др.). Подавляющее большинство архивных источников, использованных в работе, падает на фонды ЦГИА СССР, где находятся архивные фонды большинства высших и центральных государственных учреждений дореволюционной России. Наибольший интерес среди фондов ЦГАОР СССР представляют фонды-коллекции Зимнего и Мраморного дворцов, а также карательных органов первой половины XIX в. (Особенной канцелярии Министерства полиции – внутренних дел; Следственного комитета и Верховного уголовного суда по делу декабристов и III отделения Собственной е. и. в. канцелярии); фонды ЦГВИА и ЦГАВМФ дали необходимый материал по истории военного и военно-морского ведомств. В целом архивные материалы существенно и органически дополнили весьма значительный круг опубликованных источников.

Особенности крепостнической монархии
первой половины XIX в.

Абсолютизм представлял позднюю форму правления феодального государства, когда оно достигло полного экономического и политического единства. Его основным атрибутом была неограниченная власть монарха. С установлением в России абсолютизма (первая четверть XVIII в.) это понятие полностью слилось с понятием «самодержавие»¹.

В силу определенных конкретно-исторических условий в любом абсолютистском государстве можно найти черты общего (характерные для всех абсолютных монархий) и особенного (характерные для развития абсолютизма каждой конкретной страны). Абсолютная монархия в России возникает и складывается в отличие от ряда западноевропейских государств не в условиях упадка и разложения феодализма, а в условиях его подъема и укрепления. Именно это определяло одноклассовую – феодальную базу российского абсолютизма, устраняло из его характеристики классическую для абсолютизма ряда западноевропейских стран формулу «равновесия». Единый феодальный класс-сословие помещиков-дворян и зарождавшийся класс буржуазии всегда нуждались в твердой и единой государственной власти, гарантировавшей охранение материальных интересов и привилегий крепостников от посягательства народных масс. Развивавшиеся в недрах феодального строя капиталистические отношения, а затем и капиталистический уклад вынуждали абсолютную монархию приспосабливаться к новым условиям и этим создавали объективные предпосылки к ее эволюции в сторону буржуазной монархии.

В отечественной истории первая половина XIX в. занимает особое место. Это был переходный период, когда в недрах феодальной формации уже сложился новый капиталистический уклад и несоответствие характера производительных сил производственным отношениям порождало кризисные явления, приняв-

шие к середине века облик непоправимого кризиса, который и привел к падению крепостного строя в 1861 г. Это было время формирования рынка вольнонаемного труда, вытеснения из промышленности средневековых форм эксплуатации, разложения барщинного хозяйства, роста торговли, начала промышленного переворота.

Быстрый рост рыночных отношений, роскошь и мотовство господствующего класса-сословия помещиков-дворян приводили к усилению феодальной эксплуатации, выразившейся в возрастании барщины и оброка. Налоговый гнет вызывал классовое сопротивление эксплуатируемых масс крестьянства. В передовой части дворянства зреют антикрепостнические настроения, характеризующие дворянский этап освободительного движения, выдающимися деятелями которого были декабристы и А.И. Герцен.

Экономическая и финансовая государственная политика, особенности классовой борьбы, возросшее значение просвещения, а вместе с тем общий рост территории и населения Российской империи отражались на самодержавном, дворянско-бюрократическом аппарате, усложняли его функции, вынуждали его приспособляться к новым социально-экономическим условиям.

В истории государственности этот период является итогом предшествующего развития самодержавия в условиях крепостничества, дальнейшего роста и укрепления дворянской бюрократии, совершенствования ее методов управления, чрезвычайного усложнения всех звеньев государственного аппарата. Наряду с этим дореформенная государственность явилась также как бы истоком для ее последующего развития. Россия после 1861 г. наследовала в основном старую, крепостническую государственность вплоть до сохранения всех основных звеньев государственных органов и учреждений. Был сделан лишь первый робкий шаг в сторону буржуазной монархии. Государственные планы и проекты реформ крепостнической России (М.М. Сперанского, Комитета 6 декабря 1826 г. и др.) являлись нередко источником бюрократического вдохновения пореформенных правящих верхов, черпавших из глубин крепостнического прошлого начала для разработки различных реформ и преобразований России, вступившей на путь капиталистического развития.

В XVIII в. господствующий класс-сословие помещиков-дворян еще не был единым, что отражалось на состоянии абсолютной монархии. Даже среди сторонников абсолютизма боролись различные группировки, выставлявшие на престол того или иного претендента. Все эти перевороты были «до смешного легки», так как «речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой»². В среде дворянства су-

ществовали и противники абсолютизма, сторонники олигархического ограничения власти монарха. Эти тенденции проявились в попытке ограничения самодержавной власти верховника в 1730 г., в проектах Н.И. Панина в 1762 г., в настроениях некоторых представителей знати в конце XVIII – начале XIX в.

Дворцовый переворот 11 марта 1801 г. внешне не отличался от аналогичных переворотов в России XVIII в. Здесь были и инициаторы – генералы-авантюристы – гр. П.А. Пален и Л.Л. Беннигсен, и поддерживавшие их вице-канцлер гр. Н.П. Панин и английский посол Витворт, и лихие исполнители – братья Зубовы с группой гвардейских офицеров и верные им войска; ночная экспедиция в резиденцию Павла I – Михайловский замок, физическое устранение императора с наивным манифестом о его внезапной смерти от «апоплексического удара». По форме и содержанию переворот был данью традициям XVIII в. Этой теме посвящена обширная дореволюционная исследовательская литература. Авторы выдвигали различные причины данного переворота: безумие Павла I (В.О. Ключевский, П.И. Ковалевский, А.Г. Брикнер и др.), английские интриги (Е.С. Шумигорский, К. Валишевский и др.), деспотизм Павла I (В.И. Семевский), стеснение политических прав дворянства (М.В. Ключков)³. Зарубежные историки повторяют аналогичные причины⁴. Советские исследователи (С.Б. Окунь, А.В. Предтеченский) связывали переворот с нарушением соотношения власти самодержца с его социальной опорой⁵.

Необходимо отметить, что дворцовый переворот 11 марта 1801 г. определялся суммой факторов, связанных с особенностями внутривластного, социального и государственного развития России в последнюю четверть XVIII в. Так, губернская реформа 7 ноября 1775 г. усилила влияние местного дворянства на управление и суд⁶. Они получили право избирать до $\frac{1}{3}$ губернских и до $\frac{1}{2}$ уездных должностных лиц. Это способствовало проведению децентрализации государственного аппарата: многие функции коллегий были переданы на места наместникам (генерал-губернаторам), подчиненным лично императрице и номинально – Сенату. В связи с этим в 80-е годы было закрыто большинство коллегий. За губернской последовали и другие местные реформы, из которых наибольшее значение имела «Грамота на права, вольности и преимущества благородного дворянства» 21 апреля 1785 г., которая оформила местную дворянскую корпорацию, завершила создание единого дворянского сословия. Дворянская корпорация помогала самодержавию проводить политику крепостнического государства.

Но децентрализация в самодержавном государстве могла быть только временной мерой, ибо оказывалась в глубоком противоречии с верховной властью, которая всегда предпочитала строгую централизацию управления, бюрократизм и регламентацию. В свое время децентрализация управления при Екатерине II зиждилась исключительно на личном начале: наместники назначались преимущественно из наиболее доверенных императрице сановников. Павел I стремился разрушить некоторые элементы децентрализации. Так, был упразднен институт наместников, а коллегии в несколько измененном виде восстановлены; выборность местных чиновников заменена назначением. В условиях обострения классовой борьбы (крестьянские волнения 1796–1797 гг.) эти меры ослабили местные власти и контроль за ними со стороны Сената, что создавало особую опасность для крепостнического государства.

Однако централизаторские тенденции монарха привели к откровенному деспотизму, он не получил поддержки большинства господствующего класса-сословия помещиков-дворян. Монарх стремился ограничить права дворян и стеснил дворянскую корпорацию на местах, проявлял деспотизм и неуравновешенность во взаимоотношении с высшими столичными сановниками. Как впоследствии характеризовал его Ф. Энгельс, он «был упрямым, своенравным человеком... стал невыносимым, его надо было устранить»⁷. Заговорщики действовали наверняка, зная, что у Павла нет твердой поддержки ни в придворных кругах, ни в верхах бюрократии, ни в гвардии, ни в провинциальном дворянстве. Согласие на государственный переворот единственного законного наследника вел. кн. Александра Павловича было также получено. Робкую попытку жены свергнутого и убитого императора вел. кн. Марии Федоровны занять престол («Ich will regieren», – «Я хочу царствовать»)⁸ никто всерьез не принял, да к тому же эта попытка восстановить женское правление была незаконной: по изданному Павлом I «Акту о порядке престолонаследия» 5 апреля 1797 г. престол переходил по праву первородства только по мужской линии.

Дворцовый переворот 11 марта 1801 г. был последним в истории российского абсолютизма. Исчезновение этой формы замены главы неограниченной монархии свидетельствовало об известной внутренней консолидации господствующего класса-сословия помещиков-дворян, вызванной боязнью массовых крестьянских волнений, опасностью идеологического воздействия французской революции. Сыновья и внуки вдохновителей дворцовых переворотов в России, сочинителей планов ограничения самодержавной власти предпочитали в первую половину

XIX в. более прозаические пути служебной карьеры – заседали в Комитете министров, Государственном совете и Сенате, восседали в министерских и департаментских кабинетах, служили при императорском дворе, командовали в армии.

Острота классово-политической борьбы в конце XVIII в., вылившаяся широкой волной крестьянского движения в 32 губерниях России в 1796–1797 гг., в какой-то мере определила курс либеральной политики Александра I. В эти годы произошло 174 активных крестьянских выступления и было подано до 60 коллективных прошений крестьян⁹. Нужно отметить, что это движение лишь частично освещено в исследовательской литературе, однако без всякой связи с правительственной политикой начала XIX в.¹⁰

Как и каждый этап развития, самодержавие первой половины XIX в. имеет свои специфические особенности. Прежде всего это его ориентация на частые смены курсов внутренней политики, параллельность в проведении реакционных и либеральных мероприятий, частые реорганизации и перестройка разных звеньев государственного аппарата (одновременно в среде высшей бюрократии зарождаются планы и тенденции к робким буржуазным преобразованиям его отдельных звеньев). При этом элементы буржуазной государственности непременно сочетаются с условием сохранения феодально-крепостнического строя и феодального государства.

Самодержавие первой половины XIX в. наряду с декларацией «божественности» своего происхождения и подкреплении власти силой карательного аппарата стремится в условиях кризиса крепостничества к юридическому обоснованию «законности» как самого самодержавия, так и всей его политики. В тесной связи с этим находились и поиски более эффективных средств идеологического воздействия на народные массы, формирование официальной идеологии крепостнического самодержавия – «теории официальной народности». Отмечая способность монархии этого времени к большой политической гибкости и лавированию, В.И. Ленин писал, что «монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и “спускали” на верноподданных Аракчеевых...»¹¹.

При вступлении на престол Александр I допускает ряд либеральных жестов: были восстановлены жалованные грамоты дворянству и городам, упразднена Тайная канцелярия, возвращены на службу или уволены в отставку некоторые потерявшие службу чиновники, сановники, разрешены поездки за границу и т. п. Сначала складывалось впечатление, что внук пытается исполнить обещание править «по законам и сердцу» «августейшей бабки» своей. Но в результате лишь немногие одиозные фигуры

правления Павла I были удалены, среди них обер-шталмейстер И.П. Кутайсов, генерал-прокурор П.Х. Оболянинов, московский обер-полицмейстер Ф.Ф. фон Эртель, а в основном во всех звеньях правительственного аппарата руководящие посты сохранились за представителями павловской бюрократии. Возвратились в Петербург некоторые вельможи, бывшие в опале у прежнего монарха-самодура. Так, Н.П. Панин получил вскоре, с созданием министерств, даже пост министра иностранных дел; павловский любимец А.А. Аракчеев вскоре стал инспектором всей артиллерии. Свои многочисленные посты (петербургского военного губернатора, управляющего гражданской частью в Петербургской военной инспекции и др.) сохранял вначале П.А. Пален. «Его подпись стоит на официальных заявлениях, издаваемых в первые минуты, – писал впоследствии А. Чарторижский. – Он притязал на то, чтобы ничто не делалось без его разрешения и помимо его»¹².

Наиболее влиятельной группировкой правящих кругов России в начале XIX в. оставались вельможи и выслужившиеся чиновники XVIII в., среди них князья А.Р. и С.Р. Воронцовы, гр. П.П. Румянцев, Н.В. Чичагов, князья П.А. и В.А. Зубовы, Г.Р. Державин, Д.П. Троицкий, гр. П.В. Завадовский, кн. А.Б. Куракин, А.А. Беклешов. Большинство их рассчитывало провести «конституционные» проекты, ограничивающие власть императора. Характерна записка престарелого канцлера князя А.А. Безбородко «О потребностях империи Российской», написанная еще в 1799 г. Не посягая на основы государственного устройства, он призывал императора лишь к уважению изданных законов; предлагая возвысить Сенат, он мнил его под председательством самого императора и уповал, что через сенатские «департаменты» должны быть охвачены все управления, суд, надзор¹³.

Конституционный проект Н.И. Панина, составленный им еще в 80-х годах XVIII в., также отводил первенствующее место Сенату, большинство членов которого избирались местными дворянскими собраниями; ими же избиралась и вся местная администрация. Сенат по этому проекту получал законодательную власть, а император – власть исполнительную¹⁴.

Этот проект лег в основу проекта, предложенного в начале правления Александра I племянником Н.И. Панина – участником заговора 11 марта гр. Н.П. Паниным. Проекты, направленные к расширению прав Сената, представили также гр. П.А. Зубов и адмирал Н.С. Мордвинов; они в свою очередь настаивали на выборности членов Сената дворянскими собраниями¹⁵.

По проекту Г.Р. Державина Сенат избирался верхами столичного дворянства и являлся представительным органом, наде-

ленным законодательной, исполнительной, судебной и «оберегательной» властью. Сенатское общее собрание он наделял правом составления, обсуждения и утверждения законов¹⁶. Находящийся в своей деревне в Вологодской губ., попавший в опалу при Павле I сенатор А.Р. Воронцов предложил учредить совет, фактически соправительствующий с императором, наделить Сенат важнейшими государственными функциями (в том числе законодательными)¹⁷. Его брат, русский посол в Лондоне гр. С.Р. Воронцов, высказывался за конституцию в России. В письме к сыну М.С. Воронцову 21 апреля 1801 г. он противопоставлял государственный строй России английскому. «Страна слишком обширна, – писал он, – чтобы государь, будь он хоть вторым Петром Великим, мог все делать сам при существующей форме правления без конституции, без твердых законов, без несменяемых и независимых судов»¹⁸.

Нельзя согласиться с выводом М.М. Сафонова, что «инициатива в постановке вопроса об изменении государственного строя России в первые годы XIX в. принадлежала руководителям дворцового переворота 11 марта 1801 г.»¹⁹. Этот круг лиц был гораздо более широким, среди них были и участники дворцового переворота. Можно различить три политические группировки, которые правительство Александра I с Негласным комитетом стремились объединить и сплотить. Представитель самой влиятельной группировки вельмож и высших чиновников XVIII в., тайный советник Д.П. Трошинский, связанный с заговором 11 марта, уже 16 марта (т. е. через несколько дней после переворота) был назначен на пост фактически первого советника Александра I, «состоящего при его величестве у исправлении дел, по особому доверию на него возлагаемых». Вместе с некоторыми участниками дворцового переворота и бывшими членами Совета при высочайшем дворе этот деятель вошел в состав эфемерно-величественного «Совета неперменного» – Непременного совета.

Предложенные Александру I конституционные проекты были отвергнуты Негласным комитетом. В качестве компромиссной меры Александр I в указе от 5 июня 1801 г. предложил Сенату самому определить свое положение и права.

В кругу «друзей» по Негласному комитету император был откровеннее: 25 апреля 1801 г. он, высказывая свои взгляды на «реформы», заявил, что они должны быть «исключительно» делом самого императора и никого другого» и «реформа администрации должна быть предпочтительнее конституции»²⁰. Это направление легло в основу всей политики реформ 1801–1811 гг.

Объективная обстановка, сложившаяся в стране, страх перед новыми крестьянскими выступлениями заставляли трезво

оценивать крайнее несовершенство существующей системы государственного аппарата и вынуждали Александра I и его ближайших сотрудников по Негласному комитету смотреть не назад в XVIII в., как это советовали влиятельные члены Непременного совета и сенаторы, а вперед – проводить ряд реформ по укреплению расшатавшегося государственного механизма.

Политика лавирования и игра в «конституционализм» в первые месяцы правления Александра I, а также вызванные сложностью внутри- и внешнеполитической обстановки некоторые дальнейшие преобразования, имевшие слабовыраженные буржуазные элементы (цензурная реформа 1804 г., создание всесословной системы учебных заведений в 1803–1804 гг. и др.), дали основание сделать вывод некоторым историкам, что речь идет о периоде «просвещенного абсолютизма» начала XIX в.²¹ Однако в отличие от соответствующих периодов XVIII в. этот период был более коротким, менее ярко выраженным, недостаточно последовательным.

С целью приспособления политических и правовых учреждений России к новым, развивавшимся в недрах крепостного строя буржуазным отношениям были проведены реформы 1801–1811 гг., которые значительно укрепили высший и центральный государственный аппарат, а местные правительственные и сословные учреждения теснее связывались с центром.

Господствовавшее в дореволюционной (а одно время и в советской) историографии противопоставление первой и второй половины правления Александра I как либерального (1801–1812 гг.) и реакционного (1815–1825 гг.) периодов внутренней политики является в значительной степени условным, ибо и политика заигрывания с либерализмом, имеющая элементы «просвещенного абсолютизма», и сменившая ее «аракчеевщина» имели одну цель – укрепление самодержавно-крепостнического строя. Государственные планы представителя умеренного бюрократического либерализма М.М. Сперанского соседствовали и уживались с созданием первых военных поселений, с восстановлением обязательных для абсолютной монархии органов политического сыска (секретного Комитета «рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия», созданного 13 января 1807 г., а затем параллельно действовавшего с ним с 1810 г. Министерства полиции).

Наряду с насаждением военных поселений, Библейского общества и учреждением Министерства духовных дел и народного просвещения Александр I «дарует» Польше конституцию, а один из его вельмож – Н.Н. Новосильцев составляет «Уставную грамоту». Он же был составителем инструкции для деятельности

секретного органа политического сыска – Комитета 13 января 1807 г. и являлся деятельным его членом²².

Необходимость гибкой политики признавал и преемник Александра I Николай I, реакционный курс которого перемежался с обсуждением в особых секретных комитетах различных полумер по крестьянскому вопросу. Так, в 1837–1838 гг. проводится реформа государственных крестьян, создается полупривилегированная сословная прослойка «почетных граждан» (1832).

Лавирование самодержавия (абсолютизма) особенно четко прослеживается в первой половине XIX в. по отношению к буржуазии. Ход экономического развития обуславливал осуществление мероприятий, противоположных охранительным тенденциям крепостнического государства. В 1802 г. правительство пошло на создание Министерства коммерции; согласилось на проведение протекционистской политики; на учреждение в 1819 г. (чтобы «дать купечеству вящие способы к расширению коммерческого оборота») Государственного коммерческого банка; на создание при Министерстве финансов в 1828–1829 гг. Мануфактурного и Коммерческого советов – буржуазных по составу органов; на проведение финансовой реформы Ф.Ф. Канкрин; на организацию промышленных выставок в 30–40-е годы и т. д.²³ Делая подобные уступки нарождавшемуся классу буржуазии, абсолютизм преследовал узкоэгоистические классовые цели крепостников, но объективно все эти меры разлагали феодализм.

Крайне противоречивые процессы в развитии государственного строя России, без сомнения, способствовали его эволюции в сторону буржуазной монархии. В первую половину XIX в. они ощущались еще неглубоко: основы абсолютизма были устойчивыми.

Нельзя согласиться с мнением, что реформы начала XIX в. были последними преобразованиями государственного аппарата самодержавно-крепостнической России и что последующий период 1815–1861 гг. «не внес ничего принципиально нового в область государственного строительства»²⁴. 3 июля 1826 г. было учреждено III отделение Собственной е. и. в. канцелярии (фактически реформа политического сыска завершилась 1 июля 1836 г.). 22 августа 1826 г. создается Министерство императорского двора. Если «Учреждение об императорской фамилии» 5 апреля 1797 г. установило определенную четкость во взаимоотношениях между членами императорской фамилии, упорядочило индивидуальное имущественное положение каждого из них, то новое министерство было направлено на достижение согласованной деятельности отдельных административно-хозяйственных учреждений, обслуживавших императорскую фамилию. Создание Министерства

императорского двора явилось, таким образом, элементом общих процессов развития абсолютизма дореформенной крепостнической России.

В конце 20 – начале 30-х годов XIX в. самодержавием была проведена кодификация законов, инкорпорация огромного законодательного материала за 176 лет (с «Соборного уложения» 1649 г.) в «Полное собрание законов» с выделением из него действующих законов в «Свод законов Российской империи». Эта мера способствовала повышению оперативной деятельности всех звеньев государственного аппарата крепостнического самодержавия.

Эту же цель преследовало совершенствование бюрократии, особенно активно проводимое с середины 20-х и в 30-е годы XIX в. Значение и роль проведенной в 1837–1842 гг. обширной реформы государственной деревни подробно освещены в фундаментальной монографии Н.М. Дружинина²⁵. Упорядочение и укрепление системы «государственного феодализма» в форме «благожелательного попечительства» рассматривалось самодержавием как средство частичного разрешения крестьянского вопроса.

Как специфическую особенность абсолютизма первой половины XIX в. следует рассматривать различные планы и проекты государственных преобразований, составляемые наиболее дальновидными представителями высшей бюрократии России; некоторые из них объективно имели буржуазный характер. Наиболее типичными в этом отношении являлись планы М.М. Сперанского, разночинца по происхождению (сын священника), но благодаря личным способностям занимавшего в начале XIX в. ряд важнейших государственных постов (директор департамента Министерства внутренних дел, статс-секретарь, государственный секретарь и др.). В октябре 1809 г. по поручению Александра I Сперанский подготовил план государственных преобразований «Введение к уложению государственных законов». Этот политический деятель признавал нарастание недовольства народных масс крепостнической системой, что «дух народный страждет в беспокойствии», а это вызвано «глухим, но сильным желанием другого вешей порядка»; он делал вывод, что существующее общественно-политическое устройство России «несвойственно уже более состоянию общественного духа»²⁶. В целях предотвращения революции он рекомендовал Александру I дать стране конституцию. «Российская конституция, – писал он, – одолжена будет бытием своим не воспалениям страстей и крайностей обстоятельств, но благодетельному вдохновлению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может иметь

все способы дать ему самые правильные формы»²⁷. Эта конституция должна будет только «облечь правление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона, оставив в сущности его ту же силу и то же пространство самодержавия»²⁸. Этими внешними формами, прикрывавшими самодержавие, по мнению Сперанского, должны быть: элементарная законность, выборность части чиновников и их ответственность, новые буржуазные начала организации суда и контроля, разделение властей, расширение политических прав «среднего состояния» и т. п.

По проекту Сперанского политические права получали лишь два сословия: дворянство и «среднее состояние» (купцы, мещане, государственные крестьяне). Они выбирали «законодательную» Государственную думу и распорядительные волостные, окружные и губернские думы, а также судебные органы; министры и чиновники местной администрации назначались императором. Все законодательные, исполнительные и судебные функции сосредоточивались в Государственном совете – высшем учреждении при императоре, «в коем все действия части законодательной, судной и исполнительной в главных их отношениях соединяются и через него восходят к державной власти и от нее изливаются»²⁹.

Для третьего сословия – «народа рабочего» (крепостные крестьяне, рабочие, домашние слуги) – проект Сперанского предоставлял лишь некоторые гражданские права при сохранении крепостного строя. Не покушаясь на крепостное право, Сперанский считал, что оно будет отменено постепенно, путем развития промышленности, торговли и просвещения, так как «нет в истории примера, чтобы народ просвещенный и коммерческий мог долго в рабстве оставаться». Сохраняя существование сословий, проект Сперанского ослаблял сословные перегородки, предусматривая более широкую возможность перехода из «среднего состояния» в дворянство путем выслуги, а из «народа рабочего» – в «среднее состояние» путем приобретения частной собственности. Объективно планы Сперанского были направлены на некоторое ограничение самодержавия путем расширения политических прав дворян и буржуазии, на более быструю эволюцию абсолютной монархии в сторону монархии буржуазной.

Глубокое знание и анализ современного состояния России подсказали М.М. Сперанскому планы преобразования государственного и общественного строя, но их реализацию этот представитель крайне умеренного, чисто бюрократического либерализма возложил на самого Александра I. Это дало основание Н.Г. Чернышевскому назвать Сперанского «мечтателем», «не понимавшим недостаточность своих средств для проведения за-

думанных реформ»³⁰. Деятельность Сперанского вызывала недовольство дворян, которые третировали его как выскочку. Влиятельный в придворных кругах писатель и историк Н.М. Карамзин подал на имя царя «Записку о древней и новой России», в которой, отстаивая екатерининские порядки, злобно порицал планы Сперанского³¹.

Самого же Александра I вполне устраивали лишь частичные преобразования крепостнической государственности, сдобренные либеральными обещаниями и отвлеченными рассуждениями в духе «просвещенного абсолютизма» о законе, свободе и пр. «Император, – писал об Александре I хорошо знавший его и близкий к нему в первые годы правления кн. А. Чарторижский, – любил наружные формы свободы подобно тому, как увлекаются зрелищами. Ему нравился призрак свободного правительства, и он хвастал им; но он домогался одних форм и наружного вида, не допуская обращения их в действительность; одним словом, он охотно даровал бы свободу всему миру при том условии, чтобы все добровольно подчинились исключительно его воле»³².

По справедливому замечанию Н.М. Дружинина, в начале XIX в. «российское самодержавие пыталось создать новую форму монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически сохраняющую единоличную власть государя»³³. Даже эти настроения правящих кругов России свидетельствовали об известных, хотя еще и очень робких, сдвигах абсолютной монархии в сторону монархии буржуазной.

Объективные условия, сложившиеся в России к началу XIX в., были таковы, что даже это формальное юридическое ограничение абсолютизма не стало необходимостью. Ознакомившись с проектом государственных преобразований Сперанского, Александр I с тревогой писал: «Что же я такое? Нуль. Из этого я вижу, что он подкапывается под самодержавие, которое я обязан вполне передать наследникам своим»³⁴.

Проекты Сперанского перепугали господствующий класс России. Атмосферу переполоха хорошо передал чиновник – современник Сперанского Д.П. Рунич: «Самодержавие царя считалось с мнением Государственного совета! Всполошились не только администрация, но также и все дворянство. Самый недалевидный понимал, что вскоре наступят новые порядки, которые перевернут вверх дном весь существующий строй. Об этом уже говорили открыто, не зная еще, в чем состоит угрожающая опасность. Богатые помещики, имеющие крепостных, теряли головы при мысли, что конституция уничтожит крепостное право и что дворянство должно будет уступить шаг вперед плебеям»³⁵. Однако в первое десятилетие нового века крестьянское движение

пошло на убыль (в 1796–1800 гг. в России было 272 крестьянских выступления, а за 1801–1810 гг. – только 209³⁶). В эти годы буржуазные элементы в стране были слабыми, дворянская революционность переживала еще зачаточный период, а сами либеральные жесты правительства породили надежды на преобразования сверху. С 1805 г. внимание дворянской общественности было отвлечено бурными внешнеполитическими событиями.

Известная стабилизация положения абсолютизма в конце первого и в начале второго десятилетия XIX в. позволила Александру I отвернуться от либеральных планов. Аналогичная судьба постигла и проекты изменений отдельных правительственных учреждений (проекты создания правительственного «кабинета» в форме Советов министров, реорганизация Сената и т. п.).

Практически М.М. Сперанскому удалось осуществить лишь некоторые отрывочные части широкого плана: 1 января 1810 г. был учрежден законосовещательный Государственный совет, 25 июня 1811 г. – «Общее учреждение министерств, которое вводило бюрократическое единообразие в организацию и деятельность министерств; в 1810–1812 гг. был проведен ряд мероприятий в области финансов. Крах плана преобразований Сперанского в его полном виде был увенчан падением его как политического деятеля и ссылкой в марте 1812 г.

Само возникновение планов Сперанского и их дальнейшая судьба свидетельствовали о разложении и кризисе феодально-крепостнического строя и нежелании самодержавия в начале XIX в. пойти навстречу этим новым процессам в жизни страны.

Развитие российской государственности в начале XIX в. пошло более осторожным и медленным путем, нежели это предлагали М.М. Сперанский и авторы некоторых других проектов государственных преобразований.

Одной из сложных проблем государственности абсолютной монархии в России является вопрос о заимствовании ею и внешних форм абсолютизма, и соответствующих ему учреждений. Можно согласиться с мнением А.Н. Чистозвонова о том, что организация учреждений абсолютизма в России «нередко рецептируется с западноевропейских образцов, но она наполняется крепостническим содержанием и служит целям защиты крепостнических порядков»³⁷. Но вместе с тем этот объем заимствований государственных институтов нельзя и переоценивать. Для прочности политических институтов необходимы определенные условия и предпосылки. Опыт развития государственности России XVIII в. показал, что в условиях крепостнической государст-

венности выжили лишь те заимствованные учреждения и формы их организации, которые имели определенные корни в ранее существовавшей государственной системе. Элементы коллегий существовали в центральных учреждениях Русского государства XVII в. в форме приказного судьи «с товарищи»; элементы единоначалия появились в недрах коллегий еще со второй половины XVIII в. И наоборот, попытки ввести уже в первой четверти XVIII в. разделение властей и ведомства оказались неудачными ввиду отсутствия в крепостнической России для их существования условий, сходных с западноевропейскими; эти политические институты не дожили до смерти самого их учредителя – Петра I. Созданные Екатериной II в 1775 г. по английскому образцу совестные суды, не имея прочной основы в крепостнической России, искусственно поддерживались абсолютной монархией; просуществовав более $\frac{3}{4}$ века в виде полубездействующих учреждений, они были упразднены в 1852 г., т. е. за 12 лет до судебной реформы³⁸. Оказались безжизненными в начале XIX в. и в 20-х годах планы создания правительственного «кабинета» по примеру западноевропейских государств. Этот проект оказался совершенно чуждым крепостнической монархии с ее практикой «всеподданнейших докладов» министров абсолютному монарху, который сам и осуществлял свойственную кабинету функцию «объединения» деятельности министров. Как и в XVIII в., оказалась чуждой для России первых двух десятилетий XIX в. идея «разделения властей» даже в верхних этажах государственности (разделение Сената на Правительствующий и Судебный). Зато министерская организация буржуазной Франции оказалась весьма приемлемой для феодальной России, внутри центральной системы управления которой – в обветшалых и расшатавшихся коллегиях – давно уже появились министерские начала.

Реформы государственного аппарата 1801–1811 гг. коснулись лишь тех его звеньев, которые к началу века обветшали и потеряли свою оперативность (Сенат, центральные органы управления). Совет при высочайшем дворе, совмещавший в себе функции обсуждения проектов законов и высшего управления (одновременно с Сенатом), был уже неудобен. Усложнившиеся задачи государства потребовали создания новых высших правительственных учреждений с более четким подразделением их функций: Государственного совета – законодательного органа, Комитета министров – высшего административного органа.

Сосредоточение функций обсуждения законопроектов и высшей администрации в особых правительственных органах сократило компетенцию Сената, который с начала XIX в. превра-

тился в высший орган суда и надзора за правительственным аппаратом. Между созданными в 1802–1811 гг. министерствами и местными учреждениями установилась более тесная связь, все местные учреждения были распределены по министерствам – в России впервые появились ведомства.

В целом эти реформы укрепили бюрократическую машину абсолютной крепостнической монархии, и, по справедливому замечанию исследователя, они «не таили в себе ничего буржуазного», за исключением некоторых буржуазных элементов в реформах просвещения и цензуры³⁹. Эти элементы оказались в крепостнической государственной машине совершенно инородными и были вскоре заменены более подходящими для нее политическими институтами. План государственных преобразований Сперанского не был проведен в жизнь, и как точно отметил Н.Г. Чернышевский, «осуществившаяся часть его работ приняла характер, противоположный духу, которым должна была проникнуться по его предположению»⁴⁰. Практическое осуществление лишь отдельных не связанных между собой обломков плана Сперанского способствовало укреплению крепостнической государственности, утверждению более реакционных и застойных ее элементов.

Окончание войны с Наполеоном, реставрация реакционных монархических режимов в Западной Европе и создание Священного союза, крушение умеренно-бюрократических конституционных планов Сперанского, страх перед зарождавшейся дворянской революционностью и опасение нового взрыва крестьянских волнений – все это определило внутреннее послевоенное развитие России. С середины второго десятилетия в России сложился особый политический режим, называемый «аракчеевщиной». К этому времени А.А. Аракчеев превратился в первого министра самодержавной монархии Александра I, фактического руководителя всей внутренней политики России, единственного докладчика императору почти по всем высшим учреждениям и ведомствам. Характерными чертами аракчеевского режима были усиление деспотизма самодержавия, грубой военщины и бюрократического произвола, сочетавшихся с религиозным ханжеством и лицемерием в среде господствующего класса. В государственности России это нашло выражение в религиозно-мистических настроениях Александра I и его окружения, в создании Библейского общества и Министерства духовных дел и народного просвещения, в усилении цензурных репрессий и гонений на народное просвещение, в военизации государства с учреждением военных поселений и внутренней стражи, в совершенствовании целой системы органов политического сыска.

Резкое усиление карательной функции государства свидетельствовало о большой неуверенности господствующего класса в незыблемости самодержавия и крепостного строя, об опасении революционных потрясений не только в опекаемой Священным союзом Западной Европе, но и внутри России. Такие опасения были небезосновательны. Вопрос о ликвидации крепостного права, свержении самодержавия и его бюрократии поставили и пытались разрешить дворянские революционеры-декабристы. «В 1825 г., – говорил В.И. Ленин, – Россия впервые видела революционное движение против царизма...»⁴¹ Но дворяне-революционеры были далеки от народа и не могли объединиться с ним, хотя выдвигаемая ими программа диктовалась стремлением улучшить положение народных масс. Самодержавная монархия без больших усилий подавила восстание дворянских революционеров в Петербурге и на юге России в конце 1825 г., сохранив и укрепив в последующие десятилетия дополнительными элементами тот политический государственный режим, который сложился в России в период «аракчеевщины». Монархия Николая I была аракчеевщиной без Аракчеева.

Реформы правительственного аппарата в начале XIX в. лишь на время укрепили политический строй крепостнического государства. Конец первой четверти века был ознаменован дальнейшим углублением кризиса, что нашло отражение не только в очередном кризисе финансовой системы крепостнической России в конце 10 – начале 20-х годов, но и в общем росте недовольства политической системой страны. Отдельные представители высшей бюрократии подают Александру I проекты преобразований государственного аппарата: в 1814 г. – гр. В.П. Кочубей, 1 декабря 1815 г. – министр финансов гр. Д.А. Гурьев, 20 ноября 1816 г. – государственный контролер Б.Б. Кампенгаузен; позднее, Николаю I в 1826 г., – главноуправляющий II отделением Собственной е. и. в. канцелярии М.А. Балугьянский⁴². Сановники высказывали критические замечания в отношении ряда старых государственных учреждений (особенно Сената), резко критиковали некоторые новые (Комитет министров, министерства), предлагали усовершенствование действующей системы государственного аппарата путем установления большей четкости и разделения функций между учреждениями, создания министерского «единства» с помощью нового органа (Совета государя, Комитета и т. п.) и т. д. По своему содержанию эти проекты были более умеренными и узкими, чем проекты М.М. Сперанского. Они не нашли никакого практического претворения. О проектах вспомнили только при учреждении первого из секретных комитетов – Комитета 6 декабря 1826 г., созданного

для усовершенствования крепостнической государственности. Из всех проектов государственных преобразований 10-х годов XIX в. выделяется конституционный проект Н.Н. Новосильцева. Во время заседания первого польского сейма в марте 1818 г. Александр I в своей речи намекнул на возможность введения в России конституции и поручил императорскому комиссару при Административном совете Царства Польского Н.Н. Новосильцеву разработать проект конституции России⁴³. При активном содействии известного писателя П.А. Вяземского этот проект был подготовлен уже к 1819 г. и получил наименование «Государственной уставной грамоты Российской империи». Она имела даже некоторое сходство с конституцией Царства Польского, утвержденной Александром I 15 (27) ноября 1815 г. «Державную власть» в государстве сохранял император, а в делах законодательных ему «содействуют» (ст. 10, 13) народное представительство (для всего государства – двухпалатный государственный сейм Государственная дума; Сенат с назначаемым составом и Посольская палата – с выборным). По проекту конституции страна получала широкое федеральное устройство: делилась на наместничества (а те на губернии, уезды, округа). Свойственный проекту М.М. Сперанского 1809 г. имущественный принцип выборов Новосильцев заменил сословным: на дворянских собраниях («сеймиках») дворяне избирали депутатов как в наместнические сеймы, так и в Посольскую избу. Высшим органом законодательной инициативы, надзора и администрации по проекту Новосильцева становился возглавляемый самим царем Государственный совет, куда входил и чисто административный Правительственный совет из министров⁴⁴. В целом проект Н.Н. Новосильцева был гораздо более умеренным, чем проект М.М. Сперанского 1809 г. В нем не содержалось никаких элементов буржуазной государственности, он являл собой конституционный проект феодально-крепостнического государства*. Но даже

* Исходя из чисто внешнего принципа организации местного управления (федерализм), буржуазный историк Г. Вернадский пытался установить сходство и даже родство между конституционными проектами царского чиновника Н.Н. Новосильцева и декабриста Н.М. Муравьева (Известия Таврического университета. Симферополь, 1919. Кн. 1. С. 127–141; *Vernadsky G. La charte constitutionnelle de l'Empire de Russie de l'an 1820. Paris, 1933. P. 283*). Глубокую ошибочность этой точки зрения доказал Н.М. Дружинин в своей книге «Декабрист Никита Муравьев» (М., 1933. С. 242–243).

этот вариант оказался для крепостнической монархии Александра I неприемлемым*. Александр усматривал непреодолимые трудности при введении «конституции» в России⁴⁵. Сделав либеральный жест в адрес общественного мнения соотечественников и Западной Европы, самодержец предпочел сохранить режим военно-полицейской аракчеевщины.

Из современников наиболее емкую характеристику Александру I дал А.С. Пушкин, подметивший основные личные и государственные качества этого монарха**: слабоволие, хитрость, неискренность, жестокость, бездарность, трусость, низкие дипломатические способности⁴⁶. Как впоследствии отмечал Ф. Энгельс, Александр I отличался слабоволием, непостоянством, лицемерием и большим самомнением.

Его преемник Николай I, по выражению Ф. Энгельса, был «посредственный человек с кругозором взводного командира»⁴⁷. В условиях кризиса крепостного строя этот солдафон и гонитель просвещения в отличие от своих предшественников имеет ряд определенных «заслуг»: хотя и ограниченно, но более ясно он понимал задачи крепостнического государства в этот период и имел достаточно воли проводить в интересах помещиков-дворян политику, допуская иногда уступки, но не допуская никаких колебаний****.

* Во время польского восстания 1830–1831 гг. повстанцы обнаружили текст «грамоты» в бумагах Новосильцева в Варшаве и издали ее в 2 тыс. экз. Часть тиража фельдмаршал И.Ф. Паскевич доставил в Москву Николаю I. По «высочайшему повелению» 27 ноября 1831 г. эти экземпляры были сожжены в арсенальском дворе Кремля. Еще ранее в письме Паскевичу Николай I, осуждая проект, с тревогой отмечал, что «на 100 человек наших молодых офицеров 90 прочтут – не поймут или презрят, но 10 оставят в памяти, обсудят и, главное, *не забудут*. Это пуще всего меня беспокоит» (*Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. СПб., 1898. Т. 4. С. 466).

** Даже партнер Александра I по Священному союзу, Меттерних, называл его снисходительно «наибольшим ребенком»; он осуждал Александра I за либеральные жесты, вялость, нерешительность, за отсутствие цели в развитии государства; за то, что «следя от увлечения к увлечению, от религии к религии, он все разрушал и ничего не построил» (*Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich.* Paris, 1881. Т. 3. Р. 276, 531).

*** Яркую характеристику Николая I дал П.А. Зайончковский (Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 106–110).

Восстание декабристов, его подавление, а также вспышка крестьянского движения в 1826 г. консолидировали и сплотили все слои господствующего класса. Вдохновителем нового политического реакционного курса явился Николай I⁴⁸. «Не от дерзновенных мечтаний, всегда разрушающих, – заявлял он в манифесте 13 июля 1826 г., извещавшем о завершении расправы с декабристами, – но свыше усовершаются постепенно отечественные установления». «Установления» эти носили характер частных преобразований, направленных на охранение и консервацию феодально-крепостнического строя.

На восстание декабристов самодержавие ответило усилением военно-крепостнической диктатуры. В стране проводится военизация ряда звеньев государственного аппарата: министры назначаются из генералов; военизированы отдельные ведомства (горное, лесное, путей сообщения); во главе многих губерний были поставлены военные губернаторы, в 1803 г. из 48 губерний и областей гражданское управление имели 25; в 1850 г. из 53 губерний и областей (без Финляндии и Царства Польского) гражданское управление имели лишь 12 центральных губерний; в России к этому времени было 2 наместничества и 10 генерал-губернаторств (в 1803 г. – 3 генерал-губернаторства)⁴⁹. Во всех ведомствах установился крайний бюрократический централизм; вершину здания крепостнического государства увенчала Собственная е. и. в. канцелярия, где были сосредоточены многие важнейшие вопросы управления государством. Весь этот гражданский, полумилитаризованный аппарат дополнялся военным, который осуществлял в значительной мере основную, внутреннюю функцию государства. Из 2081 волнения крестьян за 1826–1856 гг. до 1/3 были подавлены с помощью размещенных на территории каждой губернии батальонов и команд внутренней стражи, а также полевых частей армии⁵⁰.

Даже в мирное время в крепостнической России сохранялись в полном комплекте все строевые единицы до армии включительно. На территории Польши и двенадцати прилегавших к ней губерний была расположена так называемая «Действующая армия», которая находилась в состоянии постоянной боевой готовности и представляла собой, по выражению будущего военного министра Д.А. Милютин, «странную аномалию среди глубокого мира»⁵¹. С помощью этой армии Николай I держал в повиновении не только Польшу, но в страхе всю Западню Европу, осуществлял роль царизма как жандарма Европы.

Крепостническое самодержавие рассчитывало не только на карательную силу. Специфической особенностью абсолютизма в России первой половины XIX в. было стремление к правовому

обоснованию его политических институтов. Так, в манифесте об упразднении Тайной экспедиции 2 апреля 1801 г. отмечалось, что «в благоустроенном государстве все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общей силой закона». В указе об упразднении Комиссии составления законов 5 июня 1801 г. утверждалось, что лишь в законах – «начало и источник народного благоденствия»⁵².

«Истинный разум всех усовершенствований, внутренних установлений нашего отечества, – провозглашал манифест 1 января 1810 г. об учреждении Государственного совета, – состоит в том, чтобы по мере просвещения и расширения общественных дел учреждать постепенно образ правления на твердых и непременных основаниях закона»⁵³. Смысл этой «законности» действий монарха пояснял М.М. Сперанский: «Никакая другая власть ни вне, ни внутри империи не может положить пределов верховной власти, им самим поставленных извне государственными договорами, внутри – словом императорским, суть и должны быть для него непреложны и священны. Всякое право, а следовательно и право самодержавное, потолику есть право, поколику основано на правде. Там, где кончается правда и начинается неправда, кончается право и начинается самовластие»⁵⁴. Таким образом, вся «законность» упиралась фактически в выполнение неограниченным монархом самим же им данных правовых норм. Впоследствии это нашло выражение в ст. 47 «Основных законов Российской империи» 1832 г.: «Империя Российская управляется в твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих»⁵⁵. Самодержцы нередко оговаривались, что закон «выше» их. Одна из высочайших резолюций гласила: «Закон должен быть для всех единственен. Коль скоро я себе дозволю нарушать законы, кто тогда почтет за обязанность наблюдать их?.. Я чувствую, – заявлял Александр I, – себя обязанным первее всех наблюдать за исполнением законов»⁵⁶.

Внешним выражением заинтересованности абсолютной монархии дореформенной России в «законном» закреплении своей политики была кодификация законов, проводимая во второй четверти века, выразившаяся в создании сборников законодательных актов – «Полного собрания законов Российской империи» и «Свода законов Российской империи» (1832), а также издания кодекса феодальной монархии «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., закреплявшего основы уголовно-полицейских порядков феодально-крепостнического государства. Кодификация 30-х годов оказалась более удобной формой юридического обоснования самодержавия первой половины XIX в., чем опасный для крепостнического строя и абсолю-

тизма конституционализм начала XIX в.: не создавая ничего нового, она закрепляла «законность» действий неограниченного монарха и правящих верхов. Реформа государственной деревни была таким же паллиативом, только в области социальных отношений: ничего не меняя, она временно обновляла крепостной строй (в сфере государственного феодализма).

Незыблемость абсолютизма в России закреплялась включением в первое издание «Свода законов» (1832) так называемых «Основных законов Российской империи». Составленная Сперанским и обобщенная в единый законодательный акт, компиляция из законов и постановлений XVIII – начала XIX в. касалась общих начал государственного строя России: Воинского устава 30 марта 1716 г., Морского устава 23 января 1720 г., Духовного регламента 25 января 1721 г., манифеста 28 февраля 1730 г., манифеста 14 декабря 1766 г. о созыве депутатов в Уложенную комиссию, акта о порядке престолонаследия и «Учреждения об императорской фамилии» 5 апреля 1797 г., манифеста об образовании Государственного совета 1 января 1810 г. и др.⁵⁷

Первая статья «Основных законов» определяла форму правления России: «Император Российский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не только за страх, но и за совесть сам бог повелевает»*.

Самодержавие и во второй четверти века подчеркивало свое стремление к стабильности законов. 6 августа 1832 г. управляющий I отделения Собственной е. и. в. канцелярии обратился с письмом к председателю Государственного совета и Комитета министров гр. В.П. Кочубею с объявлением ему «высочайшего повеления» о запрещении входить с представлениями, заключающими в себе «изъятие из законов», ибо Николай I усмотрел, что «с некоторого времени испрашиваются изъятия из законов и правил всеми и столь часто, что скоро закон и правило обратиться могут и сами в изъятие»⁵⁹.

По нашему мнению, недостаточно убедительно звучит утверждение С.М. Троицкого, высказанное им в дискуссионной статье об абсолютизме: «Усиление черт деспотизма», «азиатчи-

* Сравните с «толкованием» к ст. 20 Воинского устава 30 марта 1716 г.: «Его величество есть самовластительный монарх, который никому на свете в своих делах ответу дать не должен; но и силу и власть имеет, свои государства и земли, яко христианнейший государь по своей воле и благомнению управляет»; Духовный регламент 25 января 1721 г.: «Монархов власть есть самодержавная, которой повиноваться сам бог за совесть повелевает»⁵⁸.

ны» во внутренней и внешней политике российского абсолютизма происходит с конца XVIII – начала XIX в.⁶⁰ Как раз наоборот, по мере продвижения абсолютной монархии в направлении монархии буржуазной идет процесс высвобождения ее от элементов деспотизма. Конечно, в самом понятии «законность» в крепостнической монархии первой половины XIX в. много декларативного и показного. Александр I особенно в первые годы правления сохранял наследованные еще от Екатерины II лицемерные жесты «просвещенного монарха». В действиях Николая I было больше грубости и солдафонства. Оба заверяли в «законности» деятельности. Эта законность там, где она проявлялась, носила, разумеется, ограниченный, строго классовый характер, так как существующие в стране законы выражали волю господствующего класса помещиков. В отношении же широких народных масс деятельность всех звеньев дворянского аппарата дореформенной России, начиная с мелких полицейских чинов и уездных судов и кончая высшими «установлениями», сохраняла грубый военно-полицейский произвол, незаконности действий чиновников, бесправие народных масс. О незаконности действий чиновников говорили в своих показаниях декабристы⁶¹. В.Г. Белинский в известном письме к Н.В. Гоголю включил в программу-минимум передовой России такое скромное требование, как исполнение хотя бы тех законов, которые существуют. Именно эти особенности российского абсолютизма давали основание В.И. Ленину характеризовать самодержавие в России даже в конце XIX – начале XX в. «азиатски диким», «пропитанным азиатским варварством»⁶².

И все же, несмотря на весьма ограниченный классовый и сословный характер законности в дореформенной России, сам факт того, что самодержавная монархия вынуждена ссылаться на законность своих действий, свидетельствует: абсолютизм первой половины XIX в. уже не чувствовал себя прочно без подобного юридического основания.

Повышенный интерес к праву, законам и законности в первой половине XIX в. объяснялся еще и тем, что абсолютизм в их обоснованиях видел одно из важнейших средств укрепления всего феодально-крепостнического строя. Вся информация о внутреннем состоянии России и настроения сословий III отделение Собственной е. и. в. канцелярии сосредоточивало в прилагаемом к ежегодному «Отчету о действиях» «нравственно-политическом обозрении». Призывая Николая I «вновь завести машину», оно рекомендовало «ключи» для этого – «правосудие и промышленность»⁶³.

Идеологические позиции правящих кругов крепостнического государства первой половины XIX в. переживают измене-

ния. Идеология абсолютизма XVIII в. базировалась на «Правде воли монаршей» Ф. Прокоповича и «Наказе» Екатерины II⁶⁴. Лежащие в основе этих трактатов идеи естественного права и просвещения оказались после французской революции неприемлемыми и даже опасными для российского самодержавия. К концу XVIII – началу XIX в. самодержавие вынуждено вырабатывать новую официальную идеологию. Опора на русскую православную церковь не оправдала себя: та не смогла создать прочной государственной доктрины крепостнического самодержавия. Не принесло ожидаемых результатов и некоторое повышение образовательного уровня духовенства, чему способствовала духовно-учебная реформа 1808 г. Самодержавие обращается к опыту Запада, где церковь имела лучшую организацию и большее идеологическое воздействие на массы.

В начале XIX в. в России была разрешена деятельность иезуитов, открывших пансион для обучения сыновей самых знатнейших фамилий России (Голицыных, Прозоровских, Строгановых, Барятинских, Гагариных и др.), развивших бурную деятельность в Белоруссии (Полоцкая коллегия). Их деятельность нашла своего посредника в лице французского эмигранта сардинского посланника (1803–1814 гг.) гр. Жозефа де Местра. Тот обратился в 1810 г. к министру народного просвещения гр. А.К. Разумовскому с «Пятью письмами об общественном образовании в России», в которых весьма откровенно восхвалял иезуитов и иезуитское воспитание. «Это общество, – писал он, – сторожевой пес... пусть он бродит около дома и будит нас, когда это необходимо, прежде чем ваши двери будут взломаны или к вам проникнут через окна»⁶⁵. В особой записке, поданной обер-прокурору Синода кн. А.Н. Голицыну в марте 1812 г., де Местр развивает программу «европеизации» русского самодержавия и связывает охрану и усиление дворянских привилегий и крепостного права с постепенным распространением католицизма как основной опоры самодержавия⁶⁶.

Возросшее число «обращений» в католичество представителей знатнейших фамилий России вызвало резко отрицательную реакцию православного духовенства на деятельность иезуитов, привело к указу о высылке иезуитов из Петербурга и Москвы. К этому времени правящие верхи России наметили другой путь религиозного обновления России.

Победа над Наполеоном, реставрация реакционных монархий в Западной Европе и создание Священного союза трех императоров необычайно активизировали деятельность церкви во всей Европе. Влиянию революционных идей Запада и развитию их в России самодержавие уже в первое десятилетие XIX в. про-

тивопоставляет религиозные догмы, заимствуя у некоторых западноевропейских христианских религий организационные формы и методы этой пропаганды, даже религиозно-мистическую литературу. Вдохновителем религиозно-пропагандистской кампании был сам Александр I. Дореволюционные дворянские, а также и буржуазные историки часто объясняли религиозно-мистические настроения Александра I личным «переломом» в его взглядах, психологической драмой сына – участника убийства отца и прочими чисто субъективными мотивами⁶⁷.

Решающим фактором религиозно-мистических настроений, охвативших правящие круги России в это время, были все-таки общественно-политические мотивы, связанные с реакцией в Европе. Да и так называемые личные настроения Александра I имели определенную социальную подкладку. Самодержец не верил в потенциальные силы своего народа, приписывал успех победы над Наполеоном, ликвидацию его армий в России и освобождение Европы вмешательству сверхъестественных божественных сил. В манифесте 1 января 1816 г. по поводу окончания войны и водворения мира говорилось, что «самая великость дел сих показывает, что не мы то сделали. Бог для совершения сего нашими руками дал слабости нашей свою силу, простоте нашей свою мудрость, слепоте нашей свое всевидящее око»*.

6 декабря 1812 г. Александр I утвердил всеподданнейший доклад главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий кн. А.Н. Голицына и проект учреждения в Петербурге по западноевропейскому образцу Библейского общества, первоначально для издания книг Ветхого и Нового завета для лиц неправославного населения России – «иностранных исповеданий»; на протяжении всего 1813 г. открывались его комитеты, а с 4 сентября 1814 г. оно стало Российским.

К концу 1823 г. Российское библейское общество имело до 300 местных комитетов, 2900 корреспондентов и членов⁶⁸. Президентом общества стал обер-прокурор Синода кн. А.Н. Голицын, вице-президентами – гр. В.П. Кочубей, гр. А.К. Разумовский, Р.А. Кошелев; членами комитета Библейского общества были митрополиты – петербургский (Амвросий), московский (Филарет), киевский (Серафим), епископы – черниговский (Михаил) и тверской (Серафим). В составе его членов были и иностранцы. Так, связь с английским Библейским обществом осуще-

* Даже апологет Александра I Шильдер считал, что текст этого манифеста «наводил на тяжелые размышления» (*Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. 4. С. 1).

ствляли английские пасторы Петерсон и Питт. Почетным членом был сам Александр I.

Активная деятельность Библейского общества проявилась в его религиозно-издательской деятельности. На разные национальные языки были переведены Библия и другие церковные книги. За 12 лет существования Библейского общества в России им было издано 876 106 экземпляров одной только Библии и ее отдельных частей⁶⁹.

Верное идее «сближения церквей» Библейское общество в изобилии издавало и распространяло также отечественную и западноевропейскую религиозно-мистическую литературу вроде «Таинства креста», «Победной повести веры христианской» Юнга Штиллинга (1815), «Беседы на гробе младенца» Станкевича, «Воззвания к человеку о последовании внутреннему влечению духа христиан» (1820), двух изданий избранных творений г-жи Гион и пр. «Небесный союз веры и любви, – восторженно отмечалось в отчете общества за 1818 г., – учрежденный посредством библейских обществ в великом христианском семействе, открывает прекрасную зарю брачного дня христиан и то время, когда будет один пастырь и едино стадо, т. е. когда будет одна божественная христианская религия во всех»⁷⁰.

Деятельность Библейского общества, а также Министерства духовных дел и народного просвещения вызывала недовольство и противодействие духовников православной церкви, опасавшихся усиления в России западноевропейских религий, а следовательно, ослабления позиций православной церкви. Объединенные силы церковников и Аракчеева добились ликвидации вначале ненавистного министерства (15 мая 1824 г.), а затем и Библейского общества (12 апреля 1826 г.). В канцелярии Министерства народного просвещения родилась пространная «Записка о крамолах врагов России»: деятельность Библейского общества в России характеризовалась как крамольная и направленная к ослаблению в народе русском приверженности к вере и церкви православной⁷¹.

Закрытие Библейского общества явилось следствием довольно острой борьбы двух реакционных группировок внутри господствующих верхов и духовенства из-за содержания и методов религиозного воздействия на массы*.

Таким образом, попытки заимствовать содержание и методы западноевропейской реакционной религиозной идеологии потерпели в России крах. Идет процесс зарождения чисто «нацио-

* Исследователь М.И. Рижский считает, что закрытие общества было последствием политической реакции⁷².

нальной» и «самобытной» теории государственности. Конституционным проектам Сперанского Н.М. Карамзин противопоставлял неизбежность самодержавия, считал его единственной формой правления⁷³. Церковные деятели (Питирим, Серафим, Фотий и др.), а также министр народного просвещения адмирал А.С. Шишков прославляли православие. Сам Сперанский в процессе разработки «Основных законов Российской империи» неоднократно подчеркивал божественное происхождение императорской власти. Эту двуединую формулу – самодержавие и православие – оставалось связать и дополнить третьим компонентом, подчеркивающим прочность и неизбежность крепостнической монархии.

Курс политической реакции, установившийся после подавления восстания декабристов, разрозненные и локальные крестьянские выступления создавали видимость тишины и спокойствия в империи. Это определило и третий, связующий элемент государственной доктрины крепостнической России – «народность», понимаемую правящими верхами как глубокую преданность народных масс царю, православию, помещикам-крепостникам и «патриархальным» устоям жизни. Нельзя согласиться с мнением американского исследователя этой теории Н.В. Рязановского о «сомнительности» и «спорности» третьего элемента теории официальной народности⁷⁴. Как видно, триединость имела прочную внутреннюю логику.

Впервые четко и полно эта доктрина сформулирована ловким и беспринципным чиновником Министерства народного просвещения товарищем министра С.С. Уваровым в отчете о ревизии им Московского университета 4 декабря 1832 г. Он утверждал, что правильное образование должно «слиться» с глубоким убеждением и теплою верою в истинно русские охранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и веры, залог силы и величия нашего отечества⁷⁵.

Назначенный вскоре на пост управляющего, а затем и министра народного просвещения, С.С. Уваров проводит эту политику посредством своей администрации. В циркулярном предложении начальникам учебных округов он развил официальное понимание термина «народность», что являлось, по его мнению, благодеянием для России: «Тогда как другие народы не ведают покоя и слабеют от разномыслия, она (т. е. Россия. – Н. Е.) крепка единодушием беспримерным. Здесь царь любит отечество в лице народа и правит им, как отец, руководствуясь законами, а народ не умеет отделять отечество от царя и видит в нем свое счастье, силу и славу»⁷⁶. Напечатанное в первом номере только что

созданного ведомственного «Журнала Министерства народного просвещения», это «предложение» (фактически циркулярное предписание) стало государственной доктриной крепостнического самодержавия. В отличие от религиозно-пропагандистской деятельности Министерства духовных дел и народного просвещения и Библейского общества пропаганда теории официальной народности носила более активный и разносторонний характер. Она пронизала все поры государственности России; о ней вещали манифесты и речи Николая I, писали во «всепопданнейших отчетах» III отделение и министры; она провозглашалась с церковных амвонов и с университетских кафедр, пронизывала изыскания историка М.П. Погодина, присутствовала в исторических романах М.Н. Загоскина, Н.В. Кукольника и Ф.В. Булгарина, в гимназических учебниках и периодических изданиях. Эту активность и решительность пропаганды теории официальной народности в 30–40-е годы отметил и Н.И. Рязановский⁷⁷. Религиозномистической государственно-церковной доктрине кн. А.Н. Голицына, основанной на идее космополитического сближения церквей и заимствования в католичестве и протестантстве методов идеологического воздействия на массы, николаевская Россия в лице руководителя духовного ведомства Н.А. Протасова (1836–1855) противопоставила чисто «национальное» направление деятельности церкви в плане осуществления формулы официальной народности.

Наряду с военным аппаратом и карательной направленностью III отделения, кодификацией законов и секретными комитетами теория официальной народности была средством, с помощью которого крепостническое государство в России второй четверти XIX в. старалось держать в повиновении народные массы и бороться с передовой дворянской и зарождавшейся разночинной общественностью; «здоровые начала» самобытной и неиспорченной России противопоставлялись «гнилому» и «развращенному революционными идеями» Западу.

Революция 1848 г. в Европе укрепила веру самодержавия в спасительную силу данной теории, поставившей, по выражению С.С. Уварова, «умственную плотину» влиянию революции⁷⁸. «Вот и у нас заговор, – сделал заметку управляющий III отделением Л.В. Дубельт, узнав о раскрытии кружка петрашевцев. – Слава богу, что вовремя раскрыт. Надивиться нельзя, что есть такие безмозглые люди, которым нравятся заграничные порядки»⁷⁹. Эта заметка второго лица жандармского ведомства России выражала определенные настроения правящих кругов России, неспособных усмотреть глубокие корни зарождения и деятельности революционных организаций в самой стране и склонных все

объяснять дурным влиянием «порочного» Запада. В написанных для сыновей «Заметках» Дубельт выступает с восхвалением самодержавия, личности Николая I, крепостничества, самобытности России, противопоставляя все это «бессмыслию» Запада – «гадкой помойной ямы». По его мнению, «образ правления нашего самый настоящий, сходный с природою, сходный с потребностями человека благомыслящего». «Наш народ оттого умен, – заявлял он, – что тих, а тих оттого, что не свободен». Русский человек «не избалован свободою и ни с чем не сообразными правами человека», а поэтому в России «мир, тишина, трудолюбие и подчиненность». Свообразны взгляды Дубельта на науку и просвещение: «В нашей России должны ученые поступать, как аптекари... и отпускать учености только по рецептам правительства». «Просвещение должно состоять в познании и исполнении своих обязанностей». В своей концентрированной и грубой форме жандармская философия Л.В. Дубельта выражала основное политическое кредо феодально-крепостнического государства в России и его самодержавия.

В середине XIX в. Дубельт так идеализировал самодержавно-крепостнический строй: «Итак, я уверен, что наша Россия велика, сильна и богата оттого: 1-е, что в ней государь самодержавный; 2-е, что в ней есть помещик с властью над крестьянами, и 3-е, оттого, что есть в ней крестьянин, который кормит и себя, и горожанина, и купца, и солдата, и самого государя». Идеал Дубельта – темный, неграмотный, безропотный мужик: «Пусть наши мужички грамоте не знают... Не зная грамоты, они ведут жизнь трудолюбивую и полезную; их воображение не воспламеняется чтением журналов и всякой литературы, возбуждающей самые скверные страсти. Они постоянно читают величественную книгу природы, в которой бог начертал такие дивные вещи, – с них этого довольно! Оттого они тихи, добры, кротки и послушны...»⁸⁰

Родившаяся в недрах феодально-крепостнической бюрократии теории официальной народности стала многолетней государственной доктриной самодержавной России. Она надолго пережила крепостной строй. Ее известной модификацией во внутренней политике России была попытка монархии Александра III опираться на «патриархальную» деревню и «патриархальность» в русской жизни⁸¹. «До пятого года, – писал впоследствии В.И. Ленин, – правительство могло надеяться на то, что опорой ему служит заботность и неподвижность всей массы крестьян, неспособных отделаться от веками державшихся политических предрассудков рабства, терпения, покорности»⁸². Вся аграрная политика самодержавия в начале XX в., события 9 января 1905 г. положи-

ли конец наивному монархизму русского крестьянства. Лишенная своего многолетнего ложного базиса – «народности», формула официальной государственной доктрины самодержавной России трансформировалась в откровенный черносотенный монархизм.

К середине XIX в. разложение бюрократического аппарата крепостнической России стало настолько явным, что это признавали самые преданные сторонники существующего строя. «У нас злоупотребления срослись с общественным бытом, сделались необходимым его элементом, – писал в 1857–1859 гг. консерватор и апологет Николая I, бывший добровольный агент III отделения, публицист Н.И. Греч. – Может ли существовать порядок и благоденствие в стране, где из 60 миллионов нельзя набрать 8 умных министров и 50 честных губернаторов, где воровство, грабеж и взятки являются на каждом шагу, где нет правды в управлении?»⁸³

Абсолютная монархия в России в начале XIX в. смогла еще провести реформы по укреплению крепостнической государственности в 1801–1811 гг. (учреждение министерств, Комитета министров, Государственного совета, систем гражданских и мучных учебных заведений, реформа Сената и др.), была еще способна на отдельные частные меры по преобразованию некоторых звеньев государственного аппарата в 20–30-е годы (кодификация, реформы государственной деревни, политического сыска, дворцового хозяйства и др.), но уже к середине 40-х годов оказалась неспособной к реформаторской деятельности. Любое, даже незначительное, преобразование упиралось в это время в наличие в России крепостного строя, находившегося в состоянии кризиса и упадка. «В том-то и беда наша, – жаловался М.А. Корфу один из его коллег – членов Комитета по устройству дворовых людей после очередного комитетского заседания 19 марта 1844 г., – коснуться одной части считают невозможным, не потрясая целого, а коснуться целого отказываются потому, что, дескать, опасность трогать 25 миллионов народу. Как же из этого выйти?» Ответ Корфа был характерен для настроения правительственных верхов в 40-х годах: «Очень просто: не трогать ни части, ни целого; так мы, может быть, более проживем»⁸⁴. После Крымской войны верхи были вынуждены отказаться от такой позиции. К этому времени уже весь крепостнический строй трещал по швам, и его политическая надстройка переживала глубокий и непоправимый кризис. Основные звенья государственности: администрация, полиция, суд, цензура и, главное, армия – перестали выполнять свои задачи. Крепостническая государственность оказалась парализованной. «Благоприятствует ли развитию духовных и вещественных сил России внешнее устройство нашего государственного

управления?» – вопрошал один из умных представителей царской бюрократии, курляндский губернатор П.А. Валуев, в 1855 г. и отвечал: «Отличительные черты его заключаются в повсеместном недостатке истины и недоверии правительства к своим собственным орудиям и в пренебрежении ко всему другому. Многочисленность форм подавляет сущность административной деятельности и обеспечивает всеобщую официальную ложь. Взгляните на годовые отчеты – везде сделано все возможное, везде приобретены успехи, везде водворяется, если не вдруг, то по крайней мере постепенно, должный порядок. Взгляните на дело, всмотритесь в него, отделите сущность от бумажной оболочки, то, что есть, от того, что кажется, правду от неправды и полуправды – и редко где окажется прочная плодотворная польза. Сверху блеск, внизу гниль»⁸⁵. 9 февраля 1856 г. на имя Александра II поступила записка неизвестного лица, в которой по старинке главной и единственной причиной чрезмерного развития бюрократизма в России усматривалась «недостаточность определения круга власти и ответственности мест и лиц в государственном управлении»⁸⁶. П.А. Валуев откликнулся на нее «Всепоподданнейшей запиской о причинах чрезмерного развития бюрократизма». Он полагал, что причины эти более сложные и тесно связаны со всем «механизмом нашего управления», а для преодоления бюрократизма важным является не только разграничение власти, «но и само устройство мест и властей», децентрализация управления, пересмотр делопроизводства, изменение в подготовке чиновников⁸⁷.

В течение всего дореформенного периода, в условиях нисходящего развития, российский абсолютизм проявлял наивысшую активность, стремясь отсрочить гибель феодально-крепостнического строя. Его характерными чертами были гибкость, способность к лавированию и реформам расшатавшегося государственного аппарата, стремление к юридическому обоснованию своего политического бытия. В глубинных недрах дворянской бюрократии зарождались проекты государственных преобразований с определенными буржуазными элементами; отклоняя буржуазные начала этих проектов, крепостническое самодержавие брало из них, а также из государственной практики западноевропейских государств те начала и формы политических институтов, которые способствовали консервации существующего феодально-крепостнического строя. Организация политических институтов России этого времени была тесно связана с крепостническим самодержавием: дворянско-помещичья была бюрократия; разветвленный аппарат армии, администрации, полиции, политического надзора и сыска, цензуры и суда был приспособлен для охраны крепостничества. Особенности данного периода наложили отпечаток на государст-

венное устройство страны: в высших государственных органах появилась хотя и нечетко выраженная, дифференциация деятельности (Государственный совет – высший законовещательный орган, Комитет министров – орган высшей администрации и пр.), коллегиальная система центрального управления была заменена более оперативной – министерской. Параллельно с укреплением карательного аппарата крепостническое государство пытается вдохнуть жизнь в отжившую идеологию (теория официальной народности).

Реформы политических институтов в начале XIX в. лишь на время укрепили крепостническое государство. Полная неспособность крепостнического самодержавия противостоять объективному социально-экономическому развитию страны выявилась к середине 40-х годов, когда прекратилась всякая реформистская деятельность правительства.

Рост крестьянских волнений и поражение в Крымской войне ускорили общий кризис крепостничества, поставили правящие круги России перед необходимостью крестьянской реформы и других буржуазных преобразований, подготовленных и проведенных самими крепостниками-помещиками. Общий кризис феодально-крепостнического строя, отмена сверху крепостного права и буржуазные реформы вызвали изменения характера самодержавия: старое крепостническое самодержавие было заменено самодержавием, сделавшим первый, очень робкий шаг в сторону буржуазной монархии, сохранив многие дореформенные, крепостнические политические институты.

Дворянская дореформенная бюрократия

Неразрывными элементами абсолютной монархии всегда являлись бюрократия и государственные учреждения. Дореформенная Россия представляла собой «крепостническо-бюрократическое государство»¹. В первую половину XIX в. бюрократизация государства усилилась. Это выразилось прежде всего в резком увеличении количества государственных учреждений (высших, центральных и местных), в усилении дифференциации и компетенции. С учреждением министерств в России окончательно формируются бюрократические ведомства.

Параллельно с увеличением числа правительственных учреждений усложнялась и их внутренняя организация. Некоторые министерства (внутренних дел, финансов, военное) превратились в сложные учреждения из множества структурных единиц, имевших в свою очередь многозвенную структуру и обширное делопроизводство.

Бюрократизм государственного аппарата выражался и в увеличении кадров чиновников, составлявших особую бюрократическую иерархию чинов, представленную в «Табели о рангах». В первую половину XIX в. аппарат этот претерпевает определенные изменения.

«Табель о рангах», учрежденная 24 января 1722 г., соединяла классы (ранги) с вполне определенными должностями чиновников Сената, коллегий, губернских и провинциальных учреждений, командного состава армии и флота. Это значило, что полковник по «Табели о рангах» был действительно командиром полка, а коллежский секретарь занимал именно эту должность коллегии. Но по мере бюрократизации номенклатура учреждений и число должностей возрастали, и классы (ранги) перестали совпадать с должностями. Определенным рубежом здесь следует считать «Учреждения о губерниях» 7 ноября 1775 г. и другие реформы 1775–1785 гг.¹

С начала XIX в. процесс дальнейшей бюрократизации пошел еще быстрее. При составлении «Свода законов» 1832 г. многочисленные законы о службе гражданских чиновников были собраны и кодифицированы в «Устав о службе гражданской», который определял порядок поступления на службу, ее прохождение, чиновничество, права и обязанности чиновников, порядок увольнения их и т. п. Устав непрерывно пополнялся и изменялся.

В первую половину XIX в. отдельные ведомства добивались включения в «Табель о рангах» всех своих должностей. Так, Министерство народного просвещения включило в V–XIV классы «Табели о рангах» («Свода законов» издания 1832 г.) не только ректоров университетов, академиков и профессоров, но даже такие незначительные должности, как комнатные надзиратели пансионов при гимназиях, учителя рисования и т. п.² Особую иерархию чинов имели в «Табели о рангах» первой половины XIX в. (с V по XIV класс) военизированные горные должности, (с VI по XIII класс) военные чиновники, (с VII по XIV класс) чины медицинские, фармацевтические и ветеринарные.

Вопрос о расписании должностей всех гражданских ведомств был предметом рассмотрения специального комитета и Департамента законов Государственного совета в 1834–1835 гг.³ Указами 31 мая и 20 ноября 1835 г. ведомствам было предписано представить в I отделение Собственной е. и. в. канцелярии необходимые материалы, а затем свести все это в единое «Расписание должностей гражданской службы по классам». I отделение справилось с этой задачей только ко второй половине 50-х годов. При составлении «Свода законов» издания 1857 г. к ст. 358 третьего тома было приложено это пространное «расписание» с V по XIV класс включительно, что позволило разгрузить и упростить «Табель о рангах», из которой были изъяты многие ведомственные иерархии чинов (кроме горной)⁴. Эта установившаяся к концу 50-х годов упрощенная «Табель о рангах» перешла в новую историческую эпоху развития государственности России.

При классификации табельного чиновничества можно согласиться с группировкой*, данной для XVIII в. С.М. Троицким⁵. Вершину бюрократической иерархии также составляли чиновники первых пяти классов «Табели о рангах». В первую половину XIX в. это

* Примерно такое же подразделение чиновничества (на три группы) предлагал еще в 1860 г. хорошо знакомый с николаевской бюрократией чиновник и публицист В.К. Ржевский (Взгляд на теорию бюрократической администрации // Русский вестник. 1860. Т. 29. С. 773).

были члены Государственного совета и министры (II–III классы), сенаторы (II–IV), генерал-губернаторы (II–III), директора министерских департаментов (III–IV), губернаторы, попечители учебных округов (IV), управляющие казенными палатами, председатели палат уголовного и гражданского судов, губернские предводители дворянства (V) и т. д. Занимая высокие государственные должности и имея возможность непосредственных устных и письменных сношений с самим носителем верховной власти – императором, эти чиновники определяли вместе с ним курс политики крепостнического государства, составляли правительственные верхи.

Ниже размещалась средняя прослойка чиновников (VI–VIII классы) – это советники в центральных и губернских учреждениях, начальники отделений министерских департаментов, полицмейстеры, городничие и прочие чиновники, занимавшие часто самостоятельные должности, преимущественно исполнительного характера. Эта прослойка чиновничества составляла основную опору правительственных верхов. Как и первая группа, вторая группа до середины 40-х годов состояла из потомственных дворян; обе группы имели большие привилегии и высокие денежные оклады.

Низшую, более многочисленную группу составляли чиновники IX–XIV классов, занимавшие различные, чаще всего канцелярские или низшие, исполнительные должности.

Установившаяся с начала века ведомственная разобщенность, а также атмосфера строгой секретности в отношении данных о бюджете России исключали составление каких-либо сводных данных. О количестве чиновников России* можно судить

* П.А. Зайончковский предполагает, что в 1796 г. в России число чиновников колебалось между 15 и 16 тыс. человек (*Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 6–66*). Представляется, что этот подсчет близок к реальному числу чиновников. В конце XVIII в. было упразднено большинство коллегий, а аппарат местного управления судов сильно упрощен. Учреждение министерств (а вернее, министерств и их канцелярий) и восстановление некоторых местных учреждений не могли вызвать большого возрастания численности чиновников в 1804 г. В исследовании Г. Торке даются несколько иные, но близкие к этим цифрам данные: на 1805 г. – 12 370 чиновников (4790 – в высшем и центральном и 7580 – в местном аппарате) и на 1851 г. – 33 460 (соответственно 19 180 и 14 280) (*Torke H.J. Das russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1967. Band 13. S. 135*).

лишь по приблизительным официально опубликованным данным. На 1804 г. Российская империя имела примерно 13 260 табельных чиновников (5580 – в высшем и центральном аппарате и 7680 – в местом)⁶. Рост бюрократизации аппарата привел к увеличению чиновников. В 1847 г. их насчитывалось до 61 548 человек, т. е. число их с начала века возросло более чем в 4,5 раза⁷.

Бюрократия имела и еще одну наиболее многолюдную группу, находящуюся вне «Табели о рангах», – канцелярских чинов, имеющих свою «табель»: копииста, подканцеляриста, канцеляриста и губернского регистратора. Эта группа предназначалась исключительно для технического обслуживания табельного чиновничества и резко отличалась от него как в правовом, так и в материальном отношении*. Но при изучении дореформенной бюрократии эту группу игнорировать нельзя: именно эти чиновники несли всю тяжесть огромного делопроизводства, олицетворявшего в те времена успех бюрократического управления на всех ступенях правительственного аппарата. Кроме того, эта чисто канцелярская группа бюрократии была основным резервом для пополнения табельного чиновничества. Закон 16 декабря 1790 г. установил, что канцелярские служители из потомственных дворян производились в чин коллежского регистратора (XIV класс) через 3 года, дети личных дворян, купцов I и II гильдии и белого духовенства – через 4 года, для разночинцев и низших служителей этот срок равнялся уже 12 годам, а для кантонистов достигал 20 лет.

В начале XIX в. ощущалась острая нехватка чиновничьих кадров. В первые два десятилетия были приняты вынужденные меры: указом 3 декабря 1808 г. допускалось определение на канцелярскую службу даже лиц «податных званий» (кроме крепостных крестьян); указ 14 августа 1811 г. разрешил определять их даже в канцелярии Сената и департаменты министерств; указ 12 января 1812 г. – на службу по учебной части.

Приток недворянских элементов в государственный аппарат крепостнической России вызвал недовольство высшей дворянской бюрократии. Вопрос об ограничении принятия на канцелярскую службу лиц «податного состояния» и о затруднении производства их в классовые чины обсуждался в Государственном совете в 1816–1817 гг.⁸

* Вне бюрократии стояла группа низших служителей правительственных учреждений (курьеров, швейцаров, сторожей и пр.), для которых дорога даже в канцелярскую внетабельную группу была закрыта.

В августе 1827 г. Николай I дал указание министру финансов Е.Ф. Канкрину «сообразиться о принятии мер по Министерству финансов, чтобы канцелярские служители, определяемые из лиц недворянского звания, не так скоро достигали офицерских чинов, дабы положить преграды непомерному умножению личного дворянства». Канкрин представил на «соображение» Николая I проект «Положения о канцелярских служителях по гражданскому ведомству», в котором предлагал отказаться от всяких сроков производства в первый классный чин и награждать им лишь в исключительных случаях, так как производство в первый (XIV) классный чин должно являться не обязанностью, а наградой за хорошую службу⁹. Проект этот рассматривался в Государственном совете в октябре 1827 г., но даже он не решился пойти на предлагаемую Канкрином меру. «Положение» было принято с коррективами как раз в области производства в первый классный чин¹⁰ и утверждено Николаем I 14 октября 1827 г. Этот, а также последующие законы 1828–1829 гг. резко ограничили круг лиц, определяемых на гражданскую службу. При кодификации законов «Положение» было включено в «Устав о службе гражданской».

Законодательство крепостнической России с 30-х годов XIX в. разрешало определяться на службу потомственным и личным дворянам, детям личных дворян, детям представителей белого православного духовенства, а также евангелических и реформистских пасторов, купцов I гильдии, канцелярских служителей, придворных, детям офицеров, ученых и художников. Запрещалось принимать на государственную службу лиц, «принадлежавших к податным состояниям», и их детей, а также детей купцов II и III гильдии, мелких церковных служителей, евреев и иностранцев. Срок получения уже XIV класса определялся «благородством» происхождения. Если потомственному дворянину нужно было просидеть в канцелярских чинах только 2 года, то для прочих сохранялись более длительные сроки¹¹.

Социальное происхождение российской бюрократии было всегда достаточно пестрым, так как ее ряды пополнялись представителями всех сословий населения. По подсчету американского историка В.М. Пинтнера*, к началу XIX в. лишь 40% чиновников были потомственными дворянами, а в столичном аппарате –

* Подсчет Пинтнера (как и последующие данные) следует считать весьма приблизительным, так как он исследовал вопрос по далеко не полной коллекции чиновничьих формуляров в ЦГИА СССР (ф. 1349).

даже 24,2%. К середине века общий процент чиновников – потомственных дворян – остался на прежнем уровне (40,6), а для столичных чиновников – возрос до 52,4%¹².

Увеличение притока потомственных дворян в столичное чиновничество явилось результатом не только ограничительных законодательных мероприятий крепостнического государства в 20–30-е годы в отношении выходцев из других сословий, но также и кризиса помещичьего хозяйства во второй четверти века, вынуждавшего дворянских сыновей искать более выгодной и перспективной службы в рядах столичной бюрократии.

По табельным группам процент чиновников – потомственных дворян был неодинаков: к 50-м годам XIX в. для I–V классов он равнялся 76,7, для VI–VIII – 65,1, а для XII–XIV – лишь 29¹³, т. е. остальные проценты приходились на выходцев из недворян, но это нисколько не меняло дворянского характера дореформенной бюрократии. Попав в привилегированную среду табельного чиновничества, представитель иного сословия или класса становился дворянином или (после 1845 г.) стремился выслужиться в дворяне, полностью усваивал взгляды и мораль, всю идеологию дворянской бюрократии, абсолютистского крепостнического государства. Этот постоянный приток в дворянскую бюрократию свежих сил из других классов и сословий укреплял крепостническую государственность, содействовал консервации и крепостного строя, и абсолютизма, и самой дворянской бюрократии.

Бюрократия первой половины XIX в. была крепостнической не только по своей классовой принадлежности и направлению деятельности, но и по своей деловой квалификации. В противоположность бюрократии западноевропейских капиталистических государств верхний слой российской дореформенной бюрократии имел невысокий уровень управленческой специализации, которая явно отставала от установившейся еще с начала века более четко выраженной отраслевой специализации отдельных звеньев государственного аппарата; полвека развития государственности крепостнической России не сократили, а даже увеличили этот разрыв*.

* Подметивший эту особенность высшей российской бюрократии первой половины XIX в. М. Раев видел в ней одну из важнейших причин того, что русская бюрократия была неспособной создать правовое государство (*Raeff M. The Russian Autocracy and its officials // Russian Thought and Politics. Cambridge Mass., 1957. Vol. IV. P. 82–83*).

Своеобразный бюрократический дилетантизм был характерен для многих высших сановников. Так, В.П. Кочубей вначале управлял коллегией иностранных дел (1801–1802 гг.), потом был членом Негласного комитета, дважды – министром внутренних дел (1802–1807, 1819–1823 гг.), членом Государственного совета (с 1810 г.), председателем департаментов (вначале государственной экономии, потом – гражданских и духовных дел) и завершил свою карьеру на высшем гражданском бюрократическом посту империи – председателем Государственного совета и председателем Комитета министров в 1827–1834 гг. Подобны этому бюрократические пути Д.Н. Блудова, П.В. Завадовского, П.А. Клейнмихеля, П.Д. Киселева, А.С. Меншикова и многих других представителей бюрократии дореформенной России. Особенно частыми были бюрократические сюрпризы во второй четверти XIX в., когда большинство ведомств России управлялось генералами, имевшими иногда весьма отдаленное представление о вверенных их управлению «объектах».

Обычно, занимая крупный бюрократический пост, помещик-дворянин как бы переносил на вверенное ему учреждение порядки своих имений, где все конкретное управление возлагалось на вотчинную администрацию: управляющих, бурмистров, старост; за самим помещиком сохранялось лишь «общее руководство»*.

Нужно отметить, что квалификация повышалась у тех чиновников, которые чаще соприкасались с практикой управления и бюрократического делопроизводства (начиная с директоров департаментов министерств).

До начала XIX в. для чиновников в России не требовалось никакого образовательного ценза; гражданский правительственный аппарат был переполнен малограмотными служащими. В начале XIX в. даже в столичных Заемном и Ассигнационном банках встречались чиновники, которые с трудом могли поставить свою подпись¹⁴. Еще безотраднее обстояло дело в армии, где встречались неграмотные офицеры, особенно в корпусе внутренней стражи.

* Очень образно объяснял это состояние Ф.Ф. Вигель: «Можно ли было ожидать от графика или князька, наследника 20, 30 или 50 тысяч душ, чтобы он охотно в звании канцелярского служителя подчинил себя засаленному понытчику и по его приказанию переписывал бумаги?.. Все эти баричи числились только по департаментам, а главное начальство само способствовало их повышению» (Записки Ф.Ф. Вигеля. М., 1892. Ч. 3. С. 71).

Указ 24 января 1803 г. «Об устройстве училищ» преду- преждал, что через пять лет лица, не представившие свидетельст- ва об окончании оных, не будут определяться в чиновничьи должности. «Разум сего постановления, – пояснял впоследствии указ 6 августа 1809 г., – состоял в том, чтобы разными частями гражданской службы доставить способных к учению образован- ных чиновников»¹⁵. Таким образом, указ 6 августа 1809 г. не был неожиданностью для чиновников России, а явился скорее след- ствием игнорирования дворянством указа 1803 г.

Одним из первых, кто обратил серьезное внимание на уро- вень образования чиновников России, был М.М. Сперанский. Ре- ализация его плана государственных преобразований требовала образованных чиновников. Указ 6 августа 1809 г. предусматри- вал, что чиновники при производстве в чины VIII класса (кол- лежский асессор) и V класса (статский советник) должны пред- ставлять свидетельство об окончании одного из российских уни- верситетов, а в случае неимения оного сдать специальной испытательной комиссии при каком-либо университете экзаме- ны по русскому языку, одному иностранному языку, естествозна- нию, арифметике, геометрии, физике, всеобщей и русской исто- рии, римскому, гражданскому и уголовному праву. За исключе- нием правовых дисциплин, все названные дисциплины не превышали уровня гимназического курса. При производстве в чин статского советника указ 6 августа помимо экзамена преду- матрировал и служебный ценз не менее 10 лет (из них в качестве со- ветника прокурора, правителя канцелярии или начальника экс- педиции не менее 2 лет). Этот указ вызвал недовольство в чинов- ном мире*.

«Никто не хотел верить, – писал Ф.Ф. Вигель, – чтобы стро- гое его исполнение было возможно»¹⁶. Н.М. Карамзин иронизи- ровал над тем, что «вице-губернатор обязан знать Пифагорову фигуру, а надзиратель в доме сумасшедших – римское право»¹⁷.

Непопулярность у чиновников указа 6 августа 1809 г. вы- звала многочисленные отступления при его реализации. 31 янва- ря 1812 г. был учрежден особый комитет из министров народно- го просвещения, юстиции, внутренних дел и государственного

* Ф.Ф. Вигель усматривал в указе 6 августа даже тайную мысль Сперанского: «Придавленные им дворянчики не захотят продол- жать службу; пройдет немного времени – и управление целой Россией будет в руках семинаристов» (Записки Ф.Ф. Вигеля. М., 1892. Ч. 3. С. 71). О том же писала и современница Сперанского – В.И. Бакунина (Русская старина. 1885. Т. 47. С. 393).

контролера, на который было возложено «составление общих по всем частям гражданской службы правил для какого рода служб, каких именно наук познание нужно, дабы, определив то, подвергнуть при производстве в чины экзамену с сим сообразному»¹⁸. Более чем через 20 лет специальный межведомственный комитет под председательством статс-секретаря Н.И. Бахтина в марте – апреле 1843 г. составил «правила о производстве нижних чиновников гражданского ведомства в классные чины»¹⁹, которые утверждены 28 ноября 1844 г. Они окончательно отменили указ 6 августа 1809 г. «Успехи в науке» этими правилами поощрялись более сокращенными сроками службы; лишь для лиц, не окончивших какое-либо учебное заведение, при производстве в первый классный чин (XIV класс) устанавливались испытания, заключающиеся в «умении излагать свои мысли письменно по правилам грамматики, в знании православного катехизиса, главных оснований российской истории и географии и арифметики до тройного правила включительно». Производство в первый классный чин таких лиц замедлялось (от 4 до 12 лет) – в зависимости от их социального происхождения²⁰.

До 1810 г. более 31% русского чиновничества имели «домашнее образование», что скрывало в равной мере и образование, полученное с помощью иностранных учителей и гувернеров, и самую ординарную малограмотность; 22,2% имели «низшее и среднее образование», и лишь немного более 13% – высшее образование. Усилия правительства по повышению образовательного уровня чиновничества принесли свои результаты. В 40-х годах «домашнее образование» имели лишь 5,1% чиновников, низшее и среднее – 19,4, а высшее – уже 41,4%²¹.

С целью известного «омоложения» высшего чиновничества правительство уже с начала века пошло на сокращение числа ступеней лестницы «классов» «Табели о рангах». Закон 16 апреля 1811 г. установил: «Чины XI и XIII классов в гражданском ведомстве никому не жаловать»²². Законы второй половины XVIII в. и начала XIX в. установили нижеследующие сроки производства в следующие чины: от XIV до IX – по 3 года в каждом «классе» (исключая с 1811 г. XIII и XI классы), из IX в VIII – 4 года, из VIII в VII – 5 лет, из VII в VI – 6 лет, из VI в V – 4 года, из V в IV – 5 лет, из IV в III – 10 лет. Для производства в I и II классы никаких сроков не существовало, само производство осуществлялось по усмотрению императора²³. Впоследствии 9 декабря 1856 г. были сокращены сроки прохождения службы в некоторых классах (с XIV по VIII – по 3 года, а с VIII по V – по 4 года в каждом классе). Таким образом, прохождение чиновничьей службы от XIV до V класса законом 1856 г. сокращалось с 28 до 24 лет.

«Табель о рангах» Петра I устанавливала получение звания потомственного дворянина чиновниками по достижении VIII класса; все нижестоящие классы (IX–XIV) давали личное дворянство. Это оставалось без изменения почти всю половину XIX в. Однако приток в дворянство чиновников «по выслуге» вызывал недовольство потомственных, особенно старых титулованных, они требовали ограничений производства в дворяне по службе. Так, при составлении проекта правил производства в гражданские чины в 1826 г. князь И.В. Васильчиков высказал пожелание прекратить полностью производство в дворяне через чины²⁴.

Комитет 6 декабря 1826 г. составил проект «Дополнительного закона о состояниях»²⁵. Его утверждение в сильно измененном виде состоялось только 11 июня 1845 г. Этим законом получение потомственного дворянства обуславливалось наличием первого штаб-офицерского чина на военной и военно-морской службе (VI класс – полковник, капитан I ранга) или достижением по гражданской службе чина статского советника (V класс). Личное дворянство чиновники могли получить, имея чин титулярного советника (IX класс). XIV–X классы давали лишь почетное гражданство²⁶. Закон 9 декабря 1856 г. уже предусматривал получение потомственного дворянства гражданскими чиновниками и при наличии чина действительного статского советника (IV класс)²⁷.

Установление срока выслуги каждого чина способствовало развитию бюрократического карьеризма чиновников, их желанию продвигаться по чиновничьей лестнице на нетрудных должностях в столицах, особенно во всякого рода придворных и почетных должностях, а также в благотворительных заведениях, архивах и тому подобных «тихих», не связанных с активной административной деятельностью учреждениях. Такое отношение к государственной службе вызывало критику в среде самой бюрократии. «Молодые дворяне, едва достигнув иных лет, – писал чиновник К. Марков в записке, переданной Аракчееву, – оставляют учение, только что начатое, стремятся к службе без всякой охоты заниматься делами и, предаваясь от праздности всем забавам большого города, скоро становятся бесполезными как для себя, так и для общества»²⁸.

На протяжении всего XIX в. в периоды, когда бюрократическая машина России начинала давать перебой и нуждалась в относительном оздоровлении, в среде высшей бюрократии поднимался вопрос об уничтожении чинов²⁹. Впервые эта тема возникла в 1812–1814 гг. в Комитете по пересмотру указа 6 августа 1809 г. об «экзаменах на чин». Государственный контролер Б.Б. Кампенгаузен высказал мнение, что в условиях отдельного существования

должностей и чинов «подчиненные могут получать чины высшие против чинов своих начальников». Вопреки возражениям отдельных чиновников (в том числе министра юстиции Д.П. Троицкого) Комиссия составления законов предусмотрела в подготовленном ею проекте устава службе гражданской ликвидацию чинов и передачу всех прав должностям. Этот проект в 1820 г. поступил в Государственный совет, где после длительного его рассмотрения в Департаменте законов попал в общее собрание и 26 марта 1823 г. с согласия Александра I был одобрен большинством. Ввиду возникших сомнений относительно упразднения чинов был создан специальный Комитет под председательством министра финансов Е.Ф. Канкрин, который высказался за сохранение чинов³⁰.

6 декабря 1826 г. в проекте «Дополнительного закона о состояниях» наряду с изменениями в сословном строе предлагались и изменения в порядке прохождения службы. Проект манифеста к этому закону констатировал, что в России служебное место и чин «разделились». «Чины, умножаясь почти ежедневно, потеряли прежнюю их связь и соразмерность с местами». Проект предлагал «установить порядок службы не на чинах, но на должностях, присвоить каждому месту свойственное ему значение, каждому служащему лицу приличное уважение и верную надежду повышения по мере заслуг в его звании». Согласно этому проекту производство в чины по всем гражданским ведомствам прекращалось, и на будущее время чины в гражданской службе должны означать только «степень службы в тех местах и должностях, кои присвоены по общему сравнительному расписанию, при сем издаваемому». Чины соединялись с местами, и само определение к месту уже давало чин: «Каждый по службе считается в чине той степени, в коей состоит место, им занимаемое». В проекте даже давалась сравнительная табель мест и должностей, начиная с IV ступени (первые три давались императором)³¹. Проект «Дополнительного закона о состояниях» дважды (в марте – апреле и в июне 1830 г.) обсуждался в общем собрании Государственного совета, и на десяти его заседаниях специально обсуждался вопрос об упразднении чинов³². Государственный совет одобрил эту меру, но Николай I ее не утвердил, ссылаясь на противодействие вел. кн. Константина Павловича, представившего 2 июня 1830 г. на весь проект отрицательную записку, отстаивавшую «сохранение древнего порядка главных состояний», в том числе и «Табель о рангах»³³.

Вопрос об упразднении чинов рассматривался неоднократно. Так, по инициативе министра юстиции В.Н. Панина 19 ноября 1846 г. был создан из товарищей министров под председатель-

ством главноуправляющего I отделением Собственной е. и. в. канцелярии А.С. Танеева Комитет о пересмотре «Устава о службе гражданской»³⁴. Вывод о необходимости уничтожения чинов был в последнюю минуту отвергнут Николаем I, который принял во внимание записку министра народного просвещения С.С. Уварова. В своей записке, поданной в феврале 1947 г., он уверял, что «с уничтожением чинов исчезнет та нравственная сила, то могущественное привлечение, которое побуждает лиц, имеющих достаток, посвящать себя государственной службе», и «государственная служба вся перейдет в руки так называемых чиновников» среднего класса, *tiers-état* или *bourgeoisie*; министр запугивал царя чуть ли не революционной опасностью в связи с отменой «Табели о рангах». По его предположению, «освободившиеся от медленного ига чиновпроизводства» юноши будут стремиться «шагнуть на высшие места и должности в государстве», а «мечты этого рода предвещают опасные волнения в умах». «А какое время более настоящего, – заключал Уваров, – доказывает необходимость удерживать всякое тревожное движение и оставаться на незыблемых началах своего родного быта, тысячелетием скрепленного и верою освященного»³⁵. Поднимался этот вопрос также в Комитете 1851 г. о служебных правах по образованию Н.Н. Анненковым и в Комитете о чинах 1856 г. гр. Д.Н. Блудовым. Но все эти предложения об упразднении чинов были оставлены «без движения»³⁶. Перспектива быстрого обуржуазивания бюрократии отпугивала самодержавие и верхи дворянской бюрократии, предпочитавших мириться с явным неудобством «Табели о рангах» даже после 1861 г., когда Россия вступила на путь капиталистического развития.

В исследованиях советских историков нет четкого объяснения причин, вынуждавших верхи бюрократии в XIX в. настоятельно требовать упразднения «Табели о рангах» и вместе с тем все-таки отказываться от практического разрешения этого вопроса³⁷. Нужно подчеркнуть, что возросшая активность деятельности государственной машины в XIX в. предъявляла повышенные требования к службе кадров бюрократии. Между тем необходимость определять на каждую должность чиновника только установленного класса «Табели о рангах» стесняла оперативный простор в расстановке бюрократических кадров, обязывала назначать на должность людей менее способных, часто даже не располагавших административным опытом, но достигших соответствующего класса.

Вместе с тем с упразднением «Табели о рангах» отпадал один из основных принципов организации дворянской бюрократии – строгая иерархия чинов с определенными сословны-

ми гранями (потомственное дворянство, личное дворянство, почетное гражданство) при достижении определенного класса «Табели».

Ликвидация чинов открывала дорогу на самые высокие чиновничьи должности представителям иных сословий, вела к быстрому обуржуазиванию бюрократии, бывшей до сего самым консервативным политическим институтом самодержавия. Всегда при окончательном решении вопроса об упразднении чинов бюрократическую целесообразность побеждал инстинкт классового сохранения дворянских верхов бюрократии.

Практические неудобства в назначении на должности только чиновников, достигших определенного класса «Табели о рангах», вынуждали самодержавие в бюрократической практике чиновпроизводства прибегать ко всякого рода условностям и изъятиям. Указ Сенату 1 августа 1801 г. выражал пожелание, чтобы «все места наполнены были чиновниками самых тех классов, в коих места не по штатам положены», но вместе с тем разрешал «по уважению способностей, в нужных случаях определять на оныя и таких, коих чины не совершенно классу мест соответствуют, но чтобы изъятие сие из общего правила не простиралось ни ниже ни выше одного чина». Ввиду трудностей наполнения классными чиновниками канцелярских мест (секретарских, протоколистских и др.) указ 19 июня 1804 г. разрешал эти места заполнять чиновниками «опытными и способными, хотя бы они и не состояли в соответственных чинах»³⁸.

Последующие (в 30–40-х годах) законы усилили эти изъятия. «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе» 25 июля 1834 г. подтверждало назначения по всем ведомствам гражданской службы «сообразно чину каждого» (п. 18), но разрешало в порядке исключения и в случае «действительной нужды» определять на должности чиновников, имеющих один чин выше класса, в который положена должность (а на губернские должности даже выше одной степени). Для лиц, окончивших высшие учебные заведения, разрешалось назначение даже двумя степенями выше их чинов (ст. 21)³⁹. Указ 20 ноября 1835 г. установил определение к местам чиновников одним классом выше или двумя ниже установленного для этой должности. Свод законов издания 1842 г. закрепил все эти изъятия (т. III, ст. 356).

Для некоторых категорий чиновников, требующих специальных познаний, чины не присваивались (например, переводчикам по ведомству иностранных дел; цензорам – с 1839 г.). Для архитекторов, техников, медиков, фармацевтов, ветеринаров и некоторых других профессий, требующих специальных знаний,

законы 40-х годов разрешали определение на должности даже тех, кто имел по «Табели о рангах» более двух чинов ниже.

Все эти многочисленные общие и ведомственные изъятия при сохранении в принципе совершенно архаического порядка определения чиновников на должности сообразно их чину свидетельствовали о глубоком кризисе и в порядке чинопроизводства, оказавшегося на прокрустовом ложе «Табели о рангах». Это признавали и представители господствующих верхов. В представленной в апреле 1858 г. генерал-адмиралом Константином Николаевичем Александру II записке «О дозволении назначать на места не стесняясь чинами» высказывалось твердое убеждение в том, что «мысль, чтоб чин соответствовал должности и составлял в то же время особое отличие, совершенно неисполнима. Эта мысль и есть корень и причины всех затруднений, которых повлекло у нас учреждение чинов». В записке предлагалось, «оставив чины как почетное отличие, как, например, ордена, не стеснять вовсе начальство чинами при определении на должность»⁴⁰. Записка обсуждалась в Совете министров, но встретила оппозицию некоторых его членов (К.В. Чевкин, М.Н. Муравьев и др.)⁴¹, и «на предположение о чинах высочайшего соизволения не последовало»⁴².

Вопрос о «Табели о рангах» перешел и в пореформенный период. После 1861 г. в бюрократических сферах России он поднимался несколько раз (1877, 1883, 1895–1901 гг.). Первая буржуазно-демократическая революция настолько испугала самодержавие, что правительство перестало его ставить. В архаической иерархии чинов оно видело известную гарантию длительного сохранения дворянской однородности верхов бюрократии, цементирующей расшатанный от революции аппарат государства.

Характерной особенностью личного состава дореформенной бюрократии была ее однородность. По выражению В.И. Ленина, в период правления Николая I «дворянин-помещик командовал без “плутократии”... без растущего третьего элемента»⁴³.

До середины 40-х годов недворянским элементам предоставлялась возможность занимать в государственном аппарате лишь вспомогательные, чисто технические, канцелярские должности. Если ранее получение даже XIV класса означало переход в другое «состояние» – господствующее дворянское сословие, то по закону 11 июня 1845 г. чиновники XIV–X классов становились лишь почетными гражданами. Изданный в целях охраны дворянства от «засорения» выходцами из других сословий, этот закон фактически открывал дорогу в бюрократический аппарат России недворянским элементам, способствовал процессу его обуржуазивания. Однако процесс этот не был быстрым. К 1861 г.

буржуазная прослойка еще незначительна в составе чиновничества. Так, в 1858 г. в России насчитывалось всего 12 077 потомственных почетных граждан и 9271 личный почетный гражданин⁴⁴. При этом лишь небольшая часть их находилась на государственной службе.

Верхушка дореформенной бюрократии была представлена в основной своей массе дворянами-землевладельцами. В 1851 г. на 784 чиновника России, составлявших I–IV классы «Табели о рангах», земельную собственность (родовую или благоприобретенную) имели 536 чиновников (68,5%) и не имели ее, жили только на государственное жалованье (весьма высокое) – 248 чиновников (31,5%)⁴⁵. К середине века почти 74% чиновничества России не имело крепостных крестьян и земельной собственности (для чинов IX–XIV классов этот процент повышался до 84)⁴⁶. Обезземеление бюрократии усиливало привязанность чиновников-дворян к государственной службе*. Об имущественном положении чиновников, в частности первой половины XIX в., дает сведения в своей монографии П.А. Зайончковский⁴⁷.

В одной из дискуссионных статей об абсолютизме, прослеживая развитие российского абсолютизма, А.Я. Аврех сделал неожиданный вывод о том, что уже в середине XIX в. между дворянством и формирующейся буржуазией в России устанавливается «равновесие»⁴⁸. Эту точку зрения разделяет П.Г. Рындинский⁴⁹.

Однако анализ состава бюрократии показывает полное господство дворянства в политическом строе России, исключавшее не только какое-либо «равновесие», но даже буржуазное чиновничье меньшинство. Не было этого равновесия и в экономическом строе: владельцами основных ценностей государства – земель и населявших их крестьян – были помещики-дворяне, императорская фамилия и феодальное государство.

Кроме чинов в дореформенной России продолжали существовать возникшие еще в XVIII в. многочисленные придворные звания; лица, их носившие, связанные близостью с императором и его двором, имели большие возможности для быстрой чиновничьей или бюрократической карьеры.

В начале XIX в. императорский двор имел 74 придворных чина и 73 женских придворных должностных лица⁵⁰. В дальнейшем число придворных лиц возрастало. Особенно быстро

* «Жить в отставке, у кого нет ни кола, ни двора и кто не знатен, – писал чиновник 20–30-х годов, – не забавная проза» (Воспоминания Ф.П. Лубяновского. 1777–1834. М., 1872. С. 272).

росло число камергеров и камер-юнкеров (к 1855 г. их было уже 169 и 213)⁵¹.

Указом 3 апреля 1809 г. М.М. Сперанскому удалось изъять из «Табели о рангах» придворные звания камергера (IV класс) и камер-юнкера (V класс). Отныне эти придворные звания права на чин не давали. Указ объяснял это тем, что «каждый род службы требует исполнителей, ею приуготовленных». Камергерам и камер-юнкерам, не имевшим службы, было предложено в двухмесячный срок приискать себе службу, или в противном случае они будут уволены в отставку. Отныне эти звания считались отличием, не приносящим никакого чина. Но мера эта не остановила роста придворного императорского штата. К середине века он состоял из 12 первых придворных чинов, 31 – вторых, 125 камергеров и 194 камер-юнкеров, а также включал до 200 женских придворных должностных лиц⁵².

Со становлением Собственной е. и. в. канцелярии теряет свое служебное назначение вполне реальная с 60-х годов XVIII в. должность статс-секретаря, и фактически последним статс-секретарем императора был М.М. Сперанский. Эта должность теряет свое служебное назначение и превращается в почетное звание. В правление Александра I таких статс-секретарей было семь (среди них М.М. Сперанский и А.Н. Голицын); в правление Николая I их число утроилось, среди 21 статс-секретаря были крупнейшие сановники второй четверти века (гр. Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков, М.А. Балугьянский, А.С. Танеев, граф В.Н. Панин, барон М.А. Корф, Ф.П. Вронченко и др.).

Высшие чины армии и флота получали почетные звания генерал-адъютанта, флигель-адъютанта, свиты генерал-майора (свиты контр-адмирала). Все эти почетные звания были не только средством поощрения служебного рвения представителей высшей гражданской и военной бюрократии, но часто давали их носителям возможность общаться с императором лично (генерал-адъютанты и статс-секретари имели право самостоятельных всеподданнейших докладов), т. е. оказывать влияние на важнейшие государственные дела.

Кроме пожалования почетными званиями в бюрократической практике выработались и применялись многие другие формы поощрения служебного рвения чиновников: благодарность, выраженная императорским указом («высочайшее благоволение»), пожалование подарком, единовременной денежной наградой, пожертвование арендой или землей, возведение в чин, награда орденами, знаками беспорочной службы, признательность начальства⁵³.

Служба чиновников первой половины XIX в. оплачивалась весьма щедро. В это время теряет свое значение чисто феодаль-

ная форма пожалования дворян за службу – земельное жалование (оно существует лишь как награда за особые государственные заслуги). На первое место в качестве вознаграждения за бюрократическую службу выходят разные виды денежного жалования: обычное, а также разные виды дополнительного (квартирных, столовых, разъездных, прогонных, фуражных денег, разных дополнительных прибавок к жалованью по ведомствам, за службу на окраинах и т. п.).

Особенно частым видом поощрения чиновнического рвения были награды орденами. К началу XIX в. было шесть таких орденов: святых – Андрея Первозванного, Екатерины, Александра Невского, Анны, Владимира и Георгия Победоносца; в 1831 г. были добавлены еще два – Белого орла и св. Станислава⁵⁴.

Более мелкие чиновники и канцелярские служащие поощрялись за «совершенно беспорочное и отличное усердное прохождение службы, украшенной непоколебимой нравственностью». 22 августа 1827 г. был учрежден «Знак беспорочной службы» – квадратная бляха на владимирской ленте, выдаваемая за 15, 20, 25, 30, 35 и т. д. лет беспорочной службы. 14 декабря 1828 г. такой же «Знак беспорочной службы» был учрежден и для чиновников «мариинского ведомства».

В первой четверти XIX в. награждение любым орденом давало его кавалеру потомственное дворянство. Закон 30 октября 1826 г. ограничил это право: купцы, награжденные орденом, стали получать только личное дворянство, а после издания 10 апреля 1832 г. закона о почетном гражданстве – звание потомственного почетного гражданина. По закону 22 июля 1845 г. имевшие личное дворянство чиновники могли получить ордена Анны II, III и IV степеней, а с 28 июня 1855 г. – и ордена Станислава II и III степеней.

Ушедшего со службы чиновника ожидала пенсия, которая ко второй четверти века делилась на девять «окладов»: начиная с первого, довольно высокого – 4000 руб. годовых, и кончая девятым – 300 руб.⁵⁵

Материальное состояние и права чиновничества отводили ему место господствующего слоя, «поставленного в привилегированное положение перед народом»⁵⁶. Это положение было особенно контрастным в условиях крепостнического государства при полном политическом бесправии всех сословий и классов (кроме дворян-помещиков), при гражданском и экономическом бесправии многомиллионной массы крепостнического крестьянства.

Чиновничество дореформенной России в значительной массе состояло из представителей нероссийского происхождения и поэтому было чуждо народным массам страны и в националь-

ном отношении. Даже весьма приблизительные подсчеты Э. Амбургера позволили установить, что на протяжении XVIII – первой половины XIX в. верхи бюрократии насчитывали в среднем более 37% таких представителей. Среди иностранных выходцев значительную часть занимало немецкое прибалтийское дворянство. Не получая больших доходов со своих имений, прибалтийские бароны охотно шли на службу в гражданскую и военную бюрократию, верно служили, но не России, а правящей династии*, которая еще с 60-х годов XVIII в. была фактически также немецкой⁵⁷. В рядах высшей бюрократии немецкий элемент насчитывал более 30%. В отдельные периоды первой половины XIX в. (1810–1830 гг.) прибалтийские бароны составляли нередко добрую половину правительственного «кабинета», до половины генералитета, большую часть чинов генерального штаба и должностных лиц ведомства иностранных дел.

Самодержавие считало бюрократию своей главнейшей опорой, поддерживало и охраняло ее преданность существующему строю, сурово изгоняя из ее среды лиц, подозреваемых в политической неблагонадежности. В рескрипте министру внутренних дел В.П. Кочубею 1 августа 1822 г. о закрытии всех тайных обществ в государстве от всех чиновников требовалась подписка, что они не принадлежат ни к одному тайному обществу или мasonicкой ложе. 21 апреля 1826 г. Николай I утвердил указ, по которому предписывалось «требовать обязательств от всех находящихся в службе отставных чиновников и неслужащих дворян, что они ни к каким тайным обществам... впредь принадлежать не будут», а если кто ранее принадлежал к такому обществу, то он должен был написать подробное объяснение – донос: «под каким наименованием существовало, какая была цель его и какие меры предпологаемо было употребить для достижения той цели»⁵⁸.

О недопустимости политической неблагонадежности чиновников правители пеклись всегда. В инициативной записке об учреждении Комитета по пересмотру «Устава о службе граждан-

* В выходившем в Германии еще с XVIII в. ежегодном генеалогическом справочнике всех высших титулованных фамилий европейских государств – «Готском альманахе» (*Gotaesches Jahrbuch*, *Almanach de Goth*) династия, правящая в России, именовалась «Романовы–Гольштейн–Готторп». Амбургер отмечал, правда, процесс обрусения нерусских дворянско-чиновничьих фамилий, особенно с середины XIX в. (*Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966. S. 518*).

ской» от 18 ноября 1846 г. министр юстиции В.Н. Панин предлагал внести в этот «Устав» пункт, облегчавший увольнение из государственного аппарата неблагонадежных чиновников⁵⁹. Резолюция Николая I по этому вопросу значительно усиливала предлагаемую меру: «Согласен; но неблагонадежных чиновников не определять вновь на службу по другому ведомству без моего распоряжения»⁶⁰. 7 ноября 1850 г. был издан закон, «пункт третий» которого давал право начальству увольнять не только неспособных и скомпрометировавших себя по службе чиновников, но и тех, кто был политически неблагонадежен, «по своему усмотрению и без просьбы их».

В 50-х годах XIX в. число политически неблагонадежных чиновников было невелико, и «третий пункт» чаще применялся в отношении лиц, уличенных в злоупотреблениях служебным положением (казнокрадство, взяточничество и т. п.), однако «для поддержания авторитета» не отданных под суд*.

Развитие сети государственных учреждений и рост их кадров влияли на различные элементы становления бюрократизма в России. С каждым десятилетием первой половины XIX в. в России усиливался и достиг своей вершины во второй четверти века бюрократический централизм, заключавшийся в том, что почти все распорядительные и часть исполнительных функций различных ведомств были сосредоточены в их центральных звеньях – министерствах и главных управлениях. Даже такие учреждения, как Государственный совет, Сенат и Комитет министров, были переполнены массой мелких незначительных дел.

По существовавшим в России середины XIX в. законам местные органы и учреждения могли заключить подряды лишь на суммы до 3000 руб.; подряды от 3000 до 7500 руб. утверждались генерал-губернатором или гражданским губернатором, до 15 000 руб. – министром или главноуправляющим, свыше 15 000 руб. – Сенатом. Торги на сумму 30 000 руб. утверждались Сенатом, а на более высокую сумму требовалось утверждение императора⁶¹. Казенная палата могла слагать своей властью недоимки, взыскания и начеты до 7 руб. в податях, а в прочих сборах – до 30 руб., общие при-

* Несмотря на то что, по признанию самих юристов, «третий пункт» «противоречит современному правосознанию» (Правительственный вестник. 1898. № 126), самодержавие упорно сохраняло этот карательный пункт, усилив его циркулярными разъяснениями в годы первой буржуазно-демократической революции и столыпинской реакции в отношении политически неблагонадежных чиновников.

сутствия департаментов Министерства финансов – до 150 руб., а сам министр – до 600 руб.⁶² Продажа ненужных к употреблению вещей на сумму до 300 руб. разрешалась казенным палатам, палатам государственных имуществ, губернским правлениям и приказам общественного призрения; ненужного имущества на сумму до 1000 руб. – департаментам министерств, до 5000 руб. – министерствам, а свыше 5000 руб. – только Сенату⁶³.

Генерал-губернаторы и губернские строительные и дорожные комиссии имели право утверждать фасады частных городских построек в один-два этажа до 7 окон. Постройка дома большей этажности и с большим числом окон утверждалась в Главном управлении путей сообщения и публичных зданий⁶⁴. Снабжение казенных аптек материалами и припасами на всякую сумму утверждалось Министерством внутренних дел⁶⁵. Постановление дворянского собрания о денежной складке на предметы общедворянской необходимости губернский предводитель дворянства через начальника губернии передавал министру внутренних дел, а тот проводил окончательное утверждение этого постановления в Комитете министров⁶⁶. «Свод законов Российской империи» (изд. 1832, 1842 и 1857 гг.) и «Свод военных постановлений» (1839 и 1859 гг.) полны примеров бюрократического централизма, но практика гражданского и военного управления доводила нередко подобную централизацию до крайностей⁶⁷. Бюрократический централизм влиял на регламентирующее законодательство, порождал формализм и способствовал развитию бумажного делопроизводства.

«Общее учреждение министерств» 25 июня 1811 г. ввело так называемое исполнительное делопроизводство, сохранив при этом множество форм и элементов коллежского делопроизводства. Помимо общего делопроизводства в первую половину XIX в. получили развитие специальные системы документирования: бухгалтерский и статистический учет, судебная и военная документация.

Бюрократический централизм второй четверти века породил встречные внутриведомственные потоки бумаг. Центральный аппарат каждого ведомства рассылал ежегодно множество циркуляров, регламентирующих многие мелкие подробности деятельности местных властей. Надзор центрального аппарата ведомства за подчиненными ему местными звеньями выражался главным образом в требованиях центра о предоставлении «обязательных» и «по мере надобности» различных сведений в форме отчетов и донесений.

Оправдывая сложившийся порядок, министр внутренних дел Л.А. Перовский в своем «всеподданнейшем отчете» за 1842 г. писал, что «правительство не может в точности полагаться на точное и верное исполнение постановлений, если само не наблюдает беспрестан-

но за действиями исполнителей»⁶⁸. В силу этого местные власти каждой губернии были обязаны в 40-х годах доставлять в МВД множество ведомостей: 3 – каждые три года, 28 – ежемесячно, 120 срочных донесений распределялись по месяцам (41 – в январе, 13 – в феврале, 6 – в марте, 2 – в апреле и т. д.); к 1 февраля каждого года присылались ведомости о находящихся на территории губернии поднадзорных лицах; 21 ведомость посылалась в министерство «по мере надобности». Таким образом, ежегодно в Министерство внутренних дел поступало из каждой губернии 150 срочных ведомостей и донесений; общее число их (с трехлетним и по «мере надобности») достигало 174⁶⁹. Часть этих донесений использовалась в нуждах управления (для составления ведомственных отчетов, разработки общеминистерских мероприятий), но большинство их подшивалось, нумеровалось, переплеталось и передавалось в архив. Бюрократическая машина каждого ведомства не могла переварить весь поступающий в нее информационный материал.

Другим потоком бумаг с мест были так называемые представления о разрешении – ходатайства лишенных широкой бюрократической инициативы местных властей о разрешении самостоятельных действий в многочисленных отдельных случаях конкретного управления. Очень часто «представления о разрешении» влекли за собой дополнительные пояснения, справки, сметы и с мест и из центра.

Бумажное делопроизводство усиливало бюрократический произвол, порождало взяточничество и зависимость трудового люда от чиновников, ослабляло, замедляло и тормозило оперативную деятельность государственного аппарата.

Обеспокоенные возрастающим документооборотом, все ведомства, особенно во второй четверти века, время от времени создавали внутриведомственные комиссии и комитеты «по сокращению переписки», отменяли ее отдельные формы и операции, добивались иногда на короткий срок некоторого сокращения делопроизводства, но через два-три года оно возобновлялось и разрасталось вновь. Под впечатлением прений на заседаниях Комитета 6 декабря 1826 г. высочайше 4 февраля 1831 г. было утверждено мнение Государственного совета о сокращении делопроизводства по министерствам⁷⁰. Однако в условиях общей тенденции роста централизации государственного аппарата феодально-крепостнической России второй четверти XIX в. этот закон существенного влияния на состояние делопроизводства не оказал. Только по Министерству внутренних дел за 1826–1849 гг. число входящих и исходящих бумаг почти утроилось⁷¹.

Малоэффективными оказались и меры по улучшению специальных видов документирования. В 1834 г. было издано «Поло-

жение о сокращении переписки в войсках», несколько сократившее излишества военного документирования. Но последовавшее вскоре переустройство полевого управления («Устав об управлении армией в военное и мирное время» 5 декабря 1846 г.) ввело дополнительные бюрократические формы, операции, инстанции.

Пыталось правительство предпринимать и другие меры. В условиях обострившегося кризиса всей государственной системы 31 марта 1851 г. был учрежден специальный Комитет «для изыскания средств и сокращения делопроизводства и отчетности по гражданским управлениям» под председательством члена Государственного совета кн. П.П. Гагарина. На него были возложены задачи «рассмотреть весь порядок существующего ныне делопроизводства по всем частям гражданского ведомства, исследовать причины постоянно усиливающейся переписки и изыскать меры к сокращению оной и к уменьшению делопроизводства и отчетности в делах на будущее время»⁷². Заключение комитета были представлены в форме записки 8 сентября того же года. На первое место среди причин роста делопроизводства комитет поставил, конечно, «возрастающее состояние государства», вызванное «величайшей правительственной деятельностью к развитию государственных сил и богатства». Дань верноподданничеству уместилась на одной странице текста, а на последующих 114 страницах и в 12 пространных приложениях был дан огромный фактический материал, сделан анализ и вывод, которые раскрывали действительные причины несовершенства делопроизводства, заключавшиеся «в самих учреждениях и особенно в формах делопроизводства».

В материалах комитета содержится немало замечаний о неудовлетворительном состоянии администрации, полиции, суда, государственного аппарата крепостнической России середины XIX в.⁷³

Большое внимание уделил комитет и чисто делопроизводственным вопросам. Было отмечено большое количество излишних срочных ведомостей и предложено конкретное сокращение их разновидностей. Одни только ежемесячные ведомости разных учреждений в Сенат о получении его указов составляли ежегодно более 100 тыс. экз. бесполезных писем⁷⁴.

Внутри самих ведомств к середине XIX в. сохранялись архаические формы делопроизводства, ведущие свое начало с зарождения коллегий: громоздкие общие настоятельные и докладные реестры*, алфавиты при журналах, пространные выписки по тяж-

* Например, общий реестр дел Саратовской казенной палаты по всем ее отделениям в 1850 г. состоял из 3307 листов (ГПБ. Ф. 637. Д. 2. Приложение 2. Л. 8).

бленным делам и т. п. Комитет предложил упразднить большинство этих архаичных форм, сохранив лишь краткие алфавитные реестры при столах. Ряд предложений комитета касался сокращения «внешних сношений», особенно связанных с порядком объявления ответов на просьбу, который «переходит через множество ступеней от министерства к генерал-губернатору и далее к губернатору и далее до квартального надзирателя и станowego и обратно тем же путем доставляется подписка просителя в объявлении ему решения»⁷⁵.

Некоторые заключения комитета фактически осуждали и систему бюрократического централизма: «недостаточно определенный» круг действий средних и низших инстанций вынуждал их по разным мелочам обращаться в министерства и даже высшие учреждения и органы вплоть до «высочайшего» разрешения⁷⁶.

Огромную и ненужную переписку вызывала процедура приема на службу чиновников. По этому поводу велась переписка с губернатором, генерал-губернатором, различными звеньями того или иного министерства, Инспекторского департамента гражданского ведомства при I отделении Собственной е. и. в. канцелярии и даже III отделении той же канцелярии; ежегодная служба чиновника фиксировалась ведомостями, которые посылались в министерство и в Инспекторский департамент. Сведения о наградах подавались в Капитул орденов и т. п. Комитет предлагал несколько ограничить эту переписку о чиновничьей службе (например, предлагалось представлять ведомости в Инспекторский департамент не ежегодно, а раз в 5 лет)⁷⁷.

Много переписки вызывал чисто формальный «надзор» судебных мест над исполнением судебных решений, обязывающий время от времени (через 2–3 недели) посылать в полицейские учреждения «побуждения» и требовать «объяснений»⁷⁸. С этой перепиской было связано более половины исходящих бумаг судебных учреждений*.

Материалы комитета рассматривались в заседаниях соединенных департаментов законов и государственной экономии 7–10 декабря 1851 г. Государственный совет отверг предложения о частных преобразованиях судебных учреждений, а также упразднении некоторых местных органов (совместных судов, уездных до-

* В I департаменте Петербургской судебной палаты в 1850 г. всего исходящих бумаг было 19 407, и из них по «надзору» было послано 11 400. За год в нем было рассмотрено 550 дел, т. е. каждое дело вызывало более 35 исходящих документов (и из них более 20 – по «надзору») (ГПБ. Ф. 637. Д. 3. Л. 60).

рожных комиссий и т. п.) как «не входящие в круг принадлежащих Комитету занятий» или как «преждевременные». Государственному контролеру А.З. Хитрово было предложено «свои соображения и предложения об изменении контрольной системы представить в Государственный совет». 28 января 1852 г. последовало утверждение Николаем I «мнения» Государственного совета, вводившее в действие «Проект изменений в существующих узаконениях и правилах относительно порядка делопроизводства по гражданскому управлению и кругу действий разных ведомств»⁷⁹.

В условиях общего кризиса феодального строя в России эта частная мера, проведенная в отрыве от других назревших преобразований государственности, большого влияния на государственный аппарат не оказала. В своем всеподданнейшем отчете за 1856 г. министр внутренних дел С.С. Ланской был вынужден признать, что «все усилия к прекращению огромной переписки будут тщетны, если не будет единственного и совокупного содействия всех правительственных властей к положению конца ежегодно увеличивающемуся бумажному направлению, умножающему до огромных размеров бесполезную переписку, которая вредит, отвлекая должностные лица от существенного дела и занимая их подпискою бумаг и ведомостей». Александр II был вынужден после ознакомления с докладом Ланского предложить Комитету министров «сообразить, как сему помочь». 19 ноября 1857 г. Комитет министров поручил министрам и главноуправляющим отдельными ведомствами вновь, как в начале 50-х годов, представить сведения и соображения относительно возможного сокращения переписки⁸⁰. В отличие от порядка обсуждения этого вопроса в комитете 31 марта 1851 г. начальники ведомств в 1857 г. высказывались смелее и в отношении «неудобств системы управления». «Корень сего зла, т. е. умножения и распространения бесполезной, а потому весьма вредной переписки, – писал главноуправляющий II отделением Д.Н. Блудов, – кроется в самом механизме нашего управления». Он предлагал «подвергнуть тщательному и подробному во всех частях пересмотру все наши учреждения и уставы»⁸¹.

В конце 50-х годов начальники ведомств России еще не смогли предложить какие-либо серьезные меры в области сокращения делопроизводства, поскольку эти меры упирались прежде всего в ведомственную децентрализацию, т. е. расширение прав начальников структурных частей центральных учреждений и увеличение самостоятельности отдельных звеньев местного аппарата. Частный вопрос управления – состояние его делопроизводства – упирался в общий: буржуазные преобразования всей государственной машины, а к ним в это время некоторые ведомства лишь приступили. Поэтому на призыв Александра II и Ко-

митета министров начальники ведомств откликнулись еще по старинке. Часть их вообще отмахнулась от каких-либо дальнейших сокращений делопроизводства (III отделение, Министерство юстиции, Государственный контроль), другие перечислили некоторое дополнительное число форм и ведомостей, которые можно было сократить⁸².

К 60-м годам XIX в. делопроизводство России оставалось громоздким и сложным. Каждая бумага в нижнем земском суде проходила 26, в губернском правлении – 54, в департаменте министерства – 37 и в Комитете министров – 36 операций⁸³.

Глубокий кризис всей крепостнической государственности к концу 50-х годов вынудил правительственные верхи более решительно пойти на устранение крайностей бюрократизма. Предложенная в 1859 г. вел. кн. Константином Николаевичем реформа управления Морского ведомства с децентрализацией и расширением прав местных властей (командиров портов и эскадр) вызвала одобрительную резолюцию Александра II на журнале Государственного совета с рекомендацией соответствующих же мер и по другим ведомствам. Это вызвало очередную временную волну децентрализации в период буржуазных реформ 60–70-х годов XIX в.

Первая половина XIX в. представляла определенный этап в дальнейшей бюрократизации крепостнической монархии, характеризовалась ростом дифференциации и специализации в организации деятельности государственных органов и более четкой их компетенцией в области законодательства, высшего надзора, суда, администрации, политического сыска, ведомственной специализации центрального управления; в это время происходило усиление кадров бюрократии, не только количественное, но и качественное их изменение в образовательном уровне и деловой квалификации. По классовому составу и направлению деятельности это была исключительно дворянская бюрократия. Ее крепостнический характер проявлялся даже в уровне специализации бюрократии на разных ступенях иерархии.

Кризис феодально-крепостнического строя во второй четверти XIX в. привел к усилению начавшейся еще с учреждения министерств централизации с превращением ее в бюрократический централизм, сковывающий всякое проявление недовольства в стране, чему способствовала сопутствовавшая этому централизму военизация гражданского правительственного аппарата. Следствием бюрократического централизма было регламентирующее законодательство, формализм и возрастающий объем делопроизводства. Бюрократический централизм представлял собой последнюю форму организации и деятельности крепостнической монархии.

Высшие органы
крепостнического государства

Законодательный механизм
абсолютизма

Усложнение задач крепостнического государства к началу XIX в. вызвало необходимость большей дифференциации высшей правительственной деятельности. Увеличение числа законодательных актов повысило значение самой техники законодательства. Совет при высочайшем дворе оказался малоэффективным государственным органом уже к концу XVIII в.¹ (В 1799 г. было 20 заседаний Совета, в 1800 г. – 16, а с 20 декабря 1800 г. он перестал собираться вообще.) 26 марта 1801 г. он был упразднен. От XVIII в. были наследованы два старых высших учреждения – Правительствующий сенат и Святейший синод, претерпевшие в первую половину XIX в. также значительные изменения. С начала XIX в. появилось несколько новых высших государственных учреждений: в первые два с половиной года правления Александра I действовал чрезвычайный орган – Негласный (неофициальный) комитет; в 1801–1810 гг. – Непременный совет; наряду с министерствами возник Комитет министров; в 1810 г. был создан Государственный совет; общегосударственное значение приобрела с 1812 г. Собственная е. и. в. канцелярия. Во второй четверти века широкое распространение получили высшие (часто секретные) комитеты разного назначения, узурпировавшие нередко часть функций других высших учреждений.

Между носителем верховной, самодержавной власти – императором и высшими учреждениями, между самими высшими учреждениями, а также между ними и органами центрального и местного управления установились сложные бюрократические отношения, регламентированные определенными законодательными актами. Все это знаменовало совершенно новый этап бюрократизации государственности России. В усложнившейся государственной машине Российской империи высшие государственные уч-

реждения занимали важнейшее место, и их эволюция определяла нередко и изменения нижних ступеней государственной машины.

Через четыре дня после упразднения Совета при высочайшем дворе, который был, как отмечалось, «редко занимаем предметами существенными» и не имел «ощутительного влияния на дела общественные»², указом 30 марта 1801 г. по инициативе Д.П. Трошинского был учрежден «для рассмотрения и уважения государственных дел и постановлений» «Совет непременный». Созданием этого учреждения Александр I сделал уступку весьма влиятельной группировке представителей высшей бюрократии и вельмож XVIII в. Из 13 членов данного Совета 10 принадлежали к титулованной знати³. Председателем был назначен генерал-фельдмаршал, последний президент Военной коллегии гр. Н.И. Салтыков. Хотя новому учреждению и была предложена довольно широкая программа по пересмотру всех законов и составлению новых, однако император не собиравшись придавать Непременному совету большого значения. «Наказ» от 9 апреля 1801 г. определял весьма скромные права этого учреждения, которое, как утверждалось, «не имеет никакого действия внешнего и силы, кроме сил соображения»⁴.

Первоначально на рассмотрение Совета поступали некоторые важные государственные дела (вопрос об устройении городского управления в столицах; положение о непродаже крепостных без земли; о присоединении Грузии к России; о правах и преимуществах Сената и пр.), но вскоре стало очевидным, что Непременный совет выступает в роли своеобразной плотины при обсуждении мер государственных преобразований. Это выявилось при рассмотрении реформы Сената в апреле – мае 1802 г., когда ее сторонники (гр. П.В. Завадовский, гр. А.Р. Воронцов и Д.П. Трошинский) остались в меньшинстве⁵.

По мере укрепления своего положения Александр I после реформ 8 сентября 1802 г. (учреждение министерств и Комитета министров, преобразование Сената) перестал вообще считаться с Непременным советом, и на его рассмотрение все чаще стали поступать разнообразные маловажные и запутанные дела (о дворянском достоинстве, разбор земельных споров, пересмотр судебных решений и т. п.). А. Чарторижский отмечал, что после учреждения министерств Александр I «продолжал еще по временам отсылать некоторые неприятные и запутанные дела на обсуждение так называемого Совета – нужно же было дать ему пищу на некоторое время и не допускать слишком быстрой его смерти; но вскоре, однако, он сам погас вследствие своего ничтожества»⁶. Непременный совет просуществовал до учреждения Государственного совета в 1810 г., не оставив существенного следа в аппарате самодержавия.

Гораздо большее значение имел так называемый Негласный (неофициальный) комитет, состоящий из «молодых друзей» Александра I (гр. П.А. Строганова, кн. А. Чарторижского, гр. В.П. Кочубея и Н.Н. Новосильцева). Начало бесед о состоянии государства относится еще к правлению Павла I (1797), но первое заседание комитета состоялось 24 июня 1801 г., когда были определены и задачи этого неофициального органа, заключавшиеся в том, чтобы «прежде всего узнать действительное положение дел; затем реформировать различные части администрации и, наконец, обеспечить государственные учреждения конституцией, основанной на истинном духе русского народа»⁷. Внешне Негласный комитет не имел организации государственного учреждения. Члены его собирались в комнатах Александра I в Зимнем дворце, неофициально журналы заседаний вел П.А. Строганов.

На заседаниях комитета было обсуждено большинство правительственных мероприятий начала XIX в., в том числе и проекты реформ государственного аппарата, уделено много внимания крестьянскому вопросу, который был сведен к частным мероприятиям приспособления крепостного строя к новым условиям⁸. С осени 1802 г. Александр I стал рассматривать важнейшие вопросы государственного управления в Комитете министров, преимущественно в кругу высших чиновников. После 9 ноября 1803 г. Негласный комитет перестал собираться*.

С конца XVIII в. непрерывно увеличивается количество ежегодно утверждаемых императорской властью законов. Так, за 34 года правления Екатерины II было принято 6047 законодательных актов – в среднем около 178 актов в год, а за 12 с небольшим лет (с 6 ноября 1796 по 31 декабря 1809 г.) было принято 6533 законодательных акта, т. е. более 544 в год. Усиление этого потока повысило значение самого процесса законодательной техники.

В 1809 г. М.М. Сперанским был подготовлен проект закона о новом высшем государственном учреждении – Государственном совете. Опасаясь противодействия части верхов бюрократии (и в особенности А.А. Аракчеева), Сперанский тайно пересылал

* Подвергший источниковедческому анализу «протоколы» комитета М.М. Сафонов высказал справедливое мнение о существовании еще ряда незапротоколированных заседаний (*Сафонов М.М. Протоколы Негласного комитета // Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. Л., 1976. Т. VII. С. 193–194*). Его аргументация о заседаниях Негласного комитета до сентября 1805 г. нам кажется недостаточно убедительной, основанной на чисто субъективных толкованиях мемуаров А. Чарторижского (Там же. С. 197, 199).

отдельные главы этого проекта Александру I, находившемуся в ноябрь–декабрь в Твери, а затем в Москве. С проектом был ознакомлен круг благожелательно настроенных влиятельных сановников (кн. П.В. Лопухин, графы Н.И. Салтыков, П.А. Завадовский, В.П. Кочубей, Н.П. Румянцев). Незадолго до утверждения проект был показан и А.А. Аракчееву⁹. Созданный законодательным актом 1 января 1810 г. Государственный совет являлся учреждением, «в коем все части управления в главных их отношениях к законодательству соотносятся и через него восходят к верховной императорской власти»¹⁰. Сам М.М. Сперанский придавал созданию Государственного совета большое значение, считая это первым шагом к претворению в жизнь его обширного плана государственных преобразований. В отчете за первый год деятельности Совета 11 марта 1811 г. он заявил, что его создание знаменательно, сделан «уже безмерный шаг от самовластия к истинным формам монархическим»¹¹. Однако план государственных преобразований М.М. Сперанского практически не был претворен в жизнь, и Государственный совет являл собой лишь фасад непостроенного целиком здания.

В ст. III манифеста 1 января 1810 г., учреждавшего этот орган верховной власти, повторялась мысль М.М. Сперанского, высказанная им в «Основаниях коренных законов, определяющих существо и действие Государственного совета»¹², а именно Государственный совет лишь высшее законосовещательное учреждение: «Никакой закон, устав и учреждение не исходит из Совета и не может иметь своего совершения без утверждения державной власти»¹³.

Члены Государственного совета назначались императором из высших чиновников России, по должности в него входили министры. В числе его первых членов были 35 крупнейших государственных деятелей и влиятельных чиновников России (В.П. Кочубей, А. Чарторижский, П.С. Мордвинов, А.А. Аракчеев и др.). Председатель Государственного совета назначался императором; в случае личного присутствия заседания вел сам император. Первым председателем Совета был канцлер гр. Н.П. Румянцев. С 1812 и по 1865 г. председателями Государственного совета и другого государственного учреждения – Комитета министров, как правило, являлись одни и те же лица.

Аппарат Государственного совета состоял из общего собрания, четырех департаментов, двух комиссий и Государственной канцелярии. Департаменты законов, дел военных, дел гражданских и духовных, государственной экономии, а также созданный позднее департамент дел Царства Польского являлись предварительными инстанциями для обсуждения законопроектов в узком

кругу специалистов какого-либо отдельного вопроса (например, «государственной экономии» – финансовых и хозяйственных вопросов), затем он обсуждался и утверждался на общем собрании Совета. Комиссии составления законов предписывалось заниматься их кодификацией. В 1826 г. эта комиссия была упразднена, и дела ее были переданы в Собственную е. и. в. канцелярию, составив там особое, II отделение.

Комиссия прошений возникла из существовавшей до 1810 г. при Сенате конторы генерал-рекетмейстера, в которую поступали на имя императора жалобы на «все места средние и подчиненные», на решения департаментов и общих собраний Сената, прошения о наградах и милостях, различные проекты. Подача прошений и жалоб давала определенную возможность господствующему классу, минуя бюрократические инстанции, выражать царю свои личные и общесословные нужды, указывать на недостатки в управлении, суде и т. п. С другой стороны, наличие в аппарате крепостнического государства подобного учреждения поддерживало царистские иллюзии в народных массах о возможности непосредственного общения с царем, личного рассмотрения им жалоб и нужд каждого простолюдина. 6 декабря 1826 г. был составлен проект «Учреждения Комиссии прошений»¹⁴. Однако его реализация состоялась лишь 18 января 1835 г., когда Комиссия прошений обособилась в высшее самостоятельное учреждение, возглавляемое особым «статс-секретарем у принятия прошений». Здесь рассматривались «всеподданнейшие жалобы» на департаменты и общие собрания Сената, на ограничение прав свободного состояния, прошения о пенсиях и единовременных пособиях. Указ 11 марта 1841 г. придал деятельности Комиссии прошений, по выражению ее статс-секретаря кн. А.Ф. Голицына, больше «определенности»¹⁵. С этого времени в ней были сосредоточены и дела по помилованию и смягчению участи лиц, наказанных за уголовные преступления. В 40-е годы в Комиссии прошений одних только жалоб на решения департаментов Сената поступало ежегодно до 1000¹⁶. Далеко не каждое прошение, поступившее в комиссию, получало ход. Комиссия, как отмечалось в объяснительной записке к закону 11 марта 1841 г., «разделяя бумаги, дает каждой надлежащее направление, по тем, кои требуют предварительно дополнительных сведений, входит с кем следует в сношении, а не подлежащие никакому рассмотрению возвращает просителям или оставляет без движения»¹⁷.

Состоящая при Государственном совете Государственная канцелярия была не простым его делопроизводственным придатком: именно она подвергала любой проект закона еще до его обсуждения в общем собрании шлифовке, оставляя, по выражению

Сперанского, вместе с тем и «пространство для действия»¹⁸, т. е. возможность двойного толкования того или иного закона в интересах крепостников и самодержавной власти. Учитывая значение Государственной канцелярии, Сперанский добился у Александра I своего назначения на пост ее главы – государственного секретаря.

По закону Государственный совет являлся обязательной инстанцией по обсуждению законопроектов¹⁹, что подтверждалось ст. 50 «Основных законов Российской империи»: «Все предначертания законов рассматриваются в Государственном совете». В действительности он не был единственным законосовещательным учреждением. В первые годы существования его функции часто узурпировались Комитетом министров, а также нередко законопроекты после их рассмотрения в Комитете министров, отделениях Собственной е. и. в. канцелярии, Синоде, отдельных высших комитетах (Сибирский, Кавказский и др.), а также Военном совете и в Адмиралтейст-совете поступали, минуя Государственный совет, на утверждение царя. С 10-х годов XIX в. установилась практика еженедельных докладов императору начальников отдельных ведомств (министров, главноуправляющих и др.). Эти «всеподданнейшие» доклады нередко сразу же и без обсуждения в Государственном совете утверждались императором. Как заметил министр финансов гр. Е.Ф. Канкрин, Государственный совет был «совещательным местом, куда государь посылает только то, что самому ему рассудится»²⁰.

Пытавшийся несколько стабилизировать значение Государственного совета, Николай I в то же время не считал обсуждение проекта закона в нем обязательным. «Да неужели, – с негодованием вопрошал он председателя Государственного совета И.В. Васильчикова*, – когда я сам признаю какую-нибудь вещь полезной и благодетельной, мне непременно нужно спросить на нее сперва согласия Совета»²¹.

После обсуждения законопроектов в общем собрании Государственного совета император нередко выражал согласие не с большинством, а с меньшинством Совета. Так, в 1810–1825 гг. такие разногласия возникли при обсуждении 242 дел (в 83 случаях Александр I поддержал меньшинство, в четырех случаях – мнение единственного члена Совета)²². Иногда (особенно часто

* Ответ И.В. Васильчикова весьма характерен для оценки Государственного совета в самодержавной России того времени: «Не согласие, но мнение непременно, потому что Совет для этого и существует...» (Корф М.А. Из записок // Русская старина. 1889. Т. 99. С. 280.)

при Николае I) законопроект направлялся в Государственный совет с готовой резолюцией императора о желательности того или иного решения.

Государственный совет был перегружен массой внутренних административных и финансовых дел (из последних наибольшее значение имело утверждение бюджета), причем категории эти расширялись: если в «Образовании Государственного совета» 1 января 1810 г. перечень данных функций состоит из 10 пунктов, то в «Учреждении Государственного совета» 15 апреля 1842 г. их уже 23.

«Учреждение», подготовленное специальным секретным комитетом под руководством председателя Государственного совета И.В. Васильчикова, было лишь «новым исправленным изданием прежнего закона»²³. Несколько расширилась компетенция Государственного совета, из закона были изъяты некоторые термины, внесенные в «Образование Государственного совета» 1 января 1810 г. М.М. Сперанским из предложенного им проекта государственных преобразований. По мнению Николая I и высших сановников, они недостаточно отражали подчинение Совета власти самодержавного, неограниченного монарха (например, «державная власть» заменена термином «самодержавная власть»).

Была вычеркнута формулировка, внесенная в свое время Сперанским, при обсуждении проекта закона, – «Вняв мнению Государственного совета», постановляем и учреждаем, т. е. объективно подчеркивавшая соучастие императора и Государственного совета в законодательной санкции²⁴. Нужно отметить, что некоторые дореволюционные историки права толковали этот оборот как ограничение воли монарха (А.Д. Градовский, В.И. Сергеевич, А.В. Романович-Словатинский, М.Ф. Владимирский-Буданов и др.)²⁵; Н.М. Коркунов и В.Н. Латкин считали, что термин этот не содержал никаких элементов ограничения самодержавного монарха²⁶. Николай I лично вычеркнул эту смущавшую самодержавие формулировку из текста проекта «Учреждения» 1842 г.²⁷

Даже в условиях феодально-крепостнической государственности дореформенной России с сохранившимися в абсолютной монархии элементами деспотизма и произвола Государственный совет занимал определенное место, являлся весьма важным звеном законодательного механизма. Сам факт появления законосовещательного органа свидетельствовал о том, что российский абсолютизм первой половины XIX в. уже не мог обходиться без обсуждения хотя бы части проектов законов и других важных общегосударственных дел в особом органе с верхами дворянской бюрократии.

В первую половину XIX в. Государственный совет выполнял задачи в упорядочении процесса законодательства абсолютной монархии, являлся органом, в котором наиболее опытные высшие чиновники государства подвергали каждый поступавший в него законопроект основательной шлифовке с целью достижения наиболее казуистического и вместе с тем наиболее полного выражения воли господствующего класса помещиков-дворян. В этом заключалась причина большой жизненности Государственного совета, просуществовавшего без существенных изменений более 95 лет – до его реформы в 1906 г., придавшей ему характер «верхней палаты» российского лжепарламента.

Высшая администрация и правительственный кабинет самодержавия

Во время обсуждения в Негласном комитете проекта образования министерств возник и вопрос об объединении их деятельности. Впервые этот вопрос был затронут на заседании 18 ноября 1801 г. Протокол заседания отразил это так: «Прения коснулись далее Совета. Многие, и в том числе граф Семен Воронцов из Лондона, часто писали, что следует обсуждать дела в совете, что таков обычай во всех странах. Граф приводит по этому поводу пример Англии, где все сколько-нибудь важные меры были всегда результатом решения всего кабинета, а не одного министра, работающего с королем. Это хорошо тем, что министр никогда не в состоянии будет заставить врасплох императора и, дав ему неправильные сведения, заставить его принять неправильные меры»²⁸. Члены Негласного комитета высказывают мнение о необходимости создать «объединенное министерство»²⁹. Но наряду с этими предложениями существовала и другая точка зрения. В материалах комитета сохранилась анонимная записка «Опыт органического регламента всех отраслей управления России», автор которой предлагал создать совет, члены которого – министры «будут собираться только по особому повелению монарха». Николай Михайлович приписывал записку гр. П.А. Строганову, не приводя никаких на этот счет доказательств³⁰. На наш взгляд, ее содержание более соответствует воззрениям гр. В.П. Кочубея, которому в отличие от других членов комитета более импонировали административные порядки Франции. На одном из его заседаний (10 февраля 1802 г.), когда обсуждалась записка кн. А. Чарторижского «О порядке управления», восхвалявшего английский кабинет, где все министры «руководствуются одной и той же мыслью, одним и тем же политическим взглядом», Кочубей предложил заим-

ствовать французскую систему устройства министерств из «L'Almanach national de France».

Манифест 8 сентября 1802 г. явился, по-видимому, своеобразным компромиссом между двумя противоположными мнениями. Не отвергая в принципе «объединенное министерство» – кабинет, составитель проекта манифеста Н.Н. Новосильцев не дал ему никакого определенного устройства. Один из пунктов гласил, что в случае необходимости министр представляет императору доклад по делам своего ведомства*.

Следующий пункт (XI) пояснял, что до поднесения императору этого доклада министр «должен предварительно его предложить прочим министрам для надлежащего соображения со всеми государственными частями, в ведении их находящимися». В пункте XV упоминается Комитет министров, где рассматриваются «дела обыкновенные»³¹. М.М. Сперанский считал, что по закону 8 сентября «сей комитет был ни место, ни особое установление», он был только «образом доклада»³².

Александр I присутствовал не только на первом заседании комитета 16 сентября 1802 г., но и на большей части других его заседаний до сентября 1805 г.³³ «По случаю отбытия из столицы» 4 сентября 1805 г. Александр I дал Комитету министров особые «правила», по которым министры продолжают и в его отсутствие собираться дважды в неделю под председательством одного из членов, сменявшегося на каждые четыре заседания. «Правила» содержали первое конкретное изложение функции Комитета министров: это были дела, по которым министры подносили императору свои всеподданнейшие доклады, вопросы, которые министр «для разрешения собственных сомнений сочтет за нужное туда представить», а также все то, что особым повелением назначит сам император. По-видимому, уже к этому времени выявилась полная невозможность превращения комитета в орган, объединяющий и направляющий деятельность министров, в «кабинет». В условиях абсолютной монархии такой орган в России был совершенно нежелателен и даже опасен для власти самодержавного монарха, который сам назначал министров из особо доверенных чиновников, принимал их всепод-

* В записке, поданной Александру I 28 марта 1806 г., соглашаясь с мнением о необходимости единства в правительстве, Кочубей подчеркивал роль министров как исполнителей воли императора. «Дело государя, – писал он, – думать и повелевать в общих чертах. Дело министра думать, как лучше исполнять повеления им получаемые, как лучше управлять частью ему вверенной» (РИО. Т. 90. С. 207–208).

даннейшие доклады, а в случае необходимости сам своей властью направлял и объединял деятельность министров.

«Правила», данные в руководство Комитету министров 31 августа 1808 г., закрепляли в его ведении будничные административные дела. Кроме названных в «Правилах» 1805 г. дел министры теперь получили право выставлять на рассмотрение комитета те дела, которые они представляют в «докладные дни» императору «для получения высочайших резолюций».

С учреждением Государственного совета в состав Комитета министров вошли председатели его департаментов. Значение Комитета министров как высшего административного органа, а также его организационные основы окончательно закреплялись «Учреждением Комитета министров» 20 марта 1812 г. Этот акт передавал в случае отсутствия в столице императора Комитету министров всю власть над правительственным аппаратом. Председатель Комитета министров с этого времени на целые полстолетия (до 1865 г.) стал одновременно и председателем Государственного совета. Такое совмещение должностей положило конец намеченному в «Плане государственных преобразований» М.М. Сперанского «разделению властей», четко определило феодальный принцип подчинения законодательного механизма высшей администрации.

«Учреждение» 1812 г. содержало более подробный перечень функций комитета: это дела, по которым «необходимо общее соображение и содействие», в разрешении которых министр «встретил сомнение», и дела, превышающие пределы его власти; особо подчеркивалось, что в комитет выносятся все дела высшей полиции, относящиеся «до общего спокойствия и безопасности», до продовольствия и др. Расширился состав комитета: кроме министров, главноуправляющих и председателей департаментов Государственного совета были включены в его состав и отдельные высшие чиновники: военный губернатор Петербурга, государственный секретарь гр. А.А. Аракчеев, а со времени правления Николая I и наследник престола. В целом же, по словам историка Комитета министров С.М. Середонина, законы 1805, 1808 и 1812 гг. лишь юридически закрепили предшествующую деятельность комитета³⁴.

После 1812 г. Комитет министров окончательно определил свое место в государственном строе России как высшее административное учреждение, где неограниченный монарх совещался с наиболее доверенными высшими чиновниками.

24 декабря 1815 г. «для доклада и надзора за комитетом» был назначен А.А. Аракчеев, который сосредоточил в своих руках вскоре также доклады и по делам Государственного совета, Собственной е. и. в. канцелярии и по некоторым ведомствам³⁵.

В повседневной деятельности на рассмотрение Комитета министров чаще всего выносились те дела, которые министры не могли решать сами из-за отсутствия соответствующих законов или которые затрагивали интересы других ведомств. Специальным рескриптом на имя Н.И. Салтыкова 8 марта 1816 г. Александр I предписал министрам представить в форме докладов свои соображения по поводу того, какие дела будут рассматривать в Комитете министров и какие будут представлять в министерских докладах императору³⁶. Нередко, особенно в первой четверти XIX в., здесь рассматривались и законопроекты. Законами становились утвержденные императором журналы Комитета министров, минуя обсуждение в Государственном совете. Через Комитет министров проходили многочисленные дела по надзору за государственным аппаратом (материалы сенаторских ревизий, выговоры местным администраторам и т. п.), а также дела по личному составу правительственных учреждений (назначения, увольнения, награды, пенсионные и пр.). Комитет мог отменить решения Сената. Решения Комитета министров возводили в «закон» произвольные действия чиновников и отдельных представителей господствующего класса.

Таким образом, дореформенный Комитет министров охватывал все основные вопросы деятельности высших правительственных учреждений: высшую администрацию, законодательство, надзор за правительственным аппаратом, толкование законов и т. д. Ежегодно через этот орган проходило от 2 до 3 тыс. дел³⁷.

Преобразование Комитета министров в главнейшее правительственное учреждение России, перегрузка его множеством разнообразных дел, совмещение в нем многих общегосударственных функций вызвали недовольство отдельных представителей высшей бюрократии. «Бумаги поступают в Комитет без всякого разбора и большей частью такие, кои сами министры могли бы разрешить», – писал В.П. Кочубей в записке, поданной Александру I в 1814 г.³⁸ Д.А. Гурьев в обширной записке «Об устройстве верховного правительства в России» (1814–1815 гг.) противопоставлял Комитету министров «Тайный совет или Кабинет» – высший орган для обсуждения общегосударственных дел под председательством императора по образцу английского правительства³⁹. Б.Б. Кампенгаузен в записке, читанной императором 20 ноября 1816 г., предлагал передачу дел Комитета министров особому распорядительному департаменту Правительствующего Сената⁴⁰. Мысли Гурьева о Тайном совете разделял и М.А. Балугьянский в записке «Рассуждение о средствах исправления учреждений и законодательства в России», представленной Николаю I в 1826 г.⁴¹ «В настоящем положении Комитет министров, – писал он, – зани-

мается как законодательной властью, так и делами, по законам принадлежащими Сенату. Таким образом, достоинство Государственного совета и Сената унизились. Он занимается мелочами, что отнимает у министров время для занятия важными делами. Комитет министров, т. е. соединение глав всех управлений, должен бы представлять то, что во Франции есть Conseil de Ministres, в Австрии – Staats und Konferenz – Ministerium, в Англии – Кабинет, различный от Privy Council или Государственного совета. В значении он был бы хранителем государственной тайны, совещатель в законодательстве и в управлении. Приняв звание Тайного совета (Кабинет), присовокупив к нему несколько знатнейших и опытейших особ под председательством старшего министра или канцлера, он собирался бы не в определенное время, но по повелению Государя или в случаях, требующих общего совещания всех глав управления»⁴². Эти записки поступили в комитет 6 декабря 1826 г. М.М. Сперанский составил для этого Комитета (в конце 1826 – начале 1827 г.) записку «О государственных установлениях», в которой отрицательно отзывался о Комитете министров, считая, что «ни состав сего места, ни порядок, ни власть его, ни пределы, ни отношения его к другим установлениям не определены никаким гласным учреждением»⁴³.

Вопрос о реформе высшей администрации обсуждался на заседаниях Комитета 6 декабря 1826 г., в январе–марте 1827 г. в первом чтении и в конце этого года – во втором чтении. Разработанный им проект Правительствующего Сената предусматривал передачу этому учреждению высших административных дел с упразднением Комитета министров⁴⁴. Проект был одобрен Николаем I⁴⁵. Для общего направления всей правительственной политики Комитет 6 декабря составил проект «Совещания министров для сохранения единства в управлении». Однако против проекта создания правительственного «кабинета» император возражал. Николай I опасался, что в практической деятельности новый орган «присвоит себе особое место в управлении, подобное нынешнему Комитету министров»⁴⁶.

На заседании 9 февраля 1827 г. члены Комитета 6 декабря довольно дружно высказались за соединение Комитета министров с Первым департаментом Сената под наименованием Правительствующего Сената⁴⁷. И все же, несмотря на всеобщее одобрение этой меры, Николай I не спешил с претворением ее в жизнь. События 1830–1831 гг. (революция во Франции и Бельгии, восстание в Польше, холерные «бунты» в России, восстания военных поселян) вызвали усиление деятельности Комитета министров; вопрос о его упразднении отпал сам по себе; в дальнейшем его компетенция расширилась⁴⁸.

При многообразии вопросов, рассматриваемых в Комитете министров, во второй четверти XIX в. особое место занимали вопросы охранения крепостного строя, борьбы с общественным движением и крестьянскими волнениями. Здесь рассматривались жалобы помещиков и крестьян, выносились решения о посылке для подавления крестьянских выступлений воинских команд, отдаче «бунтарей» под суд, порках крестьян и т. д.⁴⁹

В 1849 г. под влиянием революции 1848–1849 гг. в Западной Европе московский военный генерал-губернатор А.А. Закревский представил Николаю I записку, в которой доказывал, что местонахождение в Москве фабрик и заводов приносит величайший вред. В числе прочих причин Закревский называл «скопление бездомных и бесприютных людей, которые легко пристают к каждому движению и находят себе сочувствие и отголоски в развращенных лакеях, у вольноотпущенных и т. п. негодях». Закревский предполагал размещать фабрики и заводы не ближе 40 верст от Москвы, считая, что «рабочие вдали от городских соблазнов будут работать прилежнее да и надзор за ними станет легче». Все эти мысли понравились Николаю I, который наложил резолюцию: «Весьма важно, сообразить в Комитете министров». Проект Закревского не вызвал поддержки. Министр внутренних дел гр. Л.А. Перовский возражал, что «нельзя вполне приравнять нам фабричный народ к западноевропейскому, бездомному пролетариату», что рабочие московских фабрик в основной своей массе – это прибывшие на временные приработки крестьяне. В интересах крепнувшей московской буржуазии высказал соображение и министр финансов Ф.П. Вронченко. Комитет отклонил проект⁵⁰.

Комитет министров имел свое делопроизводство, окончательно сформировавшееся в конце 10-х годов в канцелярию Комитета министров, значительно расширенную положением 1831 г.

Вся история дореформенного Комитета министров показывает, что в условиях феодально-крепостнического государства этот орган занимал первенствующее значение перед всеми другими высшими государственными учреждениями. «Исполнительная власть в монархическом правлении, – рассуждал в 1814–1815 гг. министр финансов гр. Д.А. Гурьев, – важнее законодательной»⁵¹.

Общественный подъем в России после Крымской войны и начало разработки буржуазных реформ в конце 50-х годов требовали сплочения бюрократических сил страны. Загруженный массой административных дел Комитет министров не мог осуществлять координацию деятельности разных ведомств.

* Датировка установлена по писарской копии этой записки в фонде гр. П.Д. Киселева (ЦГИА. Ф. 958. Оп. 2. Д. 729. Л. 1).

В 1856 г. на высочайшее имя поступила анонимная записка* на французском языке «Внутренние реформы»⁵². Главную задачу нового правления ее автор усматривал в единстве правительства и его политики, что отсутствовало при Николае I. Органом такого единства мыслился Совет министров*. Этот орган, указывалось в записке, существует во всех европейских государствах независимо от формы их правления, между тем как в России «каждый министр следует более или менее своим идеям»; Совет министров под председательством царя «должен рассматривать только важные государственные дела», в нем «государь будет излагать свои мнения, и слуги его, удостоенные его доверия, будут свободно высказывать свои суждения. В совете будут решаться все важнейшие вопросы управления, и на все законодательство совет наложит свою печать, печать единства»⁵³. Совет будет решать дело только по существу, не вдаваясь в детали, которые дорабатывались в министерствах или межведомственных комиссиях и комитетах, а затем направлялись к царю лично или через Государственный совет.

В июне 1856 г. записка была передана на рассмотрение сановников (в том числе П.Д. Киселева). Лишь в ноябре 1857 г. главноуправляющий II отделением Собственной е. и. в. канцелярии гр. Д.Н. Блудов представил две записки**, известные в пересказе П.А. Валуева (записка 1861 г.) и управляющего делами Комитета министров А.П. Суковина. Их содержание и определило первоначальный статус Совета министров. 29 ноября 1857 г. последовало «высочайшее повеление», определявшее в общих словах компетенции Совета министров, создаваемого под председательством царя «для рассмотрения дел, получавших высочайшее разрешение по личным докладам министров и главноуправляющих»; всеподданнейшие доклады сохранялись лишь для секретных и срочных дел⁵⁴.

* Процесс возникновения Совета министров подробно рассмотрен В.Г. Чернухой в статье «Совет министров в 1857–1861 гг.» («Вспомогательные исторические дисциплины». Сб. Кн. V. Л., 1973. С. 124–126), а также в ее монографии «Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX в.» (Л., 1978. С. 136–145).

** По мнению В.Г. Чернухи, составителем одной из записок Блудова был служивший под его начальством чиновник И.Д. Десянов (*Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX в.* Л., 1978. С. 144–145). Черновик этой записки найден нами в фонде И.Д. Десянова (ЦГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–17).

Активная деятельность Совета министров в наибольшей мере проявляется в 1857–1862 гг. (90 заседаний и 238 докладов)⁵⁵. Именно в это время рассматривались реформы цензуры, суда, администрации, университетов, самоуправления, а также по ведомствам – морскому, народного просвещения, финансов, государственных имуществ, государственному контролю и др. Совет министров заслушал на одном из заседаний вопрос о подготовке крестьянской реформы (27 августа 1859 г.). Обсуждались на его заседаниях и карательные меры в отношении печати, воскресных школ, университетов, а также против лиц, участвующих в общественном движении. Так, на заседании 13 сентября 1862 г. председатель особой следственной комиссии кн. А.Ф. Голлицын докладывал о мероприятиях по борьбе с революционным движением⁵⁶. На рассмотрение Совета министров вносились годовые отчеты ряда министерств (государственного контроля, внутренних дел, юстиции, военного), остзейского генерал-губернатора, обзор внешней политики и т. п. Наряду с вопросами большой политики на заседания по бюрократической инерции выносились (особенно в 1857–1858 гг.) «всеподданнейшие доклады» и по совершенно мелким делам (об инструкции русскому агентству в Хиве и Бухаре, дозволении строить в Кронштадте деревянный дом, о признании законными прижитыми до брака детей иностранца Гольце и т. п.)⁵⁷. Конечно, в условиях абсолютной монархии XIX в. Совет министров не мог стать правительственным кабинетом, но едва ли можно согласиться с мнением В.Г. Чернухи, что он «своего назначения не выполнил»⁵⁸.

Возникновение и деятельность этого органа власти были связаны с усложнением задач государства в период революционного движения и общественного подъема в стране. Личное общение царя с каждым министром в отдельности (всеподданнейший доклад) уже не всегда удовлетворяло, и потребовалась «коллективная мысль» самодержца и верхов бюрократии. И в этом плане Совету министров удалось на определенном этапе осуществлять бюрократическое единство. Спад общественно-го движения в начале 80-х годов и политическая реакция вызвали прекращение созыва Совета министров (декабрь 1882 г.), реставрацию старых порядков координации и объединения деятельности ведомств через личные доклады министров императору. В XIX в. Совет министров мог существовать лишь эпизодически, как чрезвычайный высший государственный орган.

Высший суд и надзор за феодально-крепостнической законностью

К началу XIX в. Правительствующий Сенат представлял собой громоздкое многофункциональное учреждение, структурные части которого находились не только в Петербурге, но частично и в Москве.

К началу века это учреждение находилось в упадке, монарх совершенно не считался с его мнением⁵⁹. Наиболее важные вопросы надзора и особенно управления находились в ведении генерал-прокурора и его канцелярии. В анонимной записке начала XIX в. «Введение к образованию Сената» рассказывается, что за 1797–1802 гг. «мало-помалу многие отрасли управления сами собой отторгнулись от Сената. Все дела военные и адмиралтейские приняли совсем другое направление. Вслед за ними и гражданское управление проложило себе путь через статс-секретарей, через министра коммерции, наипаче через генерал-прокурора. В лице его (т. е. генерал-прокурора. – *Н. Е.*) соединились и без названия, но самым делом основались все министерства, и Сенат остался при одних делах судебных»⁶⁰.

В первые годы царствования Александра I проводится реформа Сената, несколько изменившая его положение и устройство. Указ Сенату 5 июня 1801 г. предписывал «восстановить» Сенат «на прежнюю степень ему приличную»⁶¹. Ему предоставлялось право самому определить свои функции и обязанности. К июлю 1801 г. сенатор гр. П.В. Завадовский подготовил доклад «О правах и преимуществах» Сената, основной мыслью которого было восстановление всех прав Сената правления Петра I⁶².

Проекты превращения Сената в высший законодательный орган, исходящие от некоторых представителей чиновных верхов России начала XIX в. (П.А. Зубова, Н.П. Панина, Г.Р. Державина и др.), современный американский историк М. Раев оценивает как наличие в правительственных кругах России начала XIX в. английского направления. Идеалом «сенатской партии», по его мнению, являлось так называемое правовое государство (*Rechtsstaat*)⁶³. Но этому направлению в правительственных верхах России противостояло, как указывает М. Раев, другое – «бюрократическое» (М.М. Сперанский, гр. В.П. Кочубей), которое и возобладало в политических судьбах страны, что определило, по мнению М. Раева, «глубоко неестественный» (*profondement affecté*) путь ее дальнейшего развития⁶⁴.

Конечно, среди представителей верхов России были сторонники и некоторых западноевропейских, в частности английских, государственных и правовых порядков. Корни воззрений

«сенатской партии» следует искать не столько в ее преклонении перед английской и другими конституциями, а прежде всего в политическом развитии России в XVIII в., в притязаниях части верхов дворянства, не смирившейся с установлением в России абсолютизма и мечтавшей об олигархической монархии (т. е. соправительстве императора с группой знатнейших влиятельных сановников). Англофильские политические симпатии некоторых вельмож лишь прикрывали их сугубо отечественные аристократическо-дворянские воззрения на государственную власть в России. В XVIII в. сторонникам олигархической формы государственного правления в России даже удалось провести в жизнь некоторые свои проекты (кратковременная деятельность Верховного тайного совета), близко подойти к их осуществлению (проект политической реформы Д.М. Голицына; кондиции верховников в 1730 г.; проект Н.И. Панина в 1762 г.). Однако в целом идея олигархической монархии в России не имела глубоких корней, так как в силу особенностей социально-экономического развития страны господствующий класс-сословие помещиков-дворян в основной своей массе поддерживал неограниченную монархию. Крепостнический строй задержал появление в государственном строе России элементов конституционализма на целый век.

В начале XIX в. проекты «сенатской партии» по реформе Сената были отклонены Негласным комитетом. Член этого комитета гр. П.А. Строганов высказался за то, чтобы Сенат являл собой лишь «верховное место суда и расправы»⁶⁵.

Указ 5 июня 1801 г. обсуждался в общем собрании четырех департаментов Сената в июне–июле, затем – в Негласном комитете⁶⁶ и был утвержден 8 сентября 1802 г. одновременно с учреждением министерств⁶⁷. Первые его пункт гласил: «Сенат есть верховное место империи нашей; имея себе подчиненными все присутственные места, он как хранитель законов печется о повсеместном наблюдении правосудия». При этом подчеркивалось, что «власть Сената ограничивается единою властью императорского величества»; все министры могли подавать замечания на «высочайшие» указы, т. е. имели право ставить вопрос о пересмотре законов, если они не соответствовали действующему законодательству⁶⁸.

Эти «реформы» Сената, как и учреждение Непременного совета, создавали видимость уступок нового императора интересам некоторой части столичного высшего дворянства. Реальное же значение всех этих «преобразований» Сената в 1801–1802 гг. было невелико.

И после знаменитого «представления» Сената по поводу самодержавного указа от 5 декабря 1802 г. (об обязательной службе

в армии в течение 12 лет дворян, не дослужившихся до офицерского чина) как противоречащего Жалованной грамоте дворянству 1785 г., последовал указ Александра I 21 марта 1803 г., по которому Сенат лишился права «представления» на все издаваемые впредь законы.

В первые годы своего существования министерства передавали в Сенат ежегодные отчеты, для их рассмотрения при Сенате в 1803–1805 гг. существовал даже специальный комитет. Так, по поводу отчетов ряда министерств за период с 8 сентября 1802 по 1 января 1803 г. были высказаны некоторые соображения – неудовольствие отчетами одних министров (морских сил, юстиции) и удовлетворение отчетами других (народного просвещения)⁶⁹. За 1802 г. в Сенат поступило 8 министерских отчетов, в 1803 г. – 7, в 1804 г. – 4, а с 1805 г. ввиду малой эффективности сенатского «свидетельствования» министры предпочитали передавать свои отчеты в Комитет министров⁷⁰. Даже в подведомственных Сенату делах (о суде и надзоре) его действия были весьма ограниченными.

До 1810 г. в составе Сената оставалась возглавляемая генерал-рекетмейстером Канцелярия рекетмейстерских дел, принимавшая жалобы на решения департаментов и общих собраний Сената. Мнение рекетмейстера, минуя генерал-прокурора, докладывалось в Непременный совет, а оттуда поступало к императору. М.М. Сперанский считал такой порядок движения дел совершенно нелепым. «Таким образом, – писал он в проекте нового «Учреждения Правительствующего Сената», – при переходе дела из департамента в общее собрание предполагалось, что 50 человек лучше рассудят, нежели 7, а потом, когда и 50 человек положили уже решение, то предполагалось снова, один человек рассудит лучше, нежели пятьдесят»⁷¹. С учреждением Государственного совета Канцелярия рекетмейстерских дел была закрыта, а ее дела (в значительно сокращенном объеме) переданы в созданную при совете Комиссию прошений. Жалобы в нее на сенатские департаменты были сильно стеснены, а жалобы на решения общего собрания Сената вообще было указано оставлять «без уважения»⁷².

В 1813 г. высшей инстанцией по отношению к общим собраниям Сената стал Государственный совет; ему предоставлено было также право рассматривать доклады и рапорты Сената. Через 20 с лишним лет (в 1835 г.) жалобы на департаменты и общие собрания Сената по некоторым категориям дел стала принимать Комиссия прошений; судебные же функции Сената во второй четверти XIX в. стеснялись Собственной е. и. в. канцелярией.

Состав и организационное устройство Сената способствовали в определенной мере его упадку. В первой половине XIX в. Сенат представлял собой совокупность ряда полусамостоятельных учреждений: департаментов, общих собраний и других учреждений, скрепленных главенством над Сенатом генерал-прокурора, который со времени возникновения министерств был одновременно министром юстиции. В состав каждого департамента входили несколько сенаторов, назначаемых царем (главным образом престарелых высших чиновников), а также генералов. Во главе каждого департамента стоял обер-прокурор.

Число департаментов Сената на протяжении первой половины XIX в. возросло до двенадцати.

Огромный наплыв дел, медлительность их решения характеризуют деятельность Сената в начале XIX в. Министр юстиции П.В. Лопухин представил в январе 1805 г. Александру I доклад о преобразовании Сената, а также предложения по составу штатов для канцелярий департаментов Сената. Доклад тот был утвержден, и 27 января 1805 г. опубликован указ, по которому упразднены учрежденные при Павле I временные департаменты и «Комиссия для поверхностного обозрения жалоб и решений Сената»; количество департаментов было увеличено с 7 до 9, из них 6 действовали в Петербурге и 3 – в Москве. В результате этой реформы сократились многие административные функции, ранее находившиеся в ведении сенатских департаментов, некоторые из них передавались в недавно созданные министерства; все дела в департаментах Сената были перераспределены, увеличились и сенатские штаты.

Второй департамент Сената из административного и судебного органа, заведовавшего вотчинными и уголовными, а также апелляционными делами (поступавшими в общее собрание петербургских департаментов из Москвы), превратился в высшую апелляционную гражданскую инстанцию для восьми северо-западных и северных губерний.

Заведовавший многими административными делами (дороги, почты, постройки, Академия наук, Академия художеств, Московский университет и пр.) Третий департамент превратился в высший гражданский суд для 12 губерний Прибалтики, Украины и Белоруссии. Указом 27 августа 1805 г. в его ведение подпадало и заведование архивом метрики.

До начала XIX в. Четвертый департамент заведовал разнообразными судебными и административными делами (следственные, уголовные, апелляция на решения Военной и Адмиралтейской коллегии, рекрутские наборы и пр.). С 27 января 1805 г. он был разделен на два департамента (Четвертый и Пятый), с чи-

сто судебными функциями. Четвертый департамент ведал гражданскими делами 9 губерний Поволжья, Урала и Сибири; округ уголовного Пятого департамента простирался на 23 губернии Европейской России и Сибири.

Реформа 27 января 1805 г. переименовала Пятый департамент в Шестой, сохранив за ним функции высшего уголовного суда для 27 губерний Европейской России и Кавказа. Шестой департамент был разделен на два гражданских – Седьмой и Восьмой (с округами в 9 и 10 губерниях). При московских департаментах находился ряд архивов (Разрядный, Старых дел, Вотчинный).

Превращение некоторых сенатских департаментов в высшие суды для соответствующих судебных округов (гражданских и уголовных) было, несомненно, элементом дальнейшей бюрократизации и централизации государственного аппарата феодально-крепостнической России.

Особое место занимал Первый департамент, в котором были объединены сохранившиеся в Сенате административные функции. По указанию министра юстиции кн. Д.И. Лобанова-Ростовского, в декабре 1826 г. обер-прокурор Первого департамента Н.Н. Муравьев составил для только что учрежденного секретного комитета 6 декабря записку о компетенции этого департамента, насчитав в его ведении 62 категории дел, которые он разделил на 9 разрядов (части распорядительная, духовная, военная и адмиралтейская, хозяйственная, оброчная, финансовая, коммерческая, полицейская, ревизская)⁷³. Наиболее важными считались дела «по части распорядительной», по надзору, осуществляемому посредством сенаторских ревизий и губернскими прокурорами, а также дела по обнародованию законов, по определению к должности чиновников и их увольнению от службы, о наградах, о пожаловании разных прав и преимуществ (в княжеское, графское, баронское и дворянское достоинство). Из других разрядов дел определенное значение имели дела по общему руководству рекрутскими наборами, ревизиями душ, заключению военным ведомством контрактов на сумму свыше 10 тыс. руб., по откупам и др. В ведении этого департамента находились и вспомогательные учреждения (сенатский архив, типография; с 30-х годов – хозяйственный комитет, Сенатское казначейство и др.).

Созданный 23 июня 1794 г. из Межевой экспедиции Межевой департамент стал высшей административной и судебной инстанцией по межевым делам⁷⁴. В Москве ему соответствовала Межевая канцелярия.

Учрежденная еще Петром I 2 октября 1722 г. Герольдмейстерская контора уже с 1780 г. именовалась Герольдией. Она со-

ставляла и хранила списки служилых и неслужилых дворян, недорослей, лиц, опороченных по суду⁷⁵; в Москве действовало ее отделение. 27 мая 1800 г. Герольдия получила право самостоятельной коллегии при Сенате. Ей было поручено составление гербовника городов России⁷⁶.

Вся последующая история Герольдии в первую половину XIX в. проходит под знаком расширения ее компетенции, особенно со второй четверти века. Указом 6 февраля 1828 г. на обязательную ревизию в Герольдию поступают все производства дворянских депутатских собраний; закон 10 апреля 1832 г. передавал в ее ведение дела о почетном гражданстве. Особенно расширял компетенцию Герольдии закон 21 мая 1832 г., по которому в ее ведение переходили дела об отыскании дворянства, определение на службу, чиновничество, награждение орденами, принятие в подданство, выдача свидетельств для поступления на службу и т. д. Например, в 1839 г. в Герольдию поступило до 18 тыс. дел дворянских депутатских собраний из местных ревизионных комиссий⁷⁷ (они были учреждены в 1834 г. для обревизования всех дел дворянских депутатских собраний со времени их учреждений и до 1829 г.). Перегрузка Герольдии чисто дворянскими сословными делами отразилась на ее деятельности по учету и расстановке кадров гражданских чиновников. В 1846 г. заведование общим составом гражданских чиновников было передано в Инспекторский департамент гражданского ведомства в составе I отделения Собственной е. и. в. канцелярии.

12 июля 1848 г. Герольдия была преобразована в Департамент герольдии, что сопровождалось увеличением штатов, усилением его компетенции по учету личного состава дворянства, охранению сословных прав, ревизии деятельности местных дворянских корпораций. В правительственных кругах возникла идея создать при Департаменте герольдии общегосударственный дворянский архив, и в течение 18 лет (1848–1866 гг.) особая комиссия производила разбор документальных материалов архива Герольдии⁷⁸.

Учреждение и активная деятельность Департамента герольдии явились составным элементом сословной политики Николая I, направленной на укрепление в условиях общего кризиса крепостного строя позиций господствующего класса-сословия помещиков-дворян.

Проводя после подавления восстания 1830–1831 гг. ликвидацию остатков польской автономии, самодержавное правительство упразднило высший трибунал и Кассационный суд. 6 сентября 1841 г. были учреждены Варшавские департаменты Сената: IX – гражданский и X – уголовный⁷⁹. Специфической особенно-

стью являлось их двойное подчинение – генерал-прокурору и наместнику Царства Польского. Создание Варшавских департаментов вводило суды Царства Польского в общеимперскую судебную систему.

Еще в 1763 г. Сенат был разделен на шесть департаментов, при них функционировали так называемые два общих собрания: для петербургских и московских департаментов. Если при решении дела в департаменте не было единогласия, генерал-прокурор имел право провести обсуждение дела в департаменте с участием наличного состава сенаторов, а если и в этом случае отсутствовало единое мнение, оно переносилось в общее собрание. При отсутствии единства и в общем собрании дело поступало на усмотрение императрицы.

С учреждением министерств в 1802 г. генерал-прокурор Сената стал одновременно и министром юстиции, в результате сенатские решения оказались в полной от него зависимости. Сенатор начала XIX в. П.В. Лопухин писал, что с этого времени в Сенате «укоренился несчастный обычай большинством голосов соглашаться с предложением министра юстиции или какого-нибудь обер-прокурора, как если бы одни решали дела, а сенатские рассуждения и труды совсем становятся лишние»⁸⁰. В случае разногласия между решением департамента и обер-прокурора дело передавалось на рассмотрение так называемой Консультации, т. е. совета министра юстиции. В результате высший правительственный орган Сенат оказался в зависимости от центрального органа управления – Министерства юстиции.

В начале XIX в. увеличивается число постоянных департаментов Сената. По реформе 1805 г. в Петербурге были созданы два общих собрания: первое – для I, II и III; второе – для IV и V и Межевого департаментов. В результате число дел, поступавших в департаменты и общие собрания, несколько сократилось. Если в 1801 г. их было 71 790, то в 1805 г. – 46 600. В связи с сокращением числа дел, поступающих в общие собрания петербургских департаментов, они в 1813 г. были объединены в единое общее собрание петербургских департаментов. Вопрос об ускорении сенатского делопроизводства встал вновь в 20-е годы. Так, в 1824 г. в сенатские департаменты, общие собрания и Герольдию поступило 86 386 дел, т. е. более, чем до реформы 1805 г.⁸¹

20 апреля 1827 г. М.М. Сперанский представил в Комитет 6 декабря записку «О единогласии и разногласии в судебных решениях», в которой осуждал установленный в начале века принцип голосования в общих собраниях (так как редко удается собрать $\frac{2}{3}$ голосов, а поэтому «важные и маловажные тяжёбые дела все почти ныне восходят к высочайшему разрешению»). Ссылаясь на

французские судебные порядки, он предлагал сохранить единогласие только в отделениях департаментов Сената, а в самих департаментах и общих собраниях ввести простое большинство⁸².

На это изменение порядка деятельности Сенат не согласился, но некоторые попытки усилить оперативность сенатских действий были приняты. В 1827 г. общее собрание петербургских департаментов опять разделено на два общих собрания: первое – для I, II и III департаментов, второе – для IV и V и Межевого. С преобразованием Герольдии в Департамент герольдии последний был включен в первое собрание. Но меры эти были явно недостаточны и привели лишь к незначительной разгрузке Сената.

11 января 1832 г. последовало высочайшее повеление управляющему Министерством юстиции Д.В. Дашкову обсудить вопрос о мерах к ускорению сенатского делопроизводства. Ввиду чрезвычайности он рассматривался в общем собрании Государственного совета, минуя Департамент законов⁸³. 28 января 1832 г. во всех департаментах и общих собраниях была введена должность первоприсутствующего – председателя в присутствии, который выступал как «посредник» в прениях. Все эти частные меры не могли существенно изменить сенатские порядки. К середине века как высший суд России Сенат был загружен огромным количеством дел; некоторое представление об этом дает нижеследующая таблица поступавших в Сенат дел⁸⁴:

Дата Годы	Гражданские	Уголовные	Межевые	По I департаменту
1840	10 898	21 301	539	9 979
1850	11 126	3 868	1 421	5 741

Такая перегрузка длилась нередко очень долго. Например, дело Шидловских, рассматривавшееся в VII департаменте Сената, велось с 1849 по 1876 г., и на него составлено 12 противоречивых решений⁸⁵. Объем сенатских дел иногда поражает своими размерами. Дело чиновника Циммермана, судимого за преступление по должности в 50-е годы, имело 10 тыс. листов⁸⁶. Для некоторых категорий дел Сенат был далеко не последней инстанцией. Если в его департаментах и в общих собраниях возникали разногласия, то дело переносилось в Государственный совет; дела по «сворачиванию из православной веры» вел Комитет министров. Для рассмотрения крупных политических дел создавались высшие чрезвычайные органы (Верховная следственная комиссия и Верховный уголовный суд по делу декабристов в 1826 г., Верховная военно-следственная комиссия по делу петрашевцев в 1849 г.).

Дореформенный Сенат не способен был осуществлять и эффективный надзор за исполнением элементарной классовой законности. Мыслилось, что осуществление надзора в форме внезапных эпизодических обследований местной администрации, полиции и суда должно было повысить их действенность и оперативность. Однако в условиях общего кризиса феодально-крепостнического строя оказалось невозможным устранить в их деятельности элементы, компрометирующие всю государственность (крайности произвола, казнокрадство, взяточничество).

Ревизии проводились по инструкциям 1 августа 1805 г. и 7 марта 1819 г. По сравнению с «пунктами» 1 декабря 1799 г. число объектов ревизии значительно повышалось (включены местные учреждения ведомств), а сенаторы «уведомляют» соответствующих министров о замеченных недостатках. Инструкция 1805 г. обязывала сенаторов «иметь особенное наблюдение, нет ли каких-либо от местных начальств народу притеснений, безгласных налогов, также жестокости в употреблении власти и тому подобных обстоятельств». Инструкция 1819 г. усилила права сенаторов; так, § 23 разрешал сенаторам отдавать чиновников под суд, информируя об этом Сенат и министров; § 26 давал право «в нужных случаях» вызывать воинские команды.

Дореформенные сенаторские ревизии охватили 38 общероссийских губерний Европейской России, некоторые города и ведомства. Чаще всего основанием для ревизии были жалобы населения на действия местной администрации, а также выяснение причин распространения слухов о вольности, побегу и недоимки крестьян, злоупотребления при повинностях и поставках и т. п. На окраинах страны ревизия часто предшествовала мерам по изменению управления⁸⁷. О том, что подобная активность не могла существенно улучшить прогнивший местный аппарат, свидетельствует частая повторность ревизий в одну и ту же местность. Учреждения Вятской губ. подвергались ревизии 6 раз, Курской и Казанской губ., а также Казани – по 5 раз, Саратова и Саратовской губ. – по 4 раза. Со второй четверти века значительную роль в руководстве сенаторскими ревизиями (кроме Сената) стали играть III отделение и Комитет министров, от которых сенаторы-ревизоры стали получать свои задания и перед которыми должны были отчитываться.

Общий кризис всей крепостнической государственности обуславливал малоэффективность сенаторских ревизий. В первой половине XIX в. Сенат превратился в своеобразную богадельню для престарелых и малоспособных высших чиновников и генералов. «Сенат утратил ныне всякое значение, – писал в 50-х годах

князь-эмигрант П.В. Долгоруков*. – В него сажают генерал-лейтенантов, которые дурно командуют дивизиями или уже не в состоянии ездить верхом, адмиралов, которым преклонные лета не позволяют продолжать службы на море, губернаторов, оказавшихся слишком неспособными даже среди своих неспособных товарищей, и тайных советников, коих места назначаются министрами своим ближним по родству или по приятности»⁸⁸. Образованные люди, в частности лица с юридическим образованием, в дореформенном Сенате – большая редкость. В 1841 г. в семи петербургских департаментах и двух общих собраниях Сената было всего шесть чиновников с высшим образованием⁸⁹.

В канцеляриях департаментов и общих собраниях Сената процветали взяточничество и лихоимство, чиновники Сената покрывали любое нарушение закона. Современники приводят многие тому примеры⁹⁰. В кратком обзоре «Картина общественных мнений в 1829 г.» шеф жандармов и главный начальник III отделения А.Х. Бенкендорф докладывал Николаю I о том, что канцелярии министерства юстиции и Сената полны взяточников, что «Сенат, обогащаясь взятками, завален процессами»⁹¹.

Реформа 1803–1805 гг. лишь частично реорганизовала Сенат. Указ 8 сентября 1802 г. установил место Сената в государственном строе России, но вскоре выяснилось, что между его юридическим и фактическим положением существует большой разрыв. И после указа 27 января 1805 г. Сенат имел множество разнообразных функций, сохранился громоздкий аппарат, сложность и медлительные взаимоотношения Сената с новыми учреждениями (министерствами, Комитетом министров, Государственным советом).

Инициатором новой и более последовательной сенатской реформы выступил М.М. Сперанский**.

* Любопытно, что П.В. Долгоруков почти дословно повторяет характеристику состава сенаторов, данную в начале XIX в. А. Чарторижским (Мемуары князя Адама Чарторижского. М., 1912. С. 274). За полвека ничего не изменилось.

** Еще в 1803 г. по предложению гр. В.П. Кочубея он составил записку «Об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», в которой, находясь под влиянием идей Монтескье о государстве, законах и разделении властей, предлагал учредить два Сената – законодательный и исполнительный, который подразделялся на две части: судную и управления. Во «Введении к Уложению государственных законов» (1809 г.) Сперанский объявлял Сенат как «верховное судилище всей империи», члены которого избирались губернскими думами и утверждались императором (*Сперанский М.М. Проекты и записки / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1961. С. 126, 198*).

В 1810 г. он подал Александру I проект «Учреждения Правительствующего Сената», основой которого было разделение Сената на Правительствующий и Судебный. «Правительствующий Сенат, – писал Сперанский, – должен быть сосредоточием всех частей управления. Он состоит из министров и должен представлять в себе все министерства в соединенном их действии или в общих отношениях по части исполнительной, подобных тому, как Совет соединяет их по части законодательной»⁹². К ведению этого органа он относил три разряда дел: не относящиеся ни к какому министерству; относящиеся к ведению Сената (производство в чины до VI класса, утверждение подрядов и контрактов, споры по соляным и винным делам и т. п.) и дела, восходящие на «высочайшее разрешение» (чинопроизводство высших сановников и др.)⁹³. Поскольку последний раздел дел относился к компетенции Комитета министров, то этот орган Сперанский рассматривал лишь как «особенное заседание Правительствующего Сената, назначенного в присутствии государя с поднесением ему докладов». Так осторожно Сперанский подвел к мысли о ликвидации самостоятельного Комитета министров, превращении его в одно из сенатских собраний под председательством императора для дел, представляемых на высочайшее разрешение (другое собрание под председательством канцлера предназначалось для дел первых двух разрядов, которые разрешались без вмешательства императора).

Создание Правительствующего Сената предполагало, по мнению Сперанского, необходимое единство в составе правительства, император освобождался от рассмотрения множества второстепенных дел. «Дела ныне рассеянные получают общую связь, – писал Сперанский, – и лучшее движение. В мерах исполнительных будет видно не одно лицо, без связи с другими действующее, но целое сословие. В каждой части управления в лице министра будет сохраняемо надлежащее единство и ответственность, а во всех частях вместе будет совокупность и зрелое уважение. Сама держава сим установлением ограждена будет от множества дел, с силою и достоинством несовместимых»⁹⁴.

Судебный Сенат представлялся Сперанскому «сосредоточием суда и его управления», т. е. апелляционной и ревизионной инстанцией для нижестоящих судов, судом первой инстанции для некоторых категорий дел и органом управления судами. Предполагалось, что кроме сенаторов по назначению часть их избирается дворянством. По проекту Судебный Сенат разделялся на четыре департамента: казенный (тяжбы между государством и частными лицами по имущественным делам), гражданский, уго-

ловный и межевой. Предусматривался также более четкий порядок движения дел и сокращенное делопроизводство. В составе Судебного Сената предлагалось учредить Верховный уголовный и Верховный совестный суды⁹⁵.

Проект Сперанского о реформе Сената рассматривался общим собранием Государственного совета в августе 1811 г. Мнения членов Совета разделились: часть его членов поддержала проект (Кочубей, Завадовский, Вязьмитинов и др.); некоторые члены Совета (Кампенгаузен, Козодавлев, Барклай де Толли и др.) выступили против; мнение большинства Сперанский сформулировал кратко так: «Хорошо, да не время». По мнению гр. Н.П. Салтыкова, «перемена учреждений, великими монархами сделанных и целый век существовавших, может произвести печальное в умах впечатление»⁹⁶. Почти все члены Государственного совета отклонили пункт о выборных сенаторах в Судебном Сенате. С определенными оговорками согласились с этим пунктом только три его члена (Мордвинов, Саблуков и Алексеев). В условиях крепостнического государства начала XIX в. сама мысль о выборных (даже дворянских) представителях в составе высшего правительственного учреждения казалась абсурдной, «умаляющей преимущества самодержавной власти»⁹⁷.

Встретив оппозицию в Государственном совете, М.М. Сперанский изложил свое мнение о ее причинах Александру I в записке* «О благовременности учреждения Сената»⁹⁸.

Оппозицию он объяснял тем, что предполагаемая реформа ослабляла «самовластие» министров, «лишала многих министров драгоценного права докладывать без свидетелей и по сим докладам выпускать и объявлять указы без всякой проверки и ответственности». Сенаторов и чиновников сенатских канцелярий предполагаемая реформа лишала влияния на прибыльные хозяйственные дела, возмущало уравнение их с выборными сенаторами⁹⁹.

7 августа 1811 г. на заседании общего собрания Государственного совета проект Сперанского о разделении Сената был

* Принадлежность этой записки Сперанскому определяется совпадением строя ее мыслей и стилия с другими его работами, а также тем, что впоследствии в пермском письме Александру I он писал по данному поводу следующее: «Двумя записками, в разное время от меня поднесенными, представлял, сколь неудобно было бы при настоящем располжении умов продолжать сие дело» (План государственных преобразований гр. М.М. Сперанского. М., 1905. С. 337).

принят. Но окончательное его утверждение было отложено под предлогом предвоенного времени¹⁰⁰. Серьезная перестройка органов власти повлекла бы не только упразднение Комитета министров, но усилила бы рознь в среде высшей бюрократии, и без того взбаламученной указами 1809 г. о придворных чинах и экзаменах на чин, финансовыми мероприятиями Сперанского и его проектами дальнейших реформ.

К рассмотрению проекта реформы Сената М.М. Сперанского через 15 лет обратился комитет 6 декабря 1826 г. Составленные комитетом на основе проекта Сперанского 1811 г. два проекта – «Учреждение Правительствующего Сената» и «Учреждение Судебного Сената» – обсуждались в нем в январе–феврале и в конце 1827 г. и были одобрены им и Николаем I. Но оба проекта, как и прежде, не были проведены в жизнь¹⁰¹. В условиях углубляющегося кризиса крепостного строя самодержавие не стремилось поддерживать радикальные реформы государственного механизма. Создание двух Сенатов (Правительствующего и Судебного) означало бы установление буржуазного принципа «разделения властей», повлекло бы упразднение Комитета министров, необходимость реорганизации суда и прокуратуры. Бюрократическая «гора» породила только «мышь»: в конце 20 – начале 30-х годов в Сенате были проведены лишь мелкие делопроизводственные изменения.

Минуя все бюрократические реформистские веяния и бури, высший орган суда и надзора феодально-крепостнической России – Сенат вплоть до 60-х годов XIX в. сохранял свои организационные основы, заложенные реформой 1802–1805 гг. Его зависимое положение, большой и малоподвижный аппарат олицетворяли всю эфемерность надзора за законностью и справедливостью управления феодально-крепостнической абсолютной монархии первой половины XIX в.

Как высший суд России дореформенный Сенат не был способен к ведению значительных политических процессов. Для расправы над участниками первого массового выступления дворянских революционеров-декабристов царское правительство вынуждено было создать чрезвычайные органы: Следственный комитет (комиссию) и Верховный уголовный суд¹⁰². «Тайный комитет для изыскания соучастников злоумышленного общества» был учрежден по прелкту военного министра А.И. Татищева 17 декабря 1825 г.; с 4 января 1826 г. он перестал именоваться тайным, а с мая называется Следственной комиссией. Председателем был назначен А.И. Татищев, членами стали представители высшей бюрократии (кн. А.Н. Голицын, А.Х. Бенкендорф и др.)¹⁰³. Следственная комиссия должна была «принять деятельнейшие меры к

изысканию соучастников сего гибельного общества, внимательно со всей осторожностью рассмотреть и определить предмет намерений и действий каждого из них по вреду государственного благосостояния»¹⁰⁴. Стремясь любыми путями добиться «признаний», ее члены прибегали к шантажу, запугиваниям, провокациям, лживым обещаниям; активную роль в следствии играл сам Николай I¹⁰⁵. На письменных отчетах о каждом заседании он писал свои резолюции¹⁰⁶. Конспиративная неопытность дворянских революционеров обусловила сбор обширного материала о деятельности тайных обществ; был составлен «Алфавит членов бывших злоумышленных тайных обществ» на 570 лиц; из них к ответственности привлечены 289 человек (131 были преданы Верховному уголовному и военному судам, 124 были переведены в другие полки, другую службу, отданы под надзор, 4 высланы за границу; судьба 9 не была определена, и 21 умер до начала следствия или во время оногo)¹⁰⁷.

Манифестом 1 июня 1826 г. был учрежден Верховный уголовный суд. В его состав (72 члена) наряду с членами Государственного совета вошли представители Синода (3), сенаторы (36), а также особо назначенные лица, т. е. верхи бюрократии России. Председателем суда назначен председатель Государственного совета и Комитета министров кн. П.В. Лопухин. В числе судей был и член Государственного совета М.М. Сперанский. Участие в работе суда было, по выражению М.В. Нечкиной, его «большой личной трагедией»¹⁰⁸. По поручению Николая I он стал организатором самого судебного процесса. Для разработки «обряда» судопроизводства Сперанский ознакомился с судебными процессами второй половины XVIII в. (делом Мировича, о московском «бунте» 1771 г., суда над Пугачевым), подготавливал некоторые процессуальные формы, проекты приговоров, указы и другие документы¹⁰⁹. Под его руководством специальная комиссия разделила всех подсудимых на 11 разрядов и одну внеурядную группу и список их передала суду¹¹⁰.

11 июля суд приговорил к смертной казни пятерых декабристов вне разряда и 31 подсудимого первого разряда. Остальные получили разные меры наказания – от ссылки на вечную каторгу до разжалования в солдаты. Крайне суровый приговор позволил Николаю I проявить «милосердие», и по его «соизволению» для подсудимых первого разряда казнь была заменена каторгой. В Варшаве следствие по делу членов тайных обществ вела комиссия сеймового суда, а само рассмотрение проходило в сеймовом суде в январе 1828 г., его мягкий приговор вызвал озлобление Николая I¹¹¹.

Показателен другой большой политический процесс второй четверти XIX в. над петрашевцами*. На их след напала в конце 40-х годов секретная агентура Министерства внутренних дел во главе с опытным в этом деле чиновником особых поручений И.П. Липранди. Наблюдение за петрашевцами началось в марте 1848 г. В результате полицейского надзора, а также «обобщающих трудов» самого Липранди было создано «Дело о злоумышленном обществе, известном под именем Петрашевского, произведенное действительным статским советником Липранди». Министр внутренних дел Л.А. Перовский доложил о существовании «организованного общества пропаганды» Николаю I. III отделению была отведена пассивная роль исполнителя царской воли по обыскам и арестам. В ночь с 22 на 23 апреля 1849 г. было арестовано до 40 человек наиболее активных участников кружка М.В. Петрашевского и связанных с ним кружков Н.С. Кашкина и С.Ф. Дурова¹¹². Уже на следующий день, 23 апреля, в Петропавловской крепости приступила к деятельности «Секретная следственная комиссия, высочайше учрежденная в петербургской крепости над злоумышленниками». Учитывая незнатность и нечиновность арестованных**, Николай I сформировал следственную комиссию более скромного состава. Формально председателем ее был комендант Петропавловской крепости генерал И.А. Набоков, фактическим руководителем – член Государственного совета кн. П.П. Гагарин, одним из членов был Л.В. Дубельт. Для разбора документальных материалов, захваченных при арестах, 26 апреля учреждается вспомогательная комиссия во главе с опытным чиновником кн. А.Ф. Голицыным¹¹³.

Все попытки Следственной комиссии доказать наличие «организованного общества пропаганды» оказались тщетными. К середине сентября «дело» закончено, оно насчитывало более 9 тыс. листов. К 17 сентября изготовлен подробный доклад по «делу»¹¹⁴. По личному указанию Николая I петрашевцев было решено судить по полевому уголовному уставу¹¹⁵. С 30 сентября приступила к деятельности специально созданная военносудебная комиссия, возглавлял ее брат министра внутренних дел генерал-адмирал В.А. Перовский. По ее приговору 16 нояб-

* Некоторые стороны этого процесса освещены в книге А.Ф. Возного «Полицейский сыск и кружок петрашевцев» (Киев, 1976).

** Среди петрашевцев не было, презрительно отмечал М.А. Корф, «ни одного значащего имени, мало ведомых фамилий» (Русская старина. 1900. Т. 102. С. 278).

ря 15 петрашевцев осуждались на смертную казнь (за составление преступного сообщества с революционной целью, оскорбление Николая I, антиправительственную пропаганду, распространение письма В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю и богохульство); 5 человек – на каторгу (распространение письма, дерзкие слова против правительства и религии); один – подлежал ссылке на поселение; двое были оставлены на подозрении. Приговор поступил на заключение не в Сенат, а в высший военный суд России – генерал-аудиториат, который через месяц – 19 декабря 1849 г. – дал свое заключение, усилив приговор к расстрелу (21 обвиняемый). Согласившись с этим заключением, Николай I приказал в отношении 21 петрашевца свершить «обряд смертной казни». Весь ужас приговора к смерти осужденные пережили 22 декабря 1849 г. на Семеновском плацу в Петербурге¹¹⁶. 22 декабря в «Русском инвалиде» (№ 276) появилось правительственное сообщение о деле «петрашевцев»; Николай I выступил и редактором и цензором текста этого сообщения, изъяв из первоначального текста всякие намеки на политические идеалы петрашевцев: слова о коммунизме и социализме были заменены словами «безначалие», прогрессисты – «люди превратных мнений» и т. п. Сообщение заканчивалось перечнем 21 фамилии приговоренных к смертной казни с заменой ее другими видами наказания: пятеро были приговорены к работам в рудниках восточной Сибири (М.В. Петрашевский, Н.А. Спешнев, Н.А. Момбелли, Н.П. Григорьев, Ф.Н. Львов), двое отосланы на каторжные работы на заводы (И.Л. Ястржембский и Ф.Г. Толь), двое – заточены в крепость (Ф.М. Достоевский и С.Ф. Дуров); остальные – разосланы в арстантские роты и полки в различные города России.

Слабость общественно-политической борьбы, эпизодический и расплывчатый характер крестьянского движения обусловили и несовершенство политического процесса в дореформенной феодально-крепостнической России. Часть выступлений против социально-политического строя рассматривалась как обычные уголовные дела в местных судах, другая их часть решалась администрацией, а также органами политического сыска (жандармерией и III отделением Собственной е. и. в. канцелярии), и лишь для самых крупных политических процессов – декабристов и петрашевцев – царизм создавал чрезвычайный следственно-судебный аппарат.

К началу XIX в. Святейший Синод оставался по закону высшим учреждением по делам русской православной церкви. В его ведении находились законосовещательные функции по всем церковным вопросам; он являлся и высшим административным органом управления церковными учреждениями, заведовал их личным составом, церковным хозяйством и т. д. Синод руководил «духовным просвещением», вел духовную пропаганду (в частности, миссионерская деятельность по распространению православия, особенно на окраинах России). Синод был высшим органом духовной цензуры, наблюдал за правильностью исполнения церковных догматов, карал ереси. Выступал Синод как высший духовный суд не только для духовных лиц, но и для «мирян» по некоторым гражданским делам.

Организационно Синод в конце XVIII – начале XIX в. представлял собой коллегию из восьми представителей высшего духовенства (пяти – от монашеского и трех – от белого), среди которых большую значимость имел «первенствующий член» – петербургский митрополит.

Делопроизводство Синода вела канцелярия. Из-за обилия церквей и монастырей синодальные дела Москвы и прилежавших к ней епархий вела Московская синодальная контора; Грузии – Греко-имеретинская синодальная контора (с 1814 г.).

На протяжении всего XVIII в. общий надзор за деятельностью Синода осуществлял обер-прокурор, деятельность которого уже в XVIII в. имела тенденцию к единоначалию¹¹⁷. Члены Синода энергично отвергали эти притязания, добивались через влиятельных сановников и придворных лиц отстранения неугодных обер-прокуроров. Так, первенствующий член, петербургский митрополит Амвросий добился с согласия Павла I отставки обер-прокурора кн. В.А. Хованского. Синод наметил трех кандидатов на вакантную должность, и один из них, сенатор и бездарный поэт Д.И. Хвостов, был назначен обер-прокурором. Ни в прошедшей, ни в последующей истории Синода подобных фактов назначения на обер-прокурорскую должность кандидата, выдвинутого самим Синодом, не было. Амвросий, минуя обер-прокурора Хвостова, часто докладывал Павлу I о синодальных делах, получал от него «повеления», которые и сообщал Синоду¹¹⁸.

Усиление бюрократических тенденций в начале правления Александра I, связанных с созданием министерств и преобразованием Сената, отразилось и на судьбе «синодального департамента», как его стали именовать иногда даже в официальных документах. За девять месяцев пребывания на обер-прокурорском посту

А.А. Яковлев (дядя А.И. Герцена) добился значительного расширения хозяйственных прав обер-прокурора, чтобы он мог действовать «по своему лучшему усмотрению» без вмешательства Синода. Это вызвало противодействие его членов, фактически бесконтрольно разворовывавших так называемые остатки «от средств, отпускаемых на духовное ведомство». Ежегодно на духовное ведомство отпускалось примерно 140 тыс. руб., и из них более 100 тыс. руб. оставалось неиспользованными и обычно «делилось» между членами Синода¹¹⁹. После коллективной жалобы членов Синода с перечнем «самоуправств» обер-прокурора Яковлева Александр I отстраняет его от должности, переводя в сенаторы.

С 21 октября 1803 г. обер-прокурором Синода был назначен друг детства Александра I кн. А.Н. Голицын. О целесообразности его назначения Александр I сказал: «Я бы очень желал, чтобы ты занял место обер-прокурора в Синоде... Мне бы хотелось, чтобы преданный мне и мой, так сказать, человек занял эту должность»¹²⁰.

Введение в практику ежемесячных донесений консисторских секретарей обер-прокурору о состоянии епархиального управления усилило надзор за местным церковным управлением. По закону 12 июня 1805 г. устанавливался вызов по одному архиерею (по очереди) для «присутствования» в Синоде до особого распоряжения вновь возвратиться в епархию. Кандидатов для этого назначал обер-прокурор. Новая мера давала возможность лучше ознакомиться с местными кадрами высшего духовенства, создавала для последних более благоприятные условия выслуги.

Централизаторские тенденции коснулись и духовно-учебного дела. До начала XIX в. в России не существовало системы духовных учебных заведений. Разрозненные духовные учебные заведения находились под надзором и ведением епархиальных архиереев. Низкий образовательный уровень духовенства весьма беспокоил правительство. По поручению обер-прокурора А.Н. Голицына два члена Синода (архимандрит Евгений Болховитинов и архиепископ Анастасий) составили проект реформ духовно-учебных заведений и улучшения содержания церковного причта¹²¹.

Составление и обсуждение проектов производил комитет, созданный 29 ноября 1807 г., в который кроме синодальных членов во главе с митрополитом Амвросием вошли А.Н. Голицын и М.М. Сперанский*.

* Заботы Сперанского о духовно-учебном деле, как отмечает его современник, были вызваны желанием, чтобы «семинарии и академии доставляли людей крепкого закала для гражданской службы, для создаваемой им бюрократии» (П.М. Из прошлого // Русский вестник. 1868. Т. 74. С. 445).

26 июня 1808 г. Комитет представил доклад, и на его основе Александр I в тот же день утвердил указ о создании Комиссии духовных училищ. Находившиеся ранее в ведении местных церковных властей духовно-учебные заведения теперь получили централизованное управление и надзор и были объединены в систему. Возглавляемая петербургским митрополитом Амвросием и состоящая из духовных и светских лиц комиссия развила активную деятельность по составлению проектов уставов духовно-учебных заведений, учебных планов и программ, рекомендовала учебники, пособия, книги для чтения и т. п.¹²²

Тенденции развития Синода и его взаимоотношения с обер-прокурором в конце XVIII – начале XIX в. в условиях политической реакции и господства идей Священного союза привели к созданию 24 октября 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения, явившегося составным элементом церковно-государственной доктрины России. В «Учреждении» министерства, объединившего управление религией и просвещением, активный проводник этой доктрины обер-прокурор А.Н. Голицын видел средство укрепления крепостнической государственности. Если «христианское благочестие составлять будет основание в науках, а сие споспешествовать оному, – писал он во всеподданнейшем докладе 22 августа 1817 г., – то произойдут от того плоды вождеднейшие, кои могут болес всего утвердить внутреннее благосостояние государства и устроить истинное блаженство многочисленных обитателей оного твердейшим образом»¹²³. Это министерство ставило своей задачей подчинить просвещение церкви, «дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения». Оно объединило под главенством министра кн. А.Н. Голицына дела трех ранее самостоятельных ведомств: Министерства народного просвещения, Синода и Главного управления духовных дел разных исповеданий. Аппарат Синода сохранился, но через обер-прокурора (им был назначен вместо занявшего министерский пост А.Н. Голицына кн. П.С. Мещерский) подчинялся министру; министр принимал годовые отчеты Синода и Комиссии духовных училищ, докладывал императору по их делам, определял и увольнял членов Синода, а также обер-прокурора и обер-секретаря. Если ранее обер-прокурор подчинялся лично императору, теперь он превратился в чиновника, зависимого от министра, которому представлял мемории по делам, заслушанным в Синоде. Через него министр всесторонне контролировал деятельность Синода.

Первое отделение Департамента духовных дел этого своеобразного Министерства называлось отделением греко-российского исповедания, в ведении его двух столов находилось 24 категории,

относящиеся к управлению, ведомством Синода. Эти категории составляли административные функции обер-прокурора Синода. В отделение стекались сведения о происшествиях по епархиям и «дела особенные, тайне подлежащие»*. Все чиновники департамента были светскими лицами и через директора (секретаря Библейского общества А.И. Тургенева) подчинялись только министру.

Хотя в «Учреждении» и проводилась мысль, что министр осуществляет над Синодом лишь функции надзора, однако его деятельность была связана с широким кругом административных вопросов по управлению духовным ведомством.

Юридически равный в XVIII в. Сенату**, Синод превратился в структурную коллегиальную часть министерства. Господствующее в стране православное вероисповедание в министерском аппарате было фактически уравнено с другими, «терпимыми», «иностранными» вероисповеданиями. В Департаменте духовных дел были два отделения, которые заведовали делами «иностранных» вероисповеданий. Высшее духовенство не могло и не хотело принять попытки уравнивать православие с другими религиями и вероисповеданиями. Против министра выступили преемники Амвросия на посту петербургского митрополита Михаил и Серафим, юрьевский архимандрит Фотий и другие деятели высшей церкви (опасаясь влияния Голицына на Александра I, их поддерживал А.А. Аракчеев)¹²⁴. Поводом ожесточенной кампании высшего духовенства против «слепотствующего министра» было издание Библейским обществом книги патера Госнера («Дух жизни и учение Иисуса Христа в Новом завете»***).

* Указом 17 июня 1818 г. епархиальные архиереи и настоятели ставропигиальных монастырей обязывались посылать донесения министру, минуя обер-прокурора.

** В 1722 г. Петр I определил юридическое место Синода в государстве следующим высказыванием: «Синод в духовном деле равную власть имеет, как Сенат» (ПСЗ. Т. VI. № 3963).

*** «Сия книга составлена для революции и теперь намерение ее революция», – заявил Фотий (Русская старина. 1895. Т. 84. С. 209). Серафим и Фотий настаивали на отстранении А.Н. Голицына как средстве предотвратить революцию (Карнович Е.П. Кн. А.Н. Голицын и его время // Исторический вестник. 1882. Т. VIII. С. 242). А.С. Шишков довел дело об издании книги Госнера до Комитета министров и, несмотря на известную оппозицию министров-протестантов (К.В. Нессельроде, Е.Ф. Канкрин, А.В. Моллера и Б.Б. Кампенгаузена), добился высылки Госнера из России, сожжения его книги, отдачи под суд цензоров (Geotze P.V. Furst Gollitzin and seine Zeit. Leipzig, 1882. S. 123–124).

Александр I, видимо, тоже к этому времени понял, что крутые организационные меры в области управления делами православного вероисповедания, как и сопутствующая им рознь, могут вредно отразиться на взаимоотношениях церкви и государства. 15 мая 1824 г. именным указом Александр I, «снисходя на прошение» А.Н. Голицына, уволил его с поста министра. На его место был назначен адмирал А.С. Шишков, председателем Библейского общества стал митрополит Серафим. Синоду было предписано «иметь то же течение», в каком он находился до учреждения министерства в 1817 г. Отделение духовных дел греко-российского вероисповедания было подчинено обер-прокурору. По указанию Александра I о всех делах Синода обер-прокурор (кн. П.С. Мещерский) должен был докладывать ему «в запечатанных кувертах» через Аракчеева¹²⁵. Отстранив последнего от государственных дел, Николай I дал обер-прокурору Синода права всеподданнейшего доклада¹²⁶.

Восстановление Синода как самостоятельного ведомства не могло остановить процесса его эволюции в сторону министерства. Законами 20 и 29 декабря 1833 г. в составе отделения духовных дел был создан финансовый контроль. Но даже такая скромная мера, как внутриведомственный контроль, вызвала недовольство верхов духовенства, бесконтрольно расхищавших отпущенные на Синод государственные средства и огромные суммы сборов с прихожан. О хищениях и незаконных поборах духовных лиц на местах писали сами представители духовенства*.

В 1824 г. на корыстолюбие вятского духовенства крестьяне жаловались самому Александру I; в 30-х годах про них же говорилось, что «они грабители и от того богаты»¹²⁷.

Обращаясь к обер-прокурору С.Д. Нечаеву, московский митрополит Филарет писал: «Какая нужда касаться привилегий, дарованных высочайшим доверием местному начальству?.. Что за охота контролю проводить себе работу бесполезную?

* Могилевский архиепископ Смагд (30-е годы), умирая, оставил 100 тыс., что вызвало осуждение московского митрополита Филарета. Тульский епископ того времени Дамаскин оставил после смерти кроме огромной коллекции самоваров около 0,5 млн руб. (Никанор Херсонский архиепископ в своих автобиографических записках // Русский архив. Кн. II. № 5–8. С. 205, 343, 344). Не чужд был взяточничества и митрополит Амвросий, получивший за объявление незаконным брата известного миллионера-заводчика Баташова от претендентов на его наследство взятку в 100 тыс. руб. (П.М. Из прошлого // Русский вестник. 1868. Т. 74. С. 467).

Признаюсь, по моему мнению, не образуется добра и то, что вы добиваетесь до сведения о всех кружечных копейках по монастырям»¹²⁸.

Недовольство вызывало и «самовластие» обер-прокурора Нечаева, который, не согласовывая, изменял резолюции и определения Синода, назначал на должность архиереев тех кандидатов, которых не рекомендовал Синод, стремился ограничить компетенцию самого Синода, архиерейскую власть в пользу консистории и т. п. При содействии оппозиционно настроенного к Нечаеву чиновника «за обер-прокурорским столом» А.Н. Муравьева¹²⁹ был изготовлен от имени Синода всеподданнейший доклад, направленный против Нечаева, и первенствующий член, петербургский митрополит Серафим, вручил его Николаю I¹³⁰. Нечаев вскоре назначается сенатором, а его место занимает 25 июня 1836 г. давно заигрывавший с высшим духовенством флигель-адъютант Николая I полковник Н.А. Протасов¹³¹, исполнявший должность товарища министра народного просвещения.

Через несколько дней, 1 августа 1836 г., новый обер-прокурор представил Николаю I всеподданнейший доклад о переустройстве всего духовного ведомства. Почти полностью этот доклад опубликован Т.В. Барсовым¹³². Небольшое делопроизводство при Синоде, ведавшее делами обер-прокурора, было преобразовано в канцелярию обер-прокурора; 1 марта 1839 г. в его ведение попали и дела отделения духовных дел православного вероисповедания* и отделения духовных дел греко-униатского исповедания**.

Все хозяйственные дела были изъяты из ведения Синода и сосредоточены в учрежденном 14 октября 1836 г. Хозяйственном комитете, к которому 20 января 1838 г. был присоединен и контроль (с 1 марта 1839 г. этот комитет стал именоваться Хозяйственным управлением).

Всеподданнейший доклад Н.А. Протасова 22 февраля 1839 г. перечислял недостатки духовно-учебного дела в России (недостаток кадров преподавателей и денежных средств; ослабленный надзор за духовно-учебными заведениями, рассредоточенный между Синодом, Комиссией духовных училищ, отделением ду-

* Так со 2 ноября 1836 г. называлось отделение греко-российского вероисповедания.

** Образовано 1 января 1837 г. До этого дела униатов находились в Министерстве внутренних дел. Для заведования делами униатов на местах в 1839–1843 гг. существовала Белорусско-Литовская синодальная контора (РИО. Т. 113. Кн. 1. С. 176).

ховных дел православного исповедания и контролем)*. 1 марта 1839 г. коллегия Комиссии духовных училищ была упразднена, а все дела ее были сосредоточены в Духовно-учебном управлении. Все новые управления находились «под главным начальством» обер-прокурора.

Эти реформы 1836–1839 гг. почти не затрагивали коллегии Синода, состав которой из 7 членов был определен еще 9 июля 1819 г. С 1833 г. на заседании Синода присутствовал обер-священник армии и флота (с 1849 г. постоянный член с саном протопресвитера).

С 30-х годов духовное ведомство (обер-прокурор и Синод) превратилось в настоящее министерство. С 1835 г. обер-прокурор по делам духовного ведомства должен присутствовать в заседаниях департаментов Государственного совета и в Комитете министров. По свидетельству А.Н. Муравьева, в результате реформ 30-х годов «число светских чиновников по особым поручениям и за обер-прокурорским столом и в разных управлениях и канцеляриях умножалось до чрезвычайности, без всякой нужды, только для большего подобия с министерством...». Обер-прокурор снабжал определения Синода стереотипной фразой «читал и исполнить»¹³³. Своими ближайшими сотрудниками Протасов считал не членов Синода, а светских чиновников (директора своей канцелярии обер-прокурора А.И. Войцеховича, директоров Духовно-учебного управления К.С. Сербиневича и А.И. Карасевского, директора Хозяйственного управления П.М. Новосельского)**.

По выражению синодального секретаря 40-х годов И. Исмаилова, Синод после реформ Протасова стал «департаментом... министерской организации» духовного ведомства¹³⁴.

К середине века ведомство православной церкви России располагало огромным аппаратом учреждений и администрации, культа и духовно-учебных заведений. В 1852 г. вся система православной церкви на местах объединялась в 55 епархий, в которых действовали 49 консисторий, 224 духовных правления, 2142 благочинных. Под начало этой администрации подпадали 582 монастыря (4 лавры и 6 ставропигиальных монастырей подчинялись Синоду непосредственно), 574 собора, 35 005 церквей

* Доклад полностью опубликован в работе И.А. Чистовича «Руководящие деятели духовного просвещения в России первой половины XIX в.» (СПб., 1895. С. 329–334).

** Так, Новосельский, изобличенный в казнокрадстве, был в 1851 г. тихо уволен с высокой пенсией из духовного ведомства «по расстройству здоровья» (РИО. Т. 113. Кн. 1. С. 229–230).

и 11 576 часовен и молитвенных домов. 48-миллионное православное население России обслуживала почти 150-тысячная армия духовенства (127 021 представитель белого и 18 402 монашествового)¹³⁵. Таким образом, на 331 жителя Российской империи православного вероисповедания приходилось одно духовное лицо*.

Заинтересованное в подготовке кадров духовенства государство не жалело на это средств: в 4 духовных академиях, 48 семинариях и 300 уездных и приходских училищах обучалось в 1852 г. до 54 тыс. юношей – кадры будущих чинов высшей церковной иерархии, священников, дьяконов и пр. Еще в 40-х годах зародилась и система училищ для девиц духовного звания, насчитывавшая к середине века семь учебных заведений¹³⁶.

Если в 1805 г. бюджет Синода еще уступал бюджету Министерства народного просвещения (Синод – 1 516 тыс. руб., МНП – 2 601 тыс. руб.), то к 1815 г. уже превзошел его (соответственно 2 673 тыс. руб. и 2 352 тыс. руб.)¹³⁷. Кроме того, отпускаемые государством суммы не были единственным источником доходов духовного ведомства. По официальным данным, в 1852 г. почти 3 млн руб. – различные «пожертвования»; 862,4 тыс. руб. – свечная торговля, 840 тыс. руб. – проценты с духовных капиталов в банках¹³⁸. Таким образом, по далеко не полному данным (не вошли доходы с недвижимых земельных имуществ монастырей и церквей), накануне Крымской войны русское православное ведомство располагало доходом в 13 402,4 тыс. руб. С помощью этих ресурсов православная церковь проводила идеологическую обработку широких народных масс феодально-крепостнического государства.

Укрепленное бюрократическими преобразованиями православное ведомство в 40–50-е годы необычайно активизировало свои административно-полицейские функции, что проявлялось в это время в двух направлениях – в так называемой миссионерской деятельности и в духовной цензуре. Воинствующая нетерпимость господствующей в Российской империи церкви во второй четверти века возросла. Объектом ее оказались язычники, «иноверцы» и раскольники, проживавшие на территории России.

* В 1825 г. 34-миллионное православное население обслуживалось 40 епархиями, 5 викариатствами, 3 лаврами, 7 ставропигиальными и 466 обычными монастырями, 445 соборами, 24 682 обычными церквями, 785 молельными домами и часовнями, 112 тыс. белого и 11 070 монашествового духовенства (РИО. Т. 113. Кн. 1. С. 5).

Во второй половине 30-х годов было проведено «воссоединение» с православием униатов¹³⁹. Особенно усердствовало духовное ведомство в отношении «приращения» православной паствы за счет раскольников. Если с 1800 по 1825 г. было издано 62 постановления относительно раскольников (причем некоторые даже смягчали их положение в стране), то за 1825–1855 гг. было издано о расколе до 500 исключительно карательных постановлений¹⁴⁰. Они были отнесены к числу «вредных сект», ограничивалось свободное отправление их богослужения, ограничивались их гражданские права. Вкупе с духовным православным ведомством выступали министерства внутренних дел, народного просвещения, III отделение.

13 марта 1825 г. был учрежден Секретный комитет по делам о раскольниках («Секретный комитет о раскольниках и отступниках от православия») под председательством петербургского митрополита Серафима¹⁴¹; в его состав вошли киевский митрополит, министры внутренних дел (С.С. Ланской) и народного просвещения (А.С. Шишков); с образованием III отделения в члены входит и его представитель (с середины 30-х годов Л.В. Дубельт). Основной задачей Секретного комитета было установление «единства действий» гражданских и церковных властей в отношении раскольников и придание «большей твердости и согласованности мерам против их заблуждений»¹⁴².

Особенно усилились гонения раскольников после высочайшего повеления 8 октября 1835 г., ограничивавшего гражданские права раскольников как представителей «особенно вредных сект». Этим же повелением местные духовные и гражданские власти обязывались доставлять в Секретный комитет ежегодные ведомости о численности раскольников, их церквей, часовен, монастырей и скитов¹⁴³.

Постановлением Секретного комитета 3 ноября 1838 г. на местах (в 21 губернии) создавались губернские раскольничьи комитеты; их председателем был епархиальный архиерей, членами – губернатор, председатель палаты государственных имуществ, жандармский штаб-офицер, вице-губернатор, управляющий удельной конторой¹⁴⁴. Большинство постановлений о раскольниках разрабатывалось и утверждалось секретным комитетом и исполнялось местными комитетами. Постановления по расколу не включались в «Свод законов», а подчас даже противоречили обнародованным. Правительство предприняло попытку создать для практических нужд местных администраторов специальный «Свод постановлений по расколу», и для этой цели 18 февраля 1853 г. под председательством главноуправляющего II отделением Д.П. Блудова из гражданских чиновников и духовных деяте-

лей был создан «Особый комитет для пересмотра постановлений о раскольниках»¹⁴⁵. Но когда Блудов высказал пожелание включить некоторые постановления о раскольниках в очередное «продолжение» «Свода законов», Секретный комитет отказал, мотивируя это тем, что «вся принятая система действия в отношении к раскольникам должна до времени оставаться государственной тайной»¹⁴⁶. 17 апреля 1855 г. Особый комитет был закрыт¹⁴⁷.

Все успехи совместной административно-полицейской деятельности ряда ведомств против раскольников и иноверцев православное ведомство приписывало себе, хвастливо заявляя в ежегодных отчетах о тысячах новообращенных лиц. Общий итог этой миссионерско-полицейской деятельности Синода подвел обер-прокурор Синода Протасов в юбилейном отчете за 25-летие правления Николая I. За четверть века общее число «притекших под сень православной церкви» превысило 2 268 тыс. человек¹⁴⁸.

Другим карательным направлением деятельности православного ведомства была духовная цензура. В начале XIX в. она распространялась только на цензуру церковных книг. В Петербурге ее осуществлял Синод, а в Москве с 1799 г. – при синодальной конторе «Комиссия для свидетельства и рассмотрения сочиненных и переводных книг до церкви и учения церковного касавшихся». С 1808 г. при духовных академиях были созданы церковные цензурные комитеты.

Вмешательство духовной цензуры в светскую печать началось в 20-х годах и было закреплено «Уставом духовной цензуры» 22 апреля 1828 г. В 30–40-е годы духовная цензура считалась более придирчивой, чем светская. По выражению цензора петербургского цензурного комитета А.В. Никитенко*, она была способна «растерзать бедную книгу»¹⁴⁹.

За 1828–1844 гг. из 2659 рукописей и книг были отвергнуты духовно-цензурными органами 511 (т. е. около 19%), а из представленных в 1844–1855 гг. в духовную цензуру 6904 произведений были отклонены уже 2524 (или 36,6%)¹⁵⁰.

Вслед за образованием Комитета 2 апреля 1848 г. духовное ведомство стало хлопотать о создании аналогичного комитета и при Синоде. 4 апреля 1851 г. Николай I одобрил доклад Протасо-

* А.В. Никитенко по ходатайству петербургского митрополита был посажен на гауптвахту за пропуск в № 12 журнала «Библиотека для чтения» за 1834 г. перевода лирического стихотворения В. Гюго «Красавице» (*Никитенко А.В. Дневник. М., 1855. Т. I. С. 160–165, 492–498.*)

на об образовании Комитета «для высшего надзора за направлением произведений нашего книгопечатания, в пропуске коих участвует духовная цензура». В его состав кроме духовных лиц (членов Синода) вошли и сподвижники Протасова (Сербинович и Войцехович). Первые три месяца деятельности комитета ознаменовались запретом 86 книг. Среди «вредных» книг оказался даже пятый том «Истории русской церкви», подготовленный реакционером и крепостником московским митрополитом Филаретом. Этот комитет высшей духовной цензуры пережил даже Комитет 2 апреля 1848 г. и был закрыт лишь 25 мая 1860 г.¹⁵¹

Кризис феодально-крепостнического строя в первую половину XIX в. и зарождение в его недрах капиталистического уклада необыкновенно усложнили задачи государства, потребовали создания новых высших органов, облегчавших абсолютной монархии руководство государством. С начала XIX в. развивается дифференцированная система высших государственных органов: созданный в 1810 г. Государственный совет приобретает характер законосовещательного органа, учрежденный одновременно с министерствами Комитет министров стал высшим административным органом, а компетенция Государственного совета была ограничена функциями высшего суда и надзора за законностью. Складываются четкие этапы законодательного механизма российского абсолютизма: законодательная инициатива принадлежит верхам бюрократии и императору, разработка законопроектов происходит в министерских и межведомственных комиссиях и комитетах, обсуждение – в департаментах и общем собрании Государственного совета; после императорской устной или письменной санкции законопроект становится законом, и, наконец, обнародование закона производит Первый департамент Сената. Эта функциональная специализация высших органов и оформление законодательного механизма свидетельствовали об известных сдвигах в развитии государственности российского самодержавия по сравнению с нечеткостью и неопределенностью функций высших органов феодальной монархии XVII и даже XVIII в. Тот же процесс самодержавной монархии отражал и возроставшее значение функции надзора за законностью, осуществляемого аппаратом Сената.

Все эти процессы, протекавшие внутри феодальной монархии, характеризовались вялостью и непоследовательностью развития, частыми рецидивами старых порядков феодальной государственности XVII–XVIII вв. Функции Государственного совета, Комитета министров и Сената нередко переплетались. Так, Государственный совет был вовсе не единственным органом обсуждения законопроектов, Сенат – не единственным органом

надзора, а Комитет министров занимался не только делами высшей администрации. Общегосударственный сенатский надзор за законностью носил нередко декларативный характер.

Кризис государственности России к середине XIX в. не изменил высших органов, несмотря на различные проекты их усовершенствования. Ведущим среди них оставался Комитет министров – орган, воплотивший характерное для феодальной монархии преобладание управления над законодательством.

Объединение и направление всех отраслей управления крепостнической России осуществлял сам носитель самодержавной власти – император. Только в период первой революционной ситуации в конце 50-х годов потребовалось временное создание совещательного органа верхов бюрократии, объединявшего и направлявшего под руководством императора деятельность всех ведомств, – Совета министров. Наметившийся еще в XVIII в. сложный процесс усиления власти обер-прокурора привел к превращению Синода из высшего государственного органа в структурную часть образованного в 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения. На это министерство вместе с Библейским обществом была возложена задача активизации религиозной пропаганды, которую самодержавие собиралось противопоставить передовой дворянской революционной идеологии. Крах попытки создания новой государственной доктрины на космополитической религиозной основе Священного союза вызвал ликвидацию Министерства духовных дел и народного просвещения и восстановление самостоятельности Синода. Централизаторские тенденции внутри Синода привели в 30–40-е годы к фактической трансформации его в сторону ведомства русской православной церкви.

Сохраняя официальное положение высшего правительственного учреждения¹⁵², Синод с 40-х годов имел все атрибуты министерства. Эти изменения в Синоде способствовали активизации его деятельности на карательном поприще. По выражению исследователя, церковная организация выступала в предреформенный период «как крупнейшая консервативная, задерживавшая общественное и культурное развитие, сила»¹⁵³.

Место Собственной е. и. в. канцелярии
в государственности первой половины XIX в.
Бюрократический централизм и его порождения

Вершина централизации
дореформенной России

С развитием в России абсолютизма при самодержавном монархе появился исполнительный орган, при помощи которого он мог, минуя все другие высшие инстанции, быстро и оперативно разрешать важнейшие государственные дела. Самым ранним учреждением этого типа был Приказ тайных дел Алексея Михайловича (1654–1676 гг.), появление и деятельность которого свидетельствовали о зарождении в недрах монархии с боярской думой и боярской аристократией первых ростков абсолютизма. При Петре I учреждается кабинет; при Екатерине II (в 60–70-е годы) – статс-секретариат, а при нем канцелярии во главе со статс-секретарями. Канцелярии имеются и при Павле I¹. Зарождение и деятельность всех этих учреждений были связаны со становлением в России абсолютной монархии, личной и государственной деятельностью абсолютных монархов.

На протяжении всего XVIII в. компетенция и внутренняя организация этих органов не закреплялись законодательно. Так, Канцелярия Д.П. Трошинского при Павле I уже в конце века фактически превратилась в личную канцелярию императора, не получив официального статуса государственного учреждения. Она собирала сведения о деятельности всех учреждений и информировала об этом Павла I, составляла тексты рескриптов и указов, принимала подаваемые «на высочайшее имя» прошения, сообщала просителям «высочайшие резолюции»². С учреждением министерств эта канцелярия была закрыта, но вскоре возродилась как негласное учреждение, во главе которого с падением М.М. Сперанского стал А.А. Аракчеев. 7 декабря 1812 г. эта канцелярия получила официальное название «Собственная его им-

ператорского величества канцелярия»; ее управляющим до 20 декабря 1825 г. был Аракчеев³.

В период Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии канцелярия вела дела, вызывавшие личный интерес Александра I: переписку с главнокомандующим, заведовала размещением военнопленных, комплектованием и квартированием армии, сбором сведений о пострадавших дворянских имениях и т. п.*

После 1815 г. компетенция канцелярии значительно расширяется: она ведет фактически все дела, которыми ведал Аракчеев. Он занимал кроме поста управляющего Собственной е. и. в. канцелярии еще должности председателя Департамента военных дел, начальника военных поселений, докладчика по делам комитета 18 августа 1814 г., а также надзирал за деятельностью и докладывал Александру I по делам Комитета министров (с 24 декабря 1815 г.).

С 1816 г. в канцелярию стали поступать дела по высшему составу (представления к наградам и повышениям)⁴. В черновом варианте проекта об образовании данного учреждения весьма точно характеризуется место этого органа в государственном строе России: «Собственная его императорского величества канцелярия не есть присутственное место. Вне состава других государственных учреждений она существует для производства дел, стекающихся к непосредственному самому государю императору усмотрению и разрешению, и дела в нее поступают единственно от его величества или не иначе как с высочайшего соизволения через управляющего ею статс-секретаря. Есть ли возможность определить принадлежность самодержавной монаршей воли? Поэтому и нет возможности определить дела и порядок Собственной его императорского величества канцелярии». Сокращенный вариант этой формулы и составил пункт первый чистовой редакции «Образования»⁵. Все дела, подведомственные канцелярии, этот акт делил на пять групп («отделений»): два по «разряду учреждений» (министерствам и местной администрации) и три – по «разряду военных дел». С осени 1817 г. в канцелярии еженедельно на основании материала, поступившего из министерств и местных органов администрации и полиции, составлялись «ведомости главнейших по империи происшествий», которые докладывались управляющим Александру I.

* Множество подобных дел впоследствии было опубликовано известным историком Н.Ф. Дубровиным (Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Первого отделения Собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1876–1917. Вып. I–XVI).

В первые же дни после вступления на престол 20 декабря 1825 г. Николай I поспешил вежливо отстранить А.А. Аракчеева от заведования делами Собственной е. и. в. канцелярии⁶.

Усиление кризиса крепостнического строя во второй четверти века вызвало установление своеобразной военно-полицейской диктатуры с крайней централизацией распорядительной и исполнительной деятельности. Канцелярия превратилась в орган, связывающий императора со всеми правительственными учреждениями по наиболее важным вопросам внутренней политики. Указом 31 января 1826 г. в составе Собственной е. и. в. канцелярии было создано Второе отделение, а существовавшая ранее канцелярия стала именоваться Первым отделением; 3 июля 1826 г. было создано Третье отделение, 26 октября 1828 г. – Четвертое, 29 апреля 1836 г. – Пятое и 30 августа 1842 г. – Шестое отделение.

Каждое из этих отделений составляло самостоятельное учреждение со своим начальником, функциями, штатом, делопроизводством, а также с личным докладом царю.

Создание «отделений» канцелярии означало завершение начавшегося еще во второй половине правления Александра I процесса превращения личной канцелярии императора в высшее учреждение. Первое отделение Собственной е. и. в. канцелярии с первых месяцев своего существования стало органом, содействующим усилению государственной централизации. Согласно повелению Николая I, 10 мая 1826 г. почти все ведомства (кроме военного и морского), а также управляющий делами Комитета министров и обер-прокурор Синода были обязаны ежедневно утром доставлять краткие сведения о делах по своему ведомству, а также материалы, подлежащие рассмотрению и утверждению императором⁷. С 13 августа 1827 г. все министры готовили к первому числу каждого месяца ведомости о полученных и исполненных указах. Эта последняя категория дел была самой обширной (из почти 12 тыс. дел, рассмотренных Первым отделением в 1831 г., более 9 тыс. составляли ежемесячные министерские ведомости)*.

С 1832 г. губернаторы стали раз в полгода представлять в Первое отделение ведомости о недоимках (здесь с 1842 г. составлялись общие ведомости о недоимках по всей империи).

Первое отделение сразу же стремится повысить оперативность действий ведомств и местной администрации, особенно в

* Большинство остальных дел в эти годы составляли рапорты об арестантах и замечания о медлительности исполнения высочайших указаний (ЦГИА. Ф. 1409. Оп. т. II. 1832 г. Д. 371. Л. 141 и др.).

деле исполнения «высочайших» повелений, и следит за исправным взысканием недоимок и т. п.

Нужно отметить, что в тех случаях, когда в Комитет министров поступали представления от разных ведомств об увеличении их штатов, Николай I не раз ставил в пример оперативность Первого отделения, которое с пятью чиновниками и тремя писарями весьма успешно справлялось с огромным потоком дел, поступавших со всего государства.

С 1836 г. в Первом отделении сосредоточиваются дела по надзору за службой гражданских чиновников: каждые шесть месяцев (с 1851 г. ежегодно) губернаторы подавали сюда аттестации о лицах, поступивших на службу. Усмотрев в доставке сведений о чиновниках большие упущения, Николай I повелел с середины 40-х годов сосредоточить все дела по определению на службу, производству в чины, перемещению, увольнению от службы и пр. в ведении Первого отделения Собственной е. и. в. канцелярии⁸. 5 сентября 1846 г. учреждается Инспекторский департамент гражданского ведомства; управляющий Первым отделением становится и его главноуправляющим*. Этот департамент превратился в управление кадрами бюрократии России. «Я хочу возвысить гражданскую службу, – заявил Николай I при открытии департамента, – как возвысил военную. Я хочу знать всех моих чиновников, как я знаю всех офицеров моей армии. У нас чиновников более, чем требуется для успеха службы; я хочу, чтобы штат чиновников отвечал действительным потребностям, как, например, в моей канцелярии»⁹.

С созданием Инспекторского департамента в него хлынул поток послужных списков из министерств, ведомств (3 раза в год) и от губернаторов (ежегодно). (Чинопроизводство в середине века касалось в среднем 11–12 тыс. чиновников в год¹⁰.) Весь материал обобщался в докладах департамента о назначениях, перемещениях и увольнениях, а также в высочайших приказах по гражданскому ведомству с личными резолюциями Николая I¹¹.

* Аппарат департамента разделялся на четыре экспедиции: 1-я ведала чинопроизводством по министерствам и составлением проектов высочайших приказов; 2-я – чинопроизводством по губерниям; 3-я определяла на службу всех классовых чиновников, утверждала их в чинах, определяла к должностям чиновников I–IV классов, увольняла и исключала чиновников из списков; 4-я экспедиция вела статистику чиновничества в России (СЭ. 1857. Т. III. Ст. 1503–1506; *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 56–60).

Деятельность Инспекторского департамента способствовала развитию бюрократизма и ведомственного бумажного делопроизводства. Комитет министров в 1851 г. особо указал на необходимость сокращения делопроизводства и переписки по гражданскому управлению¹².

Инспекторский департамент издавал ежегодный список гражданских чиновников I–IV классов. Делались попытки составления общего списка гражданских чиновников всех классов¹³. Департамент вел также делопроизводство Комитета для пересмотра Устава о гражданской службе 3 декабря 1846 г., председателем которого был управляющий Первым отделением А.С. Танеев¹⁴.

Помимо дел по личному составу бюрократии, ставших главной функцией Первого отделения, оно занималось и другими общегосударственными делами (докладывало на высочайшее имя о сводных данных по недоимкам в государстве, занималось делами комитета 2 апреля 1848 г. и даже всеильного III отделения)¹⁵. Сюда все чаще обращаются, минуя министра внутренних дел, губернаторы с докладами о состоянии губерний. «Предназначение I отделения Собственной Вашего императорского величества канцелярии, – докладывал Александру II А.С. Танеев в начале 1856 г., – есть сосредоточение высочайших повелений по гражданскому ведомству. Как центральное место исходящих от верховной власти и восходящих к ней дел первенствующих в государстве управлений, Канцелярия имеет высшее против других значение»¹⁶.

В условиях общественного подъема после Крымской войны идет общий процесс ослабления крайностей централизации николаевского правления. В Комитете министров в 1857 г. начальники ведомств подняли вопрос о том, что Инспекторский департамент замедляет деятельность центральных и местных учреждений, способствует росту делопроизводственной переписки¹⁷. 30 мая 1858 г. Инспекторский департамент гражданского ведомства упраздняется. 4 февраля 1859 г. в Первое отделение из Военного министерства был передан Комитет призрения заслуженных гражданских чиновников (учреждение, представлявшее собой своеобразную кормушку для поддержания материальными средствами государства «чести и достоинства» представителей высшей бюрократии). 23 августа 1860 г. было значительно сокращено число поступающих с мест ведомостей (так, этот закон предписывал обращаться в Первое отделение по инспекторским делам только в том случае, если они имеют «особенную важность»); а с 11 сентября 1862 г. прекращен надзор за ходом на местах арестантских дел.

Начавшаяся со второй половины 50-х годов ведомственная децентрализация отразилась на деятельности Первого отделения. Всеобъемлющая компетенция этого органа, олицетворявшего бюрократический централизм, сильно сужается, а общегосударственное значение стало падать.

Кодификация законов – одно из средств укрепления феодально-крепостнического строя.

Кодификационные органы

Кодификацией законов не вполне точно именовалось в первую половину XIX в. составление различных сборников законов царской России, вызванное ростом бюрократического аппарата, централизацией управления, усилением потока законодательных актов. Фактически эти сборники представляли собой механическое соединение («инкорпорацию») законов. Соблюдение законности рассматривалось абсолютной монархией как одно из средств укрепления феодально-крепостнического строя и его государственности. К большей законности в управлении толкали царизм возраставшие в стране капиталистические отношения, робкая эволюция крепостнической монархии в буржуазном направлении.

Предыстория кодификации уходит в XVIII в., когда безуспешно действовало до десятка кодификационных комиссий. Бездействовавшая с начала 70-х годов Комиссия для сочинения проекта нового Уложения была передана 4 декабря 1796 г. под названием «Комиссия для составления законов» в ведение генерал-прокурора. Ей вменялось в обязанность собрать все ранее изданные узаконения, «отделить чистые законы от множества неясностей, временем и обстоятельством вкрапившихся», и извлечь из них три книги законов (уголовных, гражданских и казенных дел). В состав комиссии были назначены несколько опытных чиновников (А.А. Яковлев, Д.А. Поленов, И.С. Ананьевский и др.), а также три сенатора.

Из журнала заседаний комиссии («съездов сенаторов») за 1797–1800 гг. явствует, что членами ее были составлены 18 глав книги «Гражданских и казенных дел», 17 глав о судопроизводстве, 13 глав уголовных законов, проект «сокращения канцелярского порядка» и др.¹⁸ Однако в условиях деспотичного правления Павла I деятельность комиссии носила нецеленаправленный характер. «В самодержавном правлении, где государь делает, что хочет, – рассуждал один из членов комиссии, Г.П. Гагарин, – трудно утвердить законы. Вот сегодня мы поднесем государю, он

утвердит, а завтра то же самое отменит. Это мы видим сами теперь ежедневно. Итак, напрасно слишком силиться в бесполезном труде, подверженном ежечасной перемене»¹⁹.

В конце XVIII – начале XIX в. комиссия рассматривала и так называемые казусные дела, т. е. запутанные гражданские и «казенные» финансовые дела, при разрешении которых в Сенате были затруднения. В 1800 г. таких дел было 43, а в 1801 г. (до июня) – 5²⁰.

В начале XIX в. делались безуспешные попытки интенсифицировать работу комиссии. Возглавлявший ее гр. П.В. Завадовский подал Александру I записку, в которой объяснял вялость ее деятельности обилием и хаотичностью законов²¹. Одной из причин неудач кодификационной деятельности комиссии в 1796–1803 гг. (как и всех ее предшественниц XVIII в.)^{*} было отсутствие необходимых правил и знаний кодификационной техники, т. е., не собрав и не обобщив весь накопившийся законодательный материал, ее члены пытались сразу же сочинять проекты нового уложения²². Но в целом причины этих неудач были, конечно, гораздо глубже, и в основе их – особенности абсолютизма XVIII в. с крайней нестабильностью законов, что еще более проявлялось в периоды усиления деспотизма отдельных носителей верховной власти.

В этой затхлой бюрократической атмосфере Комиссии для составления законов оказался вскоре после возвращения из ссылки и А.И. Радищев. Тюрьма и ссылка не сломили дворянского революционера. Свои антифеодальные взгляды он высказывал смело и в комиссии. Сослуживец Радищева по комиссии Н.С. Ильинский впоследствии вспоминал: «Он, как я заметил, мыслей вольных и на все взирал [с] критикою. Когда рассматривали мы сенатские дела и писали заключения, не соглашаясь с нами, предлагал свое мнение, основывая единственно на философии свободымыслия»²³. Это высказывание Ильинского подтверждается работами А.И. Радищева, написанными для комиссии. В них при решении отдельных вопросов государственного права Радищев исходил из основных положений естественного права и общественного договора. В небольшой работе «О законоположении» он отмечал, что в России почти повсеместно «господствует помещичий и чиновничий произвол и злоупотребление властью», и требовал обуздать «неистовых самолюбивцев» – дворян «для поль-

* Этой комиссии предшествовали до десятка кодификационных комиссий XVIII в. (*Сперанский М.М.* Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1887; и др.).

зы миллионов»²⁴. Радищев смело напоминает о своем «Путешествии из Петербурга в Москву». В «Проекте для разделения Уложения российского» Радищев сделал классификацию существующего законодательства. Третий раздел он назвал «Права и обязанности народа или граждан вообще». Эти права, по мнению автора, «состоят в свободе 1) мысли, 2) слова, 3) деяния, 4) защите самого себя, когда того закон сделать не в силах, 5) в праве собственности и 6) быть судимым себе равными...»²⁵. В четвертом пункте этого перечня «свобод» Радищев лишь обобщал не раз высказанную им ранее мысль о том, что крепостные крестьяне, не нашедшие поддержки в законе и властях, имеют право применить физическую силу для уничтожения угнетателей²⁶.

В «Проекте Гражданского уложения» Радищев объявил преступлением не только действие, направленное против общественного правопорядка, но против прав и обязанностей граждан, а поэтому преступным является, делал он вывод, весь крепостнический строй, ибо «порабощение есть преступление»²⁷. Тем же антикрепостническим духом пронизаны и «особые мнения», оформленные А.Н. Радищевым в комиссии: «О ценах на людей убиенных» и «О праве подсудимых отводить судей и выбирать себе защитника».

Предложения и взгляды А.Н. Радищева не могли быть приняты и тем более приняты ярыми крепостниками. Руководивший комиссией гр. П.В. Завадовский сделал ему соответствующее внушение, напомнив о Сибири. Не выдержав гнетущей обстановки службы крепостническому государству, А.Н. Радищев 11 сентября 1802 г. покончил жизнь самоубийством.

21 октября 1803 г. Комиссия составления законов была передана в Министерство юстиции. Отказавшись от двойной цели собрать и исправить законы, комиссия решает заняться кодификацией только действующих законов и даже составила общий план деятельности, но, по выражению Сперанского, «по оному никаких работ не было произведено»²⁸.

Вошедший в состав комиссии вначале как член, а затем и возглавивший ее как товарищ министра юстиции (с 16 декабря 1808 г.) М.М. Сперанский предложил программу работы комиссии, заключающуюся в составлении уложений (гражданского, уголовного, коммерческого), полицейского устава и т. п. Александр I утвердил представленный Сперанским доклад 7 марта 1809 г., который явился фактически программой деятельности комиссии и после ее передачи 1 января 1810 г. в состав Государственного совета.

Отдельные части уголовного и особенно гражданского уложения рассматривались в Государственном совете в 1812–1815 гг., причем после отстранения и ареста Сперанского проекты стали встречать в Государственном совете глухую оппозицию. Особен-

но это проявлялось в отношении гражданского уложения, проект которого был составлен М.М. Сперанским под впечатлением «Гражданского кодекса» Наполеона I*. Попытка приспособить буржуазный гражданский кодекс к условиям крепостнической России не встретила понимания и поддержки.

Известная настроенность членов Государственного совета – помещиков-крепостников к элементам буржуазного права соединилась с общей неприязнью к опальному государственному деятелю. Как отмечал впоследствии в письме М.М. Сперанскому статс-секретарь Департамента законов А.Н. Оленин, члены Государственного совета, «устрашенные... превратностью и дерзованием мыслей нынешнего времени, опасаются встретить даже и в самых искренних желаниях лучшего устройства в управлении какие-нибудь тайные намерения, клонящиеся, по их мнению, к ниспровержению старого порядка»²⁹.

В 1815 г. комиссия пришла к выводу, что «нового Уложения нельзя рассматривать без полного Свода прежних законов»³⁰, и занялась составлением этого свода, располагая собранные законодательные акты по тринадцати «частям». Итогом этой работы явилось издание «Оснований российского права, извлеченных из существующих законов Российской империи» (СПб., 1821) – труда, оказавшего большое влияние на некоторые части будущего «Свода законов»³¹. 3 ноября 1821 г. комиссию

* Дореволюционные историки права расходились лишь в оценке объема заимствований М.М. Сперанским из «Code civile» Наполеона I. Так, Ф.М. Дмитриев считал гражданское уложение «плохим переводом наполеоновского кодекса» (Русский архив. 1868. № 10. С. 1635); В.И. Сргеевич – плодом подражания французскому законодательству (Лекции и исследования. СПб., 1883. С. 609); С.В. Пахман усматривал, что упрек в заимствовании «небезоснователен», что часть первая «Уложения» «близко подходит к первой книге французского кодекса не только в целом, но и в частностях», но части, говорящие об имуществах и договорах, далеко не вполне совпадают с соответствующими частями наполеоновского кодекса (История кодификации гражданского права. СПб., 1876. Т. 1. С. 392–393). О заимствованиях из наполеоновского гражданского кодекса писал А.Н. Филиппов (Сперанский как кодификатор русского права // Голос минувшего. 1892. Кн. X. С. 205). Сам Сперанский в пермском письме Александру I отрицал какое-либо заимствование, считая эти обвинения «ложью» и «незнанием» (План государственного преобразования графа М.М. Сперанского. М., 1905. С. 338–339).

вновь возглавил М.М. Сперанский. К 1825 г. она проделала большую подготовительную работу³². Кроме «Оснований российского права» ею был подготовлен «Полный хронологический реестр законодательных актов со времени правления Алексея Михайловича до 1825 г.» (до 30 тыс. актов) с краткой аннотацией на каждый акт. Этот реестр и лег в основу будущего «Полного собрания законов Российской империи». В эти же годы были завершены начатые ранее тексты проектов частей «Уголовного уложения» и «Гражданского уложения», шла подготовка проекта «Устава уголовного судопроизводства». Часть этих проектов была представлена на рассмотрение Государственного совета³³.

Сперанский обращает внимание на отрицательные черты деятельности Комиссии составления законов, заключавшиеся в нарушении последовательности кодификации, в беспомощности методики кодификации. Осенью 1825 г. в записке, адресованной Александру I, «Обозрение Комиссии для составления законов Российской империи» он заявил, что все проекты комиссии «представляли одни токмо начатки уложений, а не самые уложения, начатки весьма несовершенные и далеко еще отстоящие от практической пользы»³⁴. Аналогичные мысли высказывал Сперанский и в представленных им в начале января 1826 г. четырех записках на высочайшее имя³⁵.

31 января 1826 г. последовал рескрипт, в котором Николай I, «желая сколь можно более удостоверить успешное совершение» по кодификации законов, в составе Собственной е. и. в. канцелярии учредил новое отделение – Второе³⁶. Начальником назначается старший член упраздненной Комиссии составления законов проф. М.А. Балугьянский, но фактически душой и мозгом всей огромной кодификационной работы оказался М.М. Сперанский. Однако он не получил никакой должности в составе отделения и даже не числился в его штатах (считался членом Государственного совета по Департаменту законов). Здесь явно проявилось недоверие Николая I к Сперанскому, но при этом оказалось невозможным обойтись без его ума, знаний, понимания кодификационной техники. На первом же заседании чиновников отделения 24 апреля 1826 г. М.М. Сперанский огласил составленное им «Наставление II-му отделению о порядке его трудов», т. е. кратко и четко определил задачи отделения, план и порядок работы³⁷. На заседании между чиновниками были распределены обязанности (например, М.А. Корф должен был заниматься законами о правах состояний, А.П. Куницын и Н.С. Клоков – законами о правах личных и вещественных, М.К. Циммерман – о тяжёбом судопроизводстве и т. п.)³⁸. Штат II отделения был утвержден 29 ноября 1826 г. и состоял из начальника, 16 чиновников, 2 курьеров и 15 писарей. Среди сотрудников были будущие

видные представители царской бюрократии (управляющий делами Комитета министров, многих высших комитетов, государственный секретарь и главноуправляющий II отделением Собственной е. и. в. канцелярии (1861–1864 гг.), а затем председатель Государственного совета гр. М.А. Корф, будущий министр юстиции Д.Н. Замятнин, товарищ министра юстиции П.Д. Илличевский, сенатор М.К. Цеймерн, сенатор и деятельный сотрудник многих высших комитетов К.Г. Репинский). Заметное место среди сотрудников Сперанского занимали и ученые (бывший профессор правоведения Царскосельского лицея и Педагогического института А.П. Куницын, профессор статистики и политэкономии Педагогического института, член-корреспондент Академии наук К.И. Арсеньев).

В процессе работы II отделение использовало законодательные материалы, собранные Комиссией составления законов, а также проводило дальнейшие поиски и делало запросы в различные архивы. Подробно детали этой работы хорошо изложены в дореволюционной исследовательской литературе³⁹.

Убежденный в том, что кодификация законов будет способствовать укреплению всей государственной машины крепостнической России, Николай I проявлял повышенный интерес к деятельности II отделения: требовал доклады о различных стадиях работы, знакомился с предварительными материалами, торопил, поощрял ретивость чиновников отделения наградами; с ним согласовывались вопросы о невключении в собрание законов по тем или иным соображениям различных актов⁴⁰.

К 1830 г. была завершена огромная работа по сбору в архивах и государственных учреждениях законодательных актов, расположению их в хронологическом порядке. К изданию было подготовлено первое «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ), состоявшее из 45 томов (40 томов законов и 5 томов указателей; оно включало 30 600 законодательных актов за время от 1649 г. (Соборное уложение царя Алексея Михайловича) до 3 декабря 1825 г. Огромная работа по печатанию собрания законов общим объемом в 33 780 страниц и тиражом более 6000 экземпляров была проведена в 23 месяца (26 мая 1828 г. – 1 апреля 1830 г.). Одновременно были составлены и вскоре напечатаны шесть томов второго издания «Полного собрания законов». Успешную деятельность II отделения предопределила большая предварительная собирательная работа, преданная Комиссией составления законов.

Поспешность работ по составлению первого «Полного собрания законов» отразилась на его содержании. Множество законодательных актов объясняется и причинами более глубокого характера – трудностью в условиях абсолютной монархии разграничить законы от актов, изданных в порядке верховного

управления*. Сперанский писал впоследствии, что «всякое повеление верховной власти должно было выполняемо как закон. Различие между законами и повелениями не приметно в образе их исполнения: ибо и повеление и закон исполняются одинаково»⁴¹.

Вместе с тем публикация ряда правительственных актов II отделение сочло «неудобным», в частности актов XVIII в., констатирующих и несколько наивно объясняющих факты дворцовых переворотов, смену императриц, правящих группировок и т. п.^{**} Иногда невключение актов диктовалось классовой борьбой того времени. Известия о восстании декабристов породили слухи, волнения в народе. Так, в дополнение к манифесту 12 мая 1826 г., отмечавшему «непослушание» крестьян своим помещикам, последовали два рескрипта (19 июня и 6 сентября 1826 г.) на имя управляющего Министерством внутренних дел В.С. Ланского, предписывающих предводителям дворянства «без огласки» наблюдать за взаимоотношениями помещиков и крестьян; чтобы не возбуждать у крестьян излишних надежд, а также не подрывать власти помещиков, было решено по указанию Николая I не включать этот факт и во второе издание ПСЗ.

По разным соображениям в ПСЗ не вошли акты церковного управления^{***}, а также законы, касавшиеся придворного ведомства, из-за нежелания излишней огласки.

* Вопрос о различии закона и указа не раз поднимался и впоследствии. Н.М. Коркунов, например, пришел к выводу о невозможности установить это различие (*Коркунов Н.М. Указ и закон.* СПб., 1894. С. 357).

** К числу таких документов относятся форма присяги при указе 21 февраля 1730 г., манифесты 5 и 17 октября 1740 г., некоторые указы периода правления регентши Анны Леопольдовны, пространный манифест Екатерины II от 6 июля 1762 г. и пр. (*Майков П.М. Второе отделение Собственной е. и. в. канцелярии.* СПб., 1906. С. 156).

*** По распоряжению Сперанского чиновник II отделения А.П. Куницын с 1835 г. занимался изучением протоколов Синода и печатных узаконений по этому ведомству и приступил к составлению «Полного собрания духовных узаконений». После ознакомления с этими материалами Сперанский высказал сомнение, что «едва ли удобно будет оглашать во всеобщее известие разные указы старого времени, состоявшие нередко по делам и случаям, которые не служат к укреплению должного уважения к представителям церкви и, кроме того, могут вселить не согласные с учением церкви взгляды на различные установления церкви, доселе существующие». Свои соображения по этому вопросу Сперанский высказал в докладе Николаю I 12 ноября 1836 г., на который последовало «повеление»: «Собрание узаконений окончить, но издание отложить» (ЦГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–41).

Одновременно с изданием ПСЗ проводилась подготовка к публикации для практических нужд царской бюрократии «Свода законов Российской империи», который отличался от ПСЗ тем, что включал лишь действующие на данное время законы, имел тематический порядок расположения и несколько сокращенное изложение законов без изменения их смысла.

Бюрократический аппарат России остро ощущал необходимость такого свода уже в первую четверть века. Отсутствие официального издания собрания действующих законов порождало неуверенность и медлительность в действиях учреждений крепостнического государства, массу должностных злоупотреблений, усиливало чиновничий произвол в отношении простого народа*.

Порядок материала в «Своде» был предложен Сперанским. Для обозрения и проверки текста «Свода» 23 апреля 1828 г. под председательством министра юстиции кн. А.А. Долгорукого создается специальный комитет из сенаторов и чиновников министерства; аналогичные комитеты были созданы и при некоторых министерствах (финансов, внутренних дел)⁴². Николай I повелел окончить составление «Свода законов» к лету 1832 г.⁴³

На заседании общего собрания Государственного совета 17 января 1833 г., куда были представлены все 15 томов «Свода законов», Николай I еще раз подчеркнул, что цель кодификации заключается в том, «чтобы не созидать новых законов, но привести в порядок старые»⁴⁴. На заседании были зачитаны составленные Сперанским обозрения «исторических сведений о Своде законов»⁴⁵ и работ II отделения и комитетов для ревизии «Свода». Государственный совет признал «Свод законов» единственным основанием для решения дел, установив срок ввода его в действие с 1 января 1835 г.⁴⁶

* «При неимении не только Свода, но даже простого собрания законов, – писал в конце 20-х годов XIX в. сенатский чиновник И.В. Селиванов, – уголовные палаты приводили в своих решениях такие законы, которые никогда издаваемы не были... Высочайшие указы, по получении, подшивались один под другим, и из этого к концу года составлялась книжка страшной толщины, в которой, чтобы отыскать что-нибудь, надо было перелистать всю книжицу от первого листа до последнего. А как таких книжиц, чтобы найти что-нибудь, надо было пересмотреть целые десятки, то, право, откажешься от всякой проверки, махнешь рукой и скажешь: верно есть, ежели написано!» (Русская старина. 1882. Т. 33. С. 631).

В первый том «Свода законов» издания 1832 г. были включены так называемые «Основные законы Российской империи» – составленная Сперанским компиляция из законов XVIII – начала XIX в., касавшихся общих начал государственного строя России.

Дореволюционная историко-правовая литература обходила вопрос не только об источниках, но и о процессе создания «Основных законов Российской империи» 1832 г., являвшихся в течение трех четвертей века главнейшим актом российского абсолютизма*. Почти не сохранилось архивных документов, вскрывающих процесс создания «Основных законов», и лишь по отрывочным материалам, сохранившимся в бумагах М.М. Сперанского, можно судить, что составителем «Основных законов Российской империи» издания 1832 г. был именно он⁴⁷. Получив ответственное задание по составлению «Основных законов», Сперанский не привлекал к их составлению широкий круг чиновников. Во время частых докладов Николаю I по кодификационным делам он согласовывал с ним устно как редакцию отдельных статей, так и их полный текст. Этим, пожалуй, объясняется почти полное отсутствие архивных материалов о процессе составления «Основных законов» издания 1832 г.**

Первая статья «Основных законов» определяла форму правления в России – абсолютную неограниченную монархию. Полностью вошли в «Основные законы» «Акт о порядке престолонаследования» и «Учреждение об императорской фамилии» (1797 г.), подтверждавшие право наследования престола по мужской линии, юридические и материальные права членов царской фамилии.

* В специальном исследовании Н.И. Палиенко «Основные законы и форма правления в России» (Харьков, 1910) истории создания «Основных законов» 1832 г. уделено три с половиной страницы (с. 7–11), причем приводятся формально-догматические рассуждения и толкования отдельных их статей. Очень робко затронут вопрос о происхождении «Основных законов» в работах А.Н. Макарова (К истории кодификации основных законов // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 10. С. 222–267) и Б.Э. Нольде (Законы основные в русском праве // Труды Юридического общества при Санкт-Петербургском университете. 1913. Т. VII. С. 1–34).

** А.Н. Макаров, а вслед за ним и Б.Э. Нольде подчеркивают роль в составлении «Основных законов» и М.А. Корфа, по-видимому привлекаемого к редактированию текста в 1829 г.

Построение «Свода законов» было основано на государственной концепции Сперанского*, разделявшего общество на два «союза»: «государственный» и «гражданский», а они в свою очередь имели «определятельные» и «охранительные» законы. «Основные законы Российской империи» «определяли порядок, коим верховная власть образуется и действует в управлении», что составляет первую книгу I тома «Свода». Последующие «книги» этого тома, а также II том занимают «учреждения» – средства для осуществления целей верховной власти. Включавший законы о службе чиновников III том определял «личные силы государственного союза», а его «вещественные силы» определяли законы, помещенные в томах IV–VIII (уставы о повинностях, налогах, пошлинах и т. п.). Законы о «состояниях» помещены в IX томе, они освещают степень участия каждого сословия «в составе установлений и сил государственных». «Определятельные» законы «гражданского» «союза» помещены в X–XIV томах. (Гражданский союз Сперанский характеризовал как «Союз семейный или союз по имуществам»⁴⁸.) Охранительные законы для обоих «союзов» помещены в XV томе; они разделяются на «предохранительные» (полицейские – «Устав благочиния» и др.) и уголовные.

В «Свод законов» не вошли военные и военно-морские законы, законы некоторых национальных окраин, а также законы ведомств императорского двора, иностранных дел и православной церкви.

Последующие издания «Свода» были осуществлены в 1842 и 1857 гг. Между изданиями «Свода» II отделение предпринимало публикацию ежегодных и сводных его «продолжений»⁴⁹. Законом 10 апреля 1843 г. все ведомства обязывались доставлять во II отделение те законы, которые подлежали включению в очередное «продолжение».

II отделение подготовило под руководством М.М. Сперанского и издало «Свод военных постановлений» в 1838 г. (Последующие издания предпринимались самим Военным министерством без участия II отделения.) Было предпринято издание законов отдельных национальных окраин: «Свод степных законов

* Эта государственно-правовая концепция сформулирована окончательно Сперанским в «Обзрении исторических сведений о Своде законов» (СПб., 1837. С. 118–122), хотя основы ее можно встретить в материалах Сперанского периода работ по составлению «Свода законов» (ЦГИА. 1251. Оп. 1. Д. 115. Л. 5–8; ГПБ. Ф. 637. Д. 924. Л. 12–13; Д. 778. Л. 4 и др.).

кочевых инородцев Восточной Сибири» (1841 г.), первые две части «Свода законов остзейских губерний» (1845 г.); под надзором II отделения специальный комитет в Гельсингфорсе разрабатывает «Свод законов Финляндии».

Несколько сложнее обстояло дело по подготовке «Свода законов западных губерний». В 1830 г. эта работа была передана из местных комитетов украинских, белорусских и литовских губерний во II отделение. После польского восстания 1830–1831 гг. царское правительство не пожелало сохранить специфику законов этих губерний. Вопрос обсуждался на заседаниях особого, «Западного комитета» в 1839 г. и повлек за собой отмену действия Литовского статута в 1840–1843 гг. в западных губерниях. Вопрос об издании «Свода законов западных губерний» отпал – общеимперское законодательство распространяется на северо- и юго-западные губернии⁵⁰.

«Превратные идеи» и «замыслы» Сперанского, направленные на укрепление крепостнической государственности путем внесения в ее механизм некоторых буржуазных элементов, не состоялись, но это не означало коренного изменения его взглядов. Вернувшийся после опалы и ссылки вновь к государственной деятельности, этот умный сановник порекомендовал «для лечения болезней» крепостнического государства другое лекарство: совершенствование управленческого механизма путем кодификации законов, что могло хотя бы на время оживить его деятельность. Кодификация законов способствовала укреплению крепостнического государства, хотя и на время, повысила оперативность действий всех его звеньев. Многочисленные ссылки на «Свод законов» создавали видимость полной «законности» действий всех звеньев управления и суда крепостнической монархии.

Деятельность Сперанского во II отделении реабилитировала его в глазах Николая I. Он получил все высшие награды и даже графский титул. «Михаила Михайловича не все понимали и не все умели довольно ценить; сперва и я сам в этом более всех, может статься, против него грешил... – сетовал Николай I М.А. Корфу, дожившему ему о смерти Сперанского (11 февраля 1839 г.), – но потом время и опыт уничтожили во мне действие всех этих наговоров. Я нашел в нем самого верного и ревностного слугу...»⁵¹ После смерти Сперанского II отделением уже в должность главноуправляющих руководили опытные чиновники Д.В. Дашков (1839 г.) и гр. Д.Н. Блудов (1839–1864 гг.).

Высшей формой кодификации Сперанский считал составление «уложений», основанием для которых должен явиться «Свод законов». В одной из записок, представленных Николаю I в начале 1826 г., он высказывал надежду, что «Гражданское уло-

жение» можно окончить к началу 1827 г., но Николай I отнесся отрицательно к составлению уложений, которые казались ему «чем-то отвлеченным, слишком теоретическим»⁵². Всякие новшества, даже в вопросах законодательства, влекли за собой новые «идеи», расшатывали, по его мнению, государственный организм. Поэтому все законодательные начинания того времени проходили под знаком «приведения в стройный порядок и ясность» уже существующих законов⁵³. Однако крепостническое военно-полицейское государство второй четверти XIX в. нуждалось в специальном кодексе, содержащем классификацию преступлений и систему соответствующих наказаний. По распоряжению Николая I под руководством гр. Д.Н. Блудова с начала 40-х годов началась разработка проекта «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных». Николай I предложил Блудову «не созидать нового уложения по началам науки, а только привести в надлежащее между собой соглашение разнородные части оною посредством исправления отдельных, но на одинаковых началах и, так сказать, в одном духе»; разрешалось проводить некоторую редакционную правку старых норм с целью «устранить неточность и неопределительность выражений и самых положений», а также сделать лишь некоторые дополнения, «требуемые временем и указанные опытом»⁵⁴.

II отделение проделало большую работу по сбору, приведению в порядок и сличению с источниками различных законов о наказаниях, собрало с уголовных судов замечания на уголовные законы, обобщило материалы отчетов Министерства юстиции за несколько лет, составив таблицу преступлений, дало обзор двадцати уголовных кодексов и проектов их в иностранных государствах⁵⁵. После обсуждения проекта в специальном комитете под председательством Блудова, а затем в Департаменте законов и общем собрании Государственного совета «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» было 15 августа 1845 г. высочайше утверждено⁵⁶. Этот обширный в 2244 статьи кодекс учитывал и классифицировал преступления, проступки и соответствующие им наказания против государства, против православной веры, порядка управления, по службе, против постановлений о повинностях, имуществе и доходах казны, общественного благоустройства и благочиния, сословного строя, частной собственности, жизни, здоровья, свободы и чести отдельных лиц.

Полицейский характер крепостнического государства наглядно подтверждался тем, что почти $\frac{2}{5}$ статей «Уложения» содержал восьмой раздел «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния», наиболее полный из всех двенадцати разделов.

Нормы «Уложения» были направлены на защиту феодальной государственности, классовых интересов и сословных привилегий дворян-помещиков, интересов верхов нарождавшейся буржуазии, подчеркивали бесправие и приниженное положение простого народа.

«Уложение» различало «преступление» как «всякое нарушение закона» (ст. 1) и «проступок» как нарушение правил, определенных для охранения предписанных законами прав «общественной или же личной безопасности или пользы» (ст. 2). Оно давало сложную, весьма дифференцированную систему наказаний, подразделяемую на 11 «рядов», разделенных на 35 «ступеней», – от наказания розгами и внушения в суде до бессрочной каторги и смертной казни (ст. 18–95). Наиболее суровыми были наказания «уголовные»: самой «мягкой» мерой были лишение прав состояния и ссылка на поселение в Сибирь или Закавказье. Крепостническая Россия применяла и другой вид наказаний – «исправительные», предусматривавшие «мягкие» по тому времени меры: ссылку на житье в Сибирь, заключение в крепость, тюрьму, арест, выговор, замечание, внушение, розги.

Особенно суровыми были наказания за государственные преступления: злоумышление против «священной особы государя императора», бунт против верховной власти и государственная измена (ст. 263–282). Основными мерами наказания за эти преступления были смертная казнь, бессрочная или срочная (от 4 до 12 лет) каторга.

Ряд статей, предусматривавших наказание крепостных за выступления «против своих господ» (ст. 1907–1911), приравнивались к статьям «О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от него властям» (ст. 183–290); карательные меры включали телесные наказания, клеймение, ссылку на каторгу сроком до 15–20 лет, ссылку на жилье (самой «мягкой» мерой было заключение в смиренный дом). Для помещиков, «не желающих употреблять предоставленных им по закону домашних исправительных мер» в случае «упорного неповиновения» крепостных, «хотя и без явного восстания», государство охотно предоставляло свои карательные органы, где по просьбе помещика крепостного могли наказать розгами от 20 до 50 ударов (ст. 1908); розгами до 50 ударов наказывались также крестьяне, подавшие жалобу на своего помещика (ст. 1909).

Господствующие верхи считали «Уложение о наказаниях» одним из наиболее «удачных» кодексов России. Это феодально-крепостническое «Уложение» надолго пережило сам крепостной строй, в 1886 г. его доработали, и многие статьи этого «Уложения» действовали до 1917 г.

На протяжении более четверти века основной функцией II отделения все же оставалась инкорпорация законов. Вся подлинно кодификационная деятельность фактически ограничилась «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» (1845 г.).

С конца 40-х годов предпринимались попытки разработать некоторые другие уставы (военно-уголовный, уголовного и гражданского судопроизводства), но ни одно из этих начинаний довести не удалось. Необходимость внесения глубоких, существенных изменений в порядок судопроизводства в сторону буржуазных принципов понимали, по-видимому, и сами кодификаторы, а на пути буржуазных преобразований стояло крепостное право...

Помимо своей кодификационной деятельности II отделение выполняло некоторые другие, не связанные с его задачами функции. С 16 апреля 1834 г. при нем находился Рекрутский комитет. Делопроизводство этого комитета вел чиновник II отделения К.Г. Репинский, в бумагах учреждения сохранился и пространный «Очерк истории рекрутских наборов и система учреждений рекрутства в России» (1860 г.), принадлежащий перу товарища главного управляющего II отделением Д.М. Сольского⁵⁷. В 40–50-х годах II отделение нередко выполняло юрисконсультские функции, давало заключения на проекты законов.

Из своеобразного кодификационного тупика II отделение вывели лишь подготовка и проведение буржуазных реформ.

Политический сыск как важнейшая функция высшей крепостнической государственности

Среди либеральных жестов первых месяцев правления Александра I была ликвидация Тайной экспедиции 2 апреля 1801 г. Однако абсолютистская крепостническая монархия не могла оставаться без органов политического сыска. Тайная экспедиция была не упразднена, а лишь организационно децентрализована между канцеляриями местной администрации Петербурга и Москвы⁵⁸.

Вскоре вновь возникла потребность и в центральном органе политического сыска. Отправляясь в 1805 г. в армию, Александр I сказал помощнику главнокомандующего в Петербурге Е.Ф. Комаровскому: «Я желаю, чтобы учреждена была haute police (высшая полиция. – *Н. Е.*), которой мы еще не имеем и которая необходима в теперешних обстоятельствах»⁵⁹. 5 сентября 1805 г. был учрежден Особый секретный комитет, получивший

название Комитета высшей полиции. Он представлял собой межведомственное совещание по вопросам полицейского благоустройства министров юстиции и внутренних дел, а также главнокомандующего в столице. Н.Н. Новосильцев составил для комитета инструкцию, которая определила две его задачи: «а) сохранение общественного спокойствия и тишины; б) отвращение недостатков продовольствия и жизненных припасов в столице». Для осуществления этих задач комитет должен получать информацию от обер-полицеймейстера столицы (о подозрительных и приезжих лицах, слухах, скопищах, собраниях, состоянии продовольствия), министра внутренних дел (слухи, поступаемые с мест через начальников губерний), директора почт (о подозрительной переписке). Обо всем этом комитет должен информировать Комитет министров и самого императора⁶⁰. Комитет так и не приступил к деятельности, а 13 января 1807 г. вместо него был учрежден «Комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия» (по документальным материалам имел и другие названия)⁶¹. Его председателем был назначен министр юстиции П.В. Лопухин, а членами – министр внутренних дел кн. В.П. Кочубей, сенаторы – Н.Н. Новосильцев и А.С. Макаров (последний олицетворял известную преемственность комитета от политического сыска XVIII в., так как был сотрудником известного начальника Тайной экспедиции С.И. Шешковского и его преемником на этом посту)⁶². Впоследствии в состав комитета входили и другие высшие сановники России (министры полиции А.Д. Балашов, С.К. Вязьмитинов; с 1814 г. – А.А. Аракчеев).

Комитет был снабжен краткой инструкцией, составленной Н.Н. Новосильцевым. Первый пункт ее обязывал «предусматривать все то, что могут произвести враги государства, принимать сообразные меры к открытию лиц, посредством коих могут они завести внутри государства вредные связи». Сам Комитет должен был только «предписывать порядок следствий и наблюдать за производством оного», собирать сведения о подозрительных людях, о слухах, сочинениях и т. п., используя те же каналы информации, которые назывались инструкцией комитета 1805 г. (сведения от обер-полицеймейстера, директора почт и министра внутренних дел); основным источником были доносы⁶³.

Создание комитета позволило местной администрации освободиться от дел с политической окраской и даже некоторых уголовных дел, и вскоре во множестве «начинают присылать их из разных мест».

Местные администрация и полиция производили лишь полицейское дознание или краткое следствие дел, а для более глубокого

расследования те поступали в комитет, который и принимал решения, утверждаемые Александром I. Возросшее делопроизводство потребовало создания 19 февраля 1807 г. канцелярии комитета⁶⁴.

Восстановление органа политического сыска вызвало удовлетворение благонамеренных дворян и чиновников. «Слава богу, – писал чиновник С.П. Жихарев, – пора обуздать болтовню людей неблагонамеренных»⁶⁵. Комитет фактически превратился в высший следственно-судебный орган по политическим и некоторым важным уголовным делам. Основным назначением комитета были вопросы высшей политической полиции: борьба с распространением слухов о вольности крестьян, следствия по делам об оскорблении царской фамилии, пресечение распространения «вредных» сочинений, создания тайных обществ и т. п. В его ведении находились также некоторые функции контрразведки (надзор за подозрительными иностранцами, за перепиской с иностранцами). Поступали сюда и дела чисто уголовного характера, которые считалось нужным рассмотреть «без огласки», «секретно» (о взяточничестве и прочих злоупотреблениях чиновников при рекрутских наборах, в таможенных, о фальшивомонетчиках и т. п.)^{*}.

Наиболее активная деятельность комитета падает на первые четыре года его существования (1807–1810 гг.), о чем свидетельствует следующая таблица⁶⁶.

Годы	Количество дел		Количество заседаний
	поступивших	рассмотренных	
1807–1810	94	57	179
1811–1829	57	36	195

Сокращение деятельности комитета было вызвано учреждением в 1810 г. Министерства полиции, при котором делами политического сыска занималась Особенная канцелярия Министерства полиции (с 1819 г. Министерство внутренних дел)⁶⁷.

Учреждение III отделения Собственной е. и. в. канцелярии в 1826 г. окончательно подорвало комитет, который был закрыт

* Сам Перечень категорий дел Комитета 1807 г., сохранившихся в его архивном фонде (ЦГИА. Ф. 1163), опровергает заключение историка 30-х годов И.М. Троцкого о том, что этот комитет занимался «полицейским умиротворением окраин» (Жизнь Шервуда Верного. М., 1931. С. 88).

19 января 1829 г. Его деятельность в последние годы носила номинальный характер*.

Преемником дел и комитета 1807 г., и Особенной канцелярии министерств полиции и внутренних дел было знаменитое III отделение Собственной е. и. в. канцелярии, учрежденное 3 июля 1826 г.

В период следствия над декабристами начальник штаба Отдельного гвардейского корпуса ген. А.Х. Бенкендорф подал Николаю I в январе 1826 г. проект «Об устройстве высшей полиции». «События 14 декабря и страшный заговор, подготовлявший уже более 10 лет эти события, – писал он, – вполне доказывают ничтожество нашей полиции и необходимость организовать новую полицейскую власть по обдуманному плану, проведенному как можно быстрее в исполнение»⁶⁸. Бенкендорф предлагал создать новую политическую полицию, построенную по принципу «строгой централизации» и охватывавшей «все пункты империи». Это ведомство должно было, по мнению автора проекта, объединить распорядительный орган в центре (Министерство полиции) и исполнительные органы (жандармских офицеров и части) на местах, сведенные в корпус жандармов во главе с министром полиции – инспектором корпуса. Кроме сети жандармских органов на местах и специальной агентуры рекомендовалось поощрение доносов, перлюстрация писем почтмейстерами и т. п.⁶⁹

12 апреля Николай I передал проект на рассмотрение близких ему генерал-адъютантов И.И. Дибича и П.А. Толстого. Проект Бенкендорфа был положен в основу новой организации политического сыска и следствия, а также политической полиции (жандармерии). Николай I пошел дальше и нашел более удобным учредить не рядовое «Министерство полиции», а отделение высшего государственного органа – Собственной е. и. в. канцелярии.

* Так, в 1824 г. сюда не поступило ни одного дела. В 1825 г. рассматривалось лишь дело по доносу попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого министру народного просвещения А.С. Шишкову о вреде «Conversations Lexicon». Кроме петербургских книгопродавцов В. Грефа, Ш. Фе и др. к ответу по этому делу были привлечены руководитель другого органа политического сыска – Особенной канцелярии М.Я. Фок и секретари Цензурного комитета Г. Лерхе и А.Д. Гуммель (ЦГИА. Ф. 1163. Оп. XVI, 1825 г. Д. 1. Л. 776). В 1825 г. здесь рассматривалось одно дело; в 1827 г. – три, в 1828 г. – два. Это были дела, связанные с произнесением оскорбительных слов в адрес Николая I (Там же. Оп. т. XVI, 1827 г. Д. 3; 1828 г. Д. 1).

25 июня 1826 г. А.Х. Бенкендорф назначается шефом жандармов и командующим императорской главной квартирой. 3 июля Особенная канцелярия Министерства внутренних дел была преобразована в III отделение, которое возглавил Бенкендорф. Новое ведомство получило весьма широкую компетенцию, охватывающую многие стороны жизни страны; на него была возложена задача обеспечить «безопасность престола и спокойствие в государстве»⁷⁰.

Круг деятельности III отделения был очень широкий. Он включал: «1) Все распоряжения и известия по всем вообще случаям высшей полиции. 2) Сведения о числе существующих в государстве сект и расколов. 3) Известия об открытиях по фальшивым ассигнациям, монетам, штемпелям, документам и проч., коих розыскания и дальнейшее производство остаются в зависимости министров: финансов и внутренних дел. 4) Сведения подробные о всех лицах, под надзором полиции состоящих, равно и все по сему предмету расхождения. 5) Высылка и размещение людей, подозреваемых и вредных. 6) Заведование наблюдательное и хозяйственное всех мест заключения, в коих заключаются государственные преступники. 7) Все постановления и распоряжения об иностранцах. 8) Ведомости о всех без исключения происшествиях. 9) Статистически сведения, до полиции относящиеся»⁷¹.

Сравнение компетенции III отделения и Особенной канцелярии МВД показывает, что из девяти пунктов, определявших функции III отделения, (1–3, 5–7) почти дословно совпадают с перечнем функций Особенной канцелярии⁷². Первоначально не попали в ведение III отделения цензурные дела, занимавшие значительное место в делах Особенной канцелярии. Новым явился политический надзор в стране и связанные с ним активные действия (п. 4), а также сбор со всей империи фактической и статистической информации о «происшествиях» (п. 8–9). Компетенция III отделения была более глубокой и активной, она сопровождалась не только сбором информации, но и соответствующими распоряжениями.

Указ 3 июля предписывал все документы, направляемые в III отделение, адресовывать прямо на имя императора с надписанием «по III отделению». Этим подчеркивалось, что III отделение действует под руководством и от имени императора.

На заседании совета Министерства внутренних дел 5 июля 1826 г. компетенция III отделения была уточнена⁷³. Было решено также передать в его ведение секретные политические тюрьмы: Алексеевский рavelин (Петропавловская крепость), Шлиссельбургскую крепость, Суздальский Спасо-Ефимьев-

ский монастырь и Шварцгольмский дом (в Финляндии). Кроме того, было решено, что повседневными делами раскола будет заниматься Министерство внутренних дел, периодически информируя III отделение об их состоянии. Оно же должно было сообщать в III отделение и все необходимые статистические сведения. Генерал-губернаторы по всем делам, входившим в компетенцию III отделения, должны с ним сноситься. Это обстоятельство давало III отделению возможность использовать в своих целях местную полицию.

Бенкендорф 14 июля составил записку «О делении на 4 экспедиции»⁷⁴. Предметом первой экспедиции он считал высшую наблюдательную полицию – «Наблюдение за общим мнением и народным духом». Эта экспедиция считалась наиболее важной (секретной); она ведала организацией политического сыска и следствия; вела наблюдение за деятельностью революционных организаций и отдельных революционеров, общественных деятелей, деятелей культуры и литературы; осуществляла следствие по политическим делам, ссылку и заключение революционеров, общественных и прочих деятелей. В ее обязанности входило также составление ежегодных отчетов для царя, обзоров и т. п. Вторая экспедиция занималась делами, связанными с расколом и сектантством, а также должностными и уголовными преступлениями, здесь же принимались жалобы и просьбы. Этой экспедиции были подчинены вышеуказанные политические тюрьмы. Третья экспедиция наблюдала за проживающими в России иностранцами, осуществляла, таким образом, некоторые функции контрразведки. Четвертая экспедиция занималась «всеми вообще происшествиями», в том числе и крестьянскими делами. В эту экспедицию поступали сведения о жестокости помещиков, жалобы крестьян на притеснения. Здесь же собирались сведения и о других происшествиях (пожары, бандитизм и т. д.).

Для службы в III отделении Бенкендорф привлек чиновников Особенной канцелярии Министерства внутренних дел во главе с ее директором М.Я. фон Фоком. Нужно отметить, что, критикуя в своем проекте органы политической полиции, он имел в виду не «ничтожество» личных качеств чиновников, а только систему организации полиции. Первоначальный штат III отделения состоял из главного начальника А.Х. Бенкендорфа (он же шеф Корпуса жандармов), директора канцелярии М.Я. фон Фока и 18 чиновников⁷⁵. В 1828 г. в III отделении была учреждена должность цензора, на него и его помощника возлагалась театральная цензура. 23 октября 1842 г. по ходатайству Бенкендорфа учреждается пятая (цензурная) экспедиция, заведовавшая общим наблюдением за периодическими изданиями⁷⁶.

Исполнительным органом III отделения явился Корпус жандармов, созданный 23 апреля 1827 г.⁷⁷ и преобразованный 1 июля 1836 г. в Отдельный корпус жандармов^{*78}. После ген. А.Х. Бенкендорфа, прибалтийского барона и личного друга Николая I, пост-шефа жандармов с 1844 г. занимал ловкий гвардейский генерал гр. А.Ф. Орлов, а с 1856 по 1866 г. – бывший военный министр времен Крымской войны кн. В.А. Долгоруков. Ближайшими помощниками Бенкендорфа в первое десятилетие функционирования III отделения были директора его канцелярии М.Я. фон Фок (1826–1831 гг.) и Н.А. Мордвинов. Назначенный в 1835 г. на должность начальника штаба Корпуса жандармов Л.В. Дубельт принял участие в его переустройстве в 1836 г. С 25 марта 1839 г. он стал управляющим III отделения и начальником штаба Отдельного корпуса жандармов. Он занимал свои посты в течение 21 года; это был умный и жестокий деятель жандармерии, выработавший «стиль» деятельности III отделения^{**}.

Закон 28 апреля 1827 г. создал аппарат Корпуса жандармов. Главою корпуса был его шеф, при котором роль штаба играло «дежурство». Вся страна (за исключением Польши, земель Войска Донского и Сибири) была разделена на пять жандармских округов с центрами в Петербурге, Москве, Витебске, Киеве и Казани. Размеры жандармских округов были различны (от 5 губерний). Каждый округ возглавлял жандармский генерал, при котором находилось управление округа. Округа делились на «отделения» (по 1–3 губернии) во главе с жандармскими и штаб-офицерами. Жандармским генералам и штаб-офицерам подчинялись жандармские соединения. В дальнейшем число округов и их территория изменялись. После подавления польского восстания указом 27 февраля 1832 г. добавлен был округ в Царстве Польском.

* Первые жандармские части были созданы еще в 1815 г. в действующей армии; первоначально на них возлагались обязанности военной полиции: наблюдение за порядком на марше, бивуаках, борьба с мародерством и т. п. В 1817 г. жандармские части были созданы в составе Корпуса внутренней стражи (жандармские дивизионы); в 1821 г. учреждается военная полиция при Гвардейском корпусе (ЦГАОР. Ф. 109. Оп. 2. Д. 1. Л. 12–13об.; Русская старина. Т. 34. С. 217). Отдельный корпус жандармов – самостоятельное воинское соединение царской России в XIX в. с правами армии.

** А.И. Герцен считал Л.В. Дубельта «умнее всего Третьего отделения и всех трех отделений Собственной е. и. в. канцелярии» (*Герцен А.И. Сбор. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. IX. С. 57*).

Новый шаг в деле укрепления и централизации полиции был сделан 1 июля 1836 г. утверждением «Учреждения отдельного корпуса жандармов». Жандармские части были полностью переданы в ведение шефа Корпуса жандармов (до этого они в хозяйственном отношении подчинялись Корпусу внутренней стражи). «Дежурство» корпуса было заменено штабом. В местном управлении произошло перераспределение территории жандармских округов; их число возросло до семи (Петербургский, Московский, Царство Польское, Виленский, Полтавский, Казанский, Тобольский). Сеть жандармских органов стала гуще. Ликвидировано деление жандармских округов на отделения, так как в каждую губернию был назначен жандармский штаб-офицер. Значительно увеличилось число жандармских команд. 7 декабря 1837 г. учреждается восьмой жандармский округ – Кавказский.

К 1850 г. Отдельный корпус жандармов имел жандармские дивизионы в Петербурге, Москве и Варшаве, расквартированные по губерниям 126 команд, жандармский полк и лейб-гвардейский полуэскадрон в армии. Во всех этих подразделениях насчитывалось 210 штаб- и обер-офицеров и 5149 рядовых жандармских чинов⁷⁹.

Сеть жандармских органов опутала всю территорию николаевской крепостнической России. Расправившись с декабристами и учредив III отделение, Николай I отбыл в Москву на коронацию; вместе с ним выехал А.Х. Бенкендорф. С середины июля и до конца сентября 1826 г. директор канцелярии III отделения М.Я. фон Фок послал в Москву А.Х. Бенкендорфу 56 писем, информируя его о толках и настроениях в Петербурге и частично в Москве по донесениям еще немногочисленных агентов тайного надзора⁸⁰.

Уже в это время стали обнаруживаться некоторые характерные черты николаевской системы управления крепостнической Россией с крайним бюрократическим централизмом и всепроникающей организацией сыска и доносов. В письме от 24 сентября 1826 г. фон Фок сетует на то, что «критики» «сильно восстают» против принятой Николаем I системы – «все видеть самому...». «Нельзя чихнуть в доме, сделать жест, сказать слово, чтобы об этом тотчас же не узнал государь»⁸¹.

Лаконизм текста закона об учреждении III отделения 3 июля 1826 г. вызвал дополнительные «разъяснения со стороны его главного начальника. 31 августа 1826 г. Бенкендорф издал приказ всем начальникам жандармских частей доносить «обо всех происшествиях» в местах расположения жандармских частей, «о всех примечательных фактах, заслуживающих внимания», в особых конвертах «в собственные руки»⁸².

13 января 1827 г. жандармскому полковнику И.П. Бибикову и находившемуся фактически на службе III отделения поручику И.В. Шервуду («Верному»), направлявшимся на политическое обследование ряда южных городов и губерний* (места расположения 2-й армии), была дана написанная Бенкендорфом инструкция из пяти пунктов⁸³. Впоследствии инструкция была розслана по губерниям, роздана чиновникам III отделения, стала трафаретом для действий его органов.

Первый и самый главный пункт этой инструкции предписывал: «Обратить особенное внимание на могущие произойти без изъятия во всех частях управления и во всех состояниях и местах злоупотребления, беспорядок и закону противные поступки»⁸⁴. Второй пункт обязывал «наблюдать, чтобы спокойствие и права граждан не могли быть нарушены». По третьему пункту находящийся на месте жандармский чин получил право сноситься с теми местными властями, в ведении которых замечен беспорядок, «предварять их» и лишь тогда сообщать о беспорядках в III отделение, когда все жандармские «домогательства» «будут тщетны», ибо, как отмечалось в инструкции, «цель вашей должности должна быть, прежде всего, предупреждение и отстранение всякого зла».

Неопределенность и расплывчатость формулировок инструкции давали чинам Корпуса жандармов широкий административный простор, а обязательство к активным действиям делало их важным межведомственным звеном местного управления.

Вся деятельность III отделения и жандармерии обобщалась в ежегодных «отчетах о действиях» III отделения Собственной е. и. в. канцелярии и Корпуса жандармов. Годовые отчеты иногда сопровождались «нравственно-политическими» обзорами, в которых освещались вопросы политического

* Сама миссия Бибикова и Шервуда на юг России не лишена интереса. Кроме инструкции они получили более конкретное задание: выяснить, не сохранились ли во 2-й армии «остатки тайных обществ», «вникать в направление умов», выявить злоупотребления местных чиновников. На юге Бибиков и Шервуд вели себя как правые ревизоры, возбудив против себя всю местную администрацию и военные власти во главе с начальником южных военных поселений ген. И.О. де Виттом. Бенкендорф в письме к Шервуду был вынужден просить ретивых ревизоров проявлять «скромность и осторожность» (ЦГАОР. Ф. 109. 1 эксп., 1827 г. Д. 1. Л. 1–82. Оп. 3. Д. 14).

состояния России, настроения различных классов и групп населения («общественное мнение»); состояние общественного движения и т. п. Уже в первом таком обзоре за 1827 г., составленном фон Фоком, отмечалось настроение всех слоев общества, начиная с царского двора и высших сановников и кончая крепостным крестьянством⁸⁵.

Для обзоров и отчетов III отделения и Корпуса жандармов характерно деление всего населения на «довольных» и «недовольных». Так, в обзоре за 1830 г. перечислялись десять категорий «недовольных» в империи: наряду с «русскими патриотами» и литераторами здесь названы раскольники и крепостные крестьяне, которые «жаждут изменения своего положения».

Причины восстания декабристов III отделение оценивало с чисто жандармских позиций: «Отличительной чертой нашего века является его активность. Пружины правительственного механизма в большинстве случаев действовали плохо, ход дел пришел в расстройство; первые места были заняты людьми неспособными и нерадивыми; хищения и взяточничество не прекращались. Вот что породило то недовольствие, то болезненное настроение умов, которое так пагубно проявилось за эти последние два года». Рекомендованные III отделением средства исправления существующего положения не затрагивали феодально-крепостнического строя. Констатируя, что «вся Россия ждет с нетерпением перемен как в системе, так и в людях, III отделение предлагало «вновь завести машину». Ключами для этого «являются правосудие и промышленность», а для того чтобы «у каждой пружины иметь верных двигателей, надо урегулировать воспитание и образование юношества»⁸⁶. Рецепты III отделения послужили направлением для кодификационной деятельности II отделения, системы протекционизма министра финансов Е.Ф. Канкрин, реформ системы образования в 1828 и 1835 гг., «теории официальной народности», оказывали влияние на назначение министров.

Всеподданнейшие «отчеты о действиях» III отделения и Корпуса жандармов пестрят описанием крестьянских волнений в стране, содержат сообщения о роли в их подавлении жандармских чинов. Жандармские офицеры нередко становились во главе воинских команд, расправлявшихся с восставшими крестьянами, лично обращались к крестьянам с «увещеваниями», были непременно членами следственных комиссий по всем случаям крестьянских волнений⁸⁷. Если крестьяне подавали на помещика жалобу, то жандармский штаб-офицер обязан был привести их в повиновение помещику. Если такая жалоба поступала непосредственно в III отделение, на место для «успоко-

ения» крестьян посылались жандармский офицер из центра*. Высочайшее повеление 28 января узаконило эту традицию, обязав местные власти всегда назначать к следствиям о волнениях и неповиновении крестьян по любым причинам чинов Корпуса жандармов⁸⁸.

В III отделение стекалась вся информация о крестьянском движении в стране, что давало ему возможность делать соответствующие указания по борьбе с неповиновением крестьян. По указанию Бенкендорфа министр внутренних дел А.А. Закревский разослал губернаторам 6 октября и 22 декабря 1830 г. циркуляры, обязывающие «преследовать строгим образом» распространителей слухов о намерении правительства «дать крестьянам свободу» и «опровергать все толки сему не сообразные»⁸⁹.

Весьма часто в прилагаемых к отчетам «Обозрениях расположения умов и различных частей государственного управления» или «нравственно-политических» обозрениях III отделение давало свои обобщения крестьянских настроений. Во многие исторические исследования и учебники вошло «обобщение» из отчета III отделения 1839 г.** о том, что «весь дух народный направлен к одной цели – к освобождению» и что «крепостное состояние есть пороховой погреб под государством»⁹⁰. В силу классовой ограниченности авторы «нравственно-политического» обозрения за 1842 г. объясняли все волнения крестьян «следствием невежественных понятий народа»⁹¹.

Известия о революции в Западной Европе 1848 г. нашли живой отклик в переживающей глубокий внутренний кризис крепостнической России, вызвали возбуждение не только передовой общественности, но и в среде народных масс. Агенты III отделения и местные чинов жандармерии подробно информировали об этом⁹². Николай I был вынужден успокаивать встревоженных

* О формах участия чинов жандармерии в борьбе с крестьянским движением см.: Крестьянское движение 1827–1869 гг. // Под ред. И.А. Мороховец. М., 1931. Вып. 1. В 1830–1831 гг. чинов Корпуса жандармов временно назначались комендантами, полицеймейстерами и другими чинами местного управления (Красный архив. Т. 46. С. 141–145). Как отмечалось выше, все это решительно опровергает мнение современных буржуазных историков (С. Монас, П.С. Сквайр) о непричастности III отделения к крестьянскому движению.

** По-видимому, III отделение считало это «обобщение» особенно удачным, что включило его в свой отчет за 50-летие существования (Обзор деятельности III отделения Собственной е. и. в. канцелярии за 50 лет (1826–1876) // Вестник Европы. 1917. Кн. 3. С. 94).

помещиков. В речи на приеме столичных дворян 21 марта 1848 г. он заверил их в незыблемости крепостного права и земельной собственности: «Некоторые лица приписывали мне по сему предмету самые нелепые и безрассудные мысли и намерения. Я их отвергаю с негодованием...» Первый помещик и самый крупный землевладелец России заверял в том, что «вся без исключения земля принадлежит дворянину-помещику. Это вещь святая, и никто к ней прикасаться не может». В заключение он призвал помещиков к сплочению: «Будем идти дружной стопой, будем действовать единодушно, и мы будем непобедимы»⁹³.

III отделение опасалось народных волнений и в городах, в первую очередь среди рабочих и мастеровых. Для предотвращения «беспорядков» оно в 1854 г. обязало подпиской всех владельцев фабрик установить «самое строгое и неусыпное наблюдение за теми из фабричных работников, которых поведение подвержено сомнению и которые... могут быть причиной нарушения спокойствия»⁹⁴.

В период подготовки крестьянской реформы III отделение информировало Николая I о настроениях крестьян, рекомендуя правительству подавлять всякое крестьянское волнение «в самом его зародыше»⁹⁵.

Жестоко обрушивались III отделение и Корпус жандармов на всякие проявления общественно-политического движения. В первые годы деятельность III отделения была направлена на осуществление расправы над осужденными декабристами; оно ведало выбором места их заключения и ссылки, надзором за ними и членами их семей. Жандармским офицерам предписывалось установить, «не остались ли следы» этого восстания⁹⁶. И в 30–40-е годы III отделение жестоко расправлялось со всеми проявлениями общественно-политического движения⁹⁷.

Все политические процессы после восстания декабристов (за исключением дела петрашевцев) III отделение предпочло разрешать без суда. По некоторым процессам следствие вели специальные следственные комиссии, и следователями были часто члены III отделения. Следственное дело поступало к главному начальнику III отделения, который представлял по нему всеподданнейший доклад с проектом мер наказания; император утверждал доклад, внося иногда в него некоторые коррективы.

Таким внесудебным, чисто административным путем участники процессов попадали в политические тюрьмы, ссылались в административном порядке в отдаленные губернии на жительство и службу, отдавались в солдаты и т. п. Административные расправы над участниками политических дел, олицетворяя полный произвол крепостнической юстиции, импонировали Николаю I быстротой и отсутствием нежелательной огласки.

Жестокие гонения претерпела от III отделения передовая русская литература⁹⁸. Николай I и III отделение осуществляли неусыпный надзор за творчеством А.С. Пушкина⁹⁹, были организаторами его травли, а затем убийства поэта на дуэли. По выражению исследователя, «голубая, громадная, но мягкая фигура жандарма Бенкендорфа становится рядом с поэтом и неотступно, по пятам сопровождает его уже до самой могилы, преследует даже за пределами гроба»¹⁰⁰. За стихотворение «На смерть поэта» в орбиту надзора III отделения попал М.Ю. Лермонтов, за «Колыбельную песню» – Н.А. Некрасов¹⁰¹ и т. д.

Находившийся под надзором III отделения В.Г. Белинский за три месяца до смерти получил первое, а через месяц и второе приглашение от Дубельта явиться в III отделение¹⁰². Впоследствии Дубельт весьма сожалел, что смерть Белинского помешала расправиться с ним: «Мы бы его сгноили в крепости»¹⁰³. С начала 30-х годов и до самой смерти под надзором III отделения (вначале в России, а затем в эмиграции) находился А.И. Герцен¹⁰⁴. При упоминании его имени шеф жандармов приходил в бешенство и однажды высказался, что «не знает такого гадкого дерева, на котором бы его повесил»¹⁰⁵.

Ни один передовой писатель не миновал надзора III отделения. Многие из них подверглись его жестоким преследованиям. «История нашей литературы, – писал А.И. Герцен, – это или мартиролог, или реестр каторги...»¹⁰⁶ Стиль и методы допросов в III отделении изобразил в сатирической поэме «Сон Попова» А.К. Толстой. Подобные сцены в 30–50-е годы происходили наяву, о них свидетельствовали современники (А.И. Герцен, петрашевец Д.Д. Ахшарумов и др.)¹⁰⁷. Надзор за общественно-политическим движением III отделение осуществляло с помощью таких источников информации, как сообщения и доносы жандармских офицеров, представителей администрации и полиции, материалов, изъятых при обысках, «откровенных» показаний арестованных, перлюстрации писем, а также «толков и слухов».

Советский исследователь 30-х годов И.М. Троицкий считал, что внутренняя агентура III отделения была невелика и что большую часть информации оно получало из других, названных выше источников. Эту же точку зрения разделяет и П.С. Сквайр¹⁰⁸. Архивные материалы свидетельствуют, что с первых дней существования III отделение имело небольшую, но достаточно активную внутреннюю агентуру¹⁰⁹. Были привлечены также агенты предшествующих органов политического сыска. Так, на его службе находился числящийся поручиком гвардейского полка И. Шервуд (бывший агент начальника южных военных поселений де Витта и петербургского генерал-губернатора гр. М.А. Милорадовича), до-

несший Александру I о существовании тайного общества на юге. До начала 40-х годов III отделение широко использовало Шервуда на агентурной службе*. В течение нескольких лет (1831–1834 гг.) пользовалось оно и услугами другого авантюриста – Р. Медокса, провокационные доносы которого на сосланных в Сибирь декабристов и членов их семей чуть трагически не отразились на их судьбах**. В числе добровольных агентов были писатель Ф. Булгарин и публицист Н. Греч, издававшие газету «Северная пчела»¹¹⁰.

С 30-х годов III отделение имеет небольшую заграничную агентуру во Франции и Швейцарии; цель – информация русского политического сыска о настроениях и деятельности в среде польской эмиграции, русских политических эмигрантов и приезжающих из России русских общественных деятелей, об их связях с революционным движением западноевропейских стран и т. п. Политические обзоры внутреннего состояния западноевропейских государств (особенно Франции), посылаемые русскими агентами III отделения, содержали определенные сведения и чисто разведывательного характера.

Наибольшее значение среди заграничных агентов политического сыска николаевской России играл Я.Н. Толстой. По «высочайшему повелению» Николая I 29 января 1837 г. он был назначен на должность «корреспондента Министерства народного просвещения в Париже с жалованьем 3800 руб. в год, выплачиваемым из

* Специальным указом 20 августа 1826 г. Николай I в знак «благодарности и признательности» к этому «подвигу» дал Шервуду к фамилии приставку «Верный» (Русский архив. 1896. Т. 87. С. 200). Запутавшись в мошеннических аферах по делу об имуществе Баташовых, Шервуд вынужден уйти в отставку в 1842 г. Чтобы восстановить свою репутацию, он обратился 20 апреля 1843 г. к вел. кн. Михаилу Павловичу с пространым доносом, обличавшим злоупотребления властей по всей России; текст доноса Шервуда дан в приложении к книге И.М. Троицкого «Жизнь Шервуда-Верного» (М., 1931, С. 209–233). В доносе он обличал в злоупотреблениях «сильных» людей и даже... самого Дубельта. Это и решило его судьбу. Шервуд без суда был заключен в Шлиссельбургскую крепость, где и пробыл более семи лет (1844–1851 гг.) (Троицкий И.М. Указ. соч., С. 189–200; Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1951. Т. 2. С. 423–426).

** Этот опыт политической провокации III отделения оказался неудачным, и даже пристрастные к декабристам Николай I и Бенкендорф были вынуждены сознаться в обмане Медокса, который на долгие годы был заключен в Петропавловскую крепость (Штрайх С.Я. Роман Медокс – похождения русского авантюриста XIX в. М., 1929. С. 192; Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 2. С. 420–422).

III отделения¹¹¹. Вращаясь в среде французских и эмигрантских русских общественных деятелей, этот агент выступал в зарубежной печати со статьями и брошюрами, восхвалявшими николаевскую Россию, и с «опровержениями» критики в адрес Николая I.

Во второй четверти XIX в. в Западной Европе, и особенно во Франции, появилось множество записок и памфлетов иностранных путешественников и дипломатов о николаевской России¹¹². Наибольшую известность среди них получили записки французского путешественника маркиза А. де Кюстина (*Custine M. de. La Russie en 1839. Vol. 1–4. Paris, 1843; Николаевская Россия. М., 1930*), в которых автор дал острую характеристику всей крепостнической государственности России*.

Книга имела огромный резонанс в России и Западной Европе. III отделение инспирировало выход ряда брошюр для ее опровержения. Их авторами были Н.И. Греч, француз Дюэ и Я. Толстой, последний объявил де Кюстина «сумасшедшим». По-иному встретила книгу передовая Россия**.

* «Русский государственный строй, – писал он, – это строгая военная дисциплина всего гражданского управления, это перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства» (с. 60–61). Правительство России – это правительство «лжи, обмана, подкупа», подчеркивал он, при всесии и произволе чиновничества (с. 114, 115). Николая I Кюстин называл «актером» и тюремщиком (с. 71, 92). Он отметил атмосферу показного благополучия крепостнической России: «У русских есть лишь название всего, но нет ничего в действительности. Россия – страна фасадов» (с. 79). Тишину в стране он считал обманчивой и писал, что «не пройдет 50 лет», как может «вспыхнуть революция, гораздо более страшная, чем та, последствия коей Западная Европа чувствует еще до сих пор» (с. 78–79).

** А.И. Герцен писал, что «это самая занимательная и умная книга, писанная о России иностранцем» (*Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. II. С. 311*). Но при этом он отметил, что в книге «много поверхностного». Действительно, сгущая краски, Кюстин не заметил в России новых общественных явлений: передовой интеллигенции, замечательной и прогрессивной литературы, страстного желания масс к освобождению от крепостничества; резко отзывался о самом русском народе. Данная им отрицательная характеристика России использовалась впоследствии враждебной пропагандой против нашей страны. В самый разгар «холодной войны» в США появилось «исследование» некоего Б. Хупера «Кюстин и Россия – веком спустя», в котором автор проводил злобные анти-советские аналогии (*B. Hopper. Custine and Russia – A Century after // American Historical Review. Т. LVII. 1952. P. 388*).

Я. Толстой выступал и как секретный агент III отделения, информируя его о европейских событиях и русских эмигрантах. С 1837 по 1855 г. им было послано 58 донесений Бенкендорфу, 188 – Орлову, множество писем Дубельту и чиновнику особых поручений III отделения А.А. Сактынскому¹¹³. Донесения Я. Толстого в 1848 г. стали одним из наиболее важных источников информации царского правительства о революции во Франции¹¹⁴.

Задачи политического сыска за границей облегчались наличием Священного союза. Так, в феврале 1834 г. между Россией, Австрией и Пруссией было заключено соглашение о взаимном сотрудничестве в сборе сведений о политэмигрантах, о воздействии и гонениях на революционную печать¹¹⁵. Особенно благожелательно воспринял этот альянс руководитель австрийской политики гр. К. Меттерних, имевший с Бенкендорфом многолетнюю дружбу; в их переписке нередко затрагивались и вопросы политического сыска¹¹⁶.

Во время одной из встреч Бенкендорфа и Меттерниха в Теплице шеф жандармов России сообщил, что III отделение в «противодействие революционному духу, овладевшему журналистикой», отрядило в Германию одного из своих чинов, жандармского подполковника Озерецковского. Заинтересованный Меттерних попросил прислать этого чиновника в Вену, чтобы работать «соединенными силами на пользу России и Австрии и на распространение добрых монархических начал», а также «согласовать наши обоюдные меры против поляков». Вскоре Озерецковский оказался в Вене, где и был принят с большой предупредительностью¹¹⁷. От него в III отделение регулярно поступали донесения¹¹⁸. Аналогичные донесения поступали из Германии от агентов Кашинцева, Швейцара и Шнейдера (1832, 1856–1866 гг.), Кобервейна из Бухареста и пр.¹¹⁹

Определенная политическая информация поступала в III отделение и из дипломатических кругов, где она обрабатывалась и анализировалась¹²⁰.

Кроме борьбы с массовым движением и проявлениями передовой общественно-политической мысли деятельность III отделения имела и другие направления. Ежегодно в III отделение поступало до 5000 просьб и 4–10 тыс. «всеподданнейших прошений» о пересмотре решений администрации, суда, полиции, о служебных делах, восстановлении прав, жалоб на личное оскорбление, на правительственные учреждения, на членов семьи и т. п.¹²¹

III отделение уделяло определенное внимание в своих отчетах и обозрениях недостаткам государственного аппарата, в которых, в частности, давались весьма откровенные характеристики министров. Так, в обозрении за 1831 г. высказывалась похвала уму

и административным способностям министров юстиции Д.В. Дашкова и финансов Е.Ф. Канкрин, осуждалась ограниченность и мелочность министра внутренних дел гр. А.А. Закревского, открыто враждебно отзывалось о министре народного просвещения кн. К.А. Ливене и т. п.¹²² Не решалось III отделение критиковать деятельность одного из наиболее умных представителей николаевской бюрократии, сторонника различных умеренно-прогрессивных государственных мероприятий гр. П.Д. Киселева, к мнению которого прислушивался сам император Николай I. Но зато созданное по инициативе Киселева и возглавляемое им Министерство государственных имуществ было объектом почти непрерывных нападок жандармской критики, отражавшей отношение крепостников-помещиков к реформе государственной деревни. В 1837 г. только что созданное министерство обвинялось в «законосочинении», объявлялось «государством в государстве». «Ни одно учреждение, – констатировал отчет III отделения за 1841 г., – не вооружало против себя в такой степени общего мнения, как Министерство государственных имуществ». Явное удовлетворение сквозит в тех «отчетах», где перечислялись случаи волнений подведомственных этому министерству казенных крестьян¹²³.

III отделение позволяло себе делать общие нападки на бюрократию, корыстолюбие и лихоимство чиновников суда и полиции, но при этом не предлагалось никаких мер по борьбе с этими пороками государственности России¹²⁴. Упоминаемые иногда в «отчетах III отделения и Корпуса жандармов факты «пресечения» незаконных действий чиновников носили лишь эпизодический характер и не могли исключить царящего повсеместно в России произвола бюрократии. Заботясь об авторитете существующего строя, царской бюрократии, господствующего класса-сословия помещиков-дворян, III отделение само вело негласные следствия и решало без суда некоторые крупные уголовные дела о подлогах, мошенничестве и произволе представителей верхов дворянства. В их числе было дело миллионера-помещика гр. М. Потоцкого*, которому было предъявлено в разных присутственных местах России 52 уголовных дела: здесь и истязания крестьян, и своеволие с

* Финал дела гр. М. Потоцкого характерен для классового правосудия и юстиции крепостнической России. После полутора лет пребывания в Шлиссельбургской крепости в весьма комфортабельных условиях (в камере были шторы, ковры, кресла), проводя время за картежной игрой, пьянством с тюремной администрацией, Потоцкий был выпущен из крепости и определен на службу... по Министерству юстиции.

арендаторами, и ссоры с соседями, и оскорбления членов собственной семьи и т. п.¹²⁵

Все центральные и местные власти России были обязаны принимать к сведению сообщения III отделения о беспорядках, выявленных им в ведомствах и частях управления, и в свою очередь давать в III отделение любую необходимую для него информацию*.

Дошедшие до нас свидетельства даже самих жандармов¹²⁶ об их службе на местах рассеивают упорно поддерживаемую III отделением легенду о жандармерии как корпорации борцов за всеобщую справедливость, как защитнике обиженных и угнетенных**. В душной атмосфере чиновного мира, в атмосфере доносов и взаимного подсиживания деятели Корпуса жандармов оказывались сами нередко носителями всех пороков царской бюрократии, от которых в конечном счете и более всего страдали безгласные народные массы.

Границы действий III отделения были весьма неопределенными, и из сферы интересов социально-экономического и политического строя они нередко переходили в область гражданских правоотношений. Подавший Николаю I записку «Состояние государства в 1841 г.» чиновник II отделения Собственной е. и. в. канцелярии Н. Кутузов жаловался, что III отделение «кроме характера политического... вмешивается в дела гражданские и даже семейные»¹²⁷. Для скорого и эффективного разбора дел, минуя полицию и суд, в III отделение и к жандармам на местах нередко обращались с жалобами друг на друга сами члены семей¹²⁸.

Всеобъемлющий характер деятельности III отделения дал основание крупному дореволюционному историку государственного права А.Д. Градовскому сравнивать его с Комитетом минис-

* Все министры и главноуправляющие были обязаны на основании ст. 453 Устава о службе гражданской сообщать в III отделение о всех нанятых на службу в государственный аппарат лицах. Сам главный начальник III отделения гр. А.Ф. Орлов уже в начале 50-х годов признавал, что «надобности в сих уведомлениях ныне не предстоит» (ГПБ. Ф. 637. Д. 2. Л. 17).

** В недрах III отделения бытовала сентиментальная легенда о платке, который якобы вместо инструкции вручил Бенкендорфу Николай I со словами: «Утирай этим платком как можно более слез, вот моя инструкция». Даже реакционный историк-монархист Н.К. Шильдер по этому поводу писал: «Этот платок еще более оросился слезами, вызванными деятельностью нового учреждения» (Император Николай Первый. СПб., 1903. Т. 1. С. 467).

тров и отнести оба этих органа к тем учреждениям, которые давали возможность «обходить другие учреждения или обходиться без них»¹²⁹.

И все-таки при столь безгранично широкой, не определенной никакими законодательными границами компетенции выделялась самая важная функция, поставившая III отделение в ряд с аналогичными предшествующими органами абсолютной монархии в России, – это политический сыск.

Элементы социальной демагогии
крепостнической России.
Царская благотворительность и ее органы

26 октября 1828 г. из личной канцелярии императрицы Марии Федоровны (жены Павла I) было создано IV отделение Собственной е. и. в. канцелярии. Ко времени смерти Марии Федоровны (1828 г.) в ведении ее личной канцелярии находились 14 женских учебных заведений (институтов и училищ) с 1837 учащимися, главным образом дочерьми дворян, а также 25 медицинских и благотворительных заведений (петербургский и московский воспитательные дома, больницы, богадельни, инвалидные и странноприимные дома и пр.) с 43 432 «призреваемыми»¹³⁰. Все заведения личной благотворительности находились в столицах и столичных губерниях.

Передача этих учреждений в ведение особого отдела Собственной е. и. в. канцелярии была вызвана демагогическим стремлением самодержавия поддержать в условиях общего кризиса феодально-крепостнического строя в народных массах царистские настроения, веру в справедливого и милостивого царя. После передачи мариинских заведений в IV отделение личной канцелярии Николая I число подведомственных заведений стало расти. Кроме женских учебных заведений в «мариинском ведомстве» (так в среде бюрократии продолжали именовать IV отделение и подведомственные ему заведения) появились заведения мужские; возросло число больниц и других «богоугодных» заведений.

6 ноября 1843 г. в ведение IV отделения был передан преобразованный вновь в гражданское учебное заведение Царскосельский лицей; вскоре (с 1 января 1844 г.) он был переведен в Петербург и стал именоваться Александровским лицеем¹³¹; его воспитанники пополняли ряды бюрократии России. К 1853 г. число подведомственных IV отделению заведений возросло до 86 (в 1828 г. – 39), из них 48 были учебными. За некоторым исключе-

нием, заведения мариинского ведомства были небольшими. В 1853 г. в его учебных заведениях обучалось всего 13 693 ученицы и ученика; за 25 лет (1828–1853 гг.) выпущено немногим более 25 тыс. человек. В «богоугодных» заведениях этого ведомства в 1853 г. находилось 89 136 человек¹³².

Учреждение воспитательных домов было одним из элементов политики «просвещенного абсолютизма» Екатерины II. Еще в 1764 г. в Москве, а затем и в Петербурге (1770 г.) по инициативе крупного государственного деятеля И.И. Бецкого были учреждены воспитательные дома для приема незаконнорожденных детей; разрешалось принимать в них и «законных» детей от бедных родителей. При домах были открыты и родильные госпитали. Согласно составленному И.И. Бецким «генеральному плану», эти дома предназначались «для призрения и воспитания тех невинных детей, которых злосчастные, а иногда и бесчеловечные матери кидают, оставляют или, что еще злее, умертвляют»¹³³. Так, со свойственным «просвещенному абсолютизму» Екатерины II ханжеством и лицемерием игнорировались главные причины появления множества «подкидышей», уходящие корнями в нищету и бесправие народа при крепостничестве, а само явление благотворительности объяснялось как этико-нравственное.

Дома эти управлялись дворянско-чиновничьими опекунскими советами (главный попечитель и 6 опекунов в каждом)¹³⁴. В последующие годы организационное устройство как опекунских советов, так и самих воспитательных домов менялось. В 1806 г. при них были созданы повивальные училища, в 1837 г. – институты обер-офицерских сирот.

За 1764–1851 гг. в Московский воспитательный дом было принято около 315 тыс. детей; в родильных его госпиталях за это же время появилось на свет около 50 тыс. детей¹³⁵. Характерной особенностью деятельности воспитательных домов была колоссальная смертность детей. Жестокой иронией обернулась гордая надпись на фронтонах воспитательных домов: «И вы живы будете». В XVIII в. 85% всех принятых в дома детей умирали (большинство не достигнув и года)¹³⁶. Официальная отчетность первой половины XIX в. тщательно скрывала детскую смертность в воспитательных домах (в Московском воспитательном доме в 1804 г. она достигла 36,2%, в 1810 г. – 40,3, в 1819 г. – 57,01%). Даже к 1860 г. смертность составляла 25%. В Петербургском воспитательном доме до года доживало в среднем 39–40%¹³⁷. (В народе воспитательные дома называли «вошьпитательными».) Официально причины смертности объяснялись разными частными обстоятельствами (ослабленное здоровье принятых в дома или родившихся в них младенцев, малое количество кормилиц и т. п.). Дей-

ствительные причины были глубже и заключались в казенно-бюрократическом, равнодушном отношении к призреваемым детям, систематических хищениях тех ничтожных сумм, которые доходили до этих детей, в жутких бытовых условиях воспитательных домов. По первоначальному «генеральному плану» Бецкого воспитательные дома должны были содержаться на «добровольные подаяния» разных благотворителей¹³⁸. Но ввиду слабого их поступления правительству пришлось изыскивать более постоянные и надежные источники бюджета воспитательных домов. Уже в 1772 г. при опекунских советах была создана система кредитных учреждений: Вдовьи, Ссудные и Сохранные казны¹³⁹. Кредитные операции первых двух были сравнительно невелики: Вдовьи казны выплачивали своеобразный пенсион вдовам из заложенных при жизни их мужьями вкладов, ссудные казны выдавали под залог ценностей краткосрочные небольшие ссуды. Сохранные казны принимали вклады и выдавали их под залог недвижимого имущества (фабрик, каменных домов, земель), а также крепостных душ. Эти операции были довольно велики. В 1843 г. они приняли вкладов на 66,3 млн руб. И выдали 39,1 млн руб. ссуд, а в 1852 г. эти цифры соответствовали 89,4 и 38 млн руб. В Сохранных казнах в 1852 г. было заложено помещиками 5,2 млн душ крепостных крестьян¹⁴⁰. Здесь (как и у других «кредитных установлений») брало займы деньги и государство. К 1853 г. общая сумма займов помещиками и государством из банков мариинского ведомства достигла колоссальной цифры – 472,7 млн руб. Этот размах кредитных операций банков IV отделения выглядел особенно внушительно на фоне более чем скромных цифр учащих и «призреваемых» мариинского ведомства, на содержание всех заведений которого в 1853 г. было затрачено около 3,3 млн руб.¹⁴¹

Величественный фасад царской благотворительности, демагогически рекламируемой как «помощь» народу, прикрывал подлинные объекты этой благотворительности – экономическую поддержку помещиков-дворян и субсидирование крепостнического государства.

Реформа государственной деревни;
преобразование управления Кавказом

Государственные крестьяне были второй по величине категорией населения крепостнической России. Они включали черносошных крестьян северных губерний России (Олонецкой, Архангельской и Вологодской), где не было помещичьего землевладения, половников в Вологодской губернии, пашенных сибирских

крестьян, татар и ясачных людей Поволжья и Приуралья, потомков мелких служилых людей – однодворцев Полтавской, Черниговской и Харьковской губерний и некоторые другие мелкие группировки свободного от власти помещиков крестьянства. Накануне крестьянской реформы 1861 г., по данным десятой ревизии (1859 г.), в 49 губерниях Европейской России насчитывалось 59 330 тыс. жителей, в том числе помещичьих крестьян – 21 164 тыс. (35,6% населения), а государственных – лишь на 1 млн меньше – 20 050 тыс. человек (почти 34%)¹⁴².

В отношении к этим крестьянам феодально-крепостническое государство выступало как коллективный эксплуататор-феодал, который являлся полным хозяином и государственных земель, и проживающих на них крестьян, выплачивающих в пользу государства помимо налогов и феодальную ренту – оброчную подать.

В условиях крепостнического строя наряду с частновладельческим феодализмом в России существовал и государственный феодализм¹⁴³.

За XVIII и в первую треть XIX в. сменилось несколько систем управления государственными крестьянами: они находились в ведении Камер-коллегии, казенных палат, Экспедиции государственного хозяйства и, наконец, Министерства финансов. Везде государственные крестьяне рассматривались как один из источников доходов государства.

В первую половину 30-х годов XIX в. экономическое положение государственных крестьян резко ухудшилось. Падение цен на сельскохозяйственные продукты, усиление налогового бремени, холера, неурожаи и голод подорвали платежеспособность государственной деревни, и к 1836 г. за ней числились недоимки в 700 тыс. руб.¹⁴⁴ Усиливается классовая борьба государственных крестьян¹⁴⁵.

Все это толкало правительство на реформу государственной деревни как одну из частных мер, призванных укрепить крепостнический строй и его составной элемент – государственный феодализм. В 1835 г. был создан секретный «Комитет для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий»^{*}; руководящую роль в нем играли М.М. Сперанский и П.Д. Киселев. Комитет разработал программу реорганизации государственной деревни посредством так называемого бла-

* Материалы этого комитета разбросаны в отрывках в ряде фондов ЦГИА П.Д. Киселева (ф. 958) и Особенной канцелярии министра финансов по секретной части (ф. 561).

пожелательного попечительства – меры феодального государства, призванной поднять производительные силы государственных крестьян рядом хозяйственных и культурных мероприятий; предусматривалась ликвидация малоземелья, введение более равномерной системы оброка, применение агрономии, подъем крестьянского хлебопашества, рост крестьянской торговли и развитие промыслов, образование сети школ, медицинских и ветеринарных заведений. Для подготовки и проведения реформы государственных крестьян указом 29 апреля 1836 г. было учреждено V отделение Собственной е. и. в. канцелярии¹⁴⁶ во главе с генерал-адъютантом гр. П.Д. Киселевым. Дореволюционная историография в лице А.П. Заблоцкого-Десятовского, А.А. Кизеветтера, А. Корнилова и других идеализировала П.Д. Киселева, представляла его борцом за крестьянскую свободу, «предтечей великой реформы»¹⁴⁷. На общем фоне высшей крепостнической бюрократии второй четверти века П.Д. Киселев занимал особое место, был представителем ее умеренно-прогрессивной части. Не являясь сторонником освобождения крестьян, он выступал лишь против крайностей крепостничества.

Сразу же после учреждения V отделения приступило к подготовке проведения ревизии государственных имуществ. Для ревизоров была составлена подробная инструкция, охватывающая все стороны жизни государственной деревни¹⁴⁸. Начавшись в 1836 г. в четырех губерниях, ревизия вскоре охватила еще 11 губерний, а затем почти всю территорию России, кроме Закавказья и Сибири¹⁴⁹. Для подведения итогов ревизии при V отделении была в октябре 1837 г. создана специальная «Комиссия для рассмотрения ревизии государственных крестьян», которые страдали от массовых захватов их земель соседними помещиками, несли тяжелое и обременительное обложение государственными податями и повинностями. Мрачную картину управления государственными крестьянами усугубляли произвол чиновников, зависимость от полиции и казенных палат крестьянских выборных органов и т. п.¹⁵⁰

10 мая 1837 г. Киселев представил Николаю I «Предварительные соображения о преобразовании управления государственными имуществами», где предлагалось все управление ими «для достижения надлежащего успеха сосредоточить в отдельном составе», учредив особое ведомство – Министерство государственных имуществ с сетью местных органов – палат. В ведении министерства должны быть сосредоточены государственные крестьяне, свободные хлебопашцы, иностранные поселенцы, кочующие народы, а также государственные имущества (земли, леса, воды)¹⁵¹. 17 мая Николай I утвердил «Предварительные соображения», и чиновники V отделения приступили к подготовке законопроектов:

«Учреждения Министерства государственных имуществ», «Учреждения» палат государственных имуществ, окружного правления, волостного правления, сельского управления, сельских полицейского и судебного уставов, главных оснований хозяйственного устава и нормальных штатов по всему ведомству¹⁵². К июню законопроекты были изготовлены и поступили на обсуждение двух специальных комитетов. Первый из них состоял из знатоков права II отделения, министров юстиции и внутренних дел и сенаторов, а второй – из губернаторов семи губерний. Отдельные мнения дали М.М. Сперанский и Е.Ф. Канкрин¹⁵³.

29 ноября 1837 г. «Учреждение Министерства государственных имуществ» поступило уже в Государственный совет, который, исходя из предварительного утверждения проекта Николаем I, быстро одобрил его¹⁵⁴. После царской санкции 29 ноября 1837 г. «Учреждение» стало законом.

Аналогично проходили и другие проекты этой реформы, утвержденные в 1838–1841 гг.

С созданием Министерства государственных имуществ большая часть предварительной работы по составлению разных дополнительных в общей форме законопроектов проводилась в аппарате министерства, однако за V отделением сохранилось общее руководство и направление этих работ, надзор за проведением законопроектов через Комитет министров и Государственный совет. В это время разрабатывается «Положение об уравнении государственных крестьян в денежных сборах по землям и промыслам», после предварительной кадастровой работы оброчная подать и разные сборы были переведены с душевого обложения на обложение земель и промыслов. В проведении подобной финансовой меры, вызванной желанием повысить денежные поступления от государственной деревни в казну, правительство проявило большую осторожность. Николай I утвердил проект положения 12 мая 1842 г., но не в виде закона, а в форме руководства чиновникам министерства¹⁵⁵. Новая мера была введена в виде опыта только в Петербургской губернии. Проведение работ кадастровыми комиссиями вскрыло отрицательные стороны этой меры, и уже в 1843 г. «Положение» 12 мая 1842 г. было заменено новым компромиссным «Положением»: на доходы от земли и промыслов перекладывались все подати, кроме подушной¹⁵⁶.

V отделение подготовило и проект нового порядка проведения рекрутских наборов среди государственных крестьян, по которому очередная система заменялась жеребьевкой. Введенная в виде временной меры в 1838 г., она была окончательно закреплена «Положением» 9 июня 1854 г.¹⁵⁷ Эта мера несколько умерила чиновничий произвол при рекрутских наборах. Были подготов-

лены и проведены ряд проектов законов по продовольственному, школьному и медицинскому делу¹⁵⁸.

В отделении проводилась большая работа по передаче новому министерству принадлежащих ему имуществ, оброчных статей и государственных крестьян¹⁵⁹.

После введения в губерниях нового управления государственными имуществами деятельность V отделения стала ослабевать; с 1848 г. главным предметом его оказалась функция, совершенно не относящаяся до государственных крестьян и имуществ. Оно превратилось в своеобразную личную канцелярию гр. П.Д. Киселева по ведению дел тех комитетов, в которых этот министр был председателем или принимал участие в качестве члена¹⁶⁰. Подобную практику в деятельности V отделения Киселев ввел еще в 1840 г. «В V отделении Собственной вашего императорского величества канцелярии, – писал он в докладной записке Николаю I 18 декабря 1840 г., – сосредоточены особого рода дела, по которым я участвую в разных комитетах и которые по свойству своему, требуя большей частью тайны, поручены исключительно V отделению»¹⁶¹. В документальных материалах V отделения сохранились следы до 32 высших комитетов, непосредственное участие в которых принимал сам П.Д. Киселев. В 18 из этих комитетов производителем дел был управляющий V отделением В.И. Карнеев¹⁶².

Таким образом, V отделение Собственной е. и. в. канцелярии было тесно связано с системой высших комитетов России 30–40-х годов.

Во всеподданнейшем докладе 23 июня 1856 г. Киселев поставил вопрос о целесообразности существования V отделения¹⁶³. К этому времени «попечительная» политика Министерства государственных имуществ, возглавляемого П.Д. Киселевым и направляемого V отделением, потерпела полный крах. Как и большинство ведомств России, оно оказалось в кризисном тупике¹⁶⁴. 30 августа 1856 г. последовал указ о закрытии V отделения.

Оно просуществовало 20 лет. Если в первое десятилетие деятельность его была связана с подготовкой и проведением реформы государственной деревни и общим направлением попечительной политики в отношении государственных крестьян, то с 40-х годов главной его функцией стало межведомственное делопроизводственное объединение высших комитетов. В этом и заключалась причина столь длительного существования этого временного высшего учреждения.

Организация и кратковременная деятельность другого временного отделения Собственной е. и. в. канцелярии – Шестого связаны с реформой управления на Кавказе в первой половине

40-х годов. Неудачный административный эксперимент сенатора П.В. Гана, уничтоживший единым актом 10 апреля 1840 г. всю специфику кавказских учреждений, вызвал серьезные трудности в управлении Кавказом, массовое недовольство всех слоев кавказского населения. Обострение борьбы с горцами требовало более прочного устройства кавказского управления. Ревизия А.И. Чернышова и М.П. Позена подготовила материалы для новой реформы кавказского управления¹⁶⁵. О результатах ревизии было доложено Николаю I, и указом 30 августа 1842 г. учреждается особый Комитет по делам Закавказского края, а для «обработки всех предположений по устройству края» – VI отделение Собственной е. и. в. канцелярии, штат которого состоял из управляющего (статс-секретаря М.П. Позена) и 23 других лиц¹⁶⁶. Практически между комитетом и VI отделением установилась тесная связь: подготовленные особым комитетом материалы поступали для «обработки» в VI отделение, а оттуда уже по указанию Николая I – в Комитет министров, Государственный совет или Сенат. После подготовки новой формы управления на Кавказе и введения наместничества 19 февраля 1845 г. VI отделение было упразднено «по случаю окончания временным отделением порученных ему занятий»¹⁶⁷.

Поиски путей оперативности действий
государственного аппарата.

Высшие комитеты второй четверти XIX в.

В условиях крайней медлительности, скованный бюрократизмом и перегруженный мелочными вопросами законодательный механизм, а также высшие центральные учреждения уже не могли разрешать более важные вопросы законодательного и административного характера. Передвинувшиеся вследствие бюрократической централизации из низших государственных звеньев мелкие вопросы управления вытеснили из ведения высших и центральных учреждений часть общих вопросов разработки законопроектов и оперативного руководства. Для их разрешения пришлось создать еще один этаж государственного здания – высшие комитеты*. В другие периоды истории государственности России

* А.Е. Пресняков ограничил объяснение причин возникновения высших комитетов усилением личного самодержавия Николая I (*Пресняков А.Е. Россия в царствование императора Николая I // Ежемесячный журнал. 1914. № 6. С. 88*).

они существовали лишь как дополнение к системе высших и центральных государственных учреждений. Во второй четверти XIX в. высшие комитеты превратились в целую систему органов, характерных для государственности рассматриваемого периода. Это были немногочисленные, наделенные часто огромными полномочиями оперативные объединения особо доверенных Николаю I высших сановников. Среди них И.В. Васильчиков, А.Н. Голицын, М.М. Сперанский, М.А. Корф, А.И. Чернышов, А.С. Меншиков, Д.Н. Блудов, П.Д. Киселев, Е.Ф. Канкрин, Л.В. Дубельт и немногие другие лица.

Опасения правительства по поводу того, что деятельность отдельных комитетов может вызвать какие-либо «неосновательные надежды» к переменам (особенно надежды на отмену крепостного права сверху), определили их секретность. Деятельность многих высших комитетов велась в тайне и скрывалась не только от нарождавшейся дворянско-разночинной общественности, но и от рядового чиновничества. По остроумному определению Б.И. Сыромятникова, секретные комитеты Николая I были «правительственным подпольем»¹⁶⁸. В некоторых из них активное участие принимал Николай I¹⁶⁹. Такой секретный комитет «был домашним совещанием монарха с теми из его сановников, которых он назначал и призывал перед собой особо по каждому делу»¹⁷⁰. Секретные комитеты не имели своих канцелярий, и несложное делопроизводство их в форме краткой мемории или журнала велось специально приглашенным чиновником – производителем дел. После прочтения и одобрения мемории или журнала Николаем I содержание его в форме «высочайшего повеления» сообщалось в Государственный совет, Комитет министров, министерства. Деятельность большинства высших комитетов ограничивалась обсуждением вопроса по готовому законопроекту или с последующим составлением законопроекта. Часть законопроектов, подготовленных и обсужденных в таких комитетах, поступала в Государственный совет или Комитет министров, другие утверждались Николаем I, минуя эти учреждения, третьи (их было большинство) вообще не получали никакого движения, отвергались чаще всего самим императором. Характерной особенностью деятельности высших комитетов с законосовещательными функциями было осуществление их мероприятий в узком бюрократическом составе без какого-либо привлечения не только дворянской общественности, но часто и широкого слоя чиновников.

Деятельность большинства комитетов была недолговременной: от нескольких месяцев до 2–3 лет. Лишь немногие из них действовали более длительное время: Комитет 6 декабря 1826 г. –

до 1832 г.; территориальные комитеты (Первый и Второй Сибирские) – 1821–1836, 1852–1864 гг.; Кавказские комитеты – 1833–1840, 1840–1842, 1842–1882 гг.; Комитет западных губерний – 1831–1848 гг.; Комитет по делам Царства Польского – 1831–1841 гг.; национальный комитет (Еврейский) – 1840–1865 гг.

Все высшие комитеты второй четверти XIX в. можно разделить на четыре основные группы*: 1) комитеты по разработке мер по укреплению государственного аппарата и сословной организации; 2) крестьянские комитеты; 3) комитеты по проведению внутривластных мероприятий; 4) комитеты по разработке и проведению мероприятий в отношении отдельных национальных окраин и национальностей.

Наиболее значительным из всех комитетов первой группы был секретный комитет 6 декабря 1826 г., созданный для того, чтобы, как отмечалось в рескрипте на имя председателя его гр. В.П. Кочубея, «обозреть настоящее положение всех частей управления, дабы из сих соображений вывести правила к лучшему их устройству и исправлению». Значение комитета подчеркивалось тем, что его возглавлял председатель Государственного совета гр. В.П. Кочубей, а членами его были видные государственные деятели – члены Государственного совета. Еще до учреждения комитета Николай I в инструктивной записке предлагает пересмотреть и разобрать разные бумаги (записки, проекты), собранные при его предшественнике, а затем изложить свое мнение: «1) что предполагалось; 2) что есть; 3) что оставалось бы; 4) что ныне хорошо, чего оставлять нельзя и чем заменить; 5) какие материалы к сему употребить»¹⁷¹.

Комитет официально приступил к деятельности 8 декабря 1826 г. Последний 115-й журнал 173-го заседания включил заседания 2 и 9 марта 1832 г. Впрочем, в 1831–1832 гг. комитет собирался всего 7 раз¹⁷².

Материалами для деятельности комитета послужили различные источники: записки и проекты первой четверти XIX в. (планы и проекты М.М. Сперанского, В.П. Кочубея, М.А. Балугьянского, Д.А. Гурьева и других лиц), бумаги об учреждении генерал-губернаторств А.Д. Балашова. На одном из заседаний комитета (№ 29 от 27 марта 1827 г.)¹⁷³ была рассмотрена записка про-

* Признавая в целом правильную классификацию высших комитетов, данную Т.Г. Архиповой в диссертационной работе «Высшие комитеты России 2-й четверти XIX в. К истории кризиса феодально-крепостнической государственности» (М., 1970), мы считаем ее слишком дробной и даем свою.

изводителя дела Верховной следственной комиссии по делу декабристов А.Д. Боровкова под названием «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства»¹⁷⁴. Свод этот был составлен на основании допросов, писем и рукописей декабристов Г.С. Батенькова, В.И. Штейнгеля, А.А. Бестужева, П.Г. Каховского и Г.А. Перетца и других и отмечал недостатки в системе государственных учреждений – смешение функций, произвол, волокита и пр. При его рассмотрении члены комитета были вынуждены признать, что «там содержатся многие истины, на кои правительство обратило уже внимание», и сделали заключение, что следует «извлечь из сих сведений возможную пользу при будущих трудах своих»¹⁷⁵.

Комитетом были составлены проекты новых законов о Государственном совете, Судебном и Правительствующем сенатах, Комиссии прошений, об общем учреждении министерств, губерний и пр.¹⁷⁶ Эти проекты предлагали более четкое разграничение дел Государственного совета и Сената, разделение последнего на Правительствующий и Судебный, упразднение Комитета министров, учреждение Совета министров, перестройку организации министерств и местных учреждений; был составлен обширный проект «Дополнительного закона о состояниях»¹⁷⁷. В тесной связи с этими вопросами стояли в комитете крестьянский и сословный вопрос.

Кроме того, комитет занимался и некоторыми другими делами, часто не входящими в его компетенцию или имевшими к ней лишь косвенное отношение. Так, 24 апреля 1828 г. председатель и двое его членов (гр. В.П. Кочубей, гр. П.А. Толстой и кн. А.Н. Голицын) на время отъезда Николая I на театр русско-турецкой войны составили по высочайшему распоряжению своеобразное «Временное правительство» – секретную комиссию (названную вскоре комитетом). Этот комитет в течение полугода принимал от имени императора журналы и мемории Государственного совета и Комитета министров, доклады и рапорты Сената, доклады Синода, представления и донесения министров, генерал-губернаторов¹⁷⁸. На заседаниях Комитета 6 декабря был рассмотрен приговор над членами польских тайных обществ¹⁷⁹.

Созданием Комитета 6 декабря самодержавие сделало последнюю судорожную попытку укрепить дряхлую систему крепостнической государственности посредством общих ее преобразований, но во второй четверти века феодальное государство уже было не способно на такие реформы, какие оно провело в 1801–1811 гг. Оно опасалось, что любые «нововведения» приведут к последствиям, нежелательным для крепостного строя, по-

колеблют его основы в то время, когда вся политика была направлена на консервацию этого строя.

В условиях народных волнений в стране и восстания в Польше, оппозиционных настроений передовой дворянской и нарождавшейся разночинной общественности в России, революций в ряде западноевропейских стран 1830–1831 гг. николаевское правительство не мыслило отказаться ни от одного звена старой крепостнической государственной машины. При огромном размахе затронутых вопросов практический резонанс деятельности Комитета 6 декабря оказался ничтожно малым и выразился в отдельных частных мероприятиях (учреждение в 1832 г. полупривилегированной сословной группы «почетных» граждан, обособление в самостоятельный орган в 1835 г. Комиссии прошений, повышение классов «Табели о рангах» в 1845 г., дававших потомственное и личное дворянство, и др.). Под влиянием материалов комитета отдельные секретные, так называемые крестьянские комитеты подготовили частные меры по крестьянскому вопросу.

К группе высших комитетов следует отнести и те, деятельность которых была направлена к совершенствованию бюрократии (делопроизводство, штаты)¹⁸⁰, а также финансовой системы крепостнического государства (земских повинностей в 1848–1851 гг., контрольной системы в 1852–1854 гг.)¹⁸¹.

Беспокойство государства вызывал упадок помещичьего хозяйства – следствие общего кризиса крепостнического строя, рост задолженности помещичьих имений, их дробление и мельчание. Параллельно с обсуждением этих вопросов в Комитете 6 декабря в 1829 г. под председательством кн. И.В. Васильчикова действовал особый секретный комитет, обсуждавший вопрос об установлении предельности дробления мелких дворянских имений в 21 душу¹⁸².

Кризис крепостного строя и рост крестьянских волнений толкали правящие круги на поиски такого разрешения крестьянского вопроса, которое помогло бы выйти из этого кризиса без разрушения основ крепостничества. В связи с этим на всем протяжении царствования Николая I создавались из высших чиновников и секретные комитеты по крестьянскому вопросу. На заседаниях Комитета 6 декабря 1826 г. он возник при обсуждении проекта «Дополнительного закона о состояниях». Николай I 25 апреля 1827 г. предложил заняться рассмотрением вопроса о запрещении продажи крестьян без земли¹⁸³, для этого 29 июля 1829 г. был учрежден специальный комитет¹⁸⁴.

Комитет 6 декабря рассмотрел также отдельную записку М.М. Сперанского «О крепостном состоянии по Уложению», в

которой предлагались некоторые ограничения крепостничества (поощрение добровольного освобождения крестьян, уточнение крестьянских повинностей и пр.). Но и эти меры Сперанский откладывал на будущее, рекомендуя вначале заняться казенными крестьянам, что имело успех у членов комитета¹⁸⁵. С 20 апреля 1828 г. под председательством кн. А.Б. Куракина действовал комитет о реформе управления государственными крестьянами, обсуждавший проект, составленный самим Куракиным, сущность которого заключалась в необходимости переселения казенных крестьян из малоземельных губерний и превращения их в наследственных арендаторов государственных земель¹⁸⁶. Этот проект рассматривался на заседании комитета 15 января 1830 г., обсуждавшем проект «Дополнительного закона о состояниях»¹⁸⁷, но общего мнения не получил, хотя переселение крестьян было признано «полезным»; здесь же обсуждались и вопросы, связанные с помещичьими крестьянами. К основному проекту «Дополнительного закона о состояниях» прилагались проекты указа и положения о дворовых людях¹⁸⁸.

В марте 1835 г. был учрежден секретный Комитет «для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий» под председательством кн. И.В. Васильчикова. Кроме частного вопроса об управлении крестьянами имений, конфискованных у польских помещиков после восстания 1830–1831 гг., комитет должен был разработать реформу управления государственными крестьянами и подготовить мероприятия по «улучшению быта помещичьих крестьян». Члены комитета разработали план постепенного безземельного освобождения крестьян. Была рассмотрена записка министра финансов Е.Ф. Канкрин с предложением административных преобразований в управлении государственными крестьянами. Его оппонентом выступил гр. П.Д. Киселев, «предположения» которого о реформе государственной деревни были утверждены Николаем I 9 мая 1836 г.¹⁸⁹ С этого времени комитет прекратил деятельность, а вопрос о реформе государственных крестьян был передан в созданное в апреле 1835 г. V отделение.

10 ноября 1839 г. под председательством кн. И.В. Васильчикова был учрежден новый секретный «Комитет о повинностях в казенных имениях Западного края», но в действительности его деятельность была сосредоточена на обсуждении мнения А.С. Меншикова о «неудобстве» закона 1803 г. о вольных хлебопашцах, так как при применении одного «передаются крестьянам земли помещиков». Большинство комитета предлагало безземельное освобождение крестьян¹⁹⁰. В проекте «Положения об обязанных крестьянах» вопрос о наделении их землей представлялся коми-

тетом на усмотрение самих помещиков. 20 марта 1842 г. этот проект рассматривался в Государственном совете, на заседании которого Николай I заявил, что в настоящее время всякий помысел об отмене крепостного права «был бы лишь преступным посягательством на общественное спокойствие и благо государства»¹⁹¹. Государственный совет одобрил проект комитета, и указ «Об обязанных крестьянах»* был высочайше утвержден 2 апреля 1842 г.

Следующий крестьянский секретный комитет был учрежден 15 февраля 1842 г. для обсуждения записки о дворовых, представленной гр. Д.Н. Блудовым. Ввиду сильных разногласий деятельность комитета проходила безрезультатно¹⁹². Лишь другому секретному комитету, созданному по тому же вопросу и с участием самого Николая I в 1844 г., удалось добиться некоторого сдвига в этом вопросе¹⁹³.

В ноябре 1845 г. министр внутренних дел гр. Л.А. Перовский представил царю записку «Об уничтожении крепостного состояния в России»**, в которой предлагал освобождение крепостных крестьян проводить постепенно, так как, по его мнению, «внезапное объявление свободы... бесспорно могло бы произвести всеобщее возмущение». Освобождение крестьян Перовский мыслил, разумеется, безземельным, ибо помещиков нельзя лишать законной их собственности, а вознаграждение за нее было бы «слишком тягостным для правительства». Идеалом взаимоотношений помещиков и «освобожденных» крестьян Перовский считал «отношения, при коих бы помещик оставался владельцем своих земель, а крестьянин на известных условиях мог бы их обрабатывать»¹⁹⁴. В качестве предварительных мер к такому «освобождению» Перовский предлагал улучшение местного управления полицией, точное установление их прав и обязанностей в отношении к помещикам, введение инвентарий и другие подобные частные меры.

Для обсуждения этой записки 1 марта 1846 г. был учрежден очередной секретный крестьянский комитет под председательством наследника престола вел. кн. Александра Николаевича. Комитет выразил одобрение основной мысли проекта Перовского:

* За время царствования Николая I из более чем 10 млн душ крепостных «обязанными» крестьянами стали только 24 708 (*Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII – первой половине XIX в. СПб., 1888. Т. 2. С. 104).

** Краткий пересказ этой записки дается в сб. П. Бартенева «Десятилетний век» (кн. 1. М., 1872. С. 185–187). Полное ее содержание находится в фонде Рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца (ЦГАОР. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2003. Л. 4–33).

«достижение освобождения людей крепостного состояния ограничением крепостного права, незаметным для них образом, не возбуждая в народе опасных толков и не произнося даже слова “свобода” или “вольность”». Были предложены скромные меры по реализации проекта-записки Перовского: 1) «точное определение власти помещика над личностью крестьян»; 2) ограждение собственности крестьянина от «произвольных притязаний помещика»; 3) разрешение жаловаться на «злоупотребления помещичьей властью»¹⁹⁵. Несмотря на высочайшую резолюцию 21 марта 1846 г. на журнале: «Исполнить», никаких дальнейших распоряжений не последовало.

Летом 1847 г. барон М.А. Корф предложил распространить на Россию закон 1824 г., разрешавший грузинским крестьянам выкупаться на волю при продаже имений с публичного торга. Составленный для обсуждения этого предложения секретный комитет 1847 г. подготовил проект указа, утвержденного в том же году¹⁹⁶. Этот указ вызвал недовольство части провинциального дворянства, и на имя царя поступило несколько осуждавших его записок. Для их обсуждения под председательством наследника престола в 1848 г. был учрежден новый секретный комитет¹⁹⁷. Составленное им «Положение о порядке продажи имений с торгов» 1849 г. связывало право крестьян на выкуп с волей помещика. Вышедший из того же комитета указ 3 марта 1848 г. предоставлял крестьянам право согласия «своих помещиков приобретать недвижимую собственность».

Ни один из секретных крестьянских комитетов не ставил серьезно вопроса об освобождении помещичьих крестьян. Деятельность их была направлена на устранение крайностей и неудобств крепостного строя. Слухи о деятельности данных комитетов проникали в среду рядового дворянства, вызывали его недовольство, несмотря на неоднократные успокоительные заверения Николая I. При обсуждении вопроса об обязанных крестьянах в Государственном совете 30 марта 1842 г. он заявил, что хотя «крепостное право в нынешнем его положении у нас есть зло для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к нему теперь было бы делом еще более губительным»¹⁹⁸.

Революция 1848 г. в ряде стран Западной Европе и резкое увеличение крестьянских выступлений в стране* вызвали волне-

* В 1847 г. в стране было 52 крестьянских выступления, а в 1848 г. их число достигло 161 (Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг.: Сб. док. / Под ред. А.В. Предтеченского. М., 1961. С. 718).

ние и тревогу всей помещичье-дворянской России. «Все ходили озабоченные в каком-то неопределенном страхе», – писал о настроениях петербургских дворянских сфер М.А. Корф¹⁹⁹. Тревога охватила и провинциальное дворянство.

В выступлении 21 марта 1848 г. на приеме депутации столичных дворян Николай I решительно отмежевался от приписываемых ему «нелепых» и «безрассудных» мыслей и намерений по крестьянскому вопросу, подтвердив, что «вся без исключения земля принадлежит дворянину-помещику. Это вещь святая, и никто к ней прикасаться не может», – заявил он²⁰⁰.

Для окончательного успокоения и консолидации господствующего класса правительство отныне прекратило обсуждение даже частных мер по крестьянскому вопросу в секретных комитетах.

Только после окончания Крымской войны в обстановке предшествующей революционной ситуации общественного подъема правительству Александра II пришлось вернуться к крестьянскому вопросу²⁰¹.

Через 9 месяцев после известного заявления Александра II о желательности освобождения крестьян сверху²⁰², 3 января 1857 г., «для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян» был создан секретный комитет под председательством императора²⁰³. Подавляющее большинство его членов были крепостниками – противниками крестьянской реформы. Исполняющий обязанности председателя комитета в отсутствие царя кн. А.Ф. Орлов заявил, что «скорее даст отрубить... руку, чем поднимет освобождение крестьян с землей»²⁰⁴. При таком составе деятельность комитета носила вялый и безжизненный характер и напоминала николаевские крестьянские секретные комитеты 30–40-х годов. На первом же заседании комитета хотя признавалась необходимость освобождения крепостных крестьян, но «без крутых и резких поворотов, по плану, тщательно и зрело во всех подробностях обдуманному». Практическое претворение вопроса об отмене крепостного права отодвигалось на неопределенный срок, что и было отражено в представленном Александру II плане проведения реформы, утвержденном им 18 августа 1857 г.²⁰⁵

Правительство не могло решиться на какие-то конкретные действия по крестьянскому делу без участия самих помещиков. В условиях роста крестьянских волнений, крайней нервозности самих помещиков правительству пришлось отказать от традиционных для секретных комитетов 30–40-х годов форм деятельности, заключавшихся в спокойной и неторопливой работе комитета при пассивном неведении или полуведении дворянского сосло-

вия. Правительству удалось добиться согласия дворянства ряда губерний приступить к разработке проектов отмены крепостного права, а также публикации рескриптов на имя виленского генерал-губернатора В.И. Назимова (20 ноября 1857 г.) и петербургского – гр. П.Н. Игнатъева (5 декабря 1857 г.), в которых разрешалось дворянству литовских и Петербургской губерний создавать дворянские комитеты. Вскоре они стали создаваться во всех губерниях, где было поместное землевладение. Правительству пришлось сделать подготовку крестьянской реформы предметом гласности. 21 февраля 1858 г. секретный комитет был переименован в Главный комитет по крестьянскому делу²⁰⁶. С этого времени подготовка крестьянской реформы проходит новую фазу. Этот этап относится уже к другому историческому периоду.

Третью группу высших комитетов составляли комитеты по проведению внутривластных мероприятий. К этой группе следует отнести высшие секретные комитеты по расколу, действовавшие в контакте с Синодом, а также высшие секретные цензурные комитеты, возникшие в 1848 г.

Революция 1848 г. в Западной Европе, напряженное внутреннее положение в самой России обратили пристальное внимание правительства на состояние цензуры, которая не удовлетворяла верховную власть. В специальной записке на имя царя 22 февраля 1848 г. начальник Главного морского штаба и член многих секретных комитетов кн. А.С. Меншиков писал, что в России «идет подкопная работа либерализма» в двух направлениях: «в преподавании наук и в направлении журналистики»²⁰⁷. Почти одновременно, 24 февраля, статс-секретарь М.А. Корф обратился к наследнику престола вел. кн. Александру Николаевичу с запиской, где отмечал «необходимость всячески охранять низшие классы от вторжения таких идей, которые могли бы влить в них... восприимчивость к злонамеренным политическим внушениям», и призывал «обратить внимание на журналистику, которая, в случае ложного или не довольно осмотрительного направления ее, может произвести самые гибельные последствия». Он предлагал увеличить не только число цензоров, но и усилить цензурные репрессии²⁰⁸. 27 февраля на докладе шефа жандармов А.Ф. Орлова Николай I наложил следующую резолюцию: «Необходимо составить особый комитет, чтобы рассмотреть, правильно ли действует цензура и издаваемые журналы соблюдают ли данные каждому программы. Комитету донести мне с доказательствами, где найдены какие упущения цензуры и ее начальства, то есть Министерства народного просвещения, и которые журналы и в чем вышли из своей программы»²⁰⁹. Во главе этого секретного комитета по экстренной ревизии состояния цензуры был по-

ставлен кн. А.С. Меншиков. (Современники, а впоследствии и исследователи именовали этот комитет меншиковским.) Членами комитета были М.А. Корф, бывший министр внутренних дел ген.-ад. гр. А.Г. Строганов, директор Публичной библиотеки Д.П. Бутурлин, управляющий III отделением Л.В. Дубельт и статс-секретарь П.И. Дегай. Комитет имел пять заседаний. На первом – 4 марта 1848 г.²¹⁰ – был произведен тщательный просмотр всего, что издано в первые два месяца 1848 г., замечания обобщены в особом журнале на высочайшее имя. По личному указанию Николая I на одно из заседаний комитета были приглашены редакторы столичных журналов, которых предупредили, что «за напечатание либеральных и коммунистических статей они подвергаются личным взысканиям, независимо от ответственности цензуры»²¹¹.

На основании выводов этого комитета 2 апреля 1848 г. был учрежден постоянный комитет; современниками и историками он именовался комитетом 2 апреля 1848 г. или бутурлинским комитетом (по имени первого председателя Д.П. Бутурлина)*. Неизменно в составе комитета были статс-секретари М.А. Корф и П.И. Дегай, в распоряжении которых находилось несколько помощников – членов комитета. Николай I считал комитет своим личным учреждением. «Цензурные установления, – внушал он Бутурлину, – остаются все как были; но вы будете – я, т. е. как самому мне некогда читать все произведения литературы, то вы станете делать это за меня и доносить мне о ваших замечаниях, а потом мое уже дело будет расправляться с виноватыми»²¹².

С учреждением Комитета 2 апреля наряду с обычной предварительной цензурой в лице цензоров Министерства народного просвещения, ведомственных цензур и даже цензуры III отделения появилась карательная цензура, подвергавшая рассмотрению уже напечатанное и привлекавшая к ответственности не только авторов и редакторов, но и цензоров.

Весь материал для просмотра делился между членами и их помощниками. Так, Бутурлин просматривал журналы «Сын отечества», «Современник», «Академические ведомости», «Русский инвалид» и «Journal de St.-Petersbourg»; Дегай – «Библиотеку для чтения», «Северное обозрение», журналы министерств: государственных имуществ, внутренних дел, народного просвещения,

* Д.П. Бутурлин был недолго председателем комитета (он умер 18 октября 1849 г.); его заменил ген.-ад. Н.Н. Анненков, а с 20 марта 1853 г. и до конца существования комитета (1855 г.) председателем был М.А. Корф.

а также «Земледельческую газету»; Корф – «Москвитянин», «Литературную газету», «Отечественные записки», «Северную пчелу» и «Полицейскую газету». К 10-му числу каждого месяца ими составлялись специальные ведомости с замечаниями, которые представлялись на рассмотрение всего комитета. Подписанный членами комитета журнал председатель представлял Николаю I, и после высочайшего утверждения решения комитета доводились до сведения соответствующего министерства²¹³.

За почти 8 лет своего существования, со 2 апреля 1848 по 1 января 1856 г., комитет просмотрел 10 214 книг, 5573 номера журналов, 56 112 номеров газет, 9116 литографированных записок²¹⁴. Эта деятельность комитета была обобщена в 295 журналах и в ежегодных отчетах. Время деятельности Комитета 2 апреля получило у современников наименование «эпохи цензурного террора». Уже 1 декабря 1848 г. А.В. Никитенко констатировал, что комитет «действует так, что становится невозможным что бы то ни было писать и печатать»²¹⁵.

Его упразднение было вызвано полным кризисом цензуры, неспособной обуздать проявление недовольства существующими порядками. В докладной записке от 3 декабря 1855 г. по поводу закрытия комитета его последний председатель М.А. Корф* был вынужден признать, что из-за цензурных репрессий этого органа чрезвычайно распространилась «рукописная литература, гораздо более опасная, ибо она читалась с жадностью и против нее бессильны все полицейские меры»²¹⁶. После упразднения комитета дела «высшей цензуры» были сосредоточены в III отделении²¹⁷.

Созданием в 1848 г. высших секретных комитетов для надзора за состоянием густой сети цензурных органов абсолютная монархия крепостнической России выразила недоверие к деятельности одного из звеньев собственного карательного аппарата. Эта попытка повысить эффективность цензурной деятельности в условиях общего кризиса крепостного строя оказалась безрезультатной.

Четвертую группу составляли высшие комитеты по управлению отдельными национальными окраинами и национальностями.

* В своих воспоминаниях М.А. Корф, охарактеризовав Комитет 2 апреля как «род нароста в нашей администрации», тем не менее считал, что он «принес большую и существенную пользу», особенно в первые годы своего существования (Русская старина. 1900. Т. 101. С. 573).

Осуществление политики эксплуатации и национального угнетения нерусских народов окраин России требовало от царизма иных, чем в центральных, так называемых великорусских губерниях, методов управления, а следовательно, и иной организации управления каждой окраиной, исходя из конкретных местных задач государственности²¹⁸. Эта специфика управления каждой окраиной вынуждала представлять местной администрации значительную самостоятельность, поощрять ее оперативную деятельность. Создание во второй четверти XIX в. высших комитетов по управлению отдельными национальными окраинами явилось известным компромиссом между окраинной автономией и централизаторскими тенденциями абсолютизма. Вынужденная сохранять автономию управления отдельными национальными окраинами, даже подчеркивать особенности законов для этих окраин, верховная власть ставила действия местных властей каждой из них под известный надзор соответствующего высшего комитета. Оба Сибирских комитета (1821–1838 и 1852–1864 гг.)²¹⁹ и действовавший под разными названиями Кавказский комитет (1840–1882 гг.)²²⁰ учреждались для разработки введения на окраинах нового управления и являлись там органами высшего управления, надзора за местной администрацией. Они нередко выполняли также законосовещательные функции по обсуждению различных законопроектов, связанных с управлением окраин. Почти одновременно в 1831 г. были созданы Комитет по делам Царства Польского и Комитет западных губерний, которые проводили мероприятия, связанные с подавлением польского восстания, как на территории самого «Царства», так и прилегавших к нему западных губерний Литвы, Украины и Белоруссии. Деятельность остзейских комитетов (1828–1831, 1849–1850 гг.) была в свою очередь направлена на укрепление позиций прибалтийских и немецких дворян, верных слуг самодержавия²²¹.

На протяжении всей первой половины XIX в. (с 1806 г.) в стране действовало несколько еврейских комитетов, которые рассматривали различные вопросы по уточнению черты оседлости, сословным правам евреев, вопросам еврейской религии и школ.

* * *

Углубление кризиса феодально-крепостнического строя во вторую четверть XIX в. вызвало необыкновенное усиление бюрократического централизма, выполнявшего роль тормоза, с помощью которого государственная машина крепостнической России пыталась замедлить и сковать те глубинные внутренние процес-

сы развития страны, которые неминуемо толкали ее в сторону буржуазных реформ.

Вершиной этого до крайности централизованного государственного аппарата был сам носитель самодержавной власти – император, а важнейшими порождениями – необыкновенно возросшее значение Собственной е. и. в. канцелярии и создание целой систем высших государственных органов – секретных и несекретных комитетов.

Из личной канцелярии самодержавного монарха Собственная е. и. в. канцелярия превратилась в наиболее близко стоящий к нему правительственный орган, наделенный самыми широкими полномочиями и увенчавший вершину государственной пирамиды крепостнической империи. Ее организационное устройство отражало круг основных вопросов, вызывавших личное внимание самодержца. Несмотря на то что все шесть отделений Собственной е. и. в. канцелярии представляли собой фактически самостоятельные высшие государственные учреждения, между ними существовала глубокая внутренняя связь.

I отделение собирало обширнейшую информацию о состоянии государства и его аппарата, через него абсолютный монарх осуществлял одну из важнейших своих прерогатив – заведование кадрами высшей бюрократии. Проводимая II отделением кодификация была призвана юридически закрепить основы государственного и общественного строя крепостнической самодержавной России.

Рассыпанную и децентрализованную систему политического сыска России в первую четверть века заменил до пределов централизованный и всепроникающий политический сыск III отделения и его вспомогательного аппарата – Отдельного корпуса жандармов. Через сеть жандармских органов и секретную агентуру III отделение собирало и обобщало политическую информацию не только о России, но и о русской зарубежной эмиграции, о политическом состоянии западноевропейских стран, признаваемых жандармским ведомством России очагами революционной «заразы». В борьбе с общеевропейским революционным движением органы политического сыска реакционных монархических режимов Австрии, Пруссии и России в 30–40-е годы XIX в. действовали нередко в полном контакте, сливаясь в некий международный политический сыск.

Круг ведения других отделений Собственной е. и. в. канцелярии был более узким, но их существование также отражало насущные нужды крепостнической монархии: поддержание через царскую благотворительность царистских настроений в условиях нарастания классовой борьбы крепостного крестьянства

(IV отделение); подновление «государственного феодализма» путем подготовки и проведения реформы государственной деревни (V отделение) и реформа управления одной из самых сложных и беспокойных национальных окраин России на Кавказе (VI отделение).

Другим порождением бюрократического централизма явились высшие комитеты второй четверти XIX в., составленные из узкого круга представителей высшей бюрократии. Большинство этих комитетов стали необходимым звеном законодательного механизма по разработке и обсуждению в узком кругу высших сановников (часто секретно) проектов законов по совершенствованию государственной машины, сословного строя и крепостного строя. Группа высших комитетов, осуществляя функции высшей администрации и надзора в отношении некоторых окраин, стремилась преодолеть децентрализаторские тенденции местного управления окраинами. Некоторые высшие комитеты (2 апреля 1848 г., по делам раскола и др.) объединяли, направляли и контролировали действия отдельных звеньев карательной системы крепостнического государства. Обязанные своим появлением системе бюрократического централизма, высшие комитеты стремились преодолеть основной недостаток этой крайней централизации – медлительность и неоперативность механизма законодательства и высшего управления.

Общий кризис всей крепостнической системы отразился и на ее высшей государственности. Деятельность высших комитетов в области укрепления государственного и общественного строя крепостнической России оказалась бесплодной. Судорожные усилия всей высшей государственности (в том числе и Собственной е. и. в. канцелярии) не могли остановить или затормозить общего хода экономического развития страны, пресечь разраставшееся недовольство масс крепостничеством.

Становление министерского начала
в дореформенном центральном
управлении.

Возникновение ведомств

В условиях усиления классовой борьбы и общего усложнения задач государства к началу XIX в. необходимы были новые формы более гибкого и оперативного центрального управления. Старая коллегиальная система управления с разросшимся и лишённым единообразия устройством, нечеткими функциями и путанными сложными порядком и формами делопроизводства не удовлетворяла государственным задачам уже в 60–70-е годы XVIII в., что и было одной из причин местных реформ 1775–1785 гг.

Министерская система управления, основанная на принципе единоначалия, созревала уже в недрах коллегиальной системы.

Местная реформа 1775 г. и связанное с ней значительное расширение прав и компетенции местных чиновников и учреждений вызвали упразднение большинства коллегий, контор и канцелярий. Их исполнительные дела передавались местным учреждениям. Для общего руководства отдельными отраслями управления в составе Сената были учреждены экспедиции, куда вошли штатные казначейства и казначейства остаточных сумм. В Сенате все эти учреждения подчинялись не его департаментам, а единому начальнику – генерал-прокурору; в его же ведении находились также Почтовый департамент, Ассигнационный банк и формально Тайная экспедиция. Таким образом, генерал-прокурор превратился в своеобразного министра внутренних дел, юстиции, финансов, государственного казначейства и государственного контроля¹.

Усиление централизаторских тенденций государства в конце XVIII в. вызвало восстановление некоторых коллегий. Однако во главе их были поставлены «главные директора», которые не входили в состав коллегий, но имели над ними ряд распорядительных прав, в частности право личного доклада Павлу I по делам коллегий и объявления царских «повелений». Директорами

возглавлялись функционировавшие на правах самостоятельных учреждений Департамент водяных коммуникаций, созданный в 1798 г., а также Почтовый департамент. В 1797 г. казначейские экспедиции Сената были выделены из ведения генерал-прокурора и подчинены главному казначею гр. А.И. Васильеву. В это же время появились и первые должности министров: Департамент уделов возглавил министр кн. А.Б. Куракин (в 1798 г. его сменил гр. Н.П. Румянцев); с осени 1800 г. во главе Коммерц-коллегии был поставлен министр коммерции кн. Г.П. Гагарин*.

На рубеже XVIII и XIX вв. пересматривалась и традиционная схема ведомств. Незадолго до учреждения министерств была сделана попытка централизовать руководство экономикой страны. 4 марта 1797 г. при Сенате была учреждена «Экспедиция государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства», перед которой ставились следующие задачи: общая включала вопросы государственного хозяйства, частная – управление иностранными поселенцами в России (их переселение, хозяйственное обзаведение и пр.). В одновременно утвержденной записке генерал-прокурора кн. А.Б. Куракина «Об обязанностях Экспедиции» давалась расшифровка основного направления ее деятельности, заключавшейся в «изыскании надежных и полезных средств для приведения в лучшее состояние земледелия, ремесел, художеств, разных изделий, фабрик, заводов и вообще всего, что касается до настоящих выгод государственных по внутренней и внешней торговле».

Столь широким обязанностям экспедиции, превратившим ее в основной орган по руководству всей экономикой России, явно не соответствовал скромный штат: два сенатора, четыре члена и несколько канцелярских служащих. В течение 1797–1798 гг. ее компетенция возросла еще более: в ведение экспедиции попали вопросы определения причин дороговизны продуктов, заведение государственными лесами и др.

Практически деятельность Экспедиции государственного хозяйства ограничивалась лишь отдельными частными хозяйственно-административными мерами. В области забот об улучшении земледелия это выразилось в создании первой в России «Школы практического земледелия» в Павловске; были приняты также некоторые весьма скромные меры в области заведения в

* По словам Г.Р. Державина, президент Коммерц-коллегии «остался как рогожное чучело, которое будут набивать бумагами», а роль «головы, рук, ног, действующих коммерцией», выполнял министр (*Державин Г.Р. Соч. М., 1860. Т. VI. С. 410*).

России новых культур и в улучшении пород скота; несколько упорядочено управление государственными лесами. В ее ведении оказались запасные хлебные магазины (существовавшие еще в 60-х годах XVIII в.), оказавшиеся к концу века совершенно безнадзорными. Экспедиция предписала открыть при каждом сельском приказе запасной хлебный магазин и строго регламентировала обязательные поступления в них хлеба от государственных крестьян².

Чрезмерная широта и неконкретность поставленных правительством задач, явная недостаточность денежных средств и кадров к исполнению этих задач определили весьма скромное значение Экспедиции государственного хозяйства в огромном аппарате Сената. Большинство полезных начинаний этого учреждения в начале XIX в. заглохло. Ограниченная деятельность Экспедиции государственного хозяйства имела и более глубокие причины. На рубеже столетий крепостническое государство не было способно осуществлять хозяйственно-организационные функции. Имея весьма ограниченный диапазон претворения в жизнь полезных начинаний, Экспедиция колебалась между проекционистской политикой покровительства и поощрения в области народного хозяйства и чисто полицейскими мерами ограничения, пресечения, запрета.

На рубеже XVIII и XIX вв. потребность в новой форме центрального управления стала особенно ощутимой. В записке, поданной Александру I 28 марта 1806 г., министр внутренних дел В.П. Кочубей пояснял, что идея министерств возникла, «когда, с течением времени, расширение народного труда, приумножение богатства, успехи промышленности и просвещения потребовали большей попечительности со стороны правительства, когда признано было нужным точнее означить для каждой части пределы ее и образ ее действия, когда все неудобства бывшего тогда управления скоро и почти вдруг обнаружались. Одни жаловались на самовластие генерал-прокурора, другие – на бездействие Сената, генерал-прокурор сам жаловался на множество дел и недостаток единства. Все изъясняют они неудобства по своему образу мыслей... и все искали и ожидали исправления»³.

Павел I лично составил записку «Об устройстве разных частей государственного управления» – проект разделения всего центрального управления на семь «главных департаментов»: юстиции, «финанции», военный, иностранный, морской, коммерции и казны; каждый департамент возглавлялся министром, который был обязан сноситься с императором через его кабинет или государеву канцелярию. Между состоявшими в этом кабинете генерал-адъютантом и шестью секретарями (адъютантами) и

распределены были все семь департаментов. Министр департамента ежедневно вечером передавал в канцелярию или кабинет дела в запечатанном конверте на имя императора, а в день личного приема получал через канцелярию «высочайшие повеления». Некоторые дела министры могли выносить на рассмотрение своего министерского совета⁴. Записка эта была составлена, без сомнения, под влиянием конституционного проекта воспитателя царя гр. Н.И. Панина, выраженного в форме «бесед» с наследником престола еще в 80-е годы⁵. Отказавшись от конституционной части этого проекта, Павел I использовал частично материал «второй беседы», касавшейся учреждения «департаментов» во главе с министрами.

Таким образом, уже в конце XVIII в. созрел проект реорганизации коллегий. Возглавляемые министрами департаменты, непосредственно подчиненные императору через его канцелярии, вполне отвечали крайним централизаторским тенденциям управления. Однако элементы единоначалия в коллегиальной системе конца XVIII – начала XIX в. не следует преувеличивать. Нельзя согласиться с мнением А.В. Предтеченского, писавшего, что к началу правления Александра I «единоличное управление в центральных административных учреждениях сделалось обычным» и что к этому времени «министерский порядок установился прочно»⁶. И директора над коллегиями, а затем министры коллегий и департаментов конца XVIII в. были вынуждены считаться с мнением членов коллегий и наличием коллежского делопроизводства. Структурные части коллегии – экспедиции должны были представлять свои соображения по делам на утверждение общего собрания коллегии. Даже министр коммерции не мог отменить решения общего собрания коллегии; о своем несогласии с тем или иным решением министр должен был доложить императору.

Перестройка центрального управления России в начале XIX в. проходила не без влияния удачного опыта учреждения министерств во Франции по конституции 1799 г. Бюрократическая соподчиненность должностных лиц, оперативность их деятельности и четкость организации и делопроизводства министерств больше отвечали в начале XIX в. интересам абсолютистского крепостнического государства, чем устаревшие и медлительные коллегии. Реорганизация центральных органов управления диктовалась также необходимостью большей оперативности в руководстве губернаторами, оказавшимися в условиях массового крестьянского движения в конце XVIII в. фактически в состоянии полуизоляции от центрального руководства (как подтвердили сенаторские ревизии 1799–1800 г.⁷).

В числе административных реформ, подготовленных Негласным комитетом, была и министерская реформа, ее обсуждение проходило на девяти заседаниях (с 10 февраля 1802 г.)⁸. Член Негласного комитета В.П. Кочубей подал «записку», в которой предлагал закрыть коллегии и учредить по французскому образцу министерские канцелярии (*bureaux des ministres*). Однако такие решительные меры Александр I не поддержал, он заявил, что «нельзя... в раз уничтожить всю эту старую форму, но достаточно, может быть, подчинить коллегии различным министерствам и затем, когда опыт покажет бесполезность этих учреждений, тогда уничтожить их»⁹. Это высказывание отражало осторожное отношение части коллежской бюрократии к переменам и предредило половинчатость и незавершенность министерской реформы 1802 г.

Проект учреждения министерств¹⁰, составленный Н.Н. Новосильцевым, обсуждался на заседаниях Негласного комитета 11 и 21 апреля 1802 г.¹¹ Затронуты были лишь детали проекта: вопрос о делах, превышавших власть министров, о министерских отчетах, отношениях министерств к Сенату и Комитету министров. Задержка в утверждении этой реформы почти на полгода объясняется трудностями установления взаимоотношений министров с этими высшими государственными органами.

Манифест 8 сентября 1802 г. «Об учреждении министерств» фактически учредил лишь должности восьми министров (военно-сухопутных сил, морских сил, иностранных дел, юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции, народного просвещения), распределив между ними действующие тогда коллегии и их обломки. В одних случаях в состав министерства вошла одна коллегия (военная, адмиралтейская, коммерции), в других – по нескольку коллегий (внутренних дел – до шести, финансов – пять). Пункт IX манифеста устанавливал довольно сложные отношения министерства с подчиненными ему коллегияльными органами; каждое из них обязано посылать министру еженедельные мемории о текущих делах, а в затруднительных или требующих быстрого решения делах – представления. Министр, «сообравив всякое дело с пользою и выгодами всех частей ему вверенных», делает свои замечания, а на представлении дает ответы, сообщая свои предложения. Если коллегия не согласна с этими замечаниями, то представляет министру свои рассуждения. И если все-таки, несмотря на вторичное представление коллегии, министр будет настаивать на своем, только тогда «чинится исполнение». Таким образом, министры не вмешивались в текущие дела коллегий и лишь в наиболее важных делах выступали как ускорители течения дел, разрешая их под свою ответственность. Сле-

дующие пункты (X–XI) обязывали министра в случаях, превышавших его власть, обращаться с докладом к императору, предварительно согласовав этот доклад с прочими министрами «для надлежащего соображения со всеми государственными частями».

Министры являлись членами Непременного совета и обязаны были присутствовать в Сенате. Каждый министр в конце года подавал императору через Сенат письменный отчет. После его рассмотрения в Сенате император получал специальный доклад об управлении и состоянии дел в министерстве.

Манифестом учреждалась и должность товарища министра, а сами министры обязывались в течение трех месяцев «заняться образованием» своей канцелярии. С начала 1803 г. такие канцелярии при министрах (иногда называемые «департаментами») стали возникать; они служили связующим звеном каждого министра с аппаратом министерства.

Смещение двух начал в системе управления порождало медленность в разрешении дел, множество излишних форм, путанность делопроизводства; сохранялись и такие недостатки коллежского устройства, как нечеткость в разделении дел, известный параллелизм отдельных коллегий и т. п. В докладе на высочайшее имя в июне 1803 г. министр внутренних дел гр. В.П. Кочубей (автором доклада был чиновник министерства М.М. Сперанский) сообщал: «Министр, действуя в коллегии как главный директор, не может иначе управлять ею, как только внешним образом, т. е. он должен получать от нее мемории о делах текущих, рассматривать ее представления, давать на них предложения, составлять доклады, предписывать по ним исполнения – сколько изменений и ничего в себе существенного не заключающей переписки! Он должен иметь для каждой коллегии свою канцелярию и свой архив, и все сие для того, чтоб сказать ей свою резолюцию или объявить свой указ! Сие вводит министра в бесполезные подробности, развлекает внимание, отнимает время и средства обозреть их в совокупности»¹². Кочубей предлагал ликвидировать коллегиальные учреждения, учредить департаменты уже не как канцелярии, а придать им функции коллегий, но построенных по принципу единоначалия. 18 июля 1803 г. Александр I утвердил этот доклад, положив тем начало введению последовательного единоначалия в аппарате министерств.

Манифест 8 сентября 1802 г. ознаменовал собой лишь первый, начальный этап министерской реформы. В последующие годы в среде бюрократии России вокруг министерств кипели страсти сторонников и противников реформы. Сторонники министерств настаивали на ее завершении и критиковали, как и В.П. Кочубей, существующую министерскую организацию за ее

непоследовательность и компромиссность. Противники министерств считали их учреждение ошибкой, критиковали министерскую организацию за безответственность министров, якобы большой бюрократизм и канцелярщину. Так, крупный представитель коллегиальной бюрократии XVIII в. Д.П. Трощинский, министр уделов, главный директор почт и заведующий канцелярией потерявшего свое значение Непременного совета, написал в 1803 г. большую записку, в которой идеализировал коллежские порядки и пытался доказать неудобство для России министерской организации. «Отличительным свойством коллежского обряда, – писал он, – есть то, что действия всех и каждого подчинены единообразной методической форме, которая, не представляя ничего на произвол, ручательствует в исполнении законов, облегчает самое исполнение и служит основанием к определению ответственности». Он сетовал, что манифестом 1802 г. «на место коллежского, т. е. правильного товарищеского, управления введено управление канцелярское, т. е. произвольное и единоличное, или форма такого управления, в котором каждое обстоятельство дела зависит от произвольного суждения и одного человека»¹³.

Ознакомившись с отчетами Министерства внутренних дел за первые три года (1803–1805 гг.), гр. С.Р. Воронцов в письме к министру гр. В.П. Кочубею писал о том, что поскольку с учреждением министерств губернаторы отчитываются по распорядительным делам перед министром внутренних дел, а по судебным – перед министром юстиции, то этот порядок «уничтожает Сенат – ему нечего больше делать и не за чем надзирать». Отсутствие же надзора со стороны Сената порождает «министерский деспотизм», заключал Воронцов, непочтительно сравнивая министров России с министрами восточных деспотий¹⁴. О безответственности министров писал и Н.М. Карамзин¹⁵. Противники министерств были и среди среднего звена чиновничества. Ф.Ф. Вигель подводил под свои взгляды даже определенную юридическую базу: «Кажется, простой рассудок в самодержавных государственных указах указывает на необходимость коллегиального управления. Там, где верховная неограниченная власть находится в одних руках и глас народа через представителей его не может до нее доходить, власть главных правительственных лиц должна быть умеряема совещательными сословиями, составленными из мужей более или менее опытных»¹⁶.

С другой стороны, известное неудовлетворение компромиссной реформой 8 сентября 1802 г. выражали и сторонники министерств. Манифест 1802 г. не устанавливал четкого разделения дел между министерствами, не определял прав и обязанностей министров, общих основ министерской организации. «Беспо-

рядок и смешение, при личных взаимных недоразумениях, доходили до крайности», – вспоминал впоследствии М.М. Сперанский в пермском письме к Александру I¹⁷. Не удовлетворившись введением единоначалия в Министерстве внутренних дел, Кочубей подал Александру I 28 марта 1806 г. еще одну записку в защиту министерств¹⁸. Выражая определенное недовольство существующим положением министров, он высказывал необходимость введения для министерств трех «главных свойств»: единства и скорости действия, ответственности министров и «общего всех частей соображения». Под последним он понимал установление большей четкости отношения министров к Сенату, Комитету министров, Непременному совету, местному управлению, а также взаимоотношений министров между собой. Выдвигая положение об ответственности министров, Кочубей требовал «доверенности к министрам», жаловался на явный недостаток власти у министров, поскольку «ни один министр не может дать никаким его делам существенного разрешения. В делах самых ничтожных и мелочных он должен объявлять именные высочайшие повеления»¹⁹.

Основные мысли и даже формулировки этой части записки Кочубея 1806 г. совпадают с разделом о министерствах «Введения к уложению государственных законов» М.М. Сперанского²⁰, что указывает на подлинного автора вышеуказанной записки Кочубея. В своем плане государственных преобразований Сперанский развил эти мысли подробнее, установил эту «точность» в разделении дел по пяти главным и отдельным частям: внешние сношения, устройство внешней безопасности, «публичная экономия», устройство внутренней безопасности, устройство и надзор суда*. Здесь же было намечено распределение дел по министерствам внутренних дел, финансов и полиции²¹. На основании этой части общего плана преобразований Сперанским был составлен ряд законопроектов, которые рассматривались на заседаниях учрежденного рескриптом на имя председателя Государственного совета гр. Н.П. Румянцева Комитета председателей департаментов Государственного совета. 31 мая этот орган приступил к рассмотрению предварительного положения об устройстве министерств. 24 мая и 27 июня проект обсуждался в общем собрании Государственного совета, где было принято решение: «Предположение об устройстве министерств привести в действие...»²²

* М.А. Корф писал, что проекты по Министерству внутренних дел «писал Сперанский и писал так, как никто до него» (Жизнь гр. Сперанского. СПб., 1861. Т. I. С. 99).

25 июля 1810 г. проект закона «О разделении государственных дел на особые управления» был утвержден Александром I. 17 августа был утвержден акт, устанавливавший разграничение компетенции между Министерством внутренних дел и Министерством финансов²³. Из Министерства внутренних дел были выделены два самостоятельных ведомства: Министерство полиции и Главное управление духовных дел разных исповеданий; в дальнейшем Комитет председателей департаментов Государственного совета подготовил проекты учреждения звания государственного контролера и Главного управления ревизии государственных счетов²⁴. В мае 1811 г. комитет обсудил проект «Общего учреждения министерств», занимаясь одновременно проектами «учреждений» других министерств (полиции, финансов, военного, внутренних дел, народного просвещения)²⁵.

Особое место в министерской организации и истории министерств России заняло составленное Сперанским «Общее учреждение министерств» 25 июня 1811 г.²⁶ Этот обширный законодательный акт (401 параграф) подразделялся на две части: «Образование министерств» и «Общий наказ». В первой части была окончательно установлена своеобразная классификация центральных ведомств России («общее разделение дел» по плану государственных преобразований М.М. Сперанского): к ведению внешних сношений отнесено было Министерство иностранных дел; к устройству внешней безопасности – министерства военное и морское; к государственной экономии – Министерство финансов, Государственное казначейство; к ревизии государственных счетов – министерства внутренних дел и народного просвещения, а также Главное управление путей сообщения; к устройству внутренней безопасности – Министерство полиции; к устройству суда – Министерство юстиции. Ни в какую группу не было включено, но упоминалось также Главное управление духовных дел разных исповеданий.

В «Образовании министерств» кратко пояснялась компетенция всех центральных учреждений, разбирались их общие организационные устройство, порядок делопроизводства и отчетность. В «наказе» освещались степень и пределы власти министров, их отношение к властям: высшим (императору, Государственному совету, Сенату), равным между собой, к Казначейству и подчиненным (местным). Затрагивался в «наказе» вопрос об ответственности министров, обязанностях разных чинов министерств и порядке их соподчинения. Каждое министерство получило единообразное устройство: во главе министерства – министр с товарищем при нем; при минист-

ре – канцелярия и совет. Исполнительный аппарат министерства состоял из нескольких департаментов, которые делились на отделения, а отделения – на столы. В основу организации каждого министерства был положен принцип единоначалия. Директора департаментов подчинялись непосредственно министру, начальники отделений – директорам департаментов, а столоначальники – начальникам отделений.

Канцелярия министра ведала общими делами, «до всех департаментов относящимися», а также вопросами, разрешавшимися непосредственно самим министром. Она осуществляла фактически связь министра со всеми структурными частями и подчиненными учреждениями.

Совет министра состоял из начальников структурных частей министерства и был совещательным органом «для рассмотрения дел, требующих по важности их общего соображения». В департаментах роль таких советов играли их общие присутствия. На заседания общих присутствий департаментов и Совета министров разрешалось приглашать в качестве членов фабрикантов, заводчиков, купцов.

Социальное и экономическое развитие страны обуславливало интерес крепостнического правительства к росту промышленности и торговли. Эпизодически в совещательных органах центрального аппарата «сочувствуют» верхи зарождавшейся буржуазии.

В состав министерств включались и так называемые особые установления: особая канцелярия, счетные отделения, ученые комитеты, лаборатории, чертежные и тому подобные вспомогательные учреждения финансового, технического и другого специального назначения. Все эти вопросы подробно рассматривались в первой части «Общего учреждения министерств» – «Образовании министерств». Согласно «Общему наказу министерствам», министры назначались императором и были ответственны фактически только перед ним. Хотя «наказ» и определял возможности министра как исполнителя, властью которого не могли быть «устанавливаемы» «никакое новое учреждение или отмена прежнего», однако правительственная практика уже в первой половине XIX в. обнаруживает влияние министров на действующее законодательство; министерские предписания, циркуляры, разъяснения порой сводили на нет некоторые «неудобные» нормы законов и возводили в закон министерские предписания.

Сама власть министра определялась понуждением к исполнению законов, в ведении министерств находилось определение и увольнение должностных лиц, надзор за действиями вве-

ренных им учреждений, и, наконец, к министрам обращались за разрешением затруднений подчиненные учреждения и должностные лица.

«Общее учреждение министерств» фактически закрепляло безответственность и произвол министров, ибо управляли они подчиненными им ведомствами единолично. «Перед кем в России будут министры отвечать? – задавал вопрос Ф. Вигель. – Перед государем, который долго уважает в них свой выбор, которого делают они соучастником своих ошибок и который, не признавшись в оных, не может их удалить? Перед народом, который ничто? Перед потомством, о котором они не думают? Разве только своей совестью, когда невзначай есть она в каком-нибудь из них»²⁷. Отсутствие ответственности министров перед каким-либо правительственным учреждением являлось одной из характерных особенностей самодержавия в России не только в период крепостнической монархии первой половины XIX в., но и в последующее время.

Закон предписывал министерствам подавать ежегодно финансовые отчеты в Министерство финансов и Государственный контроль, о деятельности – в Сенат и Государственный совет и, наконец, о «видах и предприятиях к усовершенствованию» – царю. Практика деятельности министерств внесла в эти нормы серьезные коррективы. Отчеты в Государственный контроль носили формальный характер, в Сенат – подавались очень редко*, в Государственный совет – не поступали уже с 1813 г., а вместо этого участились подачи непредусмотренных отчетов в Комитет министров (особенно с 1826 г.)²⁹.

Принцип единоначалия в центральном управлении вызвал изменения и в характере делопроизводства: коллегиальное делопроизводство заменялось министерским – «исполнительным». Был регламентирован порядок ведения дел, установлены определенные формы регистрации, движения документа внутри министерства с указанием сроков исполнения, отправки документа, проверки исполнения («ревизии») и формы отчетности. Это единообразие в организации, делопроизводстве и в направлении деятельности министерств было элементом приспособления управления России к новым социально-экономическим отношениям.

* «Всеподаннейшие доклады» Сената на министерские отчеты за первые годы существования министерств были поверхностными и содержали частные замечания по бюджету и делопроизводству²⁸.

Завершение организации министерств способствовало оформлению ведомств*. Задачи феодально-крепостнического государства в сложных условиях социально-экономического развития страны в первую половину XIX в. требовали более четкого отраслевого разграничения не только в центре, но и на местах. Центральный аппарат министерства с его местными органами и учреждениями составил отныне единое ведомство со своими ведомственными административными порядками, составом чиновников, бюджетом, даже ведомственным территориальным делением, не совпадавшим часто с общим делением России на губернии и уезды (ведомственные округа: учебные, горные, путей сообщения и т. п.). Господствующую в XVIII в. лучевую систему подчинения местных учреждений и органов коллегиям (подчинение губернаторов и воевод каждой коллегии в определенных вопросах) с начала XIX в. заменила линейная система, заключавшаяся в ведомственной подчиненности каждого учреждения определенному министерству.

Законы 1810–1811 гг. завершили министерскую реформу в России. «Смею утверждать с достоверностью, – писал впоследствии в своем пермском письме Александру I Сперанский, – что ни одно государство в Европе не может похвалиться учреждением столь определительным и твердым»³⁰. И все-таки, несмотря на потребность и определенное совершенство «Общего учреждения министерств», реформа 1810–1811 гг., как и учреждение Государственного совета, явилась лишь обломком общего плана государственных преобразований Сперанского, той частью этого плана, которая была приемлема для правящих верхов самодержавно-крепостнического государства в начале XIX в. С завершением министерской реформы было связано формирование некоторых новых центральных учреждений. Общее количество ведомств оставалось примерно одинаковым. В 1802 г. их было 10 (8 министерств, Государственное казначейство и Департамент

* Первые опыты создания ведомств в России следует отнести ко времени учреждения коллегий и второй местной реформы Петра I в 1719–1720 гг. Однако петровские «ведомства» – коллегии оказались безжизненными. Не располагая властными полномочиями в деле взывания налогов, рекрутских наборов и пр., местные ведомственные учреждения были вынуждены обращаться за помощью к губернаторам и воеводам, т. е. фактически попали в полную зависимость от общих органов местной администрации (Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 98–99).

уделов); после реформы 1810–1811 гг. – 12 (9 министерств и 3 главных управления); к 1860 г. – 11 (9 министерств и 2 главных управления).

С 1811 г. «Общее учреждение министерств» стало довольно быстро вводиться в большинстве министерств. Сравнительно долго удерживались коллегиальные учреждения в Морском министерстве (до 1827 г.), Министерстве иностранных дел (до 1832 г.) и Министерстве народного просвещения (до 1863 г.).

Несмотря на позднейшие изменения в организации и структуре, принципах деятельности и делопроизводстве отдельных министерств и главных управлений, «Общее учреждение министерств» 25 июля 1811 г. продолжало оставаться основным законодательным актом, определявшим существование министерств вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Учреждение министерств в 1802–1811 гг. было реформой центрального управления крепостнической России, но некоторые заложенные в ней бюрократические принципы организации (большая четкость и определенность структуры и компетенции, ведомственность, привлечение буржуазии в совещательные инстанции министерств и т. п.) сближали министерства России с органами центрального управления буржуазных монархий Западной Европы. Даже далекий от глубокого анализа последствий государственных преобразований Александр I вскоре после опалы Сперанского усмотрел в учреждении министерств угрозу крепостническому самодержавию³¹. Но, поскольку министерская система отвечала государственным потребностям России того времени, высочайшее неодобрение ее не имело никаких последствий.

Учреждение министерств вызвало дальнейшую бюрократизацию управления. В записке «О положении или о мерах к прекращению деспотизма и введению лучшего устройства в разных образованиях, правительстве составляющих», поданной Александру I в декабре 1814 г., В.П. Кочубей отмечал умножение чиновников, сложную, «ненужную и вредную переписку»³². Автор другой записки, «Об устройстве верховных правительств в России», министр финансов Д.А. Гурьев отмечал развитие бюрократического централизма уже в середине 10-х годов: «Департаменты ничем не управляют собственным порядком, а все дела представляют решению министра», к которому стекаются дела из всех подведомственных мест и «обременяют его свыше сил человеческих»³³.

Весьма яркую картину бюрократического централизма в России к концу первой четверти XIX в. дал М.А. Балугьянский в своей записке «Рассуждения о средствах исправления учрежде-

ний и законодательств в России». «Никакое место, низшее или высшее, не может решить все окончательно, – писал он. – Дела ничтожные идут из уездных или городских правлений через генерал-губернатора, губернатора, вице-губернатора, губернское правление, палаты, с мнением губернского прокурора и других разных лиц к министрам или в Сенат, или же в особенную государеву канцелярию, а из оной опять к министрам, оттуда препровождаются в департаменты, где начинается бесконечное так называемое движение дел в отделениях, в столах, в присутствиях, наконец, к министру или в его совет. Но и здесь дело еще не кончится, ибо от министра зависит, принять мнение своего совета или нет». В случае согласия министра дело препровождается, по его усмотрению, или в Сенат или в Комитет министров, а иногда в Государственный совет или самому царю. Последствием таких порядков является увеличение бумажного производства, огромные штаты чиновников. Балугьянский предлагал некоторые организационные изменения в министерствах: уничтожение министерских советов и восстановление в составе министерств коллегий (каждая из 3–5 самостоятельных и независимых членов), упразднение департаментов в ряде министерств (просвещения, юстиции и др.), а в тех министерствах, где они сохранялись, также внутриведомственную децентрализацию: расширение прав департаментов и местных органов³⁴.

На возросший бюрократизм министерств указывал в 1827 г. в своей записке Николаю I дерптский профессор и академик Г.Ф. Паррот. Он предлагал восстановить потерявший всякое значение министерский совет, превратив его в «настоящую коллегия советников с присвоением последней власти и ответственности», а также предусматривал некоторые изменения в системе министерств (выделить из министерств внутренних дел и финансов «министерство национальной промышленности», создать особое министерство торговли с присоединением к нему ведомств путей сообщения и почт) и т. д.³⁵

Записки Кочубея, Гурьева, Балугьянского обсуждались на заседаниях Комитета 6 декабря 1826 г. Представленный в комитет проект «Общего учреждения министерств» во многом напоминал закон 25 июля 1811 г. Комитет мог предложить лишь небольшие его коррективы: передачу цензуры иностранной в Министерство внутренних дел, восстановление Министерства духовных дел и народного просвещения (без Синода), уменьшение числа отделений и чиновников и т. п. В целях некоторого преодоления крайностей бюрократического централизма комитет предложил создавать в министерствах и главные управления, начальники которых имели бы больше прав, чем директора де-

партаментов. Воспринята была положительно и идея Паррота о создании при каждом министерстве совета с независимыми от министров членами³⁶. Очень немногое даже из этих мер было претворено в жизнь. При всех своих недостатках министерская система вполне удовлетворяла самодержавие. Более того, те процессы и явления, которые признавались в 10-е годы недостатками министерств, получили в дальнейшем свое более полное развитие.

Углубление кризиса крепостнического строя во второй четверти XIX в. значительно усилило бюрократический централизм с установлением крайней централизации распорядительной и исполнительной деятельности, что тормозило деятельность правительственного аппарата, лишало его необходимой в данных условиях оперативности. Царское правительство тщетно пыталось усилить это качество посредством различных второстепенных реорганизаций отдельных ведомств, объединения отдельных центральных учреждений и т. п. Особенно широкое распространение получили во всех министерствах периодически создаваемые комиссии по сокращению переписки, расходов, штатов. Первая волна сокращения переписки прошла по министерствам в 1830–1831 гг. и принесла совершенно ничтожные результаты³⁷. В 1835 г. при Государственном совете были созданы небольшие комитеты по сокращению расходов по всем ведомствам, добившиеся лишь кратковременного и незначительного сокращения расходов. Подобные же ничтожные результаты дала кампания по сокращению штатов в 1853 г.³⁸

Особое внимание самодержавное государство обращало во второй четверти XIX в. на «совершенствование», в духе бюрократического централизма, отдельных элементов внутриминистерской организации. С середины 20-х годов была восстановлена исчезнувшая в 10-х годах во многих министерствах должность товарища министра. «Правила о должности товарищей министров», принятые 9 апреля 1840 г., превращали их в безгласных чиновников, подчиненных всецело власти своих министров.

Более регулярно стали подаваться министерские отчеты. Была восстановлена подача министерских отчетов с 1 января 1827 г. (за 1826 год). В 1834 г. Комитет министров стал требовать подачи отчетов министрами за прошедший год 1 июня каждого года. Со своими замечаниями Комитет министров подавал каждый министерский отчет императору; с высочайшими замечаниями отчет возвращался в Комитет министров для исполнения, а затем поступал в комитетский архив³⁹. На основании министерских отчетов М.А. Корф (сменивший на посту управляющего

канцелярией Комитета министров Ф.Ф. Гежелинского) попытался даже составить ежегодное «Обозрение всех частей государственного управления»⁴⁰. Этот опыт обзора за 1831 г. не встретил сочувствия в верхах бюрократии и оказался единственным. Во второй половине 30-х годов установился порядок министерских докладов Николаю I. Раз в неделю имели доклады А.Х. Бенкендорф, А.И. Чернышев, А.С. Меншиков, Е.Ф. Канкрин, кроме них – председатель Государственного совета гр. Н.Н. Новосильцев, командующий Главной квартиры гр. В.Ф. Адлерберг, начальник I отделения Собственной е. и. в. канцелярии А.С. Танеев, а также статс-секретари Н.М. Лонгинов и Г.И. Вилламов; министр двора кн. П.М. Волконский имел ежедневный доклад; некоторые министры (Д.В. Дашков, Д.Н. Блудов, С.С. Уваров) личных докладов императору не имели и обращались к нему через председателя Комитета министров⁴¹.

Неспособность осуществлять управление обычными путями и методами толкала царизм на введение в государственный аппарат некоторых элементов милитаризации. Во второй четверти XIX в. большинство министров были военными (даже обер-прокурор Синода); целые отрасли управления получили военное устройство: горное ведомство, связанное с управлением горнозаводскими рабочими, сеть путей сообщения, лесное ведомство и др.; в большинстве губерний России действовали военные губернаторы, а губернии, управляемые гражданскими губернаторами, входили, как правило, в состав генерал-губернаторств. На территории всей России были разбросаны войска Корпуса внутренней стражи, осуществлявшие охрану «тишины и спокойствия». В каждом губернском городе был расположен батальон этого корпуса в 1000 человек; в уездных городах имелись 564 инвалидные команды; конвоирование арестантов проводили 296 этапных команд. Общий состав войск корпуса к началу Крымской войны исчислялся в 145 тыс. человек⁴².

Военная организация, суровые военно-уголовные законы – все это казалось надежной гарантией оперативности действий учреждений и чиновников. Наличие военных команд и аудиториатов сдерживало и пресекало недовольство горнозаводских рабочих и помещичьих крестьян, обеспечивало охрану казенных лесов, повышало значение в государстве крайне слабой сети путей сообщения. Батальоны и команды Корпуса внутренней стражи сковывали проявления недовольства многомиллионной массы неорганизованных и безоружных крестьян. Однако к середине XIX в. стало ясно, что частичная милитаризация отдельных ведомств оказалась неэффективной: оперативная их деятельность не усилилась, проявлений недовольства масс она не остановила;

внушительный аппарат Корпуса внутренней стражи оказался ненадежным*.

Новые веяния относительно внутренней организации и порядков внутри ведомства крепостнической России проявились сразу же после окончания Крымской войны. Инициатором их выступило морское ведомство, вопиющие недостатки организации которого так наглядно продемонстрировала минувшая война. В начале 1856 г. управляющий Морским министерством вице-адмирал барон Ф.П. Врангель представил начальнику ведомства генерал-адмиралу вел. кн. Константину Николаевичу записку «Разные соображения в руководстве при вступлении в управление отдельным ведомством», в которой предлагал некоторые совершенно новые принципы организации ведомств⁴³. Он осуждал свойственный для крепостнической эпохи служебный дилетантизм представителей высшей бюрократии, и прежде всего начальников ведомств, предложив им серьезно «изучать администрацию». Обязательными условиями деятельности министров автор считал «законность их действий», «своевременность и возможную быстроту всех распоряжений» и экономию средств. Руководителям ведомств он советовал тщательно изучить законы, касавшиеся управляемой ими части, стремиться к самостоятельному изучению всех деталей механизма вверенного им ведомства, вплоть до канцелярской работы. Особое внимание уделял он взаимоотношениям министра с кадрами чиновников ведомства: руководитель должен знать чиновников, заботиться о них, выслушивать их мнения, даже возражения, бороться с лестью и должностными злоупотреблениями. «Следует опасаться подчиненных, которые никогда не возражают», – писал Врангель. Учитывая печальный опыт хозяйственной деятельности всех ведомств крепостнической России, автор рекомендовал министрам «по возможности» ос-

* «При нынешнем составе внутренней стражи, – писал помощник окружного генерала 9-го округа этого корпуса полковник Дворжинский вскоре после Крымской войны, – сохранение дисциплины в них требует крайних мер, при этих мерах главная цель не достигается. Никакие силы не в состоянии переделать массу, большинство которой охватило нравственной порчей» (ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25 449. Л. 279). С начала 1858 г. ввиду «ненадежности» войск корпуса было решено даже... выслать в Восточную Сибирь 13 тыс. рядовых этого корпуса (почти 9% личного состава) (Всепопданнейший отчет о действиях военного министерства за 1859 г. СПб., 1861. С. 50–52).

вободиться от находящихся в их ведомствах фабрик и заводов, ибо «всякая казенная работа обыкновенно и хуже и дороже вольной». Специальным рескриптом 3 февраля 1856 г. вел. кн. Константин разослал эту записку ряду высших чиновников государства, попросил их высказать свое мнение. Большинство сановников высказались весьма осторожно, а министр юстиции В.Н. Панин посоветовал придерживаться «уважения к старине» и прибегнуть лишь к частным «исправлениям», которые, в случае неудачного опыта, не могут иметь столько вредных последствий, сколько преобразование целого устава⁴⁴, фактически было рекомендовано сохранить старые порядки николаевских ведомств. Панин выступил против сокращения разросшегося аппарата «вследствие нынешнего общественного состояния», ополчался против гласности, которая могла, по его мнению, «служить пищей к неудовлетворению и злословию»⁴⁵. Идеи записки Врангеля горячо поддержал начальник штаба Кавказского отдельного корпуса (будущий военный министр) Д.А. Милютин, который резко осудил «притязания государственной администрации подносить своему руководству и надзору все мельчайшие проявления жизни народа». «Она (государственная администрация. – Н. Е.) считает своей обязанностью руководить и промышленного человека, запрещая ему предпринимать дело, по мнению администрации, необдуманное; и медика, снабжая его подобной инструкцией, как лечить больного; и писателя – поправляя слог и смысл его сочинения; и архитектора – устанавливая нормальные чертежи построек – заставляя его строить избу по данному фасаду». Осуждая бюрократический централизм и связанное с ним регламентирующее законодательство, Милютин отмечал их тяжелые последствия для правительственного аппарата и особенно «неумеренное обременение самой администрации делами и заботами, в сущности до нее не касающимися»⁴⁶.

Уже в это время Милютин выступал сторонником буржуазных преобразований, предлагая в качестве первоочередных мер более четкое разделение административных ведомственных распоряжений и законов, а также значительное обновление чиновничества не только путем подбора его, но и воспитания: «Начальнику недостаточно искать людей, а необходимо самому готовить их». Особенно выделял он необходимость воспитания инициативности бюрократических кадров⁴⁷. В подобном же духе была составлена и записка П.Д. Киселева⁴⁸. Морское ведомство в конце 50-х годов выступило инициатором децентрализации министерской деятельности⁴⁹. Эту инициативу поддержал и Александр II⁵⁰.

Децентрализация стала одним из ведущих принципов ведомственных преобразований в период буржуазных реформ 60-х годов XIX в.* В условиях самодержавия она и на этот раз оказалась лишь временной мерой повышения оперативной деятельности ведомств. Со времени контрреформ и политической реакции 80-х годов XIX в. в государственном аппарате России установились прочные централизаторские тенденции, с которыми самодержавие вступило в XX в.

* Конкретные организационные изменения дореформенных ведомств даны нами в ряде изданных ранее работ и в настоящем исследовании опускаются (*Ерошкин Н.П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. С. 198–293; *Он же.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 163–180; *Он же.* Министерства крепостнической России первой половины XIX в. – фондообразователи центральных государственных архивов СССР. М., 1980; и др.).

Дореволюционная официально-монархическая историография ограничивалась в отношении государственного строя России первой половины XIX в. изучением биографий самодержавных властителей, а также представителей высшей бюрократии, истории отдельных высших и центральных государственных учреждений, связывая с учреждениями и лицами факты и события политической жизни России. Более сложную схему эволюции государственного строя России путем его медленной трансформации в сторону «правового» государства создала дореволюционная либерально-буржуазная историография. Эту концепцию государственного строя России восприняла современная буржуазная западноевропейская и американская историография. Буржуазные авторы тщатся представить Великую Октябрьскую социалистическую революцию как ограниченно-русское национальное явление, ими был пущен термин «модернизация», означавший процесс, начатый еще Петром I, приближения России к западноевропейским формам правления, в частности к конституционной монархии с парламентом. В отличие от дореволюционной русской историографии, почти полностью игнорировавшей российскую бюрократию, современная буржуазная историография отвела ей роль тормоза, препятствовавшего осуществлению модернизации страны основным «лидером» – самодержавием. Модернизация рассматривается как известная альтернатива революции¹. Советские исследователи дают отпор подобной фальсификации истории России².

Советская историография не часто избирала объектом исследования политические институты поздних феодальных периодов истории России, и в частности первой половины XIX в. Многие просчеты дискуссии по проблемам абсолютизма в 1968–1972 гг. были вызваны, на наш взгляд, тем, что в ней

история самодержавия не увязывалась с историей российской бюрократии и развитием государственных учреждений; недостаточно раскрывалась подчеркиваемая В.И. Лениным специфика отдельных периодов истории монархии в России.

В первую половину XIX в. в России в недрах феодальной формации сложился капиталистический уклад, а возросшее несоответствие производительных сил характеру производственных отношений вызывало глубокие кризисные явления и в политическом строе. В этот период самодержавие и предпринимает активные меры, чтобы отсрочить гибель крепостничества. Это проявляется в различных формах его деятельности: частых сменах курсов внутренней политики, юридическом обосновании крепостнического строя и всех его порождений, реорганизации отдельных звеньев государственного механизма, обновлении государственной доктрины самодержавия («теория официальной народности»), усовершенствовании бюрократии, усилении карательного аппарата.

В области государственного устройства в начале XIX в. были созданы новые высшие государственные учреждения – Комитет министров, Государственный совет, Собственная е. и. в. канцелярия, реформированы старые органы – Сенат и Синод; между этими учреждениями была установлена более четкая дифференциация функций. В начале века зарождается, а далее совершенствуется новая система центрального управления, пришедшая на смену коллегиальной, – министерская. Господствующим принципом организации и деятельности всего государственного аппарата во второй четверти века стал бюрократический централизм с его порождениями – возросшим значением в государстве Собственной е. и. в. канцелярии и высшими комитетами.

Лишь к середине 40-х годов выявилась полная безрезультатность всех этих попыток укрепить государственность России без отмены крепостного права. Для того чтобы осознать эту безрезультатность, потребовалось более десяти лет государственного застоя, кровавые уроки Крымской войны, финансовая разруха, грозный вал крестьянских «бунтов», брожение в среде революционной, дворянско-разночинной интеллигенции, полный паралич отдельных отраслей управления (военного, цензуры, администрации и пр.), а также суда, неудовлетворенность самих верхов, которые уже не могли управлять по-старому.

Общий ход экономического развития феодально-крепостнической России привел к непоправимому кризису всей крепостнической государственности в 50-х годах и вынудил ее

«сверху» провести освобождение крестьян; буржуазные реформы 60–70-х годов ознаменовали первый, еще весьма робкий шаг по пути превращения феодальной монархии в буржуазную³.

Начавшееся развитие капитализма в России вызвало соответствующие изменения в бюрократии феодальной монархии. Сохраняя свои дворянские кадры, она приобретает и плутократический характер, пополняется в низовых своих слоях представителями так называемого «третьего элемента»⁴. В этот новый для России исторический период делается первый шаг в сторону буржуазной государственности, но и после 1861 г. еще сохраняются многие феодальные черты организации и деятельности государственного аппарата.

Более решительный сдвиг всей государственности России в сторону буржуазной монархии – второй шаг – произошел после первой буржуазно-демократической революции. В этот период самодержавие делает попытку расширить социальную базу – устанавливает союз помещиков с верхами торгово-промышленной буржуазии (третьеиюньский блок), проводит новую, буржуазную по своей сущности, аграрную политику; вынуждено прикрывать абсолютизм «лжеконституционными формами»⁵ – манифестом 17 октября 1905 г., новым изданием «Основных законов Российской империи» 23 апреля 1906 г. (с тщательно отредактированными «конституционными» статьями 4 и 86); высшими всероссийскими представительными органами – лжепарламентом (Государственная дума и частично реорганизованный Государственный совет) и правительственным «кабинетом» – Советом министров⁶. Социальной базой для сохранения самодержавной монархии в это время явилось установившееся равновесие сил двух господствовавших классов – помещиков и верхов буржуазии. Анахронизм российского самодержавия в начале XX в. усилил процесс его разложения, проявлявшийся в ослаблении его социальной основы, всеилии придворной камарильи, в неспособности проводить какие-либо преобразования без изменений социального и политического строя. В 1913 г. В.И. Ленин писал, что «контрреволюционная система *исчерпала себя*, исчерпала свои социальные силы. Обстоятельства сложились так, что никакая реформа в современной России невозможна»⁷.

За время мировой войны буржуазия России «чрезвычайно быстро организовалась политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты и т. д. Этот новый класс “почти совсем” был уже у власти к 1917 году...»⁸. Пришедшая к власти в результате свержения самодержавия после

Февральской буржуазно-демократической революции буржуазия продержалась всего неполные восемь месяцев.

Ход социально-экономического развития России создал объективные предпосылки для социалистической революции.

Если в период первой революционной ситуации 1859–1861 гг. правящим кругам России из-за отсутствия в стране значительных революционных сил удалось свести дело к уступкам, буржуазным реформам и сохранить дворянско-помещичью государственность, то в начале XX в. самодержавию и сменившему его буржуазному Временному правительству противостоял рабочий класс, руководимый марксистско-ленинской партией. Буржуазно-помещичья государственность оказалась обреченной на гибель. В союзе с трудовым крестьянством рабочий класс России свергнул власть помещиков и капиталистов. Великая Октябрьская социалистическая революция «утвердила диктатуру пролетариата, создала новый тип государства – Социалистическую Республику Советов, новый тип демократии – демократию для трудящихся»⁹.

Введение

- 1 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 417.
- 2 Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее – КПСС в резолюциях...). М., 1972. Т. 9. С. 351.
- 3 Там же.
- 4 Письмо ЦК КПСС Институту истории АН СССР // Вопросы истории. 1969. № 4. С. 4.
- 5 Советская историческая наука на современном этапе // Там же. 1973. № 5. С. 8.
- 6 *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. 2-е изд. М., 1968. С. 166–199.
- 7 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 251–252.
- 8 Там же. Т. 20. С. 121.
- 9 Там же. С. 174; Т. 21. С. 303 и др.
- 10 *Блок А.Л.* Государственная власть в европейском обществе. Взгляд на политическую теорию Лоренца Штейна. СПб., 1880.
- 11 *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 1–4. СПб., 1897–1898; *Он же.* Император Николай I. СПб., 1903; Т. 1–2. *Николай Михайлович.* Гр. Павел Александрович Строганов. СПб., 1908–1909; Т. 1–2. *Он же.* Император Александр I. СПб., 1912. Т. 1–2. и др.
- 12 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 25.
- 13 *Кизеветтер А.А.* Исторические очерки. М., 1912.
- 14 *Корнилов А.* История России XIX в. М., 1912. Ч. II. С. 112–113.
- 15 *Полиевктов М.* Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918. С. 380. (Книга была написана до свержения самодержавия.)
- 16 *Ивановский В.В.* Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Русская мысль. 1903. Кн. VIII. С. 18.
- 17 *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. М., 1950. Т. VII. С. 794–827.
- 18 Министерство внутренних дел 1802–1902. СПб., 1901. С. 31.
- 19 Журнал Министерства юстиции. 1902. № 9–10.
- 20 *Mosse W.E.* Alexander II and the Modernisation of Russia. N.Y., 1962; *Raeff M.* L'état le gouvernement et la tradition politique en Russie impériale avant 1861 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. Oct.-déc. 1962. P. 295–307; *Black C.E.* The Nature of Imperial Russian Society // The Development of the USSR. Wash., 1964. P. 175–179; *Seton-Watson M.* Russia and Modernisation // Ibid. P. 191–196, и др.
- 21 *Федоров В.А.* Старая концепция внутренней политики России в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы истории. 1963. № 8. С. 192–193.

- 22 *Pierling B.P.* Un problème historique: l'empereur Alexandre I-er est-il mort catolique? P., 1901.
- 23 *Grunwald C. de.* Tsar Nicholas I. N. Y., 1955; *Monas S.* The Third Section Police and Society in Russia under Nicholas I. Cambridge Mass., 1961; *Riasanovsky N.V.* Nicholas I and official Nationality in Russia 1825–1855. California, 1959; Berkley; Los Angeles, 1961.
- 24 *Torke H.J.* Das russische Beatenium in der ersten Hafte der 19. Jahrhundert // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Bd. 13. Berlin, 1967. S. 7–345.
- 25 *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft // Grundriss der Sozialoekonomie. Abt. III. Tübingen, 1947. S. 126.
- 26 *Amburger E.* Geschichte der Behordenorganisation Russlands, von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966. См. нашу рец.: История СССР. 1969. № 1. С. 198–200.
- 27 *Monas S.* The Third Secion Police and Society in Russia under Nicholas I. Cambridge Mass., 1961; *Squire P.S.* The Third Department. The establishment and practices of the Political police in the Russian Empire. N.Y., 1969.
- 28 *Raeff M.* Michael Speranski Statesman of imperial Russia 1772–1839. Hague, 1957, 1969; *Jenkins M.* Arakcheev // Grand vizier of the Russian Empire. N.Y., 1969.
- 29 *Luig Lucie.* Zur Geschichte der Russischen innenministeriums under Nikolaus I. Wiesbaden, 1969. S. 21.
- 30 Ibid.
- 31 Ibid. S. 102–103.
- 32 Ibid. S. 10.
- 33 *Curtiss J. Sh.* The Russian Army under Nicholas I (1825–1855). Durham, 1965; *Smolitsch J.* Geschichte der Russischen Kirche 1700–1917. Leiden, 1964; *Riasanovsky N.I.* Op. cit.; *Pintner W.N.* Russian Economic policy under Nicholas I. Ithaca, 1967.
- 34 *Федосов И.А.* Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма // Вопросы истории. 1971. № 7. С. 46–65.
- 35 История СССР. 1975. № 1. С. 37–59.
- 36 *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
- 37 *Ерошкин Н.П.* Чиновничество // Советская историческая энциклопедия.. М., 1976. Т. 26. С. 44–52.
- 38 *Окунь С.Б.* Очерки истории СССР конца XVIII – первой четверти XIX в. Л., 1956; *Он же.* Очерки истории СССР. Вторая четверть XIX в. Л., 1957.
- 39 *Окунь С.Б.* Очерки истории СССР. Вторая четверть XIX в. Л., 1957.
- 40 *Емельянова И.А.* Высшие органы государственной власти и управления России в дореформенный период. Казань, 1962. С. 3–4, 7, 16.

- 41 Коммунист. 1964. № 3. С. 121–124; 1969. № 4. С. 118–125.
- 42 Ученые записки Ленинградского государственного ун-та. Серия ист. наук. 1941. Вып. 8; Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. М., 1937.
- 43 Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX в.: Сб. Л., 1967. С. 147–175.
- 44 История СССР. 1966. № 4. С. 20–54.
- 45 Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 346–355.
- 46 *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. 3-е изд. М., 1968. С. 68–95, 108–123.
- 47 *Кинятина Н.С.* Политика русского самодержавия в области промышленности (20–50-е годы XIX в.). М., 1968; *Хромов П.А.* Экономическое развитие России в XIX–XX вв. М., 1950. Гл. I–VI; *Погребинский А.П.* Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX–XX вв.). М., 1954. С. 20–70; *Боровой С.Я.* Кредит и банки России (середина XVIII в. – 1861 г.). М., 1958.
- 48 *Виргинский В.С.* Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX в. М., 1949; и др.
- 49 *Коняев А.И.* Финансовый контроль в дореволюционной России. М., 1959.
- 50 *Ерошкин Н.П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960; *Ерошкин Н.П., Куликов Ю.В., Чернов А.В.* История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968; и др.
- 51 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 346.
- 52 Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел. Т. I–XIV. СПб., 1854–1858.
- 53 Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Первого отделения Собственной е. и. в. канцелярии (Вып. I–XVI. СПб., 1876–1917); Материалы для истории православной церкви в царствование имп. Николая // РИО. Т. 113. Ч. 1–2, и др.

Глава 1

- 1 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 251–252.
- 2 Там же. Т. 37. С. 443.
- 3 *Окунь С.Б.* Дворцовый переворот 1801 г. в дореволюционной литературе // Вопросы истории, 1973. № 11. С. 34–52.
- 4 *Grunwald C. de.* L'assassinat de Paul I-er tsar de Russie. P., 1960. С. 14.
- 5 *Окунь С.Б.* Очерки истории СССР конца XVIII – первой четверти XIX в. Л., 1956. С. 109; *Предтеченский А.В.* Очерки обществен-

- но-политической истории России в первой четверти XIX в. М., 1957. С. 14.
- 6 *Павлова-Сильванская М.П.* Учреждение о губерниях 1775 г. и его классовая сущность. Дис... канд. ист. наук. М., 1964.
 - 7 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 27.
 - 8 *Фонвизин М.А.* Обзорение политической жизни в России // Общественное движение в России в первую половину XIX в. СПб., 1905. С. 141–142.
 - 9 Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг.: Сб. док. / Под ред. С.Н. Валка. М., 1961. С. 9.
 - 10 *Коренева Е.И.* Крестьянское движение в России в 1796–1798 гг. Дис... канд. ист. наук. М., 1954; *Парусов А.И.* К истории крестьянского движения в России в последней четверть XVIII в. // Уч. зап. Горьковского ун-та. Вып. 52, 1961. С. 3–54.
 - 11 *Ленин В.И.* Полн. соб. соч. Т. 5. С. 30.
 - 12 Мемуары кн. Адама Чарторижского и его переписка с Александром I. М., 1912. Т. I. С. 203.
 - 13 *Григорович Н.* Канцлер кн. А.А. Безбородко в связи с событиями его времени. СПб., 1881. Т. II. С. 643–651.
 - 14 *Сафонов М.М.* Самодержавие и борьба вокруг государственных реформ в первые годы XIX в. Л., 1975. Гл. I; *Он же.* Конституционный проект Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Вып. VI. С. 261–280.
 - 15 *Иконников В.С.* Гр. Н.С. Мордвинов. СПб., 1873. С. 58.
 - 16 *Державин Г.Р.* Соч. СПб., 1871. Т. 6. С. 763–764.
 - 17 Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1864. Кн. 1. С. 120–128; Архив кн. Воронцова. М., 1883. Кн. 29. С. 451–470.
 - 18 Архив кн. Воронцова. М., 1880. Кн. 17. С. 5.
 - 19 *Сафонов М.М.* Самодержавие и борьба вокруг государственных реформ в первые годы XIX в. Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1975. С. 23.
 - 20 *Николай Михайлович.* Гр. Павел Александрович Строганов (1774–1817). СПб., 1909. Т. 2. С. 9.
 - 21 *Дружинин Н.М.* Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): Сб. ст. М., 1964. С. 456–459; *Федосов И.А.* Указ. соч. С. 46–65.
 - 22 ЦГИА. Ф. 1163. Оп. т. XVI. 1807 г. Д. 1. Л. 2–3.
 - 23 *Киняпина Н.С.* Указ. соч. С. 5.
 - 24 *Федосов И.А.* Указ. соч. С. 63.
 - 25 *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1946, 1959. Т. 1–2.
 - 26 *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 163.
 - 27 Там же. С. 153.

- 28 Там же. С. 164.
- 29 Там же. С. 216.
- 30 *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. М., 1950. Т. VII. С. 807.
- 31 *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. СПб., 1914.
- 32 Мемуары кн. Адама Чарторижского. Т. I. С. 344.
- 33 Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). С. 457.
- 34 *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. СПб., 1898. Т. 3. С. 185.
- 35 *Рунич Д.П.* Записки // Русская старина. 1901. Т. 109. С. 349–350.
- 36 Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг. С. 9.
- 37 *Чистозвонов А.Н.* Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 62.
- 38 *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 98–99, 120–121, 186.
- 39 *Предтеченский А.В.* Указ. соч. С. 428.
- 40 *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. VII. С. 796.
- 41 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 315.
- 42 РИО. Т. 90. С. 27–127.
- 43 *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. 4. С. 152; История Польши. М., 1954. Т. I. С. 410.
- 44 *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. 4. Приложения. С. 499–521.
- 45 *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. I. С. 98.
- 46 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Л., 1977. Т. I. С. 381; Л., 1977. Т. II. С. 323; Л., 1978. Т. V. С. 180; и др.
- 47 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 35.
- 48 Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг.: Сб. док. М., 1961. С. 818; *Пиксанов Н.* Дворянская реакция на декабризм // Звенья: Сб. М.; Л., 1933. Т. II. С. 131–200.
- 49 Подсчет автора.
- 50 Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг. С. 801–802; Крестьянское движение в России в 1850–1856 гг.: Сб. док. М., 1962. С. 732–733.
- 51 *Милютин Д.А.* Военные реформы Александра II // Вестник Европы. 1882. № 1. С. 24.
- 52 Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. (далее – ПСЗ). Т. XXVI. № 19 813; 19 904.
- 53 Там же. Т. XXI. № 24 064.
- 54 *Сперанский М.М.* О законах // РИО. Т. XXX. С. 37.
- 55 Свод законов Российской империи (далее – СЗ). 1832. Т. I. Ч. 1. С. 47.
- 56 Русская старина. 1870. Т. 1. С. 440.
- 57 ГПБ. Ф. 731. Д. 994.
- 58 Воинские артикулы Петра I. М., 1950. С. 25. Гл. III. Арт. 20; ПСЗ. Т. VI. № 3718. Ч. I, п. 2.

- 59 ЦГИА. Ф. 1167. Оп. Т. XVI. Д. 284. Л. 1.
- 60 История СССР. 1969. № 3. С. 148.
- 61 См., например, записку А. Боровкова «Свод показаний членов злоумышленных обществ о внутреннем состоянии государства» // Декабристы. Отрывки из источников: Сб. док. / Сост. Ю.Г. Оксман. М.; Л., 1926. С. 1–3.
- 62 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 10; Т. 20. С. 387.
- 63 Красный архив. 1929. № 6(37). С. 153.
- 64 Павленко Н.И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1960. С. 389–497; Иванов П.В. К вопросу о социально-политической направленности «Наказа» Екатерины II // Уч. зап. Курского гос. пед. ин-та. Т. 3. С. 1954.
- 65 Степанова М. Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. М., 1937. Т. 29/30. С. 598.
- 66 Maistre J. de. Quatre chapitres inédits sur la Russie, publ. par son fils le comte R. de Maistre. P., 1859. P. 151.
- 67 Almedingen M.E. The emperor Alexander I. N.Y., 1966; Sementowsky-Kurilo. Aleksander I von Russland. Frankfurt, 1966. С. 328.
- 68 Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1903. Вып. 12. С. 328.
- 69 Пытин А.Н. Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916. С. 259.
- 70 Русский архив. 1868. С. 1382.
- 71 Там же. С. 1344.
- 72 Рижский М.И. История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978. С. 132–137.
- 73 Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 16, 115, 126 и др.
- 74 Riasanovsky N.V. Op. cit. P. 32.
- 75 Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1891. Кн. 4. С. 82–83.
- 76 Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 1. С. VI.
- 77 Riasanovsky N.V. Op. cit. P. 184–234, 271.
- 78 Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 4. С. 85.
- 79 Заметки Л.В. Дубельта // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 160.
- 80 Там же. С. 127, 133, 150, 154, 155.
- 81 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 329.
- 82 Там же. Т. 23. С. 263.
- 83 Греч Н.И. Записки моей жизни. М.; Л., 1930. С. 431.
- 84 РИО. Т. 98. С. 237.
- 85 Валуев П.А. Думы русского // Русская старина. 1891. Кн. 5. С. 354.
- 86 ГПБ. Ф. 637. Л. 10–13.
- 87 Там же. Л. 2 об. – 3, 5, 8 об.

Глава 2

- 1 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 292.
- 2 См. приложение к статье 247 «Устава о службе гражданской» (СЗ. 1832. Т. III).
- 3 ЦГИА. Ф. 1149. Оп. т. II. 1835 г. Д. 45а и 45б.
- 4 СЗ. 1857. Т. III. Ст. 338–533.
- 5 *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (Формирование бюрократии). М., 1974. С. 173.
- 6 Подсчет по: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Р. X. 1804. СПб., 1803.
- 7 *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 67.
- 8 ЦГИА. Ф. 1149. Оп. т. I. 1816 г. Д. 16; 1817 г. Д. 6. Л. 1–101.
- 9 Там же. Ф. 1167. Оп. т. XVI. Д. 91. Л. 1, 10.
- 10 Там же. Ф. 1148. Оп. т. XVI. Д. 16. Л. 51–54.
- 11 СЗ. 1832. Т. III. Ст. 3, 5, 286.
- 12 *Pinther W.M.* The Social Characteristics of the Early Nineteenth Century Russian Bureaucracy // *Slavic Review: American Quarterly of Soviet and East European Studies.* Vol. 29. № 3. Sept. 1970. P. 435–437.
- 13 *Ibid.* P. 437.
- 14 *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX в. // *Русская старина.* 1900. Т. 104. С. 264.
- 15 ПСЗ. Т. XXX. № 23 771.
- 16 *Вигель Ф.Ф.* Записки. М., 1892. Ч. 3. С. 71.
- 17 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 75–76.
- 18 ЦГИА. Ф. 1200. Оп. т. XVI. Д. 1. Ч. II. Л. 116об.
- 19 Там же. Ф. 1176. Оп. т. XVI. Д. 1. Л. 2–4об.
- 20 Там же. Л. 36–40об.; Полное собрание законов Российской империи. 2-е изд. (далее – 2 ПСЗ). Т. XIX. № 1874, 22.
- 21 *Pinther W.M.* *Op. cit.* P. 439–440.
- 22 ПСЗ. Т. XXXI. № 24 596.
- 23 Подробнее о чиновничестве: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 36–39.
- 24 ЦГИА. Ф. 1149. Оп. т. I. 1816 г. Д. 48. Л. 2–14.
- 25 РИО. Т. 90. С. 133 и др.
- 26 2 ПСЗ. Т. XX. № 19 086.
- 27 Там же. Т. XXXI. № 31 236.
- 28 *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 269.
- 29 История СССР. 1971. № 3. С. 176.
- 30 *Дубенцов Б.Б.* Вопрос об отмене гражданских чинов в первой половине 80-х годов XIX в. // *Социально-политическая история СССР: Сб. Л., 1974. С. 107–109.*
- 31 Бумаги Комитета, учрежденного высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 г. // РИО. Т. 90. С. 364, 367.

- 32 Там же. С. 395–466, 395–397, 399–401, 424–427, 433–447, 449–456.
- 33 Там же. С. 467–479; Т. 74. С. 461.
- 34 ЦГИА. Ф. 1409. Оп. т. II. 1846 г. Д. 6827. Л. 8.
- 35 ГПБ. Ф. 208. Д. 310. Л. 3–5; ЦГИА. Ф. 1200. Оп. т. XVI. Д. 1. Ч. 2. Л. 117.
- 36 ЦГИА. Ф. 1200. Оп. т. XVI. Д. 1. Ч. II. Л. 117об–118.
- 37 *Дубенцов Б.Б.* Попытки преобразования организации государственной службы в конце XIX в. // Проблемы отечественной истории: Сб. ст. М.; Л., 1976. Ч. I. С. 202–227; *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 44; *Шепелев Л.Е.* Отмеченные историей. Л., 1977. С. 121–130.
- 38 ПСЗ. Т. XXVI. № 19 961, п. 1; XXV. № 21 203.
- 39 2 ПСЗ. Т. VIII. № 7224.
- 40 ГПБ. Ф. 208. Д. 22. Л. 53об.–54.
- 41 ЦГИА. Ф. 1275. Оп. 1. 1858 г. Д. 31. Л. 54.
- 42 ГПБ. Ф. 208. Д. 22. Л. 66.
- 43 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 817.
- 44 Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863. Вып. 2. С. 270.
- 45 Список гражданских чиновников первых IV классов. Исправлен по 20 июля 1851 г. СПб., 1851.
- 46 *Pinther W.M.* Op. cit. P. 437.
- 47 *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 71–97.
- 48 *Аврех А.Я.* Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 87.
- 49 *Рындзюнский П.Г.* К дискуссии об абсолютизме в России // Там же. 1972. № 4. С. 69.
- 50 Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от р. х. 1803. СПб., 1802. С. 4–8; *Волков Н.Е.* Двор российских императоров. СПб., 1900. С. 37.
- 51 *Шепелев Л.Е.* Указ. соч. С. 121–130.
- 52 Адрес-календарь.общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1852 г. СПб., 1851. Ч. I. С. 1–4.
- 53 СЗ. 1832. Т. III. Ст. 596; 1857. Т. III. Ст. 1139.
- 54 *Спасский И.Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 1963. С. 109–134.
- 55 Приложение к «Своду уставов о пенсиях» // СЗ. 1832. Т. III.
- 56 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 455.
- 57 *Amburger E.* Op. cit. S. 514–519.
- 58 Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина (далее – ГБЛ). Ф. 214. № 51. Д. 9. Л. 95–97, 114 об.
- 59 ЦГИА. Ф. 1409. Оп. т. II. 1846 г. Д. 6827. Л. 9–9 об.
- 60 2 ПСЗ. Т. XXV. № 24 606. С. 3 (при кодификации: СЗ. 1857. Т. III. Ст. 838, п. 3).

- 61 СЗ. 1842. Т. X. Ст. 1583–1584, 1587, 1589, 1599.
- 62 Там же. Т. XI. Устав счетный. Кн. III. Ст. 57, 191, 300, 367, 454.
- 63 Там же. Т. XII. Устав строительный. Ст. 138–140.
- 64 Там же. Т. XII. Продолжение 2; Примечание к ст. 274 и 48 Положения о преобразовании губернских и дорожных комиссий. 28 апреля 1849 г.
- 65 СЗ. 1842. Т. XIII. Ст. 296–323; т. I. Ст. 1189.
- 66 Там же. Т. IX. Ст. 114.
- 67 *Ерошкин Н.П.* Военный аппарат царской России в период Крымской войны (1853–1855 гг.) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 9. 1957. С. 38–176.
- 68 ЦГИА. Ф. 1284. Оп. 4. Д. 118. Л. 9.
- 69 Список всех срочных донесений, поступающих в Министерство внутренних дел. СПб., 1845. С. 1–20.
- 70 ЦГИА. Ф. 1149. Оп. т. II. 1830 г. Д. 53, а-г; 1831 г. Д. 64.
- 71 ГПБ. Ф. 637. Д. 2. Л. 3; ЦГАОР. Ф. 722. Оп. I. Д. 599. Л. 104об.
- 72 ЦГИА. Ф. 381. Оп. т. II. 1851 г. Д. 1171. Л. 1–2; Ф. 1149. Оп. т. IV. Д. 90. Л. 1об.
- 73 ГПБ. Ф. 637. Д. 2. Л. 1об., 3, 10, 11об.–17, 19об., 21об. и т. д.
- 74 Там же. Л. 5–11.
- 75 Там же. Д. 3. Л. 5об., 6–8.
- 76 Там же. Л. 9–9об.
- 77 Там же.
- 78 СЗ. 1842. Т. X. Ст. 2633.
- 79 ЦГИА. Ф. 1149. Оп. т. IV. Д. 90. Л. 943–950.
- 80 ГБЛ. Ф. 290. Оп. 79. Д. 6. Л. 1.
- 81 Там же. Л. 1.
- 82 Там же. Л. 20, 24.
- 83 *Варадинов Н.В.* Делопроизводство или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегияльному и единоличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самых дел. С приложением к опытам образцов и форм. СПб., 1857. Ч. I–II; *Катков М.Н.* Руководство к наглядному изучению административного течения бумаг в России. М., 1958; *Митяев К.Г.* История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959. С. 72–74.

Глава 3

- ¹ Архив Государственного совета. СПб., 1888. Т. II. С. X.
- ² *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. I. С. 113.
- ³ *Сафонов М.М.* Из истории образования Непременного совета // Социально-политическая история СССР: Сб. М., 1974. С. 150–159.
- ⁴ Архив Государственного Совета. СПб., 1878. Т. III. С. 89.

- 5 Там же. С. 15–50.
- 6 Мемуары кн. А. Чарторижского и его переписка с Александром I. М., 1912. Т. I. С. 278.
- 7 *Николай Михайлович*. Гр. Павел Александрович Строганов (1774–1817). СПб., 1903. Т. II. Приложения. С. 63; *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. СПб., 1897. Т. 2. С. 45.
- 8 Подробнее об этом см.: *Предтеченский А.В.* Общественно-политическая история России первой четверти XIX в. М.; Л., 1957. Гл. III–IV.
- 9 ЦГИА. Ф. 1148. Оп. т. I. Д. 1. Л. 1–180; Т. 2. Л. 1–99.
- 10 ПСЗ. Т. XXXI. № 24 064.
- 11 РИО. Т. 21. С. 449.
- 12 *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 216–217.
- 13 ПСЗ. Т. XXI. № 24 064, п. III.
- 14 РИО. Т. 90. С. 194–198.
- 15 ЦГИА. Ф. 1149. Оп. т. III. 1843 г. Д. 1, 62.
- 16 *Писарев С.Н.* Учреждения по принятию прошений и жалоб, приносимых на высочайшее имя. 1810–1910. СПб., 1909. С. 78–81.
- 17 ЦГИА. Ф. 1149. Оп. т. III. 1843 г. Д. 1. Л. 4.
- 18 *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 2. С. 380.
- 19 ПСЗ. Т. XXI. № 24 064. Ст. II.
- 20 *Полиевктов М.* Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918. С. 221.
- 21 *Корф М.А.* Из записок // Русская старина. 1899. Т. 99. С. 280.
- 22 *Даневский П.Н.* История образования Государственного совета в России. СПб., 1859. С. 82.
- 23 ЦГИА. Ф. 1162. Оп. т. XVI. Д. 4. Л. 1–16.
- 24 ПСЗ. Т. XXXI. № 24 064. 73.
- 25 *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. СПб., 1887. С. 210; *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования. СПб., 1897. С. 762; *Романович-Славатинский А.В.* Система русского государственного права. Киев, 1886. Т. I. С. 183; *Владимирский-Буданов М.В.* Обзор истории русского права. Киев, 1888. С. 231; и др.
- 26 *Коркунов Н.М.* Значение формулы «вняв мнению Государственного совета» // Юридическая летопись (СПб.). 1892. № 12; *Он же.* Русское государственное право. СПб., 1909. Т. II. С. 72; *Латкин В.Н.* Учебник истории русского государственного права периода империи. СПб., 1909. С. 10–12.
- 27 *Корф М.А.* Из записок // Русская старина. 1899. Т. 100. С. 52.
- 28 *Николай Михайлович*. Указ. соч. Т. II. С. 115.
- 29 Там же. С. 156.
- 30 Там же. С. XV.
- 31 Там же. С. 121.
- 32 План государственного преобразования гр. М.М. Сперанского: Сб. М., 1905. С. 293–294.

- 33 Журналы Комитета министров 1802–1826 гг. СПб., 1888. Т. I. С. 13; Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. I. С. 6.
- 34 Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. I. С. 20.
- 35 Там же.
- 36 Там же. Т. II. Ч. 1. С. 22.
- 37 Там же. С. 470.
- 38 РИО. Т. 90. С. 10.
- 39 Там же. С. 65.
- 40 Там же. С. 126–127.
- 41 Там же. С. 27–38.
- 42 Там же. С. 37–38.
- 43 План государственного преобразования гр. М.М. Сперанского. С. 289.
- 44 РИО. Т. 90. С. 125–176.
- 45 Там же. С. 51, 57.
- 46 Там же.
- 47 Там же. С. 61.
- 48 Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. II. Ч. 2. С. 16–17, 55–68, 143–151 и др.
- 49 Там же. Ч. 1. С. 326–344.
- 50 Там же. Ч. 2. С. 210–211.
- 51 РИО. Т. 90. С. 71.
- 52 ЦГИА. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–14.
- 53 Там же. Л. 11.
- 54 Там же. Л. 10б.
- 55 ЦГИА. Ф. 1275 (опись материалов фонда Совета министров 1852–1882).
- 56 ЦГИА. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 41. С. 1–47.
- 57 Там же. Д. 2. Л. 1–2; Д. 3. Л. 1–2; Д. 5. Л. 1 и др.
- 58 *Чернуха В.Г.* Совет министров в 1857–1882 гг // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1973. Кн. V. С. 136.
- 59 Записки А.М. Тургенева // Русская старина. 1885. Т. 47. С. 388–389.
- 60 ЦГИА. Ф. 1164. Оп. т. XVI. 1810–1811 гг. Д. 9–10. Т. 10. Л. 21.
- 61 ПСЗ. Т. XXVII. № 19 908.
- 62 Русский архив. 1883. Т. 3. С. 114–119.
- 63 *Raeff M.* Le climat politique et les projets de réforme dans les premiers années du règne d'Alexandre 1-e // Cahiers du Monde Russe et soviétique. Vol. 11. № 4. P. 430–432.
- 64 Ibid. P. 433.
- 65 *Николай Михайлович.* Указ. соч. С. 301–311.
- 66 История Правительствующего Сената за двести лет. СПб., 1911. Т. III. С. 41–43.

- 67 ПСЗ. Т. XXVII. № 20 405.
- 68 *Державин Г.Р.* Соч. М., 1860. Т. VI. С. 790; *Тельберг Г.Г.* Сенат и право представления на высочайшие указы // ЖМНП. 1910. № 1. С. 133.
- 69 Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1903. Вып. 12. С. 29–324.
- 70 ЦГИА. Ф. 1370. Оп. т. I. Д. 16. Л. 18.
- 71 Там же. Ф. 1167. Оп. т. XVI. Д. 9–10. Т. 18. Л. 94об.–95.
- 72 ПСЗ. Т. XXI. № 24 064. 97–98.
- 73 ЦГИА. Ф. 1167. Оп. т. XVI. Д. 70. Л. 2–5об.
- 74 *Рудин С.Д.* Межевая часть за столетие // ЖМЮ. 1903. № 9. С. 205–225.
- 75 *Рудаков В.Е.* Архив Департамента герольдин Правительствующего Сената. Владимир, 1908. С. 5.
- 76 Архив Правительствующего Сената. СПб., 1872. Т. I. С. 619.
- 77 *Рудаков В.Е.* Указ. соч. С. 10.
- 78 Там же. С. 6–8.
- 79 *Рейнке Н.М.* Очерки законодательства Царства Польского. 1807–1881 гг. // ЖМЮ. 1901. № 8. С. 137.
- 80 Русская старина. 1882. Кн. 33. С. 631.
- 81 ЦГИА. Ф. 1167. Оп. т. XVI. Д. 70. Л. 6.
- 82 Там же. Оп. т. XVI. Д. 160. Л. 11об.–2.
- 83 Там же. Ф. 1148. Оп. Т. II. 1832 г. Д. 1. Л. 1–5.
- 84 Отчеты Министерства юстиции за 1840 и 1850 гг. СПб., 1841, 1851 гг.
- 85 История Правительствующего Сената за двести лет. Т. III. С. 517.
- 86 Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. III. Ч. I. С. 40.
- 87 *Паина Э.С.* Сенаторские ревизии и их архивные материалы // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX веков. Л., 1967. С. 147–175.
- 88 Правда о России, рассказанная кн. П.В. Долгоруковым. Париж, 1861. Т. 1. С. 56–57; *Долгоруков П.В.* Петербургские очерки. М., 1934. С. 410.
- 89 *Бочкарев В.Н.* Дореформенный суд // Судебная реформа. М., 1915. Т. I. С. 211.
- 90 Русская старина. 1882. Т. 34. С. 630.
- 91 Красный архив. Т. 38–39. С. 123–124.
- 92 ЦГИА. Ф. 1164. Оп. т. XVI. Д. 9–10. Т. XII. Л. 46об.–47.
- 93 Там же. Л. 49об.
- 94 Там же. Л. 55об., 56об.–57.
- 95 Там же. Л. 109об., 110об.–112, 133об.
- 96 Там же. Д. 23. Л. 1об., 4–4об.
- 97 Там же. Л. 27–28, 29.

- 98 Там же. Д. 9–10. Ч. II. Л. 1–18.
- 99 Там же. Л. 5, 9–9 об.
- 100 План государственных преобразований гр. М.М. Сперанского. С. 291–292.
- 101 РИО. Т. 90. С. 125–145, 147–176; Т. 74. С. 13–14, 61.
- 102 *Воробьева И.Я.* Тайный следственный комитет (комиссия) и Верховный уголовный суд над декабристами // Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та. 1970. Т. 28. С. 529–548.
- 103 ЦГАОР. Ф. 48. Оп. т. I. Д. 1. Л. 6.
- 104 Боровков А.Д. и его автобиографические записки // Русская старина. 1898. Т. 94. С. 35.
- 105 Декабристы. Материалы и документы: Сб. М., 1926. С. 232–233, 236; Записки декабриста Н.Л. Лорера. М., 1931. С. 96; Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 133; и др.
- 106 ЦГАОР. Ф. 48. Оп. т. I. Д. 25. Л. 10, 11, 69, 70; Д. 26. Л. 10–11.
- 107 Восстание декабристов. М., 1925. Т. VIII. С. 13–14.
- 108 *Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 2. С. 400.
- 109 *Голыцын Н.Н.* Сперанский в Верховном уголовном суде над декабристами // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 1. С. 72 и др.; *Семенова А.В.* Сперанский и декабристы // Исторические записки. 1978. Т. 102. С. 214–216.
- 110 ЦГАОР. Ф. 48. Оп. т. I. Д. 462. Л. 97–103; Д. 454. Л. 11–12.
- 111 История Польши. М., 1956. Т. 1. С. 570–572.
- 112 ЦГИА. Ф. 673. Оп. т. II. Д. 34. Л. 2об., 3, 5; Ф. 1282. Оп. 1. Л. 1–10.
- 113 Дело петрашевцев. М.; Л., 1937. Т. 1. С. XVII–XVIII.
- 114 Там же. С. XXI.
- 115 Свод военных постановлений. Изд. 1838. Т. XII. Ч. V. Устав военно-уголовный.
- 116 *Ахшарумов Д.Д.* Из моих воспоминаний (1849–1851). СПб., 1905. С. 108–109.
- 117 *Благовидов Ф.В.* Обер-прокуроры Св. Синода в XVIII в. и первой половине XIX в. Казань, 1900. С. 10–301.
- 118 *П.М.* Из прошлого // Русский вестник. 1868. Т. 74. С. 465.
- 119 Там же. С. 469.
- 120 Русская старина. 1884. Т. 41. С. 125–126.
- 121 *Чистович И.А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России первой половины XIX в. СПб., 1895. С. 22–25.
- 122 Описание документов и дел, хранящихся в архиве Св. Правительствующего Синода. Комиссия духовных училищ. 1808–1839. СПб., 1910.
- 123 ЦГИА. Ф. 1149. Оп. т. I. 1817 г. Д. 24. Л. 4об.
- 124 *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. СПб., 1898. Т. IV С. 316.
- 125 ЦГИА. Ф. 796. Оп. т. 32. 1824 г. Д. 669. Л. 1.
- 126 Там же. Ф. 797. Оп. т. I, 1917 г. Высочайшие указы и повеления. Л. 83.

- 127 Из архиерейских записок // Голос минувшего. 1913. № 7. С. 270.
- 128 Переписка Филарета Московского с Нечаевым. М., 1884. С. 189.
- 129 *Муравьев А.Н.* Воспоминания. М., 1913. С. 63.
- 130 Письма митрополита Московского Филарета к А.Н. Муравьеву. 1832–1867. Киев, 1869. С. 37; *Лесков Н.С.* Синодальные персоны // Исторический вестник. 1812. № 11. С. 395.
- 131 РИО. Т. 113. Кн. 1. С. 156; Никанор Херсонский архиепископ в своих автобиографических записках // Русский архив. 1906. Кн. II. № 5–8. С. 323–324.
- 132 *Барсов Т.В.* Святейший Синод в его прошлом. СПб., 1896. С. 351–354.
- 133 Там же. С. 383.
- 134 *Лесков Н.С.* Указ. соч. С. 402.
- 135 Извлечение из отчета обер-прокурора Св. Синода за 1852 г. СПб., 1853. С. 6–12, 99–100.
- 136 Там же. С. 53, 63–66.
- 137 Министерство финансов 1802–1902. СПб., 1902. Ч. I. Приложения. С. 628.
- 138 Извлечение из отчета обер-прокурора Св. Синода за 1852 г. С. 32.
- 139 *Дмитриев С.С.* Православная церковь и государство в предреформенной России // История СССР. 1966. № 4. С. 20–54.
- 140 Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1858 (подсчитано по Хронологическому указателю. С. 1–64).
- 141 Там же. Приложение. С. 9; ЦГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–5об.
- 142 Собрание постановлений по части раскола. С. 313.
- 143 Там же. С. 188–189.
- 144 Там же. С. 314–317.
- 145 Там же. С. 586–587.
- 146 Там же. С. 617–618.
- 147 Там же. С. 628–630; ГБЛ. Ф. 316. Карт. 3. Л. 1–4.
- 148 РИО. Т. 98. С. 457–458.
- 149 *Пикитенко А.В.* Дневник. М., 1955. Т. I. С. 136.
- 150 Подсчитано по: *Котович А.* Духовная цензура в России (1799–1855). СПб., 1909. С. 595.
- 151 Там же. С. 513–517.
- 152 СЗ. 1842. Т. I. С. 43.
- 153 *Дмитриев С.С.* Указ. соч. С. 54.

Глава 4

- 1 См.: *Ерошкин Н.Н.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 64–65, 79–80, 129 и др.
- 2 Записка Д.П. Тропинского о министерствах // РИО. Т. 3. С. 27–28.

- 3 Строев В.Н. Столетие Собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1912. С. 7, 23–24; Русская старина. 1882. Т. 36. С. 187.
- 4 ЦГИА. Ф. 1409. Оп. т. I. 1816 г. Д. 46; 1818 г. Д. 14 и т. д.
- 5 Строев В.Н. Указ. соч. С. 17–18.
- 6 Русская старина. 1900. Т. 103. С. 666.
- 7 ЦГИА. Ф. 1409. Оп. т. II. 1828 г. Д. 280.
- 8 Там же. Д. 6827. Л. 10–26; Д. 6829. Л. 1–5.
- 9 Русский архив. 1878. Кн. 12. С. 508.
- 10 ЦГИА. Ф. 1409. Оп. т. II. Д. 6832а.
- 11 Там же. Д. 4832 б.
- 12 Там же. Оп. т. XVI. Д. 90. Л. 317–320; ГПБ. Ф. 637. Д. 2. Л. 9–10.
- 13 ЦГИА. Ф. 1409. Оп. т. II. Д. 6827. Ч. 8.
- 14 Там же. Ч. 1–3.
- 15 Там же. Д. 5073, 6900, 6965 и др.
- 16 Строев В.Н. Указ. соч. С. 205.
- 17 Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 2. Ч. 1. С. 18.
- 18 ЦГИА. Ф. 1259. Оп. I. Д. 9. Л. 16, 21–27, 49; Д. 2. Л. 75; Д. 3. Л. 29об.
- 19 Ильинский Н.С. Воспоминания моей жизни // Русский архив. 1879. Кн. 3. С. 410.
- 20 ЦГИА. Ф. 1259. Оп. т. I. Д. 5. Л. 90об., 110–111.
- 21 Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1860. Т. I. С. 66–94.
- 22 Ахун М. К истории кодификации русского права // Архивное дело. 1941. № 2(58). С. 8.
- 23 Ильинский Н.С. Указ. соч. С. 416–417.
- 24 Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 145–165.
- 25 Там же. С. 165–170.
- 26 Там же. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 278–279, 326.
- 27 Там же. Т. 3. С. 314.
- 28 ГПБ. Ф. 731. Д. 908. Л. 2.
- 29 Майков П.М. Второе отделение Собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1906.
- 30 Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений о Своде законов. Составлено из актов, хранящихся во II отделении Собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1837. С. 38.
- 31 Кассо Л.А. К истории Свода законов гражданских // ЖМЮ. 1904. № 3. С. 83–107.
- 32 ГПБ. Ф. 731. Д. 920. Л. 1–11; Д. 921. Л. 1–10.
- 33 Там же. Ф. 637. Д. 18, 20, 21.
- 34 ГПБ. Ф. 731. Д. 909. Л. 14.
- 35 Во второй записке «Предположения к окончательному составлению законов» М.М. Сперанский предложил три стадии деятель-

- ности II отделения: составление Полного собрания законов, свода законов и, наконец, Уложений (Русская старина. 1876. Т. XV. С. 434–441).
- 36 2 ПСЗ. Т. 1. № 114.
- 37 *Майков П.М.* Указ. соч. Приложение I. С. 1.
- 38 ГПБ. Ф. 637. Д. 789. Л. 2–3.
- 39 *Майков П.М.* О своде законов Российской империи. СПб., 1906. Гл. 1–2. С. 10–14; *Филиппов А.Н.* К вопросу о составе Первого полного собрания законов Российской империи // Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1915 г. Ч. I. М., 1916 и др.
- 40 *Тельберг Г.* Участие императора Николая I в кодификационной работе его царствования // ЖМЮ. 1916. № 1. С. 233–244.
- 41 *Сперанский М.М.* Руководство к познанию законов. СПб., 1845. С. 83.
- 42 ЦГИА. Ф. 1261. Оп. т. I. 1828 г. Д. 10 а. Л. 1–2, 8, 8об.
- 43 Там же. 1832 г. Д. 24. Л. 1–2.
- 44 Там же. Ф. 1148. Оп. т. I. 1833 г. Д. 2. Л. 1об.; *Корф М.* Жизнь гр. Сперанского. СПб., 1861. Т. II. С. 300.
- 45 *Сперанский М.М.* Обзорение исторических сведений о своде законов...
- 46 ЦГИА. Ф. 1148. Оп. т. II. 1833 г. Д. 2. Л. 3–6об.
- 47 *Сперанский М.М.* Наброски статей «Свода основных законов Российской империи» // ГПБ. Ф. 731. Д. 994. Л. 1–50.
- 48 *Сперанский М.М.* Обзорение исторических сведений о своде законов... С. 118.
- 49 *Корево Н.Н.* Об издании законов Российской империи. СПб., 1900.
- 50 *Корево Н.Н.* Издания местных законов Российской империи. СПб., 1907. С. 12–16; *Архипова Т.Г.* Комитет западных губерний // Труды Моск. гос. ист.-арх. ин-та. Т. 28. 1970. С. 519–520.
- 51 *Корф М.А.* Жизнь гр. Сперанского. Т. II. С. 308.
- 52 Русская старина. 1876. Т. 15. С. 431, 439, 591.
- 53 2 ПСЗ. Т. XX. № 18 233.
- 54 Объяснительная записка к проекту «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных». СПб., 1844. С. 1–2.
- 55 ЦГИА. Ф. 1261. Оп. т. I. 1844 г. Д. 12 а, 12 б, 12 в.
- 56 Там же. Ф. 1149. Оп. т. II. 1844 г. Д. 97. Л. 1–42; Ф. 1148. 1845 г. Д. 1. Л. 1–10; 2 ПСЗ. Т. XX. № 19 233.
- 57 ЦГИА. Ф. 1262. Описание; ГПБ. Ф. 637. Д. 109. Л. 1–197.
- 58 *Троцкий И.М.* Третье отделение при Николае I. М.; Л., 1930. С. 8–9; ЦГАОР. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 225. Л. 1–5.
- 59 Записки гр. Е.Ф. Комаровского. СПб., 1914. С. 138.
- 60 ЦГИА. Ф. 1163. Оп. т. XVI. 1807 г. Д. 1. Л. 10–11.

- 61 ПСЗ. Т. XXIX. № 22 425.
- 62 *Сивков К.В.* Тайная экспедиция, ее деятельность и документы // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. Кафедра истории СССР. Вып. II. М., 1946. С. 101; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. С. 117–118, 128–129.
- 63 ЦГИА. Ф. 1163. Оп. т. XVI. 1807 г. Д. 1. Л. 3; *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Приложения. С. 5–6.
- 64 ЦГИА. Ф. 1163. Оп. т. XVI. 1807 г. Д. 1. Л. 5.
- 65 *Жихарев С.П.* Записки современника. М.; Л., 1934. Т. 1. С. 273.
- 66 Таблица составлена по журналам комитета (ЦГИА. Ф. 1163).
- 67 ЦГИА. Ф. 1163. Оп. т. XVI. Д. 1а. Л. 1–3.
- 68 Проект А. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции // Русская старина. 1900. Т. 104. С. 615–616.
- 69 Там же; *Шильдер Н.К.* Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. I. С. 780–781; *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909. С. 12–13.
- 70 ЦГАОР. Ф. 109. Историческая записка о III отделении Собственной е. и. в. канцелярии и о корпусе жандармов за 25-летие с 1826 по 20 ноября 1850 г. Л. 1.
- 71 2 ПСЗ. Т. 1. № 449.
- 72 ЦГИА. Ф. 1409. Оп. т. II. Д. 4612. Л. 1–3об.
- 73 Там же. Ф. 109, 2э, 1826 г. Д. 1. Ч. I. Л. 6–6об.
- 74 ЦГАОР. Ф. 109. Оп. 56. Д. 1. Л. 12об.–14.
- 75 Там же. Л. 15–16.
- 76 Там же. Л. 12об.–14.
- 77 2 ПСЗ. Т. II. № 1062.
- 78 Там же. Т. XI. № 9355.
- 79 ЦГАОР. Ф. 109. Историческая записка о III отделении Собственной е. и. в. канцелярии и о корпусе жандармов за 25-летие с 1826 по 20 ноября 1850 г. С. 273; Ф. 109. Оп. 85. Д. 1. Л. 400.
- 80 Толки и настроения умов в Петербурге 1826 г. по донесениям агентов тайного надзора // Русская старина. 1881. Т. 32. С. 168–194, 302–336, 519–560.
- 81 Там же. С. 556.
- 82 Третье отделение Собственной е. и. в. канцелярии о себе самом // Вестник Европы. 1917. кн. 3. С. 89.
- 83 По поводу инструкции гр. Бенкендорфа // Русский архив. 1889. № 8. С. 522–524.
- 84 Русский архив. 1889. № 7. С. 396–398.
- 85 Красный архив. Т. 37. С. 143–156.
- 86 Там же. С. 153.
- 87 Там же. Т. 36. С. 153.

- 88 ЦГИА. Ф. 109. Т. XII. Л. 105об.–106.
- 89 По поводу слухов об освобождении крестьян в 1830 г. // Русская старина. 1896. Т. 88. С. 130.
- 90 Крестьянское движение 1827–1869 гг. Вып. 1. С. 31.
- 91 Там же. С. 51.
- 92 *Нифонтов А.К.* Россия в 1848 г. М., 1949. Гл. III–IV.
- 93 Русская старина. 1883 г. Т. 39. С. 594–596.
- 94 ЦГАОР. Ф. 109. 1 эксп. 1854 г. Д. 401. Л. 28.
- 95 Крестьянское движение 1827–1869 гг. Вып. 1. С. 113.
- 96 ЦГАОР. Ф. 109. Историческая записка о III отделении Собственной е. и. в. канцелярии и о корпусе жандармов за 25-летие с 1826 по 20 ноября 1850 г. С. 11.
- 97 Подробнее об этом: *Федосов И.А.* Революционное движение в России во 2-й четверти XIX в. М., 1958; *Зайончковский П.А.* Кирилло-Мефодиевское братство. М., 1961.
- 98 *Лемке М.* Указ. соч.
- 99 *Модзалевский Б.М.* Пушкин под тайным надзором. Л., 1925. С. 1–106; *Щеголев П.* Дуэль и смерть Пушкина. М., 1937; Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 гг. / Под ред. Н.В. Измайлова. М.; Л., 1960.
- 100 *Модзалевский Б.Л.* Пушкин под тайным надзором. С. 102.
- 101 *Андроников И.* Лермонтов. Исследования и находки. Изд. 3-е. М., 1969. С. 518–524; *Макашин С.* Из разысканий о Некрасове в архивных фондах III отделения и Департамента полиции // Литературное наследство. 1949. Т. 53–54.
- 102 Приглашение в III отделение Белинского // Русская старина. 1882. Т. 36. С. 434.
- 103 *Кавелин К.Д.* Собр. соч. СПб., 1899. Т. 3. С. 1094.
- 104 *Ильинский Л.К.* Герцен и III отделение // Голос минувшего. 1918. № 7–9. С. 79–98.
- 105 *Селиванов И.В.* Записки // Русская старина. 1881. С. 309.
- 106 *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. VII. С. 208.
- 107 Там же. Т. IX. С. 57–62; *Ахшарумов Д.Д.* Из моих воспоминаний (1849–1851 гг.). СПб., 1905. С. 53.
- 108 *Троцкий И.М.* Третье отделение при Николае I. М., 1930. С. 51; *Squire P.S.* The Third Department. The establishment and practices of the political police in the Russia of Nicholas I. Cambridge, 1968. P. 125.
- 109 Письма М.Я. Фока А.Х. Бенкендорфу в 1826 г. // Русская старина. 1881. Т. 32. С. 168–194, 302–336, 519–560; ЦГАОР. Ф. 109. Оп. 3. Д. 13, 44, 107, 160, 583 и др.
- 110 *Каратыгин П.П.* «Северная пчела» // Русский архив. 1882. № 4. С. 241–303; *Лемке М.К.* Фаддей Булгарин и «Северная пчела» // Русское богатство. 1903. № 10. Отд. II. С. 135–178; *Он же.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1908.

- С. 232–260; *Козьмин Б.П.* Воскресший Белинский // Литературное наследство. 1951. Т. 57. С. 7–24.
- 111 *Модзалевский Б.Л.* Яков Николаевич Толстой // Русская старина. 1899. Т. 100. С. 185–186.
- 112 *Ancelot M.* Six mois en Russie. Paris, 1826; *Maistre J. de.* Les soirées de St.-Petersbourg. Paris, 1829; *May J.B.* St.-Petersbourg et la Russie en 1829. Paris, 1829; *Pelchinsky V.S.* La Russie en 1844. Paris, 1845; *Hennigsen O.F.* Revelations of Russia in 1846 by an English Resident. Vol. 1–2. London, 1846; *Suzannet.* Souvenirs de voyage. Les provinces du Caucase. P., 1846; *Dore G.* Histoire dramatique, pittoresque et caricaturale de la Sante-Russie. P., 1854; *Schnitzler.* Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas. Vol. 1–2. P., 1854 и др.
- 113 *Тарле Е.В.* Соч. М., 1959. Т. VI. С. 60.
- 114 Революция в 1848 г. во Франции. Донесения Я. Толстого. СПб., 1926.
- 115 *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909. С. 98; *Троцкий И.М.* Третье отделение при Николае I. М., 1930. С. 59.
- 116 По материалам Венского государственного архива переписку К. Меттерниха и А.Х. Бенкендорфа за 35 лет (1807–1842 гг.) изучил и проанализировал английский историк П.С. Сквайр (*Squire P.S.* Metternich and Bencendorff. 1804–1834 // *The Slavonic and East European Review.* Vol. XLV. № 104. Jan. 1967. P. 135–162; *The Metternich-Bencendorff letters 1835–1842* // *Ibid.* № 105. July. 1967. P. 368–390. Политические контакты России и Австрии зародились еще в первые годы существования Священного союза (*Emerson D.* Metternich and Political Police. Security and Subversion in the Hapsburg Monarchy (1815–1830). Haque, 1968. P. 40, 43, 53, 68, 192–193, 427–428).
- 117 Записки гр. А.Х. Бенкендорфа. 1832–1837 гг. // Шильдер Н.К. Император Николай Первый. СПб., 1903. Т. 2. С. 713–714; *Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich.* P., 1880. Т. 5. P. 251.
- 118 ЦГАОР. Ф. 109. Оп. 10, 1 эксп. Д. 35, 264, 761.
- 119 Там же. Д. 761. Ч. 9; Оп. 62, 2 эксп. Д. 7, 804.
- 120 Исследователей внешней политики Западной Европы вот уже более века интересует политическая деятельность баронессы Д. Ливен, жены русского посла гр. Х.А. Ливена в Англии в 1812–1834 гг. (*Correspondence of Princesse Lieven and Earl Grey.* Т. 1–2. L., 1890–1891; *Robinson L.G.* Letter of Dorothea Princess Lieven during her Residence in London 1812–1834. L., 1902; *Temperley H.* The unpublished Diary and Political sketches of Princess Lieven. L., 1925. Близкая к царствующим дворам России, Австрии и Англии и ко

- многим политическим деятелям Европы (Меттерниху, Грею, Каннингу, Лорду Эбердингу, Гизо и др.), входя в высшее английское, а в 1839–1848 г. и во французское общество, баронесса Д. Ливен была для царского правительства источником огромной информации о политике ряда европейских государств, и особенно Англии и Франции. Французский историк 60-х годов XIX в. П. Лакруа утверждал (без ссылок на источники), что как ценный информатор Д. Ливен была представлена Николаю I ее братом А.Х. Бенкендорфом (*Lacroix P. Histoire de la vie et du règne de Nicholas I-er. P., 1862. Vol. 2. P. 231*).
- 121 Вестник Европы. 1917. Кн. 3. С. 99–100.
- 122 Красный архив. Т. 46. С. 138–140.
- 123 Крестьянское движение 1827–1869 гг. М., 1931. Вып. 1. С. 25, 44, 51, 57 и др.
- 124 Красный архив. Т. 37. С. 169; Т. 38–39. С. 146; Т. 46. С. 141 и др.
- 125 *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. М., 1951. Т. 2. С. 428–433, 427–429; ЦГАОР. Ф. 109, 1 эксп. Д. 51.
- 126 Записки жандарма А.И. Лобачевского // Вестник Европы. 1872. Т. 2. С. 242–280, 723–758; *Шомпулев В.А.* Из дневника жандарма 30-х годов // Русская старина. 1897. Т. 90. С. 261–269.
- 127 Русская старина. 1898. Т. 95. С. 529.
- 128 *Щеголев П.Е.* Любовь в равелине // Алексеевский равелин. Сб. Л., 1929. С. 27 и др.
- 129 *Градовский А.Д.* Собр. соч. СПб., 1907. Т. VIII. С. 520.
- 130 Обзорение учреждений имп. Марии в 25-летие с 1828 по 1853 г. СПб., 1854. С. 43, 107, 134–135.
- 131 *Кобеко Д.Ф.* Императорский Царскосельский лицей. 1811–1843. СПб., 1911. С. 112–113.
- 132 Обзорение учреждений имп. Марии в 25-летие с 1828 по 1853 г. С. 134–135.
- 133 Генеральный план имп. Воспитательного для приносимых детей дома и госпиталя для бедных рожениц в Москве. 1763–1767 гг. Ч. I. СПб., 1769. С. 2.
- 134 Учреждение имп. Воспитательного для приносимых детей дома и госпиталя для бедных рожениц в столичном городе Москве. Ч. 1. СПб., 1767. С. 33.
- 135 История имп. Московского госпитального дома. М., 1860. С. 48–51.
- 136 История Москвы. М., 1954. Т. IV. С. 342.
- 137 *Иванов А.* Воспитательные дома в России // Вестник Европы, 1890. Кн. 6. С. 523.
- 138 Генеральный план имп. Воспитательного для приносимых детей дома и госпиталя для бедных рожениц в Москве. 1763–1767 гг. Ч. 1. С. 18.
- 139 Генеральный план имп. Воспитательного дома, исполнительное

- учреждение Вдовьей, Ссудной и Сохранной казны в пользу всего общества. СПб., 1772. С. 99.
- 140 *Кауфман И.* Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909. С. 194; *Боровой С.Я.* Кредит и банки России. М., 1958. С. 175–176.
- 141 Обзорение учреждений имп. Марии в 25-летие с 1828 по 1853 г.; Министерство финансов 1802–1902 гг. СПб., 1902. Ч. I. С. 627–629.
- 142 *Тройницкий А.* Крепостное население России по 10-й народной переписи. СПб., 1861. С. 57–58; Статистическое обозрение государственных крестьян // ЖМГИ. 1841. Ч. 2. С. 299.
- 143 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 250.
- 144 *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Гр. П.Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 2. С. 18.
- 145 Крестьянское движение 1827–1869 гг. Ч. I. С. 10–24; *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1. Гл. 3.
- 146 2 ПСЗ. Т. XI. № 9119; *Дружинин Н.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 195, 280–298.
- 147 *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Гр. Указ. соч. Т. 3–4. *Кизеветтер А.А.* Внутренняя политика императора Николая Павловича // Исторические очерки: Сб. М., 1912. С. 479–483; *Корнилов А.* Курс истории России XIX века. М., 1912. Ч. II. С. 49–52.
- 148 ЦГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 323. Л. 19–24.
- 149 Там же. Д. 343. Л. 1–3; Д. 324. Л. 75–76.
- 150 *Дружинин Н.М.* Указ. соч. С. 328–376.
- 151 ЦГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 611. Л. 1–15.
- 152 Там же. Д. 819. Л. 72–72об.
- 153 *Инсарский В.А.* Воспоминания // Русская старина. 1894. Т. 81. С. 51–52.
- 154 ЦГИА. Ф. 152. Оп. 2, 1837 г. Д. 200. Л. 140.
- 155 Там же. Ф. 398. Оп. 9. Д. 2849; Ф. 1589. Оп. 1. Д. 847.
- 156 *Колотинская Е.Н.* Правовые основы земельного кадастра в России. М., 1969. С. 88–89.
- 157 *Вешняков В.И.* Об отправлении государственными крестьянами рекрутской повинности по жеребьевой системе // ЖМГИ. 1860. Ч. 74. С. 259–270.
- 158 ЦГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 693.
- 159 Там же. Оп. 4. Д. 2. Л. 3; Оп. 3. Д. 5. Л. 9об – 10.
- 160 Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–3.
- 161 Там же. Д. 7. Л. 1.
- 162 Систематическая опись делам бывшего V отделения Собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1887. С. 9.
- 163 ЦГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 8. Л. 3–4.
- 164 Подробнее см.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1959. Т. 2. Гл. 2–5.

- 165 ЦГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 180. Л. 44–69, 63–67.
- 166 Там же. Д. 316. Л. 1–2.
- 167 Там же. Д. 697. Л. 11.
- 168 *Сыромятников Б.И.* Краткий обзор и указатель литературы по истории государственной власти в России. М., 1913. С. 23.
- 169 Император Николай в совещательных собраниях. Из современных записок статс-секретаря барона Корфа // РИО. Т. 98. С. 124–167.
- 170 Там же. С. 123.
- 171 Журналы Комитета 6 декабря 1826 г. // РИО. Т. 74. С. XV–XVI.
- 172 Там же. С. 477–488.
- 173 Там же. С. 94.
- 174 Декабристы: Сб. материалов. Л., 1926. С. 1–9.
- 175 РИО. Т. 74. С. 94.
- 176 Там же. Т. 90. С. 2–358, 359–539.
- 177 Там же.
- 178 *Шильдер Н.К.* Император Николай I. СПб., 1903. Т. 2. Приложения. С. 534–538, 551–555; ЦГИА. Ф. 1167. Оп. т. XVI. Д. 153. Л. 1–3, 10–18.
- 179 ЦГИА. Ф. 1167. Оп. т. XVI. Д. 210, 306–307, 390 и др.
- 180 Там же. Ф. 1149. Оп. т. IV. Д. 90; Ф. 1172. Оп. т. XVI. Д. 1. Л. 1–2; Д. 7, 10; Ф. 1176. Оп. т. XVI; Д. 1. Л. 118; Ф. 1409. Оп. т. II. 1846 г. Д. 6827–6828.
- 181 РИО. Т. 86. С. 124–207; ЦГИА. Ф. 1175. Оп. XVI. Д. 1–3; Ф. 1179. Оп. т. XVI. Д. 1. Л. 130; Ф. 1190. Оп. т. XVI. Д. 1. Л. 1–154.
- 182 ЦГИА. Ф. 1169. Д. 1–24.
- 183 РИО. Т. 90. С. 366; Т. 74. С. 133, 167.
- 184 ЦГИА. Ф. 1167. Оп. т. XVI. Д. 157. Л. 31об.–32.
- 185 Там же. Оп. т. XVI. Журнал № 60. Приложение. Л. 1–33.
- 186 Там же. Д. 248. Л. Зоб.; РИО. Т. 74. С. 403.
- 187 Там же. Ф. 1169. Оп. т. XVI. Д. 1. Л. 33–36.
- 188 *Дружинин Н.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 165–176.
- 189 Там же. С. 280–298.
- 190 См.: *Мироненко С.В.* Секретный комитет 1839–1842 гг. и указ об обязанных крестьянах. Дис... канд. ист. наук. М., 1976.
- 191 *Полиевктов М.* Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918. С. 312.
- 192 *Семевский В.И.* Указ. соч. Т. II. С. 115.
- 193 Император Николай в совещательных собраниях // РИО. Т. 98. С. 208–267.
- 194 ЦГАОР. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2003. Л. 6, 12 об., 14 об.
- 195 Там же. Л. 31–33.
- 196 Там же. Д. 2065. Л. 1–39; Д. 2071. Л. 1–15.
- 197 *Полиевктов М.* Указ. соч. С. 319.
- 198 Русский архив. 1896. № 6. С. 467.

- 199 Из записок барона М.А. Корфа // Русская старина. 1900. Т. 101. С. 561.
- 200 Русская старина. 1883. Т. 40. С. 596.
- 201 *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. Изд. 3-е. М., 1968. С. 66–94.
- 202 Речь Александра II 30 марта 1856 г. // Голос минувшего. 1916. № 5–6. С. 393.
- 203 Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. СПб., 1915. Т. I, II. С. 1–2.
- 204 Записки сенатора А.Я. Соловьева // Русская старина. 1881. Т. 30. С. 241.
- 205 Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. I, II. С. 3, 18.
- 206 Там же. С. 4.
- 207 *Шильдер Н.К.* Император Николай I в 1848 и 1849 гг. Приложения ко II тому его монографии «Николай Первый» (СПб., 1903. С. 630).
- 208 Записка ст.-секр. М. Корфа наследнику. Материалы по истории цензуры // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 220; ЦГАОР. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2074. Л. 1–8, 21.
- 209 ЦГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 117. Л. 1.
- 210 Там же. Д. 277. Л. 9–10.
- 211 *Шильдер Н.К.* Император Николай I в 1848 и 1849 гг. Приложения ко II тому его монографии «Николай Первый». С. 634.
- 212 Из записок М.А. Корфа // Русская старина. 1900. Т. 101. С. 573.
- 213 ЦГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 167. Л. 154.
- 214 Там же. Д. 285. Л. 7; Д. 287. Л. 6 об.; Д. 288. Л. 15–15об.
- 215 *Пикитенко А.В.* Дневник. М., 1955. Т. I. С. 312.
- 216 ЦГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 277. Л. 5об.
- 217 Там же. Л. 7.
- 218 Об управлении национальными окраинами в XVIII–XIX вв. см.: *Ерошкин П.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 144–148, 192–199, 252–257.
- 219 ЦГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 2, 6, 8; Оп. 13. Д. 11; ЦГАОР. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2182; *Карцов В.Г.* Декабрист Г.С. Батеньков. Новосибирск, 1965; *Прутченко С.* Сибирские окраины. СПб., 1899. Приложение IX. С. 349–375.
- 220 ЦГИА. Ф. 1149. Оп. т. II. 1833 г. Д. 23а. Л. 1–124; ЦГАОР. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1952. Ч. 2.
- 221 История Латвийской ССР. Рига, 1952. Т. I. С. 520–523; ЦГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 2410. Л. 373; Ф. 1405. Оп. 26. Л. 19. 118–118об. и др.

Глава 5

- 1 Корф М. Жизнь гр. Сперанского. СПб., 1861. Т. I. С. 49.
- 2 Вешняков В. Экспедиция государственного хозяйства (1797–1803). СПб., 1902. С. 23.
- 3 РИО. Т. 90. С. 203.
- 4 Там же. С. 2–4.
- 5 Сафонов М.М. Конституционный проект Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. Л., 1974. Вып. VI. С. 261–280.
- 6 Предтеченский А.В. Административные реформы в России первой четверти XIX в. Л., 1967. Гл. 4–5; Сафонов М.М. Самодержавие и борьба вокруг реформы в первые годы XIX в. Автореф. дис... канд. ист. наук Л., 1975. С. 21.
- 7 Бочкарев В.Н. Сенаторские ревизии в России при Павле I // Известия Тверского пед. ин-та, 1926. Вып. I. С. 64–81; Вып. 2. С. 31–49.
- 8 Николай Михайлович. Павел Александрович Строганов (1774–1827). СПб., 1903. Т. II. Приложения. С. 177–178, 213–218, 277–297.
- 9 Там же. С. 197.
- 10 ГПБ. Ф. 526. Д. 71. Л. 1–6.
- 11 Николай Михайлович. Указ. соч. Приложения. С. 208–210, 213–218.
- 12 ПСЗ. Т. XXVII. № 20 852.
- 13 РИО. Т. 3. С. 26–27.
- 14 Воронцов С.Р. О внутреннем управлении в России // Русский архив. 1881. Кн. 2. С. 154, 156.
- 15 Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 62.
- 16 Вигель Ф.Ф. Записки. СПб., 1892. Ч. II. С. 4.
- 17 План государственного преобразования графа М.М. Сперанского. М., 1905. С. 332.
- 18 РИО. Т. 90. С. 199–211.
- 19 Там же. С. 205–206.
- 20 Сперанский М.М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 201–202.
- 21 Там же. С. 209–213.
- 22 ЦГИА. Ф. 1164. Оп. т. XVI. Д. 2. Л. 2–8.
- 23 ПСЗ. Т. XXI. № 24 307, 24 326.
- 24 ЦГИА. Ф. 1164. Оп. т. XVI. Д. 2. Л. 9–15.
- 25 Там же. Л. 22–24, 29–30, 64–104, 145–185.
- 26 ПСЗ. Т. XXXI. № 24 686.
- 27 Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Ч. III. С. 107.
- 28 Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной е. и. в. канцелярии. М., 1903. Вып. 12. С. 29–317.
- 29 Из записок М.А. Корфа // Русская старина. 1899. Т. 97. С. 511–513.

- 30 План государственного преобразования гр. М.М. Сперанского. М., 1905. С. 333.
- 31 Записки Я.И. де Санглена // Русская старина. 1883. Т. 37. С. 45.
- 32 РИО. Т. 90. С. 11–12.
- 33 Там же. С. 64.
- 34 Там же. С. 32–33, 35.
- 35 Русская старина. 1898. Т. 95. С. 143, 146–148.
- 36 РИО. Т. 74. С. 49–50.
- 37 ЦГИА. Ф. 1149. Оп. т. II. 1830 г. Д. 53, 64, 65.
- 38 Там же. Ф. 1152. Оп. т. IV. 1851 г. Д. 92–93, 109–110, 113, 155 и др.; 1853 г. Д. 149–155, 190, 198–199 и др.
- 39 Из записок М.А. Корфа // Русская старина. 1889. Т. 95. С. 511–523.
- 40 ГПБ. Ф. 380. Д. 67. Л. 1–188; Д. 79. Л. 13.
- 41 Из дневника П.Г. Дивова // Русская старина. 1900. Т. 104. С. 486.
- 42 *Ерошкин Н.П.* Военный аппарат царской России в период Крымской войны 1853–1856 гг. // Труды Московского гос. историко-архивного института. Т. 9, 1957. С. 141–142.
- 43 ЦГАОР. Ф. 722. Оп. 1. Д. 6–7. Л. 3–10.
- 44 Там же. Л. 58.
- 45 Там же. Л. 6, 80об.–81.
- 46 Там же. Л. 87об., 89.
- 48 Там же. Д. 606. Л. 2–11.
- 49 ЦГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Т. 2. Д. 6546. Л. 1–15; Оп. 3. Т. 1. Д. 542; Ф. 410. Оп. 2, ч. 1. Д. 2339 и др.
- 50 ЦГИА. Ф. 1149. Оп. т. IV. 1860 г. Д. 1. Л. 1.

Заключение

- 1 Imperial Russia after 1861. Peaceful Modernization of Revolution? Boston, 1965.
- 2 *Крупина Т.Д.* Теория «модернизации» и некоторые проблемы развития России конца XIX в. – начала XX в. // История СССР. 1971. № 1. С. 191–205.
- 3 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 165.
- 4 Там же. Т. 21. С. 81.
- 5 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 1. С. 249.
- 6 *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. 2-е изд. М., 1968. Гл. VIII–X; Самодержавие накануне краха. М., 1975.
- 7 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 57.
- 8 Там же. Т. 31. С. 18.
- 9 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС. М., 1967. С. 5.

Законодательный механизм России
периода буржуазных реформ
60–70-х годов XIX века

Одной из характерных особенностей правительственного аппарата России с начала XIX в. была функциональная дифференциация государственных учреждений на всех уровнях. Произошло это разделение по функциям и в высшем правительственном аппарате. Несмотря на декларированный широкий круг функций созданного законом 1 января 1810 г. Государственного совета реально его главным назначением стала законосовещательная функция самодержавного государства. В условиях феодальной монархии этот принцип соблюдался непоследовательно: Государственный совет имел также административные и даже некоторые судебные функции, а часть законосовещательных функций узурпировали некоторые другие высшие государственные органы (Комитет министров, Св. Синод, высшие комитеты и др.), а также центральные учреждения (Военный совет, Адмиралтейств-совет).

К середине XIX в. сложился, в основном, следующий процесс законодательства крепостнического государства. Инициатором закона выступали император, соответствующие ведомства или их местные органы (чаще всего генерал-губернаторы и губернаторы); некоторые права законодательной инициативы имели дворянские сословные органы – дворянские собрания (в плане попечения о сословных «пользах и нуждах»); проявляли инициативу некоторые представители буржуазии (в форме записок, докладов на высочайшее имя). Получив согласие самодержца на разработку законопроектов, глава соответствующего ведомства (министр, главноуправляющий) создавал внутриведомственный комитет под председательством одного из высших чиновников этого ведомства (товарищ министра, директор департамента, чиновник особых поручений, член совета министерства). Законопроект, имеющий важное общегосударственное значение, разрабатывался обычно в межведомственном комитете, состоявшем из

чиновников разных ведомств. Сам процесс разработки законопроекта носил сугубо секретный характер и никаких сведений о его разработке в печать не поступало; секретный характер носили и сами заседания комиссии или комитета; разработка и предварительное обсуждение были ограничены узким кругом особо доверенных сановников.

Подготовленный внутриведомственным или вневедомственным комитетом законопроект поступал выше, и далеко не всегда следующей инстанцией был Государственный совет. Таковой высшей законосовещательной инстанцией могло быть одно из названных высших или даже центральных учреждений, а то и просто очередной еженедельный «всеподданнейший» доклад министра, «испросившего» у монарха, «высочайшее» утверждение законопроекта, минуя все высшие законосовещательные инстанции.

Если же законопроект поступал в Государственный совет, то, как правило, он через Государственную канцелярию передавался в соответствующий департамент Совета, где и обсуждался в узком кругу специалистов – членов Совета. Обсужденный и откорректированный в соответствующем департаменте законопроект через того же государственного секретаря передавался на заключение общего собрания. Результаты обсуждения оформлялись в форме журнала, который вместе с текстом законопроекта передавался председателем Совета или государственным секретарем на высочайшее утверждение, и лишь после этого законопроект становился законом. Не особенно считаясь с мнением законосовещательных инстанций, Александр I нередко утверждал мнения меньшинства членов этих инстанций, что вполне соответствовало основным прерогативам неограниченного монарха¹.

Обнародование законов проводилось 1-м департаментом Сената в «Сенатских ведомостях», которые рассылались всем «присутственным местам» империи. Законодательные акты перепечатывались немногочисленными ведомственными журналами (по разделу «высочайших повелений»). Некоторую политическую информацию давала единственная из частных газет России второй четверти века – «Северная пчела» (1825–1864 гг.)². С 30-х годов II Отделение собственной е.и.в. канцелярии включало каждый закон в очередной том «Полного собрания законов Российской империи» или учитывало внесение этим законом изменения в очередном продолжении «Свода законов Российской империи».

Законодательный механизм крепостнической России с трудом справлялся с потоком законопроектов. Если за всю первую четверть XIX в. было разработано, обсуждено и утверждено

примерно 10,5 тыс. законодательных актов, то примерно такое же количество приходилось на каждое последующее десятилетие (1836–1845 гг. – 10 829, 1846–1855 гг. – 10 443).

Поражение в Крымской войне, общественный подъем после нее, а затем и революционная ситуация 1859–1861 гг. подтолкнули самодержавие на проведение назревшей к середине века крестьянской реформе 1861 г. В результате этой реформы и последовавших за ней буржуазных реформ 60–70-х годов самодержавная монархия в России сделала первый весьма еще робкий шаг в сторону буржуазной монархии³. В числе элементов этого шага было также и видоизменение законодательного процесса. Государственный совет в этот период становится основным звеном законодательного механизма. Круг инициаторов законодательства несколько расширился за счет включения в их число органов земского и городского самоуправления, получивших право законодательной инициативы по очень узким вопросам местных «польз и нужд»⁴.

Государственный совет становится основным звеном законодательного механизма. Через обсуждение в нем прошли почти все буржуазные реформы 60–70-х годов (кроме проектов некоторых военных и военно-морских преобразований); его важнейшее звено – Государственная канцелярия играла заметную роль даже в разработке некоторых буржуазных реформ (судебной). Комитет министров в этот период превратился не только юридически, но и фактически в высший административный орган. Ни одна из буржуазных реформ не обсуждалась в этом высшем государственном учреждении. Объем его деятельности сократился примерно в 2–2,5 раза⁵.

Ввиду особой специфики содержания законодательных проектов сохраняли особый путь окончательного обсуждения законопроекты по военному, военно-морскому и духовному ведомствам (через Военный и Адмиралтейств-советы, а также Синод, минуя Государственный совет). Сохранялись и всеподданнейшие доклады как окончательная инстанция перед утверждением законопроектов императором формально, правда, в это время для так называемых высочайших повелений, т. е. актов, данных в «дополнение и изъяснение» законов⁶.

Безусловно, новым элементом законодательного механизма явилось привлечение к процессу законодательства, в частности разработке законопроектов, не только более широкого круга чиновников ведомств, но и представителей дворянской и буржуазной общественности. Новым явилась и относительная гласность разработки законопроектов. В печати не только ведомственной, но и общественной печатались программные документы

реформ («основные положения», записки); здесь же шло обсуждение достоинств и недостатков реформ.

В законодательном механизме появилась и новая инстанция. Так, в сентябре 1857 г. неофициально, а с 1861 г. официально был учрежден Совет министров – высший совещательный при императоре орган для осуществления бюрократического единства всех ведомств России по самым различным вопросам, в том числе и законодательного характера⁷. Через одобрение и обсуждение этой инстанции, особенно в 1858–1863 гг., прошли многие буржуазные реформы 60-х годов: цензурная, народного просвещения, университетская, земская, судебная, военная и др.⁸

Обнародование законов по-прежнему исходило от Сената. В отдельных случаях важнейшие законодательные акты и распоряжения прочитывались в церквях и на площадях (например, манифест 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян из крепостной зависимости). С 1 января 1863 г. было *повелено* все манифесты, высочайшие *повеления*, указы Сената, постановления, имеющие силу закона, печатать в особом издании – «Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате» (2 раза в неделю).

Печатную пропаганду программы буржуазных реформ, информацию об их разработке, а также сведения о правительственных распоряжениях давали и официальные органы: официоз Министерства внутренних дел – «Северная почта» (1862–1868) и общегосударственная официальная газета, выходящая с 1869 г. – «Правительственный вестник»⁹.

Процесс разработки ряда важнейших буржуазных реформ в большей или меньшей мере освещен в исследовательской литературе. В дореволюционной исследовательской литературе эти вопросы освещались с позиции официально-бюрократической (ведомственные издания) или либерально-буржуазной историографии (общеевропейские исследования). Значительное место занимают вопросы истории буржуазных реформ 60–70 годов XIX в. и в трудах советских историков¹⁰. Каждый из них в большей или меньшей мере затрагивал и процесс законодательной разработки той или иной буржуазной реформы.

Фактически отсутствуют фундаментальные исследования советских историков лишь по истории цензурной реформы 1865 г. Однако в советской историографии нет обобщающего труда по истории всех буржуазных реформ, где, без сомнения, пришлось бы затронуть общие вопросы и закономерности процесса законодательства этого периода.

Все отмеченные выше особенности законодательного механизма периода буржуазных реформ можно проиллюстрировать

на примере очень слабо изученной в советской исследовательской литературе военно-окружной реформы 1862–1864 гг.¹¹

Среди всех военных преобразований 60-х гг. эта реформа местного военного управления имела значение такого преобразования, разрешив которое было можно проводить другие изменения в русской армии. Для введения всеобщей воинской повинности, боевой подготовки армии, снабжения ее всем необходимым, учета запаса, размещения и перемещения войск, а также мобилизации огромной массы людей в начале войны старый, унаследованный от крепостнического государства и окончательно разложившийся, разьедаемый казнокрадством и злоупотреблениями местный военный аппарат с дореформенной системой всеобъемлющего централизованного руководства был негоден¹².

Сама идея (инициатива) создания военных округов впервые была высказана в конце марта 1856 г. состоявшим при военном министре для особых поручений генерал-майором и членом комиссии «для улучшения военной части» Д.А. Милютиным в записке «Мысли о невыгодах существующей в России военной системы и средствах к устранению оных». Записка не была передана в Военное министерство ввиду ненормальных отношений, сложившихся между Милутиным и военным министром генералом Н.О. Сухозанетом¹³.

Назначение на пост военного министра (9 мая 1861 г.) дало возможность Д.А. Милютину приступить к составлению подробной программы реформ армии. С помощью двух чиновников Военного министерства (Ф.Г. Устрялова и полковника В.М. Аничкова) он составил обширный «всеподданнейший доклад» по Военному министерству, представленный Александру II 15 января 1862 г. Хотя в этом докладе еще отсутствовало изложение основных начал будущей военно-окружной реформы, однако здесь отмечались выгоды этой новой системы местного военного управления. Одобрив в целом этот доклад, Александр II предложил «неотлагательно» приступить к разработке соответствующих проектов, в том числе и военно-окружной реформы¹⁴. Весь всеподданнейший доклад Милютин поступил на рассмотрение Совета министров, где был зачитан по главам на четырех заседаниях (25 января, 1 и 22 февраля и 1 марта 1862 г.)¹⁵. На первом же заседании Александр II предупредил членов Совета министров, что «как начальник и хозяин армии он это дело предлагает не на обсуждение, а к сведению»¹⁶. Одобрение доклада Александром II и его предупреждение возымели свое действие и устранили всякую критику предполагаемых военных реформ со стороны реакционно настроенных представителей высшей и военной бюрократии, а поэтому розданный министрам доклад не вызвал никаких возражений или замечаний¹⁷.

Для подготовки общественного мнения к предстоящим военным реформам Военное министерство в своем официальном органе «Военном сборнике» дало краткую информацию о предстоящих преобразованиях¹⁸. В этой небольшой заметке впервые в истории военного законодательства в России *провозглашается* новый порядок подготовки военных реформ, который заключался в гласном обсуждении различных достоинств и недостатков существующих военных «установлений». Редакция призвала читателей «включиться во всестороннее обсуждение предполагаемых мер»¹⁹. В следующем номере «Военного сборника» появилась статья с характерным названием «Заметки о пользе гласности при обсуждении военно-административных вопросов», которая развивала некоторые положения, высказанные в предыдущем номере журнала. Автор опасался слишком радикального толкования понятия «гласность» и был далек от мысли, что «гласность будет означать глубокую критику всей старой николаевской военно-административной машины», как это уже раз было в 1858 г., в период, когда главным редактором «Военного сборника» был Н.Г. Чернышевский²⁰. Обсуждение недостатков и несовершенств какого бы то ни было учреждения, – пояснял этот автор, – не должно впасть в тон так называемой «обличительной» литературы²¹.

Но даже такое узкое понимание гласности, продиктованное воззрениями представителя либеральной бюрократии военного министра Д.А. Милютина, сыграло в ходе подготовки военно-окружной реформы большую роль, втянув в обсуждение проектов широкие круги генералитета и офицерства, недовольных старой николаевской военной администрацией и остро переживавших позор поражения Крымской войны.

Уже в начале мая 1862 г. Д.А. Милютин представил царю свою обширную записку под названием «Главные основания предполагаемого устройства военного управления по округам». Основой будущей военно-окружной системы Милютин считал проведение следующих конкретных мер: 1) упразднение корпусных штабов и Главного штаба 1-й армии, как постоянно существующих в мирное время инстанций; 2) сохранение высшей тактической единицей в мирное время дивизии с соответствующим расширением ее прав и аппарата; 3) разделение государства на несколько военных округов; 4) осуществление главными окружными начальниками надзора за действующими войсками и заведений местными войсками и военными учреждениями округа; 5) создание аппарата военно-окружного управления с упразднением ряда дореформенных местных военных учреждений. Подчеркивая, что основной целью введения военно-окружной систе-

мы является децентрализация военного управления, Д. Милютин высказывал мысль, что будущие военно-окружные управления будут представлять собой как бы военные министерства в миниатюре и «министерство найдет полное всестороннее отражение себя во всех предполагаемых округах»²².

Записка «Главные основания...» была возвращена Д.А. Милютину Александром II без всякой письменной резолюции 13 мая 1862 г. с словесным разрешением отпечатать и разослать ее на заключение главным военным начальникам и компетентным лицам вообще²³. До начала июня она была разослана 211 лицам – представителям военной и гражданской бюрократии, командующим крупными военными соединениями.

Пока в министерстве шла вся эта подготовительная работа по преобразованию местного военного управления, на западной окраине России, в так называемом царстве Польском и прилегающих к нему губерниях назревало восстание. Обеспокоенное этим, царское правительство поспешило, не дожидаясь детальной законодательной разработки и утверждения военно-окружного управления, создать первые три военных округа (Варшавский, Виленский, Киевский) уже в июне 1862 г., а в декабре того же года еще один – Одесский²⁴. Самодержавие активно направило аппарат этих военных округов на проведение карательных мер в Польше. Для Военного министерства эти первые военно-окружные управления явились своеобразным опытным полем по проверке в «почти боевых условиях» многих вопросов военной администрации, хотя сам Д.А. Милютин как либеральный бюрократ не был вполне доволен этим военно-полицейским дебютом первых военно-окружных управлений. Впоследствии в статье «Военные реформы императора Александра II» он даже оправдывал создание этих первых военных округов исключительно военными целями, условиями сложной и напряженной внешнеполитической обстановки 1862–1863 гг.²⁵

Практический опыт деятельности первых четырех военно-окружных управлений значительно облегчил разработку и введение всей военно-окружной реформы. Вскоре после рассылки записки «Главные основания...» в канцелярию Военного министерства и лично министру стали поступать записки – мнения разных лиц. Из 211 лиц, которым «Главные основания...» были высланы, ответили 134²⁶.

Совершенно не прислали своих отчетов все члены императорской фамилии, занимавшие крупные посты в военном аппарате (великие князья Николай Николаевич, Михаил Николаевич, герцог Георг Мекленбург-Стрелицкий), а также единственный тогда фельдмаршал, главнокомандующий Кавказской армией

кн. А.И. Барятинский. Из семи генерал-адъютантов, членов Государственного совета, двое (Н.О. Сухозанет и Сумароков) прислали отрицательные отзывы, а осторожный гр. Ф.Ф. Берг вообще не ответил. Не прислали своих отзывов и генерал-адъютанты, занимавшие посты генерал-губернаторов (Строганов, Васильчиков). В самом Военном министерстве оппозицию реформе оказали приславшие отрицательные отзывы начальник Николаевской академии Генерального штаба генерал-лейтенант Баумгартен 2-й и члены Военно-кодификационной комиссии. Не получило Военное министерство «мнений» командующих отдельным гвардейским и гренадерскими корпусами, а командир свободного кавалерийского корпуса генерал от кавалерии Оффенберг дал резко отрицательный отзыв.

Вся эта военно-административная верхушка воспитывалась и сделала свою военную карьеру в дореформенное время, и опыт Крымской войны ничему ее не научил. Буржуазные реформы они считали ошибкой и временной мерой для успокоения общественного мнения. Конечно, согласие с основными положениями военно-окружной реформы самого Александра II несколько стесняло эти оппозиционные настроения, а поэтому большинство противников реформы местной военной администрации или отмолчались, или высказали, при внешнем согласии с ней, множество оговорок и сомнений, фактически сводящих эту реформу на нет. Предложения открытых противников реформы были на редкость убогими: сохранение дореформенной системы местного военного управления с сокращением переписки, поднятие «нравственного уровня» состава военной администрации и т. п.²⁷

Некоторая, довольно значительная, часть николаевского генералитета (Кнорринг, Менде, фон дер Лауниц, Дельвиц, Николаи, Штюрм и др.) противопоставили милютинской военно-окружной системе явно неприемлемую в условиях России прусскую систему местного военного управления, основанную на корпусном комплектовании и размещении армии²⁸.

Записка-проект Милютинна нашла горячую поддержку среди другой части высшего военного командного состава и военной администрации (генерал-адъютант Н.Н. Муравьев-Амурский, а также командующие войсками Восточной Сибири, Финляндского, Оренбургского и Сибирского отдельных корпусов, большинства армейских корпусов, почти всех дивизий, местных военных администраторов); поддержала реформу также и молодая профессура Николаевской академии Генерального штаба (Беренс, Макшеев, Глинский, Максимовский).

На основании представленных в министерство записок-мнений был составлен «Свод мнений...», который был отпечатан

к концу декабря 1862 г. и приложен к «всепоподданнейшему докладу» по Военному министерству в январе 1862 г.²⁹ После царского одобрения «Свод» был разослан лицам, ранее приславшим свои мнения.

Новый этап подготовки военно-окружной реформы начался с обсуждения ряда основных вопросов этой реформы (особенно о правах военно-окружных начальников) на специальном совещании 17-ти представителей высшей военной администрации и комсостава 22 января 1863 г.³⁰ 24 февраля 1863 г. последовало предписание военного министра Д.А. Милютину дежурному генералу гр. Ф.Л. Гейдену о прекращении предварительных работ и начале составления положений о военно-окружных управлениях. Для этого предписывалось учредить две главные редакционные комиссии – по командной и административной частям (во главе с гр. Ф.Л. Гейденом и состоявшим при военном министре тайным советником Ф.Г. Устряловым)³¹. Сам Милютин отмечал активную деятельность в этих комиссиях пяти чиновников министерства (Ф.Л. Гейден, Н.Н. Обручев, А.А. Якимович, Ф.Г. Устрялов и В.М. Аничков)³². Одновременно с этими основными комиссиями были созданы три специальные комиссии (артиллерийская, инженерная, медицинская)³³. Сохранившаяся в фонде Военной канцелярии ЦГВИА документация дает представление о порядке работы этих комиссий. Каждый из членов комиссии получал от ее председателя задание разработать какой-нибудь специальный вопрос, который он и докладывал на заседании комиссии в виде специальной записки. После обсуждения этой записки в комиссии ее автору поручалось сформулировать по ней соответствующие параграфы, которые также обсуждались и уточнялись на заседании комиссии, а затем объединялись в главы, а те – в положения. Общее руководство всеми комиссиями осуществлял сам Д.А. Милютин. Он лично изготовил записку «О разделении империи на военные округа», которая 18 апреля 1863 г. была разослана членам всех комиссий вместе с картой, таблицей и запиской, в которой сообщались данные о 15 военных округах³⁴.

Все комиссии завершили свою деятельность к 10 апреля 1864 г., проработав (с 24 февраля 1863 г.) 408 дней. К этому времени все материалы по военно-окружной реформе были сведены в шесть крупных положений: 1) о военно-окружных управлениях; 2) о приеме, хранении, свидетельствовании и отпуске предметов воинского довольствия войскам и госпиталям; 3) об управлении пехотной и кавалерийской дивизиями; 4) о начальнике военного госпиталя; 5) об управлении местными войсками военного округа; 6) о стрелковых и пехотных резервных батальонах, о губернских батальонах и уездных командах со штабами В середине

1863 г. законопроекты поступили в Военно-кодификационную комиссию, имевшую право дополнять и изменять смысл законопроектов³⁵. Реакционный состав этой комиссии подверг «редактированию» 251 статью «Положения о военно-окружных управлениях», изменив смысл в 200-х из них³⁶. Хотя общим и специальным комиссиям удалось отклонить подавляющее большинство этих «поправок» Военно-кодификационной комиссии, а также дополнительных «мнений», собранных председателем этой комиссии генерал-лейтенантом А.А. Непокойчицким, однако под давлением Александра II Милютину пришлось признать некоторые из этих «поправок» (например, экстерриториальность войск гвардии)³⁷.

В конце мая 1864 г. законопроекты перешли на рассмотрение военной законосоветательной инстанции – Военного совета, где они не вызвали серьезных замечаний³⁸. К концу июня проекты военно-окружной реформы были утверждены всеми бюрократическими инстанциями и, наконец, 6 августа 1864 г. самим Александром II³⁹. Вскоре они были обнародованы в приказах военного министра; в том же году был выпущен отдельный сборник⁴⁰.

Подготовка, разработка и утверждение положений военно-окружной реформы 1862–1864 гг. отразила все отмеченные выше особенности законодательного механизма царской России в период буржуазных реформ 60–70-х годов XIX в. Как и другие буржуазные преобразования этого времени, она способствовала укреплению политического строя пореформенной России.

Военно-окружная реформа позволила провести известную децентрализацию военного ведомства, повысив его оперативность. Как и другие военные реформы 60-х годов, она подготовила условия для введения всеобщей воинской повинности. Эта новая система местного военного управления оказалась очень удобной для осуществления самодержавием не только внешнеполитических, но и внутривнутриполитических (карательных) задач.

- 1 Подробнее см.: *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С. 88–95, 186, 202.
- 2 *Каратыгин П.* «Северная пчела» (1825–1859) // Русский архив. 1882. № 4. С. 102–140.
- 3 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 165, 178 и др.
- 4 Полное собрание законов Российской империи. 2-е изд. Т. 39, № 40457, ст. 2, п. 12, ст. 68; т. 45, № 48498, ст. 55, п. 14.
- 5 Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. III, ч. I. С. I.
- 6 СЗ. 1892, I. Основные государственные законы, ст. 55.
- 7 Подробнее о Совете министров XIX в. см.: *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. Гл. II; *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие... С. 96–104.
- 8 ЦГИА СССР. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 3 (журн. 8, 34, 44, 64 и др.); Д. 4 (журн. 4, 16, 30, 66 и др.); Д. 21; Д. 17 (журн. 25, 26); Д. 31; Д. 44 (журн.1); Д. 47 (журн. 7).
- 9 Там же. Д. 49 (журн. 13) и др.
- 10 *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. 3-е изд. М., 1968; *Он же.* Военные реформы 1860–1870 годов; *Эймонтова Р.Г.* Университетская реформа 1863 г. // Исторические записки. М., 1961. Т. 70; *Она же.* Университетский вопрос и русская общественность в 50–60-х гг. XIX в. // История СССР. 1971. № 6; *Гармиза В.В.* Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957; *Смирнов В.З.* Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. М., 1954; *Виленский Б.В.* Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 г. Саратов, 1963; *Коняев А.* Финансовый контроль дореволюционной России. М., 1959. Гл. IV; *Ефремова Н.Н.* Министерство юстиции Российской империи. 1802–1917 гг. М., 1983. Гл. 2; *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861 гг. М., 1984; *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в.: Правительственная политика. Л., 1984.
- 11 В названной выше монографии П.А. Зайончковского «Военные реформы...» этому вопросу посвящено 5 страниц (с. 83–88), в монографии Л.Г. Бескровного «Русская армия и флот в XIX в.» (М., 1973) – три (с. 206–208). Оба автора совершенно не затрагивают процесса разработки этой реформы. В неопубликованной диссертационной работе Н.П. Ерошкина «Военно-окружная реформа 1862–1864 гг.» (М., 1952) этому вопросу посвящена большая глава (с. 179–296).
- 12 Об этом см.: *Ерошкин Н.П.* Военный аппарат царской России в Крымской войне // Труды МГИАИ. М., 1957. Т. 9. С. 138–176.
- 13 ОРГБЛ. Ф. 169. Оп. 1. Карт. 22. Д. 29. Л. 1–48.

- 14 Столетие Военного министерства (1802–1902). Приложение к историческому очерку развития военного управления в России. СПб., 1902. Ч. 1. С. 183.
- 15 ЦГИА СССР. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 27 (журнал № 15, с. 1–143).
- 16 Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел в двух томах. 1861–1864. М., 1861. Т. I. С. 141.
- 17 ОРГБЛ. Ф. 169. Оп. 1, карт. 14. Воспоминания, кн. XI, л. 20.
- 18 Военный сборник. 1862. № 3. С. 285–290.
- 19 Там же. С. 290.
- 20 См.: *Макеев М.Н.* Н.Г. Чернышевский – редактор «Военного сборника». М., 1950.
- 21 Военный сборник. 1862. № 4. С. 527.
- 22 ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25447. Л. 2–3.
- 23 ОРГБЛ. Ф. 169. Оп. 1, карт. 14. Воспоминания, кн. XI, л. 236.
- 24 Приказы Военного министерства за 1862 г. № 170, 362.
- 25 Вестник Европы. 1882. № 1. С. 29.
- 26 См.: Свод замечаний на проект устройства управления по округам, составленный в Военном министерстве. СПб., 1862. С. 1.
- 27 ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25448. Л. 275–276, 500, 516, 779 и др.
- 28 Там же. Д. 25447. Л. 128, 131, 140; Д. 25448. Л. 236–237, 524, 532; Д. 25449. Л. 4, 46об. и др.
- 29 Военный сборник. 1862. № 5. С. 167; ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25450. Л. 2–9. В исследовании Л.Г. Бескровного «Русская армия и флот в XIX в.» (М., 1973) не совсем точно сообщается, что «Свод» был представлен Александру II вместе с проектом «Положения» о военно-окружной реформе (с. 207). Все «Положения» (их было 6) были разработаны только через 20 месяцев.
- 30 ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25901. Л. 3–4.
- 31 Там же. Ф. 395. Оп. 116. Д. 145. Л. 106.
- 32 ОРГБЛ. Ф. 169, карт. 14. Воспоминания, кн. XIII, л. 294.
- 33 ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 29–31; ОРГБЛ. Ф. 169, карт. 14, кн. XIII, л. 294.
- 34 ЦГВИА. Ф. 1. Д. 59901. Л. 7, 8–15. В процессе обсуждения этой записки в комиссиях число округов было сокращено до 10.
- 35 Там же. Д. 26115а. Л. 416.
- 36 Подсчитано по: ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25901.
- 37 Там же. Л. 370, 777–778.
- 38 ОРГБЛ. Ф. 169, карт. 15. Воспоминания, кн. XIX, л. 142.
- 39 2ПСЗ, т. XXXIX, № 41158, 41162–41166.
- 40 Сборник положений, штатов и приказов, относящихся до учреждения военных округов, управлений дивизий и устройства местных войск. СПб., 1864. Ч. I–III.

Самодержавие накануне краха

В 1968–1972 гг. на страницах советских исторических журналов проходила дискуссия по проблемам абсолютизма (самодержавия) в России. Эволюция российского абсолютизма на последнем этапе его существования, отмечалось в материалах дискуссии, является составным элементом большой комплексной исторической проблемы социально-экономической революции.

В книге «Самодержавие накануне краха», предназначенной для учителей, автор ставил перед собой задачу показать историческую обреченность самодержавия как политического режима помещичье-буржуазной России в последнее двадцатилетие перед его свержением. Главное внимание в работе сосредоточено на тех вопросах, которые слабо и недостаточно конкретно освещены в исторической науке, но составляют значительный интерес для преподавателей средней школы. Материал книги поможет им лучше показать учащимся государственную машину царского самодержавия, окончательно сломленную в дни Великого Октября.

Книга рассказывает о навсегда ушедшей старой, дореволюционной России с ничтожным и жестоким «хозяином земли русской» и «самодержцем всея Руси» Николаем II, чуждой и враждебной народу «паутиной» – дворянской бюрократией, вселилием полицейского произвола и бесправным «парламентом», где смелым голосам немногих избранников народа противостоял злобный хор помещичьих и буржуазных представителей. В последней главе говорится о нарастании революционного кризиса, приведшего к свержению самодержавия народными массами, возглавляемыми большевиками. Февральская буржуазно-демократическая революция не была последней. В исторических Апрельских тезисах В.И. Ленин наметил курс партии на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистичес-

кую. Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла эпоху всеобщего революционного обновления мира, эпоху перехода от капитализма к социализму.

Автор книги не ставил цели дать всеохватывающую картину исторического развития дореволюционной России начала XX в. с ее экономическим и политическим развитием, революционной борьбой рабочего класса и крестьянства, руководимых ленинской партией коммунистов. По этим и другим вопросам учитель найдет материал в книгах, указанных в кратком рекомендательном списке литературы в конце данного пособия.

«Хозяин земли русской»

В середине января 1897 г. во всех населенных пунктах обширной Российской империи царило непривычное оживление: чиновники повсеместно готовились к проведению впервые в истории страны всеобщей переписи населения. В столицах государства Петербурге заседала Главная переписная комиссия, а на местах – губернские и уездные переписные комиссии. По участкам, на которые были разделены города и уезды, суетились назначенные правительством счетчики. И хотя до официально объявленного царским указом дня переписи (27 января) оставалось еще две недели, счетчики уже обходили городские квартиры и деревенские избы, юрты кочевников и сакли горцев с особыми переписными листами. В них было нужно внести фамилию, имя, отчество, сведения о поле, семейном положении, годе рождения, сословии, месте рождения, прописке и проживании, вероисповедании, родном языке, грамотности. Вносили данные о главных и побочных занятиях, должностях и службе, отношении к воинской повинности каждого жителя Российской империи.

Грамотные заполняли листы сами, за неграмотных (их было 76%) сведения в листы вносили счетчики.

Невысокий, узкоплечий мужчина лет тридцати, с рыжими, аккуратно подстриженными усиками, мелкими чертами лица и тусклыми серыми глазами решил сам заполнить этот лист, лежащий на большом письменном столе его кабинета, увешанного картинами и фотографиями. Он взял ручку и стал уверенно вносить в лист сведения о себе и членах семьи. Перед графой о главном занятии, ремесле, промысле, должности и службе он остановился, несколько помедлил, что-то обдумывая, а затем самонадеянно написал: «Хозяин земли русской»; побочным занятием для себя он отметил: «Землевладелец». Для жены главным и побочным занятиями были обозначены: «Хозяйка земли русской» и «Попечительница домов трудолюбия». Удовлетворенный таким

остроумным объяснением своего занятия и должности, он поднялся с кресла и подошел к окну.

Там, за окном, лежала обширная, многоверстная великая страна, а он, Николай Романов, был действительно ее неограниченным «хозяином», «благополучно», как отмечалось в официальных документах, царствовавшим вот уже третий год после смерти «незабвенного» родителя – императора Александра III.

Судьбы 126 миллионов людей разных национальностей, вероисповеданий и социального положения, их горе и радости, несчастья и благоденствие зависели вот от этого ничем не приметельного человека с громким титулом «император и самодержец всероссийский», а в просторечии – царь.

К концу XIX в. Россия, как и другие развитые государства мира, вступила в период империализма, но ее государственный строй оставался старым, феодальным.

В то время, когда в России бурно росли города, строились фабрики и заводы, возникали акционерные общества и компании, биржи и банки, появились первые промышленные объединения и тресты, когда на восток, через сибирские степи и тайгу, к Великому океану уверенно потянулся железнодорожный путь, а из больших балтийских, азовских и черноморских портов отплывали отяжелевшие от хлеба и леса пароходы, – в это время большинство чиновников оставались дворянами-помещиками, а во главе государства стоял неограниченный, самодержавный монарх.

Законы России, утверждаемые царем, устанавливали его исключительные права в верховном управлении и суде (включая право помилования), в назначении и увольнении высших чиновников, командующих армией и флотом, расходовании денежных средств, пожаловании титулов и орденов¹.

Царь являлся «главой всей императорской фамилии» – пяти-шести десятков царских родственников, носящих титулы великих князей и княгинь или просто князей и княгинь.

Царь был первым помещиком и самым богатым человеком в империи. Принадлежавшие царской фамилии так называемые удельные земли находились в 38 (из 52) губерниях Европейской России, на Кавказе, в Польше и составляли в конце XIX – начале XX в. около 8 млн десятин². Особенно много таких земель было в богатых черноземных губерниях Поволжья: Симбирской (более 1 млн десятин), Самарской (около 850 тыс.), Саратовской (213 тыс.)³.

В то время как 10,5 млн крестьянских дворов (около 50 млн населения) имели 75 млн десятин земли⁴, т. е. в среднем по 7 десятин на хозяйство, на каждого члена императорской фамилии

(в конце XIX в. до 50 представителей) приходилось в среднем по 160 тыс. десятин удельной земли, не считая собственных (т. е. лично принадлежащих данному члену царской фамилии) имений.

Впрочем, хозяйство на этих удельных землях велось редко. Чаще всего удельные чиновники предпочитали сдавать их в аренду малоземельным крестьянам, что давало более $\frac{1}{3}$ дохода для царской фамилии. Одну пятую часть доходов получали от торговли удельными лесами, другую – приносили в конце XIX в. «выкупные платежи», выплачиваемые бывшими удельными крестьянами после их «освобождения» в 1863 г.

Во владении царской фамилии находились также предприятия и промыслы: обширные винодельческие хозяйства на Кавказе в Кахетии (имения Напареули, Мукузани), в Черноморской губернии (Абрау-Дюрсо), в Крыму (Массандра), продукция которых (около 100 тыс. ведер вина ежегодно) сбывалась через специальные магазины оптовым покупателям; чаквинские чайные плантации в Батумском округе, Мургабское хлопководческое и овцеводческое хозяйство (104 тыс. десятин) в Средней Азии, большой сахарный завод в Самарской губернии (до 1–2 млн пудов сахара в год), Петергофская гранильная фабрика и ряд лесопильных заводов.

В целом эта хозяйственно-промышленная деятельность давала до 15% доходов от их общей суммы, к тому же операции в иностранных банках приносили ежегодно еще до 10%.

Все доходы царской фамилии от эксплуатации удельных имуществ, земель и предприятий в конце XIX в. составляли более 52 млн руб. в год, что вдвое превышало расходы государства на народное просвещение.

Кроме того, как уже сказано, каждый член царской фамилии имел и свои земли, драгоценности, дворцы, занимал выгодные должности.

Николаю II лично принадлежали обширнейшие «кабинетские округа» – земельные и лесные территории (713,5 тыс. кв. км – больше любого западноевропейского государства!), а также горные предприятия на Алтае, в Забайкалье, фарфоровые и стеклянные заводы в окрестностях Петербурга, гранильная фабрика на Урале и другие предприятия.

Царской фамилии принадлежали также многочисленные роскошные дворцы и находившиеся в них высокохудожественные ценности: произведения живописи и скульптуры великих западноевропейских и русских мастеров.

Большинство этих дворцов находилось в столице и ее окрестностях.

Самым богатым был Зимний дворец, построенный в 1754–1762 гг. итальянским архитектором Варфоломеем Растрелли в стиле барокко и восстановленный после пожара 1837 г. русскими архитекторами В.П. Стасовым и А.П. Брюлловым.

Этот дворец насчитывал 1050 парадных и жилых помещений общей площадью 46 тыс. кв. м. Он имел 1945 окон, 1786 дверей, 117 лестниц и 329 дымоходных труб⁵.

На протяжении ста пятидесяти лет дворец, оправдывая свое название, был зимней резиденцией почти всех царей (за исключением Павла I и Александра III). В первые десять лет своего правления Николай II с сентября–октября и до мая также жил в Зимнем. С 1904 до 1917 г. зимней резиденцией царя стал Александровский дворец в Царском Селе⁶. Огромный Зимний дворец с этого времени чаще всего пустовал и оживал лишь во время парадных царских приемов и случайных наездов царя.

Из петербургских царских дворцов наиболее известны Личиков на Невском проспекте, построенный в 40-х годах XVIII в. для фаворита Елизаветы Петровны графа А.Г. Разумовского и выкупленный вновь царской семьей в XIX в., а также небольшой Летний дворец Петра I в Летнем саду.

В Царском Селе наиболее значительными были величественный Екатерининский (построенный А.В. Квасовым, С.И. Чевачковским и В.В. Растрелли) и классически строгий Александровский (построенный Дж. Кваренги) дворцы.

Большинство дворцов в Петергофе также принадлежало царю и его семье. Однако для своей летней резиденции (с апреля–мая до сентября–октября) Николай II выбрал не эффектный, построенный еще при Петре I и переделанный В. Растрелли Большой дворец, а трехэтажный дворец в парке Александрия, так называемую Нижнюю дачу, сооруженную в 1885 г. архитектором А.О. Томишко. Здесь, а иногда в крымском дворце Ливадия царская семья проводила летние месяцы вплоть до начала Первой мировой войны.

Царской семье принадлежали также дворцы в Гатчине, Ораниенбауме (г. Ломоносов с 1948 г.), Москве (Большой Кремлевский), Грузии (Аббас-Туман), Варшаве.

Члены императорской фамилии – ближайšie родственники царя – также имели свои дворцы; многие из них и доньше являются замечательными произведениями архитектуры. Неподалеку от Зимнего дворца, на Миллионной улице⁷, еще в 1832 г. для сына Николая I Константина архитектором Ринальди был построен небольшой, но изящный Мраморный дворец – одно из красивейших зданий столицы.

Сложным хозяйством царя и всей императорской фамилии управляло специальное учреждение, именуемое Министерством императорского двора, в котором служило до 1300 чиновников. На содержание этого министерства из общего бюджета государства в начале XX в. выделялось от 12,7 до 17 млн руб. в год⁸. Министерство занимало особое положение в государственном аппарате: министр двора был членом и Государственного совета, и Комитета министров, и Совета министров и отчитывался только перед царем. По совместительству он являлся и канцлером всех орденов России, заведовал высшим органом по выдаче их – «Кашитулом орденов».

Министерство двора было приспособлено к изысканию средств для царя, его семьи и родственников, обслуживанию всей многочисленной и праздной императорской фамилии.

Одна из структурных частей министерства, именуемая Кабинетом, заведовала личным имуществом царя – кабинетскими землями, лесами, заводами. Особенно кичилась царская семья своими драгоценностями, собрание которых было действительно одним из самых богатейших в мире. Среди алмазов находились всемирно известные «Орлов» (194,75 карата) и «Шах» (87 каратов⁹).

Очень важное учреждение министерства – «Касса» – собирало все доходы царской фамилии; отсюда они распределялись между ее членами. Каждый сын императора (царствующего или умершего) получал до совершеннолетия 150 тыс. руб. ежегодно. При достижении совершеннолетия ему делали подарок в 1 млн руб., а после вступления в брак он получал ежегодно 235 тыс. руб. Помимо этого, его супруга также получала ежегодно 40 тыс. руб., а их дети от 50 до 150 тыс. руб. в год до совершеннолетия¹⁰.

Получали «свои деньги» и другие ближайшие родственники царя: великие князья и княгини, князья и княгини «императорской крови» с титулом высочеств. Более дальние родственники (князья и княгини «императорской крови», но уже с титулом светлости) из удельных доходов с 1886 г. получать пособия перестали; они довольствовались доходами с собственных имений и выгодных должностей.

Много внимания Министерство двора уделяло внутреннему хозяйству и быту царской семьи. Кроме Управления императорскими дворцами, существовали управления дворцами наиболее близких членов царской фамилии. «Гофмейстерская часть» обеспечивала царский двор всем необходимым; ею заведовал придворный генерал (генерал-адъютант) – обер-гофмейстер «высочайшего двора»; а все даже второстепенные должности «Гофмейстерской части» занимали довольно высокие чины; так, «за-

ведущий кухонной посудой» был чиновник VIII класса «Табели о рангах» – коллежский ассессор, а «заведующий винной кладовой» – VII класса – надворный советник. «Придворная конюшенная часть» возглавлялась обер-шталмейстером, а охота – обер-егермейстером. Придворными церемониями ведала «Церемониальная часть» во главе с двумя обер-церемониймейстерами и т. д. Подобных высокооплачиваемых должностей при дворе было немало. На их содержание расходовались огромные народные средства. Многие высшие царские чиновники, занимавшие важнейшие посты в государстве, не входя в штат Министерства двора, получали как бы по совместительству то или иное почетное придворное звание. Так, к 1914 г. при царском дворе числилось 5 обер-гофмейстеров, 6 обер-егермейстеров, 103 гофмейстера, 45 шталмейстеров, 20 егермейстеров, до 400 камергеров, 40 камер-юнкеров и других почетных придворных чинов. Жены и дочери этих лиц тоже нередко числились при императрице в придворных званиях (до полутора десятка статс-дам, несколько камер-фрейлин, более 250 фрейлин)¹¹.

Вся эта жадная до выгодных должностей, чинов, званий и жалований кучка лиц вместе с царем и правила государством, расхищая его достояние.

В ведении Министерства двора находилась обширная «Придворная медицинская часть», которую обслуживали 175 медиков, начиная с высокочинных (лейб-медик, лейб-хирург, лейб-акушер, лейб-педиатр, лейб-дантист и т. п.) и кончая работниками придворной аптеки.

Духовно-религиозные «потребности» двора удовлетворяло придворное духовенство, насчитывавшее более 110 разных духовных лиц при министерстве, а также в различных придворных соборах и церквях.

В состав придворного ведомства входили также Дирекция императорских театров, которая заведовала рядом крупнейших театров Петербурга (Александринский, Мариинский, Михайловский), Москвы (Большой и Малый) с соответствующими театральными училищами, а также «императорская» Академия художеств с Высшим художественным училищем, «императорские» Эрмитаж, Русский музей¹².

До первой революции охрану царя и его семьи осуществляли государственные органы полиции, жандармерии и некоторые специальные воинские части (рота дворцовых гренадеров).

В начале революции 1905 г. эти охранные функции передали созданному еще в 1894 г. Управлению дворцового коменданта со специальной дворцовой полицией – особой агентурой дворцового сыска, насчитывавшей более 250 человек. Эти агенты охра-

няли царя не только при его разъездах по стране, но и во время прогулок по аллеям петергофских и царскосельских парков.

Привольно и беззаботно жилось царю и всей императорской фамилии в конце XIX и начале XX в., и, казалось, ничто не могло нарушить власти «хозяина земли русской» и его окружения над миллионами подданных.

Через «высочайшие» манифесты, указы, официальную печать, школу и церковь царь стремился внушить народным массам мысль, что он и его правительство стоят выше классов, что он «справедлив, дескать, ко всем, и бедным и богатым одинаково»¹³.

20 октября 1894 г. телеграф разнес весть о том, что в Крыму, в Ливадийском дворце, умер от острого воспаления почек (нефрита) Александр III. Этот огромный неуклюжий мужчина, Топтыгин Третий, как называл его М.Е. Салтыков-Щедрин¹⁴, правивший Россией тринадцать с половиной лет, обладал богатырской силой, и для многих, даже близких лиц, его смерть оказалась неожиданной.

Опасаясь участи отца, убитого революционерами-народниками 1 марта 1881 г., Александр III принял крайние меры предосторожности: открытая дворцовая жизнь с пышными балами, ежедневные прогулки по Петербургу, общение с многими лицами прекратились. Царь обрек себя на заточение в низеньких антресолях мрачного Гатчинского дворца, построенного в стиле средневековой крепости, с узкими проходами, низкими сводами небольших комнат, со скромной меццанской обстановкой. Во время редких наездов в Петербург Александр III останавливался не в роскошном Зимнем, а в более скромном Аничковом дворце.

Подорвав свое здоровье неумеренным употреблением спиртных напитков, Александр III умер в возрасте 49 лет. Из приветливого солнечного Крыма через всю Россию в хмурый осенний Петербург проследовал траурный поезд. Вдоль железнодорожного пути с винтовками наперевес, спиной к рельсам и лицом к незримому врагу стояли солдаты, и казалось, что мертвый император, не менее чем при жизни, опасался революционеров.

Мокрый от непрерывного петербургского дождя катафалк проследовал от Николаевского вокзала столицы через Невский проспект в Петропавловскую крепость – место захоронения царей и темницу для их врагов – революционеров. Солдаты гвардейских полков теснили на тротуарах молчаливые толпы жителей. Крепостные часы заунывно играли гимн «Коль славен».

Годы правления Александра III были временем самой глухой политической реакции. Руководствуясь советами своего бывшего воспитателя, обер-прокурора Святейшего синода Констан-

тина Победоносцева, министра внутренних дел Дмитрия Толстого и журналиста-монархиста Михаила Каткова, правительство Александра III проводило реакционнейшую политику: расправлялось с остатками народнических организаций; установило военно-полицейские методы управления с разветвленной системой органов политического сыска, военно-окружными судами, внесудебными формами расправы с революционными и прогрессивными общественными деятелями, с контрреформами, которые свели на нет приведенные в 60–70-е годы XIX в. буржуазные преобразования суда, просвещения и пр.¹⁵

На престол вступил Николай II.

Либерально настроенные деятели земских учреждений и интеллигенции возлагали на нового царя некоторые надежды. Правда, то, что они знали о нем, не было особенно лестным.

Став наследником престола, он без огорчения бросил учебные занятия. «Сегодня, – с радостью отмечал Николай в дневнике 28 апреля 1890 г., – окончательно и навсегда прекратил свои занятия»¹⁶. Образ его жизни до вступления на престол мало чем отличался от образа жизни петербургской светской молодежи. Это было праздное, полное кутежей времяпрепровождение. Александр III решил как-то отвлечь от этого наследника престола и отправил его в заграничное путешествие. В сопровождении нескольких родственников и придворных молодых людей Николай отбыл за границу: Египет, Индия, Япония... но везде ему сопутствовали сомнительные увеселения, а иногда и дипломатические скандалы. В японском городке Отсу при посещении храма эта веселая компания вела себя так разнузданно, что полицейский ударил резиновой палкой наследника по голове, – возник серьезный международный скандал, и Николаю пришлось возвратиться в Россию¹⁷.

После этого решили женить наследника, и вскоре началось сватовство. Одна из теток посоветовала избрать в невесты ее сестру Алису, принцессу Гессенскую, но этот брак состоялся уже после смерти Александра III, в ноябре 1894 г. Дочь захудалого немецкого герцога Алиса Гессенская приняла православие и стала именоваться Александрой Федоровной. Она зарекомендовала себя сразу как крутая и психически неуравновешенная женщина. Новые родственники дали ей нелестное прозвище: Гессенская муха.

Первая встреча представителей господствующих классов с новым царем состоялась 17 января 1895 г. В торжественной тишине ярко освещенного Николаевского зала Аничкова дворца перед застывшими депутатами от дворян, верхушки земств, городов и казачьих войск Николай II произнес свою первую публич-

ную речь. Воспитатель и ближайший советник Александра III, К. Победоносцев, сохранявший свое влияние в первые годы правления Николая II, составил эту небольшую речь и посоветовал царю положить ее в барашковую шапку, а затем зачитать. И вот, сделав три шага по направлению к депутатам и держа шапку перед собой, Николай II тихим голосом прочитал первую фразу с выражением благодарности за «верноподданнические чувства». Далее, уже повышая голос, он злобно заявил, что ему стало известно о выступлениях в земских собраниях некоторых людей, «увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления». В тексте, написанном Победоносцевым, значились «беспочвенные мечтания», но буквально в последние минуты дядя царя, вел. кн. Сергей, посоветовал Николаю II заменить эту фразу на «бессмысленные мечтания», как выражение более энергичное и решительное. «Пусть все знают, – закричал царь в лицо оторопевшим сословным депутатам, – что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель»¹⁸.

Эта речь, подтвердившая незыблемость самодержавной неограниченной монархии, сильно расстроила либеральных земских деятелей.

По обычаю, новому царю предстояло коронование; оно проходило обыкновенно в «первопрестольной» столице России – Москве, в Успенском соборе, где на царя возлагался особый головной парадный убор – золотая, отделанная бриллиантами корона.

Чтобы заслужить царскую благодарность, московский генерал-губернатор вел. кн. Сергей и Министерство двора не пожалели средств, израсходовав на коронацию около 25 млн руб. Внешнее величие обряда по замыслу его организаторов должно было упрочить престиж самодержавия в народе и утвердить у западноевропейской буржуазии мнение о его прочности и незыблемости.

Перед коронацией московские власти предприняли «очистку» Москвы от политически неблагонадежных элементов: выслали многих студентов, рабочих, отдельных представителей интеллигенции. Для охраны царя была мобилизована не только вся московская полиция и жандармерия, но прибыли жандармы и полицейские команды из Петербурга, Киева и Харькова.

В день коронации, 14 мая 1896 г., Успенский собор уже с утра заполнили высокопоставленные гости: члены царской фамилии, иноземные, нередко пестро и экзотически одетые принцы и принцессы, иностранные послы и придворные в шитых золотом мундирах, царские чиновники в строгих фраках. На тронах,

помещенных на большом помосте посреди собора, восседали Николай II, его мать, вдовствующая императрица, и слева – молодая царица. Под гулкие своды старинного собора неслись слова молитв и пение торжественной церковной службы (обедни).

После обедни царь сам возложил одну корону на свою голову и другую – на голову царицы¹⁹.

Церемония коронования на этом и окончилась. Над Москвой разливался гул колоколов бесчисленных церквей и соборов, с этим гулом перекликались звуки оркестров, исполнявших государственный гимн царской России.

Проводя всю эту заранее тщательно подготовленную пышную церемонию, самодержавие стремилось продемонстрировать иностранным гостям и собственным подданным свою мощь и незыблемость.

Программа празднеств предусматривала и «народное гулянье» на Ходынском поле с раздачей дешевых царских подарков – узелков с кружками, колбасой, пирожками, пряниками и конфетами. Для раздачи этих подарков на Ходынском поле было построено 1500 будок. Еще с вечера 17 мая на неровное, пересеченное оврагами поле с ямами, оставшимися после выставки 1882 г., устремились толпы людей. Московские власти, возглавляемые дядей царя вел. кн. Сергеем Александровичем, и министр двора граф. И.И. Воронцов-Дашков, ответственные за организацию торжеств, проявили беспечность и равнодушие к этому скоплению народа. Уже к ночи на Ходынке, на площади в 9 кв. километров, собралось до 600 тыс. человек. Занятые охраной царя и его высоких гостей, московские власти выделили на Ходынку караул из 46 солдат для охраны будок. Давка превратилась в настоящее побоище, когда организаторы в половине шестого утра 18 мая приступили к раздаче подарков. Толпа хлынула к будкам. Овраги и ямы стали ловушками и быстро заполнялись раздавленными насмерть и полузадушенными людьми. «Ужас давки все больше и больше обнажался, – писал впоследствии один из очевидцев этой катастрофы. – Посиневшие и пожелтевшие соседи, – мертвецы, ходящие по полю, – зажатые среди живых, – никого не пугали, не удивляли уж больше. И все мы привыкли и научились ходить через мертвых не спотыкаясь...»²⁰

С 9 часов утра до 6 часов вечера пожарные повозки вывозили трупы с поля.

Только к вечеру 18 мая на Ходынское поле прибыла полиция, и то больше для того, чтобы разгонять фотографов и репортеров.

Еще не убрали трупы на Ходынском поле, а туда под бравую музыку из оперы «Жизнь за царя» прибыла коляска с царем

и царицей, окруженная густым эскортом «собственного конвоя». Навстречу ему двигались пожарные обозы, нагруженные трупами, сложенными штабелями и небрежно прикрытыми брезентом. Царя встретили крики возмущения: «Поезжай на похороны!» – кричали из толпы. Царь поспешил покинуть поле.

Несмотря на то что даже некоторые придворные предлагали прекратить торжества, царь и его приближенные сделали вид, что ничего не произошло. В тот же вечер в Кремле состоялся бал, данный французским посольством, и Николай II с женой посла открыл его традиционным полонезом. Один из главных виновников Ходынки, генерал-губернатор вел. кн. Сергей, предпочел устроить в этот вечер для гвардейских офицеров банкет в загородном ресторане «Стрельна».

Несколько дней и ночей подряд все пожарные команды и полиция Москвы извлекали трупы из ям Ходынского поля. Даже по официальным данным, число жертв было огромно; следствие установило, что на Ходынке пострадало 2690 человек, из них 1389 человек умерло²¹.

На сотнях крестов могил Ваганьковского кладбища в Москве появилась краткая, но выразительная надпись: «Умер после Ходынки».

Самодержавие сделало все, чтобы скрыть от народа действительные размеры катастрофы и ее виновников. Расследовавший причины катастрофы следователь по особо важным делам Кайзер передал материал министру юстиции Н.В. Муравьеву, составившему на имя царя записку «О беспорядках 18 мая 1896 г. в Москве на Ходынском поле во время народного гулянья», в которой обвинял второстепенных лиц Министерства императорского двора и чинов полиции во главе с московским обер-полицеймейстером полковником А.А. Власовским. Истинные виновники (вел. кн. Сергей и Воронцов-Дашков) здесь даже не упоминались. Ввиду большого общественного негодования вскоре пришлось назначить новое расследование во главе с членом Государственного совета гр. К.И. Паленом, который хотя и осторожно, но намекнул на вину вел. кн. Сергея Александровича. Специальным секретным циркуляром Министерство внутренних дел запретило освещать ходыньские события в печати. Были смещены со своих постов Власовский, несколько второстепенных чинов полиции и Министерства двора. Однако за организацию коронационных торжеств вел. кн. Сергей получил «высочайшую признательность» и вскоре еще один пост – командующего войсками Московского военного округа.

Ходынка вошла в историю как воплощение бездарности, ничтожества, тупости и жестокости московской администрации

и полиции и их коронованного «хозяина» Николая II. События на Ходынском поле стали первой вехой кровавого царствования последнего царя России – Николая II.

Зловещую роль в управлении государством играли родственники царя. К началу XX в. царская фамилия сильно разрослась и насчитывала до 60 ее членов, жадных и праздных туеядцев, сидящих на шее трудового народа, проживавших огромные суммы денег.

Поскольку в первые 10 лет правления у Николая II не было сына, то наследником престола (с титулом «цесаревич») считался следующий по старшинству сын Александра III – Георгий, но этот болезненный юноша умер в возрасте 27 лет от скоротечной чахотки, и в 1898 г. наследником стал младший сын Александра III – Михаил, слабохарактерный и еще более ограниченный, чем Николай II. После рождения у Николая II сына Михаил перестал быть наследником престола и даже попал в опалу царской семьи.

С XVIII в. в царской семье утвердилась традиция вступать в брак лишь с особами иностранных царствующих домов (для мужского поколения романовской семьи это были чаще всего немецкие принцессы, имевшие репутацию высоко нравственных жен). Михаил нарушил эту традицию и вступил в брак с некой Н.С. Шереметьевской, женщиной незнатного происхождения (отец ее был московским адвокатом), уже дважды бывшей замужем.

Грубые и недалекие, беспринципные и жадные, царские родственники смотрели на Россию как на свою вотчину, как на место извлечения денег, не брезгуя для достижения этой цели ничем. Нарушение элементарной законности, казнокрадство, полная безнаказанность – эти черты были присущи многим представителям российской императорской фамилии.

Наиболее привлекательной сферой для великих князей являлась военная деятельность. Большинство великих князей начинали свою службу на командных должностях в привилегированных гвардейских частях, а затем некоторые из них занимали и более высокие административные и военные посты.

Особенно большое влияние на политику самодержавной России в конце XIX – начале XX в. оказывали дяди царя, братья Александра III.

Вел. кн. Сергей занимал с 1892 г. ответственный пост московского генерал-губернатора, а затем и командующего войсками Московского военного округа, охватывающего 13 центральных губерний. Ходынская катастрофа, насаждение зубатовщины, массовые аресты революционеров, гонения невинных обществен-

ных организаций (вроде Юридического общества), выселение из Москвы евреев – вот что характеризовало «правление» вел. кн. Сергея.

Однако его ретивая административно-полицейская деятельность не остановила нарастания революции в Москве. Наоборот, своими полицейскими мерами, как отмечал впоследствии В.И. Ленин, он «революционизировал Москву едва ли не лучше многих революционеров»²².

Всею гвардией и Петербургским военным округом командовал другой дядя царя – вел. кн. Владимир, наиболее реакционный представитель царской фамилии.

Еще в начале 80-х годов он по поручению Александра III возглавил комитет по постройке церкви на месте убийства отца – Александра II. По всей России по подписке собрали большую сумму денег (3 млн руб.), которую вел. кн. Владимир безнаказанно присвоил, а казначей комитета – секретарь Академии наук Евсеев был отдан под суд и сослан в Сибирь. Деньги на постройку церкви пришлось восполнять из государственных и удельных сумм.

Если Сергей Романов – один из виновников Ходынской катастрофы, то Владимир Романов – один из инициаторов Кровавого воскресенья. Это по его приказу 9 января 1905 г. войска стреляли в рабочих, мирно шедших к Зимнему дворцу. Преступная деятельность обоих осталась безнаказанной.

Великий князь Алексей Александрович («семь пудов августейшего мяса», как аттестовал его один чиновник-острослов²³) был главным начальником военно-морского флота. За время его руководства бюджет морского министерства возрос почти в пять раз, но, по свидетельству специалиста, деятельность великого князя «была характерным образцом бесплановой растраты государственных средств»: суда строились разнотипные, дорогие, устарелые, несовершенные²⁴. Отпускаемые на флот средства Алексей Романов растранировал на кутежи.

На модных европейских курортах, в международных игорных домах, в парижских кабаках Монмартра можно было часто встретить *grands ducs russes* (великих русских князей), проматывающих свои и казенные деньги. Чаще всего это были великие князья Владимир Александрович и Алексей Александрович. От них не отставала и молодежь, особенно скандалисты и кутилы Владимировичи – сыновья вел. кн. Владимира: Кирилл²⁵, Борис и Андрей.

Развлекаясь в России и за рубежом, «генерал-адмирал» Алексей Романов уделял руководству флотом ничтожно малое время. Его некомпетентность в военно-морском деле и бесконт-

рольное хозяйствование подготовили разгром русского флота при Цусиме. В день получения известия о Цусимском сражении он беспечно катался по петербургским улицам, а затем направился в театр.

Цусимский разгром вынудил Николая II «всемиловейше» уволить вел. кн. Алексея согласно «просьбе» от 26 июня 1905 г. Однако вскоре он назначил его попечителем... Всероссийского общества рыболовства.

Самым способным в военном деле из всей романовской семьи считался двоюродный дядя царя вел. кн. Николай Николаевич. Всегда подтянутый, Николай Николаевич импонировал своему племяннику Николаю II, имевшему, как и все Романовы, слабость к военной форме и муштре (сам Николай II числился полковником первого батальона Преображенского гвардейского полка). Даже горячность, грубость и самодурство вел. кн. Николая Николаевича расценивались царем как признаки волевого и твердого характера. Одобрение им манифеста 17 октября 1905 г. позволило некоторым буржуазным публицистам и историкам создать легенду о «либерализме» этого великого князя. Между тем его «либерализм» носил весьма призрачный характер. Узнав о том, что Декабрьское вооруженное восстание в Москве подавлено, этот «либерал» возмутился: «Я бы отдал Дубасова под суд. Он возился с Москвой восемь дней, вместо того чтобы в три дня не оставить камня на камне»²⁶.

До революции 1905 г. вел. кн. Николай Николаевич занимал сравнительно скромный пост генерал-инспектора кавалерии. В первые же месяцы революции он стал командующим гвардией и войсками Петербургского военного округа, а также председателем Совета государственной обороны, т. е. фактически военным руководителем государства и командиром войск, охранявших столицу. В условиях революции это имело первостепенное значение для правящих кругов.

По свидетельству весьма осведомленной современницы А.В. Богданович, вел. кн. Николай Николаевич своим зверским обращением с солдатами и грубостью с офицерами «сумел к себе внушить ненависть всей гвардии и всего Петербургского военного округа»²⁷.

Некоторые другие великие князья – дяди царя – также занимали военные посты: брат Николая Николаевича Петр был генерал-инспектором инженерной части, Сергей Михайлович – генерал-инспектором артиллерии, Константин Константинович – главным начальником военно-учебных заведений.

Засилье великих князей в военном управлении, бесконтрольность их деятельности, пренебрежительное отношение к во-

енному министру вызывало недовольство даже в господствующим классах России. Лидер партии октябристов, партии крупной буржуазии и обуржуазившихся помещиков, А. Гучков, с трибуны «российского парламента» – Государственной думы вынужден был в мае 1908 г. выступить с речью «о безответственности» великих князей, назначение которых во главе отдельных отраслей военного управления он объявил «делом совершенно ненормальным».

Явно обойденным считал себя двоюродный дядя царя вел. кн. Александр Михайлович. Благодаря браку со своей двоюродной племянницей, сестрой Николая II Ксенией, он стал еще более близким родственником и потребовал почетного и доходного места. Под давлением Николая II в 1902 г. было специально создано ведомство на правах министерства – Главное управление торгового мореплавания и торговых портов. Это искусственное министерство просуществовало только три года, но за это время царский шурин вел. кн. Александр Михайлович сумел основательно нажиться на всякого рода спекуляциях и злоупотреблениях.

С начала мировой войны он возглавил новое тогда авиационное дело. На посту начальника Главного управления воздухоплавания Александр Михайлович зарекомендовал себя лицом, тормозящим развитие военно-воздушных сил России и их боевое использование.

Некоторые члены царской семьи имели честолюбивые притязания на славу в области науки, литературы и искусства. Психически неустойчивый вел. кн. Константин Константинович заведовал Управлением военно-учебными заведениями и был президентом Академии наук, а под псевдонимом «К.Р.» даже печатал стихи. Жена вел. кн. Владимира Мария Павловна была президентом Академии художеств. Имела романовская семья и своего историка; им был Николай Михайлович, освещающий в своих научных трудах историю царской семьи, жизни и деятельности Александра I и придворных верхов.

Таковы наиболее известные представители романовской семьи в конце XIX – начале XX в., которые в то время, когда Россия вступила в новую историческую эпоху – империализм, по-прежнему жили в традициях феодализма. Важным государственным вопросом среди Романовых к началу XX в. был вопрос о будущем наследнике. Николай II и его жена не желали выпускать правление из своей семьи, уступать престол кому-либо из ближайшей родни. По законам царской России наследование престола переходило лишь по прямой мужской линии: отцу наследовал сын, а при отсутствии сына – следующий по старшинству брат; при отсутствии таковых наследование престола переходило к

родственникам: двоюродным братьям и т. д. В первые годы царской семье явно не везло с наследником: рождались лишь дочери. Опасаясь, что трон перейдет к другой ветви императорской фамилии, царица совершала поездки к чудотворным иконам, приглашала ко двору прорицателей и т. д.

С 1899 г. при дворе стал появляться француз месье Филипп. Он выдавал себя за ученого-гипнотизера, специалиста оккультных наук.

Начальнику заграничной агентуры по наблюдению за революционерами-эмигрантами в Париже П. Рачковскому Министерством внутренних дел дано было деликатное задание: разузнать поболее о личности нового «ученого друга» Николая II. Рачковский добросовестно сообщил, что Филипп – это некий Незьер Вашоль, который имел у себя во Франции нелестную репутацию авантюриста: занимался темными биржевыми спекуляциями, гипнозом, спиритизмом и уже четыре раза был судим французским судом за обман и мошенничество.

Пока Рачковский выполнял во Франции поручение Министерства внутренних дел, влияние Филиппа на царскую семью возросло. В прекрасные летние вечера 1900–1901 гг. в Розовой гостиной петергофского Нижнего дворца собиралось избранное общество. В окружении членов царской семьи и представителей императорской фамилии, удобно рассевшихся на диванах, Филипп вызывал «духов», пророчествовал и прорицал.

Предсказывал Филипп и приятные изменения в царской семье – рождение наследника. Хотя предсказание еще и не оправдалось, Николай II поспешил осыпать Филиппа милостями: деньгами, орденами, дал ему чин действительного статского советника²⁸. По «высочайшему» указанию Военно-медицинская академия присудила ему звание доктора медицины, а когда Филипп счел нужным удалиться на родину, то Николай II обратился с письмом к президенту Франции Лубе, рекомендуя этого проходимца французскому правительству и Французской академии наук.

Не успел Филипп обратиться восвояси, как у царского двора появилась целая вереница «божьих людей»: юродивых, кликуш, старцев.

В начале XX в. в России уже чувствовалось приближение революции. Всю страну охватили стачки: за 1900–1904 гг. их число превысило тысячу, а количество бастовавших рабочих – 200 тыс. Основными вехами революционной борьбы этих лет были Обуховская оборона 1901 г., Батумская и Ростовская стачки, крестьянские выступления 1902 г., начавшиеся в Полтавской и Харьковской губерниях, а затем перекинувшиеся в губернии Черно-

земного центра, Поволжья и в Грузию. Исключительный размах имела всеобщая политическая стачка на юге России в 1903 г., проходившая под лозунгами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!». Грозным предвестником революции стала Бакинская стачка в декабре 1904 г.

Боевой и организованный характер рабочему движению придавало руководство со стороны искровских комитетов РСДРП. Большевистская марксистская партия во главе с В.И. Лениным стала авангардом российского рабочего класса. Росло влияние большевиков в среде крестьянских масс, студенчества, трудящихся национальных окраин.

С начала XX в. Россия стала центром мирового революционного движения. На подавление его самодержавие мобилизовало весь свой огромный карательный аппарат. Но приближение революции не могли остановить никакие репрессии со стороны полиции, судов и армии. Царская семья постоянно искала мистические доказательства будущности самодержавия.

Верный царю министр внутренних дел В. Плеве разыскал документ, хранившийся якобы в архиве Департамента полиции, – «предсказание» монаха Саровской пустыни Серафима, жившего еще в 1-й половине XIX в. В этом «предсказании» о царствовании Николая II были такие обнадеживающие слова: «В начале царствования сего монарха будут несчастья и беды народные. Будет война неудачная. Настанет смута великая внутри государства, отец подыметя на сына и брат на брата. Но вторая половина правления будет светлая и жизнь государя долговременная»²⁹. Ходынка, голод 1901 г., рабочее движение, крестьянские волнения на юге России создавали впечатление, что первая часть предсказания уже оправдывается и остается только терпеливо ждать второй, спокойной части правления.

Обрадованный Николай II поспешил вызвать в Петергоф главу высшего церковного органа России обер-прокурора Синода Победоносцева, чтобы предложить ему срочно подготовить проект царского указа о провозглашении Серафима Саровского святым. В ответ на возражение К. Победоносцева царица заявила оторопевшему сановнику, что «государь все может»³⁰.

На открытие «нетленных мощей» новоявленного святого летом 1903 г. в далекую Саровскую пустынь, находящуюся в Тамбовской губернии, потянулись царская семья, многолюдная орава придворных и высшее духовенство. К величайшему конфузу собравшихся, при вскрытии гроба Серафима Саровского нашли совсем сгнивший скелет.

Чтобы предотвратить насмешки и толки, петербургскому митрополиту поручили дать специальное «необходимое разъяс-

нение». Нетленность мощей не является вовсе признаком святости, разъяснял этот чиновник. Доказательством святости являются «чудеса, которые творятся при их гробах или от их мощей», нетленность лишь «дополнительное» чудо³¹.

В начале XX в. при царском дворе сложилась влиятельная группировка, толкавшая царя на путь военных авантюр на Дальнем Востоке, на развязывание войны с Японией, соперничавшей с Россией в Китае и Корее. В эту группировку входили статс-секретарь царя А. Безобразов, наместник Дальнего Востока Е. Алексеев и министр внутренних дел В. Плеве. В ответ на тревожное заявление военного министра генерала Куропаткина о неподготовленности России к такой войне Плеве воскликнул: «Алексей Николаевич, вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война»³².

Развязанная в начале 1904 г. вследствие империалистических противоречий на Дальнем Востоке русско-японская война протекала неудачно, так как царизм «оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела»³³. Царь проявил полное равнодушие к событиям этой неудачной для царской России войны. Через несколько дней, принимая одного предводителя дворянства, на слова сочувствия со стороны последнего о потоплении судов Николай II небрежно заметил: «Ну, знаете ли, я смотрю на это как на укусы блохи»³⁴.

В день получения известия о гибели выдающегося русского флотоводца и ученого вице-адмирала С.О. Макарова, вернувшись с официальной панихиды в царскосельском соборе, Николай II позвал одного из придворных в свой кабинет. Он встретил его словами: «Какова погода! Хорошо бы поохотиться, давно мы с вами не были на охоте. Сегодня что у нас – пятница? Хотите, завтра поедем?» Даже циничный придворный генерал бы сконфужен полным равнодушием царя к гибели выдающегося адмирала, командующего порт-артурской эскадрой. Уходящий из дворца свитский генерал мог наблюдать царя за любимым развлечением: он стрелял в саду ворон из мелкокалиберной винтовки.

Зато гибель министра внутренних дел В. Плеве³⁵ вызвала большое огорчение царя. «В лице доброго Плеве, – записал он в дневнике 15 июля 1904 г., – я потерял друга и незаменимого министра вн. д. Строго господь посещает нас своим гневом»³⁶.

Вскоре огромная радость заслонила для царской семьи и поражения армий на Дальнем Востоке, и гибель Плеве: 30 июля 1904 г. родился сын, который был наречен именем Алексей.

На радостях Николай II пошел даже на «милости»: он отменил телесные наказания для крестьян³⁷ и «простил» крестьянам безнадежные недоимки.

Впрочем, радость, связанная с рождением наследника престола, была непродолжительной: ребенок оказался болен. Уже через 5 недель после рождения у наследника началось страшное кровотечение, продолжавшееся 11 часов.

Медицинские светила того времени считали болезнь наследника неизлечимой, а предельный возраст его определяли восемнадцатью годами.

Семейные заботы приходилось чередовать с государственными. По заведенному издавна обычаю ежедневно, после завтрака, Николай II принимал кого-нибудь из министров, прибывших к нему с официальным докладом или отчетом, зимой – в Зимнем дворце или в Царском Селе, а весной и летом – в Петергофе.

Здесь, в кабинете с множеством безвкусных картин и семейных фотографий, за большим письменным столом император всероссийский с глазу на глаз беседовал со своим верным слугой – министром. Нередко тот или иной министр оставлял пухлый «всеподданнейший» отчет или доклад царю; поступали доклады и отчеты с мест – от генерал-губернаторов и губернаторов. Иногда царь читал их наедине. «Читал до обеда, – пишет он в дневнике, – одолеваю отчет Государственного совета. Вечером окончил чтение отчета Военного министерства – в некотором роде одолел слона»... «Много пришлось читать: одно утешение что кончилось заседание Комитета министров»... «Опять начинает расти та кипа бумаг для прочтения, которая меня смущала прошлой зимой»³⁸.

Впрочем, чаще всего царские резолюции на отчетах носят предельно лаконичный характер: «Прочел с удовлетворением», «Искренне благодарю», «Неужели?», «Скверное дело» и тому подобные ничего не значащие слова.

Новый, 1905 г. царь ознаменовал в дневнике обычной традиционной записью: «1 января. Суббота. Да благословит господь наступивший год, да дарует он России победоносное окончание войны, прочный мир и тихое, безмятежное житие!»³⁹ Но как раз этого и не получилось.

В государственный и семейный мир «хозяина земли русской» властно ворвалась первая в России революция. Неудачная война усилила нищету народных масс, страдавших под гнетом эксплуатации помещиков и капиталистов. Начавшаяся на Путиловском заводе стачка охватила к 7 января почти все предприятия столицы, стала всеобщей. С одобрения властей священник Г. Гапон, агент царской охранки и руководитель фальшивого рабочего общества – Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга, созданного еще в 1903 г. для отвлечения рабочих от революционной борьбы, стал подговаривать рабочих на

мирное шествие к Зимнему дворцу для подачи петиции царю. «Мы, рабочие г. Петербурга, – говорилось в этой петиции, – наши жены, дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты... Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук...»⁴⁰

Большевики тщетно пытались предотвратить это шествие, предупреждали рабочих, что в них будут стрелять, но рабочие слепо поверили, что царь примет их послание, облегчит их жизнь. Об этом ведь так горячо, красиво и убедительно говорил на рабочих собраниях Гапон.

Николай II не собирался встречаться с народом. В те часы, когда в общежитиях и казармах фабрично-заводских окраин столицы рабочие торжественно принаряжались перед встречей с царем, царя в Петербурге не было. Он находился в Царском Селе: принимал министров, а затем гулял по заснеженным аллеям царскосельского парка. Вечером 8 января приехал министр внутренних дел Святополк-Мирский с докладом о «предпринятых мерах».

Дядя царя, командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, вел. кн. Владимир Александрович разработал настоящую военную диспозицию против мирных рабочих. Весь Петербург был разбит на 8 военных районов, во главе каждого стоял генерал-майор, которому подчинялись пехотные батальоны, конные эскадроны, казачьи сотни. В столице было сосредоточено 30 тыс. войск и 10 тыс. полицейских⁴¹. Ожидалось прибытие новых войск из Пскова и Ревеля.

В морозное воскресное утро 9 января со всех концов столицы к центру, к Зимнему дворцу, направились колонны рабочих с женами, детьми; они несли хоругви, иконы и портреты царя. На пути шествия и на Дворцовой площади рабочих встретили залпы войск. «Люди падали по двое, по трое, приседали на землю, хватаясь за животы, бежали куда-то, прихрамывая, ползли по снегу, и всюду на снегу обильно вспыхивали яркие, красные пятна. Они расплзались, дымилась, притягивая к себе глаза, – писал очевидец Кровавого воскресенья М. Горький. – Толпа подалась назад, на миг остановилась, оцепенела, и вдруг раздался дикий, потрясающий вой сотен голосов. Он родился и потек по воздуху непрерывной, напряженно дрожащей пестрой тучей криков острой боли, ужаса, протеста, тоскливого недоумения и призывов на помощь»⁴².

Живущая веками вера крестьян и отсталых рабочих в милостивого, справедливого и доброго царя была расстреляна.

В день Кровавого воскресенья царь бесстрастно занес в дневник: «В Петербурге произошли серьезные беспорядки вслед-

ствии желая рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных частях города; было много убитых и раненых»⁴³.

Царь знал о готовящемся расстреле и даже одобрял его.

Кровавые вехи царствования – Ходынка, русско-японская война и, наконец, 9 января – прочно закрепили за царем в народе прозвище Николая Кровавого.

Правительство поспешило опубликовать официальные цифры событий 9 января: 76 убитых (в том числе 1 околоточный надзиратель), раненых 233 (в том числе тяжело ранен 1 помощник пристава, легко – рядовой жандарм и городовой)⁴⁴. Включив в число пострадавших чинов полиции и жандармерии, правительство стремилось создать у общественности всего мира и России впечатление, что войскам и полиции пришлось подавлять «беспорядки». Недаром в официальном правительственном сообщении говорилось о «фанатизме» рабочих, возбуждаемых якобы «преступной агитацией злонамеренных лиц»⁴⁵. Эти утверждения, как и количество пострадавших, оказались сплошным вымыслом: мирный характер шествия рабочих к Зимнему дворцу был общеизвестен. Что же касается цифр, то правительство через несколько дней опубликовало новые «уточненные» данные: в графе о численности убитых 7 переправили на 9, получилось 96, а в количестве раненых – 2 на 3, получилось 333.

В действительности же, по далеко не полным данным, в день Кровавого воскресенья, 9 января, было убито более 1000 человек и ранено около 5000 человек⁴⁶.

С событий 9 января и началась первая буржуазно-демократическая революция в России.

С тревогой доносили в Петербург министрам и царю местные администраторы – генерал-губернаторы, губернаторы, полицеймейстеры и градоначальники – о повсеместных демонстрациях и стачках на фабриках и заводах, о многотысячных демонстрациях на улицах городов и лозунгах на красных знаменах: «Долой самодержавие!», «Да здравствует Учредительное собрание!» Революция перекинулась и в деревню: крестьяне захватывали помещичьи земли, инвентарь, скот. В ночном весеннем небе России – повсюду: в центре, на Украине, в Прибалтике – все чаще полыхало зарево пожаров; это горели помещичьи имения, родовые дворянские гнезда, подожженные крестьянами.

На подавление революции царское правительство бросило все силы – полицию, жандармов, суды и войска. Через день после кровавого воскресенья была учреждена должность петербургского генерал-губернатора с очень широкими, фактически диктаторскими полномочиями. На эту должность царь назначил москов-

ского обер-полицеймейстера Д. Трепова. Этот «один из наиболее ненавидимых всей Россией слуг царизма»⁴⁷ сразу же провел массовые аресты рабочих, закрыл негодные органы печати, начал травлю передовой интеллигенции.

Одновременно Трепов предпринял попытки лавирования. Для того чтобы продемонстрировать «единение царя с народом», он организовал «депутацию» рабочих к Николаю II. С утра 19 января полицейские и жандармы Петербурга в сопровождении дворников врываются в квартиры некоторых наименее сознательных рабочих, а также мастеров и конторских служащих фабрик и заводов с грозным приказом одеться и следовать за ними. «За что? Помилуйте!» – волновались в неведении жертвы. В ответ раздавался окрик: «Поторопитесь!»

Схваченные таким путем 34 рабочих «депутата» были доставлены к комендантскому подъезду Зимнего дворца. Долго водили их по бесконечным коридорам и лестницам. В одном из залов каждого из «депутатов» встречал Трепов с полицейскими и придворными чинами. «Обыскать!» – следовал приказ. После обыска рабочему иногда предлагалось тут же переодеться. Из Зимнего дворца рабочих «депутатов» доставили в царский павильон Царскоелеського вокзала, а затем под охраной посадили в вагон. В каждом купе находилось по два «депутата» под охраной полицейского сыщика. На все попытки узнать, куда и зачем их везут, грозно звучал ответ сыщиков: «Здесь не полагается разговаривать!»

Так «депутатов» доставили в Царское Село. Их выстроили в Портретном зале Александровского дворца. Вскоре к ним вышел царь. Его сопровождали благообразный старик в придворном мундире – министр двора барон Фредерикс, сухощавый скучный чиновник во фраке – министр финансов Коковцов и важный генерал – дворцовый комендант Гессе. Сзади толпилось несколько придворных в шитых золотом мундирах. С любопытством оглядывали вошедшие собранных Треповым «делегатов» грозного рабочего класса; скромно, но чисто одетые, в пиджаках, косоворотках и сапогах, они спокойно и терпеливо ожидали, что же будет дальше.

Помедлив и изобразив на лице должную строгость, Николай II начал свою речь. Он повторил официальное утверждение об «изменниках» и «врагах», которые толкнули рабочих на «бунт», «стачки», «мятежные собрания» и беспорядки. Эти беспорядки, заявил царь «депутатам», «всегда заставляли и будут заставлять власть прибегать к военной силе». Царь призвал рабочих к терпению, так как, заявил он, «следует быть справедливым и к вашим хозяевам и считаться с условиями нашей промышленности».

Конец царской речи был подчеркнута милостив: «Я верю в честные чувства рабочих людей и непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их»⁴⁸.

Окончив речь, Николай II удалился вместе с сопровождавшими его сановниками, а рабочих «депутатов» провели в другой зал, где их ожидало «угощение» (по бутылке пива и несколько бутербродов на каждого), а также отпечатанные на гектографе экземпляры речи царя, которые и были розданы «депутатам» на память.

Одновременно был опубликован указ, сообщавший, что царь, «движимый чувством сердечного сострадания... из собственных средств выделил жертвам 9 января 50 тыс. руб.», для распределения которых создана специальная комиссия во главе с тем же Треповым.

И циничное царское «прощение» расстрелянных 9 января рабочих, и его жалкая подачка вызвали бурю негодования по всей стране и способствовали дальнейшему развитию революционных событий.

Уже после падения самодержавия в феврале 1917 г. в России и за границей появилось много статей, брошюр и даже книг, авторы которых, буржуазные исследователи и публицисты, а нередко и бывшие царские чиновники, характеризовали последнего российского царя Николая II как человека недалекого, безвольного, подверженного якобы различным влияниям.

В действительности правдива лишь первая часть этой характеристики. Вся политика Николая II свидетельствовала о крайней убогости его государственных способностей, неумении ориентироваться в сложной обстановке (особенно после первой революции в России), о крайней закостенелости взглядов «хозяина земли русской».

Личные интересы и воззрения Николая II были примитивными. Ярким выражением этого является быт царской семьи. В 1904 г. Николай II и его семья покинули Зимний дворец. В годы войны, революции и реакции царь предпочел проживать подальше от беспокойной революционной столицы: с весны и до осени – в Петергофе, а остальное время – в Царском Селе, иногда в Ливадии.

В отличие от парадной обстановки Зимнего дворца обе эти загородные царские резиденции были обставлены во вкусе богатой буржуазной семьи: личные комнаты царской семьи заставлены мецанской мебелью излюбленного купцами стиля «модерн», оклеены обоями с цветочками, завешаны картинами посредственных художников и массой фотографий.

В Большом кабинете Царскосельского дворца за огромным полированным столом Николай II занимался государственными

делами: читал министерские доклады и отчеты. Все убранство этого кабинета свидетельствовало о весьма посредственном культурном уровне его хозяина.

На стенах этого кабинета рядом с портретом Александра III работы Серова висела картина «Юродивый» К.Л. Лебедева, поодаль – «Мальчики, играющие в шашки» Богданова-Бельского, затем опять портрет Александра III, который был изображен художником Шиповым... в образе богатыря, далее портрет самого Николая II в лейб-гусарском мундире работы придворного художника Деталя, а по соседству – «Вакханка» Каульбаха, в большом изобилии были представлены банальные акварели на лжеисторические сюжеты художника Соломко, и все в таком же нелепом сочетании и в безвкусном подборе.

На полочке у одной из стен громоздились аляповатые фарфоровые звери. За исключением портрета работы художника Серова и картин Каульбаха и Богданова-Бельского, здесь не было ни одной из картин известных художников. Большой этюд Репина и акварели Сурикова сиротливо висели в одном из темных коридоров.

Обстановку Большого кабинета дополнял огромный биллиард с киями и шарами.

Поражает почти полное отсутствие в этом кабинете книг – на полке стояли лишь «Жития святых» в роскошных парчовых переплетах, молитвенник, а в одном из шкафов было «Собрание сочинений» А.П. Чехова со слипшимися страницами золотого обреза (видимо, хозяин открывал тома не часто)⁴⁹. На антресолях кабинета, куда вела небольшая лесенка, на полках и столах лежало огромное количество альбомов с фотографиями (царь увлекался фотографированием); они были заботливо систематизированы в хронологическом порядке и по темам: официальные приемы и военные парады, поездки на яхте «Штандарт» и охота, прогулки и личные фото (иногда даже шуточные – царь в неподобающей позе – стоит на руках головой вниз; иногда семейные – Николай II в костюме Евгения Онегина из семейного спектакля конца 90-х годов и т. п.).

Своих министров Николай II в Царском Селе принимал в другом кабинете – «рабочем». Убранство этого кабинета было сходно с Большим кабинетом. Кабинет царя в петергофской резиденции мало чем отличался от царскосельских.

Царская семья демонстративно подчеркивала свое религиозное благочестие. Во многих комнатах царскосельских и петергофских дворцов стены были завешаны множеством икон. В одной лишь спальне царскосельского Александровского дворца находилось более 800 икон и образов, чаще всего дешевой, массовой выделки, не представлявших художественной ценности.

Мелкой обывательской жизнью и узостью интересов веяло от этой обстановки царской семьи. Культура здесь подменялась религиозным ханжеством, а художественные вкусы ограничивались бессодержательными картинками⁵⁰.

Государственная деятельность и личная жизнь Николая II свидетельствовали о его ограниченности. Но буржуазные историографы не правы, обвиняя последнего русского царя в чрезмерной бесхарактерности. Царские распоряжения и резолюции на министерских, губернаторских и прочих докладах и отчетах, его дневники и письма, а также воспоминания очевидцев дают нам образ человека, упорно отстаивавшего власть самодержавного, неограниченного монарха, люто и злобно ненавидевшего революцию, жестокого, двуличного и кровавого властителя. Особенно ярко раскрылись эти черты в период первой революции. Каждое революционное событие в стране вызывало в царе гнев и раздражение. «Примите немедленно самые жестокие меры, – телеграфирует он командующему Одесским военным округом, – к подавлению восстания как на “Потемкине”, так и среди населения порта...» Затем следует телеграмма к главному начальнику Черноморского флота с решительным опросом: «Какие меры предположены вами к прекращению шатания “Потемкина” по портам? Очень пора покончить с этим невыносимым положением...»⁵¹

Когда Трепов в обширном докладе на имя царя о кровавых событиях в Балашовском уезде Саратовской губернии, где казаки избивали забастовщиков нагайками, употребил выражение «к сожалению», Николай II на полях написал: «Очень хорошо сделали» – и присовокупил: «Революционные проявления дальше не могут быть терпимы, вместе с тем не должны дозволяться самоуправные действия толпы»⁵².

Подъем революции летом 1905 г. заставил царя пообещать созыв представительного законосовещательного учреждения – Государственной думы. Но сделать это во время нарастания революционных событий царь опасался.

В начале октября по призыву Московского комитета большевиков забастовали железнодорожники Москвы; к 10 октября политическая стачка охватила все крупнейшие железнодорожные узлы. А вскоре она превратилась во Всероссийскую политическую стачку, парализовавшую жизнь страны. Бастовали рабочие и железнодорожные служащие, от стрелочников до инженеров, телеграфисты и почтальоны, наборщики, врачи и аптекари, земские и городские служащие, дворники и домашняя прислуга...

Власти усиливали репрессии. Петербургский генерал-губернатор Д. Трепов 14 октября издал свой печально знаменитый

приказ: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть», но подвозить войска в крупные города России стало почти невозможно – в результате стачки замерли железные дороги.

Царская семья оказалась изолированной в Петергофе. Никогда она так долго не засиживалась в Петергофе, но в октябре 1905 г. Николай II оказался дачником поневоле: Балтийская дорога тоже бастовала. «Положение постыдное, – писал он своему дяде вел. кн. Александру Михайловичу, – хоть вплавь добирайся»⁵³. Министр юстиции Манухин и некоторые другие чиновники с трудом попали в Петергоф 12 октября. Связь с Петербургом поддерживалась только двумя миноносцами – «Дозорным» и «Разведчиком», которые ходили два раза в сутки. «Милые времена!»⁵⁴ – констатировал положение царь в своем дневнике 12 октября. Поговаривали даже о бегстве царской семьи морем в Германию.

Не меньше были напуганы и царские министры. Ловкий политический деятель председатель Совета министров С.Ю. Витте, по оценке В.И. Ленина – «министр-маклер», «министр-клоун»⁵⁵, в условиях подъема революции осенью 1905 г. решил маневрировать. Еще 9 октября он подал царю записку, в которой докладывал, что дальнейшее развитие событий приведет к тому, что «народ может снести все, чем держится не только монархия, но и само государство», что одними репрессиями уже не справиться, так как «казни и потоки крови только ускорят взрыв. За ним наступит дикий разгул низменных человеческих страстей». Припугнув царя такой перспективой, Витте посоветовал сделать некоторые уступки. Но Николай II все еще считал, что можно обойтись репрессиями. 13 октября он направил телеграмму Витте, в которой предписывал объединить деятельность всех министров, чтобы «восстановить порядок повсеместно». Одновременно Николай II обратился к Трепову и военному министру Редигеру, рассчитывая, что они смогут подавить революцию, но перепуганные генералы заявили, что войска тоже ненадежны и рассчитывать на них нельзя. Витте в тот же день представил царю доклад, изложив в нем программу уступок, которые, по его мнению, «могут способствовать восстановлению» в России «спокойствия»⁵⁶.

В своем дневнике Николай II характеризовал 14 и 15 октября как «очень занятые дни». Закрывшись в кабинете, царь и граф Витте весь день 14 октября провели в обсуждении «программы будущих мероприятий». Царь и его первый сановник лихорадочно искали эффективные меры борьбы с революцией путем якобы «дарованных» самим царем «милостей».

Николай II поручил составить текст манифеста близкому к царской семье придворному сановнику А.Д. Оболенскому, а ког-

да тот выполнил эту задачу, Витте, после редакторской правки текста, передал его царю.

Проводя подготовительную работу с Витте, Николай II еще не терял надежды на то, что можно избежать уступок и подавить революцию с помощью силы. Поэтому поздно вечером 15 октября, по совету министра двора барона В. Фредерикса, он решил направить копию доклада Витте и текст манифеста в Петербург к Трепову для подачи «откровенного мнения и всеподданейшего совета». В сопроводительной записке Николай II осведомлялся, считает ли Трепов возможным достичь «водворения порядка без больших жертв»⁵⁷. В частной записке любимец царской семьи князь В. Орлов предлагал Трепову дать ответ побыстрее, так как «медлить больше нельзя»⁵⁸.

Глубокой ночью тишину петербургской генерал-губернаторской квартиры нарушил резкий звонок, и прибывший из Петергофа на миноносце «по высочайшему указанию» офицер-фельдъегерь вручил заспанному и полуодетому Трепову срочный пакет. Пока офицер дремал на диване в коридоре, Трепов второпях набросал свою «всеподданнейшую записку», где был вынужден посоветовать царю «примириться» с уступками.

17 октября Николай II утвердил «всеподданнейший» доклад Витте и подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Этим манифестом царь «даровал» России буржуазные свободы (слова, печати, личности, совести, собраний, союзов), признавал Государственную думу законодательным органом и даже обещал привлечь к участию в ней, правда «по мере возможности», те классы населения, которые ранее были лишены избирательных прав (подразумевался прежде всего рабочий класс).

В этот день царь записал в дневнике: «17 октября. Понедельник. Завтракали Николаша и Стана»⁵⁹. Сидели и разговаривали, ожидая приезда Витте. Подписал манифест в 5 часов. После такого дня голова стала тяжелой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, умири Россию»⁶⁰.

В письме к матери 19 октября Николай II объяснял истинные мотивы принятия манифеста тем, что он «ни на кого не мог опереться... исхода другого не оставалось, как перекреститься и дать то, что все просят»⁶¹.

В годовщину манифеста, 17 октября 1906 г., Николай II оставил в дневнике такую запись: «Годовщина... мучительных часов прошлого года! Слава богу, что оно уже пережито!»⁶²

Сам царь и все сторонники сохранения неограниченной монархии в России считали Витте основным виновником манифеста 17 октября, и впоследствии, опровергая в письме к матери

слухи о том, что Витте вернется вновь к государственной деятельности после отставки его с поста председателя Совета министров в апреле 1906 г., Николай II писал: «Нет, никогда, *пока я жив*, не поручу я этому человеку самого маленького дела! Довольно прошлогоднего опыта, о котором я вспоминаю, как о кошмаре»⁶³.

После утверждения манифеста по инициативе Витте был преобразован Совет министров. Этот орган существовал и ранее, но собирался он на заседания нерегулярно и решал только те вопросы, которые выносил на рассмотрение министров царь. Теперь же, с октября 1905 г., в условиях революции Совет министров стал в государстве важнейшим, постоянно действующим органом для «направления и объединения деятельности» министерств. Подавляющее большинство заседаний Совета министров в период первой революции было посвящено разработке карательных мер по борьбе с революционным движением рабочих и крестьян.

Обычно председателем Совета министров царь назначал самого доверенного сановника; первым этот пост в течение полугода (с 19 октября 1905 г. по 23 апреля 1906 г.) занимал С. Витте. В октябрьские дни 1905 г. Николай II был вынужден, скрепя сердце, снять с занимаемых постов вернейших своих слуг, ненавидимых народными массами: кровавый палач 9 января, командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, вел. кн. Владимир Александрович был заменен другим вел. кн. Николаем Николаевичем; 26 октября получил отставку и Д. Трепов, но царь не удалил, а, напротив, приблизил своего верного слугу – он стал дворцовым комендантом и повседневным советником Николая II. Ушел в отставку и ненавидимый всеми обер-прокурор Синода К. Победоносцев.

Для борьбы с революцией у правительства не хватало сил. В таких условиях царизм вынужден был пойти на уступки – принять манифест. В.И. Ленин оценивал это вынужденное отступление царизма как первую крупную победу революции.

Манифест 17 октября вызвал ликование буржуазии и буржуазной интеллигенции, называвших царский акт «хартией вольностей», «началом правового строя», переходом к «конституционному строю»⁶⁴ и т. п. В октябре 1905 г. оформились основные буржуазные партии России: конституционно-демократическая (кадетская) и «Союз 17 октября» (октябристов).

Царский манифест не остановил нарастания революции. В шестидесяти городах России в октябре–декабре 1905 г. рабочие создали свои органы власти – Советы рабочих депутатов. Возникли Советы депутатов в отдельных воинских частях, кое-где

появились крестьянские комитеты, в некоторых городах существовали, хотя и недолго, «республики» – «все это было *началом* завоевания политической власти пролетариатом»⁶⁵; до 1/2 уездов Европейской части России было охвачено крестьянским движением.

После издания манифеста подняли голову реакционно настроенные помещики и духовенство, некоторые интеллигенты, лавочники и уголовные элементы. Они стали создавать свои так называемые черносотенные организации, пользовавшиеся поддержкой царя. Такой крупнейшей организацией стал «Союз русского народа», возглавляемый врачом-педиатром А. Дубровиным. Основными программными положениями этого союза были незыблемость самодержавия, воинствующее православие, великодержавный шовинизм и антисемитизм. Рассчитывая на привлечение народных масс, союз включил и некоторые пункты демагогического характера: критику неугодных царю, попавших в опалу чиновников (Витте, Кутлер), государственное страхование рабочих и даже сохранение общинного землевладения и увеличение крестьянских наделов (но только за счет земель государства) и т. д.

«Союз русского народа» организовывал собрания, митинги, вечера, чтения, лекции, манифестации, молебны и т. п. Его органы печати вели пропаганду черносотенной программы, публиковали ходатайства и телеграммы на имя царя, председателя Совета министров. Практиковались посылки делегаций черносотенных организаций и к самому царю. Первая такая делегация 23 декабря 1905 г. вручила Николаю II и наследнику престола значки союза.

В октябрьские дни 1905 г. навстречу мирным демонстрациям рабочих устремлялись шествия черносотенцев с пением царского гимна «Боже, царя храни», с иконами и портретами царя. Пользуясь поддержкой полиции и войск, мордатые звероподобные приказчики и дворники избивали рабочих, устраивали кровавые погромы революционной интеллигенции, учащихся, евреев.

На следующий день после принятия манифеста черносотенец Михалин убил руководителя Московской партийной организации большевиков Н.Э. Баумана. Его похороны вылились в 300-тысячную политическую демонстрацию. Осужденный окружным судом к тюремному заключению на 1 год и 6 месяцев, Михалин нашел сильных покровителей. Министр юстиции Щегловитов заверил царя, что Михалин имел «безупречное прошлое» (на самом деле он дважды был осужден за кражи), чистосердечно признался, что совершил убийство в связи с «оскорблением патриотических чувств», а поэтому министр юстиции

ходатайствовал о помиловании этого убийцы. Николай II наложил краткую резолюцию: «Съ» (что означало «согласен»), и Михаил был освобожден.

Дикое озлобление царя вызвало Декабрьское вооруженное восстание в Москве. «Надеюсь, – писал он московскому генерал-губернатору Дубасову 15 декабря 1905 г., – что Семеновский полк поможет вам раздавить окончательно революцию... Благодаря вас сердечно. Бог вам в помощь»⁶⁶.

19 декабря он с удовлетворением записал в дневнике: «В Москве, слава богу, мятеж подавлен силою оружия. Главное участие в этом принимали: семеновцы и 16-й пехотный Ладожский полк»⁶⁷. «Дубасов – молодец!»⁶⁸ – с восторгом пишет он матери. Не меньшее восхищение вызывал у царя и командир Семеновского гвардейского полка полковник Мин. За подавление Декабрьского вооруженного восстания и карательную экспедицию по Казанской железной дороге он получил повышение – стал генерал-майором; современники прозвали его «генералом от усмирений».

Учитывая революционную обстановку в столице, царь нуждался в верной охране; в ряде телеграмм он настаивал на возвращении семеновцев в Петербург. 26 декабря последовало категорическое распоряжение царя: «Лейб-гвардии Семеновский полк подлежит возврату в Петербург 31 декабря. Николай».

Для встречи «победителей» декабрьского восстания в Москве в Царском Селе на площади перед Большим дворцом был устроен торжественный парад, на который явилась вся царская семья: Николай II в семеновском гвардейском мундире, царица и царские дочери; огромный матрос Деревянко, приставленный к наследнику «для услуг», вынес царского сына.

Царская речь перед застывшими шеренгами усатых солдат-карателей была немногословна: «Спасибо, семеновцы, дорогие мои! – закричал, напрягая голос, Николай II. – От всей души горячо благодарю вас за вашу службу. Благодаря вашей доблести, стойкости и верности окончена крамола в Москве»⁶⁹.

Впоследствии, когда летом 1906 г. в близком к царю Преображенском гвардейском полку (где командиром 1-го батальона числился сам Николай II) произошли волнения, Семеновский полк бы назначен для постоянной охраны царской семьи в Петергофе. В связи с этим на радостях царь устроил угощение офицерам и солдатам, а «нижние чины», по официальным сведениям, удостоились даже «милостивого разговора их величеств».

Жесточайшие репрессии обрушились не только на мятежную Москву. В наиболее беспокойные местности для расправы с революционным движением были посланы с чрезвычайными

полномочиями генерал-адъютанты Пантелеев, Струков, Сахаров и другие. Царский любимец генерал Орлов – командир Уланского императорского полка, шефом которого была царица, творил невероятные жестокости в Прибалтике; ему не уступали два морских офицера – Рихтер и барон Ферзен. Однако Николай II требовал еще более активных действий. 19 декабря он направил прибалтийскому генерал-губернатору Соллогу телеграмму о «желательности проявления отдельными отрядами большей инициативы, деятельности и самостоятельности». Результаты царского распоряжения не замедлили сказаться. Уже 30 декабря 1905 г. Витте представил доклад царю с жалобой Соллогу на то, что капитан Рихтер сильно злоупотребляет казнями, что он «не только расстреливал, но и вешал главных агитаторов». «Ай да молодец!» – восторженно пометил на полях доклада царь.

Для подавления революционного движения вдоль линии Сибирской железной дороги С.Ю. Витте посоветовал царю направить двух генералов: один из них двигался бы с карательным отрядом из России в Иркутск (барон Меллер-Закомельский), а другой – из Хабаровска навстречу ему (П. Ренненкампф). «В Сибири тоже лучше, – писал царь матери в начале 1906 г., – но еще не кончена чистка железной дороги от всякой дряни» – и далее пояснял, что генералам-карателям здесь даны широкие полномочия «восстановить порядок на станциях и в городах, хватать всех бунтовщиков и наказывать их, не стесняясь строгостью»⁷⁰. Выполняя распоряжение царя, Меллер-Закомельский и Ренненкампф повсюду оставляли трупы расстрелянных. Когда директор Верхнеудинского реального училища Устрецкий послал 12 февраля 1906 г. царю телеграмму, в которой «именем детей» просил о «смягчении участи» пяти учителей, осужденных Ренненкампфом на смерть, то царь наложил циничную резолюцию: «Всяк сверчок знай свой шесток»⁷¹.

В Полтавской губернии советник губернского правления Филонов приказывал проводить массовые порки крестьян, включая женщин и детей. После такого наказания заставлял их часами стоять на коленях в снегу под дулами солдатских винтовок. Получив это известие, Николай II издевательски пошутил в присутствии своего родственника вел. кн. Николая Михайловича: «Это щекотно!»

Тамбовский губернатор генерал фон дер Лауниц сек целые деревни, арестовывал без всякого основания многих местных интеллигентов и этим так понравился царю, что был вызван в столицу и назначен петербургским градоначальником.

На протяжении всей революции Николай II проявил свойственную ему жестокость: был инициатором создания военно-по-

левых судов (за время их действия с августа 1905 по апрель 1906 г. предано смертной казни больше осужденных, чем за предыдущие 80 лет), прощал и миловал погромщиков и убийц революционеров, был беспощаден и жесток по отношению ко всем, кто выступал против существующего строя.

Революция внешне мало изменила жизненный уклад царской семьи, лишь царь все реже и реже посещал мятежную столицу, предпочитая ей загородные резиденции – Царское Село и Петергоф.

Внешне все было так, как и раньше: длинные доклады министров в царском кабинете с краткими репликами Николая II, приемы черносотенных делегаций с верноподданическими адресами и ответными речами царя, смотры и парады войск на площади перед дворцом, прогулки для бодрости по аллеям парка, благодатные поездки в местный храм всей семьей на богомолье, вечерние семейные чтения вслух. Впрочем, с революцией в жизнь царской семьи вошел страх, боязнь за существование монархии, физический ужас при мыслях о том, что придется расплачиваться за все кровавые преступления царизма.

Самым спокойным местом пребывания царской семьи считалась императорская яхта «Штандарт». После того как в самом Петергофе была арестована группа революционеров-террористов, Николай II пришел в полное смятение. «Но ты понимаешь мои чувства, милая мама, – писал он матери 30 августа 1906 г., – не иметь возможности ни ездить верхом, ни выезжать за ворота, куда бы то ни было. И это у себя дома, в покойном Петергофе. Я краснею писать тебе об этом и от стыда за нашу родину и от негодования, что такая вещь могла случиться у самого Петербурга. Поэтому мы с такой радостью уходим завтра на “Штандарте” в море, хоть на несколько дней прочь от всего этого позора»⁷². Ответ матери был успокоительный: «Слава богу, что ты теперь на свободе – на “Штандарте”. Надеюсь, что ты останешься на нем как можно дольше»⁷³.

О днях пребывания царской семьи на этой яхте напоминало все: и столовая петергофского Нижнего дворца, перестроенная в форме каюты «Штандарта», и многочисленные фотографии и акварели на стенах дворцовых комнат.

Революция не только не изменила симпатий царской семьи к различным проходимцам и авантюристам, выступавшим чаще всего в ролях прорицателей, предсказателей и «божьих людей», но, напротив, укрепила привязанность к ним. Именно в это время при дворе появился тот, с кем царская семья прочно связала свою судьбу на целое десятилетие, – Григорий Распутин. Еще 1 ноября 1905 г. Николай II записал в дневнике: «Познако-

мились с человеком божьим Григорием из Тобольской губернии»⁷⁴. Это знакомство, по-видимому, первоначально не произвело впечатления на царя. С осени 1906 г. визиты Распутина стали более частыми. Целыми вечерами царь и его близкие с благоговением слушали туманные речи и прорицания этого очередного «божьего человека».

О загадочной карьере Распутина, о причинах его неограниченного влияния на царскую семью было написано немало исследований и воспоминаний.

Почитатели Распутина отвечали на эти вопросы очень просто: они полагали, что Распутин действительно обладал какой-то сверхъестественной силой. Более образованные лица искали научного объяснения возвышения Распутина в его способности к гипнозу, внушению.

И наконец, значительное число современников видело в Распутине просто ловкого жулика и проходимца.

Сибирский крестьянин Григорий Распутин имел у себя на родине в с. Покровском Тюменского уезда Тобольской губернии репутацию «варнака» – конокрада, пьяницы и бездельника. Последнее, по-видимому, и толкнуло его в секту хлыстов, где вокруг бойкого на язык Распутина образовался даже кружок почитателей и поклонниц. Посещения монастырей позволили Распутину завязать знакомства среди высшего духовенства. С рекомендательными письмами некоторых провинциальных духовных лиц осенью 1904 г. Распутин появился в Петербурге, где и представился ректору духовной академии Сергию и инспектору академии Феофану.

Негласный духовник царской семьи, ловкий епископ Феофан сразу представил, какое впечатление произведет в великосветских салонах этот большой, широкоплечий сибирский мужик с густой бородой, лохматой шевелюрой и глубоко сидящими пронизательными глазами, почти неграмотный, но наделенный природным умом, большой волей и самоуверенностью, умело прорицавший что-то на особом языке из церковных выражений и воровских жаргонных словечек.

Еще в начале 90-х годов на обеде, данном в честь балканского князя Николая Негоша, Александр III, желая подчеркнуть независимость политики России, поднял тост за «единственного друга князя Черногорского». Две дочери этого обласканного русским царем князя Милица и Стана воспитывались в Смольном институте, а потом вышли замуж за русских великих князей.

Одной из этих «черногорок», как их нелюбезно именовали при дворе, мистически настроенной жене вел. кн. Петра Николаевича Милице Феофан и представил Распутина.

Умная и честолюбивая Милица решила рекомендовать нового знакомого царице с тайной целью укрепить свое влияние на царскую семью. «Попросите его, о чем хотите, – сказала она, – он помолится, он все может у бога»⁷⁵. В том же убеждала царицу и любимая фрейлина – упрямая, нервная Анна Вырубова. Небольшая дача Вырубовой – «маленький домик» в Царском Селе – стала местом собраний экзальтированно-религиозных поклонников и поклонниц 42-летнего «старца» Григория.

Вскоре Распутин стал модной личностью. Его наперебой приглашали в свои салоны и родная сестра Вырубовой баронесса Пистолькорс, и влиятельные при дворе княгиня Кантакузен, баронесса Медем, графиня Игнатьева.

Туманные прорицания и предсказания этого лохматого мужика в сатиновой рубашке, шароварах и смазанных дегтем сапогах восторженно воспринимались пресыщенными от житейских удовольствий и мистически настроенными великосветскими дамами. С благоговением лобызали они заскорузлую большую и часто грязноватую руку «святого старца». Светская дама Ольга Лохтина под влиянием Распутина покинула семью, светскую жизнь. Восторженно взирая на объект своего поклонения – Распутина, эта полусумасшедшая дама твердила: «Это сам бог Саваоф».

Царица в 1908 г. также рекомендовала одному из придворных поскорее познакомиться с Распутиным. «Есть люди, – говорила она, – молитва которых, вследствие их аскетического образа жизни, имеет особую силу»⁷⁶.

В предвоенные годы Распутин сделался ближайшим советником царской семьи. «Не в первый раз еду в Царское Село, – хвастал Распутин в 1910 г. случайному попутчику в купе поезда. – Правда, придворные меня не любят... Ну да я как бы к дядьке наследника в гости хожу, а там меня провожают к царю и я с ним и царицей за одним столом сижу, чай пьем, разговариваем. А теперь меня царь вызывает, чтобы насчет того поговорить, правильно ли попы поступили, что Толстого отказались хоронить»⁷⁷.

Вопреки мнению врачей о неизлечимой болезни наследника престола Распутин предсказывал «папе» и «маме» (так фамильярно называл он царскую чету) блестящее будущее «маленького» (т. е. наследника). Влияние Распутина быстро возрастало. Царская семья не могла без него обходиться. «Где ты есть, куда ты улетел? – вопрошала в одном из писем к Распутину царица. – Скорее приезжай... Прошу у тебя святого благословения и целую твои блаженные руки. Во веки любящая тебя м...» («мама»). Царские дочери тоже писали Распутину коротенькие письма, записки, именуя его «бесценным», «дорогим», «верным» и «незабвен-

ным другом»⁷⁸. Окончательно поселившись в Петербурге, Распутин открыто, не стесняясь, посещал теперь Царское Село и Петергоф.

Огромные лакированные сапоги Распутина вызывающе громко топали по начищенному паркету дворцовых коридоров и гостиных. С удивлением и любопытством взирали холеные придворные на необычного царского любимца. «Чтой-то мне твоя рожа не нравится», – заметил как-то одному из них Распутин.

Царская семья готова была часами слушать разглагольствования Распутина, и сам председатель Совета министров, всеильный П. Столыпин как-то раз долго дождался в приемной перед царским кабинетом в Александровском дворце, пока Николай II окончит беседу с Распутиным.

Робкие попытки придворных и влиятельных чиновников пресечь возрастающее влияние Распутина оказывались тщетными. «Вы этого вопроса не касайтесь, это мое дело», – сухо сказал Николай II министру двора барону Фредериксу. Дворцовому коменданту генералу Воейкову он резко заявил: «Мы можем принимать, кого хотим»⁷⁹.

Весной 1911 г. Столыпин представил царю доклад о скандальных похождениях и кутежах Распутина, документально подтвержденных агентами Департамента полиции. Царь бесстрастно выслушал премьер-министра, а после ухода Столыпина бросил его доклад в камин и с наслаждением взирал на то, как пламя бойко пожирало «злые наветы» на «святого старца».

После смерти Столыпина его преемник В. Коковцов тоже безуспешно боролся с распутинским влиянием. Ему даже удалось после запроса о Распутине в Третьей Государственной думе в феврале 1912 г. добиться высылки Распутина на родину, но через некоторое время, по требованию царской семьи, он вновь вернулся в Петербург.

Религиозно-мистические настроения царского двора и правящих верхов, появление в их среде ловких авантюристов типа Распутина свидетельствовали о гнилости и упадке царизма в России. Все эти болезненные явления в семье «хозяев земли русской» не способствовали усилению монархии. Авторитет царя и царской семьи в глазах даже правящих классов России резко падал. Не могли укрепить самодержавие и пропагандистские поездки царя и его семьи по стране в 1909–1911 гг., рассчитанные на «общение с народом».

В 1913 г. официальная, помещичье-буржуазная Россия торжественно праздновала 300-летие правления дома Романовых.

Электрической иллюминацией и зеленью, транспарантами и трехцветными флагами, царскими вензелями и коронами укра-

сились здания столицы 21 февраля, когда в величественном Казанском соборе состоялось богослужение в присутствии Николая II, царской семьи, членов многолюдной романовской фамилии, придворных и важнейших чиновников государства.

Большая часть торжества проходила с 17 по 27 мая, когда Николай II и его семья со свитой на пароходе и по железной дороге поехали по пути следования в 1612 г. второго ополчения Минина и Пожарского из Нижнего Новгорода в Москву. Нижний Новгород, Владимир, Суздаль, Кострома, Ярославль и Ростов встречали царя пушечным салютом, колокольным звоном и крестным ходом. Везде царь посещал монастыри и памятные места, связанные с историей романовской семьи, принимал делегации и парады, произносил речи, присутствовал на торжественных молебнах...

Торжества в Москве напоминали коронацию 1896 г.

Прибывшие в Москву царь и сопровождающие его лица направились вниз по Тверской улице в Кремль. Вслед за сотней рослых конвоиров на большом коне ехал щуплый Николай II, двигался экипаж с царской семьей – царицей и царскими дочерьми в огромных круглых шляпах, болезненным наследником в матроске, ехали экипажи с придворными, конные гвардейцы.

Несмотря на «романовские торжества», рассчитанные на укрепление веры в незыблемость и извечность самодержавия, потребовалось неполных четыре года, точнее ровно 45 месяцев, для того, чтобы в условиях общего экономического и политического кризиса, порожденного империалистической войной, народные массы свергли «хозяев земли русской».

Вступившая в конце XIX в. в эпоху империализма Россия сохраняла феодальную форму правления – самодержавие, во главе которого стоял царь. Обладая определенной степенью независимости, абсолютизм пытался лавировать между интересами различных классов. В условиях роста революционной борьбы во всей политике самодержавия усиливается стремление к наиболее реакционным формам правления.

Возглавлявшая массовое революционное движение РСДРП в своей программе, принятой II съездом в 1903 г., ближайшей политической задачей поставила низвержение самодержавия. Этот лозунг партии стал лозунгом масс.

Назревание революционного кризиса, выявившегося в начале XX в. в массовой политической борьбе рабочих и крестьянском движении, общественном недовольстве, бедствиях масс, поражении царизма в русско-японской войне, привело к первой революции в России.

Эта революция хотя и не смогла свергнуть самодержавие, однако ускорила процесс его разложения, особенно остро про-

явившийся в предвоенные годы. «Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907–1914), – писал впоследствии В.И. Ленин, – обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до “последней черты”, раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых – этих погромщиков, заливших Россию кровью...»⁸⁰

Расстрел рабочих 9 января 1905 г. в Петербурге, карательные экспедиции и военно-полевые суды в годы первой революции, казни Столыпина-вешателя в период реакции 1907–1910 гг., Ленский расстрел 1912 г. – таковы кровавые деяния самодержавия и его слуг в этот период.

В мрачные годы политической реакции большевики сохранили нелегальную марксистскую партию – основную руководящую силу рабочего класса. Большое значение для укрепления партии имел разрыв ее с оппортунистами на Пражской конференции РСДРП. Во все эти годы партия воспитывала и организовывала массы для новой борьбы против самодержавия, государства помещиков и буржуазии, широко используя для революционного воспитания масс легальную печать и трибуну Государственной думы.

Самодержавие пыталось предотвратить новый революционный подъем путем превращения старого царизма в монархию с лжеконституционными формами, организации блока помещиков и верхов буржуазии в Третьей Государственной думе, проведения буржуазной аграрной политики. Но все эти меры оказались тщетными. «Революционный кризис на почве неразрешенных буржуазно-демократических задач, – писал В.И. Ленин осенью 1911 г., – остается неизбежным»⁸¹. Исторически российское самодержавие было обречено. Революционное движение масс и империалистическая война ускорили его гибель.

Незримая «нить – как бы паутинка – исходит из сердца его императорского величества государь-императора Александра Третьего и прочая, – проходит она сквозь господ министров, сквозь его высокопревосходительство губернатора и все чины вплоть до меня и даже до последнего солдата. Этой нитью все связано, все оплетено, незримой крепостью ее и держится на веки вечные государево царство»¹. Так откровенничал перед молодым подручным пекаря Алексеем Пешковым в конце 80-х годов прошлого века казанский городской Никифорович, и эти высказывания мелкого полицейского чиновника весьма точно отображали картину бюрократического строя царской России.

До полумиллиона чиновников² всех рангов на рубеже XIX и XX вв. держали в повиновении огромную страну, именуемую Российской империей. Между народом и императором стояло множество учреждений и чиновников. Более десятка связанных между собой должностных лиц, органов и учреждений, расположенных иерархической лестницей, отделяли какого-нибудь тверского, орловского или тамбовского крестьянина от императора всероссийского Николая II. Это крестьянские сословные органы – сельский сход, сельский староста, волостной сход, волостное правление, местный помещик, назначенный Министерством внутренних дел на должность участкового земского начальника, распоряжавшийся бесконтрольно судьбами крестьян. Это уездный съезд земских начальников, чины местной полиции – становой, урядник и исправник, губернское присутствие из чиновников под председательством губернатора. Это также разные структурные части аппарата Министерства внутренних дел, Комитет министров – собрание всех министров России, председателем которого был очень крупный чиновник, иногда великий князь, родственник самого царя, и, наконец, царь.

«Ни в одной стране нет такого множества чиновников, как в России, – писал в начале XX в. В.И. Ленин, обращаясь к крестьянам. – И чиновники эти стоят над безгласным народом, как

темный лес... Армия чиновников, которые народом не выбраны и не обязаны давать ответы народу, соткала густую паутину, и в этой паутине люди бьются, как мухи.

Царское самодержавие есть самодержавие чиновников. Царское самодержавие есть крепостная зависимость народа от чиновников...»³

Сейчас, когда уже более полувека отделяет нас от старой помещицкой буржуазной России, не всегда удается понять эту опутывающую бесправные народные массы власть царской бюрократии. В романе советского писателя А. Вирты «Вечерний звон» главный герой – тамбовский крестьянин, волостной старшина Лука Лукич Сторожев, пожелав лично сообщить царю Николаю II о нуждах крестьян, запросто проникает в Зимний дворец, беседует с Николаем II и его министром С. Витте, выговаривает им много горьких истин, от которых они даже якобы сконфузились, и, наконец, запросто, так же как и пришел, удаляется из дворца.

В условиях самодержавия, неограниченной монархии и могучего бюрократического аппарата с жандармерией, полицией и армией такое личное общение крестьянина с царем не состоялось бы. Простым крестьянам и рабочим было трудно добиться приема даже у мелкого местного чиновника, почти нельзя было попасть к губернатору и тем более к министру.

Сцена длительного и безнадежного ожидания крестьян у парадного подъезда Министерства государственных имуществ, вдохновившая Н.А. Некрасова в 60-х годах XIX в. на замечательное стихотворение «Размышления у парадного подъезда», разыгрывалась и в начале XX в. Для того чтобы прогнать мужика, простолюдина от присутственного места, было достаточно окрика городского. Нередко царское правительство прибегало и к более крутым мерам, устраивая массовые избиения полицией рабочих, крестьян, студентов; в начале XX в. все чаще для поддержания «порядка» привлекались войска.

В России сложились порядки управления, именуемые бюрократическими. Слово «бюрократия» составное: французское «бюро» – контора, канцелярия и греческое «кратос» – власть. Бюрократия означает всеильную власть канцелярий, учреждений и служащих в них чиновников.

В России должностные лица – чиновники появились давно, даже раньше государственных учреждений, но как специальная правящая прослойка бюрократия стала оформляться с возникновения государственных учреждений, складывавшихся в систему государственного аппарата уже после образования Русского централизованного государства, т. е. примерно с XVI в. Окончательно этот процесс был завершен в России с установлением абсолютной (неограниченной) монархии в XVIII в.⁴

В.И. Ленин в конце XIX в. считал признаком бюрократии наличие «особого слоя лиц», специализировавшихся на управлении и поставленных в привилегированное положение перед народом, а для всей страны было характерным «полное бесправие народа перед чиновничеством, полная бесконтрольность привилегированной бюрократии»⁵.

С развитием бюрократии появилась и чиновничья бюрократическая иерархия. Окончательно эта лестница чинов была закреплена при Петре I 24 января 1722 г. знаменитой «Табелью о рангах»⁶, которая установила новый порядок взаимоотношений чинов не по степени знатности (как это было в XVI–XVII вв.), а с учетом прежде всего служебных заслуг, опыта, способностей.

Все чины, находящиеся на гражданской, военной и военно-морской службе, были разбиты «Табелью» на 14 классов с низшего (XIV) до высшего (I).

С течением времени эта «Табель» претерпела сравнительно небольшие изменения, оставаясь основным законом о службе чиновников вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. В начале XX в. «Табель о рангах» выглядела следующим образом (см. с. 327).

В XIX – начале XX в. изменились названия некоторых чинов, произошло перемещение их в классах, отпало конкретное значение и местопребывание каждого чина в определенном учреждении (коллежский регистратор, например, служил не в коллегии, так как их уже не существовало, а был мелким чиновником в любом государственном учреждении).

Петровская «Табель о рангах» установила получение потомственного дворянства (т. е. принадлежность к самому привилегированному сословию в России не только данного человека, но и всех его потомков) по достижении VIII класса; все нижестоящие классы (IX–XIV) давали лишь личное дворянство.

Приток в дворянство чиновников по выслуге вызывал недовольство дворян, особенно старых и титулованных дворянских фамилий (князья, графы, бароны), и толкал их на ходатайство перед царем об ограничениях в производстве в дворянство по службе. Законы, принятые 11 июня 1845 г. и 9 декабря 1856 г., повысили классы «Табели о рангах», дававшие потомственное и личное дворянство: для получения потомственного дворянства нужно было дослужиться до IV класса гражданской службы (действительный статский советник) и до VI класса военной и военно-морской службы (полковник, капитан 1-го ранга); личное дворянство закон давал чиновникам лишь при достижении IX класса (титулярный советник)⁷; X–XIV классы «Табели» давали лишь звание почетного гражданства.

Класс	Гражданские чины	Военные чины	Морские чины	Придворные чины
I	Канцлер Действительный тайный советник	генерал-фельд-маршал	генерал-адмирал	
II	Действительный тайный советник	генерал от кавалерии генерал от инфантерии генерал от артиллерии	адмирал	обер-камергер обер-гофмаршал обер-шталмейстер обер-егермейстер обер-гофмейстер обер-шенк обер-церемоний-мейстер обер-форшнейдер
III	Тайный советник	генерал-лейтенант	вице-адмирал	гофмаршал, шталмейстер, егермейстер, гофмейстер
IV	Действительный статский советник	генерал-майор	контр-адмирал	
V	Статский советник			церемониймейстер (с 1884 г.)
VI	Коллежский советник	полковник	капитан первого ранга	
VII	Надворный советник	подполковник	капитан второго ранга	
VIII	Коллежский ассессор			
IX	Титулярный советник	капитан ротмистр	лейтенант	
X	Коллежский секретарь	штабс-капитан штабс-ротмистр	мичман (с 1884 г.)	
XI	Корабельный секретарь			
XII	Губернский секретарь	поручик		
XIII	Провинциальный секретарь	подпоручик корнет		
XIV	Коллежский регистратор	прапорщик (с 1884 г. этот чин существовал только в военное время)		

С целью известного «омоложения» высшего чиновничества царское правительство пошло на сокращение числа ступенек лестницы «Табели о рангах»: закон 16 апреля 1811 г. установил: «Чины XI и XIII классов в гражданском ведомстве никому не жаловать».

По закону 9 декабря 1856 г. утверждались сроки выслуги чиновников, продвижения их по лестнице бюрократической иерархии: с XIV до VIII класса – 12 лет, с VIII до V класса – 12 лет, с V до IV класса – 5 лет, с IV до III класса – 10 лет; I и II классы «Табели о рангах» давались лишь по усмотрению царя. Этот порядок распространялся на армию и флот.

При определении на государственную службу учитывались возраст, образование и особенно благородство происхождения. Потомственному дворянину для получения XIV класса было достаточно просидеть в канцелярии 1 год, личному дворянину – уже 2 года, а недворянину – более 12 лет.

Впрочем, указанный выше закон 1811 г. устанавливал весьма немаловажный в чиновничьих сферах дореволюционной бюрократии регулятор чинопроизводства в виде «усердного и похвального отправления службы, начальством засвидетельствованного».

Все гражданские чиновники, военные и военно-морские чины определялись на службу согласно их рангу – классу. Сенаторы, члены Государственного совета, министры и главноуправляющие находились в I–III классах, товарищи министра – в III–IV классах, директора департаментов, губернаторы и градоначальники – в IV классе, помощники директора департамента и вице-губернаторы – в V классе, начальники отделений департаментов – в V–VI классах, столоничальники – в VII–VIII классах и т. д. Такой порядок распространялся на все ведомства, включая научные и учебные учреждения. Академики находились в IV–V классах, доктора наук – в VIII классе, магистры – в IX, кандидаты наук – в X–XII и действительные студенты – в XII–XIV классах⁸.

Старшинство по «Табели о рангах» соблюдалось не только на службе, но и в различных церемониях. Жены чиновников имели все права мужей (титулярный советник – титулярная советница).

От класса (ранга) чиновника зависело и его титулование – официальное и почетное наименование служебного лица: чиновники первых двух классов именовались «ваше высокопревосходительство», III–IV классов – «ваше превосходительство», V – «ваше высококородие», VI–VIII – «ваше высокоблагородие», IX–XIV – «ваше благородие».

Похожий порядок титулования сложился и в Русской православной церкви. Митрополиты и архиепископы именовались «ваше высокопреосвященство», епископы – «ваше преосвященство», архимандриты и игумены – «ваше высокопреподобие», иеромонахи – «ваше преподобие»; протоиереи – «ваше высокоблагословение», принадлежавшие же к белому духовенству именовались: иереи (священники), протодиаконы и диаконы – «ваше благословение».

Кроме чинов, в дореволюционной России существовал ряд почетных званий, связанных с близостью их носителей к самому царю и его двору. Некоторые высшие гражданские чиновники (I–III классов) получали от царя звание статс-секретаря его величества, потерявшее свое первоначальное служебное назначение (с 60-х годов XVIII в. до начала XIX в. – личные секретари царя или царицы). Военнослужащие получали иногда почетное звание свиты генерал-майора, свиты контр-адмирала, генерал-адъютанта, флигель-адъютанта. Чиновники высших классов могли иметь придворное звание камергера и камер-юнкера. С каждым из этих почетных званий была связана близость к царскому двору, а следовательно, возможность ускоренной чиновничьей или военной карьеры.

Служба дореволюционных чиновников оплачивалась весьма щедро. В конце XIX – начале XX в. это были различные виды жалованья: по официальной ведомости чиновник ежемесячно (20-го числа) получал обыкновенное жалованье. Кроме того, ему полагались квартирные деньги (на наем квартиры), столовые (для питания), разъездные, прогонные, фуражные. Чиновники, служившие на окраинах, получали дополнительные прибавки к жалованью, пособия «на подъем и обзаведение»; отдельные ведомства выплачивали специальные ведомственные денежные суммы (Департамент уделов выдавал своим чиновникам дополнительное жалованье... вином из удельных винодельческих имений). В случае выполнения чиновником ответственного поручения, часто связанного с борьбой с революционным массовым рабочим и крестьянским движением, он получал усиленное жалованье.

В целом жалованье любого, даже мелкого, чиновника России значительно превышало заработок рабочего и доход крестьянина.

В бюрократической практике XIX – начала XX в. выработались многие формы поощрения служебного рвения чиновников: это выраженная указом царя благодарность («высочайшее благоволение» или просто «благодарность»), пожалование почетным званием (в гражданской службе – статс-секретарь его величества, в военной – генерал-адъютант или генерал-майор сви-

ты, контр-адмирал свиты; придворными званиями: обер-камергер, обер-гофмаршал, обер-шталмейстер, камергер, камер-юнкер и т. д.), награда орденом, пожалование дорогим подарком или единовременной денежной выдачей.

Особенно частым видом поощрения чиновничьего рвеня были награды орденами⁹.

В дореволюционной России существовали ордена восьми наименований, располагавшиеся по их старшинству в следующем порядке: Андрея Первозванного, Екатерины, Владимира 1-й степени, Александра Невского, Белого Орла, Владимира 2-й степени, Анны 1-й степени, Станислава 1-й степени, Владимира 3-й степени, Владимира 4-й степени, Анны 2-й степени, Станислава 2-й степени, Анны 3-й степени, Станислава 3-й степени, Анны 4-й степени – и четыре степени чисто военного ордена Георгия Победоносца, которым награждались немногие представители высшего командного состава армии и флота. За исключением орденов Георгия и Владимира, награждение которыми проводилось за конкретные заслуги, и придворного женского ордена Екатерины, все прочие ордена давались за чиновничью, гражданскую и военную службу в порядке их старшинства. Награжденные орденами, начиная с Владимира 3-й степени и выше, а также всеми степенями Георгия получали право потомственного дворянства. Орден Владимира 4-й степени и более высоких степеней (с 1900 г.) давал личное дворянство и потомственное почетное гражданство. Личное дворянство получали награжденные орденами Анны 2, 3, 4-й степеней (с 1845 г.), Станислава 2-й и 3-й степеней (с 1855 г.).

Награждение высшими орденами было исключительной привилегией для чиновников и правящих верхов царской России. Орденами низших степеней также награждались представители буржуазии, дворянско-буржуазной интеллигенции и духовенства. Однако не мог быть в царской России орденосцем ни один рабочий или крестьянин. Статья 120 «Учреждения орденов и других знаков отличий» гласила: «Мещанами и лицами сельского состояния ордена не испрашиваются».

Самым старейшим и наиболее почетным орденом России считался орден Андрея Первозванного, учрежденный в 1698 г. Он давался членам императорской фамилии мужского пола при рождении или при достижении совершеннолетия, а также лишь немногим представителям царской бюрократии и верхов армии и флота. Верхи гражданской и военной бюрократии награждались первыми степенями орденов. Среднее и низшее чиновничество получало ордена степенью ниже и скромнее.

Особенно часто гражданские чиновники награждались орденом Анны 3-й степени: за беспорочную службу в должности не

ниже VIII класса – в течение 12 лет, за беспорочную службы мелкого чиновника – свыше 40 лет, за проекты увеличения государственных доходов, открытия и изобретения, за обращение в православие не менее 100 человек, священникам – за 25 лет службы, дьяконам – за 35 лет службы и т. д.

Крест Владимира 4-й степени давался чиновникам за выполнение опасного поручения, а также тем из них, которые лишь «благоразумным увещанием» могли «убедить неповинующихся» (т. е. подавить народное волнение).

Для офицеров, унтер-офицеров и солдат еще в 1807 г. был учрежден «Знак отличия Военного ордена», который с 1856 г. имел четыре степени (1-я и 2-я – золотые, 3-я и 4-я – серебряные). Кавалеры орденского знака хотя и назывались с 1913 г. георгиевскими кавалерами, однако считались лишь числящимися при ордене¹⁰.

За исключением «Знака ордена Георгия» (солдатский Георгий), все ордена и знаки отличия дореволюционной России предназначались для представителей господствующих классов – чиновников, командного состава армии и флота, духовенства, верхушки купечества. Ни рабочий, ни крестьянин царской России не могли стать кавалерами ни одного из «императорских» или «царских» орденов.

Ежегодно к рождеству, Новому году и пасхе каждый из министров делал царю через императорскую канцелярию представление о достойных награды чиновниках, кандидатуры которых царь утверждал или отклонял. Во время войны правом представления пользовались главнокомандующие армиями.

Ушедшего со службы чиновника часто ожидала довольно высокая пенсия. Пенсионерами в дореволюционной России были только чиновники, отставные генералы, адмиралы и офицеры.

Правительство ревниво охраняло бюрократический аппарат, изгоняя политически неблагонадежных чиновников. Еще 7 ноября 1850 г. был издан закон, пункт третий которого давал право увольнять чиновников не только неспособных и скомпрометировавших себя, но и политически неблагонадежных.

Особенно усилился правительственный надзор за политической благонадежностью чиновников в период первой революции. Закон 16 декабря 1905 г. запретил офицерам и солдатам участие в политических партиях.

В сентябре 1906 г. председатель Совета министров и министр внутренних дел П. Столыпин разослал всем министрам и главноуправляющим циркуляр, в котором отмечалось «заметное участие» чиновников в политических партиях. Циркуляр запрещал всем чиновникам состоять в «политических партиях, обществах и союзах не только явно революционных, но и таких, кото-

рые... обнаруживают стремление к борьбе с правительством»¹¹, угрожая неблагонадежным широким применением того же пункта третьего. «Чиновник, – поясняла газета «Россия» – орган Министерства внутренних дел, – агент той власти, которая его на должность назначила. Кто не отвечает задачам, на него этой властью возложенным, должен иметь мужество уйти!»¹²

Несмотря на сдвиги абсолютной монархии в сторону буржуазной монархии, царская бюрократия даже накануне мировой войны оставалась дворянско-помещичьей. В.И. Ленин в одной из статей того времени писал, что бюрократия в России «рекрутируется... из старого... поместного и служилого дворянства»¹³.

Правительство охраняло бюрократию не только от проникновения революционного или просто оппозиционного влияния, но и от буржуазного влияния, искусственно сдерживая проникновение в государственный аппарат буржуазных элементов, препятствуя связи чиновников с империалистическими монополиями, акционерными обществами, компаниями, биржами, банками.

Самодержавие и чиновники-дворяне поддерживали и поощряли капиталистическую деятельность, охраняли капиталистическую собственность, жестоко расправлялись с рабочим движением, но они не желали допускать представителей буржуазии в государственный аппарат.

Впрочем, чиновники многих ведомств, особенно связанных с финансово-хозяйственной деятельностью (министерств – торговли и промышленности, военного, морского, путей сообщения, финансов), находили скрытые формы контактов с буржуазией и капиталистическими монополиями: принимали комиссионные (фактически взятки) за предоставление последним выгодных заказов, действовали в биржевых и банковских операциях через подставных лиц и т. п.

Уходя в отставку, отдельные чиновники занимали высокооплачиваемые должности в правлениях банков, трестов и синдикатов, использовали сохранившиеся широкие связи с чиновным миром в интересах империалистических монополий. Этот процесс сближения и деловых контактов царской бюрократии с империалистическими монополиями стал особенно широко проявляться после первой революции 1905–1907 гг.

Все чиновники объединялись царским правительством для выполнения определенных задач в государственных учреждениях. Каждое учреждение имело свои задачи (функции), штат чиновников, бюджет и вело бумажное делопроизводство.

Все учреждения России подразделялись на три очень неравные группы. Наименьшую, но самую важную составляли высшие

правительственные органы, подчиненные самому царю. Это Государственный совет, Совет министров (с 1905 г.), Государственная дума (с 1906 г.), Комитет министров (до 1906 г.), Правительствующий сенат, Святейший синод и личная канцелярия царя.

Вторую группу составляли центральные учреждения: министерства и главные управления на правах министерств; эти учреждения подчинялись царю и высшим органам государства. Далее следовала самая большая и очень разветвленная система местных учреждений. Каждое министерство имело свои учреждения. Территория России в начале XX в. подразделялась на губернии, губернии – на уезды, а уезды в свою очередь имели полицейские территориальные подразделения – станы и крестьянские – волости. Чаще всего на национальных окраинах создавали генерал-губернаторства из нескольких губерний; группа губерний и областей на Кавказе составляла с 1905 г. наместничество во главе с наделенным большими административными правами наместником (т. е. заместителем царя). Местные государственные учреждения были в губерниях, уездах, городах; местные учреждения некоторых министерств объединялись в округа (по нескольким губерниям). На национальных окраинах имелись свои учреждения («особенные», т. е. несходные с внутренними, великороссийскими учреждениями).

Широко известна находящаяся ныне в Государственном Русском музее картина И.Е. Репина «Заседание Государственного совета». Она запечатлела юбилейное заседание Государственного совета в мае 1901 г. в круглом зале Мариинского дворца – постоянном месте его собраний. До 1906 г. весь состав этого высшего законосовещательного органа самодержавной России назначался царем из верхов бюрократии (с 1906 г. половина его стала избираться помещиками, буржуазией, буржуазно-помещичьей интеллигенцией). По определению В.И. Ленина, этот орган всегда был органом класса крупных помещиков. Беспощадно, остро и правдиво запечатлел И.Е. Репин в своей картине этих ведущих представителей царской бюрократии – надменных, чванных, самодовольных, часто ничтожных, но твердо уверенных в незыблемости существующих порядков в самодержавной России. Это было всего за 16 лет до Великой Октябрьской социалистической революции.

Неподалеку от выходящего фасадом на Исаакиевскую площадь Мариинского дворца, напротив знаменитого памятника Петру I («Медный Всадник»), помещалось учрежденное им высшее правительственное учреждение – Сенат. Это был орган высшего суда и надзора за законностью действий всех чиновников и государственных учреждений России. В состав Сената входило «Особое присутствие для суждения дел о государственных преступлениях».

ниях и противозаконных сообщениях» – высший политический суд России. Члены Сената назначались царем из верхов бюрократии. Своим авторитетом «хранителя законности» Сенат покрывал произвол и беззакония царской бюрократии и сурово карал малейшие нарушения царских законов рабочими и крестьянами. Жестоко наказывал он государственных преступников.

Для рассмотрения повседневных дел управления государством существовал более ста лет (с 1802 по 1906 г.) Комитет министров, который состоял из министров и некоторых чиновников Государственного совета (председателя, государственного секретаря, председателей департаментов).

Вся деятельность Комитета министров была направлена на укрепление и сохранение господствующих позиций помещиков-дворян в экономике и самодержавном государстве, на поощрение капиталистического предпринимательства в промышленности и торговле. На утверждение Комитета министров поступало множество уставов акционерных обществ, компаний, банков, положений о биржах, представлений и предписаний министра путей сообщения, разрешающих постройку железных дорог.

Комитет министров выступал и как орган карательной политики. По закону 1872 г., министр внутренних дел подавал в Комитет министров представления о запрещении книг или поврежденных изданий, «распространение коих признано особенно вредным», и Комитет принимал постановление об их уничтожении. За 1872–1904 гг. по постановлениям Комитета министров было уничтожено до 200 различных изданий (в том числе произведения К. Маркса, сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» со статьей В.И. Ленина, произведения В.В. Берви-Флеровского, Д.И. Писарева, Л.Н. Толстого и др.)¹⁴. Еще с 60-х годов Комитет министров проводил ряд мер по усилению власти губернаторов; им же обсуждалось большинство реакционных положений 80-х годов.

К началу XX в. в Комитет министров, по выражению последнего его председателя С.Ю. Витте, «вносилась масса административного хлама – все, что не было более или менее точно определено законами, а также важные законодательные акты, которые рисковали встретить систематическое и упорное сопротивление со стороны Государственного совета»¹⁵.

В условиях революции ожил бездействовавший до этого 22 года другой орган верхов царской бюрократии – Совет министров. Реформой 19 октября 1905 г. он был реорганизован в постоянно действующий орган для «направления и объединения деятельности главных начальников ведомств как по предметам законодательства, так и в государственном управлении».

Главой Совета министров являлся его председатель, назначаемый царем из наиболее доверенных или важных в данное время чиновников (С.Ю. Витте, И.Л. Горемыкин, П.А. Столыпин и др.). Совет министров не стал правительственным кабинетом России. Наряду с ним продолжали существовать, как и в XIX в., так называемые всеподданнейшие доклады (еженедельные доклады министров царю). Нередко министр, не желая выносить вопрос на рассмотрение Совета министров, решал его с глазу на глаз с царем во время именно такого «всеподданнейшего доклада». По выражению одного из министров кабинета Витте – гр. И.И. Толстого, эти доклады «давали возможность проводить отдельные вопросы быстрее и вернее, чем обычным, установленным для них путем, не нарушая законности их решения, так как царская воля покрывала собой всякие могущие возникнуть возражения»¹⁶.

Царь и его министры, заседавшие в Комитете или Совете министров, составляли царское правительство, являлись вершиной царской бюрократии, вызывавшей особую ненависть широких народных масс. Если среди крестьянства до революции 1905–1907 гг. и были еще какие-то царистские иллюзии – вера в «доброе» и «справедливого» царя, то 9 января, опыт первых двух Государственных дум, карательные отряды, подавляющие крестьянское движение в годы революции, рассеяли эти иллюзии.

Наряду с официальным правительством в России, как в любом государстве с монархическим неограниченным режимом, существовало неофициальное, закулисное правительство – «придворная камарилья»¹⁷.

Обычно это была группа наиболее близких к царю и царскому двору лиц, оказывавших решающее влияние на политику государства. «Он, – писал впоследствии С.Ю. Витте об одном из представителей этой придворной камарильи, дворцовом коменданте Д. Трепове, – являлся как бы безответственной главою правительства, а я ответственным, но маловлиятельным премьером»¹⁸.

Трепов давал советы царю по всем вопросам политики, составлял для него проекты и даже тексты царских резолюций, был инициатором смещения неугодного ему первого председателя Совета министров С.Ю. Витте и инициатором назначения другого главы правительства – И.Л. Горемыкина.

В придворную камарилью входили близкие к царю по служебному положению лица – управляющий императорской канцелярией А.С. Танеев, министр императорского двора барон В.Б. Фредерикс, начальник военно-походной канцелярии царя кн. В.Н. Орлов, приближенный императрицы Александры

Федоровны, прославившийся в карательной экспедиции в Прибалтике генерал А.А. Орлов, дочь Танеева – любимая фрейлина императрицы А.А. Вырубова; впоследствии придворная камарилья пополнилась небезызвестным авантюристом Распутиным, дворцовым комендантом генералом В.Н. Воейковым, «доктором тибетской медицины». П.А. Бадмаевым и некоторыми другими лицами.

С придворной камарильей была тесно связана и получала от нее поддержку дворянско-помещичья реакционная организация, возникшая в период первой революции, – «Объединенное дворянство». Она оформилась на съезде в Петербурге в мае 1906 г. В принятом на I съезде «Объединенного дворянства» уставе задачи организации определялись весьма ясной формулировкой – «сплотить дворянство в одно целое для обсуждения и проведения в жизнь вопросов, интереса общего государственно-го, а равно и сословного»¹⁹. За десять лет существования этой организации (до свержения царизма) состоялось 12 съездов ее уполномоченных, избираемых губернскими дворянскими собраниями. Между съездами этой организации действовал избираемый на три года Совет «Объединенного дворянства». Председателями и членами его были, как правило, крупнейшие помещики России²⁰. Несмотря на то что устав определял Совет как исполнительный орган, он вскоре получил широкие распорядительные права, в том числе и право «обращения от своего имени к высшему правительству в случаях, не терпящих отлагательства».

В деятельности съездов и Совета «Объединенного дворянства» сословные, чисто дворянские вопросы занимали ничтожно малое место – около 10%²¹. 90% – это вопросы общегосударственного характера. Получая поддержку от придворной камарильи, правых в Государственной думе и Государственном совете и от верхов бюрократии, Совет выступал довольно часто как политический советник царя и его правительства. Съезды «Объединенного дворянства» и Совет направляли свои «всепопданнейшие» адреса, телеграммы на имя Николая II, председателей Совета министров. Царь в свою очередь принимал делегации Совета, исправно ознакомился со стенограммами съездов, текстами докладов и т. п. Сам Столыпин «верой и правдой» служил «совету объединенных крепостников»²². По прямому требованию Совета и съездов «Объединенного дворянства» Николай II распустил I Думу, произвел государственный переворот 3 июня 1907 г., издал новый реакционный закон о выборах в Думу, согласился на проведение новой (т. е. столыпинской) аграрной политики.

На своих съездах, во всей деятельности Совет «Объединенного дворянства» отстаивал незыблемость помещичьего земле-

владения, побуждал правительство к более энергичной борьбе с революционным движением, настаивал на усилении уголовной ответственности крестьян за аграрно-революционные выступления. Совет требовал от правительства возмещения помещикам убытков, причиненных революцией, усиления цензурных гонений, «оздоровления» школы путем насаждения в ней «религиозно-нравственных начал» и т. п.

В своей деятельности Совет и съезды «Объединенного дворянства» были тесно связаны с черносотенными организациями России («Русское собрание», «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела» и др.), стояли, по выражению В.И. Ленина, «во главе черных партий»²³.

Наибольшую активность объединенные дворяне проявили в годы первой революции и столыпинской реакции. В дальнейшем процесс обуржуазивания части дворян подорвал эту организацию, вызвал ее раскол: часть дворян в годы мировой войны поддерживала придворную камарилью, а другая – нашла общий язык с буржуазным оппозиционным «Прогрессивным блоком».

Свою практическую деятельность царское правительство осуществляло с помощью обширного и разветвленного государственного аппарата. Помимо высших правительственных учреждений, непосредственно подчиненных самому царю и помогавших ему осуществлять функции законодательства и высшего управления, в начале XX в. в России действовали одиннадцать министерств: внутренних дел, юстиции, финансов, государственного контроля, земледелия и государственных имуществ, путей сообщения, императорского двора, народного просвещения, морское, военное и Министерство иностранных дел. В 1905 г. Министерство земледелия и государственных имуществ преобразовали в Главное управление землеустройства и земледелия, осуществлявшее впоследствии столыпинскую аграрную политику; в том же, 1905 г. создали Министерство торговли и промышленности. Каждое министерство имело обширный местный аппарат.

Важнейшим в России было Министерство внутренних дел; в его ведомстве находилась вся местная администрация (генерал-губернаторы, губернаторы, градоначальники), исправники, полиция, жандармерия, политический сыск, цензура, комплектование армии, почта, телеграф. Министерство вело надзор за органами хозяйственно-административного самоуправления: земского (с 1864 г.), городского (с 1870 г.), а также выборными крестьянскими сословными органами.

Главой местной администрации – «хозяином губернии» являлся губернатор, управлявший губернией с помощью ряда уч-

реждений (канцелярия губернатора, губернское правление, губернские присутствия и пр.). На протяжении всего пореформенного периода (после 1861 г.) власть губернатора (особенно полицейские функции) непрерывно возрастала, и к началу XX в. он был настоящим сатрапом, от милости которого зависело существование как любого учреждения, так и любого лица губернии. Особенно большие права получили губернаторы в тех местностях, на которые распространялось действие «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. Положение наделяло губернатора «для водворения полного спокойствия и искоренения крамолы» чрезвычайными полномочиями: давало право закрывать собрания, торговые заведения, фабрики, заводы, органы печати, арестовывать, штрафовать и высылать в административном порядке, без суда и следствия «подозрительных» и «вредных» лиц. Введенное «временно», это положение, по выражению В.И. Ленина, «стало одним из самых устойчивых, основных законов Российской империи»²⁴. В 1901 г. режим усиленной охраны и обязательных постановлений распространялся более чем на 1/3 населения России²⁵.

Для полицейского управления уездом губернатор назначал из местных дворян земского исправника. Уезд делился на станы (по 3–5 на уезд) во главе со становым приставом. В помощь становым с 1878 г. в 46 губерниях России действовали 5000 полицейских урядников, в подчинении которых с 1903 г. находилась полицейская стража.

Для управления крестьянами имелось повсеместное низовое звено – крестьянские волостные и сельские органы: волостной сход, волостное правление, волостной суд, сельский сход. На эти бесплатные для него органы²⁶ правительство возложило функции по сбору налогов, выплате выкупных платежей, выполнению государственных и земских повинностей, комплектованию армии, разрешению земельных споров и т. п.

И в начале XX в. крестьянство России оставалось «нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве»²⁷. Ближайший надзор за крестьянскими органами «самоуправления» осуществлял всесильный земский участковый начальник – административное и судебное должностное лицо, назначаемое Министерством внутренних дел из местных дворян. В своем участке, состоящем из нескольких волостей, земский начальник имел широкие полномочия по утверждению решений крестьянских органов, назначению должностных крестьянских лиц, по наказанию крестьян. Произвол земских начальников в конце XIX – начале XX в. не знал границ.

Крестьяне с. Ракши Моршанского уезда Тамбовской губернии в 1891 г. решили отслужить молебен в память освобождения крестьян 19 февраля 1861 г. Это намерение вызвало гнев земского начальника Штейна, и он, «быв немного выпивши», собрал в волостное правление с. Ракши волостного старшину Хлобыстова, писаря волости Жукова, в присутствии сторожей Обухова и Чикменева «начал кричать на старшину, топая ногами и произнося разные бранные слова, называя его сукиным сыном, затем произнес: “Ведь ты знаешь, кто я, я земский начальник, я над вами царь, вас глупый Александр II освободил, а умный нас назначил, вот я над вами и царствую, а вы еще служите молебны 19 февраля, я вам это покажу, как справлять 19 февраля, у меня чтобы более этого не было”, после чего, топнув ногой, крикнул на старшину: “Теперь убирайся отсюда к черту...”»²⁸

Административный и полицейский произвол всех этих местных властей указывал на призрачность крестьянского «самоуправления». «Мужика, – отмечалось в материалах местных комитетов, – окружает такая масса начальства, которое предъявляет к нему всевозможные требования, дает ему приказы, делает распоряжения... что он, растерявшись, уже не знает, к кому и с чем следует обращаться, кого и в чем слушать»²⁹.

Другим важным ведомством царской России было Министерство юстиции, которое управляло всеми судами и прокуратурой; с 1895 г. в его ведение вошли также и тюрьмы. К началу XX в. территория России подразделялась на 20 судебных округов. В каждом из них действовала судебная палата – окончательная инстанция для дел, рассматриваемых в окружных судах (окружной суд действовал в 2–3 уездах); уголовные дела, рассматриваемые в окружных судах с присяжными заседателями³⁰, решались окончательно. Мелкие уголовные и гражданские дела разбирались выборными мировыми судьями; с 1889 г. – земскими начальниками.

Эта система судов была создана судебной реформой 1864 г.; эта же реформа ввела и буржуазные принципы организации и деятельности судов: формальную несменяемость судей, независимость суда от администрации, гласность и публичность заседаний, состязательный процесс, адвокатуру, присяжных заседателей, нотариат и др.

Высшей судебной инстанцией для рассмотрения жалоб и протестов на решения местных судов в случае нарушения форм судопроизводства служили кассационные департаменты Сената.

И к началу XX в. царский суд оставался классовым судом, защищавшим интересы прежде всего помещиков и буржуазии. Тяжело было искать правду в этом суде простому народу. В

1913 г. В.И. Ленин рассказывал о деле, которое тянулось в судах царской России 51 год! Еще в 1862 г. владельцы заводов на Урале Строгановы должны были выделить освобожденным крестьянам землю, но под всякими предложениями они несколько десятков лет тянули судебную волокиту с иском горнозаводских рабочих³¹.

Бешеную ненависть царизма вызывало рабочее движение. В повести «Мать» М. Горький описывал картину царского суда над рабочими, обвиненными в выступлениях против самодержавия. Русская художественная классическая литература часто обличала весь цинизм классового правосудия царской России: Л.Н. Толстой – в «Воскресении», «Живом трупе», А.П. Чехов – в «Сонной одуре», «Злоумышленнике», «Шведской спичке», «Драме на охоте» и т. д. Против судебного произвола царизма активно выступали Л.Н. Толстой, В.Г. Короленко.

К началу XX в. Главному тюремному управлению Министерства юстиции были подведомственны 895 тюрем разного назначения: общегосударственные тюрьмы для особенно важных «государственных преступников» (Петропавловская и Шлиссельбургская крепости), централы (Новоборисоглебский и Новобелгородский близ Харькова, Александровский возле Иркутска и др.), этапные, пересыльные, каторжные (Нерчинские в Забайкалье, в Якутии, на Сахалине), губернские «замки» и остроги, тюрьмы при полицейских участках и т. п. В 1900 г. в этих тюрьмах пребывало почти 700 тыс. человек³².

Даже в начале XX в. обычным явлением в царских тюрьмах были издевательства над заключенными, избиения их. Особенно большую славу имел в годы столыпинской реакции Орловский централ, тюремный террор в котором вызвал волну самоубийств заключенных. «Мы знаем, что по закону бить не дозволяется, – цинично пояснял одному заключенному надзиратель Орловского централа. – Думаешь, не знаем? Знаем, брат, прекрасно знаем. Да закон-то у нас в кармане: что хотим, то и делаем с ним. Понимаешь? Хотим – его съедим, хотим – с чаем выпьем... А то ты тоже, наверное, думаешь, что, дескать, я политический, меня не смеют тронуть. Бить-де не полагается... Наплевать нам на это. Забьем и только, до смерти забьем, слышишь»³³.

В.И. Ленин часто называл российский империализм военно-феодальным³⁴; это означало, что во всем его строе пережитки крепостничества (и прежде всего самодержавие) тесно переплетались с военщиной. Армия играла в самодержавной России в начале XX в. колоссальную роль. Даже в мирные годы она всегда превышала 1 млн человек³⁵. На ее содержание самодержавие затрачивало огромные суммы: в 1903 г. эти расходы составляли почти 21%

от общего бюджета России и достигали 466,4 млн руб.; в 1913 г. они составляли уже 28% бюджета (960,4 млн руб.)³⁶.

С начала XX в. армия и военные учреждения все чаще и чаще привлекались для борьбы с революционным движением. Войска расправляются с Обуховской обороной в 1901 г., с крестьянским движением на юге России в 1903 г., расстреливают петербургских рабочих 9 января 1905 г., участвуют в кровавых событиях первой революции. С июня 1905 г. деятельность военного и морского ведомств была объединена высшим государственным учреждением – Советом государственной обороны. Создание этого органа не было вызвано потребностями какой-либо «обороны» от внешнего врага (русско-японская война уже близилась к концу); он возник в результате соображений внутреннего характера. В условиях подъема революции появилась необходимость централизовать весь военный аппарат в руках царя и реакционных дворянских элементов. Председателем этого Совета стал дядя царя вел. кн. Николай Николаевич, который вошел в состав Совета министров с огромными распорядительными правами. Этот орган существовал до 1909 г. Такое уродливое приспособление армии для внутренних полицейских нужд снижало ее боевую готовность. На заседании Совета министров 1 марта 1908 г. военный министр А.Ф. Редигер, признав низкую боевую подготовку армии, резко заявил председателю Совета министров и министру внутренних дел П. Столыпину, что «армия не учится, а служит вам»³⁷.

Для идеологического воздействия на народные массы самодержавие использовало силы церкви. Официальным государственным вероисповеданием являлось православие; высшим его органом был Святейший синод, возглавляемый обер-прокурором. Все прочие вероисповедания (католическое, протестантское, мусульманское и др.) считались «иностранными»; заведовало ими Министерство внутренних дел. Синод руководил целой армией духовенства: в 1912 г. в России насчитывалось 111 тыс. священников и дьяконов; более 1000 монастырей обслуживали почти 100 тыс. монахов и монахинь³⁸. Церкви принадлежало более 2 млн десятин земли. В ее ведении находилась целая система церковных учебных заведений: 4 духовные академии, 57 семинарий, 186 духовных училищ³⁹. Для религиозного обучения народа в России к 1905 г. действовало почти 43 тыс. церковноприходских школ, в которых обучалось около 2 млн детей; основными предметами были «закон божий», знание церковной службы, церковное пение⁴⁰.

На содержание православной церкви самодержавное государство отпускало огромные суммы: в 1900 г. бюджет Синода

исчислялся в 24 млн руб., а к 1914 г. он удвоился и достиг почти 50 млн руб.⁴¹. Церковному ведомству принадлежали огромные богатства: более 2 млн десятин земли, капиталы суммой более 70 млн руб. Кроме того, ежегодно в начале XX в. до 40 млн руб. давала продажа свечей, кружечный, кошелевый, тарелочный и другие сборы с прихожан⁴².

Огромный аппарат православной церкви активно боролся в начале XX в. с революционным движением, выступал против свободы вероисповедания, против подлинного просвещения масс. Рост классового самосознания масс подрывал силы церкви. Вместе с ненавистью к самодержавию и царской бюрократии возрастало равнодушие народа к религии.

Весь механизм государства в России – самодержавие, бюрократия, карательный аппарат и церковь находились в начале XX в. в глубоком кризисе: Россия вступила в эпоху революций.

Россия под надзором

До отхода поезда на Берлин от дебаркадера Кёльнского вокзала оставалось несколько минут. Покинувшие вагоны провожающие толпились на платформе и лениво переговаривались с выглядывающими из окон пассажирами. Только один невысокий, небрежно одетый человек средних лет, в очках, по-видимому, никого не провожал. Он скромно стоял в стороне у здания вокзала и время от времени нетерпеливо извлекал из кармана жилета часы. И лишь после того как прозвучал сигнал отправления поезда, незнакомец решительно направился к одному из вагонов и вскочил на подножку.

...В купе поезда беседовали двое. Со стороны они казались случайными попутчиками, которые ведут вагонный, никчемный разговор. Но если бы постороннему человеку удалось подслушать эту беседу, происходившую в начале сентября 1908 г., то ему пришлось бы изменить свое мнение. Еще большее удивление вызвало бы знакомство с этими двумя во всех отношениях несхожими собеседниками.

Элегантно одетый мужчина лет сорока трех – сорока пяти был российским чиновником в отставке, бывшим директором Департамента полиции – основного органа борьбы с революционным движением в России – Алексеем Александровичем Лопухиным, а его небрежно одетым собеседником – политический эмигрант из России, проживающий в Париже, редактор историко-революционного журнала «Былое» Владимир Львович Бурцев.

Шестичасовой разговор отставного чиновника и политического эмигранта оказался решающим в раскрытии самого скандального, на шумевшего на весь мир деяния царского политического сыска – «дела Азефа».

В числе политических партий, возникших в России в начале XX в., была мелкобуржуазная революционная партия социа-

листов-революционеров (эсеров), объединившая в 1902 г. разрозненные народнические группы и кружки. Предварительным условием крестьянской революции партия эсеров выдвигала «дезорганизацию власти» путем террористических актов против крупных царских чиновников. В начале XX в. членами этой партии были убиты некоторые реакционные деятели: Степан Балмашов смертельно ранил в вестибюле Мариинского дворца министра внутренних дел Д. Сипягина (2 апреля 1902 г.); Егор Сазонов на улице бросил бомбу в коляску направляющегося на доклад к царю министра внутренних дел В. Плеве (15 июля 1904 г.); 4 февраля 1905 г. Иван Каляев взорвал на площади в Кремле карету с генерал-губернатором, дядей царя, вел. кн. Сергеем. Все эти террористические акты приносили большой вред революционному движению: они отвлекали рабочих и крестьян от массовых выступлений против самодержавия. На место убитого чиновника царское правительство назначало другого, нередко еще более жестокого и реакционного, а десятки борцов с самодержавием (и не только эсеров) попадали в тюрьмы, в ссылку, на каторгу, шли на казнь. «Не правда ли, – писал в это время В.И. Ленин, называя действия эсеров «революционным авантюризмом», – ...удивительно умно: отдать жизнь революционера за месть негодяю Сипягину и замещение его негодяем Плеве...»¹

Со времени первой революции (особенно с лета 1906 г.) в террористической деятельности партии эсеров началась полоса невезения. Превосходно, как казалось, подготовленные террористические акты вдруг в последние часы и даже минуты проваливались, а заранее арестованные их участники направлялись на каторгу или виселицу. Правительство узнавало с большими подробностями состав и повестку нелегальных съездов эсеров, производило аресты не одиночек, а целых групп членов партии.

И на устах многих рядовых членов этой партии, которых ее вожди безжалостно посылали на гибель, появилось злое слово *провокация*. Стали все чаще говорить, что в руководство партии, в ее Центральный Комитет, пробрался какой-то агент политического сыска, который принимает участие в подготовке террористических актов, а потом выдает жандармам своих партийных товарищей.

В Париж, к Бурцеву, который время от времени публиковал в журнале «Былое» материалы об отдельных провокаторах, начали поступать сигналы о дерзкой деятельности провокатора, пробравшегося в руководство партии эсеров и действовавшего в царских органах политического сыска под кличками Раскин, Филлиповский, Виноградов, Черкасов. Сопоставление полученных фактов и материалов привело подозрения Бурцева только к

одному лицу – члену ЦК партии эсеров, руководителю с 1903 г. ее террористического центра – Боевой организации – Евно Азефу. Обвинение требовало более веских доказательств. И вскоре они стали поступать. И автор анонимного письма, доставленного дамой под густой вуалью одному видному эсеру еще в августе 1905 г., и показания сбежавшего из России сотрудника политического сыска Михаила Бакая, и разоблаченный эсерами провокатор Татаров называли Азефа.

– Нашли кому верить, – с возмущением заявили Бурцеву руководители партии эсеров Борис Савинков и Виктор Чернов. – Это же явная полицейская провокация с целью опорочить даровитого и опытного революционера.

Над Бурцевым, продолжавшим отстаивать свои подозрения, летом 1908 г. нависла угроза партийного «суда чести», и он делал все возможное, чтобы найти еще более неопровержимые доказательства провокаторской деятельности Азефа. Ему помогла чистая случайность.

В России еще в годы первой революции он познакомился с отставленным в начале 1905 г. от должности директора Департамента полиции А. Лопухиным. За границей, куда часто выезжал Лопухин, между ним, обиженным на правительство за раннюю отставку (ему в 1905 г. было только 40 лет) чиновником, и эмигрантом Бурцевым установились более тесные связи. И вот теперь, узнав, что Лопухин возвращается с одного из рейнских курортов в Россию, Бурцев поспешил на Кёльнский вокзал, чтобы встретиться с ним в вагоне поезда.

Во время начатой издали беседы с глазу на глаз Бурцев с волнением задал долго мучивший его вопрос: «Кто же скрывается под псевдонимом Раскин?» И бывший директор Департамента полиции Лопухин, глядя на своего нервного собеседника, ответил: «Никакого Раскина я не знаю, а инженера Евно Азефа я видел несколько раз»².

По требованию Азефа на парижской квартире эсера Рубановича в конце октября 1908 г. Бурцев предстал перед партийным «судом чести» по обвинению в том, что он «распространяет клеветнически-злостные слухи относительно одного из самых выдающихся деятелей партии, одного из столпов ее»³.

За судейским столом восседали члены ЦК партии эсеров, фактические ее руководители: личный друг Азефа Борис Савинков, Виктор Чернов, Марк Натансон. Для «объективности» организаторы пригласили на суд представителей старшего, народнического поколения революционеров: просидевшую 20 лет в заключении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях (члена Исполнительного комитета «Народной воли») Веру Ни-

колаевну Фигнер, бывшего узника Шлиссельбургской крепости, революционера 60–80-х годов, друга Карла Маркса Германа Александровича Лопатина.

Выступление судей было посвящено восхвалению заслуг Азефа. Савинков сравнивал Азефа с Желябовым и Сазоновым, а Чернов требовал от Бурцева прекратить «кампанию» против Азефа.

Заявление Бурцева о признании Лопухина произвело впечатление разорвавшейся бомбы. «Судьи» явно ступевались. «Каково ваше мнение, Герман Александрович? – обратился к Лопатину Б. Савинков, еще надеясь услышать какие-то сомнения в причастности к провокации своего друга.

– Да что тут говорить! – твердо сказал, пристально глядя на вопрошавшего из-под очков своими полуслепыми глазами старый шлиссельбуржец. – Дело ясно!»⁴

Суд над Бурцевым превратился в суд на Азефом.

Несмотря на неопровержимые улики, эсеровское руководство тянуло с окончанием дела. И только 7 января 1909 г. ЦК партии эсеров специальным «Извещением» официально объявил рядовым членом о провокационной деятельности Азефа, но через неделю (15 января) Азеф скрылся⁵.

Разоблачение Азефа в печати вызвало подлинную сенсацию в России, ее подхватила западноевропейская пресса.

В руководстве партии эсеров царил растерянность, на него сыпались обвинения рядовых членов. Один из вождей партии с ее основания, член Центрального Комитета, руководитель Боевой организации с осени 1903 г., организатор 22 террористических актов Евню Азеф оказался старейшим секретным агентом Департамента полиции⁶.

Подготовка террористических актов против царских чиновников создавала Азефу славу бесстрашного, энергичного революционера и вождя партии. Департамент полиции тоже высоко оценивал деятельность этого обер-провокатора, выплачивая ему в год на 2 тыс. рублей больше, чем самому директору Департамента полиции.

Разоблачение Азефа вызвало растерянность и в правительстве. Председателю Совета министров и министру внутренних дел, главному вдохновителю политической реакции в России П.А. Столынину пришлось в феврале 1909 г. отвечать на запрос о деятельности Азефа с трибуны Государственной думы. Не отрицая принадлежности Азефа к секретной агентуре Департамента полиции с 1892 г., Столынин, разумеется, отказался признать его провокатором.

Взбешенное правительство осудило А. Лопухина в апреле 1909 г. вначале на каторгу (замененную ссылкой в Сибирь), обви-

нив его в «преступном сношении с революционерами и в принадлежности к их сообществу»⁷.

«Дело Азефа» вскрыло только одну из многих тайн политического сыска России последних лет царизма. Нити сыска тянулись к большому четырехэтажному зданию в Петербурге на набережной Фонтанки, где помещался центр всего политического сыска России – Департамент полиции.

В Российской империи органы для сыска недовольных существующим строем и расправы с ними появились еще в первую четверть XVIII в. Особенно большую известность имело существовавшее с 1826 г. Третье отделение «собственной его императорского величества канцелярии», а в 1880 г. его место занял Департамент полиции Министерства внутренних дел.

Шли годы, менялись учреждения политического сыска и методы их деятельности, но сущность оставалась той же: борьба со всеми, кто колеблет устои существующего строя.

Целые поколения революционеров прошли через органы политического сыска: декабристы, петрашевцы, революционные демократы 60-х годов во главе с Н.Г. Чернышевским, народники 70-х годов и народовольцы, деятели первых марксистских кружков и организаций. Борьба с революционным движением с каждым десятилетием царизму становилось все труднее. Вместо разрозненных выступлений одиночек или небольших групп в начале XX в. против царизма выступал хорошо организованный рабочий класс, возглавляемый своей партией – партией большевиков, росло крестьянское движение, существовали и другие нежелательные для царизма политические партии.

Все это усложняло организацию и деятельность политического сыска, заставляло совершенствовать его методы.

Официально, по закону главной задачей Департамента полиции считалось «предупреждение и пресечение преступлений и охранение общественной безопасности и порядка»⁸. Однако руководители Департамента полиции и его местных органов толковали эту формулировку весьма широко. Они стремились обнаружить и пресечь деятельность революционеров, революционных организаций, нелегальных политических партий, боролись активно с рабочим и крестьянским движением, следили за лицами, находящимися под полицейским надзором, за политзаключенными и ссыльными, а также российскими подданными за границей и иностранцами в России, за общественными, культурными и культурно-просветительными учреждениями, легальными политическими партиями, учебными заведениями и национальным движением, ведали уголовным розыском, надзирали за исполнением правил о паспортах, за гостиницами и трактирами.

Департамент полиции и его местные органы отвечали за охрану царя, контролировали изготовление, хранение и перевозку взрывчатых веществ, следили за осуществлением фабрично-заводского законодательства. Каждый гражданин Российской империи, определяющийся на государственную или даже общественную службу и учебу, обязан был предоставить справку о политической благонадежности, выданную Департаментом полиции или одним из его местных органов (охранным отделением).

Департамент полиции заведовал всем личным составом полиции и полицейских органов России.

В его ведении находились местные органы политического сыска – охранные отделения, различные учреждения и органы полиции, органы уголовного розыска – сыскные отделения, а также адресные столы и пожарные команды.

С деятельностью Департамента полиции и его местных органов был тесно связан Отдельный корпус жандармов – соединение политической полиции, возникшее еще в 1827 г. Его учреждения (штаб – в Петербурге, жандармские управления – в губерниях и на железных дорогах) также боролись с революционным движением.

В 1880 г. корпус жандармов вошел в состав Министерства внутренних дел. Министр стал главным начальником и Департамента и одновременно шефом жандармов, а один из товарищей министра внутренних дел, «заведующий полицией», отвечал за деятельность полиции и был командиром корпуса жандармов.

Хотя официально Департамент полиции являлся составной частью Министерства внутренних дел, но к XX в. он превратился фактически в важнейшее самостоятельное ведомство России, деятельность которого незримыми нитями опутывала всю политическую, общественную и культурную жизнь страны.

Ежедневно утром десятки чиновников Департамента полиции расходились по длинным коридорам всех четырех этажей здания на набережной Фонтанки. Важно шествовало в свои кабинеты департаментское начальство: директор, вице-директора (их было от 2 до 5), начальник Особого отдела, торопливо проходили чиновники особых поручений, начальники делопроизводства, их старшие и младшие помощники, спешили служащие секретариата, журнальной, инспекторской, казначейской и хозяйственной частей, прошмыгивали и разные лица из обслуживающего персонала. В Департаменте полиции начинался будничный служебный день.

Курьеры с полицейского телеграфа доставляли шифрованные и нешифрованные телеграммы. В экспедицию Департамента поступала обширнейшая ежедневная почта: докладные записки,

донесения и сообщения губернаторов, начальников жандармских управлений, охранных и сыскных отделений, заведующего заграничной агентурой и разных полицейских органов о деятельности политических партий, рабочем, крестьянском, студенческом, национальном движении. Поступали в Департамент ответы на его письма и запросы от всевозможных правительственных учреждений, протоколы дознаний, выписки из заключений прокуроров, копии приговоров судов и многие другие документы.

В специальной «Секретарской части» вся эта обширнейшая и разнородная корреспонденция регистрировалась, сортировалась по структурным частям: важнейшая корреспонденция поступала самому директору или вице-директорам.

На четвертый этаж департаментского здания разрешалось подниматься очень немногим чиновникам. Здесь помещался знаменитый Особый, или политический, отдел Департамента – его мозг и центр, ведавший наиболее секретной работой политического сыска⁹.

Фактически в ведении этого отдела находилась и обширная библиотека нелегальных изданий¹⁰: печатных, рукописных, гектографированных изданий политических партий и кружков; книг, брошюр, газет, журналов, листовок, прокламаций. Если в последние десятилетия XIX в. в этой жандармской «коллекции» преобладала народническая литература, то с первой революции в России Департамент полиции все более и более интересовала марксистская литература, большевистские издания. В департаментской библиотеке были представлены все русские издания произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, полные комплекты большевистских газет («Вперед», «Пролетарий», «Социал-Демократ», «Звезда», «Правда» и др.).

Большинство этих изданий попало в библиотеку Департамента в результате изъятий их местными органами жандармерии и полиции во время обысков и арестов. В 1908 г. Департамент полиции специальным циркуляром обязал все жандармские управления и охранные отделения для «всестороннего ознакомления с деятельностью враждебных русскому государству элементов» присылать изъятые при обысках «противоправительственные издания»¹¹.

К XX в. «квалификация» чинов политического сыска значительно повысилась. Если чиновники Третьего отделения и Департамента полиции в 80-е – начале 90-х годов еще слабо разбирались в различных течениях, именуя их общим термином «социал-революционеры», то деятели политического сыска XX в. глубоко изучали программы и организацию политических партий. Материалами библиотеки широко пользовались чиновники

Департамента полиции как в повседневной деятельности, так и для составления различных жандармских «исследований» по истории революционного движения и отдельных политических партий. По остроумному замечанию советского историка и архивиста А.А. Сергеева, «в Департаменте полиции были не только свои Малюты Скуратовы, но и свои Несторы-летописцы»¹². Самым осведомленным «историком» Департамента полиции был жандармский полковник (а затем генерал) А.И. Спиридович, изпод пера которого вышли два тома большого «исследования» «Революционное движение в России»¹³.

В Департаменте полиции существовала картотека всех лиц, находившихся под надзором центральных и местных органов политического сыска, в которой было в начале XX в. 55 тыс. карточек и до 20 тыс. фотографий. Отошли те времена, когда слабая агентура органов политического сыска давала лишь отрывочные сведения о деятельности революционеров, что порождало порой фантастические по своей нелепости дела, вроде поисков Третьим отделением и жандармами в 70-х годах Карла Маркса ... в России¹⁴.

Теперь на всех крупных деятелей политических партий завели в Департаменте полиции персональные дела, в которых «недремлющее око» царского политического сыска фиксировало по агентурным сведениям их местопребывание и деятельность. Среди них находились и дела руководителей большевистской партии: В.И. Ульянова, Я.М. Свердлов, Ф.Э. Дзержинского, Г.К. Орджоникидзе, В.В. Куйбышева, М.В. Фрунзе, М.И. Калинина, С.М. Кирова и других.

В личном деле В.И. Ленина в Департаменте полиции находилась сводная справка о его деятельности с 1887 по 1900 г., начиная с участия в университетских беспорядках в Казани. Здесь отмечалось, что «привлеченный к дознанию» по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Владимир Ульянов «отказался давать какие-либо объяснения в знакомстве с другими лицами», а по поводу найденной у него рукописи газеты «Рабочее дело» и двух рукописных статей о стачках также «уклонился от дачи показаний»¹⁵.

Все поступающие в Департамент полиции сведения тщательно изучались, расшифровывались, обрабатывались, и на их основании составлялись и рассылались на места предписания, циркуляры, уведомительные письма, справки и другие руководящие и информационные материалы.

Чиновники всех структурных частей Департамента собирали материалы, а секретариат составлял для директора Департамента отчеты, которые два раза в неделю он делал министру вну-

тренних дел и товарищу министра, заведующему полицией. Министр внутренних дел еженедельно докладывал о всех «происшествиях в империи» царю. Николай II проявлял к деятельности Департамента полиции особый интерес: он не только внимательно выслушивал доклады министра, но нередко и сам читал наиболее заинтересовавшие его отчеты и оставлял сверху надписи, выражавшие личное отношение верховного правителя России к тому или иному событию. На докладе министра внутренних дел Сипягина от 2 февраля 1902 г. об энергичной агитации Киевского комитета РСДРП среди рабочих по подготовке уличной демонстрации царь написал: «Следует действовать решительно и однообразно по всем городам и в особенности предупреждать уличные демонстрации». Результатом было направление из Департамента полиции специального циркуляра, предписывавшего местным властям: демонстрации «ни в коем случае не допускать и прекращать при самом возникновении, не стесняясь мерами и силой»¹⁶.

Департамент полиции столь высоко ценил указания и пометки верховного охранника России, что для сохранности они покрывались лаком.

Несмотря на обширнейшие задачи, штаты чиновников Департамента были весьма ограничены. Назначались они из особо проверенных и преданных царизму чинов прокуратуры и жандармерии.

Агентура самого Департамента полиции была также немногочисленной. Только наиболее выдающиеся «секретные агенты», обер-мастера провокации (Г. Гапон, Е. Азеф, М. Гурович, Р. Малиновский и немногие другие) числились при Департаменте, но в здании дома № 16 на Фонтанке они, разумеется, никогда не появлялись. Свидания чиновников Департамента (чаще всего вице-директоров) с ними проходили на конспиративных квартирах или в отдельных кабинетах ресторанов.

Большинство других сведений Департамент полиции получал от охранных отделений, жандармских управлений, заведующих заграничным сыском и от так называемых черных кабинетов.

Основные местные органы политического сыска – охранные отделения, или, как они официально назывались, отделения общественной безопасности и порядка, возникли еще в XIX в.: в 1866 г. в Петербурге, в 1880 г. в Москве и Варшаве. Широкое появление охранок было вызвано усилением массового революционного движения в начале XX в. Заменивший убитого Сипягина министр внутренних дел В. Плеве провел в августе 1902 г. реформу политического сыска, покрыв страну сетью охранных

отделений. К 1914 г. в России существовали охранки в 26 городах. Каждая охранка формально считалась отделением местной канцелярии обер-полицеймейстера, полицеймейстера или градоначальника, но это делалось для того, чтобы замаскировать деятельность местного органа политического сыска. Фактически у охранок был только один хозяин – Департамент полиции.

Главной задачей охранных отделений являлся политический сыск, т. е. обнаружение и надзор за революционными организациями (партиями, группами), а также за отдельными революционерами с передачей всех полученных сведений в жандармские управления для обысков, арестов и дознаний. В канцеляриях полицейских учреждений охранники выдавали справки о политической благонадежности.

Свои задачи охранки осуществляли с помощью обширной агентуры как «наружного наблюдения», так называемых филеров, так и секретных агентов «в обследуемой среде» (пассивных – осведомителей и активных – участников деятельности революционных организаций – провокаторов).

Агентура «наружного наблюдения» появилась уже при возникновении охранных отделений. Специальная «Инструкция по наружному наблюдению» 1902 г. была переработана и дополнена и разрослась в обширнейшую (75 параграфов) инструкцию, утвержденную самим председателем Совета министров и министром внутренних дел П. Столыпиным в 1907 г. Эта инструкция подробно поясняла, каких людей нужно привлекать в филеры, что они должны знать и делать.

За небольшую плату, колеблющуюся от 30 до 70 руб. в месяц (считая и деньги, выдаваемые на разъезды), филер должен был неотступно следить за порученным его наблюдению революционером и ежедневно сообщать все сведения о нем в охранный отделение.

При найме на службу в филеры инструкция решительное предпочтение отдавала отставным унтер-офицерам и ушедшим в запас солдатам.

Политическое просвещение нанятого в охранку филера заключалось в разъяснении, «что такое государственный преступник», «что такое революционер», о «несостоятельности учения революционных партий».

Приведенному к присяге «на верность службе» филеру в охранный отделении давали своеобразный испытательный срок: он должен был детально изучить город, его улицы и проходные дворы, трактиры, пивные, сады, время отхода и прихода поездов, маршруты трамваев, стоянки извозчиков, а также местонахождение

ние фабрик, заводов, учебных заведений и другие необходимые сведения.

И только после краткого экзамена и показа элементарных приемов наблюдения филера выпускали на службу, вначале в качестве помощника к более опытному и старому филеру.

В охранном отделении филер получал объект для наблюдения – поднадзорное лицо, которому он часто сам давал кличку. И начинались неотступные наблюдения за поднадзорным – в январскую пронизывающую насквозь стужу и июльскую изнуряющую жару, в солнечный день и темную ночь; отлучаясь с поста, он передавал шпионскую вахту своему коллеге. За некоторыми, наиболее ответственными поднадзорными устанавливалось круглосуточное наблюдение филеров в 2–3 смены.

Все результаты этой слежки филер заносил в книжечку, которая называлась «дневником наружного наблюдения». Здесь описывалось все: где бывает поднадзорный, что делает, с кем встречается, приметы всех лиц, с которым он встречается. А для охранного отделения филер готовил отчет за день – «филерский листок».

С декабря 1905 по январь 1906 г. вернувшийся конспиративно из-за границы В.И. Ленин вначале попробовал прописаться под своей фамилией в Петербурге по Греческому проезду в доме 15/8, и сведения об этом попали в охранку. Заведующий «наружным наблюдением» запросил полицейского околоточного надзирателя, тот мгновенно дал справку: «проживает в квартире 9» вместе с женой Н.К. Крупской, «прибыл 3 декабря 1905 г. из города Пензы». Около дома 15/8 замаячила фигура филера. В «листке» от 31 декабря 1905 г. филер и его помощник писали: «Дом 15/8 по Греческому пр. Выхода и прихода Ульянова не видели. В 10 ч. 40 мин. утра в означенный дом и в подъезд, где проживал Ульянов, пришла барышня, имела при себе чемодан, шла очень осторожно, а в 11 ч. 10 мин. вышла без чемодана тоже осторожно. В 10 ч. 45 мин. утра вышел хозяин тоже осторожно и возвратился домой в 5 ч. вечера. Приметы барышни: рост выше среднего, лет 25, шатенка, одета плюшевая пиджаком кофта, черная юбка и гагачья круглая шапочка»¹⁷.

Заметив филерскую слежку, В.И. Ленин перешел на нелегальное положение, проживая у знакомых на случайных квартирах. В.И. Ленин был опытным конспиратором, и филеры вскоре потеряли его след.

Удавалось нередко ускользать от филерского наблюдения и Я.М. Свердлову. Находясь под гласным надзором в Нижнем Новгороде, он осенью 1904 г. внезапно исчез. Департаменту полиции удалось перехватить его письмо от 22 декабря 1904 г. к од-

ному из партийных товарищей, которому Свердлов писал: «Шпиков здесь теперь довольно много (после крупных волнений 1903 г. их ввели здесь в большом количестве), но умом они не отличаются, как я уже заметил». Департамент полиции забил тревогу и предписал начальнику Костромского жандармского управления¹⁸ выяснить личность и деятельность «некоего политически неблагонадежного лица, имя или фамилия которого начинается буквой “Я” и которое прибыло недавно в Кострому, по-видимому, из Нижнего Новгорода с конспиративным поручением от Северного комитета Российской социал-демократической партии», а также выяснить «сношения упоминаемого выше революционного деятеля и о последующем уведомить». Филеры в этих поисках сбились с ног, но Я.М. Свердлов исчез, и жандармское управление горестно сообщило, что личность указанного лица «выяснить не представилось возможным»¹⁹. За нерасторопность своей агентуры Костромское жандармское управление получило от Департамента полиции нахлобучку.

Вскоре упустили Я.М. Свердлова и казанские филеры, и только филерам Нижегородского и Пермского охранных отделений удалось напасть на след Малыша, как именовали молодого Я.М. Свердлова в нижегородской охранке²⁰⁻²¹. Я.М. Свердлов был арестован и в сентябре 1907 г. приговорен Казанской судебной палатой за принадлежность к Пермскому комитету РСДРП к 2 годам заключения в крепости.

Руководящие указания Департамента полиции, взаимосвязи и контакты охранок и жандармских управлений облегчали разрешение задач политического сыска.

Служебный день филера был весьма длительным и завершался отчетом в охранном отделении. В Москве в начале XX в. это происходило примерно так.

Когда над городом опускалась ночь, затихали улицы «первопрестольной» и гасли огни в домах по Тверской и Никитской улицам, от Страстной площади и Никитских ворот к Гнездиновскому переулку, где помещалось Московское охранное отделение, пробирались одинокие фигуры филеров.

На Спасской башне часы били полночь. В низенькой комнате на первом этаже охранки набилось несколько десятков филеров: молодых, средних лет, старых. За грубым дубовым столом в центре комнаты восседал здоровый бородатый сотрудник – сам Евстрат Медников, начальник «наружного наблюдения» московской охранки. Поочередно филеры докладывали результаты дневного наблюдения, отчитывались об израсходованных суммах.

– А что же Волк? – спрашивает Медников одного из филеров.

– Волк, Евстрат Петрович, – отвечает тот, – очень осторожен. Выход проверяет, заходя куда-либо, так же проверку делает и опять там на поворотах и за углами. Тертый.

– Заклепка, – докладывает другой, – как заяц бегают, ничего не видит, никакой конспирации...

Медников внимательно выслушивает филерские отчеты о всех поднадзорных – этих Заклепок, Волков, Умных, Быстрых и Галок – делает заключения, одобрительно кивает головой или высказывает недовольство, а некоторых наиболее нерадивых награждает зуботычиной или штрафует.

И так каждый день, и так в каждой охранке.

Одновременно с инструкцией «по наружному наблюдению» в 1907 г. Столыпин утвердил и другую инструкцию – «по организации и ведению внутренней агентуры», состоявшей из пяти глав (о составе агентуры, способах ее вербовок, о руководстве деятельностью агентов, о конспиративных квартирах и заботе о личности секретного сотрудника).

«Главным и единственным основанием политического розыска, – гласила эта инструкция, – является внутренняя совершенно секретная и постоянная агентура, и задача ее заключается в обследовании преступных революционных сообществ и уличения для привлечения судебным порядком членов их. Все остальные средства и силы розыска органа являются лишь вспомогательными...» К числу этих вспомогательных средств инструкция относил и агентуру «наружного наблюдения», или филеров, которые, «ведя наружное наблюдение, развивают сведения внутренней агентуры и проверяют их»²².

Руководители Департамента полиции все время напоминали местным органам политического сыска о необходимости приобретения секретной агентуры. «Приобретайте агентов (дельных), – поучал директор Департамента полиции Рачковский своих херсонских сотрудников летом 1905 г., – чем вопить о присылке филеров, которые, хоть тысячу дай, ничего не сделают без агентуры»²³.

При вербовке секретных агентов сотрудникам политического сыска рекомендовалось выявлять и использовать слабости арестованных и подследственных лиц: трусость, карьеризм, корыстолюбие, честолюбие, прибегать к угрозам, давать выгодные обещания.

Основные кадры секретной агентуры находились при охранных отделениях и были тщательно законспирированы. Каждый секретный агент имел одну или несколько охранных кличек. Ни один из них никогда не заходил в охранное отделение, а встречался с его сотрудниками чаще всего на конспиративных

квартирах, содержащихся надежными лицами. В зависимости от значения агента такие свидания происходили редко (раз в месяц) или почти ежедневно. Свои сведения секретный агент сообщал письменно или устно, а посланный на эту встречу сотрудник охраны (жандармский офицер) обобщал эти сведения в специальной агентурной записке (где указывал свою фамилию, кличку агента, дату приема сведений, давал изложение донесения).

Агентурные записки представлялись начальнику охранного отделения, копии направляли градоначальнику и в Департамент полиции, затем оригинал подшивали в дело соответствующей партийной организации с пометкой на полях о мерах, принятых по этим донесениям (обыски, аресты и пр.).

Одна из копий донесения подшивалась в «дело» секретного агента. Количество этих копий и важность содержащихся в них агентурных сведений служили характеристикой как самого секретного агента, так и всей его деятельности.

Обычно секретные агенты подразделялись на несколько категорий: «штучники» выполняли разовые задания охраны, «осведомители» регулярно информировали охранку о деятельности революционеров или революционных организаций. Чаще всего эти агенты не принадлежали к «обследуемой среде» и вербовались из дворников, обслуживающего персонала гостиниц, ресторанов, трактиров, лакеев, горничных, а иногда и из интеллигентной среды (адвокатов, журналистов). Так, осенью 1910 г. Департамент полиции предписал московской охране направить секретных агентов в Ясную Поляну, где они должны были посетить могилу Л.Н. Толстого и имение его ближайшего сотрудника В.Г. Черткова и выяснить характер сборищ, происходящих в Ясной Поляне и у В.Г. Черткова. Московская охранка направила только одного агента под кличкой Блондинка, который подробно информировал охранку по всем интересующим ее вопросам, отметив «вредное» влияние на окрестных крестьян В.Г. Черткова²⁴.

Но более всего ценились органами политического сыска агенты «в обследуемой среде», т. е. внутри политических партий. «Следует всегда иметь в виду, – поучала инструкция 1907 г., – что один даже слабый секретный сотрудник, находящийся в обследуемой среде (“партийный сотрудник”), неизмеримо даст больше материала для обнаружения государственного преступления, чем общество, в котором официально могут вращаться заведывающие розыском... Поэтому секретного сотрудника, находящегося в революционной среде или другом обследуемом обществе, никто и ничто заменить не может». Эта инструкция предусматривала и то, что такой секретный сотрудник, являясь

членом партии, не может постоянно уклоняться от партийных поручений. Поэтому ему рекомендовалось принимать активное участие в деятельности партии, но «на каждый отдельный случай испрашивать разрешения лица, руководящего агентурой»²⁵.

Секретные агенты, получая большую плату, высоко ценились Департаментом полиции и охранными отделениями. Чтобы сохранить секретного агента от разоблачения, органы политического сыска вынуждены были иногда воздерживаться от обысков и арестов, допускать даже террористические акты, где активным участником был сам секретный агент. Так провокация становилась надежным и узаконенным методом деятельности политического сыска в России.

На рубеже XIX и XX вв. настоящей школой политического сыска в России стала московская охранка (Московское охранное отделение). Ее начальник в 1896–1902 гг. жандармский полковник С.В. Зубатов – один из немногих деятелей политического сыска, который знал и революционное движение, и технику сыска. Этот внешне невзрачный человек в очках поставил политический сыск в России по-новому: ввел регистрирование, фотографирование, расшифровку как методы деятельности охранки.

Филеры из созданного Зубатовым «летучего отряда» сопровождали революционеров по всей России, посылая время от времени в Гнездиновский переулок, д. 5 (помещение охранки) успокаивающие конспиративные телеграммы вроде: «Благоволите принять товар. Кашинский едет Петрограда Москву почтовым № 7», или: «Товар Кашинский сдал московским приказчикам»²⁶.

Особое внимание московская охранка в эти годы обращала на широкое развитие секретной агентуры. Недаром в кабинете Зубатова висели два портрета – инициатора насаждения провокаций в среде народовольцев жандармского полковника Судейкина²⁷ и провокаторши – народницы Курнатовской.

Среди секретной агентуры московской охранки особенно выделялась деятельность агента Анны Серебряковой. Немало вреда принесла социал-демократическим, а затем и большевистским организациям эта юркая и ловкая дама, которая хотя и не принадлежала ни к какой партии, однако по своей официальной работе в нелегальном Красном Кресте политзаключенных и ссыльных легко устанавливала связи с революционерами. Ее квартира часто использовалась ими как место явок и ночевков. О всех лицах, прошедших через эту квартиру, охранка получала самые подробные сведения от самой Серебряковой. Затем следовали провалы, аресты. Так, по наводке Серебряковой в 1901–1902 гг. был дважды арестован весь состав Московского комитета РСДРП²⁸.

Четверть века никто из знакомых и даже членов семьи А. Серебряковой не знал, что в московской охранке существует большое личное дело ценнейшего секретного агента под кличками Туз, Субботина, Мамаша, полное агентурных сведений о московских социал-демократических организациях, отдельных деятелях партии: С.И. Мицкевиче, В.В. Воровском, И.Ф. Дубровинском, А.В. Луначарском, О.Н. Смидовиче, В.П. Ногине и других, арестованных по доносам Серебряковой.

Впоследствии, присоединяясь к ходатайству Серебряковой в 1907 г. перед Департаментом полиции о выдаче ей единовременно 10 тыс. руб., находящийся тогда уже в отставке С. Зубатов дал весьма высокую характеристику Серебряковой, которая, по его мнению, «была вполне сознательной и убежденной защитницей отстаиваемых ею национально-государственных начал». «Для должностных лиц отделения, – добавлял Зубатов, – она являлась не только глубоко преданным агентурным источником, но и компетентным советчиком, а иногда и опытным учителем в охранном деле»²⁹.

Всей секретной агентурой при Зубатове ведал Леонид Меньшиков. Начав свою карьеру как провокатор еще в 80-х годах в одной из народовольческих организаций, он прошел филерскую службу, а затем возглавил секретную агентуру московской охранки.

В недрах московской охранки в начале XX в. зародилась идея создания легальных рабочих организаций, опекаемых охранкой, которые бы внушали рабочим мысль о бесполезности политической борьбы и обещали помощь в удовлетворении экономических требований. Сам Зубатов убеждал арестованных рабочих отказаться от революционной борьбы. На II съезде РСДРП в докладе о московской организации ее делегат Н.Э. Бауман рассказывал: «Зубатов указывал арестованным, что он сам социал-демократ, не разделявший только революционного метода борьбы. На прощание он просил выпущенных заходить к нему так, попросту, чайку попить, о теории поговорить, и некоторые действительно ходили к нему»³⁰.

Министр внутренних дел В. Плеве находил деятельность Зубатова «полезной для государства» и назначил его в 1902 г. на новый высокий пост начальника Особого отдела Департамента полиции.

Хотя зубатовские организации и потерпели крах, а Зубатов был уволен в отставку летом 1903 г. и даже сослан во Владимир, Департамент полиции не оставил мысли о создании опекаемых им рабочих организаций. В Петербурге дело Зубатова продолжал другой агент Департамента полиции, священник Г. Гапон³¹.

Первая революция вызвала растерянность среди деятелей политического сыска в России. За 29 месяцев революции (январь 1905 г. – 3 июня 1907 г.) сменилось пять директоров Департамента полиции, ослабла деятельность многих охранок.

У некоторых деятелей политического сыска первая революция вызвала тревогу не только за будущее царского правительства и всего помещичье-буржуазного государства, но и за свое личное благополучие. Среди таких оказался и Леонид Меньшиков.

Будучи помощником делопроизводителя Особого отдела Департамента полиции, он составил анонимное письмо в Центральный Комитет партии эсеров, в котором раскрывал двух секретных агентов Департамента – Татарова и Азефа.

Вскоре в руководстве Департамента полиции произошли перемены: в июне 1906 г. пост директора занял ловкий и беспринципный М. Трусевич, который каким-то особым жандармским чутьем заподозрил двойную деятельность Меньшикова и уволил его. Отчаявшись устроиться на службу в органы политического сыска, Меньшиков эмигрировал за границу, где с помощью того же Бурцева с осени 1909 г. стал публиковать свои разоблачительные материалы. Им был раскрыт весь «цвет» секретной агентуры Департамента полиции и охранок России: Анна Серебрякова, Зинаида Жученко (Гернгросс), Гартинг (Ландезен), Михаил Гурович и другие. После «дела Азефа» это был серьезный удар по Департаменту полиции. Трусевичу пришлось подать в отставку. В Департамент полиции посылались прошения разоблаченных агентов о назначении им пенсии. По личному ходатайству самого Столыпина Николай II назначил в 1911 г. высокую пожизненную пенсию и «даме Туз» – Анне Серебряковой.

Со времени первой революции Департамент полиции все больше и больше внимания уделял деятельности большевиков, считая их главными и наиболее грозными врагами существующего строя. В связи с этим делалось все возможное для проникновения в ряды большевиков секретных агентов политического сыска.

Московская охранка, а затем и Департамент полиции помогли своему агенту Роману Малиновскому (кличка Портной) пробраться в партийную среду большевиков, стать секретарем петербургского профсоюза металлистов, членом Государственной думы от социал-демократической, а затем и большевистской фракции³². Малиновский лично доносил при встречах в отдельных кабинетах ресторанов директору Департамента полиции Белецкому и его помощнику Виссарионову о всех делах фракции партийного руководства, заграничных центров партии. Однажды

он выкрал партийный архив большевистской фракции Государственной думы, и сотрудники Департамента полиции за одну ночь перепечатали все, что их интересовало. По доносам Малиновского проводились обыски и аресты (в 1913 г. по его доносу был арестован в Петербурге Я.М. Свердлов).

Зимой 1914 г. Белецкий и Виссарионов ушли из Департамента полиции, а новый товарищ министра внутренних дел, заведовавший полицией, В. Джунковский счел опасным дальнейшее пребывание в качестве члена Думы секретного агента полиции и, опасаясь разоблачений, посоветовал Малиновскому уехать за границу. 8 мая 1914 г. Малиновский внезапно, без всяких объяснений, вышел из большевистской фракции и уехал за границу. О причинах этого ухода Джунковский информировал по телефону только председателя Государственно думы Родзянко, а тот, разумеется, хранил молчание и стал, по словам В.И. Ленина, «укрывателем провокатора Малиновского»³³.

Подрывная деятельность Малиновского была разоблачена только в 1917 г., а после Великой Октябрьской социалистической революции этот провокатор понес заслуженную кару³⁴.

Малиновский не вызвал в большевистской партии такого сокрушительного опустошения, как Азеф в партии эсеров. Хорошо поставленное сочетание легальной и нелегальной работы помогло в значительной степени нейтрализовать вред, приносимый им партии. «Чтобы снискать доверие у нас, – писал впоследствии В.И. Ленин, – Малиновский, как член Цека партии и депутат Думы, должен был помогать нам ставить легальные ежедневные газеты, которые умели и при царизме вести борьбу против оппортунизма меньшевиков, проповедовать основы большевизма в надлежащим образом прикрытой форме. Одной рукой отправляя на каторгу и на смерть десятки и десятки лучших деятелей большевизма, Малиновский должен был другой рукой помогать воспитанию десятков и десятков тысяч новых большевиков через легальную прессу»³⁵.

Одним из вспомогательных средств сбора информации для Департамента полиции и охранных отделений была перлюстрация, т. е. секретное ознакомление с письмами без ведома корреспондентов и адресатов, проводимая на почтамтах некоторых крупных городов России.

С 80-х годов XIX в. и вплоть до падения самодержавия в России при смене каждого министра внутренних дел в здании министерства появлялся старичок в потертом мундире. Он записывался на прием к новому министру и, оказавшись в его кабинете, с загадочным видом молча протягивал министру конверт. Распечатав его, министр обнаруживал указ Александра II, дававший

право старшему цензору М.Г. Мардарьеву руководить делом перлюстрации писем на петербургском почтамте. Нередко впервые даже министр внутренних дел только из этого указа узнавал о существовании в России «секретных отделений цензуры», или черных кабинетов. Почтительно попросив вновь запечатать конверт, Мардарьев удалялся. Больше его никто не видел в министерстве до следующей смены министра.

О существовании черных кабинетов при почтамтах крупных городов России³⁶ знали буквально считанные лица даже в органах политического сыска, и их деятельность была окутана глубочайшей тайной. Они не значились ни в каких законах Российской империи. Вход в черный кабинет на петербургском почтамте был замаскирован, и обслуживающие его чиновники проходили в свое учреждение... через шкаф.

Ограниченный штат чиновников (в Петербурге – 12, в Москве – 7, в других городах – от 2 до 5) успевал ежедневно ознакомиться с огромным числом писем (в Петербурге – с 2–3 тыс.) как важных политических и общественных деятелей, так и виднейших чиновников³⁷ или вообще подозрительных корреспондентов или адресатов; особенно тщательно проверялись письма, поступающие из-за границы или направленные из России за рубеж. Письма прочитывались, из них делались выписки, а некоторые наиболее интересные письма фотографировались. С течением времени в черных кабинетах вырабатывались и совершенствовались методы быстрого и аккуратного извлечения письма из конверта.

Выписки из перлюстрированных писем поступали в Департамент полиции и охранные отделения. Ежегодно Департамент полиции составлял сводный отчет о перлюстрации за год.

От здания на Фонтанке в Петербурге тянулись незримые нити по всей России, опутывая ее сложной системой сыска, надзора, шпионажа. Департамент полиции протягивал свои щупальцы далеко за пределы России. За границей в ряде стран Европы, Азии и даже Америки существовала специальная агентура российского политического сыска, надзиравшая за революционерами-эмигрантами. За 1905–1917 гг. заграничная охранка надзирала за 4–5 тыс. политических эмигрантов из России, проживающих в Западной Европе.

Заграничная охранка в Париже помещалась в нижнем этаже русского консульства, занимая там две небольшие комнаты. В одной из них находилась картотека в 15–20 тыс. карточек на лиц, замешанных в революционном движении России, альбомы с фотографиями революционеров и дела революционеров; другая комната была кабинетом начальника заграничной охранки, име-

нуемого официально для его дипломатической легализации «командированным Министерством внутренних дел для сношения с местными властями и российскими посольствами и консульствами чиновником особых поручений V класса при Министерстве внутренних дел»³⁸.

С помощью сотни секретных агентов заграничная охранка собирала обширнейший материал, регулярно информировала Департамент полиции о жизни и деятельности русской революционной эмиграции.

Дело революционера или целой революционной организации, находящееся в Департаменте полиции или охранном отделении, комплектовалось разными документами, материалами «наружного наблюдения» и секретной агентуры, перлюстраций и заграничной охраны до тех пор, пока у руководителей политического сыска не созревало решение: «Пора!» Тогда начальник охранного отделения передавал материалы в губернское жандармское управление. И предводительствуемая жандармским офицером группа жандармов и полицейских направлялась на аресты.

После ареста жандармское управление начинало дознание, а потом дело арестованных революционеров иногда передавалось в прокуратуру и затем поступало в суд.

С конца XIX в. жандармерия часто ограничивалась дознанием, и сразу же выносилось решение о ссылке арестованных в отдаленные губернии (чаще всего в Сибирь).

Так, например, окончился крупнейший политический процесс 90-х годов – дело петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», руководимого В.И. Лениным. «Высочайшим повелением» 29 января 1897 г. многих участников его (в том числе и В.И. Ленина) выслали в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на 3 года.

Гнев народных масс в первые дни Февральской революции 1917 г. обрушился на наиболее ненавистные учреждения царизма: Департамент полиции, охраны, жандармские управления, полицейские участки, тюрьмы и суды. Начались стихийные разгромы этих учреждений, уничтожение их материалов. Огромные костры из «личных дел» в синих папках горели и перед зданиями Департамента полиции и петроградской охраны. Большая часть дел Петроградского жандармского управления и охраны была уничтожена, но Департамент полиции пострадал менее. Сохранились почти полностью материалы его Особого отдела.

В этих толпах революционно настроенных людей, уничтожавших охраны, шныряли, безусловно, и «бывшие агенты»: сотрудники органов политического сыска и их секретные агенты.

Немало личных дел секретных сотрудников исчезло в эти дни, – провокаторы заматали в страхе перед восставшим народом следы своего гнусного прошлого³⁹.

Сохранившиеся материалы помогают и сейчас, через многие годы, воссоздать картину организации и деятельности большой машины царского политического сыска, державшего под жандармским надзором все революционное, передовое и прогрессивное в России.

Политический надзор и сыск – лишь одно из звеньев карательного аппарата самодержавия. Его уродливое одностороннее развитие является также элементом гнилости самодержавия, неспособного уже проводить управление страной обычными методами и вынужденного прибегать к разным формам «исключительного положения»: расширению сети охранок и органов жандармерии, насаждению провокации, осуществлению судебных фальсификаций политических процессов и прочим мерам.

Анализ деятельности этого карательного аппарата показывает, что основное его острие было направлено против большевистской партии и революционных выступлений рабочего класса и крестьянства. Об этом свидетельствуют документальные материалы Департамента полиции, охранок, жандармских управлений, Главного тюремного управления и других карательных органов, ставшие доступными для изучения после свержения самодержавия и особенно после Великой Октябрьской революции.

В российском парламенте

На Дворцовой площади, точно на параде, застыли гренадеры, эскадроны кавалерии, лейб-казаки и атаманцы в ярких парадных мундирах. Полиция теснила толпы народа, пытавшиеся поближе пробраться к Зимнему дворцу. Через оцепление какие-то люди проходили во дворец с министерского подъезда. К Крещенскому подъезду со стороны Невы прибывали нарядные экипажи, откуда высаживались важные, затянутые в мундиры сановники; со стороны площади в «подъезд ее величества» входили придворные. Непривычно гулко раздавались людские голоса в коридорах и залах пустовавшего в последние годы Зимнего дворца.

В этот день, 27 апреля 1906 г., Николай II устраивал прием для членов Государственной думы.

Среди толпы сановников разглагольствовал представительный старик с пышными бакенбардами – недавно назначенный царем новый председатель Совета министров Иван Логинович Горемыкин. «Это в высшей ступени удачная мысль, – говорил он, – открыть Думу первого призыва именно во дворце, во всем блеске придворной помпы... Поверьте, на членов Думы, особенно крестьян, все это произведет громадное впечатление...»¹

Сановники одобрительно кивали: им тоже хотелось верить, что эти собранные со всей России «народные избранники», члены Государственной думы, именно здесь, в Зимнем дворце, убедятся в величии и незыблемости самодержавия, помогут «царю-батюшке» расправиться с революцией и революционная буря, бушевавшая за окнами царской резиденции, сменится тишиной, порядком и благочинием по всем градам и весям² огромной империи. Но вот все кругом замолкли. Сановники подтянулись, почтительно обернувшись к дверям. Из внутренних царских комнат, от Малахитовой гостиной, через Концертный Николаевский, Аванзал, Большой фельдмаршальский, Петровский и Гербовый

залы, через всю анфиладу комнат двигалось торжественное, пышное шествие. Впереди шли скороходы в старинных головных уборах, за ними важно выступали два грузных церемониймейстера с тростями, шли гофмаршалы с золочеными жезлами, затем шествовал сам Николай II с царицей-женой и царицей-матерью, попарно и по старшинству двигалась императорская семья и придворные чины. Статс-секретари и генерал-адъютанты несли царские регалии.

Огромные дворцовые гренадеры в больших медвежьих шапках, с ружьями на плечах шли по сторонам.

Весь этот величественный спектакль предназначался для собравшихся в Георгиевском зале членов Государственной думы.

Но вот царь и обе царицы заняли места на тронах под балдахинном.

Справа плотной стеной стояли сановники-министры и члены Государственного совета, а также придворные: седые и лысые, грузные и величественно важные, они сияли золотом и серебром, пестрели орденскими звездами и крестами. С большим недоумением и неприязненным любопытством взирали они на левую сторону, где менее стройно, толпой стояли члены Государственной думы. Никогда еще за полтора года своей истории стены Зимнего дворца не видели таких посетителей: скромных интеллигентов в пиджаках, крестьян в поддевках и смазанных дегтем сапогах, инородцев³ в необыкновенных одеждах – черкесках, халатах...

Запинаясь, Николай II произнес речь, завершив ее напутствием: «Приступайте с благоговением к работе, на которую я вас призвал, и оправдайте достойно доверие царя и народа. Бог в помощь мне и вам»⁴. Он замолк, и в огромном зале воцарилось неловкое молчание. Наконец с чиновничьей, правой стороны раздались нестройные крики «ура!». Но левая половина зала хранила гробовое молчание. Ни пышный придворный спектакль, ни тем более бессодержательная царская речь на депутатов Думы не произвели впечатления.

Из Зимнего дворца думские депутаты пешком небольшими группами и на пароходе по Неве направились к Таврическому дворцу, отведенному правительством для заседаний Государственной думы.

Построенный в 80-х годах XVIII в. Екатериной II для фаворита князя Г.А. Потемкина-Таврического под руководством крупного русского архитектора И.Е. Старова, Таврический дворец после смерти владельца перешел в собственность романовской семьи и чаще всего пустовал. Незадолго до созыва Думы Николай II распорядился приспособить дворец для заседаний

«нижней палаты» «российского парламента» Сделано это было не без тайного умысла: дворец отдален от центра, окружен казармами и военными училищами, и любые антицарские выступления в Думе можно было быстро пресечь.

Обширный зал заседаний, с расположенными амфитеатром креслами, постепенно заполнялся: слева рассаживались депутаты от крестьян, объединившиеся в трудовую группу. Центр заняли представители самой крупной буржуазной партии – конституционно-демократической (кадетской), или «партии народной свободы», как они себя гордо именовали; здесь же находились представители национальных окраин: поляки, литовцы, кавказцы, татары. Справа разместились немногочисленные черносотенцы и монархисты. Повсюду, без разбору в зале расселились беспартийные. Наконец, заняли свои места стенографы, заполнились ложи журналистов; в министерской ложе появились царские министры.

В пять минут шестого на трибуну взошел старый царский чиновник статс-секретарь Э. Фриш: царь поручил ему открыть заседание Государственной думы.

Созыв Государственной думы – это вынужденная уступка со стороны царского правительства. На одном из заседаний Совета министров в начале революции, 3 февраля 1905 г., министру внутренних дел А.Г. Булыгину было поручено разработать проект закона о новом законосовещательном учреждении с представителями, избираемыми населением. В особом распоряжении (рескрипте), подписанном царем 18 февраля, давались туманные обещания «привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предположений» при условии «непременного сохранения незыблемости основных законов империи»⁵, т. е. прежде всего самодержавия. Николай II не скрывал, что обнародование этого рескрипта имело целью успокоение страны. Одновременно появился и манифест «О призыве властей и населения к содействию самодержавной власти в одолении врага внешнего и искоренению крамолы и противодействия смуте внутренней»⁶.

К концу мая подготовленный Булыгиным проект закона был передан в Совет министров, который дал будущему новому органу название Государственная дума. Для окончательного обсуждения проекта закона о Государственной думе в Петергофе с 19 по 26 июля 1905 г. было созвано совещание высших чиновников России, проходившее под председательством Николая II. Открывая это чиновное заседание, царь высказал опасение, что Государственная дума ограничит самодержавие. Его поддержал

верный Трепов, заявивший, что существование Думы «опасно для самодержавия»⁷. Присутствовавшие на заседаниях представители реакционно настроенных помещиков считали, что в будущей Думе подавляющее большинство мест должно быть предоставлено помещикам-дворянам и... крестьянам. Представители крупных помещиков (Стишинский, Бобринский, Нарышкин, Игнатьев) считали, что в Думе крестьянские депутаты будут слушаться помещиков. Более того, признавалось желательным иметь в Думе наименее сознательных, отсталых крестьянских представителей. И когда зашел вопрос о грамотности членов Думы, тот же Стишинский предложил пункт об обязательном цензе грамотности члена Думы исключить: «Неграмотный мужик... – заявил он, – обладает более цельным мирозерцанием, нежели грамотный»⁸. На естественный вопрос одного из сторонников ценза грамотности, как же неграмотный крестьянин в Думе будет разбираться в сложных вопросах законодательства, особенно в бюджетных делах, Нарышкин и Стишинский цинично заявили, что им должны будут «помочь» депутаты от помещиков. Идея выбора в Государственную думу только неграмотных крестьян очень понравилась царю; лукаво улыбаясь, он высказал мнение, что «такие крестьяне с цельным мировоззрением внесут в дело больше здравого смысла и житейской опытности»⁹. Пункт «г» ст. 54 избирательного закона в Государственную думу о цензе грамотности для ее членов был исключен.

6 августа 1905 г. царь утвердил законы о высшем законосовещательном органе Государственной думы – «Положение о выборах» и «Учреждение». Избирательных прав в Думу были лишены женщины, учащиеся, военнослужащие, городская беднота, многие нерусские народы и весь рабочий класс России. Все избиратели в Государственную думу были разделены на три группы – курии: землевладельческую (т. е. помещичью), городскую и крестьянскую. Для избирателей первых двух курий установили весьма значительный земельный ценз (от 100 до 650 дес., в зависимости от местности) и имущественный (в городах – наличие собственности стоимостью не менее 15 тыс. руб.); для крестьян вводились сложные, четырехстепенные выборы, представляющие возможность отсеять наименее благонадежных из них. Выборщики от каждой курии на губернском избирательном собрании выбирали определенное число членов Государственной думы.

Государственная дума избиралась на пять лет, но царь имел право распустить ее досрочно. Царскими же указами определялась продолжительность ежегодных сессий.

Закон 6 августа определил и устройство Думы: все проекты законов, разработанных чаще всего в министерствах, а также еже-

годная роспись доходов и расходов государства (бюджет) обсуждались на общем собрании Государственной думы; для предварительного рассмотрения проектов законов, а также иногда для их разработки Дума могла создавать специальные комиссии.

Для руководства деятельностью Думы общее собрание депутатов ежегодно избирало из своей среды председателя и двух его товарищей (заместителей) и на пять лет секретаря (начальника канцелярии) и его товарища.

На заседаниях Думы могли присутствовать и выступать царские министры. Одна из статей закона о Государственной думе давала право группе ее членов (не менее 30 человек) обращаться с запросом к председателю Совета министров, отдельным министрам и высшим царским чиновникам.

Осенние события 1905 г. – сентябрьские стачки в Москве, Всероссийская политическая забастовка в октябре – сорвали выборы в булыгинскую Государственную думу.

Манифестом 17 октября Николай II был вынужден пообещать созыв уже не совещательной, а законодательной Думы, т. е. такого органа, который бы соучаствовал с царем в законодательстве. Между тем события в Москве привели в начале декабря к постановке вопроса об активных формах борьбы с самодержавием. 5 декабря московская городская конференция большевиков высказалась за объявление всеобщей забастовки, чтобы в ходе борьбы перевести ее в вооруженное восстание.

В тот же день в одном из залов Александровского дворца в Царском Селе началось совещание, созванное Николаем II для окончательного решения вопроса о Государственной думе. Обсуждался проект Совета министров о выделении рабочих в обособленную группу избирателей с отдельным представительством в Думе (14 депутатов). Проект этот не встретил поддержки большинства собравшихся: возражали не только царские чиновники, но и представители буржуазии. Московский капиталист и общественный деятель А. Гучков даже обвинил правительство в том, что в лице рабочих – членов Государственной думы оно хочет создать «легализованный стачечный комитет», который будет «держаться в своих руках нити рабочего движения»¹⁰.

Только известие о начавшемся в Москве вооруженном восстании заставило царя утвердить 11 декабря 1905 г. закон, по которому избирательные права в Государственную думу предоставлялись и рабочим. К выборам допускались лишь мужчины, занятые на предприятиях, имевших не менее 50 рабочих. Для них устанавливались сложные, трехстепенные выборы: рабочие на предприятиях, насчитывающих от 50 до 1000 человек, избирали по одному уполномоченному, по одному уполномоченному изби-

ралось и на каждую следующую полную тысячу рабочих. Рабочие-уполномоченные всей губернии избирали выборщиков, а те вместе с выборщиками других курий в общем губернском избирательном собрании выбирали уже членов Думы от рабочих.

Избирательный закон был построен так, что один выборщик приходился на 2000 избирателей-помещиков, 4000 городских избирателей (буржуазии), 30 000 крестьян и 90 000 рабочих.

Выборы в Государственную думу состоялись в марте–апреле 1906 г. Несмотря на принятый правительством закон 8 марта 1906 года, каравший за бойкот выборов в Думу тюремным заключением на 4–8 месяцев, большевики призывали массы активно бойкотировать выборы.

Революция отразилась на результатах выборов в Первую Государственную думу. Открытые сторонники самодержавия – черносотенцы и правые партии – потерпели почти полный провал. Из 478 членов Думы их было всего 44. Левые партии понесли большой урон от репрессий конца 1905 – начала 1906 г., большевики, кроме того, вообще бойкотировали выборы. Поэтому наибольший успех получила буржуазная партия кадетов (конституционно-демократическая – сторонница конституции и буржуазных «свобод»): ее фракция в Думе насчитывала 179 членов¹¹. Много было в Думе крестьян, объединившихся в трудовую группу (97 членов).

Итак, Дума начала работу.

На первых заседаниях был избран президиум, который возглавлял председатель – общественный деятель, профессор Московского университета, кадет С.А. Муромцев. В вежливых, корректных фразах он высказал надежду, что деятельность Думы будет протекать «на основах подобающего уважения к прерогативам конституционного монарха», и далее председатель Думы призвал ее членов к мирному сотрудничеству с правительством¹².

В этом же духе составили кадеты и проект ответа на тронную речь царя. Почтительно и верноподданнически высказывалось пожелание о частичной политической амнистии, расширении избирательных прав и некоторых буржуазных свободах. Причиной всех неполадок в управлении государством объявлялось «самовластие чиновников, отделяющих царя от народа»¹³. Только крестьянские представители выступали против кадетского проекта ответа на царскую речь. Их больше всего интересовал вопрос о земле. «Я крестьянин, избран от волостного собрания, – заявил курский крестьянин Михаил Кутоманов. – Мне сказали: “Поезжай, требуй и защищай требования земли и воли, свободы и права”. Мне сказали, что если Дума в скором времени не зай-

мется решением этого вопроса и не решит его так, как мы это требуем, то мы сами разрешим»¹⁴.

Крестьяне требовали передачи им всех помещичьих, царских и монастырских земель.

В Думе рассматривались и другие вопросы и проекты, имевшие актуальное значение в условиях революции (об отмене смертной казни, гражданском равноправии, помощи голодающим и др.). Но правительство выражало недовольство ходом прений. Когда председатель Думы Муромцев высказал 5 мая желание лично вместе с думской депутацией вручить царю ответный адрес, то Николай II резко заявил: «Депутацию я не приму, адрес прислать мне»¹⁵. Кадеты вынуждены были проглотить это оскорбление.

Правительство пыталось отвлечь депутатов Думы от основных вопросов обсуждением проектов разных мелких законов (их прозвали иронически «вермишелью»), вроде законов об ассигновании 40 029 руб. 49 коп. на постройку оранжереи и прачечной при Юрьевском университете, о праве открытия женских курсов и др.¹⁶

13 мая с декларацией правительства выступил председатель Совета министров Горемыкин. Смысл его речи, прочитанной по синей тетрадке шамкающим, тихим голосом, один журналист выразил в трех словах: «Никому, никогда, ничего...»

Правительственная декларация вызвала резкие выступления двух десятков ораторов. Почти единогласно Дума приняла вотум недоверия «к безответственному перед народным представительством» правительству, требуя ухода его в отставку¹⁷. Однако никакого значения этому требованию правительство не придало¹⁸. Громко именуя Первую думу «Думой народного гнева», кадеты вели себя несмело, просительны в отношении к правительству, рассчитывали путем сговора с царем успокоить страну.

«Мы хотим, – говорил один из кадетов, – поставить мельничное колесо и урегулировать движение воды. Если волны пойдут через плотину, прорвут и разобьют ее, то мы теперь, по крайней мере, можем сказать: “Государь, мы их предупредили!”»¹⁹.

С трибуны Первой думы часто делались самые разнообразные запросы царским чиновникам: о незаконных арестах, ссылках, конфискации газет, приговорах, расстрелах, погромах, о голоде. На 39 заседаниях Первой думы было сделано 336 запросов.

Особое негодование вызвало сообщение о печатании в здании Департамента полиции прокламаций, призывающих к погромам революционеров, интеллигенции, нерусских народов. «Погром устроить можно какой угодно, – похвалялся их инициатор

департаментский чиновник Комиссаров, – хотите на 10 человек, хотите и на 10 тысяч»²⁰.

Выступивший с ответом на этот запрос министр внутренних дел Столыпин заявил, что ему неизвестно о печатании таких прокламаций в его министерстве, впрочем, он накажет виновных. На вопрос о Белостокском погроме (26 июня) он обещал дать ответ 10 июля.

Иные чувства вызывала у правительства «верхняя палата» – Государственный совет. Этот высший государственный орган был создан еще в 1810 г.; он состоял из назначенных царем высших чиновников и обсуждал проекты законов. С учреждением Думы изменились функции Государственного совета. Его деятельность приспособили к деятельности Государственной думы: любой проект законов после обсуждения и одобрения в Думе поступал в Совет, который мог его принять или отвергнуть. Теперь лишь половина состава Государственного совета назначалась царем, а другая – избиралась на 9 лет дворянами, земствами (в них тоже преобладали дворяне-помещики), представителями буржуазии и буржуазной интеллигенции. Каждые три года треть членов Совета выбывала по жребию. Синод назначал в Государственный совет 6 представителей от православного духовенства. В «обновленный» Государственный совет не попало ни одного рабочего, ни одного крестьянина.

Еще с конца 70-х годов Государственный совет обосновался в хмуром и неприветливом Мариинском дворце, расположенном в глубине Исаакиевской площади²¹. Ковры и толстые портьеры не пропускали в него городского шума. Среди мраморных колонн под огромными хрустальными люстрами зала общего собрания, в мягких обитых бархатом креслах восседали упитанные господа в блестящих мундирах; они слушали для порядка монотонные доклады, выступали в прениях с мест, почтительно называя друг друга «ваше высокопревосходительство», почти никогда не спорили, а часто откровенно дремали или отсиживались в буфете.

Первая революция мало что изменила в этом собрании. Мундиры немного потеснились, чтобы пустить в свою среду несколько десятков сюртуков и фраков, обладатели которых были тоже людьми состоятельными и солидными: крупными помещиками, владельцами фабрик и заводов, маститыми профессорами.

Даже из 98 выборных членов Государственного совета 74 являлись помещиками. Все это дало основание Ленину написать впоследствии: «Государственный совет – вовсе не случайное политическое учреждение, а орган *класса*... Класс этот – крупные помещики»²².

В Государственном совете верховодили правые и черносотенцы; они требовали разгона и ликвидации Государственной думы, отрицали крестьянские указы о передаче им помещичьих земель, выступали против буржуазных свобод, выдвигали гнусные клеветнические обвинения против революционеров.

Первый из двух принятых Государственной думой законопроектов – об отмене смертной казни – встретил в Государственном совете весьма холодный прием. После прений 27 июня его сдали на «рассмотрение» в специальную комиссию, т. е. фактически похоронили.

В то время как обе «палаты» российского парламента, обитатели Таврического и Мариинского дворцов, столь по-разному реагировали на жгучие вопросы революции, в тиши правительственных кабинетов подготавливался роспуск Государственной думы.

Пообещав ответить на думский запрос о Белостокском погроме 10 июля, Столыпин прекрасно знал, что никакого ответа давать не придется. 7 июля Николай II подписал указ о роспуске Думы, датировав его 8 июля.

На пост председателя Совета министров Николай II назначил министра внутренних дел П.А. Столыпина. Касаясь биографии этого государственного деятеля, В.И. Ленин отмечал, что она является биографией господствующего класса – помещиков. «Помещик и предводитель дворянства становится губернатором в 1902 г., при Плеве, – “прославляет” себя в глазах царя и его черносотенной камарильи зверской расправой над крестьянами, истязаниями их (в Саратовской губернии), – организует черносотенные шайки и погромы в 1905 г. (Балашевский погром), – становится министром внутренних дел в 1906 г. и председателем Совета министров со времени разгона первой Государственной думы»²³.

9 июля в утренних воскресных газетах появился указ о роспуске Государственной думы и назначении выборов нового состава Думы, которая должна быть созвана 20 февраля 1907 г. Ликованию царя не было предела. «Свершилось! – с торжеством отмечал он в дневнике за 9 июля. – Дума сегодня закрыта. За завтраком после обедни заметны были у многих вытянувшиеся лица. Днем составлялся и переписывался манифест на завтра. Подписывал его около 6 час. Погода была отличная»²⁴.

В манифесте царь выражал свое разочарование Думой: «Ожидания нашим ниспослано тяжкое испытание. Выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область». Имелось в виду вмешательство в дело управления (запросы), критика существующих законов (аграрные проекты, проекты законов об отмене

смертной казни, гражданских правах) и пр. Конец манифеста содержал неприкрытые угрозы: «Мы не допустим никакого беззакония и всею силою государственной машины приведем ослушников к подчинению нашей царской воле»²⁵.

Члены Государственной думы узнали о ее роспуске лишь из газет 9 июля. Многие из них направились сразу же к Таврическому дворцу, но нашли ворота запертыми, охраняемыми войсками и полицией; около здания бродили личности в штатском – шпики. На фонарном столбе перед воротами белел текст царского указа.

В находившемся поблизости клубе кадетской партии было принято решение: несогласные с роспуском члены Думы должны группами добираться до Выборга, находившегося на территории Финляндии²⁶, в трех часах езды по железной дороге.

Небольшой полусонный губернский город Выборг, со старинной крепостью, чистыми пустынными улочками, островерхими кирпичными домами, еще никогда не видел такого притока приезжих, внезапно нахлынувших из столицы.

В единственной гостинице города – «Бельведер», в маленьком зале, тесно заставленном собранными со всего здания стульями, вечером того же дня собралось 220–230 членов Думы и несколько десятков журналистов и просто любопытствующих.

Муромцев поднялся из-за стола президиума и объявил: «Заседание Государственной думы продолжается». Пока выступали с горячими речами ораторы – кадеты, трудовики, меньшевики, по рядам ходил текст написанного карандашом воззвания «Народу от народных представителей». За полночь утомившиеся члены Думы решили прервать заседание до утра. Маленькая гостиница не смогла вместить всех, и некоторым, менее расторопным, российским парламентариям пришлось спать на узких жестких скамейках бульвара.

Невыспавшиеся, помятые собрались депутаты вновь в гостиничном зале. Доработали и приняли воззвание, призывавшее население «стоять» за Государственную думу и «до созыва народного представительства» (т. е. нового состава Думы) не давать «ни копейки в казну, ни единого солдата в армию» и не признавать займов государства. Воззвание подписали 232 члена Думы. Оно появилось в финских газетах и было передано за границу.

Перепуганный выборгский губернатор предупредил собравшихся, что если они не уберутся из города добром, то он будет вынужден «принять меры».

Утром 11 июля думцы стали разъезжаться. На Финляндском вокзале их встречали жандармы и полицейские. Вскоре начались репрессии против участников выборгского заседания Го-

сударственной думы: профессоров, адвокатов (присяжных поверенных) и земских деятелей изгоняли со службы, дворян – из «дворянских обществ», священников лишали сана; многие участники выборгского заседания были арестованы.

Выборгское воззвание не привело к каким-либо действиям в стране. Кадетское руководство Думы скомпрометировало себя в глазах народных масс заискиванием перед царским правительством, и воззвание было встречено равнодушно.

В условиях спада революции в начале 1907 г. правительство провело выборы во Вторую думу. «Для правительства, – писал впоследствии Ленин, – созыв Думы был вынужденной необходимостью. Надо было попытаться еще раз, при наивысших возможных репрессиях, созвать народное представительство ради соглашения с буржуазией. Опыт явно не удался. Военно-полевые суды и все прочие прелести столыпинской конституции чрезвычайно помогли революционной агитации в незатронутых доколе массах и дали из глубины мужицких масс левую Думу»²⁷.

Действительно, Вторая дума оказалась даже левее Первой. Из 518 ее членов правые составляли 54 человека. Кадеты потеряли почти половину мест, зато значительно окрепли левые фракции: увеличилась трудовая фракция, появились эсеры, народные социалисты²⁸, число членов социал-демократической фракции возросло до 65 (в выборах и деятельности Думы приняли участие большевики).

Открытие заседаний Второй думы 20 февраля 1907 г. прошло буднично, без всяких торжеств. По поручению царя старенький вице-председатель Государственного совета И.Я. Голубев тихим голосом зачитал в начале первого заседания Думы царский указ о ее открытии и сухо поприветствовал собравшихся.

Бессарабский помещик-монархист Крупенский закричал: «Да здравствует государь император!» Но его поддержали лишь несколько правых членов²⁹.

Дума приступила к избранию президиума. Всех кандидатов согласовали еще накануне созыва Думы на совещании руководителей фракций, состоявшемся на квартире члена кадетской партии князя Долгорукова.

Председателем Думы был избран Ф.А. Головин – председатель Московской земской управы. Как и Муромцев, он был видным деятелем кадетской партии, осторожным и умеренным руководителем думских прений. При открытии Думы Ф.А. Головин заявил, что оправдает оказанное ему доверие и будет «проводить в жизнь конституционные начала в единении с монархом»³⁰. Пост секретаря Думы занял тоже кадет – крупный московский фабрикант М.В. Челноков.

На пятом заседании Думы (6 марта) выступил председатель Совета министров П.А. Столыпин, который «подготовил себя к министерской должности именно так, как только и могли готовиться царские губернаторы: истязанием крестьян, устройством погромов, умением прикрывать эту азиатскую “практику” – лоском и фразой, позой и жестами, подделанными под “европейские”»³¹. Он громким голосом зачитывал правительственную декларацию, призывал Думу «хранить исторические заветы России», т. е. самодержавие. «Государственной думе, – поучал он заставший в молчании зал, – не дано права выражать правительству неодобрения, порицания или недоверия». Обращаясь к левым фракциям Думы, он бросил: «Не запугаете!»³²

Несмотря на меньшее число мест, кадеты сохранили руководство и во Второй думе. И здесь их поддерживали автономисты, а нередко и мелкобуржуазные фракции (трудовики, народные социалисты, эсеры).

Основным вопросом Думы оставался аграрный (он обсуждался на 10 заседаниях, и по нему выступил 81 оратор), каждая фракция представила свой проект решения. Дума рассматривала и другие вопросы: о продовольственном бюджете на 1907 г., о призыве новобранцев, об отмене военно-полевых судов и др. В процессе их обсуждения кадеты проявляли еще большую уступчивость, призывали «беречь Думу», не давать правительству повода для ее роспуска. Кадеты внесли в свой аграрный проект ряд поправок, сделав его еще более умеренным, сняли с обсуждения вопросы о смертной казни и безработице, похоронили внесенный социал-демократической фракцией проект продовольственной помощи, сняли внесенный трудовиками проект закона о политической амнистии, добились одобрения царского бюджета.

Мелкобуржуазные фракции вели себя вяло и нерешительно, часто блокировались с кадетами в решении ряда вопросов: на их поведении отражалась общая усталость мелкой буржуазии от революции³³.

В социал-демократической фракции преобладали меньшевики³⁴, и она проявляла нерешительность, допускала ошибки. Большевики отвергли написанный В.И. Лениным политически острый проект воззвания «По поводу декларации Столыпина» и добились принятия своей примиренческой декларации, резко осужденной большевиками на V съезде партии.

По вопросу о земле социал-демократическая фракция заняла меньшевистскую позицию «муниципализации» земли (т. е. передачи частновладельческих – помещичьих и других – земель в руки буржуазно-помещичьих органов самоуправления). Поиному ставили этот вопрос большевики. В прениях по аграрному

вопросу 5 апреля Г.А. Алексинский использовал (к сожалению, недостаточно) написанный В.И. Лениным «Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе»³⁵, где просто и понятно излагались основные положения аграрной программы большевиков: конфискация помещичьих, церковных, монастырских, удельных и кабинетских земель и их национализация; все это могло быть проведено лишь с уничтожением самодержавия и установлением демократической республики.

Вопреки закону о Государственной думе, одна из статей которого предупреждала членов, что они «не обязаны отчетами перед своими избирателями», депутаты рабочих, особенно большевики (пермский рабочий В.А. Чашин, иваново-вознесенский рабочий Н.А. Жиделев, сормовский рабочий И.Р. Романов, саратовский учитель В.М. Серов и др.), поддерживали постоянную связь с народом: вели переписку с избирателями, принимали их наказания, устраивали встречи и т. п.³⁶

Социал-демократическая фракция более всех докучала царским министрам запросами: о нарушении депутатской неприкосновенности, карательных экспедициях, тюремных жестокостях, погромах и другими. Несмотря на противодействие кадетского руководства, во Второй думе было внесено 38 запросов.

Председатель Думы кадет Головин во время прений четыре раза лишал социал-демократов слова, 78 раз делал замечания и прерывал выступления ораторов этой фракции.

Социал-демократическая фракция была особенно ненавистна правительству, и оно пыталось уже до мая возбудить против ее членов несколько уголовных дел, но наталкивалось на сопротивление думского большинства.

Особое беспокойство правительства вызывала активная связь с массами большевиков – членов Думы. Департамент полиции разослал начальникам районных охранных отделений 4 апреля 1907 г. секретный циркуляр, в котором предлагал «обратить особое внимание» на деятельность именно большевистских членов Думы, потому что «меньшевистские группы по настроениям их в настоящий момент не представляют столь серьезной опасности, как большевики»³⁷.

Вся деятельность Думы была опутана сетью шпионажа. Департамент полиции выделил для надзора за Второй думой 62 агента, распределив их по различным помещениям Таврического дворца (для наблюдения за комнатами заседаний левых фракций – 4 агента, помещениями для публики – 8, буфетом – 3, стенографистками – 4, главным подъездом – 9, кулуарами – 4 агента и т. д.)³⁸.

Трусость кадетского руководства Думы, вялость их мелкобуржуазных фракций воодушевила правых, которые, несмотря на малочисленность, повели себя нагло. Член Думы бессарабский помещик-черносотенец В. Пуришкевич предложил Думе почтить вставанием городских, убитых в Москве во время уличных столкновений с революционерами. Удаляясь по требованию большинства с заседания Думы, он нахально улыбался.

На другом заседании правый член Думы киевский журналист Шульгин язвительно осведомился, обращаясь к левым депутатам: «А нет ли, господа, у кого-нибудь из вас бомбы в кармане?»³⁹

Реакционные черносотенные газеты вели систематическую травлю Думы. Газета «Московские ведомости» с 24 марта 1907 г. выходила с ежедневным большим черным аншлагом: «А прежде всего Дума должна быть распущена»⁴⁰.

Правительство подыскивало повод для разгона Второй думы. Уже в первые дни ее деятельности Столыпин в интервью корреспонденту парижской газеты откровенно заявил, что Дума будет распущена, если станет придерживаться «несбыточных иллюзий».

В письме к матери 27 марта Николай II писал: «Отовсюду мне посылают телеграммы и адреса с просьбой распустить ее. Но это еще рано, нужно дать ей договориться до глупости и до гадости и тогда – хлопнуть». Особенно беспокоили царя «крайние речи по аграрному вопросу, рассылаемые по всей России, а также письма от имени депутатов, представляющие серьезную опасность для спокойствия деревни». Вызывало тревогу царя и то, что отдельные члены Думы вступили «в прямые сношения с рабочими»⁴¹.

Практически подготовка нового, более реакционного избирательного закона началась накануне созыва Думы, когда стали известны результаты выборов, и продолжалась всю зиму и весну 1907 г. Каждую неделю Совет министров проводил по одному секретному заседанию, на котором тщательно обсуждались детали нового избирательного закона. Проект закона подготовила группа чиновников Министерства внутренних дел во главе с С.Е. Крыжановским, которого не без основания называли «головой» Столыпина.

На заседании один из министров, познакомившись с проектом закона, воскликнул: «Помилуйте, но это совсем бесстыжий проект!» Во время очередного доклада в Петергофе Столыпин рассказал об этом эпизоде царю, что вызвало веселое и благодушное настроение Николая II. «Я – за бесстыжий», – заявил он своему премьеру.

Поводом для разгона Второй думы послужила инсценировка раскрытия военного заговора, якобы подготовленного социал-демократической фракцией Думы с целью «ниспровержения государственного строя». Состряпать это грязное дело Столыпин поручил Департаменту полиции. Тайный агент Е. Шорникова (охранная кличка Казанская) спровоцировала группу солдат подать социал-демократической фракции Думы подготовленный ею текст «наказа». Один экземпляр этого «наказа» она передала солдатам, а машинописную копию с него – в Департамент полиции.

И вот вечером 5 мая 1907 г. на квартиру члена социал-демократической фракции И.П. Озоля, где собиралась фракция, явилось семеро переодетых в гражданскую одежду солдат. Как всегда, в помещении былолюдно: здесь находились члены фракции, делегат V съезда партии самарский большевик А.А. Богданов, представители рабочих, корреспонденты... Набралось более 60 человек.

Через несколько минут после ухода солдат в помещение ворвались городовые и иные чины полиции. Несмотря на протесты членов Думы, начался обыск, продолжавшийся весь вечер и всю ночь. Тщательно искали пресловутый «наказ» как главную улику для обвинения. Прибывшие члены следствия и прокуратуры вынуждены были, так ничего и не обнаружив, окончить обыск и освободить всех задержанных. Хотя 7 мая Дума и осудила этот полицейский налет, 8 мая обыск помещения фракции повторился, но опять безрезультатно – «наказа» не нашли. Три недели Столыпин, Департамент полиции, петербургская охранка и прокуратура стряпали «дело», для чего воспользовались копией «наказа», переданного Шорниковой в Департамент полиции, а также письмами и приветствиями во фракцию рабочих и крестьян, Программой и Уставом РСДРП, изъятыми при обысках.

30 мая Столыпин доложил царю, что «все готово к предъявлению Государственной думе в пятницу требования об устранении из своей среды 55 членов и к роспуску Думы в случае ее отказа в этом». Предполагалось, что сразу же будет арестовано 15 членов фракции.

В пятницу, 1 июня, перед открытием заседания к председателю Думы Головину явился чиновник с запиской от Столыпина, который настаивал на проведении закрытого заседания, так как ему необходимо «сделать Государственной думе заявление, не терпящее отлагательства»⁴². Едва из зала заседания были удалены журналисты и публика, как на трибуне появился Столыпин. Громким голосом, в котором звучало злорадное торжество, он предоставил слово прокурору Петербургской судебной пала-

ты П. Камышанскому. Прокурор предъявил 55 членам социал-демократической фракции обвинение в подготовке заговора, направленного к «ниспровержению государственного строя».

Под предлогом того, что вопрос этот «внеочередной» и «не стоял в повестке дня», Головин не допустил прений.

На следующий день в газетах появилось пространное заявление правительства о «заговоре»⁴³.

Кадетское руководство Думы всячески тормозило обсуждение дела. Для проверки обоснованности обвинения социал-демократической фракции была создана комиссия Думы из 22 членов во главе с кадетом А.А. Кизеветтером. Комиссия не торопилась, и ее председатель заявил, что, «по всей вероятности», комиссия закончит это дело только к понедельнику, т. е. к 4 июня.

Даже 2 июня под нажимом кадетского председателя Дума продолжала обсуждать второстепенный вопрос о реформе местного суда. Неоднократные предложения социал-демократов и трудовиков выступить, наконец, по волновавшему их вопросу о правительственном заговоре против Думы с разоблачением полицейской провокации отвергались под предлогом того, что делать это «нерационально», так как даст повод правительству разогнать Думу⁴⁴.

Между тем телеграф разносил по всей стране шифрованную телеграмму Столыпина генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам, предупреждавшую их, что «Государственная дума будет распущена 3 июня», и предлагал «принять все меры к поддержанию порядка»⁴⁵.

53-е заседание Второй думы 2 июня кончилось в 6 часов вечера.

Часть наиболее осторожных членов социал-демократической фракции предпочла ночевать у знакомых. Тех, кто явился домой, встретили полицейские засады. Начались аресты.

3 июня правительство обнародовало манифест и указ о роспуске Второй думы и назначило выборы в Третью думу. Одновременно был издан новый избирательный закон.

Первая дума действовала 72 дня, Вторая – недолго пережила ее: она работала всего 102 дня.

Разгром Второй думы и издание нового избирательного закона фактически означали государственный переворот, так как по «Основным законам Российской империи» этот закон мог быть принят только Думой⁴⁶.

Новый закон свел избирательные права широких народных масс населения до минимума: на $\frac{1}{3}$ возросло число выборщиков от помещиков, более чем наполовину уменьшилось число выборщиков от крестьян, сократили избирательные права

мелкой городской буржуазии (ремесленников, лавочников) и сильно урезали представительство в Думе национальных окраин (по Польше и Кавказу в $2\frac{1}{5}$, а по Сибири в $1\frac{1}{2}$ раза; население же Средней Азии вообще было лишено права избирать членов Думы).

Помещики и буржуазия обеспечили себе по закону 3 июня более $\frac{3}{4}$ всех выборщиков⁴⁷.

«Правительство хотело опереться на помещиков и верхи буржуазии; на этом, как известно, построен весь закон 3-го июня 1907 г.»⁴⁸, – писал В.И. Ленин.

Выборы в Третью думу проходили в сентябре–октябре 1907 г. в условиях жесточайшего террора и репрессий: по всей стране свирепствовали карательные отряды, действовали военные суды, тюрьмы были переполнены; к каждому шедшему на восток железнодорожному составу был прицеплен вагон с зарешеченными окнами – для ссыльных.

Особенно урезали избирательные права рабочих. Во всей России выделили только шесть наиболее промышленных губерний (Петербургскую, Московскую, Костромскую, Владимирскую, Харьковскую и Екатеринославскую), рабочие которых имели право избирать своих депутатов в Думу.

Печатание бюллетеней и агитационных листов стоило огромных усилий; устная агитация была почти невозможна. Охранные отделения посылали своих агентов на предвыборные собрания рабочих и крестьян. Так, в Перми на одном из собраний выборщиков члены президиума обнаружили под столом, накрытым скатертью, сыщика, забравшегося туда, чтобы подслушивать, о чем они будут говорить⁴⁹.

Местные власти грубо попирали даже те незначительные права, которые предоставлял рабочим царский избирательный закон. В одном из крупнейших пролетарских центров страны – Иваново-Вознесенске 8 сентября рабочие избрали уполномоченных, почти все они были большевиками или сочувствующими им. В октябре 165 уполномоченных от рабочих всей губернии собрались в г. Владимир для избрания шести выборщиков. Но когда эти уполномоченные захотели устроить предвыборное собрание, то губернатор наотрез им отказал.

– Зачем вам собрание? – заявил он пришедшим к нему представителям рабочих. – Вы, наверное, все социал-демократы и, конечно, будете вести преступную агитацию? Нет, разрешить вам собрания я не могу.

– Но как быть, господин губернатор? – не унимались рабочие. – Нужно же нам ознакомиться друг с другом. Надо наметить кандидатов, чтобы знать, за кого голосовать.

– Это меня не касается. Как хотите, так и голосуйте, а решить собрания не могу. Идите к полицеймейстеру – как он захочет, так и будет...

Стуча кулаком, владимирский полицеймейстер грубо зарорал на представителей рабочих: «Никаких законов не желаю знать... Я закон. Никаких собраний не разрешаю, и боже вас сохрани собраться тайно. Вы будете арестованы и жестоко поплатитесь, если нарушите мой запрет»⁵⁰.

Пришлось рабочим-уполномоченным устраивать предвыборное собрание нелегально в кустарнике, в окрестностях Владимира, под осенним дождем и пронизывающим ветром. Рабочие наметили кандидатов в выборщики – все шестеро были большевики.

Свои избирательные собрания помещики и буржуазия проводили в иных условиях: они снимали лучшие здания – «благородных собраний», купеческих клубов, театров, ресторанов – и здесь в спокойной обстановке обсуждали своих кандидатов.

На общем собрании всех 89 выборщиков Владимирской губернии рабочие-выборщики выдвинули от Владимирской губернии в Государственную думу рабочего-текстильщика большевика С.А. Воронина. Остальные члены Думы от этой губернии являлись представителями господствующих классов: протоиерей, настоятель Юрьевского собора А. Знаменский, местные помещики Л. Зубков и К. Черносвитов, городской голова и фабрикант Л. Павлов; от крестьян в Думу попал кулак Бурлаков. Ясно, чьи интересы могли защищать в Думе эти лица. Описанная картина типична для выборов по всей России.

На выборах в Третью думу большевики провели своих депутатов от крупнейших пролетарских центров. Петербургские рабочие послали в Думу большевика-путиловца Н.Г. Полетаева, московские – павлово-посадского рабочего большевика М.В. Захарова, владимирские – большевика С.А. Воронина, костромские – рабочего-текстильщика большевика П.И. Суркова и т. д.

Меньшевистские депутаты прошли в Думу главным образом от так называемого второго городского съезда (мелкой буржуазии) непролетарских губерний: Тифлисской, Кутаисской, Забайкальской.

После четырехмесячного затишья Таврический дворец ожил. 1 ноября 1907 г. собралась Государственная дума третьего созыва.

Избирательный закон 3 июня 1907 г. и столыпинская реакция обеспечили откровенно реакционный состав Третьей Государственной думы. Из общего числа 442 членов Третьей думы правые и националисты разных оттенков составляли 147, октябристы – 154.

Лидерами правых в Третьей думе были бессарабский помещик и вождь черносотенных организаций России В. Пуришкевич, херсонский и курский помещик граф В. Дорер, курский помещик Н. Марков (Второй), архиепископы Евлогий и Митрофан⁵¹.

Во главе октябристов стояли московский капиталист А.И. Гучков, екатеринославские помещики М.В. Родзянко и Я.Г. Гололобов, таврический помещик В.Э. Фальцфейн и другие. Кадеты и примыкавшие к ним фракции прогрессистов и национальной буржуазии окраин имели 108 членов. Их признанным лидером был известный историк, председатель ЦК партии кадетов П.Н. Милюков.

Рабочих и крестьян в Третьей думе представляли самые небольшие фракции: социал-демократическая (19 членов) и трудовая (14 членов).

В том же Екатерининском зале Таврического дворца после торжественной церковной службы 1 ноября 1907 г. собрались члены Третьей думы.

Чувствуя себя хозяевами положения, правые черносотенные помещики с громкими титулами и фамилиями, поддержанные «батюшками с гвоздиками»⁵² и темными волынскими крестьянами, громко потребовали исполнения царского гимна, который трижды прозвучал под сводами зала.

Все тот же вице-председатель Государственного совета И.Я. Голубев открыл заседание Думы. Он призвал Думу от имени царя на «предстоящие труды... для утверждения в дорогом отечестве порядка и спокойствия, для развития просвещения и благосостояния населения, для укрепления обновленного государственного строя и для увеличения нераздельного государства России»⁵³. Царский чиновник призывал Думу укреплять самодержавие, помещичье-буржуазное государство, режим столыпинской реакции. Думское большинство на этот раз поддержало бессарабского помещика Крупенского, провозгласившего здравицу Николаю II.

Председателем Думы был избран богатый смоленский помещик-октябрист Н.А. Хомяков. В президиум вошли в основном октябристы. Они сделали все возможное, чтобы не допустить представителей левых партий в состав комиссий и других органов Думы. Выступивший на втором заседании курский помещик-черносотенец Марков (Второй) потребовал, чтобы «антигосударственные элементы» были «устранены от верхов до низу в Государственной думе, до последнего швейцара, до последнего истопника...».

На почве общего стремления сохранить самодержавие, помещичье землевладение, господство дворян в системе управления

и проводить репрессии против рабочих и крестьян в Третьей думе сложился блок черносотенцев и октябристов, составлявших $\frac{2}{3}$ Думы. Однако наряду с общими интересами между черносотенными помещиками и октябристами (крупные капиталисты, обуржуазившиеся помещики) существовали и некоторые противоречия. Октябристы признавали манифест 17 октября (отсюда название партии «Союз 17 октября»), настаивали на расширении прав земского и городского «самоуправления»; черносотенцы были против этого. Поэтому в ряде вопросов октябристы искали союза с сильно поправевшими кадетами. Так сложился второй октябристско-кадетский блок, составлявший немногим менее $\frac{3}{5}$ членов Думы.

Наличие этих блоков определило и характер Третьей думы, выражавшей, по словам В.И. Ленина, «общенациональный союз политических *организаций* помещиков и крупной буржуазии»⁵⁴.

Опираясь на третьедумские политические блоки, правительство Столыпина укрепляло позиции самодержавия, осуществляло в интересах господствующих классов внутреннюю и внешнюю политику.

16 ноября 1907 г. с правительственной декларацией в Думе выступил П.А. Столыпин. Под бурные аплодисменты и крики «Браво!» правых и кадетского центра он заявил о том, что «разрушительное движение, созданное крайними левыми партиями», необходимо подавлять силой. «По пути искоренения преступных выступлений шло правительство до настоящего времени, – отметил царский премьер, – этим путем пойдет оно и впредь»⁵⁵. Столыпин призвал реакционную Думу сотрудничать с правительством в деле проведения важнейших реформ, и «прежде всего аграрной» реформы. «Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками – бунт погашается силой, а признание неприкосновенности частной собственности и, как следствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности... реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования – вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы»⁵⁶.

С замиранием и восторгом внимали помещики энергичной речи царского первого министра, произносимой громким металлическим голосом. И казалось им, что крестьянские захваты помещичьих земель, почные пожары помещичьих имений времен революции ушли бесповоротно и навсегда, а они и их потомки будут вечно владеть огромными «родовыми» имениями, землями, лесами...

Опираясь на различные конституционными и парламентскими оборотами, вроде «правовой уклад», «законодательные учрежде-

ния» и пр., Столыпин заверил черносотенно-октябристское большинство Думы, что «историческая самодержавная власть и свободная воля монарха является драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта власть и эта воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана, в минуты потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды». Бурными рукоплесканиями, криками «Браво!» встретили правые и центр заявление Столыпина о неизбежности самодержавия. Выступив сразу после Столыпина, А.И. Гучков от имени фракции октябристов и фракции умеренно правых предложил формулу перехода к очередным делам с одобрением декларации правительства.

Вскоре после начала заседаний Третьей думы царское правительство провело судебные процессы над социал-демократической фракцией Второй думы и членами Первой думы, подписавшими выборгское воззвание.

Социал-демократическую фракцию Второй Государственной думы судили на двух процессах в Особом присутствии Сената⁵⁷ – 22 ноября – 1 декабря 1907 г. и 23–26 октября 1908 г. На основании царских законов, подтасовки и фальсификации фактов и документов судьи обвинили 10 членов социал-демократов в подготовке «ниспровержения государственного строя», они получили по 5 лет каторги каждый и последующую пожизненную ссылку, еще 10 – по 4 года каторги и ссылки и 11 были осуждены к ссылке⁵⁸.

Совсем по-иному отнеслось царское правительство к либеральным «выборжцам». 169 членов Первой думы, подписавших выборгское воззвание, судила Петербургская судебная палата 12–18 декабря 1907 г. Внешне обстановка «сурового» суда была соблюдена: «выборжцам» предъявили обвинение по двум статьям «Уголовного уложения»: ст. 51 («подстрекательство») и ст. 129, п. 3, ч. 1 («возбуждение к неповиновению и противодействию законам»). Но все это являлось только ширмой. Правительство не придавало большого значения этому процессу и ставило задачу лишь поугубить и без того напуганных несколькими месяцами предварительного заключения либеральных думских парламентариев.

Подсудимые стремились обелить свои действия; их пытались оправдать 26 лучших адвокатов. Муромцев доказывал «законность» действий Первой думы. Тверской земец, член ЦК кадетской партии И. Петрункевич, произнесший на первом заседании Думы горячую речь в защиту политической амнистии, теперь перед судьейским столом уныло оправдывался, заявляя,

что составление воззвания было продиктовано желанием предупредить «новую смуту, новые беспорядки и, может быть, пролитие крови...». «Уговора распространять воззвание у нас не было», – твердил он, с надеждой поглядывая на бесстрашные лица судей.

Перетрусившим «выборжцам» царское правительство вынесло мягкий приговор: все они (кроме двух оправданных) осуждались на трехмесячное тюремное заключение. Многие из них пробыли гораздо дольше в предварительном заключении и поэтому сразу же из зала суда поехали домой.

Кровно заинтересованный в жестокой расправе с представителями рабочего класса в думе – социал-демократической фракцией, Столыпин не желал ссориться с крупнейшей буржуазной партией – кадетской, думские члены которой были инициаторами выборгского заседания и воззвания.

Попеременно опираясь на сложившиеся в Третьей думе политические блоки, Столыпин балансировал, укреплял позиции самодержавия, осуществлял в интересах помещиков и буржуазии реакционную внутреннюю и внешнюю политику. Особенно ратовали за контакты со Столыпиным октябристы, которых современники называли «партией последнего правительственного распоряжения».

Реакционный состав Третьей думы обеспечил ее «работоспособность» и тесное сотрудничество с царским представительством. Она действовала пять лет (с 1 ноября 1907 по 9 июня 1912 г.), собираясь на ежегодные сессии примерно одинаковой длительности (7–8 месяцев). В процессе деятельности Думы возникло более 30 комиссий, изменялся и президиум: ушедшего в отставку Н.А. Хомякова в марте 1910 г. сменил А.И. Гучков, а с марта 1911 г. и до конца деятельности Третьей думы ее председателем был М.В. Родзянко.

Третья дума одобрила и утвердила многочисленные законопроекты царского правительства. На 611 заседаниях Третья дума рассмотрела 2570 законов, из которых утвердила 2200, направленных на усиление администрации, полиции, жандармерии, предусматривающих увеличение ассигнований на строительство тюрем и т. д.⁵⁹ Дума ассигновала 10 декабря 1 млн руб. «на вспомоществование жертвам революции», т. е. для вознаграждения жандармов и полицейских карателей и вешателей и других палачей народных масс. Предложение, выдвинутое графом А. Бобринским от имени 177 членов черносотенно-октябристского блока, встретило поддержку большинства Думы. «Стреляйте в упор», – грубо посоветовал на будущее жандармам и полицейским черносотенец Марков (Второй). Гучков назвал

палачей революции «истинными героями». Не возражали против проекта и кадеты.

Этот «законодательный почин» Думы «с чувством глубочайшего удовлетворения» приветствовал товарищ министра внутренних дел (Столыпина) А. Макаров. «Министерство, – сказал он, – видит в этом почине, прежде всего, авторитетное осуждение революции. (Возгласы: “Браво!”, рукоплескания справа и центра.) Этого осуждения мы добивались давно... Слава богу, милостивые государи, кровавый туман рассеивается, и сквозь него я вижу, что уже блесит светлый луч – великодушное предложение, которое мы сегодня обсуждаем»⁶⁰.

Лишь социал-демократическая фракция выступила против этого законопроекта.

Дума одобрила и все аграрные мероприятия Столыпина, направленные на «землеустройство», образование значительного слоя кулаков, переселенческую политику, расширение деятельности Крестьянского банка, внешнюю политику царизма по укреплению Антанты и подготовке к войне.

Ежегодно Дума утверждала бюджеты государства, в том числе военные (с 1907 по 1912 г. военный бюджет России увеличился на 51%).

Малочисленной группе представителей рабочих и крестьян было тяжело выступать в этой черносотенной Думе.

Социал-демократическая фракция использовала думскую трибуну для разоблачения антинародной политики царизма и господствующих классов, для выдвижения политических требований социал-демократии. В предлагаемых большевиками-думцами формулах «перехода к очередным делам» давалось правильное отношение большевиков к внутренней политике царизма, аграрному и национальному вопросу, рабочему законодательству, царскому бюджету и многим другим вопросам. В качестве примера такого выступления можно привести формулу перехода к очередным делам, внесенную депутатом-большевиком Н.Г. Полетаевым от имени социал-демократической фракции по правительственному заявлению в Третьей думе Столыпина. «Господа члены Государственной думы. За краткостью времени, – сказал Полетаев, – я ограничусь только предложением от имени социал-демократической группы следующего перехода к очередным делам: “Выслушав декларацию правительства и констатируя, что правительство по-прежнему ведет политику исключительно в защиту интересов крепостников-помещиков и хищнических слоев буржуазии, фактически восстанавливая самодержавие и безграниченность, усиливая административно-полицейский произвол, подрывая основы материального и культурного существования страны, жесто-

ченно борясь против жизненно необходимых требований рабочего класса и широких масс малоземельного крестьянства, и продолжает истребительную войну с освободительным движением народа, Государственная дума переходит к очередным делам»⁶¹.

Одной из форм работы Думы по-прежнему были думские запросы о произволе в отдельных звеньях государственного аппарата России; 45% их исходило от социал-демократической фракции⁶². Правда, реакционное большинство Думы объявляло их «несрочными» и хоронило в различных комиссиях⁶³. На срочные запросы отвечали министры и другие чиновники царского правительства.

Всю страну всколыхнули события весны 1912 г. на далекой Лене. На золотых приисках «Ленского золотопромышленного товарищества» («Лензото»), акционерами которого являлись крупные русские и иностранные капиталисты, царская родня (мать, великие князья) и министры, вспыхнула руководимая большевиками забастовка, вызванная нещадной эксплуатацией и крайне тяжелыми условиями труда и жизни.

Отклонив весьма умеренные требования забастовавших рабочих, «Лензото» вместе с царскими властями решило расправиться с бастующими. 4 апреля 1912 г. по приказу жандармского ротмистра Трещенкова мирное рабочее шествие на Надеждинский прииск было расстреляно войсками⁶⁴; убито 270 рабочих и ранено 259.

Ленский расстрел, явившийся, по выражению Ленина, «точнейшим отражением *всего* режима 3-июньской монархии»⁶⁵, всколыхнул всю страну, послужил сигналом к массовым митингам, демонстрациям, забастовкам.

Волна революционного подъема докатилась и до стен Таврического дворца. 9 апреля 1912 г. социал-демократическая фракция Думы внесла запрос правительству о ленских событиях. Вокруг этого запроса развернулись горячие прения. В ответ на предложение Гучкова о необходимости «всестороннего и беспристрастного» расследования выступивший от социал-демократической фракции Г.С. Кузнецов сказал: «Для нас, рабочих, не нужно никакого вашего расследования, для нас причина совершенно ясна: мы знаем, кто является главным виновником массового убийства рабочих на Ленских приисках... рабочих и до 3 июня расстреливали: вспомните 9 января. Они шли с петицией к царю просить о том, чтобы получить от царя ответ и удовлетворение на ходатайство в их нуждах, они получили расстрел (справа шум и голоса: «Царя не касайтесь!»)⁶⁶.

Несмотря на вмешательство председателя Думы октябриста Родзянко, шум и свистки справа, Г.С. Кузнецов окончил свою

речь под рукоплескания слева следующими словами: «Подводя итоги деятельности Государственной думы, рабочий класс должен не на словах, а на деле не только смести Третью Государственную думу, но и весь современный режим»⁶⁷.

После выступления нескольких ораторов разных фракций на запрос отвечал министр внутренних дел А. Макаров. «С войсками не шутят, – заявил он. – Войско руководится в своих действиях исключительно принятой присягой, требованиями своих уставов и железной дисциплиной, сковывающей войско. (Голос справа: “Браво, верно!”) Когда потерявшая рассудок, под влиянием злостных агитаторов, толпа набрасывается на войско, тогда войску ничего другого не остается делать, как стрелять. (Голос справа: “Верно!”) Так было и так будет впредь»⁶⁸. Конец этой последней, ставшей знаменитой фразы Макарова потонул в шуме. Кузнецов крикнул с места: «Пока вы у власти!» «Кровопийцы!» – кричали слева. Справа бурно аплодировали. Маленький злобный Пуришкевич от возбуждения даже пытался взобраться на кресло; огромный широкоплечий Марков (Второй), приподнявшись, свирепо оглядывал кресла левых партий. Председатель Думы Родзянко тщетно пытался своим колокольчиком остановить разбушевавшиеся страсти. Несколько минут в зале стоял невыносимый шум...

Через два месяца после этого бурного заседания, 9 июня 1912 г., Третья дума, ввиду истечения полномочий ее членов, окончила свою деятельность. Созыв новой, Четвертой думы был назначен на 15 ноября.

Вопрос о составе Государственной думы четвертого созыва, выборы в которую будут проходить в условиях нового революционного подъема, беспокоил правительство. Готовиться к выборам царское правительство начало заранее до окончания деятельности Третьей думы. В начале 1912 г. министр внутренних дел А. Макаров разослал специальный циркуляр, предписывающий губернаторам принять экстренные меры для обеспечения избрания лиц, «вполне соответствующих видам правительства». Департамент полиции усилил субсидии черносотенцам. В предвыборную кампанию активно включилось духовенство. Страницы губернских церковных газет «епархиальных ведомостей» были заполнены воззваниями к избирателям. Широко применялись грубые административные и полицейские приемы устранения неугодных избирателей, уполномоченных и выборщиков: аресты, запрещения предвыборных собраний (особенно рабочих), прямые подлоги и подтасовки списков. В Петербурге перед съездом уполномоченных рабочей курии избирательная комиссия признала недействительными выборы уполномоченных почти половины фабрик и

заводов (в том числе Путиловского, Невского судостроительно-го, Семенниковского, Ижорского и других крупных промышленных предприятий). Только мощная забастовка протеста петербургских рабочих вынудила правительство назначить новые выборы уполномоченных. Подделкой стало включение в списки избирателей «мертвых душ» по спискам черносотенцев и правых (в Вологде, Варшаве, Киеве, Одессе и др.).

Во время выборов в Четвертую думу большевики выступали с самостоятельными лозунгами своей программы-минимум: демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация всех помещичьих земель. Меншевики же нередко блокировались на выборах с либералами.

Комбинации правительства принесли известные результаты. Из 442 членов Четвертой думы правительственный лагерь (правые, черносотенцы, националисты, октябристы) получил 283 места. Их лидерами были В. Пуришкевич и Марков (Второй), октябрист М.В. Родзянко, националист В.В. Шульгин.

Фракции либерального лагеря (кадеты, прогрессисты, национальная буржуазия окраин) насчитывали 128 членов; их руководителями были кадеты – историк П.Н. Милюков, земский деятель Ф. Родичев, врач и земский деятель А. Шингарев; лидерами прогрессистов были капиталист А. Коновалов и адвокат В. Маклаков.

Таким образом, и в этой Думе сложилось необходимое правительству большинство, позволяющее создавать видимость парламентарных порядков в России.

Мелкую крестьянскую буржуазию представляла небольшая фракция трудовиков (10 человек), лидером которой был адвокат А. Керенский, примыкавший часто в своих действиях к либералам.

Социал-демократическая фракция Четвертой думы состояла из 14 членов: 6 большевиков и 8 меньшевиков. Большевистскую шестерку представляли 4 металлиста и 2 текстильщика из пролетарских губерний страны: А.Е. Бадаев (Петербургская губ.), Ф.Н. Самойлов (Владимирская), Г.И. Петровский (Екатеринославская), М.К. Муранов (Харьковская), Н.Р. Шагов (Костромская) и Р.М. Малиновский⁶⁹ (Московская).

Меньшевистскую восьмерку избрали мелкобуржуазные городские (вторые) съезды непролетарских губерний⁷⁰. Шесть губерний, избравших большевиков, насчитывали более 1 млн рабочих, 8 губерний, выдвинувших меньшевиков, лишь 214 тыс. рабочих⁷¹.

Первоначально большевики и меньшевики действовали в составе единой социал-демократической фракции, внутри кото-

рой происходила острая борьба. Меньшевики не признавали большевистской программы-минимум и вслед за кадетами выдвигали лозунг «полновластной Думы». В октябре 1913 г. большевики создали самостоятельную социал-демократическую рабочую фракцию.

В день открытия заседания Четвертой думы, 15 ноября 1912 г., в столице Российской империи было неспокойно, проходила однодневная забастовка протеста рабочих против жестокого приговора революционным матросам Черноморского флота⁷². На петербургских улицах, и в особенности в районе Таврического дворца, ходили группами рабочие и студенты. Попытки их организовано, в форме демонстрации, направиться к Таврическому дворцу, чтобы приветствовать своих делегатов, пресекались полицией. В столице шли обыски и аресты.

А в это время в Таврическом дворце проходила традиционная процедура открытия заседаний Государственной думы. После молебна Думу открыл все тот же статс-секретарь Голубев.

Последний председатель Третьей думы октябрист, крупный помещик и камергер Родзянко оказался для царя наиболее подходящей фигурой и на пост председателя Четвертой думы. С точки зрения думского помещичье-буржуазного большинства он имел массу неопределимых достоинств: зычный голос, огромный рост, представительную фигуру, репутацию преданного сторонника самодержавия, умел ладить с министрами и уже в Третьей думе зарекомендовал себя противником левых депутатов – бесцеремонно прерывал их выступления предостережениями и напоминаниями, а нередко и вообще лишал слова.

На заседании 5 декабря 1912 г. с правительственной декларацией выступил председатель Совета министров В.Н. Коковцов. Его политическая программа мало чем отличалась от столыпинской. Он пообещал Думе такие «крупные» преобразования, как расширение земского самоуправления, упрощение паспортной системы, введение более строгого закона о печати, поддержку церковноприходских школ и т. п.

Как и Третья дума, Четвертая обсуждала законопроекты, чаще всего предложенные правительством, рассматривала и утверждала государственные росписи доходов и расходов, обсуждала запросы членов о незаконных действиях властей. В процессе деятельности Четвертой думы было создано 36 постоянных и временных комиссий.

В числе комиссий Четвертой думы существовала и рабочая: в ней заседали московский фабрикант и домовладелец Коновалов, рязанский помещик Миляков, пермский кулак Перевозчиков, инженер Марков (Третий) и другие представители правя-

щих классов. От социал-демократической фракции – Р. Малиновский. Такая «рабочая» комиссия, разумеется, ничего не могла, да и не хотела дать рабочим.

Малочисленная социал-демократическая фракция сделала большинство запросов, связанных с наиболее вопиющими злоупотреблениями царской администрации и суда. Первый запрос последовал 14 декабря 1912 г. и был вызван тем, что царская администрация в столице отказалась регистрировать союз металлистов и некоторые другие профсоюзы, что явилось нарушением закона 2 марта 1906 г. В поддержку этого запроса выступил депутат-большевик А.Е. Бадаев. Большевики Шагов и Самойлов выступили с речами против локаутов на текстильных фабриках.

Залитый светом многочисленных люстр большой зал Таврического дворца был переполнен. В ложе правительства восседали министры, собрались корреспонденты газет. С переполненных хоров, отведенных для публики, на рабочего-депутата Бадаева с любопытством наводили лорнеты жены сановников. Внимательно слушала речь своего депутата небольшая группа рабочих, которым удалось получить входные билеты. На председательском месте тучный Родзянко насторожился, готовясь при случае прервать речь Бадаева. Почти все выступление депутата-большевика сопровождалось непрерывными предупреждениями председателя, шумом и смехом – справа и аплодисментами – слева. После упоминания о расстреле бастующих рабочих Бадаева лишили слова. Запрос же был провален думским реакционным большинством.

Несмотря на тяжелую обстановку, члены Думы – большевики часто выступали с думской трибуны; они разоблачали антинародную сущность самодержавия, вскрывали политику господствующих классов, разъясняли в черносотенно-октябристской Думе программные положения большевистской партии – единственной защитницы народных масс.

Депутаты-большевики внесли в Думу ряд законопроектов: о 8-часовом рабочем дне, социальном страховании рабочих и служащих и др. Тексты некоторых законопроектов (о национальном равноправии, о равноправии национальностей и защите прав национальных меньшинств) были написаны В.И. Лениным. На заседании Думы 4 июня 1913 г. при обсуждении доклада бюджетной комиссии по смете расходов Министерства народного просвещения на 1913 г. снова выступил А.Е. Бадаев; проект его речи «К вопросу о политике Министерства народного просвещения» подготовил В.И. Ленин, Бадаеву не удалось произнести речь полностью. За выражение: «Не заслуживает ли

это правительство того, чтобы народ его выгнал?» – Родзянко лишил Бадаева слова.

В ответ на привлечение одного из членов Думы к суду за его выступление с думской трибуны⁷³ социал-демократы и трудовики предложили 22 апреля 1914 г. отложить обсуждение бюджета до тех пор, пока не будет принят закон о свободе депутатского слова; когда же думское большинство отвергло это предложение, то было решено устроить обструкцию: не дать говорить министру финансов Барку. Неожиданно вместо Барка выступил председатель Совета министров Л. Горемыкин.

«Господа, члены Государственной думы!» – прошамкал Горемыкин, но больше ничего сказать не сумел: в зале слева начался шум, стук топотрами, крик. Попытки Родзянко приостановить обструкцию не удалось, и тогда председатель Думы, извинившись перед Горемыкиным, предложил исключить с 15 предстоящих заседаний принимавших участие в обструкции социал-демократов и трудовиков.

Согласно думским порядкам, каждому члену Думы перед его исключением давалось слово «для объяснения». Часть исключенных депутатов отказалась покинуть зал заседаний. Угодливый Родзянко нашел выход: впервые в истории Государственной думы в зал заседаний был введен воинский отряд. Солдаты выстроились вдоль барьера, а начальник охраны подходил к исключенному и предлагал ему удалиться. И тогда с заявлением «Подчиняюсь насилию!» депутат покидал зал. За этой процедурой наблюдали из министерской ложи члены правительства.

Только после изгнания депутатов обеих социал-демократических фракций и фракции трудовиков Горемыкин смог выступить, и черносотенно-октябристская Дума приступила к обсуждению бюджета⁷⁴.

Петербургские, а вслед за ними и московские рабочие ответили на исключение с заседаний Думы своих депутатов мощной забастовкой протеста.

Первая революция вынудила самодержавие пойти на уступки: созвать подобие парламента в виде Государственной думы и Государственного совета. Но это был парламент самодержавного государства. Несмотря на провозглашенные царскими законами «законодательные права» этих представительных органов, они были, по выражению В.И. Ленина, лишь прикрывающими самодержавие «лжеконституционными формами»⁷⁵. Государственный переворот 3 июня и созыв Третьей думы открыто закрепили «союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии»⁷⁶. Выражая интересы широких народных масс, немногочисленная социал-демо-

кратическая фракция использовала думскую трибуну для разоблачения политики самодержавия, для политического воспитания трудящихся.

Итог деятельности черносотенно-октябристской, «черной» Третьей думы подвела Пражская Всероссийская конференция РСДРП в январе 1912 г. В составленной В.И. Лениным резолюции «О современном моменте и задачах партии» отмечалось, что «широкие массы населения за время пятилетнего существования Третьей думы все более убеждаются в ее нежелании, неспособности и бессилии сделать что-либо для улучшения положения широких масс народа и в антинародном характере главенствующих в ней партий»⁷⁷.

Несмотря на то что в период мировой войны Государственная дума оказалась в руках буржуазии, ее сотрудничество с самодержавием продолжалось, а «критика» правительства с думской трибуны чаще всего была направлена на то, чтобы убедить это правительство вести более гибкую политику, чтобы предотвратить революцию. «Правительство думает, что мы делаем революцию, – говорил на заседании «Прогрессивного блока» в ноябре 1916 г. октябрист Шидловский, – а мы ее предупреждаем»⁷⁸.

Легкий утренний ветерок шелестел бумагами на письменном столе. Из открытого окна кабинета начальника Генерального штаба была видна Дворцовая площадь с редкими прохожими и полицейскими да голубое небо, небо, предвещавшее хороший летний день. Было утро 17 июля (30 июля н. ст.) 1914 г. В кабинете находились трое: полный, представительный, усатый генерал – военный министр В.А. Сухомлинов, сухощавый, подтянутый генерал – начальник Генерального штаба Н.Я. Янушкевич и штатский, невысокого роста, лысоватый, с коротко подстриженными усиками – министр иностранных дел С.Д. Сазонов. Янушкевич взволнованно крутил ручку телефона, Сухомлинов сидел в ожидании в кресле, Сазонов беспокойно вышагивал по комнате. Настроение у всех было тревожное и нервное.

Месяц назад, 15 июня, в г. Сараево на территории Боснии, входившей в состав Австро-Венгрии, сербский националист Гаврило Принцип несколькими выстрелами убил наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену.

К этому времени противоречия империалистических государств и их блоков достигли вершины. Для агрессивного германского империализма «сараевский выстрел» явился хорошим поводом к развязыванию войны за захват новых колоний, источников сырья, за сферы влияния. Подстреканное из Берлина австрийское правительство предъявило Сербии ультиматум с неприемлемыми условиями. 15 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии.

16 июля 1914 г. Николай II утвердил указ о всеобщей мобилизации, но к вечеру того же дня прибывший на Центральный телеграф адъютант военного министра Сухомлинова передал указание последнего задержать телеграмму о всеобщей мобилизации. Николай II неожиданно распорядился начать лишь частичную мобилизацию в четырех военных округах (Киевском,

Одесском, Московском и Казанском), о чем и пришлось оповестить командующих округами к 11 часам вечера.

Изменение решения Николая II было вызвано тем, что в 9 час. 29 мин. вечера он получил телеграмму от германского императора (кайзера) Вильгельма II. Подталкивая Австро-Венгрию на развязывание военного конфликта с Сербией, хитрый Вильгельм II лицемерно разыгрывал в глазах Николая II роль «посредника», желавшего якобы только мирного разрешения конфликта. В телеграмме своему кузену (двоюродному брату) Ники Вилли грозно предупреждал, что «военные приготовления со стороны России... ускорили бы катастрофу» «повредили бы» его «позиции посредника»¹. Германский кайзер и на этот раз провел своего кузена. Ввиду огромной территории и слабой сети железных дорог срок мобилизации России был в два раза большим, чем в Германии. Добиваясь оттяжки всеобщей мобилизации в России, Вильгельм II рассчитывал на ослабление России к началу мировой войны в результате незащищенности ее границ. Перепуганный этим угрозами Николай II заколебался.

И вот утром на следующий день, 17 июля, Янушкевич, Сухомлинов и Сазонов пытались по телефону убедить Николая II не отменять решения о всеобщей мобилизации. Царь отвечал сухо, решительно отклонял их предложения и, наконец, заявил, что вообще прекращает разговор. Очень неохотно он согласился принять в 3 часа дня Сазонова, предупредив: «У меня сегодня нет ни одной минуты свободного времени»².

Сазонову все-таки удалось переубедить царя, разъяснить ему, что нежелание вести подготовительные мероприятия «из-за страха дать повод к войне» приведет к тому, что Россия будет застигнута войной врасплох. После долгих уговоров Николай II, наконец, сдался. Обрадованный Сазонов поспешил удалиться из царского кабинета и, спустившись на нижний этаж дворца, связался по телефону с Янушкевичем. Он передал «высочайшее повеление» о всеобщей мобилизации и, опасаясь, как бы царь опять не отменил своего решения, сказал: «Теперь вы можете сломать телефон» – и посоветовал Янушкевичу «исчезнуть на весь день». Начальник Генерального штаба бодро ответил: «Мой телефон испорчен»³.

В 6 часов вечера 17 июля в обширном зале Центрального телеграфа одновременно застучали все аппараты, оповещая военные и гражданские власти России о всеобщей мобилизации, а утром 18 июля на улицах российских городов висели уже афиши о мобилизации.

19 июля (1 августа) Германия объявила войну России, через день она вступила в войну с Францией, на следующий день

Англия объявила войну Германии. 24 июля войну России объявила Австро-Венгрия. Война приобрела общеевропейский характер, а вскоре превратилась в мировую империалистическую войну, втянувшую 33 государства с населением 1,5 млрд человек.

Утром 20 июля Николай II назначил верховным главнокомандующим своего дядю – вел. кн. Николая Николаевича, начальником штаба – бездарного генерала Н.Н. Янушкевича. Начал формироваться обширный военный аппарат Ставки Верховного главнокомандующего (с местопребыванием первоначально в г. Барановичи) и фронтов (вначале Северо-Западного и Юго-Западного).

Распущенные в июне Государственная дума и Государственный совет были созваны на однодневные заседания 26 июля.

Заседание Государственной думы прошло под знаком доверия царскому правительству. С поддержкой правительства выступили представители всех фракций, кроме социал-демократических. Большевики и меньшевики огласили общую декларацию, осуждавшую войну и противопоставлявшую ей международную солидарность трудящихся. «Не может быть единения народа с властью, – говорилось в декларации, – когда народная масса, на которую ложится все бремя войны, бесправна, когда рабочая и крестьянская печать задушена, когда рабочие организации разгромлены, когда тюрьмы переполнены борцами за свободу и счастье народа и когда мы только что пережили расстрел петербургских рабочих войсками и полицией. Не может быть единения с властью и тех многочисленных народностей России, которые подвергаются национальным преследованиям и живут в атмосфере насилия и угнетения»⁴. Не желая принимать участие в утверждении военного бюджета, обе социал-демократические фракции покинули зал заседаний. Оставшиеся члены Думы полностью одобрили военный бюджет. Заседание окончилось исполнением царского гимна и здравицей. Оживление царило и в кулуарах Думы. Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич обнимал Родзянко, приговаривая: «Ну, спасибо, Родзянко, теперь я тебе друг по гроб! Все для тебя сделаю. Скажи, что надо».

А пока представители буржуазии и помещиков демонстрировали свое единение с царем, в стране шла мобилизация. По повесткам, разосланным уездными воинскими начальникам, в уездные и городские воинские присутствия прибывали в сопровождении родственников призывники.

Они проходили несложную медицинскую комиссию, и здесь же их формировали в маршевые роты. Плач, крики матерей, жен и детей у зданий воинских присутствий сливались с хриплы-

ми звуками гармошек. Маршевые роты направлялись к пунктам формирования воинских частей, а оттуда шли эшелоны – поезда с грузовыми вагонами («40 человек, 8 лошадей») на фронт, где у западных границ уже шли ожесточенные бои. Полностью русская армия была отобилизована лишь на 41-й день, но под давлением союзников (главным образом Франции) она была вынуждена перейти в наступление на Западном фронте уже на 15-й день.

Вопреки хвастливым заявлениям военного министра Сухомлинова о полной готовности к войне⁵, уже в первые месяцы русская армия стала испытывать недостаток в артиллерии, винтовках и боеприпасах, однако в начале войны русская армия добилась успеха. Ей удалось овладеть обширной австро-венгерской провинцией с украинским населением – Галицией, вторгнуться в пределы Восточной Пруссии. Но вскоре сказалась технико-экономическая отсталость России, неспособность царизма к ведению победоносной войны. На фронте стал остро ощущаться недостаток в боеприпасах, винтовках и артиллерии (особенно тяжелой). Начальник штаба ставки Янушкевич писал в ноябре 1914 г. военному министру Сухомлинову о том, что из-за отсутствия артиллерии и патронов потери во многих частях достигают 30–60% личного состава. В первой половине октября 1914 г. армии не хватало 870 тыс. винтовок. «Чем меньше патронов, – писал Сухомлинову Янушкевич в декабре 1914 г., – тем больше потери». В некоторых полках осталось всего 7–10 офицеров, солдаты без сапог, без полушубков, лишь в телогрейках. На все это Сухомлинов отвечал лишь неопределенными обещаниями. Он предполагал, что война будет скоро окончена. 27 июля 1914 г. записал в дневнике: «Немецкий волк будет, по-видимому, скоро затравлен: все против него». А на следующий день во время заседания Совета министров, к великому удивлению своих коллег, предложил позаботиться о ...приведении в порядок русских курортов, для того чтобы после войны «из России никто не ездил на воды за границу».

Недостаток вооружения в армии он объяснял как раз этими предположениями о быстром окончании войны. «Русская армия, – признавался Сухомлинов впоследствии, – была обеспечена всего лишь на 6 месяцев»⁶. Приспособленные к подавлению народа и к борьбе с революционным движением в стране, царский правительственный аппарат и военная бюрократия оказались неспособными к военно-хозяйственной деятельности. Правительство решительно отклоняло предложения представителей буржуазии передать ей полностью дело снабжения армии. В начале войны царь «милостливо» разрешил буржуазии и помещикам создать две общероссийские организации – Всероссийский

земский союз и Всероссийский городской союз, ограничив их деятельность лишь военно-санитарным делом: созданием госпиталей, лазаретов, санитарных пунктов, укомплектованием их персоналом и снабжением медикаментами.

Передав верховное командование дяде, Николай II часто выезжал в Ставку, где заслушивал доклады главнокомандующего и членов его штаба. Иногда он даже решался на осмотр позиций: 31 октября 1914 г. Николай II по пути из Ставки побывал в Иван-городе, где проходила линия фронта. «Видеть все это, – восторженно записал в своем дневнике царь, – было захватывающе – рядом с окопами в поле и в лесу были разбросаны могилы наших героев с крестами и надписями на них... Впечатления все-го виданного за оба дня самые сильные и глубокие»⁷.

Жестокостью и равнодушием к судьбам солдат веет от этих строк самодержавного правителя России. Ему было безразлично, что где-нибудь в орловской или тамбовской деревне, на рабочей окраине Москвы или Петрограда каждого такого покоившегося под крестом солдата, погибшего в первые месяцы войны, оплакивает семья: жена, родители, дети.

С началом войны с Германией великие князья романовской фамилии оказались весьма в щекотливом положении. В предвоенные годы многие из них поддерживали оживленное общение со своими немецкими родственниками, делали взаимные визиты, вели переписку. Денежные средства многих Романовых хранились в немецких банках. Теперь все изменилось. Родственники оказались по ту сторону фронта, а многие из них служили в армии неприятеля, например родной брат царицы – вел. герцог Эрнест Людвиг Гессенский командовал одним из армейских корпусов. Денежные вклады в немецких банках оказались замороженными.

Все это побуждало Романовых хотя бы внешне демонстрировать свой «патриотизм», проявлять какую-то ревностность на военной и военно-административной службе, что вносило дополнительную дезорганизацию в сложное дело ведения войны, так как занимавшие командные посты великие князья не подчинялись своим непосредственным начальникам.

Первый год войны вызвал на почве шовинистических настроений сплочение господствующих классов вокруг трона. Государственная дума после заседания 26 июля 1914 г. была созвана вновь на 3 дня только в начале 1915 г. (27–29 января), а потом не собиралась до лета.

Законы военного времени открывали широкий простор для неограниченной деятельности администрации, полиции, жандармерии и цензуры, упрощали судопроизводство. Относительно

постоянным был и состав министров. Председателем Совета министров оставался И.Л. Горемыкин. Основные министерские посты занимали лица, назначенные еще до войны. Все они были реакционерами и черносотенцами, связанными с «объединенным дворянством».

С первых месяцев войны большевики развернули подпольную работу по организации масс на борьбу против империалистической войны. В столице и крупных пролетарских центрах появились прокламации с призывом против войны, произошли антивоенные демонстрации⁸. Все это нарушало видимость «единения царя с народом» и «патриотического» подъема, о котором, захлебываясь, сообщали буржуазные газеты.

Еще в августе 1914 г. в Россию были отправлены тезисы В.И. Ленина «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», которые легли в основу Манифеста ЦК РСДРП(б) «Война и российская социал-демократия», опубликованного 1 ноября 1914 г. Манифест призвал массы к борьбе за превращение империалистической войны в гражданскую, в революцию против господствующих классов. Буржуазно-шовинистическому лозунгу «защиты отечества» большевики противопоставляли лозунг поражения царского правительства, призывали народные массы к использованию кризиса, создаваемого войной, для свержения царизма.

Не имея возможности ликвидировать нелегальные организации большевиков, Департамент полиции искал повода, чтобы расправиться с большевистской фракцией Четвертой Государственной думы. Узнав от провокатора о предстоящем совещании членов думской фракции большевиков с представителями некоторых крупных местных организаций в Озерках под Петроградом, Департамент полиции решил действовать. На третий день совещания вечером 4 ноября жандармы и полиция ворвались в дом, где оно проходило. Всю ночь шел обыск, и утром 5 ноября арестованные участники совещания были препровождены в тюрьму, думскую пятерку вскоре освободили. Однако их вновь арестовали вечером того же дня по личному распоряжению Николая II, сделанному после доклада министра внутренних дел Маклакова⁹. С благословения Николая II правительство стало готовить судебный процесс. Черносотенная пресса требовала беспощадной казни «врагов» родины. Либеральная пресса отмалчивалась. Председатель Государственной думы Родзянко лишь 30 ноября, т. е. через три с половиной недели после ареста думской большевистской пятерки, обратился с письмом к председателю Совета министров Горемыкину, «протестуя» против нарушения неприкосновенности членов Государственной думы, установленной ст. 15 «Учреждения

Государственной думы» 20 февраля 1906 г.¹⁰ Он упрашивал «принять соответствующие меры к ограждению впредь членов Государственной думы от незаконных действий чинов полиции»¹¹. Но дальше этого Дума не пошла.

По призыву Петербургского комитета партии рабочие ряда фабрик и заводов, протестуя против ареста думской большевистской пятерки, выступили с забастовками протеста.

Два месяца длилось следствие. Правительство предполагало вначале передать дело в военный суд. На этом особенно настаивал министр юстиции И. Щегловитов. Озерки находились в местности, объявленной на военном положении. Кроме того, правительство предполагало предъявить думской пятерке большевиков обвинение в «предательстве» и «военной измене». Но в ходе следствия правительство вынуждено было отказаться от этой затеи. Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич в письме к Горемыкину высказал мнение, что рассмотрение дела в военном суде «неминуемо должно было... вызвать брожение среди фабричных и иных оппозиционных элементов». Поэтому царский дядя советовал разбирать это дело в обычном гражданском суде¹². Призрак революционного возмущения рабочих военной расправой с членами Думы – большевиками испугал и Николая II, и 28 декабря якобы «по необузданной своей милости» он указал изъять дело из военного суда и передать его гражданскому суду. Судебный процесс над пятью членами большевистской фракции Думы и другими лицами, арестованными в Озерках, состоялся 10–13 февраля 1915 г. в особом присутствии Петроградской судебной палаты с участием сословных представителей. Суд предъявил девяти лицам обвинение по 1 ч. ст. 102 Уголовного уложения (принадлежность к «противозаконному сообществу»), что вело к тяжелому наказанию – ссылке на вечное поселение в Сибирь и до 8 лет каторги¹³.

Наступил первый день суда. «Нас, – вспоминал впоследствии Ф.Н. Самойлов – депутат от рабочих Владимирской губернии, – выстроили в обычном порядке, и через несколько минут мы вошли в большой судебный зал... Места для публики, для представителей печати в зале и на хорах были густо заполнены. Защита уже на своих местах; обвинитель тоже. На местах сзади судей сидели граф Витте, наш следователь по особо важным делам и какие-то неизвестные нам лица. Судей еще не было. На местах для публики было много членов Государственной думы. Я узнал кадетов Милюкова и Родичева, прогрессиста Ефремова, меньшевиков Скобелева и Чхенкели и многих других...»¹⁴

Потянулись дни судебного процесса: допрос свидетелей, ознакомление суда с вещественными доказательствами (партий-

ными материалами, изъятыми при аресте), резкая речь обвинителя – прокурора Петроградской судебной палаты Ненарокомов (с предъявлением клеветнических обвинений, вроде «протягивание руки врагам», «хотели нанести нашей доблестной армии удар в спину» и т. п.), выступления защитников, вопросы суда. Наконец, председатель суда Крашенинников огласил приговор: на вечное поселение в Сибирь были осуждены члены Государственной думы – большевики Г.И. Петровский, А.Е. Бадаев, М.К. Муранов, Ф.Н. Самойлов и Н.Р. Шагов, а также 4 других лица, арестованные в Озерках. Два человека приговорены к краткосрочному заключению в крепости и один «оправдан за недоказанностью»¹⁵.

В статье «Что доказал суд над РСДР фракцией?», опубликованной вскоре после процесса в газете «Социал-Демократ», В.И. Ленин подверг глубокому анализу ход и итоги этого процесса¹⁶. «Расправа с “внутренними врагами” проведена быстро, – писал он, – и на поверхности общественной жизни опять не видно и не слышно ничего, кроме бешеного воя тьмы буржуазных шовинистов да подпевания ему горсток социал-шовинистов»¹⁷.

Длительный перерыв в заседаниях «законодательных» палат Государственной думы и Государственного совета, интенсивная деятельность самого правительства, более суровые военные порядки в стране, позволявшие жандармерии, охранке, полиции беспрепятственно подавлять всякие антивоенные настроения, а военной цезуре запрещать любой печатный орган, – все это создавало видимость возвращения царской России к порядкам, существовавшим до первой русской революции. На самом деле это было не так. Продолжалось разложение самодержавной монархии и ее государственного аппарата.

Большое влияние на государственные дела оказывал Григорий Распутин. Из Тобольска, куда он возвратился еще до войны, Распутин посылал царской семье ободряющие телеграммы. 19 июля в Петербург на имя фрейлины императрицы Анны Вырубовой пришла его телеграмма, адресованная царской семье. «Милыя дорогая не отчаивайтесь»; в другой телеграмме, высланной в тот же день, Распутин посетовал, что «очень трудно друга друга не видеть»¹⁸.

Вскоре он появился в Петербурге и стал частым и желанным гостем царской семьи, перебравшейся с начала войны в более спокойную резиденцию – Александровский дворец в Царском Селе.

При императрице Александре Федоровне и Распутине в начале войны сложился кружок лиц, оказывавших большое влияние на политику государства. В этот кружок входили нервная, упрямая и самовлюбленная дочь управляющего личной канцеля-

рией царя А.С. Танеева, 30-летняя фрейлина императрицы Анна Вырубова; бывший командир лейб-гвардии гусарского полка, а с 1913 г. дворцовый комендант генерал-майор Владимир Воейков (ловкий казнокрад и мошенник, рекламирующий на всю Россию простую артезианскую воду из своего имения «Кувака» как минеральную, обладающую якобы необыкновенно целебными свойствами); явные авантюристы – редактор черносотенного журнала «Голос России», чиновник Синода князь Михаил Андронников; крещеный бурят Петр Бадмаев – «доктор тибетской медицины», лечащий никому не ведомыми травами и порошками придворных и членов царской семьи; темные биржевые и банковские дельцы – директор правления Русско-французского банка Дмитрий (Митька) Рубинштейн; банкир Игнатий Манус; бывший агент Департамента полиции, прозванный за свои необычайные приключения «российским Рокамболом» Иван Манасевич-Мануилов; личный секретарь Распутина А. Симанович. В распутинский кружок входили и светские дамы: графиня Игнатьева, помещицы мать и дочь Головины, сестра А. Вырубовой – Александра Пистолькорс и др.

Поселившийся в столице Распутин устроил в своей квартире (Гороховая ул., д. 64) нечто вроде личной канцелярии. «Кого здесь не было, – вспоминала впоследствии одна из поклонниц Распутина. – И студенты, и курсистки – за пособиями, и священники, и светские дамы, и какие-то старухи, и военные аристократических полков, и монахи. Он принимал просителей, вызывая их в кабинет». Иногда вместо Распутина принимала А. Вырубова¹⁹. За определенную сумму чиновник мог получить здесь рекомендательную записку к соответствующему министру на предмет повышения по службе, фабрикант – выгодный военный заказ, светская дама – отсрочку или освобождение по призыву в армию сына или мужа...

К весне 1915 г., сосредоточив на Восточном фронте до половины своих вооруженных сил, Германия и Австро-Венгрия подготовили в начале мая прорыв фронта у местечка Горлица (восточнее Перемышля). Здесь они имели не только численный перевес в людской силе, но и колоссальное преимущество в вооружении (артиллерии – в 6 раз, тяжелой – в 25 раз).

Под ураганным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника плохо вооруженные русские войска, нередко не отвечая на этот огонь из-за отсутствия боеприпасов, отходили на восток, теряя орудия, обозы, тысячи пленных. Вместе с армией по пыльным дорогам под палящим солнцем днем, при свете зарева пожаров ночью в центральные губернии уходили миллионы беженцев.

За летние и осенние месяцы 1915 г. русская армия была вынуждена оставить Галицию, Польшу, Литву, часть Белоруссии и Прибалтики. Лишь к зиме 1915 г. фронт закрепился на линии Рига–Двинск–Барановичи–Пинск–Дубно. Русская армия потеряла до 4 млн человек убитыми, ранеными, пленными.

С начала 1915 г. по стране поползли слухи об «измене» в верхах. В шпионаже в пользу Германии был обвинен находящийся на службе в армии жандармский полковник Мясоедов. Этот беспринципный, корыстолюбивый и жестокий жандармский чин еще до войны обвинялся в связях с немецкой разведкой, и, хотя эти сведения не подтвердились, репутация Мясоедова была сильно испорчена.

В феврале 1915 г. Мясоедова арестовали. Выдвигая против него обвинения, Ставка стремилась скомпрометировать покровительствовавшего ему военного министра Сухомлинова, которого ненавидели и верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич, и помощник Сухомлинова генерал А.А. Поливанов. Мясоедов был препровожден в Варшаву, где особый военно-полевой суд признал его без каких-либо серьезных доказательств виновным в шпионаже и мародерстве и присудил к казни. Приговор был приведен в исполнение 19 марта 1915 г.

Среди арестованных по делу Мясоедова лиц было немало друзей семьи Сухомлиновых. Стоустая молва причислила к шпионам Сухомлинова и его жену. Печать требовала суда над изменниками.

Для верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича и его генералов, для думских деятелей – октябристов и кадетов, для интриговавшего против Сухомлинова председателя Центрального военно-промышленного комитета Гучкова обвинение Сухомлинова в «измене» стало чуть ли не единственным оправданием тяжелых поражений русской армии весной и летом 1915 г.

Николай II вначале решительно противился удалению Сухомлинова, но под давлением общественного мнения был вынужден 11 июня 1915 г. обратиться из Ставки с письмом к Сухомлинову, где сообщил своему военному министру, что «интересы России и армии» требуют его ухода. Подчеркивая вынужденный характер этого совета, царь благодарил Сухомлинова за службу. «Беспристрастная история, – успокаивал он, – вынесет свой приговор, более снисходительный, нежели осуждение современников»; а через день Николай II, принимая Сухомлинова в Царском Селе с прошением об отставке, даже расцеловал его, пообещав: «С вами, Владимир Александрович, я не прощаюсь, а говорю: до свидания».

Военным министром стал близкий к думским кругам генерал А.А. Поливанов. Вслед за Сухомлиновым Николай II вынужден был отстранить министра внутренних дел Н. Маклакова, обер-прокурора В. Саблера и министра юстиции И. Щегловитова, заменив их менее реакционными лицами.

После длительного перерыва в годовщину войны, 19 июля 1915 г., была созвана Государственная дума. Пустующий Таврический дворец вновь ожил. Заполнялись зал заседаний, ложи правительства и печати, галерея для публики. За столом на возвышении восседали члены октябристского президиума во главе с Родзянко; заняли ложу члены правительства.

Были пусты лишь места большевиков. По решению царского суда еще в феврале 1915 г. их сослали в Туруханский край. Председатель Совета министров Горемыкин заверил Думу в том, что правительство собирается действовать «в полном единомыслии с законодательными учреждениями...» «Да не будет в России, – призывал он, – на время военных действий никаких партий, кроме одной – партии войны до конца... никаких программ, кроме одной – победить»²⁰. Его слабый голос хорошо слышался в притихшем в ожидании зале. Выступившие за Горемыкиным министры (Поливанов, Григорович, Сазонов, Барк) тоже заверяли, обещали, успокаивали.

В выступлениях членов Думы проскальзывали ноты недовольства политикой правительства. «Патриотический подъем, – как сказал в своей речи Милюков, – сменился патриотической тревогой»²¹. Думцы «верноподданнически», но высказывают свое недовольство: тут и поражения армии, и плохое снабжение ее, и безответственные действия отдельных министров, «которым место на скамье подсудимых», измена и вообще «расхождения между обществом и правительством». Милюков от имени фракции кадетов предложил царю назначить министров, пользующихся «доверием» Думы, другая буржуазная фракция – прогрессистов предложила формировать состав правительства, «ответственного перед Думой». С каждым заседанием Думы атмосфера накалялась.

На одном из заседаний левые депутаты робко подняли вопрос о судьбе большевистской фракции Думы. Председатель думской комиссии «личного состава» «златоуст» кадет Василий Маклаков (брат министра внутренних дел – черносотенца Николая Маклакова) дал «разъяснения». Осуждение пяти членов социал-демократов, сказал он, конечно, «крупная политическая бестактность», но ставить вопрос на обсуждение сейчас «бесполезно», так как «приговор, вошедший в силу, для законодательных палат все-таки обязателен», а «колебать независимость судебного пригово-

ра, вошедшего в законную силу, есть посягательство на основы государственного порядка»²². Судьба большевиков – депутатов рабочих в Думе – кадета Маклакова не волновала.

К середине августа в Государственной думе и Государственном совете возник так называемый «Прогрессивный блок», в который вошло $\frac{2}{3}$ состава Думы (все фракции, кроме правых и левых) и значительная часть членов Государственного совета (кроме правых). «Прогрессивный блок» ставил своей задачей убедить царя и его министров «встать на новый путь». Блок предлагал царю полное обновление состава министров, создание правительства, «сильного доверием общества»²³. Программа блока предусматривала и некоторые другие реформы: изменение бюрократических приемов правления, мероприятия в области национальной политики (отмена ограничений для евреев, автономия Польши), свободу вероисповеданий, пересмотр земского положения, ослабление цензурного гнета и пр. Программа включила даже «меры для поддержания социального мира»: уравнивание в правах с другими сословиями крестьян, восстановление прав профсоюзов и рабочей печати, прекращение преследования рабочих представителей в больничных кассах и т. д. «Дайте нам это как оружие, чтобы вести за собой массы», – объяснил истинный смысл «социальной» программы блока при ее обсуждении один из его членов – националист Савенко.

По поручению блока П.Н. Крупенский 24 августа передал эту программу правительству.

Для руководства деятельностью блока избрали бюро в составе 35 человек под председательством члена Государственного совета А.Н. Меллер-Закомельского; в состав бюро вошли П.Н. Милюков, А.И. Шингарев, В.В. Шульгин и др.

Неспособность самодержавия и царской бюрократии вести войну, а также стремление буржуазии принимать большее участие в организации военного хозяйства подтолкнули буржуазию на создание военно-промышленных комитетов, целью которых являлась координация работ всей промышленности, снабжение ее металлами, топливом и сырьем, забота о пополнении рабочей силы на предприятиях, распределение правительственных заказов. Первым председателем Центрального военно-промышленного комитета стал угольный король Донбасса Н. Авдаков, а после его смерти – А. Гучков; товарищем председателя – московский фабрикант А. Коновалов. Московский областной военно-промышленный комитет возглавлял банкир и текстильный фабрикант П. Рябушинский, Киевский – сахарозаводчик и банкир М. Терещенко, Харьковский – угольный капиталист фон Дитмар и т. д.

Царское правительство было вынуждено закрепить образование военно-промышленных комитетов законом 27 августа 1915 г.

Поражения русской армии весной и летом 1915 г. усилили германофильские настроения при царском дворе. По совету Распутина царица уговорила Николая II назначить себя верховным главнокомандующим. 23 августа Николай II появился в Ставке (с лета 1915 г. она находилась в Могилеве) и на следующий день подписал рескрипт и приказ по армии о принятии верховного командования. «Господи, – взывал он в своем дневнике, – помоги и вразуми меня!»²⁴ Никакие призывы к божьей помощи не могли улучшить руководства армией. При всех своих недостатках вел. кн. Николай Николаевич был профессиональным военным, чего нельзя было сказать о Николае II, который, как известно, в юности проходил лишь военную стажировку в двух гвардейских полках и едва выслужил чин полковника. Не помогло и назначение нового начальника штаба Ставки: вместо легкомысленного Янушкевича был назначен М.В. Алексеев, способный, но недостаточно самостоятельный в решениях генерал.

Смена верховного командования вызвала недовольство даже в правительстве. Восемь министров обратились царю с письмом, умоляя его изменить свое решение.

Царь и верхи бюрократии отрицательно относились к «Прогрессивному блоку». Горемыкин добился у царя указа о перерыве в работе Думы и вечером 2 сентября вручил его Родзянко. Члены Думы на заседании 3 сентября стоя выслушали царский указ, крикнули верноподданническое «ура!» и разошлись.

Рост стачечного движения, принимавшего острополитический характер, парализовал деятельность буржуазной оппозиции. «Возникшее среди рабочих движение... – доносил царю министр внутренних дел кн. Н.Б. Щербатов, – оказало отрезвляющее действие на общество»²⁵.

Оценивая обстановку в России осенью 1915 г., В.И. Ленин указывал на наличие в стране революционной ситуации. Он отмечал следующую последовательность событий: «Поражение армий царской монархии – рост стачечного и революционного движения в пролетариате – брожение в широких массах – либерально-октябристский блок для соглашения с царем на программе реформ и мобилизации промышленности для победы над Германией»²⁶. Разгон Думы в ответ на образование «Прогрессивного блока» Ленин расценивал как «одно из самых рельефных проявлений революционного кризиса в России»²⁷.

Взяв в свои руки верховное руководство армией и распустив Думу, Николай II зачастил из Ставки в Царское Село. За 21 неделю пребывания на посту верховного главнокомандую-

щего в 1915 г. Николай II находился в Ставке лишь 9 недель, а в Царском Селе около 7 недель; остальное время он провел в разъездах, инспектированиях и смотрах формирующихся в тылу частей²⁸.

Да и за время пребывания в Ставке Николай II мало уделял внимания руководству армией. С утра он выслушивал доклады начальника штаба и других чинов Ставки, а затем шли занятия, далекие от военного руководства: прогулки в окрестностях Могилева, неизменная игра в домино и кости с чинами свиты, составление ответных писем к «Аликс», прием прибывших в Ставку министров. В начале октября 1915 г. Николай II вернулся в Ставку с наследником – 11-летним мальчиком; в середине октября на недолгое время в Могилев приезжала царица с дочерьми.

Вскоре Николай II с наследником посетили позиции на Юго-Западном фронте, что в условиях стабилизации и фронтового затишья никакой опасности не представляло. Тем не менее холуйствующие генералы использовали это как предлог для награждения Николая II высшим военным отличием России – орденом Георгия Победоносца. Инициатором выступил командующий фронтом генерал Н.И. Иванов, знавший, что Николай II не раз намекал об этом генералу Алексееву.

Заседание кавалерской думы фронта 21 октября отмечало, что присутствие царя на позициях показало «пример истинной воинской доблести и самопожертвования», постановило просить Николая II «возложить на себя» орден Георгия 4-й степени. 11-летний наследник Алексей тоже был награжден серебряной медалью 4-й степени на Георгиевской ленте²⁹.

С середины 1915 г. влияние Распутина на царскую политику необычайно возросло.

При очередном приезде в Царское Село Николай II спешил встретиться с «нашим Другом» и проводил с ним целые вечера. Распутин почти постоянно упоминался в переписке Александры Федоровны и Николая II. Засыпая мужа ворохом писем, царица после самых нежных обращений давала ему советы по вопросам управления, назначения и увольнения должностных лиц и даже по военным операциям. Эти советы исходили от Распутина, а подчас от самой императрицы. Она писала: «Птичка моя – необходимо разогнать Думу», «Мое солнышко, выгони этих министров», «Сазонов – дурак», «все министры – настоящие дураки», «министры – мерзавцы», «в Думе все дураки», «в Ставке – сплошные идиоты», «дипломатов наших надо повесить» и т. п. Как видно, в выражениях и в оценке своих ближайших слуг – министров – императрица не стеснялась. И всегда она советует царю во всем слушаться Распутина: «Надо всегда делать то, что он

говорит. Его слова имеют всегда глубокое значение»; «Этот человек, посланный нам богом»; «Думай больше о Друге перед всякой трудной минутой» и т. п. Николай II чаще всего соглашался с советами и предложениями Распутина и императрицы.

В 1916 г. царская Россия вступала в условиях глубокой хозяйственной разрухи, нарастания недовольства народных масс и антивоенных настроений в тылу и на фронте. С целью предотвращения революции придворная камарилья Распутина и Александры Федоровны толкает Николая II на установление военно-политической диктатуры в стране, на ограничение буржуазных общественных организаций, на путь заключения сепаратного мира. Престарелый председатель Совета министров И.Л. Горемыкин больше не соответствовал интересам распутинской группы, был слишком нерешителен и апатичен. На этот пост претендовал один из ставленников Распутина – министр внутренних дел А. Хвостов, но Распутин наотрез отказался поддерживать притязания своего легкомысленного собутыльника «Алешки»³⁰: «Так не годится. Надо над тобой старшего посадить. А ты оставайся “внутренним”»³¹. Член распутинского кружка, авантюрист И.Ф. Манасевич-Мануилов, только что освобожденный Распутиным от суда по обвинению в шантаже и вымогательстве денег, указал на кандидатуру Бориса Штюрмера, циничного чиновника-черносотенца, занимавшего ранее ряд важных постов, но затем из-за грязных денежных дел отовсюду отставленного, кроме Государственного совета. На квартире у распутинского друга и ставленника петербургского митрополита Питирима состоялась встреча с кандидатом на пост премьера. Высокий, затянутый в камергерский шитый золотом мундир, Штюрмер почтительно выслушал наставления Распутина и заверил его в своей преданности. Распутин обещал переговорить с «папашкой», т. е. с Николаем II. И вот 7 января 1916 г. в ставку полетело письмо императрицы. «Милый, – писала она, – не знаю, но я все-таки подумала бы о Штюрмере. У него голова вполне свежа». Она отвергла Хвостова («слишком молод») и приводила последний аргумент: Штюрмер «высоко ставит Григория, что очень важно»³². Николай II согласился, высказав лишь замечание о немецкой фамилии Штюрмера, на что последовал незамедлительный ответ последнего, что он согласен на замену своей фамилии на русскую. Николай II отверг такую «жертву» 68-летнего чиновника.

20 января 1916 г. Штюрмер вступил на пост председателя Совета министров и, являясь послушным исполнителем воли Распутина и императрицы, приступил к подготовке реакционных мероприятий. Однажды он попытался в чем-то проявить самостоятельность, но получил жестокий нагоняй от Распутина. Но-

вый начальник канцелярии председателя Совета министров И.Ф. Манасевич-Мануилов со страхом прислушивался к тому, как в соседней комнате (дело происходило на квартире Питири-ма) Распутин распекал Штюрмера. «Ты не смеешь, – кричал он, – идти против желания мамы!» Штюрмер что-то бормотал в оправдание. «Смотри, – заключил Распутин, – чтобы я от тебя не отошел, тогда тебе крышка!» После отъезда Штюрмера Распутин сказал Манасевичу: «Он, старикашка, должен ходить на веревочке, а если это не так будет, то ему шея будет сломана»³³.

9 февраля 1916 г. была созвана Государственная дума, прервавшая свою работу еще в сентябре 1915 г. Чтобы ослабить оппозиционные настроения «Прогрессивного блока», царь, по совету Распутина, решил внешне продемонстрировать «единение» с Думой. Перед началом заседания кто-то шепнул Родзянко, что к Таврическому дворцу подъехал царь и направляется со свитой к выходу. Грузный председатель, неестественно широко расставляя ноги, рысью понесся вниз к вестибюлю, за ним, не поспевая, побежали другие члены президиума и старейшины фракции. Через несколько минут в Екатерининском зале появился царь в походной куртке в сопровождении брата Михаила – командира «дикой» дивизии. Наскоро отслужили молебен, Николай II произнес приветственное слово. В ответной речи Родзянко, приветствуя царя, восторженно сказал, что «свершилось великое историческое событие – государь посетил Думу»³⁴. Николай II прошел в зал заседаний, постоял некоторое время, поглядел на кричавших «ура!» членов Думы и уехал. Маневр вполне удался, и речи думских ораторов во время этой сессии носили весьма сдержанный характер.

Штюрмер приступил к проведению мероприятий «нового курса», который начал с некоторой замены в правительстве. Первым довольно неожиданно для общественности был снят с поста министра внутренних дел ставленник Распутина А. Хвостов. Недовольный своим покровителем за противодействие в назначении председателем Совета министров и желая, по-видимому, поднять свой престиж в глазах Думы и буржуазной общественности, Хвостов замыслил ряд враждебных актов против Распутина, за что и был 3 марта 1916 г. снят с министерского поста. Министром внутренних дел стал по совместительству тот же Штюрмер.

Через две недели был смещен близкий к буржуазной общественности и к Государственной думе военный министр генерал А.А. Поливанов; его заменил скромный интендантский генерал Д.С. Шуваев.

8 марта 1916 г. последовал указ об отставке Сухомлинова «с мундиром и пенсией»³⁵. Эта попытка окончательно реабили-

тировать сильно скомпрометировавшего себя бывшего военного министра вызвала взрыв негодования в армии, в Государственной думе, во всей стране, откровенное недовольство высказали и союзники.

20 апреля, т. е. через 10 месяцев после отстранения Сухомлинова с поста военного министра, Николай II был вынужден дать распоряжение о судебном деле против него. Сухомлинова арестовали и заключили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Собранные следствием материалы давали возможность выдвинуть против Сухомлинова самые тяжкие обвинения в государственной измене, шпионаже, превышении власти, бездействии и мошенничестве.

Связанная с придворными кругами жена Сухомлинова развернула бурную деятельность по облегчению участи супруга. За Сухомлинова хлопотали Распутин, Вырубова, царица.

В результате этого мрачный крепостной каземат, где томились и умирали в прошлом поколения революционеров, превратился в номер приличной гостиницы: здесь появились мебель, белье, книги. Сухомлинов получил право на длительные прогулки, на частые встречи с женой. Комендант крепости, генерал Никитин, старый знакомый и сослуживец Сухомлинова, знавший о высоком покровительстве узнику со стороны царя и царицы, нередко заглядывал в эту уютную камеру.

Через царицу Распутин посоветовал Николаю II прекратить заседания Думы и «велеть им разъехаться по деревням и следить за ходом полевых работ»³⁶. 20 июня заседания Думы прекратились.

По рекомендации Распутина и царицы покорный Штюрмер получил диктаторские полномочия. 28 июня он возглавил новое учреждение «Особое совещание министров для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла». Особое совещание не столько руководило снабжением армии, сколько ограничивало деятельность буржуазных организаций, запрещало всякие съезды, закрывало собрания и т. п. Для предотвращения забастовок подготавливалось введение военных порядков на фабриках и заводах; разрабатывались меры по дальнейшему ущемлению печати.

Планам придворной камарильи по заключению сепаратного мира мешал министр иностранных дел С.Д. Сазонов, сторонник союзников и продолжения войны³⁷. Опасаясь противодействия союзных правительств Англии и Франции, царское правительство долго не решалось его сменить. К лету Распутин стал твердить в своем окружении: «Надоел мне этот Сазонов, надоел...» По ходатайству царицы, Распутина и Штюрмера Николай II 7 июля, на-

конец, оставил Сазонова, официально «по состоянию здоровья», «пошатнувшегося под влиянием непосильного труда». Пост министра иностранных дел достался тому же Штюмеру. Правда, его освободили от обязанностей министра внутренних дел. И этот пост занял А.А. Хвостов – дядя опального «Алешки» Хвостова, бывший до этого министром юстиции. Распутинская клика смотрела на А.А. Хвостова как на временную фигуру и подыскивала полностью преданного человека. Николай II, царица и Распутин перетасовывали и меняли министров с поразительной быстротой, что было характерным признаком разложения правительственного аппарата. За два с половиной года с начала войны и до Февральской революции в России сменилось четыре председателя Совета министров, шесть министров внутренних дел, три министра юстиции, четыре министра земледелия, три министра путей сообщения, четыре военных министра, три министра иностранных дел и т. д.

Черносотенец В. Пуришкевич в одной из речей в Государственной думе (12 февраля 1916 г.) назвал эту частую смену министров и перебрасывание их из одного министерства в другое «министерской чехардой».

Николай II и в 1916 г. делил свое время между верховным командованием в Ставке и семейным очагом в Царском Селе. За 14 месяцев (1916 г. и начало 1917 г.) Николай II пробыл в Ставке лишь 7 месяцев, а более 4 месяцев в Царском Селе³⁸. Стиль «военного руководства» царя всеми армиями и фронтами не изменился. Вот одна лишь, но типичная, повседневная запись в дневнике «верховного главнокомандующего» Николая II: «26 апреля. Вторник. Дивный день. Утром погулял до чая. Доклад был продолжительный. Днем сделал отличную прогулку по Днепру ниже монастыря. Много погреб в двойке. После чая и вечером читал и писал»³⁹. Летом в Ставке довольно долго гостила императрица с дочерьми.

Распутинская клика подыскивала подходящую кандидатуру на пост министра внутренних дел, более энергичного и молодого, чем Штюмер. И такой кандидат нашелся. Летом 1916 г., чтобы рассеять подозрения союзников в отношении Штюмера и замыслов придворной камарильи, правительство направило в Англию и Францию русскую «парламентскую делегацию» (из членов Государственной думы и Государственного совета) во главе с товарищем председателя Думы октябристом А.Д. Протопоповым. Крушной суконный фабрикант, банкир и богатый помещик, представительный и холеный барин, Протопопов произвел самое благоприятное впечатление на союзников⁴⁰. Однако на обратном пути в Стокгольме в гостинице Протопопов встретился с

советником германского посольства Варбургом, что послужило впоследствии основанием для обвинения Протопопова в германофильстве. Вскоре после возвращения в Россию Протопопова вызвали в Ставку к царю. Николай II остался очень доволен двухчасовым докладом Протопопова, пригласил его к обеду, а на следующий день в письме к Александре Федоровне выразил свое полное удовлетворение: «Вчера я видел человека, который мне очень понравился – Протопопов, товарищ председателя Государственной думы. Он ездил за границу с другими членами Думы и рассказывал мне много интересного»⁴¹.

16 сентября 1916 г. по рекомендации Распутина Николай II назначил Протопопова управляющим Министерством внутренних дел⁴².

Протопопов быстро вошел в распутинский кружок, стал получать указания непосредственно от Распутина и царицы, оттеснив Штюрмера от руководства в правительстве; он пользовался большим доверием Распутина и лично получил от него кличку – Калинин. «Сердце Калинина простое, – писал Распутин А. Вырубовой в Ставку⁴³, – что скажет Калинин, то пусть и будет, а вы его еще раз кашей покормите. Моя порука этот самый Калинин, а вам разум пусть войдет...»⁴⁴ Так в иносказательной форме Распутин поучал царя и царицу.

Административно-полицейский гнет в стране особенно возрос к осени 1916 г. Протопопов давал указания об усилении репрессий за забастовки и крестьянские волнения, настаивал на «обуздании» печати. Товарищ министра внутренних дел Курлов распорядился на случай волнений в городах вооружить полицию пулеметами.

Одновременно Министерство внутренних дел содействовало освобождению осужденных ранее за темные финансовые дела и подозреваемых в шпионаже банкиров Рубинштейна, Гопнера и др. В числе прочих освободили из крепости и Сухомлинова.

1 ноября 1916 г. возобновились заседания Государственной думы. С думской трибуны Родзянко объявил о том, что Протопопов отказался от думской должности товарища председателя Государственной думы. «Пусть уйдет из Думы совсем!» – закричали в зале. Еще летом 1916 г. Родзянко в своих устных и письменных докладах царю умолял его «успокоить общественное мнение». Во вступительном слове при открытии заседаний Думы он пытался это сделать сам. «Обязанностью Думы, – заявил он, – должна быть спокойная и тщательная оценка положения и немедленное устранение того (голоса слева: “Не того, а кого”), чего быть не должно и что мешает стране достигнуть единой намеченной цели»⁴⁵.

Однако тон думских вступлений был беспокойным. И вот на трибуну при общем шуме и волнении зала поднимается один из вождей «Прогрессивного блока» – кадет П.Н. Милюков. «С тяжелым чувством я вхожу сегодня на эту трибуну», – начал он свое выступление. Его речь была направлена против «темных сил» в стране. В очень осторожной форме он говорил о предательстве при дворе, намекал на саму царицу и ее окружение. Сообщая факты неумелой и продажной политики правительства, Милюков обращался с вопросом к затихшему залу: «Что это – глупость или измена?»⁴⁶ Речь Милюкова задала тон. Впоследствии Милюков самодовольно заявил, что 1 ноября 1916 г. стало «началом русской революции»⁴⁷. Но думские оппозиционеры и не думали о революции, они боялись ее. Выступивший от имени «Прогрессивного блока» Шидловский заявил, что правительство «в настоящем составе» не способно справиться с революцией и «должно уступить место» лицам, готовым в своей деятельности «опираться на большинство Государственной думы и провести в жизнь ее программу»⁴⁸.

Сразу же после речи Милюкова Штюрмер собрал заседание Совета министров, чтобы привлечь его к ответственности за оскорбление. Но к ноябрю 1916 г. репутация самого Штюрмера в глазах придворной камарильи расценивалась невысоко, считалось, что он не оправдал возлагаемых на него надежд. 10 ноября Штюрмер получил отставку с поста председателя Совета министров. Не посоветовавшись с Распутиным и царицей, Николай II назначил на этот пост А.Ф. Трепова, представителя полицейской династии Треповых, родного брата «диктатора» 1905 г. Д.Ф. Трепова; за А. Треповым был сохранен и пост министра путей сообщения.

Это назначение вызвало раздражение и Распутина, и Протопопова; между последним и Треповым возникла открытая борьба за влияние в Совете министров. Трепов даже пытался отстранить... Распутина! Он предложил ему через придворного генерала Мосолова 200 тыс. руб., чтобы тот не вмешивался в политику и не мешал Трепову. Распутин стал убеждать царицу, что «нельзя держать Трепова... он негож, фамилия эта несчастливая»⁴⁹.

{ Глубокий хозяйственный и политический кризис, переживаемый Россией в 1916 г., вызвал среди господствующих верхов тревогу и опасения. Страх перед возможностью революции породил в их среде два заговора – буржуазии и думского оппозиционного блока, а также придворных черносотенных кругов. По поводу первого не раз писал В.И. Ленин. «Но если поражения в начале войны, – отмечал он, – играли роль отрицательного фактора, ускорившего взрыв, то *связь* англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-ка-

детским капиталом России явилась фактором, ускорившим этот кризис путем прямо-таки *организации заговора* против Николая Романова»⁵⁰. Здесь же В.И. Ленин называл и непосредственных участников заговора – «частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона»⁵¹.

Вдохновителями первого заговора явились императрица Александра Федоровна и Распутин. Опираясь на придворные и черносотенные круги России, они рассчитывали на то, что заключение сепаратного мира с Германией и Австро-Венгрией (а осторожное прощупывание такой возможности шло и с той и с другой стороны с 1915 г.) поможет расправиться с революционным движением, подавить оппозицию буржуазии и упрочить позиции самодержавия.

Для этого нужно было, как подсказывали черносотенцы, ввести в стране военное положение, назначить министров и генералов только из особо преданных лиц, провести военизацию заводов, запретить многие газеты и журналы, назначить правительственных чиновников в земский и городской союзы и военно-промышленные комитеты и т. п.

В проведении этой программы большое место отводилось министру внутренних дел Протопопову, который заявил: «Я спасу Россию. Я чувствую, что я призван вытащить Россию из беды, спасти»⁵². Заговорщики толкали царя на реализацию этой программы. «Я глубоко убеждена, что близятся величие и прекрасные дни твоего царствования и существования России, – писала Александра Федоровна царю за два с половиной месяца до свержения самодержавия. – Только сохрани бодрость духа. Покажи всем, что ты властелин, и твоя воля будет исполнена». Несколькими днями спустя она приказывала: «Будь Петром Первым, Иваном Грозным, Павлом, сокруши их всех»⁵³. Придворно-черносотенные круги были недовольны нерешительностью царя, и Распутин все чаще говорил окружающим, что царь «негож», что «папаша ничего не понимает – что право, что лево».

Другой заговор созрел в среде буржуазии и думского оппозиционного блока. За время войны буржуазия России «чрезвычайно быстро организовалась политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты и т. д. Этот новый класс “почти совсем” был уже у власти к 1917 году»⁵⁴. Буржуазия настороженно относилась к планам придворной камарильи, которая стремилась вернуть Россию к формам правления XIX в.

Заговорщиков из думского «Прогрессивного блока» поддерживали некоторые видные генералы, командующие фронта-

ми, – Н.В. Рузский, А.А. Брусилов, командир конного корпуса Крымов, послы союзников – французский М. Палеолог и английский Д. Бьюкенен, которые проявляли необыкновенную активность, пытаясь объединить и сплотить различные оппозиционные группировки. Опасаясь, что открытый государственный переворот может вызвать революцию, заговорщики остановились на варианте дворцового переворота: предполагалось во время переезда Николая II из Ставки в Царское Село или обратно с помощью небольшой воинской части арестовать царя, вынудить его отречься от престола в пользу брата Михаила, близкого к буржуазным кругам и готового к выполнению программы «Прогрессивного блока» и продолжению войны до победного конца. В заговор были посвящены даже некоторые члены императорской фамилии, недовольные политикой Николая II и считавшие, что императрица и Распутин ведут монархию к гибели.

В условиях глубокого кризиса экономики и государственного строя и придворно-черносотенные круги, и буржуазная оппозиция боялись предпринять что-либо решительное, ограничивались устными и письменными планами, разговорами на частных квартирах и в салонах, иногда думскими выступлениями. Несмотря на некоторые противоречия и расхождения во взглядах на внутреннее состояние России, ее правительственного аппарата и ведение войны, царизм и буржуазия были тесно связаны между собой, нуждались друг в друге и смертельно боялись революции. Этот страх фактически парализовал усилия обеих группировок. Известную растерянность вносили в оба лагеря и разлад, отсутствие единства внутри каждого из них.

Правительство Николая II накануне второй революции в России отличалось «дикой растерянностью... полной потерей головы»⁵⁵. Одна из групп заговорщиков решила путем убийства Распутина обезглавить придворную камарилью, наивно полагая, что после этого удастся найти общий язык буржуазно-думской оппозиции с царем.

В день роспуска Государственной думы в обширнейшем Екатерининском зале Таврического дворца беседовали стройный молодой депутат-националист В.В. Шульгин и невысокий человек в пенсне В.М. Пуришкевич.

– «Послушайте, Шульгин. Вы уезжаете, но я хочу, чтобы вы знали... Запомните 16 декабря». Умное лицо Шульгина изобразило удивление: «Зачем?»

– «Увидите», – загадочно промолвил Пуришкевич, и, видимо, тяготясь от расправившей его тайны, добавил важно: «16-го мы его уьем!»

– «Кого?» – «Гришку!» Шульгин стал возражать. Лицо Пуришкевича исказила гримаса: «Вы белоручка, Шульгин. Монархия гибнет, а с ней мы все, а с нами Россия... Убью его как собаку...»

И вот наступило 16 декабря. Вечером во дворце Юсуповых на Мойке собралось несколько человек: хозяин дома князь Юсупов, женатый на племяннице царя Ирине Александровне, гусарский офицер вел. кн. Дмитрий Павлович, Пуришкевич, армейский капитан Сухотин и военный врач Станислав Лазоверт. После небольшого совещания в 12-м часу ночи Юсупов в сопровождении Сухотина и Лазоверта направился на квартиру Распутина. Юсупову удалось уговорить падкого на кутежи Распутина поехать в свой дом. Зная слабость Распутина к молодым красивым женщинам, он добавил: «Моя жена хочет познакомиться с тобой». В подтверждение своего дружеского расположения Юсупов даже облобызал Распутина. Мощная машина Юсупова быстро доставила Распутина в особняк на Мойке. Там уже его ждал накрытый стол с любимым распутинским вином мадерой и с пирожными. Из верхних комнат дворца слышалась громкая музыка граммофона. Распутин занял место за столом, выпил отравленное цианистым калием вино, съел несколько отравленных пирожных, но чувствовал себя прекрасно. И только время от времени осведомлялся: «Когда же придет сверху молодая хозяйка – красавица великая княгиня Ирина Александровна?» Заговорщики растерялись. Юсупов решил действовать: он выстрелил в Распутина. Огромный бородач в шелковой рубашке, бархатных штанах и блестящих сапогах бросился на хилого Юсупова и стал его душить, но затем, обессилив, упал на пол.

Казалось, что все кончено. Заговорщики вышли в соседнюю комнату, чтобы решить, что же делать дальше. Каково же было их удивление, когда, вернувшись, обнаружили комнату пустой. Распутин исчез. Выбежали во двор и увидели, что Распутин ползет по снегу, оставляя за собой кровавый след. Двумя выстрелами в упор Пуришкевич прикончил Распутина. Прибежавшему на выстрелы полицейскому Юсупов любезно пояснил, что он во дворе убил «взбесившуюся собаку». Труп Распутина запихнули в мешок, и управляемая Лазовертом машина (в нее сели Дмитрий Павлович и Сухотин) помчалась по заснеженным проспектам и набережным в холодную зимнюю петербургскую ночь. Проезжая у Елагина моста через Малую Невку, заговорщики увидели прорубь. В нее и бросили мешок с трупом⁵⁶. Над Петроградом безжил рассвет.

На следующий день, 17 декабря, Александра Федоровна в срочной телеграмме сообщила Николаю II, что «наш Друг исчез

с прошлой ночи»; в тот же день в Ставку были направлены еще две телеграммы, 18 декабря – еще три⁵⁷. Царь, только 4 декабря покинувший Царское Село, оставил все фронтовые дела и 18 декабря поспешно выехал из Ставки.

За участие в убийстве Распутина Николай II выслал Ф. Юсупова из Петрограда в одно из его имений, а вел. кн. Дмитрий Павлович после домашнего ареста был выслан в русский экспедиционный корпус генерала Баратова в Персию.

Убийство Распутина укрепило позиции Протопопова, оставшегося теперь единственным советником царя и царицы. Наставивший ранее на удалении Протопопова председатель Совета министров А.Ф. Трепов сам получил отставку 27 декабря 1916 г., пробыв на этом месте всего 48 дней. Пост председателя Совета министров получил князь Н.Д. Голицын, бывший ранее членом Главного управления Красного креста и председателем Комитета по оказанию помощи русским военнопленным. Впоследствии он сам признавался, что у него не было никакой политической программы. Таков последний председатель Совета министров царского самодержавия.

После похорон Распутина Николай II долго находился в Царском Селе и отбыл в Ставку лишь 22 февраля. А вслед Александра Федоровна направила письмо, в котором писала: «Кажется, дела поправляются, только, дорогой, будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским. Покажи порой свой кулак. Они сами просят этого – сколь многие недавно говорили мне: “Нам нужен кнут”. Это странно, но такова славянская натура – величайшая твердость, жестокость даже и горячая любовь»⁵⁸. Так писала за неделю до отречения российскому императору Николаю II его жена, немецкая принцесса.

Россия уже жила грядущей революцией, и ее дыхание ощущали многие. Более двух с половиной лет продолжалась война, унося с каждым днем все новые и новые людские жертвы, обрекая на огромные лишения широкие народные массы. В стране разрасталась хозяйственная разруха, ширились бедствия и нищета народных масс. В городах у булочных и продовольственных лавок еще с ночи выстраивались очереди: назревал голод.

Новый, 1917 г. начался с грозных революционных предзнаменований. В Петрограде 9 января под руководством столичного комитета большевиков началась политическая стачка, в которой приняло участие до 300 тыс. питерских рабочих⁵⁹. Волна стачек прокатилась по всей стране. Нарастало брожение в деревне, революционные настроения волновали и армию.

Забастовки, начавшиеся под руководством большевиков 13–14 февраля, не затухали вплоть до революции. Они показывали

ли, что руководство рабочим классом находится в руках большевиков.

Незадолго до начала революции, во второй половине февраля 1917 г., Петербургский комитет большевиков выпустил обращение «Ко всем рабочим и работницам Петрограда», призывая их совместно с крестьянами мобилизовать силы на борьбу за свержение царизма, на создание временного революционного правительства⁶⁰.

По призыву большевиков 23 февраля (8 марта), в Международный женский день, на фабриках и заводах проводились многотысячные собрания. С требованиями «Хлеба!», «Долой войну!», «Долой самодержавие!» работницы и рабочие вышли на улицы. На многих предприятиях, особенно в рабочем Выборгском районе столицы, начались забастовки. По официальным данным, в этот день на 50 предприятиях забастовало до 90 тыс. рабочих. Стачка превратилась в мощную политическую демонстрацию. Только к концу дня конным городским удалось восстановить порядок, но ненадолго.

На следующий день, 24 февраля, в столице уже бастовало 200 тыс. рабочих. С пением «Марсельезы», «Варшавянки», «Смело, товарищи, в ногу», с криками «Долой царя!», «Долой войну!», «Хлеба и мира!» с рабочих окраин устремлялись в центр мощные потоки людей и, несмотря на препятствия патрулей, конных городских, жандармов и цепи солдат, сливались вместе, заполняя главную магистраль города – Невский проспект. К вечеру командующий войсками Петроградского военного округа генерал Хабалов собрал у себя на квартире совещание, на котором присутствовали градоначальник Балк, начальник охраны генерал Глобачев, городской голова Лелянов и другие должностные лица. Собравшиеся наметили меры по борьбе с «беспорядками»: было принято решение вызвать дополнительные войска, провести в ночь на 25 февраля аресты и обыски.

Утром 25 февраля в городе появились листки с «объявлением». Генерал Хабалов предлагал рабочим не позднее вторника, 28 февраля, приступить к работе, угрожая в случае отказа отпавить всех военнообязанных рабочих призыва 1917–1919 гг. в армию. Но было уже поздно. Всеобщая политическая стачка охватила весь Петроград, остановились все фабрики и заводы, городской транспорт. Многотысячные потоки демонстрантов заполнили проспекты и площади. У Казанского собора и на Знаменской площади шли непрерывные митинги. Именно здесь казаки Первого Донского полка дали залп по разгонявшим рабочих конным городским, а командир городских был зарублен казаком.

Первые известия о революционных событиях в Петрограде Николай II получил только 25 февраля. Хабалов в 4 час. 40 мин. направил в Ставку длинную телеграмму, рассказывая о событиях предшествующих дней, перечисляя воинские части, которые принимали участие в «подавлении беспорядков». Министр внутренних дел Протопопов был далек от мысли, что в России началась революция. Когда позвонивший ему по телефону вечером 25 февраля товарищ обер-прокурора Синода Н.Д. Жевахов высказал эту догадку, то Протопопов поспешил его успокоить: «Если революция и будет в России, то не раньше, как через 50 лет»⁶¹.

Одновременно в Ставку к царю поступило очередное письмо от Александры Федоровны. «Это – хулиганское движение, – писала царица, – мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, – просто для того, чтобы создать возбуждение, – и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам»⁶².

Около 9 час. вечера Хабалов получил телеграмму царя: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай»⁶³. Не прошло и часа, как Хабалов собрал начальников участков, командиров запасных частей и предложил им принять «решительные действия», т. е. стрелять в народ. В ночь на 26 февраля по городу прошли массовые аресты: охранке удалось арестовать и 5 членов Петербургского комитета большевиков. Руководство массами перешло к Выборгскому районному комитету большевиков.

В 12 час. ночи на квартире председателя Совета министров кн. Голицына собрались министры. На заседании царила полная растерянность. Протопопов настаивал на роспуске Государственной думы, но оказался в меньшинстве. Испуганные министры даже приняли решение просить председателя и членов Государственной думы «употребить свой престиж для успокоения толпы»⁶⁴. Министры разошлись лишь в 4 часа утра.

В воскресенье, 26 февраля, войска и полиция заняли свои посты: на колокольнях церквей, крышах и чердаках были установлены пулеметы. По проспектам гарцевали конные городовые. Хабалов издал приказ: после трехкратного предупреждения стрелять в толпу боевыми патронами.

В полдень 26 февраля, когда тысячи рабочих и работниц направились к центру, их встретила полиция, а затем и войска. В ряде пунктов города войска стреляли в народ, засевшие на крышах полицейские поливали улицы из пулеметов. Рабочие стали громить полицейские участки, разоружали городовых. Полити-

ческая стачка по призыву большевиков переросла в вооруженное восстание.⁷ Большевистские агитаторы проникли в солдатские казармы. В солдатских массах произошел перелом. Первая рота запасного батальона гвардейского Павловского полка разбила цейхгауз, забрала винтовки и патроны и двинулась на Невский проспект, стреляя по пути в городских. В ночь на 27 февраля восстал гвардейский Волынский полк.

Еще утром 26 февраля Родзянко пространной телеграммой сообщал царю о событиях: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт... пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя»⁶⁵.

Николай II принял эту тревожную телеграмму довольно равнодушно: в этот день он присутствовал на обедне, затем направился в длительную прогулку по Бобруйскому шоссе, принял сенатора, а вечером играл в домино с придворными. В ночь на 27 февраля царь подписал указ (датированный 25 февраля) о перерыве заседаний Государственной думы и Государственного совета.

Морозная ночь опустилась на столицу Российской империи; плотно зашторены окна и заперты двери роскошных особняков, в безмолвии застыли громады дворцов и зданий министерств. Но город не спал. В рабочих кварталах на Выборгской стороне, Васильевском острове, за Нарвской заставой кипит жизнь. На улицах, фабричных дворах рабочие формируют отряды, распределяют оружие. Рабочий Питер готовится к боям. Не спят и во многих солдатских полках. Днем по приказу командиров некоторые части стреляли в народ. Сейчас солдаты решали вопрос: что же делать завтра?

С утра 27 февраля восстание охватило весь город. Революционные рабочие и солдаты захватили арсенал с 40 тыс. винтовок, политическую тюрьму «Кресты», военную пересыльную и женскую тюрьмы, запылало разгромленное здание окружного суда. Солдаты стали переходить на сторону революции. Власть оказалась парализованной.

На Гороховой улице в Петербургском охранном отделении 24 и 25 февраля продолжалась обычная работа царского органа политического сыска: велась, как всегда, переписка, отдавались приказы об обысках и арестах, принимались донесения филеров. Но в эту будничную деятельность врывались сводки-телефонограммы и сообщения тайных сотрудников о событиях на улицах города. 25 февраля телефонограмм из полицейских участков стало мень-

ше, 26 февраля их поступило только шесть, так как многие полицейские участки прекратили свое существование. 27 февраля в охранку пришло лишь два донесения о восстании солдат, а вечером того же дня охранка была разгромлена⁶⁶.

На улицах Петрограда распространялась листовка-манифест ЦК большевиков о свержении самодержавия: «Граждане! Твердыни царизма пали... Столица в руках восставшего народа...

По всей России поднимается красное знамя восстания! По всей России берите в свои руки дело свободы, свергайте царских холопов, зовите солдат на борьбу.

По всей России, по городам и селам создавайте правительство революционного народа»⁶⁷.

В кабинете председателя Думы в 11 час. 27 февраля собрались думские старейшины (главы фракций) и после длительных споров приняли решение:

«Императорскому указу о роспуске подчиниться – считать Государственную думу нефункционирующей, но членам Думы не разъезжаться и немедленно собираться на частное совещание». Совещание это было намечено на 2 часа 30 мин.

В промежутке между этими заседаниями Родзянко выслал царю вторую телеграмму, в которой верноподданнически информировал о выполнении указа о перерыве в заседании Думы и рисовал мрачную картину развития революции: «Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров». Родзянко призывал царя образумиться и назначить новое правительство, создать вновь Думу и Государственный совет. Он призывал царя к действиям: «Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец и крушение России, а с ней и династии неминуемо... час, решающий судьбу вашу и родины, настал. Завтра может быть уже поздно»⁶⁸. Царь принял это послание Родзянко так же равнодушно, как и предыдущее. «Опять этот толстяк Родзянко, – посмеиваясь, говорил он министру двора Фредериксу, – мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать»⁶⁹.

В половине третьего 27 февраля собралось «частное совещание» членов Государственной думы. Внешнюю обстановку этого заседания, страх перед революцией и растерянность собравшихся впоследствии хорошо изобразил В.В. Шульгин. Чтобы подчеркнуть неофициальный характер встречи, члены Думы собрались не в Большом зале заседаний, а в так называемом Полуциркульном. «Он едва вместил нас: вся Дума была налицо. За столом сидели Родзянко и старейшины. Кругом сидели и стояли,

столпившись, стеснившись, остальные... Встревоженные, взволнованные, как-то душевно припавшиеся друг к другу... Даже люди, много лет враждовавшие, почувствовали вдруг, что есть нечто, что всем одинаково опасно, грозно, отвратительно... Это нечто была улица... уличная толпа... Ее приближавшееся дыхание уже чувствовалось... С улицей шествовала та, о которой очень многие, наверное, подумали, ощутили ее бессознательно... По улице, окруженная многотысячной толпой, шла смерть»⁷⁰. Так выглядела революция в глазах представителей господствующего класса.

На заседании столкнулось несколько точек зрения по вопросу о власти: одни предлагали установить военную диктатуру во главе с генералом, другие рекомендовали передать власть Совету старейшин Думы, третьи советовали объявить Думу учредительным собранием, четвертые требовали создать особый комитет Государственной думы. С некоторыми поправками была принята последняя точка зрения. Совет старейшин избрал Временный комитет Государственной думы из 12 лиц во главе с М.В. Родзянко. Большинство членов этого комитета входили ранее в бюро «Прогрессивного блока». Временный комитет поставил задачу не допустить перехода власти к народу. Сразу же после заседания Родзянко с некоторыми думскими лидерами направился на квартиру к брату царя вел. кн. Михаилу, где был и председатель совета министров кн. Н.Д. Голицын. Родзянко стал уговаривать Михаила согласиться стать «диктатором» Петрограда. Голицын сообщил, что еще вечером он выслал царю телеграмму с просьбой распустить Совет министров и составить новый кабинет во главе с кн. Львовым или Родзянко. Совещание окончилось безрезультатно: участники решили ждать царского ответа. Он последовал в двенадцатом часу ночи.

Николай II отнесся холодно к предложениям Голицына. «Относительно перемен в личном составе, – заявил он, – при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми». Здесь же он сообщил, что назначил «главного начальника для Петрограда»⁷¹.

Что же происходило в это время в Петрограде?

Если большевики руководили массами на улицах Петрограда, то меньшевики предпочли иные действия. С утра 27 февраля они устремились к Таврическому дворцу, и к середине дня инициативная группа меньшевиков и эсеров из 14 человек объявила себя Временным исполнительным комитетом Совета рабочих депутатов. Этот комитет обратился к «войскам и заводам» с воззванием, предлагая им избрать депутатов в Совет по одному от 1000 рабочих и по одному от роты или казачьей сотни. Если учесть, что гарнизон Петрограда и окрестностей насчи-

тывал 466 тыс. человек, а рабочих было 380 тыс., то в Совете, избранном 27 февраля, преобладали нерабочие депутаты. Из 250 депутатов, собравшихся на первый пленум Совета вечером 27 февраля в одной из комнат обширнейшего Таврического дворца, рабочих насчитывалось всего 40–45 человек. Большевики были представлены лишь 38 депутатами (среди них В.Д. Бонч-Бруевич, К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, Н.И. Подвойский). Предложение большевиков объявить Совет «высшим органом государственной власти» было отвергнуто меньшевистско-эсеровским большинством. Совет занялся частными вопросами. Лишь к концу пленума, в ночь на 28 февраля был избран Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов во главе с меньшевиком Н. Чхеидзе.

После получения царского ответа в ночь на 28 февраля члены Временного комитета Государственной думы поняли, что сговор с царем не состоялся, и если не заявить о взятии власти, то ее возьмут те, кто уже полностью овладел Петроградом, – рабочие и солдаты. Поэтому около полуночи Родзянко подписал сообщение о взятии власти Временным комитетом Государственной думы. У меньшевистско-эсеровских руководителей Совета это сообщение не вызвало удивления. Наоборот, они встретили его с удовлетворением, так как считали, что в буржуазной революции союзником пролетариата является буржуазия, которой и будет принадлежать власть при «контроле» со стороны «демократии», т. е. меньшевистско-эсеровского руководства Совета.

Эсеры и меньшевики боялись развития революции и старались поскорее прекратить революционную борьбу народа.

О всех событиях дня 27 февраля в Ставке знали по телеграммам Родзянко, кн. Голицына, генерала Хабалова и военного министра генерала Беляева. Николай II изрек: «Надо надеяться, что эти безобразия будут скоро прекращены»⁷². В очередном письме к Александре Федоровне он даже высказал абсурдную догадку: «Беспорядки в войсках происходят от роты выздоравливающих, как я слышал»⁷³.

Царское окружение в Ставке оказалось более прозорливым, и полученные телеграммы вызвали среди него уныние и страх. «Все будем висеть на фонарях, – пророчествовал в толпе перепуганных придворных вечно пьяный флаг-капитан Нилов, – у нас будет такая революция, какой еще нигде не было»⁷⁴.

Вечером 27 февраля на экстренном совещании в Ставке дальновидный начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Алексеев умолял Николая II согласиться на предложение Родзянко, министр двора Фредерикс дипломатично отмалчивался, и лишь дворцовый комендант Воейков горячо убеждал

царя не уступать, а немедленно выехать в Царское Село. Царь удовлетворенно кивал головой: он уже принял решение. Глубокой ночью числящегося при Ставке бывшего командующего Юго-Западным фронтом генерала Н.И. Иванова разбудил адъютант Николая II, и около 3 час. ночи царь предложил этому находившемуся не у дел преданному генералу возглавить карательную экспедицию в Петроград.

Вскоре после ухода Иванова, в 5 час. утра 28 февраля, от платформы станции Могилев медленно отошли два литерных поезда (царский и свитский) и, быстро набирая скорость, устремились на восток. Так начался последний рейс Николая II. Окольным путем через Вязьму, Ржев, Лихославль царь решил пробраться в Царское Село, поближе к мятежной столице. Из Вязьмы он послал ободряющую телеграмму Александре Федоровне, успокаивая ее сообщением, что в Петроград «много войск послано с фронта». Из Лихославля поезд повернул к Бологомю на Николаевскую (ныне Октябрьскую) железную дорогу, чтобы свернуть от ст. Тосно на Царское Село. Но литерные царские поезда так и не прибыли на станцию назначения. 1 марта Николай II записал в дневнике: «Ночью повернули с М. Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановились на ночь... Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось»⁷⁵. Николай II прибыл в Псков 1 марта в восьмом часу вечера. Здесь находился штаб Северного фронта, опираясь на войска которого царь рассчитывал действовать против Петрограда. Еще по пути в Псков он послал телеграмму Родзянко, приглашая его прибыть в Псков для переговоров о формировании нового правительства. И тот незамедлительно сообщил, что выезжает для доклада «о положении дел и необходимых мерах для спасения России». Вскоре после прибытия царя в Псков он получил новую телеграмму от Родзянко: «Чрезвычайные обстоятельства не позволили мне выехать, о чем доношу вашему величеству»⁷⁶.

Что же произошло за это время в столице? К концу дня 27 февраля стало ясно, что революция в столице победила – правительственный аппарат оказался парализованным. К вечеру в Мариинском дворце собралось последнее заседание Совета министров. Растерянные министры постановили исключить из состава правительства Протопопова. Председатель совета министров кн. Н.Д. Голицын весьма учтиво уговаривал Протопопова уйти в отставку или сказатья больным, так как одна фамилия этого царского министра «раздражает толпу», а его самоустранение якобы «внесет успокоение». «Ну, что же, я подчиняюсь», – про-

бормотал Протопопов, согласившись на время «заболеть»⁷⁷. Голицын послал Николаю II телеграмму, в которой сообщал об устранении Протопопова, и умолял согласиться на «общественный кабинет». Долго не расходились министры, дожидаясь ответа царя, но, так и не дождавшись, разошлись в полночь. Замешкавшихся двух министров чуть было не захватили ворвавшиеся в Марининский дворец отряды солдат и вооруженных рабочих. Царский Совет министров прекратил существование.

Уже с 27 февраля начались аресты наиболее ненавистных слуг царского режима. К вечеру был задержан председатель Государственного совета, бывший министр юстиции И.Г. Щегловитов и под конвоем доставлен в Таврический дворец. 28 февраля арестовали многих министров, генералов, деятелей охраны и жандармерии, крупных чинов бюрократии.

Их препровождали в так называемый Министерский павильон-пристройку к Таврическому дворцу, соединенную с главным зданием коридором; здесь в прошлом собирались приехавшие на заседание Думы министры. Никогда еще стены этого павильона не видели такого большого скопления важных сановников империи: одни из них сидели в креслах, другие дремали на диванах, третьи нервно расхаживали взад и вперед. Жандармский генерал Комиссаров беззаботно разлегся на стульях. 1 марта на грузовике доставили бывшего председателя Совета министров И.Л. Горемыкина.

Не могли найти лишь Протопопова, который исчез, и кем-то был пущен слух, что ему удалось бежать в Царское Село. В действительности же Протопопов был в Петрограде. После заседания Совета министров он решил укрыться не в доме министерства или на квартире (они были к этому времени разгромлены восставшим народом), а в каком-нибудь ведомстве. Увидев здание Государственного контроля, Протопопов в нем и обосновался, устроившись на диване в кабинете помощника государственного контролера. Протопопов скрывался здесь двое суток и лишь вечером 4 марта явился к Таврическому дворцу и объявил первому попавшемуся студенту: «Я Протопопов». Пока студент разыскивал начальника караула, чтобы «сдать» еще недавно всесильного фаворита царской семьи, Протопопова окружила толпа солдат и рабочих. Угрожающий шум голосов вдруг разрезал истерический крик: «Не смей прикасаться к этому человеку!» Землисто-бледный, худощавый мужчина с мешками под глазами, расталкивая толпу, устремился к перепуганному насмерть Протопопову. Это был член Временного комитета Думы и товарищ председателя Петроградского Совета А.Ф. Керенский. Он грозно приказал нескольким вооруженным солдатам «взять» из рассту-

пившейся толпы «этого человека», и, возглавляя конвой, провел Протопопова через переполненные народом коридоры дворца в Екатерининский зал. Когда за ними захлопнулись двери Министерского павильона, Керенский устало упал в кресло и любезно предложил Протопопову: «Садитесь, Александр Дмитриевич».

Министерский павильон превратился в островок, на котором укрылись от бури народного гнева верные слуги низверженного режима. Керенский, посетив павильон, пояснил: «Господа! Никто из вас не должен считать себя арестованным... народный гнев против слуг прежнего режима столь велик, что каждый из вас, оставаясь на своей квартире, рисковал своей жизнью...»⁷⁸

Пользуясь поддержкой меньшевистско-эсеровского руководства Петроградского Совета, Временный комитет Думы делал все, чтобы овладеть созданным положением. В ночь на 28 февраля Временный комитет обратился к населению России с воззванием, в котором заявлял, что берет в свои руки инициативу «восстановления государственного и общественного порядка» и создания правительства. В министерства, градоначальства и другие правительственные учреждения были назначены из членов Государственной думы комиссары. Офицеры во главе с членом Государственной думы полковником Б. Энгельгардтом захватили руководство в Военной комиссии Совета и стали действовать от имени Временного комитета Государственной думы, призывая солдат «сохранять порядок» и слушаться офицеров. Эти действия вызвали возмущение революционных солдат. Группа солдатских депутатов выработала текст знаменитого приказа № 1, и руководство Петроградского Совета было вынуждено его утвердить. Приказ № 1 вводил демократические порядки в войсках, устанавливал равноправие солдат, отменял титулование офицеров («ваше благородие», «ваше превосходительство» и т. п.). Был в приказе даже пункт о выборности командного состава, но во время печатания приказа в типографии меньшевик Соколов самовольно вычеркнул этот пункт. Временный комитет остался без войск. Революционные войска Петроградского гарнизона оказались в подчинении Совета.

28 февраля стал днем появления как пролетарской, так и буржуазной милиции. Если первая формировалась в рабочих районах на фабриках и заводах, то буржуазная милиция была создана при Петроградской думе из буржуазной молодежи.

И все-таки, несмотря на все попытки Временного комитета овладеть положением, реальная власть в столице, а также ее вокзалы, почта, телеграф, типографии находились в руках Петроградского Совета. Когда Родзянко 1 марта собрался выехать для переговоров с Николаем II, то Петроградский Совет заявил, что

может отпустить его лишь в сопровождении делегации от Совета и батальона революционных солдат. Взбешенный такими условиями председатель Временного комитета был вынужден подчиниться, выслав царю в Псков телеграмму о невозможности выехать из-за «чрезвычайных обстоятельств».

Вопреки этой реальной расстановке сил, меньшевистско-эсеровское руководство Петроградского Совета все-таки настаивало на формировании буржуазного правительства. Еще 28 февраля пленум Совета принял решение о переговорах с Временным думским комитетом по этому вопросу, а вечером неполный состав исполкома избрал специальную комиссию из 5 человек (4 меньшевика и 1 эсер) во главе с Н. Чхеидзе для ведения переговоров. Комиссия сразу же направилась в другое крыло Таврического дворца, где Временный комитет совещался с кандидатами в члены предполагаемого правительства, и предложила обсудить условия, при которых Совет сможет обеспечить правительству поддержку. Почти без прений были приняты 8 условий: политическая амнистия; дарование буржуазных свобод; отмена сословных, вероисповедных и национальных ограничений; подготовка к созыву Учредительного собрания; замена полиции народной милицией, подчиненной органам самоуправления; демократизация выборов в эти органы самоуправления; вывод революционных войск из Петрограда; демократизация армии «при сохранении строгой воинской дисциплины в строю и несении воинской службы»⁷⁹. Острые прения возникли в основном по двум пунктам, против которых возражали члены Временного комитета: им удалось вычеркнуть требование о выборности офицеров и снять туманный пункт, в котором Совет очень робко хотел подчеркнуть республиканскую форму правления в России.

Временный комитет и будущих министров правительства вполне устроило то, что меньшевики и эсеры не выдвинули самых острых требований, разрешения которых ждали широкие народные массы: мира, земли, восьмичасового рабочего дня.

С принятием этих условий Петроградского Совета вопрос об образовании Временного правительства был фактически решен, и список членов его вместе с декларацией появился 2 марта в официальном органе Временного комитета – «Известиях революционной недели».

Формируя правительство, руководители Временного комитета Государственной думы рассчитывали на сохранение монархии. Но уже к 1 марта стало ясно, что сохранить Николая II даже как конституционного монарха невозможно. Народные массы остро ненавидели человека, 23-летнее правление которо-

го принесло им так много бедствий и страданий. Поэтому члены Временного думского комитета и сформированного в ночь на 2 марта правительства попытались сохранить монархию иным путем: добиться отречения Николая II в пользу сына, 14-летнего Алексея, при назначении регентом царского брата Михаила.

«Разрешите мне действовать и дайте поезд, и я через несколько часов привезу текст отречения императора», – говорил на заседании Временного комитета А.И. Гучков.

1 марта около 8 час. вечера к станции Псков подошел роскошный царский поезд с плотно зашторенными окнами вагонов. На полутемной платформе его встречали главнокомандующий Северным фронтом генерал Рузский, его ближайший помощник генерал-квартирмейстер фронта Данилов да несколько железнодорожных служащих. Соскочивший на дебаркадер флигель-адъютант пригласил Рузского и Данилова пройти в вагон к министру двора Фредериксу, а тот провел их к Николаю II. На состоявшейся в салон-вагоне беседе осведомленный о событиях в столице Рузский деликатно настаивал на необходимости образования правительства, ответственного перед Государственной думой. Но Николай II хладнокровно возражал, считая, что это принесет «вред родине». И лишь после того, как Рузский обрисовал положение в столице, напомнил содержание телеграмм из Москвы, Кронштадта, Петрограда, Николай II вынужден был в 2 часа ночи подписать манифест о создании ответственного перед Думой правительства во главе с Родзянко. Генералу Иванову, обосновавшемуся со своим штабом карательного отряда в Вырице (недалеко от Гатчины), была послана телеграмма с предложением «приостановить движение на Петроград»; последнее, впрочем, оказалось актом бесполезным: Иванов тщетно пытался собрать войсковые части для экспедиционного корпуса, но успел заручиться поддержкой лишь одного полка. Ни о каком «движении на Петроград» он пока и не думал.

Ночью Рузского по прямому проводу вызвал из Петрограда Родзянко; их разговор продолжался в течение нескольких часов. Объяснив причины отказа выехать в Псков, Родзянко отклонил предложение формировать правительство, пояснив, что оно уже сформировано. «Я сам вишу на волоске, – жаловался он Рузскому. – Анархия достигла таких размеров, что я вынужден был сегодня ночью назначить Временное правительство. Время упущено, возврата нет». Родзянко от лица нового правительства советовал склонить Николая II на отречение в пользу Алексея при регентстве Михаила Александровича, заверяя Рузского, что это якобы и является «грозными требованиями народа» и внесет успокоение «в несколько дней»⁸⁰.

Рузский срочно информировал об этом начальника штаба Ставки генерала Алексеева, который согласился, что «выбора нет и отречение государя должно состояться», и от себя послал текст телеграммы всем главнокомандующим фронтами, запрашивая их по этому вопросу и предложив телеграфировать свое мнение к царю в Псков.

С утра 2 марта Рузский поспешил в царский вагон и доложил Николаю II о своем ночном разговоре с Родзянко, предложил прочитать запись разговора. Николай II после ознакомления помолчал, а затем неохотно промолвил, что он-то «готов» отречься, хотя и опасается, что «народ этого не поймет». Тогда Рузский ознакомил Николая II с текстом только что полученных телеграмм от главнокомандующих фронтами и командующего Балтийским флотом на запрос Алексеева. Все главнокомандующие, включая и вел. кн. Николая Николаевича, верноподданнически, но твердо рекомендовали Николаю II отречься от престола в пользу наследника при регентстве вел. кн. Михаила. Алексей даже предложил готовую форму отречения. Николай II вынужден был согласиться. Царь набросал текст ответа Алексееву и Родзянко об отречении на предложенных условиях.

Едва Рузский покинул царский вагон, как ему вручили только что полученную телеграмму о приезде в Псков вечером А.И. Гучкова и В.В. Шульгина. Рузский поспешил вернуться и доложить об этом царю. Решив пока не отправлять телеграммы Алексееву и Родзянко, стали ждать приезда «депутатов законодательных палат». Эта весть возродила у Николая II даже какие-то надежды, что еще не все потеряно. Особенно обнадежил царя приезд Шульгина.

Около 10 час. вечера к концу длинной платформы псковского вокзала подошел поезд с единственным вагоном-салонем. Опасаясь, что Гучкова и Шульгина перехватит Рузский и «уговорит их», царь выслал на вокзал флигель-адъютанта полковника Мордвинова, который сразу же повел прибывших по железнодорожным путям к царскому поезду.

«Что же происходит в Петрограде?» – осведомился царский придворный. «В Петрограде творится что-то невообразимое, – признался Шульгин. – Мы находимся всецело в их руках, и нас, наверно, арестуют, когда мы вернемся». В зеленоватом салоне вагона-столовой за небольшим столом, придвинутым к стене, разместились Николай II, Гучков и Шульгин, генерал Рузский и Фредерикс.

Тихим голосом Гучков доложил царю обстановку в столице, заключив свое выступление все тем же советом – отречься от престола. Царь ответил, что он уже принял решение об отрече-

нии в пользу сына. Но теперь он отрекся и за себя и за сына в пользу брата Михаила. Царь отклонил составленный ими еще в поезде проект манифеста об отречении, заявив, что составил свой текст.

Николай II прошел в свой вагон. Вернувшись через час, он передал текст манифеста, перепечатанный на нескольких телеграфных бланках; это был текст неотправленной телеграммы Алексею в Ставку. Констатируя «внутренние народные волнения», Николай II объяснял отречение стремлением «облегчить... тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы». Признав «за благо... сложить с себя верховную власть», Николай II отрекся в пользу брата Михаила, которому предлагал «править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях»⁸¹... Гучков глухим голосом прочитал текст вслух, Шульгин внес две-три небольшие поправки. Гучков попросил, на всякий случай, подписать два экземпляра акта отречения. «Мы, – признался он, – опасаемся, что при бурных обстоятельствах Петрограда акт, который мы привезем, будет утрачен»⁸². Николай II согласился с ним и, кроме того, набросал два указа Сенату: один – о назначении верховным главнокомандующим вел. кн. Николая Николаевича, другой – о назначении председателем Совета министров кн. Г.Е. Львова.

Все три документа (манифест об отречении и указы о назначениях Львова и Николая Николаевича) царь утвердил одновременно почти в полночь 2 марта, но датированы они были различно: указы – часом дня, а манифест – тремя часами дня, чтобы создать видимость о том, что Николай II принял свое решение самостоятельно до приезда Гучкова и Шульгина. Таким образом, в течение одних суток Николай II подписал три совершенно различных акта: в 2 часа ночи на 2 марта – манифест о даровании «ответственного министерства», в 3 часа дня 2 марта – акт об отречении в пользу сына и, наконец, в 23 часа 48 мин. того же дня – отречение в пользу брата Михаила.

Гучков и Шульгин перешли в вагон Рузского и ожидали, когда текст отречения будет изготовлен окончательно.

Первый экземпляр отречения, написанный на листках большого формата, остался у генерала Рузского, а второй – на листе большого формата вручен под расписку Гучкову и Шульгину.

Впопыхах взволнованные действующие лица сцены отречения не обратили внимания на довольно нелепую форму самого манифеста, который начинался почему-то словом «Ставка», а в конце, за подписью Николая II и скрепой Фредерикса, имел адресат: «Начальнику штаба верховного главнокомандующего». В

таким виде он был опубликован в «Собрании узаконений и распоряжений Временного правительства», вызывая недоумение у непосвященных современников. При чем здесь «Ставка» и «Начальник штаба верховного»? Ведь манифест предназначался стране. Как упоминалось выше, Алексеев прислал свой проект манифеста об отречении, но Николаю II он не понравился и в царском поезде был составлен манифест об отречении в форме телеграммы в Ставку на имя начальника штаба генерала Алексева, которую отослать не успели. Николай II и предложил Гучкову этот вариант, он был перепечатан на машинке, сохранив форму телеграммы в Ставку Алексееву. В ту же ночь Гучков и Шульгин выехали в Петроград, а бывший император – в Могилев, в Ставку.

Известие, что Николай II отрекся от престола в пользу своего брата и тем сохранил ненавистное правление «дома Романовых», было встречено взрывом народного возмущения. На вокзале, при возвращении в Петроград, железнодорожные служащие чуть было не арестовали Гучкова и Шульгина, пытавшихся провозгласить здравицу в честь «его императорского величества Михаила Второго».

Около полудня 3 марта на квартире отставного генерала Путятина, где проживал вел. кн. Михаил в обстановке строгой секретности, тайно собрались члены Временного правительства и Временного комитета Думы. После зрелого размышления, трезво оценив обстановку, Михаил отказался от верховной власти⁸³.

А в это время литерный поезд бывшего российского императора мчался по заснеженным холодным просторам в Ставку. Видимо, для поддержания духа Николай Романов читал... о Юлии Цезаре. В 9-м часу вечера поезд прибыл в Могилев, а через час Алексеев доложил ему последние вести – отречение Михаила. «Оказывается, Миша отрекся, – записал перед сном в дневнике Николай Романов. – Его манифест кончается четыреххвосткой⁸⁴ для выбора через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!»⁸⁵

Народные массы России сбросили с головы «хозяина земли русской» – Николая Романова – императорскую корону, не позволили подхватить ее другому претенденту.

Что Николай лишился места,
Мы знали все без манифеста,
Но все же, чтоб не было неясности,
Предать необходимо гласности
Для «кандидатов» всех ответ:
Что «места» также больше нет.

Так писал известный пролетарский поэт Демьян Бедный в стихотворении, помещенном через день после отречения Николая II в органе Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – газете «Известия»⁸⁶.

В условиях общего экономического кризиса, порожденного империалистической войной, народные массы свергли «хозяев земли русской», и «телега залитой кровью и грязью романовской монархии» смогла «опрокинуться *сразу*»⁸⁷.

К началу XX в. Россия оказалась узловым пунктом всех противоречий империализма, страной, в которой монополистический капитализм среднего уровня развития переплетался с пережитками крепостничества в экономике, праве и государственном строе. Охранение в условиях империализма феодально-политического строя, абсолютной монархии и дворянского бюрократического аппарата, проводившего реакционную политику в интересах помещиков и буржуазии, давало основания В.И. Ленину писать «о военно-феодальном империализме» в России. Россия сделалась центром мирового революционного движения, что привело к первой буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг.

Революция нанесла серьезный удар по самодержавию, но еще не смогла его сокрушить. Она вынудила самодержавие пойти на уступки, ускорила процесс его эволюции в сторону буржуазной монархии. Если освобождение крестьян в 1861 г. и буржуазные реформы 60–70-х годов были первым и робким «шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию»¹, то период после первой революции ознаменовался более решительным продвижением самодержавия в этом же направлении. Манифест 17 октября 1905 г., создание Государственной думы, новая аграрная (стольпинская) политика и, наконец, союз реакционных помещиков с верхами буржуазии в форме «третьеиюньского блока» в Третьей Государственной думе – все это звенья одного процесса – приспособления самодержавия к новым историческим условиям, процесса, завершившегося вторым шагом на пути к буржуазной монархии. В.И. Ленин дал характеристику государственного строя России в резолюции «О современном моменте и задачах партии», принятой на V конференции РСДРП(б) в 1908 г. «Старое крепостническое самодержавие, – писал В.И. Ленин, – разлагается, делая еще шаг по пути превра-

щения в буржуазную монархию, прикрывающую абсолютизм лжеконституционными формами»².

Самодержавие со времени первой революции действительно не могло уже существовать на старых началах, а вынуждено было прикрываться лжеконституционными формами. Изменилась самая важная статья «Основных законов Российской империи», в которой говорилось о том, что «император Российский есть монарх самодержавный и неограниченный». Из нее был исключен весьма конкретный термин «неограниченный» с сохранением понятия «самодержавная власть». Это одна из конкретных, указанных В.И. Лениным «лжеконституционных форм», поскольку понятия «неограниченный» и «самодержавный» являлись тождественными еще с XVIII в. Сам Николай II при обсуждении нового издания «Основных законов» на совещании высших чиновников государства в Царском Селе 9 апреля 1906 г. признал, что если эта статья «останется без изменения, то это вызовет волнения и нападки»³. Все последующие законы подтверждали неизбежность самодержавия. Правда, статья 86 поясняла, что никакой закон не может последовать «без одобрения» Государственной думы и Государственного совета и «воспринять силу без утверждения государя императора», но практическое значение «законодательных» функций этих высших органов было невелико: царь мог в любое время распустить их и назначить новые выборы. Подавляющее большинство проектов законов, поступавших в эти палаты «парламента» России, выдвигалось по инициативе царских министров; законодательная же инициатива Думы и Совета была ничтожна⁴. Статья 87 «Основных законов Российской империи» открывала простор для утверждения в период отсутствия заседаний Государственной думы и Государственного совета законов в форме «чрезвычайных указов» после обсуждения их в Совете министров⁵. Мало напоминал «правительственный кабинет» и Совет министров – все министры в Совет по-прежнему назначались царем из представителей высшей бюрократии.

Как и в XIX в., бюрократия принадлежала в своей основной массе к потомственному и личному дворянству, самодержавие оставалось полупатриархальным, полукрепостническим⁶.

Несмотря на то что буржуазия России имела в государственном аппарате сравнительно второстепенные позиции, ее роль в экономике уравновешивала значение двух господствующих классов, и это равновесие помещиков и буржуазии и стало социальной базой абсолютизма. Союз реакционных помещиков и крупной буржуазии в Третьей думе и столыпинская аграрная политика явились попытками расширения социальной базы самодержавия.

Сохранение в условиях империализма самодержавия, дворянской бюрократии, помещичьего землевладения и других пережитков крепостничества влекло за собой разложение верхов. После первой революции особенно явно обнаруживается, что самодержавие и весь его государственный аппарат прогнили сверху донизу. Авторитет самодержавия и самого Николая II даже в среде господствующих классов падает. С другой стороны, неразрешенные задачи буржуазной революции создавали условия для нового революционного подъема. Самодержавие только в войне видело средство отвлечь внимание от роста недовольства внутри страны и подавить растущее революционное движение.

Мировая война усилила политические позиции буржуазии и приблизила ее к власти, но брать эту власть она не хотела и боялась, считая, что самодержавная власть и возглавляемый ею государственный аппарат надежно охраняют интересы буржуазии и помещиков от народных масс. Война вызвала острый экономический и политический кризис, оказала влияние на революционную ситуацию, которая переросла в буржуазно-демократическую революцию, свергнувшую самодержавие в феврале 1917 г.

Пришедшая к власти буржуазия удерживала ее всего семь с половиной месяцев. В результате вооруженного восстания рабочих и крестьян, солдат и матросов во главе с большевистской партией и под руководством великого Ленина в России 25 октября (7 ноября) 1917 г. победила социалистическая революция. Она свергла строй эксплуатации и угнетения, вырвала страну из империалистической войны, образовала государство диктатуры пролетариата – главное орудие построения социализма.

История России в начале XX в. явилась эпохой кануна социалистической революции. Анализ ее событий показывает, что и свержение самодержавия, и социалистическая революция были не случайными явлениями, а имели свои исторические предпосылки, вытекающие из закономерного развития страны.

Глава 1

- 1 См.: «Основные законы Российской империи» – законодательный акт об основах государственного строя России, составленный в 20-х годах XIX в. М. Сперанским и включенный впервые в сборник «Свод законов Российской империи» (1832 г.). Новое издание «Основных законов» (1906 г.) не изменило сущности самодержавной власти и формы правления.
- 2 См.: История уделов за столетие их существования (1797–1897). СПб., 1902. Т. 1. С. 186–193; Статистический ежегодник России. 1914. Пг., 1915. С. 8–9.
- 3 Там же.
- 4 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 68.
- 5 См.: Путеводитель по Ленинграду. Л., 1963. С. 234.
- 6 С лета 1914 г. и летняя резиденция была переведена в этот дворец.
- 7 Ныне ул. Халтурина. В Мраморном дворце в наши дни помещается филиал Центрального музея В.И. Ленина.
- 8 См.: Министерство финансов. 1802–1902 гг. СПб., 1902. Ч. II. С. 648.
- 9 Карат – ювелирная единица веса, равна 0,2 г.
- 10 Для сравнения нужно отметить, что квалифицированный рабочий в некоторых тяжелых отраслях промышленности (например, нефтяной) за 15–18-часовой рабочий день в конце XIX в. получал 7–12 руб. в месяц, т. е. 84–144 руб. в год. По официальному обследованию в 1910 г., русский рабочий в среднем получал в год 246 руб. (Краткая история рабочего движения в России. М., 1962. С. 273, 434). Доходы крестьян – бедняков и середняков – были еще ниже.
- 11 См.: Весь Петроград на 1915 г. Адресная и справочная книга. Пг., 1915. С. 42–56.
- 12 «Императорское» звание носили более полусотни учебных и других заведений и обществ, которые, как считалось, находились под покровительством царя. Среди них университеты, Александровский лицей, Русское историческое общество, Всероссийский аэроклуб, а также Общество спасения на водах, Общество поощрения рысистого коннозаводства, Пожарное общество и др. (Весь Петроград на 1915 г. С. XX).
- 13 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 136.
- 14 См.: Щедрин Н. (Салтыков М.Е.). Избранные произведения: В 7 т. М., 1949. Т. VI. С. 54–57.
- 15 См.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 70–80-х годов XIX в. М., 1964; Он же. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.

- 16 Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (сокр. ЦГАОР). Ф. 6. Д. 224. Л. 122.
- 17 При получении известия об этом событии талантливый московский репортер В.А. Гиляровский набросал экспромт, который вскоре обошел Россию:

Приключением в Отсу
Опечален царь с царицею.
Тяжело читать отцу,
Что сынок побит полицею.
Цесаревич Николай,
Если царствовать придется,
Никогда не забывай,
Что полиция дерется.

(*Бояновский В., Голлербах Э.* Русская сатира первой революции 1905–1906 гг. Л., 1925. С. 72).

- 18 Правительственный вестник. 1895. 18 янв.
- 19 Корона, так же как держава и скипетр, составляла знаки внешнего выражения власти российских императоров. *Корона* – головной убор для коронования, украшенный 5000 бриллиантов, 75 жемчужинами и одним из самых крупных в мире рубинов; *держава* – полированный золотой шар, охваченный поясом из бриллиантов; *скипетр* – гладкий золотой жезл с семью кольцами из бриллиантов (в верхнем кольце скипетра находился знаменитый алмаз «Орлов»).
- 20 *Краснов В.* Ходынка. М.; Л., 1926. С. 33.
- 21 ЦГАОР. Ф. 543. Оп. 1. Д. 652, Л. 17–17об.; История Москвы. М., 1955. Т. V. С. 666.
- 22 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 268.
- 23 См.: *Крылов А.Н.* Мои воспоминания. М., 1945. С. 155.
- 24 Там же. С. 157.
- 25 Впоследствии, после Великой Октябрьской социалистической революции, уже в эмиграции вел. кн. Кирилл оказался наиболее близким по родству к расстрелянному в 1918 г. бывшему царю Николаю Романову и провозгласил себя в 1924 г. «императором» несуществующего российского престола; он с необычайной легкостью делал назначения, давал титулы, звания, награды.
- 26 Цит. по: *Обнинский В.Н.* Последний самодержец. Берлин. 1912. С. 489.
- 27 Дневник А.В. Богданович. М.; Л., 1924. С. 483.
- 28 Этот чин соответствовал генерал-майору в армии и контр-адмиралу во флоте.
- 29 Цит. по: *Шеманский А., Гейченко С.* Последние Романовы в Петергофе. М.; Л., 1931. С. 62.

- 30 Цит. по: *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 269.
- 31 См.: Новое время. 21 июня 1903 г.; Былое. 1918. № 12. С. 148–149.
- 32 Цит. по: *Витте С.Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 291.
- 33 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 156.
- 34 Цит. по: *Обнинский В.Н.* Указ. соч. С. 152.
- 35 Он был убит эсером-террористом 15 июля 1904 г.
- 36 ЦГАОР. Ф. 601. Д. 247. Л. 146.
- 37 Реформа 1863 г. об отмене телесных наказаний на крестьян не распространялась, и их пороли в волостных правлениях по решению волостных судов еще более 40 лет.
- 38 ЦГАОР. Ф. 601. Д. 235. Л. 28, 40, 41 и др.
- 39 Там же. Д. 248. Л. 66.
- 40 Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Начало первой русской революции. М., 1955. С. 28–30.
- 41 См.: Начало первой революции. Январь–март 1905 г. М., 1959. С. 47.
- 42 *Горький М.* Избранные произведения: В 3 т. М., 1968. Т. 2. С. 120.
- 43 ЦГАОР. Ф. 604. Д. 248. Л. 70.
- 44 См.: Правительственный вестник. 1905. 11 янв.
- 45 Там же.
- 46 См.: Краткая история рабочего движения в России (1861–1917 гг.) М., 1962. С. 315.
- 47 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 238. (С мая Трепов стал заведовать полицией, заняв еще один пост – товарища министра внутренних дел. Будучи только товарищем министра, Трепов был выше всех министров.)
- 48 Правительственный вестник. 1905. 20 янв.
- 49 Во дворцах были и библиотеки, но они редко обслуживали царскую семью.
- 50 В комнатах великих княжон в Петергофском дворце, кроме икон, на стенах были развешаны вырезанные из мешанских журналов «Родина» и «Пробуждение» репродукции, а также рекламные картинки мыла Брокера, парфюмерной фирмы Ралле, шоколадной Сиу и К°.
- 51 Былое. 1918. № 12. С. 146.
- 52 Красный архив. 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 435–436.
- 53 Цит. по: *Василевский И.М.* Николай II. Пг.; М., 1923 С. 51.
- 54 ЦГАОР. Оп. 1. Ф. 601. Д. 249. Л. 58–59.
- 55 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 3, 120.
- 56 Революция 1905 г. и самодержавие. М., 1928. С. 39.
- 57 Былое. 1919. № 14. С. 109.
- 58 Там же.
- 59 Вел. кн. Николай Николаевич и его жена.
- 60 ЦГАОР. Ф. 601. Д. 249. Л. 61–62.

- 61 Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 162.
- 62 ЦГАОР. Ф. 601. Д. 250. Л. 127.
- 63 Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 208.
- 64 *Кокошкин Ф.Ф.* Юридическая природа манифеста 17 октября (Юридический вестник. М., 1913. Кн. I. С. 55); *Ивановский В.И.* Политико-культурное значение манифеста 17 октября 1905 г. (Там же. М., 1915. Кн. XI. С. 43).
- 65 *Ленин В.И.* Полн. собр. Т. 19. С. 214.
- 66 Красный архив. 1925. Т. 4–5. (11–12). С. 44.
- 67 ЦГАОР. Ф. 601. Д. 249. Л. 103.
- 68 Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 168.
- 69 Цит. по: *Василевский И.М.* Указ. соч. С. 54.
- 70 Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 186–187.
- 71 Там же. 1934. Т. 2 (63). С. 136.
- 72 Там же. 1927. Т. 3 (22). Т. 198.
- 73 Там же.
- 74 ЦГАОР. Ф. 601. Д. 249. Л. 72.
- 75 Вопросы истории. 1964. № 12. С. 93.
- 76 Там же. № 10. С. 130.
- 77 Голос минувшего. 1917. № 3. С. 53.
- 78 Вопросы истории. 1964. № 10. С. 131–133.
- 79 Там же. С. 132.
- 80 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 12.
- 81 Там же. Т. 20. С. 307.

Глава 2

- 1 Цит. по: *Горький М.* Мои университеты // Горький М. Собр. соч. М., 1951. Т. 13. С. 562.
- 2 По примерному подсчету писателя и публициста Н.А. Рубакина, в России к началу XX в. насчитывалось около 436 тыс. гражданских и военных чиновников (Вестник Европы. 1910. Кн. I. С. 114).
- 3 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 137.
- 4 См.: *Ерошкин Н.П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. Гл. I–IV; *Он же.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. Гл. I–IV.
- 5 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 455–456.
- 6 Полное название: «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалованы был». (Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 3890.)

- 7 Первый куплет известного романса А.С. Даргомыжского на стихи поэта П.И. Вейнберга «Титулярный советник»

(Он был титулярный советник,
Она – генеральская дочь,
Он робко в любви объяснился,
Она прогнала его прочь...)

имеет глубоко понятный для дореволюционных времен социальный смысл. В случае брака титулярного советника (IX класс) и генеральской дочери (генерал – II–IV класс) дети от этого брака не получали дворянства и, по обычаям того времени, были бы приписаны лишь в полупривилегированную сословную группу почетных граждан или даже в совсем непривилегированную – мещан.

- 8 В дореволюционной России звание действительного студента получали лица, окончившие высшие учебные заведения, без защиты кандидатской диссертации (фактически современной дипломной работы); защитившие по окончании кандидатскую диссертацию получали звание кандидата наук.
- 9 См.: Каталог отечественных орденов, медалей и наградных знаков. Л., 1962.
- 10 См.: *Спасский И.Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 г. Л., 1963. С. 109–126.
- 11 Журнал Министерства юстиции. 1906. № 8. С. 58.
- 12 Россия. 1906. 26 сент.
- 13 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 58.
- 14 См.: *Добровольский Л.М.* Запрещенная книга в России 1825–1904 гг. М., 1962.
- 15 *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 259.
- 16 Рукописный отдел Гос. публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 781. Д. 568. Л. 238.
- 17 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 140.
- 18 *Витте С.Ю.* Указ. соч. Т. 3. С. 89.
- 19 Труды I съезда уполномоченных дворянских обществ 39 губерний. СПб., 1906. С. 3.
- 20 В 1906–1912 гг. в Совет входили: крупный помещик, близкий ко двору (гофмейстер) гр. А.А. Бобринский, орловский помещик А.А. Нарышкин, екатеринославский помещик А.П. Струков, предводитель дворянства А.Д. Самарин.
- 21 Подсчитано по «Своду постановлений I–X съездов уполномоченных объединенных дворянских обществ 1906–1914 гг.» (Пг., 1915).
- 22 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 264.
- 23 Там же. Т. 15. С. 19.
- 24 Там же. Т. 9. С. 331.

- 25 См.: *Бонч-Бруевич В.Д.* Россия под гласным надзором // Бонч-Бруевич В.Д. Избр. соч. М., 1962. Т. II. С. 46.
- 26 В конце XIX в. крестьяне на содержание волостных и сельских органов платили более 61,6 млн руб. (*Бржесский Н.* Натуральные повинности крестьян и мирские сборы. СПб., 1906. С. 15).
- 27 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 173.
- 28 Выходка земского начальника первого участка А.И. Штейна попала в донесение начальника Тамбовского жандармского управления только потому, что, зарвавшись, тот в гневе назвал Александра II «глухим», что означало уже «оскорбление в бозе почившего» императора (ЦГАОР. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Д. 804. Л. 11). Запрет отмечать юбилей освобождения крестьян исходил от самого «умного» (по терминологии Штейна) Александра III. «Никаких 25-летних юбилеев, – указывал он министру внутренних дел в 1885 г., – не признавать и празднование их особенным образом запретить» (Там же. Д. 6–9. Л. 2).
- 29 Труды местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1904. Т. XVIII. С. 155.
- 30 *Присяжные заседатели* – представители от имущих классов населения, присутствующие в окружных судах (12 человек) и определявшие степень виновности подсудимых; меру наказания устанавливали чиновники-судьи.
- 31 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 373–374.
- 32 См.: Отчет Главного тюремного управления за 1900 г. СПб., 1905. С. 5.
- 33 *К-ин П.* В застенке. Орловский каторжный централ: Сб. М., 1929. С. 121.
- 34 См.: Об особенностях империализма в России: Сб. М., 1963. С. 11–52.
- 35 Накануне первой мировой войны армия России имела 1284,2 тыс. человек (см.: Военно-исторический журнал. 1966. № 1. С. 108).
- 36 См.: Ежегодник России. 1910 г. СПб., 1911. С. 644–647; Статистический ежегодник России. 1915. Пг., 1916. С. 10–13. На нужды же просвещения Россия в 1913 г. затрачивала только 4,6% бюджета (там же).
- 37 Цит. по: *Поливанов А.А.* Из дневника и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. Т. I. С. 42.
- 38 См.: Отчеты обер-прокурора Св. Синода за 1911–1912, 1913 гг. Пг., 1915. Приложение.
- 39 См.: *Грекулов Е.Ф.* Церковь, самодержавие, народ. М., 1969. С. 102.
- 40 См.: Статистические сведения о церковных школах Российской империи. СПб., 1906. С. 900.
- 41 См.: Ежегодник России. СПб., 1911. С. 644; Статистический ежегодник России. Пг., 1915, 1916.
- 42 См.: *Грекулов Е.Ф.* Указ. соч. С. 103.

- 1 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 384.
- 2 Цит. по: Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. М.; Л., 1928. С. 123.
- 3 Там же. С. 127.
- 4 Там же. С. 131.
- 5 Из Германии Азеф обратился к бывшему начальнику Петербургского охранного отделения генералу Герасимову, умоляя его о помощи. Департамент полиции такую помощь оказал, выслав ему паспорт на фамилию Неймайера, под которой он и проживал в Германии (Былое. 1917. № 2. С. 212–213).
- 6 Азеф был завербован в секретные агенты еще во время учебы за границей в Политехникуме в Карлсруэ (Германия) в 1892 г. с жалованьем агента-осведомителя 50 руб. в месяц. Обложку дела агента Азефа в Департаменте полиции малограмотный чиновник озаглавил «Сотрудник из кастрюли» вместо: «из Карлсруэ» (Былое. 1917. № 5–6. С. 18).
- 7 Дело А.А. Лопухина в Особом присутствии Правительствующего Сената. Стенографический отчет. СПб., 1910.
- 8 Свод законов Российской империи. 1906. Т. 1. Ч. II. С. 362.
- 9 Особый отдел был образован 1 января 1898 г.; до него делами политического сыска в России занималось одно из делопроизводств (Третье, или секретное, отделение). ЦГАОР. Ф. Департамента полиции (102). Оп. 237. Д. 104 (л. 47); Оп. 302. Д. 707. Л. 17об.; Л. 143–143об.
- 10 Для конспирации она значилась в ведении сравнительно второстепенного 4-го делопроизводства.
- 11 ЦГАОР. Ф. 102. Оп. 238. Д. 214 (1). Л. 1.
- 12 Голос минувшего. 1917. № 9–10. С. 364.
- 13 В первом томе (СПб., 1914) освещалась история партии эсеров, а во втором (Пг., 1916) – РСДРП.
- 14 По распоряжению Третьего отделения жандармами в ряде городов России было задержано несколько лиц с фамилией Маркс или сходные с К. Марксом по внешнему описанию лица (Красная летопись. 1922. № 2–3. С. 347–351; Литературная газета. 1959. 5 нояб.).
- 15 Красная летопись. 1922. № 2–3. С. 308.
- 16 Каторга и ссылка. 1926. Кн. 2. С. 139.
- 17 Красная летопись. 1925. № 1. С. 125.
- 18 Ввиду отсутствия в Костроме охранки политическим сыском здесь занималось жандармское управление.
- 19 Красная летопись. 1925. № 1. С. 174–175.
- 20 21 С 1910 г. Я.М. Свердлов именуется другой охранной кличкой – Махровый (Красная летопись. 1925. № 1. С. 178).

- 22 Голос минувшего. 1917. № 9–10. С. 252.
- 23 ЦГАОР. Ф. 102. Оп. 253. Д. 2550. Ч. 9. Л. 145.
- 24 Былое. 1917. № 1. С. 196–207. (Впоследствии удалось установить, что под интригующей кличкой Блондинка в московской охранке состоял в 1910–1917 гг. журналист, сотрудник газет «Киевская мысль» и «Русское слово» Ив. Дриллик.)
- 25 Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. III. С. 449.
- 26 Голос минувшего. 1917. № 9–10. С. 258.
- 27 Убит на квартире провокатора С. Дегаева 16 декабря 1883 г.
- 28 См.: *Алексеев И.В.* История одного провокатора. М., 1925. С. 63.
- 29 Цит. по: Там же. С. 27–28.
- 30 Николай Эрнестович Бауман: Сб. статей, воспом. и докл. М., 1937. С. 83.
- 31 Узнав о связях Гапона с Департаментом полиции, рабочие повесили его 28 марта 1906 г. на специально снятой даче в Озерках под Петербургом (см.: *Рутенберг П.* Дело Гапона // *Былое*. 1917. № 2).
- 32 См.: *Эренфельд Б.К.* Дело Малиновского // *Вопросы истории*. 1965. № 7. С. 106–116.
- 33 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 402.
- 34 Дело Малиновского слушалось Верховным трибуналом ВЦИК в Москве 5 ноября 1918 г. Провокатор Р. Малиновский был приговорен к расстрелу (см.: *Крыленко Н.В.* Судебные речи // *Крыленко Н.В.* Избранное. М., 1964. С. 22–38).
- 35 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 28–29.
- 36 К 1914 г. – в Петербурге, Москве, Варшаве, Киеве, Одессе, Харькове и Тифлисе (см.: *Кантор Р.* К истории черных кабинетов // *Каторга и ссылка*. 1927. № 8).
- 37 Вступив на пост, министр внутренних дел в 1902 г. Плеве обнаружил в столе своего предшественника Сипягина выписки из собственных его, Плеве, писем и писем жены, добытые путем перлюстрации.
- 38 *Агафонов В.К.* Заграничная охранка. Пг., 1918. С. 4.
- 39 События Февральской революции 1917 г. подробнее освещены в гл. V.

Глава 4

- 1 Цит. по: *Любимов Л.Д.* На чужбине. М., 1963. С. 47.
- 2 *Веси – сёла.*
- 3 *Иностранцами* в царской России чиновники презрительно именовали нерусские народы.
- 4 Полное собрание речей императора Николая II, 1894–1906. СПб., 1906. С. 74–75.
- 5 Правительственный вестник. 1905. 19 февр.

- 6 ЗПСЗ. Т. XXV. № 25852.
- 7 Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Пг., 1917. С. 21.
- 8 Там же. С. 156.
- 9 Там же. С. 163.
- 10 Цит. по: *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 385.
- 11 Кадетов в Государственной думе всех созывов поддерживали так называемые автономисты (буржуазно-националистические группы окраин).
- 12 Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Т. 1. С. 5.
- 13 Там же. С. 7–8.
- 14 Там же. С. 72.
- 15 Былое. 1918. № 12. С. 142.
- 16 Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Т. 1. С. 355.
- 17 Там же. С. 93.
- 18 На заседании Совета министров Горемыкин так оценивал состав Первой думы: «Треть из них просится на виселицу» (*Цитрон А.* 72 дня первого русского парламента. СПб., 1906. С. 55).
- 19 Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Т. 1. С. 143.
- 20 Там же.
- 21 Мариинский дворец был построен для дочери Николая I Марии в 1839–1844 гг. и завещан ею своим четырем сыновьям, но перешел в собственность государства ввиду больших (3 млн руб.) долгов наследников.
- 22 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 360.
- 23 Там же. Т. 20. С. 325.
- 24 ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 250. Л. 51.
- 25 Собрание узаконений и распоряжений, издаваемое при Правительствующем Сенате за 1905–1914 гг. Отделение первое. СПб., 1906. № 1033.
- 26 В состав Российской империи Финляндия входила как «великое княжество», пользующееся автономией.
- 27 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 69.
- 28 В 1906 г. выделились из правого крыла партии социалистов-революционеров.
- 29 В письме к матери Николай II негодовал на такую «бестактность» Думы: «Конечно, ты уже знаешь, как открылась Дума и какую колоссальную глупость и неприличие сделала вся левая, не встав, когда кричали “ура” правые... Кажется, завтра или в субботу Столыпин будет читать свою речь, и тогда скоро станет ясно, пожелает ли Дума серьезно заняться своим делом» (Красный архив. 1932. № 1–2. С. 182).

- 30 Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 1. СПб., 1907. Стлб. 8.
- 31 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 327.
- 32 Там же. С. 77. Эта речь вызвала восхищение царя, писавшего матери 29 марта: «Престиж правительства высоко поднялся благодаря речам Столыпина, а также Коковцова» // Красный архив. 1932. № 1–2 С. 180.
- 33 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 211.
- 34 Из 55 членов социал-демократической фракции и 11 примкнувших к ней членов Думы большевиков было лишь 18 (15 большевиков и 3 примкнувших члена; см.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 233). В условия спада революции и массовых репрессий, обрушившихся главным образом на большевиков, меньшевики прибегали к разным приемам, чтобы провести своих представителей в Думу. Значительная часть их кандидатов на выборах скрыла от избирателей свои меньшевистские взгляды и лишь в Думе объявила себя меньшевиками, что вызвало законные протесты избирателей.
- 35 *Ленин В.И.* Полн. Собр. соч. Т. 15. С. 127–160.
- 36 См.: *Чащин В.А.* В суровые годы. Свердловск, 1957; *Серова Н.* Василий Серов. М., 1958.
- 37 ЦГАОР. Ф. 107. Оп. 237. Д. 110. Т. 2. Л. 28.
- 38 Там же. Ф. 102-И. Оп. 237. Д. 147. Л. 20.
- 39 Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Т. 1. СПб., 1907. Стлб. 1554.
- 40 Перефразировка известного изречения римского сенатора Катона, упорно настаивавшего на уничтожении Карфагена.
- 41 Красный архив. 1924. С. 110.
- 42 Там же. 1930. Т. 6. С. 30.
- 43 Правительственный вестник. 1907. 2 июня.
- 44 См.: Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 1. Стлб. 1608.
- 45 ЦГАОР. Ф. 111-И. Оп. 5. Ед. хр. 206. Л. 275.
- 46 «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения государя императора» (Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. 1906. С. 86).
- 47 См.: Правда. 1912. 15 июля.
- 48 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 130.
- 49 См.: Вперед. 1907. 3 нояб.
- 50 Цит. по: *Самойлов Ф.Н.* По следам минувшего. М., 1954. С. 161–163.
- 51 В Третьей думе было 10 князей, 6 графов, 3 барона.
- 52 Думский значок для депутатов из духовенства.

- 53 Государственная дума. Стенографический отчет. Отзыв 3. Сессия 1. Ч. 1. СПб., 1908. С. 2–3.
- 54 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 411.
- 55 Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 1. СПб., 1908. Стлб. 307.
- 56 Там же.
- 57 Высший суд по политическим делам в царской России.
- 58 Один член фракции (порвавший с ней еще в Думе Коншин) был оправдан; 12 членам фракции удалось избежать ареста и царского суда.
- 59 Характерны названия этих принятых Думой, а затем и Государственным советом законов: «Об усилении кредита на тюремно-строительные надобности», «Об отпуске средств на выдачу пособий членам общей полиции и корпуса жандармов», «О распределении между казной и казачьими войсками расходов по тюремной части в области Кубанской и Терской», «О порядке отопления и освещения мест заключения», «Об учреждении тюрем в городах Мерве и Красноярске, Закаспийской области и Актюбинске, Тургайской области», «Об учреждении в городе С.-Петербурга женской тюрьмы» и т. п.
- 60 Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 1. Стлб. 1803.
- 61 Там же. Ч. 1. Заседание 9. Стлб. 509.
- 62 См.: *Калинычев Ф.И.* Государственная дума в России: Сб. документов и материалов. М., 1957. С. 413, 476.
- 63 Так был похоронен, например, запрос о деле социал-демократической фракции Второй Государственной думы.
- 64 Рота солдат прибыла из Киренска, за 700 км от приисков.
- 65 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 341.
- 66 Государственная дум. Стенографический отчет. Созыв 3. Сессия 5. Ч. 3. Стлб. 825.
- 67 Там же.
- 68 Там же. Стлб. 826.
- 69 Последний оказался провокатором, см. главу III.
- 70 Избирательный закон 3 июня 1907 г. разделил единую городскую курию на два городских съезда: в первом избирали представители крупной и средней буржуазии, богатые чиновники, а во втором – мелкая буржуазия; права избирателей второго городского съезда были сильно урезаны.
- 71 Трое из рабочих депутатов-меньшевиков не являлись рабочими: Чхеидзе был журналистом, Скобелев – инженером, Чхенкели – адвокатом.
- 72 Военно-морской суд в Севастополе по делу о подготовке вооруженного восстания в Черноморском флоте приговорил 17 матросов к смертной казни и 106 – к каторге.

- 73 В речи по поводу законопроекта о реформе Сената он упомянул о преимуществах республиканской формы правления.
- 74 См.: *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе: Воспоминания. 8-е изд. М., 1954. С. 244–250.
- 75 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. 8-е изд. М., 1970. С. 249.
- 76 Там же.
- 77 Там же. С. 329.
- 78 Красный архив. 1933. Т. 1. С. 125.

Глава 5

- 1 Переписка Вильгельма II и Николая II. М., 1923. С. 171.
- 2 Красный архив. 1923. Т. 4. С. 29.
- 3 Там же. С. 31.
- 4 Государственная дума. Стенографический отчет заседания Государственной думы, созванной на основании высочайшего указа Правительствующему Сенату от 20 июля 1914 г. СПб., 1914. С. 19–20.
- 5 27 февраля 1914 г., т. е. за четыре с половиной месяца до начала войны, в петербургской газете «Биржевые ведомости» была опубликована статья «Мы готовы», написанная по указанию Сухомлинова.
- 6 *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Берлин, 1924. С. 317.
- 7 ЦГАОР. Ф. 601. Д. 262. Л. 49.
- 8 См.: Большевики в годы империалистической войны. 1914 – февраль 1917 гг.: Сб. М., 1939. С. 6–8.
- 9 См.: *Бадаев А.* Большевики в Государственной думе. Воспоминания. 8-е изд. М., 1954. С. 385–386.
- 10 ЗПСЗ. Т. XXVI. № 27424.
- 11 *Бадаев А.* Указ. соч. С. 390.
- 12 Там же. С. 402.
- 13 Хозяйка дома в Озерках Гаврилова и представители партийной организации Петрограда Н. Антипов и И. Козлов обвинялись лишь по II ч. ст. 136 Уголовного уложения («недонесение»).
- 14 *Самойлов Ф.Н.* По следам минувшего. 3-е изд. М., 1954. С. 314.
- 15 Право. 1915. № 10. С. 643–647; № 11. С. 172.
- 16 См.: Социал-демократ. 1915. 29 марта.
- 17 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 168.
- 18 Переписка Николая и Александры Романовых. М., 1925. Т. III. С. 494.
- 19 См.: Русское прошлое. 1923. № 4. С. 108.
- 20 Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 4. 1915. Стлб. 10.
- 21 Там же. Стлб. 92.

- 22 Там же. Стлб. 737–738.
- 23 На квартире крупного московского фабриканта П. Рябушинского 13 августа был составлен даже список членов правительства во главе с М. Родзянко. Большинство портфелей (9 из 12) получали лидеры думских буржуазных фракций (министр иностранных дел – Милюков, финансов – Шингарев, путей сообщения – Некрасов и др.) и капиталисты (Гучков – министр внутренних дел, Коновалов – министр торговли и промышленности). Три министерских портфеля «Прогрессивный блок» предоставлял либеральным царским министрам (Поливанов – военный министр, Кривошеин – земледелия и землеустройства, гр. Игнатъев – народного просвещения).
- 24 ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 263. Л. 72.
- 25 Цит. по: *Семенников В.П.* Политика Романовых накануне революции. М.; Л., 1926. С. 48.
- 26 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 26.
- 27 Там же.
- 28 Подсчитано по дневнику Николая II (ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 261–264).
- 29 См.: *Лемке М.* 250 дней в царской Ставке. Пг., 1920. С. 187–188.
- 30 Так Распутин обычно именовал А. Хвостова.
- 31 То есть министром внутренних дел (Падение царского режима. Л., 1925. Т. 1. С. 73).
- 32 Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1926. Т. IV. С. 29.
- 33 Падение царского режима. Л., 1925. Т. II. С. 48–49.
- 34 Цит. по: *Семенников В.П.* Монархия перед крушением (1914–1917). М.; Л., 1927. С. 113.
- 35 Почетная форма отставки чиновников, имевших большие заслуги перед государством.
- 36 Переписка Николая и Александры Романовых. Т. IV. С. 300.
- 37 См.: *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М.; Пг., 1923. С. 163–164.
- 38 Подсчитано по дневнику Николая II (ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 263–265).
- 39 ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 264. Л. 63.
- 40 А.Д. Протопопов был председателем союза суконных фабрикантов России и владельцем крупнейшей в России Румянцево-Сильвестровской суконной фабрики и 7000 десятин земли (*Заславский Д.* Последний временщик Протопопов. Л., 1927. С. 19).
- 41 Переписка Николая и Александры Романовых. Т. IV. С. 381.
- 42 Министром он был утвержден лишь 20 декабря 1916 г. (Падение царского режима. Л., 1926. Т. IV. С. 64).
- 43 В случае отсутствия в Царском Селе царя и царицы Распутин пе-

- редавал им свои поучения и указания в форме телеграмм к Вырубовой.
- 44 За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925. С. 45; Былое. 1917. № 5–6. С. 230.
 - 45 Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 5. 1916. Стлб. 1–3.
 - 46 Там же. Стлб. 35–48.
 - 47 *Милюков П.Н.* История второй русской революции. София, 1921. Т. I. Вып. 1. С. 34.
 - 48 Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 5. Стлб. 134.
 - 49 Падение царского режима. Л., 1925. Т. II. С. 60–61.
 - 50 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 15.
 - 51 Там же. С. 16.
 - 52 Былое. 1923. Кн. 21. С. 238.
 - 53 Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1927. Т. V. С. 154, 188.
 - 54 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 18.
 - 55 Там же. Т. 37. С. 152.
 - 56 См.: *Юсупов Ф.Ф.* Конец Распутина. Воспоминания. Париж. 1927; Вопросы истории. 1965. № 3. С. 211–227.
 - 57 См.: Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. С. 205–207.
 - 58 Там же. С. 208.
 - 59 См.: *Минц И.И.* История Великого Октября. М., 1967. Т. I. С. 479.
 - 60 См.: Листовки петербургских большевиков. М.; Л., 1939. Т. II. С. 248.
 - 61 Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода Н.Д. Жевахова. Мюнхен, 1923. Т. I. С. 373.
 - 62 Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. С. 217–218.
 - 63 Красный архив. 1927. Т. 2. С. 4.
 - 64 Цит. по: *Блок А.* Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 230.
 - 65 Известия революционной недели. 1917. 27 февр.
 - 66 См.: Былое. 1918. № 11. С. 158–176.
 - 67 Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 3–4.
 - 68 Красный архив. 1927. Т. 2. С. 6–7.
 - 69 Цит. по: *Блок А.* Указ. соч. Т. 6. С. 232.
 - 70 *Шульгин В.В.* Дни. М., 1927. С. 132.
 - 71 Красный архив. 1927. Т. 2. С. 13.
 - 72 Цит. по: *Щеголев П.Е.* Последний рейс Николая Второго. М.; Л., 1928. С. 19.
 - 73 Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. С. 225.
 - 74 Цит. по: *Щеголев П.Е.* Указ. соч. С. 18.

- 75 Красный архив. 1927. Т. I. С. 136.
- 76 Цит. по: *Щеголев П.Е.* Указ. соч. С. 45–46.
- 77 Падение царского режима. Л., 1925. Т. II. С. 267–268; Красный архив. 1925. Т. 3. С. 179.
- 78 Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода Н.Д. Жевахова. Т. I. С. 386.
- 79 *Миц И.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 597.
- 80 Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. XIX. С. 206.
- 81 Вестник Временного правительства. 5 марта 1917 г.
- 82 Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. 2-е изд. Л., 1927. С. 88–89.
- 83 Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта.
- 84 Имеется в виду всеобщее, прямое, равное, тайное голосование.
- 85 Красный архив. 1927. Т. I. С. 137.
- 86 Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 4 марта. 1917 г.
- 87 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 13.

Заключение

- ¹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 165.
- ² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. I. С. 249.
- ³ ЦГИА СССР. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 464.
- ⁴ В самой «работоспособной» Третьей думе ее члены выдвинули менее 10% проектов законов («Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва 1907–1912 гг.» Ч. 2. СПб., 1912. С. 24).
- ⁵ Только за первый год войны царское правительство провело по ст. 87 «Основных законов» 335 законов (ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 4. Л. 1–38).
- ⁶ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 358.

- Авдаков Николай Степанович, горный инженер, предприниматель, общ. и гос. деятель, д.с.с. 405
- Аврех Арон Яковлевич, историк 23, 25, 109
- Агафонов Валериан Константинович, публицист 443
- Адлерберг Владимир (Эдуард) Федорович, гр., гос. деятель, ген. от инфантерии 236
- Азеф Евно Фишелевич (Евгений Филиппович), профессиональный революционер, агент Департамента полиции 343–347, 351, 359, 442
- Александр I Павлович, император 13, 20–24, 48–52, 67–88, 105, 128, 130, 135–138, 145–146, 151, 153, 155, 164, 169–170, 172, 181, 183, 194, 223–229, 232–233, 244, 247, 249, 253–255, 260, 272
- Александр II Николаевич, император 13–14, 23, 167, 214, 238, 248, 266, 275, 277–280, 282
- Александр III Александрович, император 288, 290, 293, 295, 298, 310, 319, 360
- Александр Михайлович, вел. кн. 301, 312
- Александра Федоровна, императрица 294, 417–423, 449
- Александра Николаевна, вел. кн. 447–448
- Алексей Александрович, вел. кн. 299–300
- Алексей Михайлович, царь 163, 173
- Алексей Николаевич, вел. кн. 304, 407, 428
- Алексеев Иван Васильевич, историк 443
- Алексеев Михаил Васильевич, военачальник, ген. от инфантерии 406–407, 429–430, 432
- Алексинский Григорий Алексеевич, профессиональный революционер 376
- Альмединген М.Е. (Almedingen M.E.), историк 249
- Амбургер Э. (Amburger E.), историк 17, 52, 245, 251
- Амвросий, митрополит петербургский 87, 151–155
- Ананьевский И.С., чиновник «Комиссии для составления законов» 168

* Сост. А.Н. Ерошкина

- Андронников Михаил, кн., чиновник, входил в окружение Г.Е. Распутина 402
- Аничков Виктор Михайлович, чиновник Военного министерства, полковник 275, 279
- Анненков Николай Николаевич, гос. деятель, ген.-адъютант 106, 216
- Антипов Николай Кириллович, функционер большевистской организации в Петрограде (1915 г.) 447
- Ансело М. (Ancelet M.), французский путешественник в России 61, 262
- Аракчеев Алексей Андреевич, гос. и воен. деятель, ген. от артиллерии 53, 63, 68–69, 78–79, 88, 122–123, 129, 154, 163–165, 182
- Арсеньев Константин Иванович, статистик, историк, географ, акад., т.с. 173
- Архипова Татьяна Григорьевна, историк 208, 259
- Ахун Михаил Ильич, историк 258
- Ахшарумов Дмитрий Дмитриевич, петрашевец, врач-гигиенист, д.с.с. 62, 193, 256
- Бабурин Дмитрий Сергеевич, историк 8**
- Бадаев Алексей Егорович, деятель рев. движения, деп. IV Гос. думы 389, 391, 401, 447
- Бадмаев Петр Александрович (Жамсаран), «доктор тибетской медицины», входил в окружение Г.Е. Распутина 336, 402, 449
- Базаров Владимир Александрович (Руднев), деятель рев. движения, философ, экономист, публицист 47
- Бакая Михаил, сотрудник политического сыска 345
- Бакунина Вера Ивановна, мемуаристка, современница М.М. Сперанского 102
- Балашёв Александр Дмитриевич, гос. деятель, ген. от инфантерии 182, 208
- Балмашёв Степан Валерианович, революционер, террорист 344
- Балк А.П., градоначальник Петрограда, ген.-майор 418
- Балугьянский Михаил Андреевич, гос. деятель, правовед, сенатор, т.с. 60, 79, 110, 130, 208, 233, 234, 402
- Барклай де Толли Михаил Богданович (Михаил Андреас) кн., полководец, ген.-фельдмаршал 146
- Барсов Тимофей Васильевич, историк церкви 50, 257
- Барсуков Николай Платонович, историк, библиограф, археолог 249
- Бартнев Петр Иванович, историк, библиограф, археолог 212
- Барятинские, княж. династия 86
- Барятинский Александр Иванович кн., воен. и гос. деятель, ген.-фельдмаршал 278
- Барятинский Владимир Владимирович (Bariatinski V.), историк 52
- Баташовы, рудопромышленники и заводчики 155
- Батеньков Гавриил Степанович, декабрист, подполковник 209

- Бауман Николай Эрнестович, профессиональный революционер 358, 443
- Баумгартен 2-й, начальник Николаевской академии Генерального штаба, ген.-лейтенант 278
- Бахтин Николай Иванович, чиновник, статс-секретарь, д.с.с. 103
- Бедный Демьян (Придворов Ефим Алексеевич), поэт, общ. деятель 432
- Безбородко Александр Андреевич светлейш. кн., гос. деятель, дипломат, гос. канцлер 69, 247
- Безобразов Александр Михайлович, гос. деятель, д.с.с. 304
- Беклешов Александр Андреевич, воен. и гос. деятель, ген. от инфантерии 69
- Белинский Виссарион Григорьевич, критик, публицист 13, 61, 81, 150, 193, 262
- Беляев Михаил Алексеевич, воен. деятель, ген. от инфантерии 423
- Бенкендорф Александр Христофорович, гр., гос. деятель, ген. от кавалерии 61, 144, 147, 184, 187–189, 191, 193, 196, 198, 236, 260–263
- Беннигсен Леонтий Леонтьевич (Bennigsen), гр., военачальник, ген. от кавалерии 66
- Берви-Флеровский Василий Васильевич (Вильгельм Вильгельмович), экономист, публицист 335
- Берг Федор Федорович гр., воен. и гос. деятель, геодезист, ген.-фельдмаршал 278
- Беренс И., профессор Николаевской академии Генерального штаба 278
- Бескровный Любомир Григорьевич, историк 88, 281–282
- Бестужев Александр Александрович (Марлинский), декабрист, поэт, прозаик, штабс-капитан 209
- Бецкой Иван Иванович (Бецкий), общ. деятель, д.т.с. 200–201
- Бибииков И.П., жандармский полковник 189, 256
- Благовидов Федор Васильевич, историк 50, 256
- Блок Александр Александрович, поэт 449
- Блок Александр Львович, правовед, проф. 48, 244
- Блудов Дмитрий Николаевич гр., гос. и общ. деятель, д.т.с. 101, 110, 118, 133, 159, 178–179, 207–212, 236
- Блэк К.Е. (Black С.Е.), историк 244
- Бобринский Алексей Александрович гр., общ. и полит. деятель, сенатор 385, 440
- Богданов Александр Александрович, самарский большевик, дел. V съезда РСДРП 378
- Богданов-Бельский Николай Петрович, художник 310
- Богданович А.В., мемуаристка 300, 437
- Богословский Михаил Михайлович, историк, акад. 38
- Божемянов Иван Николаевич, историк 49
- Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич, профессиональный революционер 423, 441
- Борис Владимирович, вел. кн. 299

- Борисов Юрий Степанович, историк 41
- Боровков А.Д., чиновник, секретарь Чрезвычайной следственной комиссии и Верховного уголовного суда 249, 256
- Боровой Саул Яковлевич, историк 58, 264
- Боханов Александр Николаевич, историк 42
- Бочкарёв Владимир Николаевич, историк 255, 267
- Бояновский В., историк литературы 437
- Брагин Михаил Григорьевич, историк 41
- Бржесский Николай Корнилович, экономист 441
- Брикнер Александр Густавович, историк 66
- Брусиллов Алексей Алексеевич, военачальник, ген. от кавалерии 415
- Брюллов Александр Павлович, архитектор 290
- Булгарин Фаддей (Тадеуш) Венедиктович, писатель, журналист, издатель, д.с.с. 90, 262
- Бульгин Александр Григорьевич, гос. деятель, обер-шенк 366
- Бурцев Владимир Львович, историк, публицист, издатель 343, 344, 359, 442
- Бутурлин Дмитрий Петрович, гос. деятель, военный историк, д.т.с. 216
- Быков Павел Михайлович, историк 33, 42
- Валишевский Казимир (Waliszewski), историк 66**
- Валк Сигизмунд Натанович, историк 144, 247
- Валуев Петр Александрович гр., гос. деятель, публицист, д.т.с. 93, 133, 249, 282
- Варадинов Николай Васильевич, правовед, проф. 51, 252
- Василевский Илья Маркович, журналист, историк 33, 42, 438–439
- Васильев Алексей Иванович гр., гос. деятель, д.т.с. 222
- Васильчиков Илларион Васильевич, кн., воен. и гос. деятель, ген. от кавалерии 104, 125–126, 207, 210–211, 278
- Вашоль Незьер (месье Филипп), придворный авантюрист, доктор «оккультных наук» 302
- Вебер Макс (Weber), экономист, историк, правовед 52, 245
- Вейнберг Петр Исаевич, поэт 440
- Вернадский Георгий Владимирович, историк 80
- Вешняков Владимир Иванович, правовед, историк 264, 267
- Вигель Филипп Филиппович, чиновник, т.с. 61, 101–102, 227, 231, 250, 267
- Виленский Борис Вениаминович, историк права 281
- Вилламов Григорий Иванович, чиновник, статс-секретарь 236
- Вильгельм II, кайзер 395, 447
- Виргинский Виктор Семенович, историк 58, 246
- Вирта Александр (Вирта Николай Евгеньевич), писатель 325
- Витте Сергей Юльевич, гр., гос. деятель, д.т.с. 312–313, 315, 317, 335–336, 438, 440
- Витт И.О. де, воен. деятель, ген.от кавалерии 189, 193

- Владимир Александрович, вел. кн. 299, 306, 309
- Владимирский-Буданов Михаил Флегонтович, историк 126, 253
- Власовский А.А., обер-полицеймейстер Москвы, полковник 297
- Воейков Владимир Николаевич, комендант Зимнего дворца, ген.-майор, входил в окружение Г.Е. Распутина 321, 336, 402
- Возной Анатолий Федорович (Возный), историк 149
- Войцехович А.И., обер-прокурор Синода 157
- Волконский Петр Михайлович, светлейш. кн., воен. и гос. деятель, ген.-фельдмаршал 236
- Воробьева Инесса Яковлевна, историк 256
- Воробьева Юлия Семеновна, историк 14
- Воровский Вацлав Вацлавович, профессиональный революционер, публицист 358
- Воронин Сергей Алексеевич, большевик, деп. III Думы от Владимирской губ. 381
- Воронцов Александр Романович, гр., гос. деятель, дипломат, канцлер 69–70, 121
- Воронцов Семен Романович, гр., дипломат, ген. от инфантерии 24, 60, 69–70, 127, 227, 267
- Воронцов-Дашков Илларион Иванович, гр., гос. деятель, ген. от кавалерии 296
- Ворошилов Климент Ефремович, профессиональный революционер 423
- Врангель Фердинанд Петрович, бар., мореплаватель, воен.-морской деятель, адмирал 237
- Вронченко Федор Павлович, гр., гос. деятель, д.т.с. 110, 132
- Вырубова Анна Александровна (урожд. Танеева), камерфрейлина императрицы Александры Федоровны 320, 336, 402, 410, 449
- Вяземский Петр Андреевич, кн., поэт, гос. деятель, т.с. 80, 248
- Вязмитинов Сергей Кузьмич (Вязьмитинов), гр., гос. и воен. деятель, ген. от инфантерии 146, 182
- Гаврилова, хозяйка конспиративной квартиры в Озерках (под Петроградом) 447
- Гагарин Гавриил Петрович, кн., гос. деятель, д.т.с. 168, 222
- Гагарин Павел Петрович, кн., гос. деятель, д.т.с. 116, 149,
- Гагарины, княж. династия 86
- Ган П.В., сенатор 206
- Гапон Георгий Аполлонович (Гапон-Новых), священник, полит. деятель, провокатор 351, 358, 443
- Гапоненко Лука Сергеевич, историк 41
- Гармиза Владимир Васильевич, историк 281
- Гежелинский Ф.Ф., чиновник, упр. канцелярией Комитета министров 236
- Гейден Федор Логинович, гр., гос. деятель, ген.-адъютант 279
- Гейченко Семен Степанович, историк 42, 437

- Георгий Александрович, вел. кн. 298
- Гернет Михаил Николаевич, юрист, историк 57, 163, 194
- Герцен Александр Иванович, писатель, философ, публицист 13, 61–63, 65, 187, 193, 261
- Гершензон Михаил Осипович, историк литературы и общ. мысли 54
- Гессен Владимир Матвеевич, историк права 48
- Гессенский Эрнест Людвиг, вел. герцог, брат императрицы Александры Федоровны 398
- Гетце П.В. (Geotze P.V.), историк 154
- Гизо Франсуа Пьер Гийом (Guizot), франц. гос. деятель, историк 263
- Гион, религиозная писательница начала XIX в. 88
- Глинский, проф. Николаевской академии Генерального штаба 278
- Гоголь Николай Васильевич, писатель 150
- Голицын Александр Николаевич, кн., гос. деятель, д.т.с. 86–87, 90, 110, 147, 152–155, 207, 209
- Голицын Анатолий Федорович, чиновник, статс-секретарь 124, 134
- Голицын Дмитрий Михайлович, кн., гос. деятель, д.т.с. 136
- Голицын Николай Дмитриевич, кн., гос. деятель, д.т.с. 417, 424
- Голицын Николай Николаевич, историк 256
- Голицыны, княж. династия 86
- Голлербах Эрих Федорович, историк литературы и музыки 437
- Головин Федор Александрович, землевладелец, предприниматель, общ. и полит. деятель 374, 376, 379
- Головины, помещицы, входили в окружение Г.Е. Распутина 402
- Головнин Александр Васильевич, гос. деятель, адмирал 63
- Гололобов Яков Георгиевич, екатеринославский помещик, деп. III Думы 382
- Голубев Иван Яковлевич, чиновник, статс-секретарь, т.с. 382, 390
- Гончаров А.Ф., историк права 57
- Горемыкин Иван Логгинович, гос. деятель, д.т.с. 335–336, 364, 392, 399, 408
- Горький Максим (Пешков Алексей Максимович), писатель, общ. деятель 306, 324, 340, 438–439
- Готье Юрий Владимирович, историк, акад. 21
- Градовский Александр Дмитриевич, историк права, гос. и общ. деятель, т.с. 47–48, 126, 253, 263
- Грей Эдуард (Grey of Fallodon), виконт, англ. гос. деятель 263
- Грекулов Ефим Федорович, историк церкви 95
- Греф В., книгопродавец 184
- Греч Николай Иванович, публицист, издатель, агент III Отделения с.е.и.в. канцелярии 92, 195
- Григорович Николай Иванович, историк 247

- Григорьев Н.П., петрашевец 150
Грюнвальд К. де (Grunwald C. de), историк 52, 245–246
Гуммель А.Д., секретарь Цензурного комитета 184
Гурович Михаил, секретный агент Департамента полиции 351, 359
Гурьев Дмитрий Александрович, гр., гос. деятель, д.т.с. 79, 130, 132, 208, 233–234
Гучков Александр Иванович, предприниматель, общ. и полит. деятель 301, 367, 382–387, 403, 405, 428–430, 448
Гюго Виктор Мари (Hugo), писатель 160
- Дамаскин, епископ Тульский 155
Даневский Пий Никодимович, правовед, историк 253
Даргомыжский Александр Сергеевич, композитор 440
Дашков Дмитрий Васильевич, гос. и общ. деятель, д.т.с. 110, 142, 178, 197, 236
Дегай Павел Иванович, правовед, чиновник, статс-секретарь 216
Деянов Иван Давыдович, чиновник, гос. деятель 133
Дельвиг Андрей Иванович, ген.-лейтенант инженерного корпуса 61, 278
Демидовы, князья Сан-Дonato, династия уральских заводладельцев 16
Деникин Антон Иванович, военачальник, ген.-лейтенант 33
Державин Гавриил Романович, поэт, гос. деятель, д.т.с. 24, 60, 62, 69, 135, 222, 247, 255
- Дженкинс М. (Jenkins M.), историк 53, 245
Джунковский Владимир Федорович, чиновник, товарищ министра внутренних дел, д.с.с. 360
Джинчарадзе Владимир Захарович, историк 38
Дзержинский Феликс Эдмундович, профессиональный революционер 350
Дибич Иван Иванович (Дибич-Забалканский; Иоганн Карл Фридрих Антон), военачальник, ген.-фельдмаршал 184
Дивов Павел Гаврилович, чиновник, автор дневника 268
Дмитриев Иван Иванович, поэт, гос. деятель, т.с. 61
Дмитриев Сергей Сергеевич, историк 41, 257
Дмитриев Федор Михайлович, историк права 171
Дмитрий Павлович, вел. кн. 416–417
Долгоруков А.А., кн., гос. деятель 175
Долгоруков Василий Андреевич, кн., воен. и гос. деятель, ген.-адъютант 187
Долгоруков Петр Владимирович, кн., историк и публицист, эмигрант 144
Доре Гюстав (Dore G.), художник, график 61, 262
Достоевский Федор Михайлович, писатель 150
Дриллх Иван Яковлевич, журналист, агент охраны 443
Дружинин Николай Михайлович, историк, акад. 13, 57–58, 73, 75, 247, 264–265

- Дубасов Федор Васильевич, воен. и гос. деятель, адмирал 300, 316
- Дубельт Леонтий Васильевич, гос. деятель, ген.-лейтенант 61, 90–91, 149, 159, 187, 193–194, 207, 249
- Дубенцов Б.Б., историк 19, 250–251
- Дубровин Александр Иванович, врач, председатель «Союза русского народа» 315
- Дубровин Николай Федорович, воен. историк, ген. от артиллерии, акад. 164, 250
- Дубровинский Иосиф Федорович, профессиональный революционер 358
- Дуров Сергей Федорович, поэт, петрашевец 149–150
- Дякин Валентин Семенович, историк 41
- Евлогий, архиепископ, полит. деятель 382
- Екатерина II Алексеевна, императрица 77, 85–86, 168, 200–201, 247
- Емельянова Ирина Ардалионовна, историк 23, 245
- Ерошкин Николай Петрович, историк 5–63, 232, 238–239, 244–252, 258, 268, 281, 439
- Ерошкин Петр Евплович, отец Н.П. Ерошкина 5
- Ерошкина Алла Николаевна, дочь Н.П. Ерошкина 37
- Ерошкина Евдокия Тимофеевна, мать Н.П. Ерошкина 5
- Ерошкина Ольга Демьяновна, вдова Н.П. Ерошкина 37
- Ефремов, деп. IV Думы 400
- Ефремова Надежда Николаевна, историк права 281
- Желябов Андрей Иванович, народоволец 346
- Жевахов Николай Давыдович, чиновник, товарищ обер-прокурора 419, 449
- Жиделев Н.А., иваново-вознесенский рабочий, деп. II Думы 376
- Жихарев С.П., чиновник, мемуарист 61, 183, 260
- Жученко Зинаида (Гернграсс), агент охраны 359
- Заблюцкий-Десятовский Андрей Парфёнович, гос. деятель, писатель 49, 203, 264
- Завадовский Петр Васильевич, гр., гос. деятель, д.т.с. 69, 101, 121, 123, 135, 146, 169–170
- Загоскин Михаил Николаевич, писатель 90
- Зайончковский Петр Андреевич, историк 12–13, 19, 23, 32, 34, 39, 42, 54, 57, 81, 109, 166, 245–246, 250, 261, 265, 281, 439
- Закревский Арсений Андреевич, гр., воен. и гос. деятель, ген. от инфантерии 132, 191, 197
- Замятнин Дмитрий Николаевич, гос. деятель, министр юстиции 173
- Заславский Давид Осипович, историк 33, 42
- Захарова Лариса Георгиевна, историк 42, 281
- Зубатов Сергей Васильевич, жандармский полковник 357–358
- Зубков Лев Николаевич, владимирский помещик, деп. III Думы 381
- Зубов Валерьян Александрович, гр. 69

- Зубов Платон Александрович, гр., фаворит Екатерины II, адмирал 69, 135
- Иванов А.**, историк просвещения 263
- Иванов Анатолий Евгеньевич, историк 10, 12, 14, 37–38
- Иванов Николай Иудович, военачальник, ген. от артиллерии 407, 424
- Иванов Павел Васильевич, историк 249
- Ивановский Виктор Викторович, историк права 244
- Ивановский В.И., публицист 439
- Игнатъев А.Ф., гр., полит. деятель 448
- Игнатъев Павел Николаевич, гр., гос. деятель, ген. от инфантерии 215
- Игнатъева, графиня, входила в окружение Г.Е. Распутина 320, 402
- Иконников Владимир Степанович, историк, акад. 49, 247
- Иллерицкий Владимир Евгеньевич, историк 17
- Илличевский П.Д., чиновник 173
- Ильинский Леонид Константинович, историк 261
- Ильинский Николай Степанович, чиновник «Комиссии для составления законов», мемуарист 169, 258
- Инсарский В.А., мемуарист 264
- Исмаилов И., чиновник 157
- Кавелин Константин Дмитриевич**, историк права, общ. деятель 261
- Казаков Роман Борисович, историк 37
- Калинин Георгий Степанович, историк государства и права 57
- Калинин Михаил Иванович, профессиональный революционер 350, 423
- Калинычев Федор Иванович, историк 446
- Каляев Иван Платонович, профессиональный революционер 344
- Кампенгаузен Б.Б., гос. контролер, д.т.с. 60, 79, 104, 130, 146, 154
- Камышанский П., прокурор Петербургской судебной палаты 379
- Канкрин Егор Францевич, гр., гос. деятель, д.т.с. 12, 21, 49, 72, 99, 125, 154, 190, 197, 204, 207, 211, 236
- Каннинг Джордж (Canning), англ. гос. деятель 263
- Кантакузен, княгиня (упомянута в окружении Г.Е. Распутина) 320
- Кантор Рувим Моисеевич, автор работы о перлюстрации писем в России 443
- Карамзин Николай Михайлович, историк, писатель, публицист 61, 75, 89, 102, 227, 248–250, 267
- Карасевский А.И., чиновник, директор Духовно-учебного управления 157
- Каратыгин Петр Петрович, историк литературы 262, 281
- Карнеев Владимир Иванович, чиновник, упр. делами V отделения Собственной его императорского величества канцелярии и ряда секретных комитетов 205

- Карнович Евгений Петрович, историк 154
- Кассо Лев Аристидович, юрист, гос. деятель, т.с. 258
- Кауфман Илларион Игнатьевич, экономист, историк денег 264
- Каульбах, художник 310
- Каховский Петр Григорьевич, декабрист 209
- Кашинцев, агент III Отделения в Германии 196
- Кашкин Николай Сергеевич, петрашевец 149
- Кваренги Джакомо (Quagenghi), архитектор 290
- Квасов Алексей Васильевич, архитектор 290
- Керенский Александр Федорович, общ. и полит. деятель 425–426
- Кизеветтер Александр Александрович, историк, общ. деятель 20, 49, 203, 205, 244, 264, 379
- Киняпина Нина Степановна, историк 58, 246–247
- Кирилл Владимирович, вел. кн. 299
- Киров Сергей Миронович (Костриков), профессиональный революционер 350
- Кисслёв Павел Дмитриевич, гр., гос. деятель, ген. от инфантерии 21, 49, 63, 57, 101, 133, 197, 202–207, 238, 264–265
- Клейнмихель Петр Андреевич, гр., гос. деятель, ген. от инфантерии 101
- Клоков Н.С., чиновник II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии 172
- Клочков Михаил Васильевич, историк 66
- Ключевский Василий Осипович, историк, акад. 66
- Кнорринг И., военачальник, ген.-лейтенант 278
- Кобеко Д.Ф., правовед, историк 263
- Кобервейн, агент III Отделения в Бухаресте 196
- Ковалевский Павел Иванович, психолог, литератор 66
- Козлов И., функционер большевистской организации в Петрограде (1915 г.) 447
- Козодавлев Осип Петрович, член Государственного совета 146
- Козьмин Борис Павлович, историк, литературовед 262
- Коковцов Владимир Николаевич, гр., гос. деятель, д.т.с. 390, 445
- Кокошкин Федор Федорович, правовед, полит. деятель 439
- Колмаков Н.М., чиновник 61
- Колотинская Е.Н., историк права 264
- Комаровский Е.Ф., чиновник, помощник главнокомандующего в Петербурге 181, 260
- Кони Анатолий Федорович, юрист, общ. деятель, литератор 15
- Коновалов Александр Иванович, предприниматель, полит. деятель 389, 405, 448
- Константин Константинович, вел. кн. 300–301
- Константин Николаевич, вел. кн. 108, 119, 237–238, 290
- Константин Павлович, вел. кн. 108
- Коняев А.И., историк 58, 281

- Коржихина Татьяна Петровна, историк 13–14
- Коркунов Николай Михайлович, юрист 47–48, 174, 253
- Корнилов Александр Александрович, историк, писатель, общ. деятель 20, 203, 244, 264
- Короленко Владимир Галактионович, писатель, публицист, общ. деятель 340
- Корф Модест Андреевич, бар., гос. деятель, историк, д.т.с. 48–49, 63, 92, 110, 125, 149, 172–173, 176, 178, 207, 213–217, 228, 235, 252–253, 259, 266–268
- Котович А. 257
- Кочаков Б.М. 57
- Кочубей Виктор Павлович, кн., гос. деятель, канцлер 24, 60, 79, 84, 87, 101, 112, 122–123, 127–128, 130, 135, 144, 146, 182, 208, 220, 223, 225–226, 234
- Кошелев Р.А. 87
- Крупенская Н.К. 353
- Крупенский Павел Николаевич, помещик, полит. деятель 374, 405
- Крупинина Т.Д. 268
- Крушельницкий Александр Владимирович, историк 37
- Крылов Алексей Николаевич, кораблестроитель, акад. 437
- Кузнецов Г.С. 387
- Куйбышев Валериан Владимирович, профессиональный революционер 350
- Кукольник Нестор Васильевич, писатель 90
- Куницын Александр Петрович, просветитель, проф. 172–173
- Куракин Александр Борисович, кн., гос. деятель, д.т.с. 69, 211, 222
- Куропаткин Алексей Николаевич, военачальник, ген. от инфантерии 304
- Куртис Д.Ш. 54, 245
- Кутай И.П. 69
- Кутлер Николай Николаевич, гос. и полит. деятель 315
- Кюстин Астольф де (Custine), маркиз, французский путешественник в России 61, 195
- Лазаревский Н.И., правовед, историк права 48
- Лазоверт Станислав, воен. врач, участник убийства Г.Е. Распутина 416
- Лакруа П. 263
- Ланской Сергей Степанович, гос. деятель, д.т.с. 118, 159
- Лачкин В.Н. 253
- Лауниц фон дер, военачальник, ген.-лейтенант 278
- Лауниц фон дер, тамбовский губернатор 317
- Лебедев К.Л. 310
- Леянов 418
- Лемке Михаил Константинович, историк 50, 260–262
- Ленин Владимир Ильич (Ульянов), профессиональный революционер 241–242, 244, 246–251, 268, 299, 303, 312, 314, 323, 325–326, 332, 334, 344, 347, 350, 353, 360, 362, 371–372, 376, 383, 387–391, 397, 399, 401, 413–414, 433–436, 438, 443–444, 446–450
- Лермонтов Михаил Юрьевич, поэт 193
- Лерхе Г., секретарь Цензурного комитета 184
- Лесков Николай Семенович, писатель 257

- Ливен Дарья (Доротея) Христофоровна, баронесса, жена русского посла в Лондоне гр. Х.А. Ливена 263
- Ливен К.А., кн. министр народного просвещения 197
- Липранди И.П. 149
- Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович, гос. деятель, ген. от инфантерии 139
- Лобачева П.З. 42
- Лобачевский А.И. 263
- Лонгинов Н.М., чиновник, статс-секретарь 236
- Лопатин Герман Александрович, революционер, народник 346
- Лопухин Алексей Александрович, кн., директор Департамента полиции, т.с. 343, 345–346, 442
- Лопухин Петр Васильевич, кн., гос. деятель, д.т.с. 123, 141, 148, 182
- Лохтина Ольга Михайловна (упомянута в окружении Г.Е. Распутина) 320
- Лубе Эмиль Франсуа (Loubet), президент Французской республики 302
- Лубяновский Ф.П., чиновник, правовед 109
- Лукин М.С. 62
- Луначарский Анатолий Васильевич, профессиональный революционер, литератор 358
- Львов Федор Николаевич, петрашевец, штабс-капитан 150
- Львов Георгий Евгеньевич, кн., юрист, полит. деятель 430
- Любимов Л.Д., историк, искусствовед 52, 443
- Люиг Л. 53–54, 245
- Магницкий Михаил Леонтьевич, чиновник, д.с.с. 184
- Майков П.М., историк права 174, 258–259
- Макаров А.Н. 176
- Макаров А.С. 182
- Макаров Степан Осипович, флотоводец, ученый, вице-адмирал 304
- Макеев М.Н., историк литературы 282
- Маклаков Василий Алексеевич, юрист, общ. и гос. деятель 404–405
- Маклаков Николай Алексеевич, гос. деятель, д.т.с. 404–405
- Максимовский, профессор ник. Акад. ГШ 278
- Макшеев, профессор ник. Акад. ГШ 278
- Малашин С. 261
- Малиновский Роман Вацлавович, революционер, деп. IV Думы, агент Департамента полиции 351, 359 389, 443,
- Мальшева О.Г., историк 42
- Манасевич-Мануилов Иван Федорович, чиновник, нач. канцелярии председателя Совета министров, агент Департамента полиции, входил в окружение Г.Е. Распутина 402, 408–409, 482, 490
- Манус Игнатий, банкир, входил в окружение Г.Е. Распутина 402
- Маниковский Алексей Алексеевич, воен. деятель, ген. от артиллерии 33
- Мардерьев М.Г. 361
- Мария Павловна, вел. княгиня 301
- Марков К., чиновник 104

- Марков Н. (второй) 383, 385, 386, 389, 390
- Марков Н. (третий) 390
- Маркс Карл, деятель революционного движения, экономист, философ 23, 244, 247, 248, 346, 349, 350
- Медем, баронесса, входила в окружение Г.Е. Распутина 320
- Медокс Роман Михайлович, авантюрист, агент III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии 194
- Медушевская Ольга Михайловна, историк 40
- Мекленбург-Стрелицкий Георг, герцог, воен. и гос. деятель, ген. от инфантерии 277
- Меллер-Закомельский Александр Николаевич, бар., военачальник, гос. деятель, ген. от инфантерии 317
- Менде А.И. николаевский генералитет 278
- Меншиков Александр Сергеевич, светлейш. кн., воен. и гос. деятель, адмирал 101, 207, 211, 216, 236
- Меньшиков Леонид Петрович, агент Московского охранного отделения, чиновник Особого отдела Департамента полиции 358, 359
- Местр Жозеф де (Maistre J. de), философ, публицист, историк 61, 249, 262
- Меттерних Клеменс Венцель Лотар (Metternich-Winneburg), кн., австрийский гос. деятель 263
- Мещерский Платон Степанович, кн., обер-прокурор Синода 153, 155
- Милорадович Михаил Андреевич, гр., военачальник, ген. от инфантерии 193
- Милюков Павел Николаевич, историк, общ. и полит. деятель 389, 413, 448, 449
- Милютин Дмитрий Александрович, гр., гос. и воен. деятель, ген.-фельдмаршал 275–280
- Мицц Исаак Израилевич, историк, акад. 4, 449, 450
- Мирович Василий Яковлевич, заговорщик, подпоручик 148
- Митрофан, архиепископ, полит. деятель 382
- Мироненко Сергей Владимирович, историк 42, 265
- Михаил Александрович, вел. кн. 298, 422, 428–432
- Михаил, епископ Черниговский 87
- Михаил, митрополит петербургский 154
- Михаил Николаевич, вел. кн. 277, 290
- Михаил Павлович, вел. кн. 194
- Михалин, черносотенец, убийца Н.Э. Баумана 315
- Мицкевич Сергей Иванович, профессиональный революционер, врач 358
- Модзалевский Борис Львович, литературовед 261–262
- Моллер Антон Васильевич, фон, воен. деятель, адмирал 154
- Момбелли Николай Александрович, петрашевец 150
- Монас С. 53, 245
- Монтескье Шарль Луи (Montesquieu), просветитель 144
- Мордвинов Николай Семенович, гр., гос. и общ. деятель, экономист, адмирал 49, 69, 123, 247

- Моховец И.А. 191
 Муравьев А.Н. 156–157, 257
 Муравьев Виктор Александрович, историк 37
 Муравьев Н.В. 297
 Муравьев Н.Н. обер-прокурор 1-го деп. Сената 139
 Муравьев С.А. 368, 370
 Муравьев-Амурский Николай Николаевич, гр., гос. деятель, дипломат, ген. от инфантерии 278
 Муранов Матвей Константинович, профессиональный революционер, деп. IV Думы 389, 401
 Мэй Дж. (May J.), историк 262
 Мюссе В.Е. 244
 Мясоедов А. 403
- Набоков И.А., комендант Петропавловской крепости, ген.-майор 149
 Набоков Владимир Дмитриевич, криминалист, полит. деятель, проф. 33
 Назимов Владимир Иванович, воен. и гос. деятель, ген.-адъютант 215
 Наполеон I (Наполеон Бонапарт), император французов 78, 87, 171
 Нардова В.А., историк 281
 Нарышкин Александр Алексеевич, орловский помещик, полит. деятель 440
 Натансон Марк Андреевич, профессиональный революционер 345
 Негош Милица, княгиня, жена вел. князя Петра Николаевича (упоминается в окружении Г.Е. Распутина) 319, 320
- Негош Николай, кн. Черногорский 319
 Негош Стана, княгиня, жена вел. князя Николая Николаевича 313, 319
 Некрасов Николай Алексеевич, поэт 325
 Некрасов Николай Виссарионович, гос. и полит. деятель 448
 Непокойчицкий А.А., председатель Военно-кодификационной комиссии, ген.-лейтенант 280
 Нессельроде Карл Васильевич, гр., канцлер 154
 Нечаев С.Д., обер-прокурор 155, 156
 Нечкина Милица Васильевна, историк, акад. 148, 256
 Никанор, архиепископ Херсонский 257
 Никитенко Александр Васильевич, лит. критик, акад. 61, 160, 217, 257, 266
 Николаи, военачальник, ген.-лейтенант 278
 Николай I Павлович, император 13–22, 38, 49, 52–55, 72, 79, 81, 82, 84, 85, 90, 91, 92, 105, 106, 110, 126, 129, 130, 132, 133, 144, 147–150, 155, 156, 160, 165, 166, 172, 173, 178, 179, 184, 188, 192–195, 197, 198, 203–207, 209–214, 234, 236, 244–246, 253, 259–262, 265, 266, 444
 Николай II Александрович, император 33–35, 41–49, 280, 285–290, 294–298, 300–305, 307–318, 320–324, 336–337, 351, 364–370, 372, 377, 382, 394–398, 403, 406–408, 410–415, 420, 422–438, 441–445, 447–450

- Николай Михайлович, вел. кн. 48, 49, 127, 247, 253, 254, 267, 301, 317, 396
- Николай Николаевич, вел. кн. 277, 300, 341, 403
- Нифонтов А.К. 57, 261
- Новосильцев Николай Николаевич, гр., гос. деятель, д.т.с. 71, 81, 122, 128, 157, 182, 228, 236
- Ногин Виктор Павлович, профессиональный революционер 358
- Нольде Борис Эммануилович, правовед, историк права 48, 176
- Обнинский В.Н.** 437, 438
- Оболенский Алексей Дмитриевич, кн., гос. деятель, обер-камергер 312
- Обольянинов Петр Хрисанфович, гос. деятель, ген. от инфантерии 69
- Обручев Николай Николаевич, воен. деятель, ген. от инфантерии 279
- Огарёв Николай Платонович, публицист, поэт 13
- Озоль И.П. 378
- Озерцовский И. жандармский подполковник 196
- Оксман Ю.Г. 249
- Окунь Семен Бенцианович, историк 23, 42, 55, 56, 66, 245–246
- Оленин Алексей Николаевич, историк, археолог, гос. деятель, т.с. 171
- Орджоникидзе Георгий Константинович, профессиональный революционер 350
- Орлов А.А. генерал 336
- Орлов Алексей Федорович, кн., воен. и гос. деятель, ген. от кавалерии 198, 214–215
- Орлов В.Н., кн. 313, 336
- Оффенберг, командир кав. корпуса, ген. от кавалерии 278
- Павел I** Петрович, император 66, 67, 151, 168, 221, 223, 246, 290
- Павленко Николай Иванович, историк 176, 249
- Павлова-Сильванская Марина Павловна, историк 247
- Паина Э.С. 57, 255
- Пай И.В. 61
- Пален Петр Алексеевич фон дер, гр., воен. деятель, ген. от кавалерии 66, 69
- Палеолог (Paleologue) Морис Жорж, посол Франции в России 448
- Панин Виктор Никитич, гр., гос. деятель, д.т.с. 105, 110, 113
- Панин Никита Иванович, гр., гос. деятель, д.т.с. 66, 69, 136, 224, 247, 267
- Панин Никита Петрович, гр., воен. и гос. деятель, ген.-аншеф 135
- Пантелеев ген.-адъютант Николая II 317
- Паррот Георг Фридрих (Parrot G.F. von), физик, акад. 234, 235
- Парусов Александр Иванович, историк 23, 55, 247
- Пахман Семен Викторович, историк права 171
- Пельшинский В.С. (Pelchinsky V.S.), французский путешественник в России 61, 262
- Пережогин Михаил Афанасьевич, историк 6

- Перетц Г.А. 209
- Перовский Василий Алексеевич, воен. и гос. деятель, ген. от кавалерии 149
- Перовский Лев Алексеевич, гр., воен. и гос. деятель, ген. от инфантерии 149
- Петр I Алексеевич, император 38, 77, 104, 112, 154, 163, 232, 240, 249, 290, 326, 334, 414
- Петрашевский Михаил Васильевич (Буташевич-Петрашевский), революционер 149–150
- Петровский Григорий Иванович, профессиональный революционер, полит. деятель 401
- Петрункевич Иван Ильич, землевладелец, полит. деятель 384
- Пиерлинг Б.П. 245
- Пиксанов Николай Кирьякович, литературовед 248
- Пинтнер В.М. 99, 250, 251
- Писарев Дмитрий Иванович, критик 335
- Писарев Сергей Николаевич, правовед 253
- Пистолькорс Александра, баронесса, входила в окружение Г.Е. Распутина 320, 402
- Питирим, митрополит 89
- Плеве Вячеслав Константинович, гос. деятель, д.т.с. 303–304, 344, 351, 358, 372, 443
- Победоносцев Константин Петрович, юрист, гос. деятель, д.т.с. 303–304
- Погодин Михаил Петрович, историк, журналист, акад. 90, 249
- Погребинский Александр Петрович, историк 58, 246
- Подвойский Николай Ильич, профессиональный революционер 423
- Позен Михаил Павлович, гос. деятель, т.с. 206
- Покровский С.П., профессор Демидовского лицея 51
- Поленов Д.А. чиновник, 168
- Полетаев Н.Г., большевик, деп. III Думы 386
- Поливанов Алексей Андреевич, воен. деятель, ген. от инфантерии 33, 403–404, 409, 441, 448
- Полиевктов Михаил Александрович, историк 49, 244, 253, 265–266
- Потемкин Григорий Александрович, светлейш. кн., гос. и воен. деятель, ген.-фельдмаршал 365
- Потоцкий М., гр. 197, сидел при Н. I в Шлиссельбурге, выпущен и определен на службу по Мин. юстиции
- Предтеченский А.В. 6, 13, 23, 42, 55, 66, 213, 224, 246, 248, 267
- Пресняков Александр Евгеньевич, историк, акад. 22, 56, 206
- Прозоровские, княж. династия 86
- Прокопович Феофан (Елеазар), архиепископ Новгородский, церк. и гос. деятель, писатель 86
- Простоволосова Лариса Николаевна, историк 37
- Протасов Николай Александрович, гр., гос. деятель, ген. от кавалерии 90, 156
- Протопопов Александр Дмитриевич, помещик, промышленник, общ. и гос. деятель, т.с. 411, 414, 417–419, 424–426, 448

- Пугачев Емельян Иванович, казак, предводитель Крестьянской войны 148
- Пуришкевич Владимир Митрофанович, общ. и полит. деятель 377, 382, 389, 411, 415–416
- Пушкин Александр Сергеевич, поэт 61, 81, 248, 261
- Пыпин Александр Николаевич, литературовед, историк, акад. 48, 249
- Радищев Александр Николаевич, писатель, философ 61, 68, 169, 170, 258
- Разумовский Алексей Григорьевич, гр., фаворит имп. Елизаветы, ген.-фельдмаршал 290
- Разумовский Алексей Кириллович, гр., гос. деятель 86–87
- Раев Марк (Raeff M.), историк 53–54, 100, 135, 244–245
- Раскин Давид Иосифович, историк-архивист 40
- Распутин Григорий Ефимович (Новых), авантюрист, фаворит имп. Николая II и Александры Федоровны 42, 318–321, 401, 407–416, 423, 448
- Растрелли (Rastrelli) Варфоломей Варфоломеевич (Бартоломео Франческо), зодчий 290
- Рачковский И. 302
- Редигер Александр Федорович, воен. деятель, ген. от инфантерии 312, 341
- Рейнке Николай Михайлович, правовед, историк права 255
- Ренненкампф Павел Карлович фон, военачальник, ген. от кавалерии 317
- Репин Илья Ефимович, художник 333
- Репинский К.Г., чиновник II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, сенатор 63, 173, 181
- Рижский Моисей Иосифович, философ, историк 88, 249
- Ринальди Антонио (Rinaldi), архитектор 290
- Рихтер И., морской офицер, подавлял волнения 1905 г. в Прибалтике 317
- Робинсон Л.Д. (Robinson L.G.), историк 263
- Родзянко Михаил Владимирович, помещик, полит. деятель 33, 382, 385, 396, 399, 412, 423, 426, 448
- Розен Андрей Евгеньевич, декабрист, поручик 62
- Романов И.Р., сормовский рабочий, деп. II Думы 376
- Романович-Словатинский А.В. 126, 253
- Романовы, императорская династия 11, 41–42, 113
- Рубакин Николай Александрович, книговед, библиограф, писатель 439
- Рубанович, член партии социалистов-революционеров, эмигрант 345
- Рубинштейн Дмитрий («Митька»), директор правления Русско-французского банка, входил в окружение Г.Е. Распутина 402
- Рудаков Василий Егорович, историк-архивист, литератор 255
- Рудин С.Д., чиновник, директор Межевой канцелярии 255

- Рузский Николай Владимирович, военачальник, ген. от инфантерии 415, 429–430
- Румянцев Николай Петрович, гр., гос. деятель, канцлер 69, 123, 227
- Рунич Дмитрий Павлович, гос. деятель, т.с. 75, 248
- Рутенберг Пинхас, промышленник, революционер, литератор 443
- Рындзюнский Павел Григорьевич, историк 109, 251
- Рэн П. 52
- Рябушинский Павел Павлович, промышленник, банкир, общ. деятель 405, 448
- Рязановский Н.В. 89–90, 245, 249
- Савинков Борис Викторович, профессиональный революционер 345
- Сазонов Егор Сергеевич (Созонов), революционер, террорист 346
- Сазонов Сергей Дмитриевич, гос. деятель, дипломат, т.с. 394–395, 407, 410–411
- Сактынский А.А., чиновник для особых поручений III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии 196
- Салтыков Михаил Евграфович (Салтыков-Щедрин), писатель 293, 436
- Салтыков Николай Иванович, кн., воен. и гос. деятель, ген.-фельдмаршал 121, 123, 130, 146
- Самарин Александр Дмитриевич, губ. предводитель дворянства, полит. деятель 440
- Самойлов Федор Никитич, деятель рев. движения, деп. IV Гос. думы 389, 391, 445, 447
- Санглен Яков Иванович, де, мемуарист 268
- Сафонов М.М., историк 19, 55, 70, 122, 252, 247, 267
- Сахаров Виктор Викторович, ген. от кавалерии, ген.-адъютант 317
- Свердлов Яков Михайлович, профессиональный революционер 350, 353–354, 360, 442
- Святополк-Мирский Петр Данилович, кн., гос. деятель, ген.-лейтенант 306
- Селиванов Илья Васильевич, чиновник, литератор 1881
- Семевский Василий Иванович, историк 66, 212, 265
- Семенников В.В., историк 33–34, 448
- Серафим, епископ Тверской 87
- Серафим, митрополит Киевский и Петербургский 87, 89, 154–155
- Серафим Саровский, святой 303
- Сербинович Константин Степанович, чиновник, литератор 157
- Сергеев А.А. историк-архивист 350
- Сергеевич Владимир Иванович, историк права 126, 171, 253
- Сергей Александрович, вел. кн. 295–299
- Сергей Михайлович, вел. кн. 300
- Середонин Сергей Михайлович, историк 129

- Серов В.М., саратовский учитель, деп. 2-й Думы
- Сивков К.В. историк 260
- Симанович А., личный секретарь Г.Е. Распутина 402
- Сипягин Дмитрий Сергеевич, гос. деятель, т.с. 344, 443
- Сквайр П.С. (Squire P.S.), историк 53, 191, 193, 245, 261
- Скобелев Матвей Иванович, инженер, полит. деятель 400, 446
- Слицан Б.Г. историк 8
- Смарагд, архиепископ Могилевский 155
- Смирнов В.З. историк 281
- Смирнова Татьяна Михайловна, историк 13
- Смолич Дж. (Smolitsch J.), историк церкви 54, 245
- Соломко, художник, лжеисторические сюжеты 310
- Сольский Дмитрий Мартынович, гос. деятель, д.т.с. 181
- Спасский И.Г. фалерист 251, 440
- Сперанский Александр Николаевич, историк 8–9
- Сперанский Михаил Михайлович, гр., гос. деятель, д.т.с. 21, 49–50, 53, 60–61, 63, 65, 71, 73–76, 78–80, 83–84, 89, 102, 110, 122–123, 125–126, 128–129, 131, 135, 137, 141, 144–148, 152, 163, 169–178, 202, 204, 207–208, 210–211, 226, 228–229, 232–233, 247–248, 252–254, 256, 258–259, 267–268
- Спешнев Николай Александрович, петрашевец 150
- Спиридович А.И., жандармский полковник, автор труда «Революционное движение в России» 350
- Станкевич, автор «Бесед на гробе младенца» 88
- Старов Иван Егорович, архитектор 365
- Стасов Василий Петрович, архитектор 290
- Степанова М., историк литературы 249
- Степанский Александр Давидович, историк 10, 12–14, 37–38
- Столыпин Петр Аркадьевич, гос. деятель, д.т.с. 35, 321, 332, 335, 337, 341, 346, 352, 355, 372, 375, 377–379, 383–386, 444–445
- Строганов Александр Григорьевич, гр., гос. деятель, ген. от инфантерии 216
- Строганов Павел Александрович, гр., гос. и воен. деятель, ген.-лейтенант 49, 122, 127, 244
- Строганов Сергей Григорьевич, гр., гос. и воен. деятель, ген. от инфантерии 278
- Строгановы, графская династия 86
- Строев Василий Николаевич, историк 258
- Струков А.П., екатериносл. помещик, Совет об. дв. 1906–1912 440
- Струков ген.-адъютант Николая II 317
- Суковнин А.П., упр. Делами К-та министров 133
- Сумароков, член Гос. совета, ген.-адъютант 278
- Суриков Василий Иванович, художник 310
- Сухомлинов Владимир Александрович, воен. деятель, ген. от кавалерии 33, 394–395, 397, 403–404, 409–410, 447

- Сухозанет Николай Онуфриевич, гос. и воен. деятель, ген. от артиллерии 275, 278
- Сухотин, капитан, участник убийства Г.Е. Распутина 416
- Сыромятников Борис Иванович, историк 41, 207, 265
- Сюзанне А. (Suzannet A.), французский путешественник 61, 262
- Тельберг Георгий Густавович, историк 259
- Танеев Александр Сергеевич, чиновник, главноуправляющий I Отделением Собственной его императорского величества канцелярии, д.т.с. 106, 110, 167, 236, 402
- Тарле Евгений Викторович, историк 262
- Татаров, провокатор, разоблачен эсерами 345
- Татищев Александр Иванович, гр., воен. и гос. деятель, ген. от инфантерии 147
- Темперлей Х. 263
- Терещенко Михаил Иванович, сахарозаводчик, банкир, полит. деятель 405
- Толстой Алексей Константинович, гр., поэт и драматург 193
- Толстой И.И., гр., министр в правительстве Витте 335
- Толстой Лев Николаевич, гр., писатель 335, 340, 356
- Толстой Петр Александрович, гр., воен. и гос. деятель, сенатор, ген.-адъютант 184, 209
- Толстой Яков Николаевич, «корреспондент Министерства народного просвещения в Париже», агент политического сыска 194–196, 262
- Торке Ханс Иоахим (Torke H.J.), историк 52, 54, 97, 245
- Трепов Александр Федорович, гос. деятель, д.т.с. 413, 417
- Трепов Дмитрий Федорович, гос. деятель, ген.-майор 308–309, 311–314, 367, 413
- Троицкий Сергей Мартынович, историк 23, 26, 84, 96, 250
- Тройницкий Александр Григорьевич, статистик, гос. деятель 264
- Троцкий И.М., историк 57, 183, 194, 260–262
- Трошинский Дмитрий Прокофьевич, гос. деятель, д.т.с. 69–70, 105, 121, 163, 227
- Трусевич М., директор Департамента полиции, д.с.с. 359
- Тушанов А.С. 42
- Тургенев А.И., секретарь Библиейского о-ва 154
- Тургенев А.М., чиновник 254
- Тян В.В., историк 42
- Уваров Сергей Семенович, гр., гос. деятель, д.т.с. 89, 106, 236
- Угаров Иван Федорович, историк 6
- Устрялов Ф.Г., чиновник Военного министерства, правовед 275, 279
- Устюгов Николай Владимирович, историк 6

- Фальцфейн В.Э. 382
 Фе Ш., книгопродавец 184
 Федосов Иван Антонович, историк 24–25, 54, 245, 247, 261
 Феофан, епископ, духовник Николая II 319
 Ферзен Эрих Николаевич, бар., подавлял волнения 1905 г. в Прибалтике 317
 Федор Кузьмич, легендарный старец (легенда об Александре I) 52
 Федоров В.А. 244
 Фигнер Вера Николаевна, народница, писательница 346
 Филарет, митрополит Московский 87, 155, 161, 257
 Филиппов А.Н. 51, 171
 Фок М.Я. 184, 186–188, 190, 261
 Фонвизин Денис Иванович, драматург, чиновник 267
 Фонвизин М.А., публицист 247
 Фотий, архимандрит, митрополит Петербургский 89, 154
 Франк Семен Людвигович, религиозный философ и психолог 54
 Франц Фердинанд, эрцгерцог австрийский 394
 Фредерикс Владимир Борисович, бар., гос. деятель, обер-камергер 313, 321
 Фриш Э., чиновник, статс-секретарь 366
 Фрунзе Михаил Васильевич, профессиональный революционер 350
 Хабалов С.С., командующий войсками Петроградского военного округа, ген.-лейтенант 418–419
 Хвостов А.А.
 Хвостов Алексей Николаевич, полит. и гос. деятель, 408–409, 411, 448
 Хвостов Д.И. 151
 Хеннигсен К.Ф. (Hennigsen Q.F.), историк 262
 Хитрово А.З., чиновник, гос. контролер 118
 Хомяков Николай Алексеевич, помещик, полит. деятель 382, 385
 Хоппер Б. (Norreg B.), историк 196
 Хромов П.А., историк, экономист 58, 246
 Цеймерн М.К., сенатор 173
 Циммерман М.К., чиновник II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии 172
 Цитрон Александр Львович, журналист 444
 Чарторижский Адам, кн., гос. деятель 61, 75, 121, 122, 127, 144, 247–248, 253
 Чашин В.А., пермский рабочий, деп. II Думы 376, 445
 Чеваковский С.И., архитектор 290
 Чевкин К.В., чиновник 108
 Челноков Михаил Васильевич, предприниматель, полит. деятель 235, 374
 Чернов Анатолий Васильевич, историк 8, 12
 Чернов Виктор Михайлович, профессиональный революционер 345
 Черноморский Моисей Наумович, историк 19
 Черносивтов К., владимирский помещик, деп. III Думы 381

- Чернуха В.Г., историк 19, 134, 254, 281
- Чернышевский Николай Гаврилович, писатель, критик, революционер 50, 61, 74, 78, 119, 236, 244, 248, 276, 282
- Чернышов Александр Иванович, светлейш. кн., гос. и воен. деятель, ген. от кавалерии 206–207, 236
- Чертков Владимир Григорьевич, издатель, общ. деятель 356
- Чехов Антон Павлович, писатель 310, 340
- Чистович И.А., историк церкви 157, 256
- Чистозонов А.Н., историк 76, 248
- Чичагов Н.В. 69
- Чукарев Андрей Гаврилович, историк 36, 42
- Чхеидзе Николай Семенович, полит. деятель 423, 427, 446
- Чхенкели Акакий Иванович, адвокат, полит. деятель 400, 446
- Шагов Николай Романович**, деятель рев. движения, деп. IV Гос. думы 389, 391, 401
- Швейцар, агент III Отделения в Германии 196
- Шеманский А., публицист, историк 33, 42, 437
- Шепелев Леонид Ефимович, историк 19, 23, 42, 55, 251
- Шервуд Иван Васильевич (Верный), поручик, агент III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии 183, 189, 193–194
- Шереметьевская Наталья Сергеевна, жена вел. князя Михаила Александровича 298
- Шидловский Сергей Илиодорович, полит. деятель 33, 393, 413
- Шильдер Николай Константинович, историк, ген.-майор 48, 81, 87, 244, 248, 256, 260, 262, 265–266
- Шингарёв Андрей Иванович, врач, публицист, полит. деятель 389, 405, 448
- Шипов Дмитрий Николаевич, помещик, земский и полит. деятель 33, 444
- Шипов, художник 310
- Шишков Александр Семенович, писатель, гос. деятель, адмирал 89, 154–155, 159, 184
- Шнейдер, агент III Отделения в Германии 196
- Шнитцлер (Schnitzler), путешественник, литератор 262
- Шомпулев В.А., публицист 263
- Штейн Лоренц (Stein), историк права 48, 244
- Штейнгель Владимир Иванович, бар., декабрист, подполковник 209
- Штилинг Юнг (Stilling U.), религиозно-мистический писатель 88
- Штюром, военачальник, ген.-лейтенант 278
- Штюрмер Борис Владимирович, гос. деятель, д.т.с. 408–411
- Шуваев Д.С., воен. деятель, ген.-лейтенант 409
- Шульгин Василий Витальевич, полит. деятель 33, 389, 405, 421, 429–431, 449
- Шумигорский Е.С., историк 66

- Щапов Афанасий Прокофьевич**, историк 15, 39
- Щегловитов Иван Григорьевич**, гос. деятель, д.т.с. 315, 400, 425
- Щеголев Павел Елисеевич**, историк, литературовед 33, 34, 261, 263, 449, 450
- Щербатов Николай Борисович**, кн., гос. деятель, д.т.с. 406
- Эбердин (Абердин) (Aberdeen)**
Джордж Гамильтон Гордон, лорд, полит. деятель 263
- Эймонтова Регина Генриховна**, историк 281
- Эмерсон Д. (Emerson D.)**, историк 262
- Энгельгардт Б.**, полит. деятель, полковник 426
- Энгельс Фридрих (Engels F.)**, деятель революционного движения, философ, публицист 67, 81, 224, 247, 248, 340
- Эренфельд Б.К.**, историк 443
- Эртель Федор Федорович фон**, воен. и гос. деятель, ген. от инфантерии 69
- Юрий Михаил Юрьевич**, историк 14
- Юсупов Феликс Феликсович**, кн., флигель-адъютант 33, 416, 417
- Юшков Серафим Владимирович**, историк 56
- Якимович А.А.**, чиновник Военного министерства 279
- Яковлев**, обер-прокурор Синода, сенатор, т.с. 152
- Яковлев А.А.**, чиновник II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии 168
- Янушкевич Николай Николаевич**, воен. деятель, ген. от инфантерии 394–397
- Ястржембский Иван Львович**, петрашевец, экономист 150

*Указатель упоминаемых учреждений, общественных организаций,
политических партий,
общественно-политических группировок*

- Автономисты** – см. *Политические группировки и союзы*
- Административный совет Царства Польского** 80
- Адмиралтейство** 28
- Адмиралтейств-коллегия** 138
- Адмиралтейств-совет** 125, 271, 273
- Академия наук** (Императорская Санкт-Петербургская Академия наук) 138, 301
- Академия художеств** (Императорская Академия художеств) 138, 292, 301
- Александринский театр** – см. *Театры*
- Александровский лицей** – см. *Лицеи*
- Армии**
- Главный штаб 1-й армии 276
 - 2-я армия 189
 - Кавказская 277
- Архивы**
- Архивы Сената (Вотчинный, Герольдии, Разрядный, Сенатский, Старых дел) – см. *Сенат*
 - Венский государственный 53, 262
 - Центральный государственный архив военно-морского флота СССР [Российский государственный военно-морской архив] 62–63
 - Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР [Государственный архив Российской Федерации] 59, 62–63, 437–439, 442–444
 - Центральный государственный военно-исторический архив СССР [Российский государственный военно-исторический архив] 59, 62–63
 - Центральный государственный исторический архив СССР [Российский государственный исторический архив] 11, 17, 62–63, 99, 132–133, 450
- Ассигнационный банк** – см. *Банки*

Балтийская железная дорога – см. *Железные дороги*

Балтийский флот – см. *Флоты*

Банки

Ассигнационный 101, 221

Государственный коммерческий 72

Заемный 101

Крестьянский 386

Русско-французский 402

см. также *Вдовьи казны, Сохранные казны, Судные казны*

Белорусско-Литовская синодальная контора – см. *Синод*

Библейское общество (Российское Библейское общество) 71, 78, 87–88, 90, 154–155, 162

Богоугодные заведения 199

Больницы 199

Большой театр – см. *Театры*

Боярская дума 7

Вдовьи казны 201, 264

Ведомства

горное 82

лесное 82

путей сообщения 82

Венский государственный архив – см. *Архивы*

Верхнеудинское реальное училище 317

Верховная военно-следственная (военно-судная) комиссия [по делу петрашевцев] 142, 149

Верховная следственная комиссия [по делу декабристов] 63, 142, 147, 209; см. также *Тайный следственный комитет*

Верховный Совет СССР 7

Верховный Тайный совет 136

Верховный уголовный суд 63, 142, 147, 148, 256

Викариатства – см. *Синод*

Военная коллегия – см. *Коллегии*

Военное министерство – см. *Министерства*

Военно-кодификационная комиссия 278

Военно-медицинская академия 302

Военно-морской суд (Севастополь) 446

Военно-полевые суды 317–318, 374–375, 403

Военно-промышленные комитеты 242, 405–406, 414

Киевский 405

Московский 405

Харьковский 405

Центральный 403, 405

- Военные округа** 277
Казанский 395
Киевский 394–395
Московский 297–298, 395
Одесский 311, 395
Петербургский (Петроградский) 299–300, 306, 314, 418
- Военный совет** 28, 125, 271, 273, 280
- Волостное правление** 202
- Волостной суд** 339
- Волостной сход** 339
- Волынский полк** – см. *Полки*
- Воспитательные дома** 200, 263
Московский 200, 263–264
Петербургский 200
- Временное правительство** 16, 39, 427–428, 431, 450
- Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов (Петроград)** 422
- Всероссийский аэроклуб** – см. *Общества*
- Всероссийский земский союз** 397–398, 414
- Всероссийский городской союз** 398, 414
- Всероссийский Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК)** 443
- Всероссийское общество рыболовства** – см. *Общества*
- 2-я армия** – см. *Армии*
- Выборгский районный комитет РСДРП** – см. *Партии политические, Российская социал-демократическая рабочая партия*
- Высшая аттестационная комиссия** 14
- Высшее художественное училище** 292
- Высший трибунал (Варшава)** 140
- Генерал-аудиториат** – см. *Министерства, Военное министерство*
- Генерал-губернаторства** 236
- Генеральный штаб** 59, 394–395
- Генерального штаба академия** – см. *Николаевская академия Генерального штаба*
- Главная переписная комиссия (Первая Всероссийская перепись населения 1897 г.)** 287
- Главное архивное управление при Совете Министров СССР** 6, 15, 17
- Главные управления**
воздухоплавания 301
духовных дел разных вероисповеданий 153, 229
землеустройства и земледелия 338
Красного креста 417
путей сообщения и публичных зданий 58, 114, 229

- ревизии государственных счетов 229
 торгового мореплавания и торговых портов 301
 тюремное – см. *Министерства, Министерство юстиции*
- Главный комитет по крестьянскому делу** – см. *Комитеты*
- Главный морской штаб** 215
- Главный штаб 1-й армии** – см. *Армии*
- Горное ведомство** – см. *Ведомства*
- Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина** [Российская государственная библиотека] 62
- Государственная Дума** (по «Государственной уставной грамоте Российской империи» – проекту Н.Н. Новосильцева) 80
- Государственная Дума** (по проекту М.М. Сперанского) 74
- Государственная Дума** 32, 35, 242, 311, 323, 333, 337, 366–370, 373, 376, 392, 428, 433–434, 444–446
- I Дума 364–365, 369–370, 372–374, 379, 384, 444
- II Дума 374–379, 445–446
- III Дума 301, 321, 323, 346, 379–388, 392–393, 433–434, 445–446, 450
- IV Дума 359–360, 388–393, 396, 398–401, 404–407, 409–415, 419–421, 426, 447, 449
- Совет старейшин Думы 422
- Временный комитет Государственной Думы 422–423, 425–428, 431 см. также *Фракции*
- Государственная канцелярия** – см. *Государственный совет*
- Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина** [Российская национальная библиотека] 62, 116–117, 440
- Государственное казначейство** 229, 232
- Государственный исторический музей** 14
- Государственный коммерческий банк** – см. *Банки*
- Государственный контроль** – см. *Министерства*
- Государственный совет** (по «Государственной уставной грамоте Российской империи» – проекту Н.Н. Новосильцева) 80
- Государственный совет** (по проекту Комитета 6 декабря 1826 г.) 209
- Государственный совет** 24, 26–28, 56–57, 60, 68, 74–77, 83–84, 92, 94, 97–99, 101, 105, 113, 115–127, 129–131, 137, 142, 144, 146, 148, 157, 161, 170–173, 175, 179, 204, 206–207, 209, 212–213, 228–229, 231–232, 234–235, 241–242, 252–253, 271–273, 278, 291, 297, 305, 328, 333–334, 337, 371–372, 374, 382, 392, 396, 401, 405, 408, 411, 420–421, 425, 434, 445–446
- Комитет председателей департаментов 228–229
- Государственная канцелярия 123–125, 272–273
- Департамент законов 96, 105, 123, 142, 171–172, 179
- Департамент дел военных 123, 164
- Департамент дел гражданских и духовных 123

- Департамент государственной экономии 123
Департамент дел Царства Польского 123
Государственный Эрмитаж – см. *Эрмитаж*
Греко-имеретинская синодальная контора – см. *Синод*
Губернские палаты государственных имуществ 159, 203–204
Губернские правления 338
Губернские раскольничьи комитеты 159
Гусарский полк – см. *Полки*
- Дворянские собрания** – «сеймики» (по «Государственной уставной грамоте Российской империи» – проекту Н.Н. Новосильцева) 80
Демидовский лицей – см. *Лицеи*
- Департаменты**
водяных коммуникаций 222
герольдии – см. *Сенат*
Государственного совета – см. *Государственный совет*
государственной экономии 101
гражданских и духовных дел 101
духовных дел – см. *Министерства, Министерство духовных дел и народного просвещения*
инспекторский департамент гражданского ведомства – см. *Собственная его императорского величества канцелярия*
кассационные – см. *Сенат*
Межевой – см. *Сенат*
номерные (первый – десятый) Сената – см. *Сенат*
полиции – см. *Министерства, Министерство внутренних дел*
почтовый 221–222
уделов 222, 232–233, 330
- Департаменты предполагаемые** (по записке Павла I) 223
Духовные академии – см. *Синод*
Духовные правления – см. *Синод*
Духовные семинарии – см. *Синод*
- Епархии** – см. *Синод*
- Жандармские округа** 187–188
Жандармские управления 349, 351, 362–363
Костромское 354, 442
Петербургское (Петроградское) 362
Тамбовское 441
- Железные дороги**
Балтийская 312
Московско–Казанская 316
Николаевская 424
Сибирская 317

Земские управы

Московская 374

Заемный банк – см. *Банки*

Заводы, фабрики

Ижорский 389

Невский судостроительный 389

Путиловский 389

Румянцево-Сильвестровская суконная фабрика 448

Семенниковский 389

Западный комитет – см. *Комитеты*

Запасные хлебные магазины 223

Ижорский завод – см. *Заводы, фабрики*

Императорская главная квартира 185

Институт живого слова 15, 39

Институт истории Академии Наук СССР 46

Институт русской литературы АН СССР (РАН) – «Пушкинский дом» 62

Кабинет (при Петре I) 163

Кавказская армия – см. *Армии*

Кавказский комитет – см. *Комитеты*

Кавказский корпус – см. *Корпуса отдельные*

Казанская судебная палата – см. *Судебные палаты*

Казанский военный округ – см. *Военные округа*

Казанский собор (Петербург) 322, 418

Казанский учебный округ 184

Казенная палата 113, 202

Саратовская 116

Камер-коллегия – см. *Коллегии*

Канцелярии

Военная – см. *Министерства, Военное министерство*
губернаторов 338

Комитета министров – см. *Комитет министров*

Межевая – см. *Сенат*

обер-полицеймейстеров, полицеймейстеров, градоначальников 352
обер-прокурора – см. *Синод*

Особенная – см. *Министерства, Министерство внутренних дел*

Особенная – см. *Министерства, Министерство полиции*

Особенная по секретной части – см. *Министерства, Министерство финансов*

Тайная 68

Д.П. Трощинского 163

рекетмейстерских дел – см. *Сенат*

Капитул императорских орденов 117

Кассационный суд (Варшава) 140
Киевский военно-промышленный комитет – см. *Военно-промышленные комитеты*
Киевский военный округ – см. *Военные округа*
Киевский комитет РСДРП – см. *Партии политические, Российская социал-демократическая рабочая партия*
Коллегии

Военная 121, 138
Иностраннных дел 101
Камер-коллегия 202
Коммерц-коллегия 222
Мануфактур-коллегия 8

Коллегия иностраннных дел – см. *Коллегии*

Комиссии

для сочинения проекта нового Уложения (Комиссия составления законов 5 июня 1801 г.) 61, 83, 105, 124, 169–170, 172
для поверхностного обозрения жалоб и решений Сената 138
для рассмотрения ревизии государственных крестьян – см. *Собственная его императорского величества канцелярия*
духовных училищ – см. *Синод*
прошений – см. *Сенат*
прошений (по проекту Комитета 6 декабря 1826 г.) 209
Особая следственная 134
сеймового суда (Варшава) 148

Комитет министров 24, 26, 28, 50, 57, 60, 68, 77, 79, 84, 92, 94, 101, 113–114, 118–123, 125, 128–132, 137, 142–145, 148, 154, 157, 161–162, 164–167, 173, 182, 198–199, 204, 206–207, 209, 225, 228, 231, 234–236, 241, 254–255, 258, 271, 273, 291, 305, 324, 333–334

Канцелярия 132, 236

Комитеты

2 апреля 1848 г. («Бутурлинский») по делам цензуры 160, 167, 216–217, 220
высшей полиции 182
И.В. Васильчикова 126
29 ноября 1807 г. (по проекту реформ духовно-учебных заведений и содержания церковного причта) – см. *Синод*
24 апреля 1828 г. 175, 209
для высшего надзора за направлением произведений нашего книгопечатания, в пропуске которых участвует духовная цензура – см. *Синод*
для изыскания средств и сокращения делопроизводства и отчетности по гражданским управлениям 116, 208, 218, 259
для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий 202, 211

для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия 71, 182–184
 для составления «Свода законов Финляндии» 178
 еврейские 218
 Западный (западных губерний) 178
 Кавказские (1833–1840; 1840–1842; 1842–1884 гг.) 28, 125, 208, 218
 Е.Ф. Канкрин 105
 крестьянский 1 марта 1846 г. (по записке гр. Л.А. Перовского) 212
 о запрещении продажи крестьян без земли 29 июля 1829 г. 210
 о государственных крестьянах 20 апреля 1828 г. 211
 о пересмотре указа 6 августа 1809 г. об «экзаменах на чин» 104
 о пересмотре «Устава о службе гражданской» 3 декабря 1846 г. 106, 112–113, 167
 о повинностях в казенных имениях Западного края 211
 о порядке продажи имений с торгов (по записке бар. М.А. Корфа) 213
 о служебных правах по образованию 1851 г. 106
 о чинах 1856 г. 106
 об обязанных крестьянах 1839–1842 гг. 265
 об установлении предельности дробления дворянских имений 210
 Особый для пересмотра постановлений о раскольниках 160
 Особый по делам Закавказского края 206
 Остзейские (1828–1831, 1849–1850) 218
 по делам о раскольниках 159–160, 220
 по делам Царства Польского 208, 218
 по оказанию помощи русским военнопленным 417
 по устройству дворовых людей 15 февраля 1842 г. 92, 212
 призрения заслуженных гражданских чиновников – см. **Собственная его императорского величества канцелярия**
 Рекрутский – см. **Собственная его императорского величества канцелярия**
 Сибирские (Первый и Второй) 28, 125, 208, 218
 3 января 1857 г. для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян
 (Главный комитет по крестьянскому делу) 57, 214, 266
 13 января 1807 года 72
 1856 г. о помещичьих крестьянах 57
 Цензурный 184
 4 марта 1848 г. («Меншиковский») по делам цензуры 215–216
 6 декабря 1826 г. 60, 65, 79, 104, 131, 139, 141, 147, 207–210, 250, 265
Коммерц-коллегия – см. **Коллегии**
Коммунистическая партия Советского Союза – см. **Партии политические**

Консistorии – см. *Синод*

Конституционно-демократическая партия – см. *Партии политические*

Корпуса отдельные

внутренней стражи 187, 236–237
гвардейский 184
жандармов 186–192, 197, 348, 446
Кавказский 238

Костромское жандармское управление – см. *Жандармские управления*

Крестьянские комитеты 315

Крестьянский банк – см. *Банки*

Лавры – см. *Синод*

Ленское золотопромышленное товарищество 387

Лесное ведомство – см. *Ведомства*

Лицеи

Императорский Александровский (Царскосельский) 173, 199, 263, 436
Демидовский 51

Малый театр – см. *Театры*

Мануфактур-коллегия – см. *Коллегии*

Мариинский театр – см. *Театры*

Милиция

Буржуазная 426
Пролетарская 426

Министерства 225–235, 241, 332–333, 337–338

Военное 40, 58, 95, 134, 167, 177, 229, 275–279, 282, 305

Военная канцелярия 279

Генерал-аудиториат 150

Управление военно-учебными заведениями 301

внутренних дел 50–51, 53, 59–60, 61, 73, 95, 101, 114–115, 134, 149, 156, 174, 183–186, 227–229, 234, 244, 246, 252, 274, 297, 302, 324, 338, 342, 348, 360, 362, 377, 412

Департамент полиции 32, 35, 261, 303, 321, 343, 345–363, 370, 376, 378, 399, 442–443

Секретарская часть 349

Особый отдел 348–349, 358–359, 362, 442

Агентура 351, 355–357, 359–360, 402

Заграничная агентура 302, 351, 361–362

Перлюстрационные кабинеты при почтамтах 360–361, 443

Особенная канцелярия 184–186

Государственный контроль (Министерство государственного контроля) – 119, 134, 231, 425
государственных имуществ (земледелия и государственных имуществ) 58, 197, 203–205, 325, 338
духовных дел и народного просвещения 29, 71, 78, 88, 90, 153, 162, 234
 Департамент духовных дел 153–154
императорского двора 25, 56, 72–73, 291–292, 295, 297
 Гофмейстерская часть 291
 Дирекция императорских театров 292
 Кабинет 291
 Касса 291
 Придворная конюшенная часть 292
 Придворная медицинская часть 292
 Управление императорскими дворцами 291
иностранных дел 40, 229, 233
коммерции 72
Морское 40, 58, 119, 229, 233, 237–238
народного просвещения 50, 61, 88–90, 96, 153, 158, 215–216, 229, 233, 391
полиции 71, 183–184, 229
 Особенная канцелярия 63, 184
торговли и промышленности 338
уделов 59
финансов 58, 61, 95, 99, 114, 202, 229, 231, 257, 264, 436
 Коммерческий совет 72
 Мануфактурный совет 72
 Особенная канцелярия по секретной части 202
юстиции 61, 119, 134, 138, 142, 170, 176, 197, 229, 255, 281, 339, 440
 Совет министра (консультация) 141
 Главное тюремное управление 340, 363, 441

Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР 14

Министерство высшего и среднего специального образования СССР 15

Михайловский театр – см. *Театры*

Молитвенные дома – см. *Синод*

Монастыри – см. *Синод*

Морское министерство – см. *Министерства*

Московская земская управа – см. *Земские управы*

Московская синодальная контора – см. *Синод*

Московский военно-промышленный комитет – см. *Военно-промышленные комитеты*

Московский военный округ – см. *Военные округа*

Московский воспитательный дом – см. *Воспитательные дома*
Московский госпитальный дом 263
Московский государственный историко-архивный институт 5–6, 8,
10–11, 13–14, 16, 18, 38, 40
Московский комитет РСДРП – см. *Партии политические, Российская
социал-демократическая рабочая партия*
Московский областной педагогический институт (с 1957 им. Н.К. Круп-
ской; ныне Московский государственный областной университет) 5
Московский университет 89, 138
Московское охранное отделение – см. *Охранные отделения*
Московское Юридическое общество 299
Московско-Казанская железная дорога – см. *Железные дороги* 316

Наместнические сеймы (по Государственной уставной грамоте Россий-
ской империи – проекту Н.Н. Новосильцева) 80
Народные социалисты – см. *Партии политические*
Националисты – см. *Политические группировки и союзы*
Невский судостроительный завод – см. *Заводы, фабрики*
Негласный комитет 24, 27, 60, 70–71, 101, 120, 122, 127, 136, 225
Непременный совет 24, 27, 60, 70–71, 120–121, 136–137, 226–228, 252
Нижегородское охранное отделение – см. *Охранные отделения*
Николаевская академия Генерального штаба 278
Николаевская железная дорога – см. *Железные дороги* 424
Нерчинская каторга – см. *Тюрьмы политические*

Общества

Императорский Всероссийский аэроклуб 436
Императорское Всероссийское общество рыболовства 300
Императорское общество поощрения рысистого коннозаводст-
ва 436
Императорское общество спасения на водах 436
Императорское пожарное общество 436
Императорское Русское историческое общество 59, 436
Общество поощрения рысистого коннозаводства – см. *Общества*
Общество спасения на водах – см. *Общества*
Объединенное дворянство – см. *Политические группировки и союзы*
Одесский военный округ – см. *Военные округа*
Окружное правление 204
Окружной суд 340
Особая следственная комиссия – см. *Комиссии*
Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности
441
Особое совещание министров для объединения всех мероприятий по
снабжению армии и флота и организации тыла 410

Особый комитет для пересмотра постановлений о раскольниках – см. *Комитеты*

Особый комитет по делам Закавказского края – см. *Комитеты*

Отдельный гвардейский корпус – см. *Корпуса отдельные* 184

Охранные отделения (Отделения общественной безопасности и порядка) 32, 349, 351–353, 357, 361–363, 376

Московское 354–358, 443

Нижегородское 354

Пермское 354

Петербургское (Петроградское) 362, 378, 418, 420, 442

Павловский полк – см. *Полки*

Партии политические

Коммунистическая партия Советского Союза 46

Центральный комитет 46

Конституционно-демократическая партия (кадеты, Партия народной свободы) 314, 366, 369–370, 373–375, 377, 379, 382–386, 389, 404–405, 444

Народные социалисты (энесы, Народно-социалистическая трудовая партия, Трудовая народно-социалистическая партия) 374–375, 444

Партия социалистов-революционеров (эсеры) 343–345, 360, 374, 375, 422–423, 426–427, 442

Центральный комитет 344–346

Боевая организация 345–346

Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) 303, 322–323, 350, 357–358, 360, 369, 378, 442,

Большевики 376, 378, 381, 386, 389–391, 396, 399, 401, 417, 420, 422–423, 435, 445, 447

Меньшевики 373, 375, 381, 389–390, 396, 422–423, 426–427, 445–446

Центральный комитет 360, 399, 421

Выборгский районный комитет 419

Киевский комитет 351

Московский комитет 311, 315, 357–358, 368

Пермский комитет 354

Петербургский комитет 400, 417–419, 447, 449

Северный комитет 354

Союз 17 октября (октябристы) 314, 381–385, 387, 389, 404, 411

Педагогический институт (Главный педагогический институт, Петербург) 173

Первый Донской казачий полк – см. *Полки*

Пермский комитет РСДРП – см. *Партии политические, Российская социал-демократическая рабочая партия*

Пермское охранное отделение – см. *Охранные отделения*

- Петербургская военная инспекция 69
 Петербургская духовная академия 319
 Петербургская (Петроградская) судебная палата 117, 378, 384, 400–401
 Петербургский (Петроградский) военный округ – см. *Военные округа*
 Петербургский воспитательный дом – см. *Воспитательные дома*
 Петербургский комитет РСДРП – см. *Партии политические, Российская социал-демократическая рабочая партия*
 Петербургский профсоюз металлистов – см. *Профсоюзы*
 Петербургское (Петроградское) жандармское управление – см. *Жандармские управления*
 Петербургское (Петроградское) охранное отделение – см. *Охранные отделения*
 Петергофские совещания о проекте Государственной Думы 444
 Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов 422–423, 425–427, 432, 450
 Исполнительный комитет 423
 Петропавловская крепость 293, 340, 410
 Пожарное общество – см. *Общества*
 Политические группировки и союзы
 Автономисты 375, 444
 «Безобразовская» группировка 304
 Националисты 415
 Объединенное дворянство 336–337
 Съезды уполномоченных объединенных дворянских обществ 440
 Правые 372, 389
 «Придворная камарилья» 336, 410, 415
 Распутинское окружение 318–321, 401–402, 407–408, 410–412
 Русское собрание 337
 Союз борьбы за освобождение рабочего класса 350, 362
 Союз Михаила Архангела 32, 337
 Союз русского народа 32, 315, 337
 Союз суконных фабрикантов России 448
 Черносотенцы 315, 372, 377, 382, 385, 389, 404, 408, 411, 414
 Полки
 Лейб-гвардии Волынский 420
 Лейб-гвардии Гусарский 402
 Лейб-гвардии Павловский 420
 Лейб-гвардии Преображенский 300, 316
 Лейб-гвардии Семеновский 316
 Лейб-гвардии Уланский 317
 Первый Донской казачий 418
 16-й пехотный Ладожский 316
 Полоцкая коллегия [учебное заведение] 86

Путиловский завод – см. **Заводы, фабрики**
Посольская изба (по «Государственной уставной грамоте Российской империи» – проекту Н.Н. Новосильцева) 80
Почтовый департамент – см. **Департаменты**
Правительственный совет (по «Государственной уставной грамоте Российской империи» – проекту Н.Н. Новосильцева) 80
Преображенский полк – см. **Полки**
Приказ тайных дел 163
Приходские училища – см. **Синод**
Прогрессивный блок – см. **Фракции (в Государственных Думах)**
Прогрессисты – см. **Фракции (в Государственных Думах)**
Профсоюзы
 Петербургский профсоюз металлистов 359
Путей сообщения ведомство – см. **Ведомства**

Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) – см. **Партии политические**
Российский государственный гуманитарный университет 38
Румянцево-Сильвестровская суконная фабрика – см. **Заводы, фабрики** 448
Русское историческое общество – см. **Общества**
Русский музей 292
Русское агентство в Хиве и Бухаре 134
Русское собрание – см. **Политические группировки и союзы**
Русско-французский банк – см. **Банки**

Саратовская казенная палата – см. **Казенная палата**
Саровская пустынь 303
Сахалинская каторга 340; см. также **Тюрьмы политические**
Северный комитет РСДРП – см. **Партии политические, Российская социал-демократическая рабочая партия**
Секретная следственная комиссия, высочайше учрежденная в Петербургской крепости над злоумышленниками – см. **Верховная военно-следственная (военно-судная) комиссия**
Сельский сход 339
Семеновский завод – см. **Заводы, фабрики**
Семеновский полк – см. **Полки**
Сенат (Правительствующий Сенат) 28–29, 32, 50, 66–70, 76–77, 79, 92, 95, 107, 113–114, 116, 120–121, 124, 130–131, 135–137, 140, 142–147, 150–151, 154, 161, 169, 206, 209, 221–223, 225–229, 231, 234, 241, 254–255, 274, 328, 333–334, 430, 444, 447
 Генерал-прокурор, канцелярия генерал-прокурора 135
 Герольдия 139, 141–142
 Архив Герольдии 140

Герольдмейстерская контора 139
 Департамент герольдии 140, 142, 255
 Казначейские экспедиции 222
 Комиссия прошений 124, 137
 Контора генерал-рекетмейстера 124
 Канцелярия рекетмейстерских дел 137
 Кассационные департаменты 340
 Межевая канцелярия 139
 Межевая экспедиция 139
 Межевой департамент 139, 141–142
 Общее собрание петербургских департаментов (Первое и Второе собрания) 142
 Особое присутствие 384, 442
 Первый департамент 131, 139, 141–142, 161, 272
 Второй департамент 138, 141–142
 Третий департамент 138, 141–142
 Четвертый департамент 138–139, 141–142
 Пятый департамент 138–139, 141–142
 Шестой департамент 139
 Седьмой департамент 139
 Восьмой департамент 139
 Девятый (гражданский) департамент (Варшава) 140
 Десятый (уголовный) департамент (Варшава) 140
 Сенатское казначейство 139
 Типография 139
 Хозяйственный комитет 139
 Экспедиция государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства 202, 222–223
 Архивы

Разрядный 139
 Старых дел 139
 Вотчинный 139
 Сенатский 139

Сенат (по «Государственной уставной грамоте Российской империи – проекту Н.Н. Новосильцева») 80

Сенат правительствующий и Сенат судебный (по проекту Комитета 6 декабря 1826 г.) 209

Сенат правительствующий и Сенат судебный, Верховный уголовный суд и Верховный совестный суд (по проекту М.М. Сперанского) 145, 147

Сибирская железная дорога – см. *Железные дороги*

Сибирский комитет – см. *Комитеты*

Синод (Святейший Правительствующий Синод) 29, 32, 50–51, 57, 120, 125, 148, 151, 153–158, 160–162, 165, 174, 215, 234, 236, 241, 256–257, 271, 293, 303, 314, 333, 342, 371, 419, 441, 449–450

- Белорусско-Литовская синодальная контора 156
 Греко-имеретинская синодальная контора 151
 Московская синодальная контора 151
 Комиссия для свидетельства и рассмотрения сочиненных
 и переводных книг до церкви и учения церковного касав-
 шихся 160
 Духовно-учебное управление 157
 Канцелярия обер-прокурора 156–157
 Комитет 29 ноября 1807 года (проект реформ духовно-учебных
 заведений и содержания церковного причта) 152
 Комитет для высшего надзора за направлением произведений на-
 шего книгопечатания, в пропуске которых участвует духовная
 цензура 161
 Комиссия духовных училищ 153, 156–157
 Отделение духовных дел греко-российского исповедания (от-
 деление духовных дел православного вероисповедания) 154,
 156–157
 Отделение духовных дел греко-униатского вероисповедания
 156
 Хозяйственный комитет (хозяйственное управление) 156–157
 Викариатства 158
 Духовные семинарии 158, 342
 Духовные академии 158, 342
 Духовные правления 157
 Епархии 157–158
 Консистории 157
 Лавры 158
 Молитвенные дома 158
 Монастыри 157–158
 Приходские училища 158, 342
 Уездные училища 158, 342
 Соборы 157–158
 Церкви 157–158
 Часовни 158–158
Смо́льный институт [благородных девиц] 319
Соборы – см. *Синод*
Собственная его императорского величества канцелярия 28–29,
 56–57, 82, 110, 120, 124–125, 129, 137–138, 163–167, 172, 199, 219, 241,
 255, 258, 260, 267
 I Отделение 50, 84, 96, 106, 164–168, 219
 Инспекторский департамент гражданского ведомства 117, 140,
 166–167
 Комитет призрения заслуженных гражданских чиновни-
 ков 167

- II Отделение 50, 79, 118, 124, 133, 159, 165, 172–175, 177–179, 181, 190, 198, 204, 219, 258, 272
 Рекрутский комитет 181
- III Отделение 36, 50, 53, 57, 62–63, 72, 85, 90, 117, 119, 143–144, 149–150, 159, 165, 167, 183–199, 216–217, 219, 260–262, 347, 349, 442
 Первая экспедиция «Наблюдение за общим мнением и народным духом» 186
 Вторая экспедиция 186
 Третья экспедиция 186
 Четвертая экспедиция 186
 Пятая экспедиция 186
- IV Отделение 165, 199, 220
- V Отделение 57, 165, 202–205, 211, 220, 265
 Комиссия для рассмотрения ревизии государственных крестьян 203
- VI Отделение 165, 205–206, 220
- Собрание русских фабрично–заводских рабочих г. Санкт–Петербурга** 305
- Совет государственной обороны** 300, 341
- Совет государя** (предполагаемый) 79
- Совет министров** 28, 32, 39, 76, 108, 133–134, 162, 209, 242, 254, 274–275, 281, 291, 312, 314, 321, 332, 335–336, 341, 346, 352, 364, 366, 368, 370, 372, 375, 377, 390, 392, 397, 399, 404, 408–409, 411, 413, 417, 419, 422, 424–425, 430, 434, 444
- Совет объединенного дворянства** 32, 336–337, 440
- Совет при Высочайшем дворе** 70, 77, 120–121
- Советы** (рабочих, солдатских, крестьянских) **депутатов** 16, 314
- Сохранные казны** 201, 264
- Социал–демократическая рабочая фракция** – см. **Фракции**
- Социал–демократическая фракция** (в Государственных думах) – см. **Фракции**
- Союз борьбы за освобождение рабочего класса** – см. **Политические группировки и союзы**
- Союз Михаила Архангела** – см. **Политические группировки и союзы**
- Союз русского народа** – см. **Политические группировки и союзы**
- Союз 17 октября** – см. **Партии политические**
- Союз суконных фабрикантов России** – см. **Политические группировки и союзы** **Союз писателей СССР** 14
- Ссудные казны** 201, 264
- Ставка Верховного главнокомандующего** 396–398, 403, 406–407, 411–412, 415, 417, 419, 423–424, 429–431, 448
- Статс–секретариат** (при Екатерине II) 163

Судебные палаты 340

Казанская 354

Съезды уполномоченных объединенных дворянских обществ – см.

Политические группировки и союзы

Тайная канцелярия – см. *Канцелярии*

Тайная экспедиция 83, 181, 182, 221, 260

Тайный следственный комитет 256

Тайный совет или Кабинет (проект Д.А. Гурьева) 130–131

Тамбовское жандармское управление – см. *Жандармские управления*

Театры

Александринский 292

Большой 292

Малый 292

Мариинский 292

Михайловский 292

Трудовая группа – см. *Фракции*

Тюрьмы политические

Военная пересыльная (Петроград) 420

Женская (Петроград) 420

«Кресты» 420

Нерчинская каторга 340

Петропавловская крепость 340

Алексеевский рavelин 185

Сахалинская каторга 340

Суздальский Спасо-Ефимьевский монастырь 185–186

Шварцгольмский дом (Финляндия) 186

Шлиссельбургская крепость 185, 197, 340

См. также *Централы*

Удельные конторы 159

Уездные училища – см. *Синод*

Уланский императорский полк – см. *Полки*

Умеренно-правых фракция – см. *Фракции* 384

Управление военно-учебными заведениями – см. *Министерства, Военное министерство* 301

Управление дворцового коменданта 292

Учредительное собрание 307, 427

Флоты

Балтийский 429

Черноморский 311, 390, 446

Фракции (в Государственных думах)

Автономисты 375, 444

Конституционные демократы 369–370, 373–376, 379, 382–383, 386, 389, 404–405

Народные социалисты 374
Националисты 381–382, 389
Октябристы 381–385, 387, 389–390, 392–393, 404
Правые 374, 377, 381–385, 389, 392–393
Прогрессивный блок 337, 393, 405–406, 409, 413–415, 422, 448
Прогрессисты 382, 389, 404
Социал-демократическая рабочая фракция 390, 396, 399, 404, 447
Социал-демократическая фракция 32, 359, 373–376, 378–379,
382, 384–387, 389, 391–393, 396, 445–446
Социалисты-революционеры 374
Трудовая группа 369, 373–375, 379, 382, 389, 392
Умеренно-правые 384

Фронты

Западный 397
Северо-Западный 396
Северный 424, 428
Юго-Западный 396, 407, 424

Харьковский военно-промышленный комитет – см. *Военно-промышленные комитеты*

Царскосельский лицей – см. *Лицеи*

Цензурный комитет – см. *Комитеты*

Центральный военно-промышленный комитет – см. *Военно-промышленные комитеты*

Центральный государственный архив военно-морского флота СССР – см. *Архивы*

Центральный государственный архив Октябрьской революции – см. *Архивы*

Центральный государственный военно-исторический архив СССР – см. *Архивы*

Центральный государственный исторический архив СССР – см. *Архивы*

Центральный комитет РСДРП – см. *Партии политические, Российская социал-демократическая рабочая партия*

Централы

Новоборисоглебский 340
Новобелгородский 340
Александровский 340
Орловский 341, 441

Церкви – см. *Синод*

Часовни – см. *Синод*

Черноморский флот – см. *Флоты*

Черносотенцы – см. *Политические группировки и союзы*

Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц 33, 42

Школа практического земледелия (Павловск) 222
16-й пехотный Ладожский полк – см. *Полки*

Экспедиция государственного хозяйства – см. *Сенат*
Эрмитаж 13–14, 292

Юридическое общество при Санкт-Петербургском университете 176
Юридическое общество – см. *Московское Юридическое общество*
Юрьевский университет 370

В.А. Муравьев

Николай Петрович Ерешкин и его труды по истории российского самодержавия	5
<i>Примечания</i>	38
Крепостническое самодержавие и его политические институты	43
<i>Введение</i>	45
<i>Глава 1</i>	
Особенности крепостнической монархии первой половины XIX в. ...	64
<i>Глава 2</i>	
Дворянская дореформенная бюрократия	95
<i>Глава 3</i>	
Высшие органы крепостнического государства	120
Законодательный механизм абсолютизма	120
Высшая администрация и правительственный кабинет самодержавия	127
Высший суд и надзор за феодально-крепостнической законностью	135
Ведомство русской православной церкви в самодержавном крепостническом государстве	151
<i>Глава 4</i>	
Место Собственной е. и. в. канцелярии в государственности первой половины XIX в. Бюрократический централизм и его порождения ..	163
Вершина централизации дореформенной России	163
Кодификация законов – одно из средств укрепления фео- дально-крепостнического строя. Кодификационные органы ..	168
Политический сыск как важнейшая функция высшей крепостнической государственности	181
Элементы социальной демагогии крепостнической России. Царская благотворительность и ее органы	199
Реформа государственной деревни; преобразование управления Кавказом	201
Поиски путей оперативности действий государственного аппарата. Высшие комитеты второй четверти XIX в.	206
<i>Глава 5</i>	
Становление министерского начала в дореформенном центральном управлении. Возникновение ведомств	221
<i>Заключение</i>	240
<i>Примечания</i>	244

Законодательный механизм России периода буржуазных реформ 60–70-х годов XIX века	269
<i>Примечания</i>	281
Самодержавие накануне краха	283
<i>Введение</i>	285
<i>Глава 1</i> «Хозяин земли русской»	287
<i>Глава 2</i> Паутина	324
<i>Глава 3</i> Россия под надзором	343
<i>Глава 4</i> В российском парламенте	364
<i>Глава 5</i> Крах	394
<i>Заключение</i>	433
<i>Примечания</i>	436
<i>Указатель имен</i>	451
<i>Указатель упоминаемых учреждений, общественных организаций, политических партий, общественно-политических группировок</i> ..	474

Ерошкин Н.П.
Е78 Российское самодержавие. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т,
2006. 495 с.
ISBN 5-7281-0937-3

Книга состоит из трех работ известного историка Н.П. Ерошкина (1920–1988), наиболее полно и цельно раскрывающих его взгляд на российское самодержавие XIX – начала XX вв. – «Крепостническое самодержавие и его политические институты», «Законодательный механизм России периода буржуазных реформ 60–70-х годов XIX в.» и «Самодержавие накануне краха».

Издание этих трудов носит не только историографический характер, они достойно представляют научное направление, сложившееся в Историко-архивном институте РГГУ, 75-летие которого отмечается в 2006 г.

Для студентов, преподавателей и всех интересующихся историей России.

УДК 930.85
ББК 62.3(2)

Научное издание

Николай Петрович *Ерошкин*

Российское самодержавие

Редактор О.Б. Константинова	ИД № 05992, выд. 05.10.01. Подписано в печать 30.06.2006. Формат 60х90 ¹ / ₁₆ .
Художественный редактор М.К. Гуров	Усл. печ. л. 31,0. Уч.-изд. л. 29,0. Тираж 1000 экз. Заказ 3950
Корректоры Н.П. Гаврикова, Т.М. Козлова	
Технический редактор Г.П. Каренина	Издательский центр РГГУ 125267 Москва, Миусская пл., 6 Тел. (495) 973-4200
Компьютерная верстка Е.Б. Рагузина	Отпечатано в ППП «Типография “Наука”» 121099 Москва, Шубинский пер., 6